

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Жан-Жак Руссо
Франсуа Пети де Ла Круа

Французская литературная сказка XVII – XVIII вв.

В сборник, представляющий интересный и самобытный жанр французской литературы, вошли произведения Ш. Перо, М. д'Онуа, А. Гамильтона и других авторов.

Столетняя история французской литературной сказки опрокидывает ходячие представления о классицизме и Просвещении как об эпохах сугубо рациональных, чуждых вымыслу, игре воображения. «Фантастические» и «правдоподобные» произведения не боролись друг с другом, а взаимодействовали и взаимообогащались. Сказка раскрепостила культуру, открыла перед прозой и поэзией новые повествовательные возможности, подспудно подготовила приход романтизма.

v 1.0 – OCR Busya

Французская литературная сказка XVII–XVIII вв
Судьбы французской сказки

Время появления многих литературных жанров можно назвать лишь приблизительно, но вот дата рождения французской литературной сказки известна совершенно точно – 300 лет назад, в 1690 году, вышла «История Иполита, графа Дугласа», написанная Мари-Катрин Лежюмель де Барневиль, графиней д'Онуа. Это был самый обычный авантюрный любовный роман – такие тогда (и всегда) печатались десятками, – рассказывающий о двух влюбленных, борющихся с вечно разлучающей их судьбой. Но вместо привычных вставных новелл герой решил рассказать сказку о «русском князе Адольфе», попавшем к фее на зачарованный остров Блаженства, в страну любви и вечной молодости. Конечно, юный Иполит не изобрел ничего нового: сказки любили не только в деревнях (еще в 1548 году Ноэль дю Файль в «Сельских шуточных беседах» описывал, как внимательно крестьяне слушают волшебные истории), но и в столице. О них упоминается в одной из комедий Корнеля, в сатирах Буало (на склоне лет он тоже отдал дань всеобщему увлечению); во «Власти басен» Лафонтен признавался, что с удовольствием послушал бы «Ослиную Шкуру». Ими увлекались Людовик XIV и его приближенные; министр финансов, всесильный Кольбер, даже написал одну сказку. Была и своя придворная сказочница, жена государственного советника Лекама де Мельсон. На празднествах в Версале показывались грандиозные представления-феерии, разыгрывались балеты на сказочные темы. Оперные спектакли – мода на них пришла из Италии в середине XVII века, – использовали фантастические сюжеты и поражавшие зрителей «волшебной» машинерией, также предлагали сочинителям сказок уже готовые декорации, элементы действия. И те охотно пользовались ими, описывая чудесные замки и дворцы, быт фей.

Близость сказки к театру хорошо осознавали не только авторы литературных сказок конца XVII–XVIII веков (так, герои галантной волшебной повести шевалье де Ла Морльера «Ангола», 1746, с удовольствием смотрят в театре зеркальное отражение собственной истории – маленькую пьесу «во вкусе сказок о феях», рассказывающую о пробуждении любви в юных сердцах), но и те, кто задолго до них слушал и сочинял чудесные истории. Госпожа де Севинье в письме к мадемуазель де Монпансье от 30 октября 1656 года развлекает принцессу крови историей в стихах и прозе о девице, превращенной за безбожие в тросточку, – «не сказкой матушки Гусыни, но весьма на нее похожей». А в письме к дочери от 6 августа 1677 года она не без иронии описывает новомодные придворные развлечения – светские дамы без устали слушают волшебные сказки – и пересказывает одну из них: прекрасная принцесса живет на стеклянном острове, окруженная непрестанными заботами фей, разъезжает со своим возлюбленным, принцем Наслаждением, в хрустальном шаре, и при виде их, шуточно замечает маркиза, оставалось только петь хвалебную арию из популярной оперы.

Этот интерес знати к простонародным историям кажется удивительным, парадоксальным. Но XVII столетие создало во Франции специфический тип культуры, во многом сохранившийся и в последующие века. Средоточием ее был салон, порождавший особый литературный быт, со своим языком, изящным, галантным и ироничным, со своими правилами поведения, литературными масками и именами. Заправляли салонами женщины, в этом было их общественное

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
призвание – создавать среду, тонко воспринимающую и оценивающую произведения культуры и порождающую новые. Женщины превращали свою повседневную жизнь в произведение искусства, как госпожа де Севинье, описавшая ее в сотнях, тысячах писем – как раз в то время, когда письма начали появляться внутри больших романов, а затем превратились в отдельный жанр – эпистолярный роман («Португальские письма» Гийерага, 1669, – один из первых и наиболее ярких его образцов). Не менее важной, чем беседа в письмах, была устная беседа – квинтэссенция салонной культуры. Законы этого искусства: подбор гостей, числом от шести до восьми, правила ведения спора, в котором главное не приблизиться к истине, а блеснуть отточенной игрой ума, умение хозяйки дирижировать беседой, как оркестром, меняя темы и звучание речей, – свято блюлись еще и в нашем веке. [1] Литературным аналогом его стал диалог, философский и сатирический.

Традиция диалога, как и многих других жанров, шла из античности, но XVII век активно возрождал их, дабы не только следовать древним, но и вступить в творческое состязание с ними. Корнель и Расин создали образцы французской Трагедии, Мольер – комедии, Лафонтен возродил басню, Ларошфуко – афоризмы и максимы. Лабрюйер, продолжив «Характеры» Теофраста, перевел в моралистический план активно разрабатывающийся в романах и мемуарах тех лет, в салонных играх жанр литературного портрета, сыгравший значительную роль в становлении принципов психологического анализа.

Салоны культивировали малые, «несерьезные» жанры, те, что могли предоставить приятное совместное времяпрепровождение избранному обществу, – легкую поэзию (эпиграмма, мадригал, послание, стихотворная новелла и др.), драматические пословицы, сказки. Последние по природе своей ориентированы на устный рассказ, на импровизацию, они предоставляют широкий простор фантазии при достаточно ясном сюжетном каноне, то есть становятся почти идеальным жанром для салонного литературного досуга.

В 1690–1695 годах сказки рассказываются едва ли не во всех светских обществах (как это описывает Леритье де Виландон во вступлении к сказке «Мармуазан», 1695), особой популярностью пользуются салоны писательниц д'Онуа и Комон де ла Форс, которые посещали и принцы крови, и литераторы. Но когда в конце века сказки начали активно издаваться, мода на устные рассказы стала ослабевать. Теперь уже литература имитирует ситуацию салонных бесед в обрамлении сборников сказок – пародийных («Новый мещанин во дворянстве» г-жи д'Онуа, 1698) или серьезных («Ужины в тесном кругу лета 1699, или Галантные приключения, в коих рассказывается о происхождении фей» Катрин Бедасье, 1702). С 1704 по 1750 год блистал литературный салон герцогини дю Мэн, у которой частенько гостил Вольтер (сочинения завсегда даев составили сборники «Развлечения в Со», вышедшие в 1712 и 1715 гг.). В 1740 – 1750-е годы приобрела известность развеселая «Нескромная академия, или Общество края скамьи», где председательствовала актриса Жанна-Франсуаза Кино дю Френ. Известные писатели: Клод Проспер Жолио де Кребийон, граф Анн Клод Филипп де Келюс, Шарль Пино Дюкло, аббат Клод Анри де Вуазенон, Пьер Карле де Мариво, Франсуа Огюст Паради де Монкриф, Пьер Клод Нивель де Ла Шоссе, к которым позднее присоединились философы: Жан-Жак Руссо, Дени Дидро, Жан ле Рон д'Аламбер, Фредерик-Мельхиор Гримм, русский посол князь Голицын – расплачивались волшебными историями за обеды. В конце года рассказы собирались и публиковались отдельной книгой: «Подарки к Иванову дню» (1742), «Сборник этих господ» (1745).

Разумеется, все художественные произведения в большей или меньшей степени вымышлены. Как остроумно заметил советский литературовед Ю. М. Лотман, представителю инопланетной цивилизации было бы очень трудно объяснить, для чего землянам нужно огромное количество текстов о событиях, заведомо никогда не имевших места. Но сказка – жанр по определению фантастический – настолько противоречил рационалистической эстетике классицизма, заботящейся о правдоподобию, что заставил культуру открыть для себя понятие литературности. При этом сказка, превратившись в 1690-е годы благодаря госпоже д'Онуа и ее последователям в автономный жанр, была вынуждена с большим трудом завоевывать права литературного гражданства. Волшебные сюжеты встречались и раньше, в самых разных произведениях: в лэ (стихотворных новеллах) Марии Французской (XII в.), в средневековых сборниках «примеров» для духовных поучений, в поэмах Тассо, Боярдо, Ариосто, в «Приятных ночах» Стрпаролы и «Пентамероне» Базиле (XVI в.). Но даже в тех случаях, когда они почти ничем не отличались от более поздних литературных сказок (как прозаическая новелла Бонавентуры Деперье «Ослиная Шура», 1558, или стихотворная – Лафонтена «О собачке, которая разбрасывала драгоценности», 1671) и назывались тем же самым словом «conte» (рассказ, сказка), они воспринимались еще в ином контексте – забавных историй, легкой

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
поэзии. Чисто сказочная традиция большую часть XVII века существовала либо в низкой «лубочной» литературе (так, сказки печатались в дешевых выпусках «Голубой библиотеки», издававшейся в Труа), либо в виде устных рассказов – в деревне, в детской, на кухне [2] или в салоне – но равно не предназначенных для публикации. Интерес к народной культуре как полноценному эстетическому явлению возник только вместе с романтизмом, а профессионально собирать и записывать сказки во Франции начали позднее, чем в других странах Европы, – только в 1870-е годы.

После 1690 года подспудная тенденция вышла на поверхность. Академик Шарль Перро публикует три стихотворные сказки: «Маркиза де Салюс, или Терпение Гризельды» (1691; эту «новеллу» он даже предварительно прочел на заседании Академии), «Смехотворные желания» и «Ослиная Шкура» (1693), объединяет их в сборник (1694), но читатели еще не отделяют их от традиции новелл Лафонтена. В 1695 году Перро подносит от имени своего сына Пьера Дарманкура рукопись пяти прозаических сказок племяннице Людовика XV, Елизавете-Шарлотте Орлеанской, а его собственная племянница Мари-Жанна Леритье де Виландон включает три сказки в сборник «Смешанные произведения» (написанные в стихах и прозе). В 1696 году вставляет две сказки в роман «Инесса Кордовская» Катрин Бернар; журнал «Меркюр Галан» печатает «Спящую красавицу». Решительный перелом наступает в 1697 году, когда появляются «Истории, или Сказки былых времен» Шарля Перро (8 сказок) – опять-таки приписанные сыну; «Волшебные сказки» (4 тома) графини д'Онуа; «Сказки сказок» (2 тома) Шарлотты Розы Комон де ла Форс. В 1698 году выходят в свет «Новые сказки, или Модные феи» (4 тома) д'Онуа, «Волшебные сказки» и «Новые волшебные сказки» Анриетты Жули де Кастельно, графини де Мюра, «Знаменитые феи» шевалье де Майи, «Сказки не хуже прочих» Жана де Прешака, «История Мелюзины» Поля-Франсуа Нодо. Но почти все эти книги вышли анонимно, на титульных листах значилось: госпожа де ***, мадемуазель де ***, графиня де ***, господин де *** – аристократам неудобно было признаваться в авторстве столь «несерьезных» произведений.

Появление сказок в печати сразу вызвало нападки: Никола Буало написал эпиграмму (1693) на «Ослиную Шкуру» Перро, упрекая ее в «образцовой скучности»; Дюфрени да ла Ривьер спародировал в комедии «Феи, или Сказки матушки Гусыни» (1697) избитые волшебные мотивы, обращение к «низкой», народной культуре, разговорному стилю; его поддержал Данкур комедией «Феи» (1699). Полемический трактат «Беседы о волшебных сказках и других нынешних сочинениях, призванные уберечь от дурного вкуса» (1699) выпустил аббат Пьер де Вилье.

Авторы выступили в защиту избранного ими жанра в предуведомлениях, посвящениях и посланиях. Для обретения прав литературного «гражданства» сказке надо было найти хорошую родословную: д'Онуа ссылалась на восточную традицию, Леритье – на произведения трубадуров, Перро обращался к античности, но при этом доказывал, что «сказки, сочиненные нашими предками для своих детей», хотя и менее изящны, но зато более нравственны. Для маститого академика новый жанр – очередной аргумент в споре о древних и новых, доказывающий превосходство национальной культуры. Он предлагал черпать волшебные элементы из фольклора, отказаться от античной мифологии, осмеянной им в «Параллели между древними и новыми» (1688–1697).

Прозаические сказки Перро, в отличие от изящно-ироничных стихотворных, действительно близки народной традиции, они написаны чуть-чуть стилизованным архаичным языком, в них возрождаются древние мифологические мотивы. Д'Онуа в некоторых сказках («Златокудрая красавица», «Принцесса Розетта», «Добрая мышка») также имитирует «благородную простоту» фольклорного повествования. Но большая часть сказок конца XVII – начала XVIII века выдержана в иной, «литературной» стилистике – той же, что и романы того времени. И хотя добрая половина их написана на фольклорные сюжеты, [3] непосредственным источником их зачастую оказываются сборники Страпаролы и Базиле. Поэтому приходится осторожно относиться к заверениям писателей, что они лишь «вышлели по народной канве». Так, хотя Леритье де Виландон утверждает в послесловии к сказке «Ловкая принцесса», что ей сотни раз рассказывала ее гувернантка, сюжет заимствован из «Пентамерона» Базиле.

Ссылки на моральность, полезность сказок для воспитания детей постоянно возникают в конце XVIII века – жанр отстаивает свое общественное предназначение. Лишь в XVIII столетии, когда существенно изменились и сказки и их аудитория, аббат Прево в предисловии к сборнику Катрин Линто «Три новые волшебные сказки» (1735) смог защитить право «приятных вымыслов» на существование их безвредностью, а Маргарита Любер – заявить, что они призваны развлекать, а не наставлять («Сухой и черный», 1743, предисловие). В 1690-е годы сказка еще частенько пытается выдать себя за более древний и признанно «полезный» жанр – басню. Очень многие произведения получают

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
стихотворную мораль, а то и две. Дидактическая установка может целиком подчинить своим задачам сказочный сюжет, трансформировать его. Таковы 36 «Басен», созданных в конце века архиепископом Франсуа де Салиньяком де ла Мот Фенелоном для воспитания дофина, герцога Бургундского (опубликованы в 1718). В XVIII веке эту традицию наиболее последовательно развивали Франсуа Огюстен Паради де Монкриф, автор «Опыта о необходимости и способах нравиться» (1736), первая часть которого – морально-педагогический трактат, а вторая – волшебные сказки, иллюстрирующие выдвинутые положения, и Мари Лепренс де Бомон, написавшая четырехтомные «Журнал для девочек» (1758) и «Журнал для юных девиц» (1760). В этих «беседах мудрой гувернантки со своими воспитанницами из благородных семей» (Лепренс де Бомон после постигших ее бед приходилось зарабатывать на жизнь уроками) девочки учатся закону божьему, географии, истории, словесности, а также «выслушивают наставления и поучительные сказки для полезного увеселения». Чаще всего в дидактических сказках используется сюжет о братьях или сестрах, один из которых воспитан в бедности (в деревне, в добродетели), а другой – в богатстве (в городе, в пороке). Начавшись, видимо, в басне Лафонтена «Воспитание» (1678), он постоянно разрабатывается в XVII–XVIII веках, переходит из сказок в романы (П.-Ж.-Б. Нугаре, «Совращенная крестьянка», 1777; маркиз де Сад, «Превратности добродетели», 1787). С ним часто переплетаются сходные сюжеты, доказывающие, что из даров фей предпочтительнее выбирать ум, а не красоту («Рике с хохолком» Катрин Бернар и Шарля Перро, «Тернинка» Антуана Гамильтона и многие другие), что хорошее воспитание предпочтительнее выдающихся способностей («Дары фей» Монкрифа), что низкий удел приносит счастье, а высокий – горести («История флоризы» Фенелона). Нравоучительные сказки сближаются с романом воспитания, утопическими произведениями. Герои переносятся в волшебные страны, где инверсированы привычные законы существования («Путешествие на остров наслаждений» Фенелона, «Остров свободы» Монкрифа, «Остров рабов» Лепренс де Бомон), и понимают необходимость улучшить свой характер, привычки, государственное устройство. Авторы как бы ставят философские эксперименты, проверяя поведение человека в парадоксальных ситуациях, выясняя возможность других форм общественной жизни. Но даже в баснях нравоучительный вывод зачастую противоречит сюжету. Многие авторы литературных сказок сознательно обыгрывали подобное несоответствие, превращали его в конструктивный принцип. Их произведения строятся на последовательном столкновении «взрослой» и «детской» интерпретации событий, галантной и дидактической, фольклорного сюжета и литературных ситуаций, волшебных событий и бытовых реалий. Так, Мальчик с пальчик у Перро, надев семимильные сапоги, носит почту на войну: богатеет на посланиях дам к возлюбленным и разоряется на письмах к мужьям. Мотив ритуального проглатывания тотемным животным превращается в любовный поединок: «Красная Шапочка разделась и легла в постель, но тут ее немало удивило, каков у бабушки вид, когда она раздета. Она сказала: «Бабушка, какие у вас большие руки!» – «Это чтобы лучше тебя обнимать, внучка!». Стихотворная мораль подчеркивает двойственность сюжета, придает ему фривольный смысл: сначала говорится, что дети не должны слушать чужих людей, а то их сожрет волк, а потом – что сладкоречивые волки всех опаснее для девиц. Морали нередко оспаривают рассказанную историю: какая женщина будет спать сто лет, ожидая мужа («Спящая красавица»), противоречат друг другу – первый вывод из «Золушки»: скромность – лучшая из добродетелей, второй: без влиятельных знакомств (помощь феи-крестной) в свете не пробиться. И поэтому закономерно, что сказка, в процессе своего развития все дальше удаляясь от басни, заменила мораль на парадоксальное предсказание судьбы героев. Волшебный сюжет превращается в разгадывание, решение задачи: как увидеться принцессе с принцем, чей взгляд смертелен, как встретиться с ним... на его могиле («Принц Аквамарин» Луизы Левек, 1722). Такой тип сказок особенно характерен для середины XVIII века, когда появляются произведения, созданные на пари, по заранее оговоренным условиям («Палисандр и Зирфила» Шарля Пино Дюкло, 1744; «Королева-причудница» Жан-Жака Руссо, 1758). Сказки сближаются с популярными в ту пору «драматическими пословицами», где зрители должны были угадать, какое изречение положено в основу пьесы. В фантастических романтических произведениях, в отличие от сказочных, волшебное и рациональное объяснение описываемых событий равноправны, они взаимоисключают и дополняют друг друга. Сказочные истории, не могущие претендовать на достоверность (хотя г-жа Мюра и доказывала необходимость «правдоподобного» изображения вымысла – то есть в соответствии с литературным этикетом эпохи), стремятся создать подобную двуплановость иными средствами: либо ироничной галантной игрой, либо указанием на сокрытый тайный смысл. В этом случае они превращаются в аллегории, книги «с ключом».

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
Наиболее простой путь – изображать в волшебных декорациях короля и его придворных: льстиво прославлять Людовика XIV, как это делал Прешак («Несравненный», 1698), высмеивать Людовика XV, как Кребийон («Любовные приключения Зеокинизюля, короля кофиранов», 1746), рискуя поплатиться ссылкой или тюрьмой, превозносить, как Годар д'Окур («Любимый, аллегория», 1744), или добродушно подтрунивать, как Дидро («Нескромные сокровища», 1748). Эта традиция сохраняется до конца века: королевский цензор Никола-Жозеф Селис публикует сказку на рождение дофина – «Принц Желанный» (1782), предреволюционные события описывает анонимная сказка «Последний крик чудовища» (1782), где действует фея-заговорщица. Сказка может служить оружием не только политической, но и литературной полемики: в «Рикдене Рикдоне» (1705) Леритье аллегорически описывает культурную ситуацию, сложившуюся после выхода на французском языке сказок «1001 ночи», Дидро – спор о древних и новых. Кребийон спародировал в «Шумовке» (1734) психологическую прозу Мариво (которой сам во многом подражал), Дидро высмеял этот стиль в «Нескромных сокровищах», в ответ на что Кребийон вывел его в «Ах, какая сказка» (1751) под видом ученого-педанта. Но сказки могли обретать магический смысл, рассматриваться как зашифрованные свидетельства о связях с потусторонним миром, об алхимических таинствах – иногда вне всякой связи с авторским замыслом. В «Параллели между древними и новыми» Ш. Перро спорил с аллегорическим принципом толкования античных текстов: «Иногда можно подумать, что в таинственной тьме этих ученых аллегорий скрывается секрет философского камня», [4] а мадемуазель Леритье в эпилоге сказки «Ловкая принцесса» (1695), напротив, утверждала, что в древних сказках заключен «таинственный смысл» – не меньший, чем в баснях Эзопа. Конечно, могут вызвать скептическое недоумение включение сказок Перро в «Литературную антологию оккультизма» (1950), утверждения ряда современных исследователей, что последовательность событий в «Спящей красавице», «Ослиной Шкуре» и «Синей Бороде» воспроизводит принцип изготовления философского камня. Но такие произведения действительно создавались в XVII–XVIII веках: в сказке о животворном Черном камне из «Бретонских вечеров» (1712) Т.-С. Геллета используется сюжет из «Правдивой истории» (1610) Беральда де Вервиля, где имя каждого персонажа – анаграмма алхимической субстанции. Только при расшифровке алхимических символов обретает смысл несуразный сюжет сказки «Принцесса Лионетта и принц Кукареку» (1743) мадемуазель де Любер, где события подчиняются не логике действия, а последовательности магических операций. Сведения о духах четырех стихий (огонь – саламандры, воздух – сильфы, вода – ундины, земля – гномы), о способах сношения с ними сказочники черпали из книги аббата Никола Монфокона де Виллара «Граф Габалис» (1670), по преданию убитого за разглашение каббалистических тайн. [5] В ней утверждалось, что духи стремятся вступить в любовную связь с людьми, дабы обрести бессмертную душу. Этот сюжет (эротическое преследование героев феей, карликом, злым духом), часто встречающийся в сказках конца XVII века («Желтый Карлик» д'Онуа), стал ведущим в галантной повести середины XVIII века, перешел в фантастическую литературу – от «Влюбленного дьявола» (1772) Жака Казота к романтикам (Ш. Нодье, П. Мериме, Т. Готье), к «черной фантастике» XX века. Еще одна мистическая традиция, с которой взаимодействует сказка и в первую очередь сказочные романы о правильном воспитании принца («История принца Тити» Темисселя де Сент-Иасента, 1736; «Кливан, король Бунго» Лепренс де Бомон, 1759) – аллегорические романы воспитания («Путешествие Кира» А.-М. Рамсея, 1727; «Сет» аббата Террасона, 1731), сюжеты которых воспроизводят этапы масонской инициации (эта символика сохранилась и в «Вильгельме Мейстере» Гете). Главной линией развития литературной сказки было ее сближение с романом. Некогда фольклорная сказка послужила основным источником формирования рыцарского романа, предложив ему и общую структуру сюжета, и комплекс устойчивых мотивов. Композиционная модель «встреча – разлука – поиски (подвиги) – обретение» сохранилась во Франции XVII века в барочных любовно-героических романах (О. д'Юрфе, М. де Скюдери, М. де Гомбервиль, Г. де ла Кальпренед). Но во второй половине столетия эти многотомные тяжеловесные сочинения вышли из моды, их составные части: письма, портреты, афоризмы, вставные новеллы – превратились в самостоятельные литературные жанры. По свидетельствам и авторов и читателей, сказки воспринимались как замена прежних романов, более того – как попытка возродить дискредитировавший себя жанр через обращение к его истокам (Леритье, «Письмо г-же де Ж**», 1695). На рубеже столетий литературная сказка, едва «отпочковавшись» от романа, старалась спрятаться за его авторитет (в классицистических поэтиках роману

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org отводили место в низу жанровой иерархии, но сказки-то в них вообще не включались), использовать наработанные им художественные приемы. Создавались обранные сборники, имитирующие традиционную романную конструкцию («Дон Габриель Понс из Леона», «Дон Фернан из Толедо» д'Онуа, 1697–1698). Авторы превращали в сказки сюжеты античного («Голубь и голубка» д'Онуа, 1698) и рыцарского («Волшебник» ла Форс, 1697) романа, переносили из своих собственных авантюрных романов (их писали д'Онуа, ла Форс, Бернар, Бедасье) привычные ситуации: похищения, кораблекрушения, нападения пиратов, продажа в рабство, переодевания, подслушивания, недоразумения, нечаянные встречи. Стала постепенно усложняться и композиция: строгая линейная последовательность, свойственная фольклорным сказкам, стала разрушаться за счет введения вставных историй, рассказов о прошлом, предсказаний событий, развития действия одновременно по нескольким параллельным линиям («Волшебник, или Кольцо могущества» А. Пажона, 1745; «Восточный роман» А.-Б. де Блана, 1753). Сказка стала двигаться по тому же пути, который некогда прошли греческий и рыцарский романы.

В начале XVIII века мода на прежние сказки начала ослабевать. Жанру было трудно уравнивать разнонаправленные тенденции: победила установка на взрослых, а не детей. Ведь собственно детской аудитории, как и детской литературы, тогда практически не существовало, маленькие читали то же, что и взрослые. «Журналы» Лепренс де Бомон, адаптирующие для девочек «взрослую» литературу, – едва ли не первые попытки такого рода. Ориентация на фольклор также постепенно сошла на нет (по подсчетам французской исследовательницы Р. Робер, в 1730–1750-е гг. фольклорные сюжеты использовались лишь в 10 % сказок).

Но дважды, в начале и в середине эпохи Просвещения, новые литературные явления придавали сказке дополнительные импульсы развития. В 1704 году начал выходить предпринятый Антуаном Галланом перевод «1001 ночи» (последний, двенадцатый, том вышел уже после его смерти, в 1717 г.)... Он был неполон, приглажен, приличен, герои обряжены по парижской моде, но это лишь усилило его популярность. Во французскую литературу ворвался волшебный мир Востока. Необычайные любовные приключения изменили сказочных персонажей, в первую очередь – пассивных добродетельных героинь, пришедших из барочных романов. Немедленно появились подражания, стало популярным само название: Пети де ла Круа выпустил «Историю персидского султана и его визирей» (1707), «Тысячу и один день» (1710–1712), Т.-С. Геллет – «1001 четверть часа, татарские сказки» (1712), «Чудесные приключения мандарина Фум-Хоама, китайские сказки» (1723), «1001 час, перуанские сказки» (1733). Уже в конце века некоторые из сказок «1001 ночи», не включенные А. Галланом, перевел Ж. Казот (4 тома, 1788–1789). Вместе с восточными декорациями жанр вновь обрел столь необходимую ему двойственность, возможность «остранять» собственный мир, описывая чужой, включиться в исследование одной из магистральных проблем эпохи Просвещения: поисков «естественных», природных законов, норм поведения.

Антуан Гамильтон в «Тернинке» (1705, опублик. в 1730) хотел спародировать, как некогда Сервантес, безудержное увлечение вымышленными историями, но в итоге проложил дорогу новому жанру – ироничной сказочной повести. Стремление к литературной игре, литературному маскараду, самопародирование, в принципе характерное для салонной культуры, пришлось как нельзя кстати в эпоху расцвета рококо. Поэтому оказалось совсем не просто создать чисто пародийную сказку – она сливалась с канонами, несмотря на все усилия автора отделиться от него (как это произошло в «Королеве-причуднице» Ж.-Ж. Руссо). Целиком удалась это, пожалуй, только Ж. Казоту в «Красавице по воле случая» (опублик. в 1776) за счет введения совершенно нового персонажа, сказочного Дон-Кихота, – принца, верящего в правдивость волшебных историй, трактующего события низкой повседневной жизни по законам чуда. [6]Создание подлинного двоимирия – на уровне героя, а не читателя, втянутого автором в игру, – открывало путь к романтической идее прорыва в иной, истинный, мир, не доступный близоруким обывателям (движение к ней заметно во «Влюбленном дьяволе»).

Магистральная линия развития французской сказки сблизилась ее в 1730 – 1740-е годы с любовным психологическим романом, новые формы которого (представленные в первую очередь творениями Мариво и Кребийона) тогда только начинали завоевывать популярность. Возникла новая форма – галантная сказочная восточная повесть с определенным сюжетом, кругом действующих лиц, названием и даже выходными данными. Традиционная литературная сказка рубежа XVII–XVIII веков, отчасти сохранившаяся и позднее (в этой манере писали Луиза Левек, Катрин Линто, Маргарита Любер, Габриэль-Сюзанна Вильнев, частично – Анри Пажон и граф Анн Клод Филипп де Келюс), была гораздо более разнообразной. В отличие от фольклорной сказки, где заранее задан конец, но не начало и развитие действия, в литературной повторяющиеся элементы

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
сконцентрированы впереди: дары фей новорожденным (если их двое, то делятся ум и красота), предсказание судьбы, как правило парадоксальное, борьба доброй и злой фей, запрет брака (или общения с противоположным полом до определенного возраста), заточение в башню без дверей (или попадание в волшебный замок с невидимыми слугами). Часто встречается фольклорное утробие мотивов (испытание дарителя, волшебная помощь). Брачные испытания – выполнение трудных задач, победа над противником – ослаблены по сравнению с фольклором: любовь завоевывается не волшебством, а личными качествами. Поэтому усиливаются внешние препятствия, учащаются разлуки. Сама мотивировка действия принципиально изменилась: фольклорный, «низкий», герой побеждал змеев и великанов, чтобы жениться на принцессе и получить полцарства, литературный принц – чтобы соединиться с любимой. В сказках рубежа веков часто разрабатываются сюжеты о соперничестве падчерицы и ее сводной сестры, о кознях мачехи, о помощи благодарных животных, но наибольшая группа использует сюжеты о волшебных превращениях и метаморфозах, о чудесном супруге в облике зверя («Синяя птица», «Барашек», «Белая кошка» д'Онуа, 1697–1698; «Король Боров» Мюра, 1699; «Красавица и зверь» в обработках Г.-С. Вильнев, 1740, и Лепренс де Бомон, 1756; «Принц Семицвет», 1731, и многие другие). Он хорошо известен и в фольклоре и в литературе (история Амура и Психеи), но у писательниц того времени он получил свой, личный оттенок. У большинства из них жизнь сложилась не слишком удачно: м-ль де ла Форс король принудил уйти в монастырь, г-жа Мюра попала в немилость и покинула двор (о чем она вспоминает в сказке «Счастливая кара», 1698), д'Онуа, женщина бурной судьбы, несмотря на свою кипучую деятельность, вечно нуждалась (сетования на бедность постоянно слышатся в ее сказках). Писательство было для них не только одной из немногих доступных форм самовыражения, но и возможностью противостоять диктату мужчин. Волшебный мир позволял подправить земные законы, компенсировать свои беды, но в нем тиран-муж представлял в своем подлинном животном обличье – как страшная угроза, пугающая и манящая одновременно. В XVIII веке сюжет о волшебных превращениях соединился с пришедшей с Востока идеей метампсихоза (переселения душ) и стал использоваться как композиционная связка между разнородными историями (Ш.-Л. Монтескье, «Правдивая история», между 1720 и 1738, опубл. в 1892; Т.-С. Геллет, «Чудесные приключения мандарина Фум-Хоама», 1723; К.-А. Вуазенон, «Султан Мизапуф», 1746). В сказочных повестях метаморфоза сделалась главным испытанием и наказанием героя: феи превращали мужчин, отвергнувших их любовь, в зверей или мебель (канapé, софу, чайник). Каждое из действующих лиц сказки, как правило, превращается в свое животное: злой дух – в кота, герой – в пса, принцесса и добрая фея – в кошку и собаку, влюбленные – в птиц (хотя, конечно, встречаются и лисы, зайцы, белки и прочие существа). Французская проза 1730 – 1740-х годов открыла и начала активно разрабатывать два типа сюжета, оказавших существенное влияние на развитие романного жанра: история «антивоспитания» юного аристократа (освоение «науки страсти нежной» и последующие многочисленные любовные приключения) и карьера простолоудина, поднимающегося по ступеням социальной лестницы. Второй путь возник, хотя и редко, в волшебных сказках, но с одним существенным изменением: замарашка Золушка и судомойка Ослиная Шкура сумели выйти замуж за принца, а конюший Нуину – жениться на принцессе («Тернинка» А. Гамильтона), поскольку были на самом деле благородного происхождения (подобную уступку литературному этикету сделал и Мариво в «Жизни Марианны», 1731–1741, первом образце этого жанра). Само представление о необходимости преуспеть в жизни характерно главным образом для дидактических сказок. А сюжет «антивоспитания», напротив, вполне соответствовал галантному духу волшебных сказок и потому естественно соединился с ними. Более того, он был сперва опробован именно в сказочной восточной повести («Танзаи и Неадерне» К.-П.-Ж. Кребийона, 1734, второе, более известное название – «Шумовка»; его же «Софа», 1741) и лишь потом использован в романе («Заблуждения сердца и ума» Кребийона, 1736–1738; «Исповедь графа де****» Ш.-П. Дюкло, 1741, и десятки подражаний им). И это не случайно: фантастика расширяет и тематические, и повествовательные возможности литературы, освобождает ее от «табу».

Канон, созданный Кребийоном, почти не изменился за последующие тридцать лет, хотя каждый из продолжателей: Л. де Каюзак, Ж. Казот, Фужере де Монброн, Ш.-П. Дюкло, К.-А. Вуазенон, Ш. де Ла Морльер, Ф.-А. Шеврие и многие другие пытались внести что-то свое. Уже титульный лист втягивает читателя в шуточный волшебный мир, предлагает принять участие в литературной игре. В название вынесены обычно псевдовосточные имена героев, в подзаголовок – сказка китайская, индийская, зинзимуа, неправдоподобная, правдивая, аллегорическая, моральная. Выходные данные книги, практически всегда вымышленные (здесь сыграли роль цензурные запреты на романы и

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org повести, усилившиеся после 1737 года), дополняют подзаголовки: «В Агре с привилегией Великого Могола»; «В Зевках, у Сони, в типографии Храпуна»; «Напечатал там, где сумел»; они берут на себя функции пародийного предисловия. Далее следует либо авторское предуведомление об истории, толкование этого «священного» текста, его жанра, либо обрамление в традиции «Тысячи и одной ночи», а затем – шутливая мораль (она может быть и в конце) и краткое описание места действия – волшебной страны.

В сюжетах повестей используется несколько повествовательных блоков. Начало как в традиционных сказках: рождение героя, дары фей, предсказание судьбы, запреты, поиски подходящего жениха или невесты. Далее следует светское «обучение» юноши, освоение «искусства любви» (заимствованное из романов «антивоспитания»). Оно может занимать от двух до ста пятидесяти страниц: первое появление героя в обществе, знакомство под руководством записного щеголя с галантным языком и правилами поведения, первое любовное приключение, серия легких побед, скука, первое искреннее чувство, перевоспитание. Традиционные сказочные «брачные испытания» в повестях разыгрываются, как правило, не только в «светском», но и в «волшебном» вариантах. Завершение любовного образования юноши обычно берет на себя фея. Она же из ревности похищает героиню, занимается ее «светским воспитанием», и принцу приходится искать и освобождать любимую, после чего играется свадьба. Далее этого может последовать второй ход, но уже с переменной ролей: злой дух похищает героиню, но, не сумев склонить ее к любви, заколдовывает либо ее, либо героя, мешая их супружеской жизни. Чары развеиваются лишь после соединения героини с духом, принявшим облик мужа. Но это полная схема, а конкретные произведения отличаются и отбором, и последовательностью соединения повествовательных элементов, причем «мужской» вариант сюжета встречается чаще, чем «женский».

Борьба двух жанров – сказки и романа – проявляется и в стилистике галантных волшебных повестей, где сталкиваются целые пласты «восточной» и «французской», «светской» лексики, и в описании персонажей, их характеров, быта, нравов, и в композиции, где соперничают различные точки зрения, где события, мотивировки подчиняются противоположным логикам действия. Более того, авторы не только не старались сгладить эти противоречия, а – напротив – постоянно подчеркивали издевательскими названиями глав, введением в текст фигуры рассказчика и слушателя, обсуждающих произведения, предлагающих иные толкования событий, варианты дальнейшего развития действия. Внешняя рамочная конструкция дополнительно давила на сюжет, деформировала его. Разрушение единства повествовательного ряда, ослабление постоянно повторяющейся и потому легко предсказуемой сюжетной схемы вызвали к жизни новые типы внутренних связей между эпизодами. Наиболее характерный прием (нередко считающийся достоянием прозы XX века, но на самом деле частенько встречающийся в «игровых» произведениях эпохи Просвещения) – введение параллельно развивающейся темы (книги, театра – как в «Биби» Шеврие), которая как бы дублирует основное действие, отмечает центральные события. Общее направление развития французской прозы XVIII века – и «реалистической», и «волшебной» – определяли главным образом писатели второго ряда, создававшие жанровые каноны. Великие, те, кто прославил эпоху Просвещения, – Вольтер, Дидро, Руссо – переосмысливали устойчивые схемы, ломали их, но не могли так или иначе не использовать их в своих произведениях. Наименее ярко сказочная традиция проявилась в творчестве Руссо. Его «Королева-причудница» – пародийное соединение композиционных приемов сказочной повести и сюжета дидактической сказки, причем действие неожиданно заканчивается сразу после экспозиции (дары фей) – в тот момент, когда оно только должно было начаться. Тот же прием – обман читательского ожидания, [7]отказ от возможностей, предлагаемых жанровым канонem, – использовал и Вольтер в «Белом и черном» (1764) и «Кривом крючнике» (1747, опубл. в 1774), в какой-то степени предвосхищающем «Красавицу по воле случая» Казота. Наиболее точно соответствует сказочным схемам его стихотворная сказка «Что нравится дамам» (1763), продолжившая традиции Лафонтена и Перро. Волшебные элементы постоянно возникают в философских повестях Вольтера – в экспозиции «Принцессы Вавилонской» (1768), в «Белом быке» (1774), построенном на мотиве волшебной метаморфозы, в «Задиге» (1747), философском романе, составленном из отдельных притч.

В эти же годы, в момент наивысшей популярности сказочных повестей появился и экспериментальный философский роман Дидро «Нескромные сокровища» (1748), где также линейный сюжет создается сочетанием и взаимодействием отдельных историй (под действием чудесного кольца «сокровища» рассказывают о любовных приключениях своих хозяек). насыщая роман литературными реминисценциями, активно используя сказочную традицию, писатель превращает фривольный сюжет в исследование мира и способов его научного и художественного познания (литература, театр). Соединяя формы сказки, аллегории, утопии, путешествия,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
светского романа, сатиры, пародии, диалога, он разрабатывает и проверяет свои философские, политические, эстетические идеи, многие из которых вошли позднее в статьи «Энциклопедии» и трактаты. Таким образом, в произведениях Вольтера и Дидро получил завершение длительный цикл литературного развития: фольклорная волшебная сказка дала жизнь роману, из которого через много веков выделилась литературная сказка, в процессе эволюции вновь превратившаяся в роман.

После 1760 года литературная сказка идет на спад: число новых произведений уменьшается, в основном переиздаются старые (наибольшей популярностью пользуются по-прежнему д'Онуа и Перро), они включаются в 112-томную «Всеобщую библиотеку романов» (1775–1789), 39-томные «Вымышленные путешествия» (1787–1789). Итог столетней волшебной феерии подвел шевадьё Шарль-Жозеф де Мейер, собравший в 41-м томе «Кабинета фей» [8]. (1785–1789) большую часть сказочных произведений (за исключением галантных повестей, сочтенных им недостаточно приличными). Этот памятник сказке похоронил живую традицию. Показательно, что в последних томах был напечатан в переводе с немецкого роман К.-М. Виланда «Победа природы над мечтательностью, или Приключения дона Сильвио де Розальвы» (1764) – пародия-исследование, литературная компиляция из множества французских сказок.

Последующие века разрушили ту двойственность, на которой держалась классическая литературная сказка, они брали лишь отдельные, необходимые им элементы. Из сокращенных, сглаженных переработок произведений Ш. Перро (выбрасывались все намеки на эротику, жестокость, литературную игру) возникли чисто детские сказки. Редкий, едва ли не уникальный для этой эпохи опыт языковой игры, порождения фантастики лингвистическими средствами, предпринятый М. де Любер («Принцесса Скорлупка и принц Леденец», 1745), был возрожден в «детской» культуре после знакомства с английской литературой «нонсенса», а во «взрослой» – писателями середины XX века (в том числе драматургами «театра абсурда»). Для готического романа, фантастической повести романтиков продуктивными оказались тяга к потустороннему, нагнетание страха (садистские преступления, пытки, сожжения, детоубийства, людоедство во множестве встречаются в сказках Перро, д'Онуа, Ла Форс, Гамильтона и других), атмосфера неотвратимого приближения гибели (классический пример – «Синяя Борода»; этот прием впоследствии энергично использовался и в психологическом детективе, и в символической драме). Элементы научной фантастики, постоянно появляющиеся в сказках (например, создание людей при помощи искусственного оплодотворения отдельных яйцеклеток – «Зензоли и Беллина», 1746), подготовили почву для создания нового литературного жанра.

Столетняя история французской литературной сказки опрокидывает ходячие представления о классицизме и Просвещении как об эпохах сугубо рациональных, чуждых вымыслу, игре воображения. «Фантастические» и «правдоподобные» произведения не боролись друг с другом, а взаимодействовали и взаимообогащались. Сказка раскрепостила культуру, открыла перед прозой и поэзией новые повествовательные возможности, подспудно подготовила приход романтизма.

А. Строев

Жан де Лафонтен

[9]

О собачке, которая разбрасывала драгоценности
(из Ариосто)

[10]

К шкатулкам и к сердцам подходит ключ один.

[11]

И если сердца он не открывает –

Благоволенье все же вызывает.

Амур, любовных чар лукавый господин,

Не зря победами гордится.

И даже если пуст его колчан,

Ключ золотой, когда он в руки дан,

Поможет многого добиться.

Амур, наверно, прав. Приятны всем дары.

Неравнодушны к ним и принцы, и вельможи,

Ну и красавицы к ним благосклонны тоже.

Когда безмолвствует Венера до поры,

Влюбленный лезет вон из кожи

И злато не выходит из игры,

Да и Фемида

[12] здесь молчит, похоже.

Что делать! Это, видимо, закон.

Судья из Мантуи женился. Звался он

Ансельм. Жена его, Аржи, была красива,

Юна, свежа и сложена на диво,

А он годами был обременен.

[13]

Муж откровенной ревностью своею
Невольно сам раздул успех жены.
Из юношей никто не устоял пред нею –
Все кавалеры были влюблены.
О том, как каждый действовал из них,
Рассказывать, пожалуй, слишком долго.
Скажу лишь, что супружескому долгу
Аржи была еще вполне верна
И к вздохам покоренных холодна.
И вот как раз тогда, когда утих
Напрасный гнев судьи и в доме воцарился
Семейный мир и лад, над ними разразился
Внезапный гром: постановили власти
Надежного посла отправить в Рим.
Судья Ансельм, богатый, родовитый,
Был в городе столь высоко ценим,
Что получил почетный чин, а с ним
Приказ: отбыть немедленно – со свитой.
Он тщился уклониться от напасти:
Прелестную и юную жену
Опасно оставлять совсем одну
На неизвестный срок! Вдруг он продлится
Полгода или год? Ведь может так случиться!
В разлуке могут вырасти рога!
А честь судьи – особо дорога!
Так размышлял Ансельм, тоской томим,
Но был приказ – увы! – неумолим,
И наш судья, стремясь унять тревогу,
Перед отправкой в дальнюю дорогу
Таковую речь к супруге обратил:
– Я должен ехать. Так сам бог судил!
Знай, для меня весь мир в тебе одной;
Так будь, Аржи, мне верною женой!
Клянись! Скажу как можно откровенней:
Есть повод у меня для подозрений.
Весь этот расфуфыренный народ –
Что делает он у твоих ворот?
Ты скажешь, что никто из них успеха
Не смог достичь? Но муж – всегда помеха.
А если я уеду – что тогда?
Вдруг грянет неожиданно беда?
Дабы не рисковать семейной честью,
Прошу тебя, езжай в мое поместье
Под Мантуей, на берегу реки! [14]
Там будут дни твои приятны и легки.
Беги от суеты, от подношений,
От дьявольских любовных ухищрений!
Подарки! В них все зло! Они – туман,
Скрывающий соблазны и обман!
Ты, коль появятся красавцы-претенденты,
Знай, для чего им лесть и комплименты,
И стань, как статуя, слепой, глухой, немой!
Я все тебе даю: и замок мой,
И драгоценности, и деньги, и владенья,
Без всякого ограниченья.
Доставь себе любые развлечения,
Но при одном условии: чтобы я
Знал, что любовь хранит жена моя
Лишь для меня; чтоб, возвратясь из Рима,
Уверился, что ты непоколебима!
Бедняга муж не знал, что наложил запрет
На то, без чьих услад и развлечений нет!
Супруга поклялась торжественно и с жаром,
Что нечувствительна к мужским коварным чарам,
Что добродетель ей единственно мила
И он найдет жену такую, как была,
Что будет гнать она дарителей жестоко
И честь хранить, аки зеницу ока.
Ансельм уехал. Верная жена,
Обещанное выполняя строго,
Тотчас велела все собрать в дорогу

И отбыла в их загородный дом.
Отъездом сим весьма огорчена,
Толпа поклонников – их было много –
Ей наносить визит отправилась гуртом.
Но... их не приняли. Они ей досаждали,
Сердили, утомляли, раздражали,
Короче – все ей были немилы,
Как ни вздыхали, как ни ублажали,
И малой не снискали похвалы.
Ей не был неприятен лишь один
Золотокудрий, статный паладин,
Мечтательный, печальный и богатый.
Он был красив, и пылок, и влюблен,
Но не смягчил жестокою и он,
Хоть расточал и вздохи, и дукаты.
Однако слез и вздохов бьет родник,
Не иссякая, – он нам дан природой.
Богатство же – продукт иного рода,
И вскоре золотой фонтан поник.
Атис – так звали нашего героя –
Увидел вдруг, что разорен дотла,
Что на любовь надежда умерла,
И был в большом отчаянье, не скрою.
Решил он удалиться и в глуши
Искать забвенья для больной души.
Так, странствуя, он где-то повстречал
Крестьянина, который, всунув палку,
В норе змеиной злобно ковырял.
– Зачем? – спросил Атис. – Тебе не жалко
живую божью тварь? Пускай она
живет себе! – Ну, нет! кому нужна
Такая гадина! Я бью их без пощады! –
Ответил тот. – Оставь ее, не надо! –
Сказал Атис. Он вовсе не питал
К семейству змей такого отвращения.
Напротив: на гербе его блистал
Змей золотой; змеи изображенье
Его чеканный украшало щит:
От Кадма [15]вел свое происхождение
Старинный род его – а был он знаменит.
Крестьянина Атис смог все же увести
И жизнь змее спасти.
Уйдя от сохраненной им норы,
Он продолжал свой путь до той поры,
Покуда не набрел на лес дремучий,
Где дуб стоял ветвистый и могучий,
Где птичьи голоса глушила тишина
И речь людская не была слышна.
Там бедность с роскошью в достоинстве сравнялись,
И только волки там под вечер появлялись.
Сначала думал он, что в тихий сей приют
За ним его невзгоды не придут.
Но – нет! Ему ничуть не полегчало.
Страсть в отдалении – увы! – его терзала
Еще мучительней, настойчивей, больней,
Чем в дни, когда он мог хоть повидаться с ней,
С предметом грез своих. Он понял, что не скрыться
От горьких дум и надо возвратиться.
– Атис! – сказал он сам себе. –
Зачем противиться судьбе?
Аржи, конечно, бессердечна,
Бесчувственна, бесчеловечна,
Но дни, когда ее не слышишь ты,
ужасней, чем безмолвье глухоты;
Ее не видя, ты лишился зренья...
Тебе не вынести подобные мученья!
Ты без своих оков беспомощен и слаб.
Вернись же к ним, несчастный беглый раб! –
И он, стремясь назад, к своей неволе,
Пустился в путь, не сомневаясь боле,
В надежде робкой обрести покой.

Вдруг перед ним в златых лучах заката
Возник дворец, украшенный богато,
Воздвигнутый волшебною рукой.
И нимфа в королевском одеянье
С улыбкой неземной и ясным взглядом –
Виденье из несбыточной мечты,
Прекрасное небесное созданье –
Вдруг, как во сне, с ним оказалась рядом
И молвила: – Достоин счастья ты!
Я так хочу, Атис, а я ведь все могу!
Я – покровительница Мантуи и фея.
Меня зовут Манто. [16]прими же, не робей,
Мои дары. Я – друг и у тебя в долгу.
Знай, носит Мантуя мое издревле имя,
И камни стен ее веленьями моими
Заложены давно, в былые времена.
Мне много сотен лет, но, как любая фея,
Я жить могу века, нисколько не старея,
И делать, что хочу. Нам Парка [17]не страшна.
Мы все наделены могуществом огромным.
Приказываем мы различным силам темным,
Но – и страдания нам назначены судьбой
От смертных на земле. И на день, раз в неделю,
Утратив власть свою, – так боги повелели –
Я к людям прихожу, но – становясь змеей. [18]
Ты помнишь, спас змею ты в поле,
Когда мужлана злая воля
От палки гибель ей несла?
С тех пор дала я обещанье
Исполнить все твои желанья.
Да, той змеею я была!
Ты пламенно влюблен. Аржи – жестока.
И одному тебе страданий не избыть.
Но с помощью моей ты сможешь все купить –
Не надо длительного срока –
И бдительность судейских стражей,
И дамы благосклонность даже.
Пойдем же к ней! Швыряй и расточай
Ты драгоценности, как будто невзначай.
Не бойся. В Люциферовой пещере
Им нет конца. Они откроют двери,
Коль ты захочешь, и в ее покой.
Снабжу тебя я спутницей такой,
Которая своей волшебной властью
Аржи заставит загореться страстью.
Я обернусь собачкой и начну
Показывать забавнейшие трюки,
А ты – паломником, чья флейта тишину
Нарушит песенкой. И мы под эти звуки
Получим приглашенье и войдем,
Чтоб поразвлечь хозяйку, в этот дом.
Для чуда много времени не надо.
В собачку мигом превратилась фея,
Атис – в паломника, [19]но с голосом Орфея, [20]–
И вот они – внутри большого сада.
Собачка – ну плясать и на траве резвиться,
Выделывать немислимые па,
Атис – играть и петь. Вкруг собралась толпа –
Садовник, куча слуг – восторженные лица.
Хозяйка слышит шум. – Что там за тарарам?
Кормилица идет – и вмиг бегом оттуда.
– Сударыня, скорей! Пора взглянуть и вам!
Какая прелесть! Ах, ну – истинное чудо!
Там песик. Но какой! Такого не найти!
Он понимает все и чуть ли не читает!
А как танцует он! По воздуху летает!
Вам нужно тотчас же его приобрести!
Пусть этот пилигрим – коль жалко подарить –
Продаст его для вас! – Хоть за любую цену!
Пойду, попробую его уговорить
И раздобуду вам собачку непременно!

На просьбу нянюшки ответил пилигрим
Без околичностей и очень откровенно,
Что пса он не продаст ни за какую цену –
Он самому ему необходим.
Собачка, объяснил он, на ходу
Меня снабжает всем, что пожелаю.
Скажу лишь слово я – и тут же получаю
И драгоценности, и деньги, и еду.
Ведь он не просто пес, а песик-чудо.
Он может, дрыгнув лапкою любой,
Стряхнуть с нее рубины, изумруды
Иль бриллиант прозрачно-голубой.
А коль его иметь у госпожи стремленье
Столь сильно, что терпеть ей более невмочь,
Я песика готов отдать без сожаленья,
Но пусть она проспит со мною ночь.
Кормилицу ответ своею прямою
И дерзостью сперва привел в негодование.
– Жена посланника и – пилигрим простой!
Как можно! И какие основанья!
А если кто-нибудь узнает? Ведь – скандал! –
Но пилигрим был так хорош собой
(Атис переменял и одеянье,
И внешность так, что даже брат родной,
С ним встретившись, его был не узнал),
Что отказать ему ей не хватило духу:
Хозяин, как и пес, очаровал старуху.
Ведь шутка ли! Такой собачкой обладая,
Затмишь богатствами сокровища Китая!
Но, правда, ночь с посланницей вполне
С любой собачкою сравняется в цене!
Прости, читатель, не упомянул
Я, что Атис, ведя с кормилицей беседу,
Собачке нечто на ушко шепнул.
И тут же, улыбаясь, протянул
Старушке горсть монет, чтоб закрепить победу.
Затем хозяйке передать алмаз
Он попросил, как дань любви и восхищенья.
Проворная кормилица тотчас
За щекотливое взялася порученье.
К хозяйке неприступной в дом
Она отправилась бегом
В восторге, раже, упоенье,
Сказать ей, как любезен пилигрим,
Как он любовью к ней томим,
Про песика и про его уменье.
Рассказом изумленная сначала,
Аржи, опомнившись, разгневанно вскричала:
– Какая наглость мне такое говорить!
Откуда у тебя взялась такая прыть?
И с кем? Добро б то был мой паладин опальный,
Атис, отвергнутый, несчастный и печальный!
Он робок был и знал: я дерзких не терплю!
Я отказала бы любому королю!
– Сударыня! – Ей нянька возразила. –
Ведь у него в руках таинственная сила!
Да будь вы императора женой
Иль, более того, бессмертною богиней,
Он бы не постоял ни за какой ценой
И смог бы Вас купить! Расстаньтесь же с гордыней!
А Ваш Атис ему – и вовсе не чета!
– Но мужу я клялась! – Святая простота!
Да Ваш супруг и сам не без греха, поверьте!
Как! Жить монашенкой теперь до самой смерти,
Храня бессмысленный обет?
Кто может выдать Ваш секрет?
Кто может отличить уста,
Что всласть и вдоволь целовались,
От уст, которые сурово охранялись?
И для кого хранить сокровища любви?
Пропустишь счастья миг – потом, как ни лови, –

Пропало! Молодость одна любви достойна!

А мужа встретить Вы сумеете спокойно.

Да, с красноречием своим

На совесть нянька постаралась.

Аржи, бедняжке, только и осталось,

Что посмотреть самой, каков тот пилигрим

И какова его волшебная собачка.

Дала согласие их принять гордячка.

Она в тот час была еще в постели:

[21]

Ленивица проснулась еле-еле.

А пилигрим так подошел к алькову

И столь притом галантен был и мил,

Что нашу даму просто изумил.

Она подумала: «Ну, право слово,

Кто так умеет к женщине войти –

Не сплошь монахов на своем пути

Встречал и не одних паломников суровых!»

Собачка с ним вошла. Увидела кровать –

И ну на задних лапках танцевать,

И кланяться, и приседать так ловко,

Что привела Аржи в восторг, плутовка.

Но это было лишь начало.

Она потрянула лапкой – и упала

С нее жемчужина, затем – рубин, топаз...

Аржи с собачки не сводила глаз...

Кормилица – тотчас же на колени

И стала драгоценные каменья

Старательно и жадно собирать.

Гость поднял кольца и браслеты тоже

И начал на руки хозяйке надевать,

Хваля их белизну и нежность кожи, –

А там, глядишь, и пылко целовать.

Так незаметно время пролетало,

И вдруг – как бы неожиданно – ночь настала.

[22]

Аржи в его объятьях очутилась.

И в этот самый вождеденный миг

Вдруг чудо превращения совершилось

И пред Аржи ее Атис возник!

Она сим чудом бурно восхитилась:

Манто ее от многих мук спасла –

Теперь имело смысл обманывать посла!

Та ночь прошла, как несколько мгновений...

За ней – еще... Так длилось долгий срок.

Чем пламеннее страсть – тем откровенней;

Ее не видеть и слепой не мог.

Но ведь влюбленным не до ухищрений,

Им мысль об осторожности не впрок!

Тем временем Ансельм свои дела

Закончил наконец, и столь успешно,

Что папа щедро наградил посла,

И тот домой отправился поспешно.

Там управляющий Ансельму доложил,

Что он шпионами хозяйку окружил,

Что опросил соседей – всю округу –

И нет причин подозревать супругу.

И все же недоверчивый супруг

Сам стал допрашивать и горничных, и слуг.

Но все молчали и хранили тайну.

Однако же считают не случайно,

Что в женский спор встречается черт всегда.

И вот пришла негаданно беда:

Меж нянькой и Аржи случилась ссора.

Кормилица сочла задетой честь

И на жестокою решилась мечь:

Хоть знала, что лишится места скоро,

Измену выдала послу. Не хватит слов,

Чтоб описать, какая овладела

Им ярость. Накаленный до предела,

Ревнивец был на все, на все готов.

Он одного из слуг послал к жене в именье

С письмом, что дома он уже, но нездоров,

И ждет жену назад, под мужний кров,
Чтоб вновь ее обнять, – в великом нетерпенье.
Аржи не появилась. И тогда
Он вновь послал слугу с решительным приказом
Коварную убить, прогнав из дома всех,
Кто помогал ей скрыть ее ужасный грех.
Желал он кровью смыть пятно позора разом,
С изменницей-женой покончив навсегда.
Ансельм слуге сказал: даю тебе клинок,
Чтоб заколоть ее. Она – исчадь ада!
Вот золото, возьми. Тут первая награда.
Иначе страшный грех я покарать не мог.
Потом – беги! И знай, коль ты исполнишь свято,
Что я велю, – потом щедрее будет плата.
Но знала обо всем жена,
Собачкой предупреждена.
Как об опасности людей предупреждают
Собачки? Терелят, скулят, рычат и лают
И тянут за собой из дома то и дело.
Но фавори еще и говорить умела
И на ушко Аржи шепнула: – Вам помочь
Могу я, но сейчас – скорей отсюда прочь!
Вас от жестокого убийцы я укрою.
Не бойтесь ничего и следуйте за мною.
Они пустились в путь. И там, в густом лесу,
Убийца их догнал и молвил: – Я несусь
Приказ судьи. Увы! Супруг ваш повелел
Немедля вас убить! – Но тут он обомлел:
Вдруг в облаке густом жена судьи пропала!
Туман рассеялся – Аржи как не бывало.
Слуга к хозяину вернулся, изумлен.
Тот в ярости вскричал: – Тебе приснился сон!
И сам отправился узнать, что там случилось.
Приехав, видит он, что чудо совершилось:
На месте, где вчера пестрел цветами луг,
Невиданной красы дворец [23]воздвигся вдруг.
Весь в золоте, в резьбе, повсюду украшенья,
Вокруг дворца, в саду – роскошные растенья,
Благоуханные и яркие цветы..
Он в жизни не видал подобной красоты.
Ворота – настезь. Он, робея, во дворец
Вступил. Безлюдно... Где владелец и творец?
Все анфилады пышные открыты,
И – никого! Ни короля, ни свиты..
В конце концов, устав от долгого похода,
Он встретил мавра – карлика, урода.
Тот был тщедушен, зол на вид и хил. [24]
Ансельм любезно с ним заговорил,
Сочтя, что тот – уборщик помещений:
– Милейший, кто хозяин сих владений?
– Я! – был ответ. Судья наш, потрясенный,
Испуганный, коленопреклоненный,
Взмолился о пощаде. Видит бог,
Такого он предполагать не мог!
Вскричал он: – О великий государь!
Молю простить меня! Такого чуда,
Как дивный ваш дворец, еще покуда
Никто не видел – ни теперь, ни встарь!
Он – обиталище богов, а не людей.
Вы, государь, волшебник, чародей.
– Ты получить его хотел бы в дар?
(Ансельма тут чуть не хватил удар.)
Да, да, тебе его я подарю.
И это я без шуток говорю.
Но при условии, что ты два полных дня
Пажом прослужишь у меня.
Ты понял ли, что это означает?
Какую паж работу выполняет?
Кто виночерпием Юпитеру служил,
Ты помнишь?
Ансельм

Ганимед?

[25]

Мавр

Что ж, верно, – не забыл.

Он самый. Так представь, что Ганимед ты тоже.

Хоть, право, красотой вы очень мало схожи!

Ансельм

О государь, не смейтесь надо мной!

Мой чин, и титулы, и даже возраст мой...

Мавр

Но я и не смеюсь!

Ансельм

О сир!

Мавр

Я жду ответа.

Дворца не хочешь ты? И ведь всего за это!..

Что может сделать страсть к подаркам! Наш судья

Вздыхнул и прошептал: – О сир, согласен я! –

И тут же он преобразился:

В обличье пажеском явился.

На нем теперь берет, штанишки-буфф, камзол,

который бы ему, быть может, и пошел,

когда б не борода – она при нем осталась.

Немножечко смешно, но, право, это малость!

В таком вот виде он ходил за Мавром следом.

Но был еще далек конец судейским бедам.

Манто так сделала, что этот диалог

весь слышала Аржи, укрывшись в уголок.

И вот в недобрый час вдруг на пороге зала

перед судьей-пажом его жена предстала.

– Ужели это вы, Ансельм? – она вскричала. –

Не верю я глазам! И что за маскарад? –

(Несчастный в тот момент и жизни был не рад.)

Аржи сказала: – Как! почтенный мой супруг,

Посланник и судья, так вырядился вдруг.

Какой урок жене! Где ваша добродетель?

Вы – Ганимед! О, стыд! Ведь вы же, бог свидетель,

казнить хотели ту, что изменила вам!

А сами?! Боже мой, какой ужасный срам!

Мои проступки все достойны извиненья!

Я мавру не служу предметом развлечения!

Атис хорош собой и знатный паладин,

да у меня и был всего-то он один!

– Мавр, стань собачкою! – и сразу же у ног

запрыгал маленький хорошенький щенок.

– Дай лапку, фавори! – Собачка лапку мужу

тут подала. Ее пожал он неуклюже.

– Теперь пистолей нам десяточек подбрось!

Сто золотых монет тут раскатились врозь.

– Ну, что вы скажете? Меня собачку эту

просили в дар принять. Ищите же по свету

сиятельств, светлостей, величеств, наконец,

которые ее отвергнуть бы посмели,

решились пренебречь сокровищем таким!

И ведь предложен был подарок в самом деле

тем, кто любил меня и мною был любим.

В обмен на этот дар нужна была сама я.

Какая мне цена, прекрасно понимая,

я отдала ему то, в чем нуждался он.

И право, вам ущерб тем не был нанесен!

Вы сами бы сочли, что я глупа ужасно,

решишь я на отказ. Кто сей дворец прекрасный

построил? фавори! Ведь он и вас подвиг

на многое, Ансельм! А вы – почти старик!

давайте же теперь простим грехи друг другу

и будем в мире жить. Но вы свою супругу

убить исподтишка не подсылайте слуг!

ведь жизнь мою хранит мой фавори, мой друг!

Ансельм был вынужден на все согласье дать.

Но было и ему обещано за это

о пажестве его молчанье соблюдать,

не выдать никому постыдного секрета.

Так, заключивши мир, вполне благополучно

Ансельм с супругою отправились домой.

На этом наконец рассказ окончен мой.

Надеюсь я, что вам не стало слишком скучно!

– А что дворец? – спросить меня надумал вдруг

Придира-слушатель. [26]– Понятья не имею!

Дворец? да он исчез! – Исчез?! что за идея!

Ну, а собачка? – Ах, оставь меня, мой друг!

Какой же ты педант! Собачка помогала

Атису, делая все то, что он хотел. –

А что хотел Атис? – Ну, ты мне надоел!

Он одержал потом еще побед немало.

Ведь никому одной победы не хватало.

Ну, а Манто к Аржи впоследствии не раз

Без всяких штучек и проказ

Являлась с дружеским визитом.

Да и Атис нередко там бывал.

Он вел себя превыше всех похвал

И другом дома стал открытым.

Однажды мужу поклялась Аржи,

что изменять ему ей больше не повадно.

Ансельм же – что готов быть битым беспощадно,

коль он хотя б на час запишется в пажи.

Мари Катрин д'Онуа [27]

Желтый карлик [28]

Жила когда-то королева. Она родила много детей, но в живых осталась одна только дочь. Правда, эта дочь была прекрасней всех дочерей на свете, и овдовевшая королева не чаяла в ней души; но она так боялась потерять юную принцессу, что не старалась исправить ее недостатки. Восхитительная девушка знала, что красотой больше походит на богиню, чем на смертную женщину, знала, что ей предстоит носить корону; она упивалась своей расцветающей прелестью и возгордилась так, что стала всех презирать.

Ласки и потачки королевы-матери еще больше убеждали дочь, что на свете нет жениха ее достойного. Что ни день принцессу наряжали Палладой или Дианой, а первые дамы королевства сопровождали ее в костюме нимф. Наконец, чтобы совсем уже вскружить голову принцессе, королева нарекла ее Красавицей. Она приказала самым искусным придворным художникам написать портрет дочера, а потом разослала эти портреты королям, [29]с которыми поддерживала дружбу. Увидав портрет принцессы, ни один из них не мог устоять против ее всепобеждающих чар – иные заболели от любви, иные лишились рассудка, а те, кому повезло больше, в добром здравии явились ко двору ее матери. Но, едва бедные государи увидели принцессу, они сделали ее рабами.

На свете не было королевского двора более изысканного и учтивого. Двадцать венценосцев, соперничая друг с другом, пытались заслужить благосклонность принцессы. Если, потратив триста или даже четыреста миллионов золотом на один только бал, они слышали из ее уст небрежное: «Очень мило», они почитали себя счастливыми. Королева была в восторге от того, что ее дочь окружена таким поклонением. Не проходило дня, чтобы ко двору не прислали семь или восемь тысяч сонетов и столько же элегий, мадригалов и песенок, сочиненных поэтами со всех концов света. И воспевали прозаики и поэты того времени только одну Красавицу. Даже праздничные фейерверки устраивали в ту пору из стихотворений: они сверкали и горели лучше всяких дров.

Принцессе уже исполнилось пятнадцать лет, но никто не смел просить ее руки, хотя каждый мечтал о чести стать ее супругом. Но как тронуть подобное сердце? Хоть пытайся из-за нее удавиться несколько раз на дню, она сочтет это безделицей. Вздохатели роптали на жестокость принцессы, а королева, которой не терпелось выдать дочь замуж, не знала, как взяться за дело. «Ну, пожалуйста, – просила иногда королева свою дочь, – смиритесь хоть немного невыносимую гордыню. Это она внушает вам презрение ко всем королям, что съезжаются к нашему двору. Я мечтаю выдать вас за одного из них, а вы не хотите мне угодить». – «Я счастлива и так, – отвечала Красавица. – Позвольте же мне, матушка, сохранить мое душевное спокойствие. По-моему, вам следовало бы огорчаться, если бы я его утратила». – «Нет, – возражала королева, – я огорчилась бы, если бы вы полюбили того, кто вас не достоин, но взгляните на тех, кто просит вашей руки. Поверьте мне: никто на свете не может с ними сравниться».

И это была правда. Но принцесса, уверенная в собственных достоинствах, полагала, что сама она превосходит всех. Упорно отказываясь выходить замуж, она мало-помалу так раздосадовала мать, что та стала раскаиваться, да поздно, в том, что слишком потакала дочери.

Не зная, что предпринять, королева в одиночестве отправилась к

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
прославленной фее, которую звали Фея пустыни. Однако увидеть фею было не так-то легко – ее охраняли львы. Но это не смутило королеву – она с давних пор знала, что львам надо бросить пирожное из просяной муки на сахаре и на крокодильях яйцах; королева сама испекла пирожное и положила его в корзиночку, которую взяла с собой в дорогу. Но долго идти пешком она не привыкла и, устав, прилегла отдохнуть под деревом. Незаметно для себя она заснула, а, проснувшись, увидела, что корзинка пуста – пирожное исчезло, и в довершение несчастья королева услышала, что громадные львы близко – они громко рычали, почуяв королеву.

«Увы! что со мной будет? – горестно воскликнула королева. – Львы меня сожрут». И она заплакала. Не в силах двинуться с места, чтобы спастись бегством, она только прижималась к дереву, под которым спала. И вдруг услышала: «Хруп, хруп!» Она огляделась по сторонам, потом подняла глаза и увидела на дереве человечка размером не больше локтя – человек ел апельсины. «Я знаю вас, королева, – сказал он ей, – и знаю, как вы боитесь львов. И боитесь вы не напрасно, львы уже сожрали многих, а у вас, на беду, не осталось пирожного». – «Что ж, придется умереть, – вздохнула королева. – Увы! я бы меньше горевала об этом, если бы успела выдать замуж мою дорогую дочь!» – «Так, стало быть, у вас есть дочь? – воскликнул желтый Карлик (его прозвали так за желтизну кожи и за то, что он жил в апельсиновом дереве). – Право, я очень рад, потому что давно уже ищу жену на суше и на море. Если вы отдадите ее за меня, я спасу вас от львов, тигров и медведей». Королева посмотрела на ужасного Карлика, и его вид испугал ее не меньше, чем прежде львы. Задумавшись, она ничего не ответила Карлику. «Как, сударыня? – вскричал он, – вы еще сомневаетесь? Видно, вы совсем не дорожите жизнью». И тут королева увидела на вершине холма бегущих к ней львов. У каждого льва было по две головы, по восемь ног и четыре ряда зубов, а шкура была жесткой, как чешуя, и цвета красного сафьяна. При этом зрелище бедная королева, трепеща словно голубка, завидевшая коршуна, закричала что есть мочи: «Господин Карлик! Красавица ваша!» – «Пф! – надменно ответил Карлик. – Красавица слишком хороша собой, мне она не нужна, пусть остается у вас». – «О, монсеньер, – взмолилась в отчаянии королева, – не отвергайте ее. Это прелестнейшая в мире принцесса». – «Ну так и быть, – согласился тот, – возьму ее из милости. Но не забудьте, что вы мне ее отдали». И тотчас ствол апельсинового дерева, на котором сидел Карлик, раздвинулся, королева стремительно бросилась в него, дерево сомкнулось снова, и львы остались ни с чем. Напуганная королева вначале не заметила, что в дереве есть дверь, [30]но теперь она увидела ее и открыла; дверь выходила в поле, поросшее крапивой и чертополохом. Вокруг тянулся ров, наполненный тинистой водой, а поодаль стояла низенькая, крытая соломой хижина. Оттуда с веселым видом вышел желтый Карлик; на нем были деревянные башмаки, куртка из грубой шерсти, а сам он был лысый, с огромными ушами, – словом, настоящий маленький злодей.

«Я очень рад, госпожа теща, – сказал он королеве, – что вы смогли увидеть небольшой дворец, в котором будет жить со мной ваша Красавица: вот этим чертополохом и крапивой она сможет кормить осла, на котором будет выезжать на прогулку; от непогоды ее укроет вот этот сельский кров; пить она будет эту воду, а есть – жиреющих в ней лягушек; а сам я, красивый, бодрый и веселый, буду при ней неотлучно днем и ночью – я не потерплю, чтобы даже ее собственная тень следовала за ней усердней, чем я».

Злосчастная королева сразу представила себе горестную жизнь, какую сулил ее любимой дочери Карлик, и, не снеся такой ужасной мысли и ни слова не ответив Карлику, без чувств упала наземь. Но пока королева лежала замертво, ее преспокойно перенесли на ее собственную постель, и притом на голове у нее оказался нарядный ночной чепец, отделанный кружевом такой красоты, какое ей никогда не приходилось носить. Проснувшись, королева вспомнила, что с ней случилось, но не поверила этому [31]– ведь она находилась в своем дворце, среди своих придворных дам и рядом была ее дочь, как же она могла поверить, что побывала в пустыне, что ей грозила смертельная опасность, и Карлик, избавивший ее от этой опасности, поставил ей жестокое условие – выдать за него Красавицу? Однако чепец, отделанный диковинным кружевом и лентами, удивил королеву не меньше, чем то, что она считала сном. Охваченная страшной тревогой, она впала в такую тоску, что почти перестала говорить, есть и спать.

Принцесса, которая всем сердцем любила мать, стала очень беспокоиться; много раз просила она королеву рассказать, что с ней такое, но та придумывала всякие отговорки – то ссылалась на слабое здоровье, то говорила, что один из соседей угрожает ей войной. Красавица чувствовала, что, хотя все эти ответы правдоподобны, на самом деле тут кроется что-то другое и подлинную правду королева старается от нее скрыть. Не в силах совладать со своей тревогой, принцесса решила пойти к знаменитой фее

пустыни, о мудрости которой повсюду шла громкая молва. Заодно она хотела просить совета у феи, выходить ли ей замуж или остаться в девушках, потому что все вокруг уговаривали ее выбрать себе мужа. Принцесса не поленилась сама испечь пирожное, чтобы умилостивить злобных львов, вечером сделала вид, что рано легла спать, спустилась по маленькой потайной лестнице и, закутавшись в длинное белое покрывало, которое спускалось до самых пят, одна пошла к пещере, где обитала искусная фея.

Но когда принцесса подошла к роковому дереву, о котором я уже говорила, она увидела на нем столько цветов и плодов, что ей захотелось их сорвать. Она поставила корзинку на землю, сорвала несколько апельсинов и стала их есть, но, когда она вознамерилась взять корзинку, ни корзинки, ни пирожного на месте не оказалось. Принцесса удивилась, огорчилась и вдруг видит ужасного маленького Карлика, о котором я уже говорила. «Что с вами, прекрасная девица? – спросил Карлик. – О чем вы плачете?» – «Увы! Как же мне не плакать, – отвечала принцесса. – Я потеряла корзинку с пирожным, а без него мне не попасть к фее пустыни». – «Вон что, а зачем это вы к ней собрались, прекрасная девица? – спросил уродец. – Я ее родственник и друг и несколько не уступаю ей в мудрости». – «Моя мать королева, – отвечала принцесса, – с некоторых пор впала в ужасную тоску, я даже боюсь за ее жизнь. Вот мне и пришлось в голову, что, может быть, я виновата в ее болезни: матушка ведь хочет выдать меня замуж, но признаюсь вам, я еще не нашла достойного избранника, вот почему я и хочу просить совета у феи».

«Не трудитесь, принцесса, – сказал Карлик, – я лучше феи сумею объяснить вам, как обстоят дела. Ваша мать горюет оттого, что уже обещала вас жениху». – «Королева обещала меня жениху? – перебила его принцесса. – Не может быть, вы ошибаетесь, она бы рассказала мне об этом, для меня это дело слишком важное – матушка не могла решить его без моего согласия», – «Прекрасная принцесса, – заявил Карлик и вдруг упал перед ней на колени, – надеюсь, вы одобрите выбор вашей матушки. Дело в том, что счастье быть вашим супругом уготовано мне». – «Моя матушка выбрала вас в зятя! – воскликнула Красавица, отпрянув. – Да вы попросту сошли с ума». – «По мне, быть вашим мужем – невелика честь, – в гневе сказал Карлик. – Вот идут львы, они мигом вас сожрут, и я буду отмщен за пренебрежение, которого не заслужил».

И тут принцесса услышала, как, протяжно рыча, приближаются львы. «Что со мной будет? – воскликнула она. – Неужели настал конец моей молодой жизни?» А злой Карлик смотрел на нее, презрительно смеясь. «По крайней мере, вы умрете девицей, – сказал он, – и не унижите ваши блистательные добродетели союзом с жалким карликом, вроде меня». – «Ради бога не сердитесь, – умоляла принцесса, стиснув свои прекрасные руки, – я согласна выйти за всех карликов в мире, лишь бы не погибнуть такой ужасной смертью». – «Хорошенько посмотрите на меня, принцесса, – сказал Карлик, – я вовсе не хочу, чтобы вы решали сгоряча». – «Я вас и так слишком хорошо рассмотрела, – отвечала она. – Но львы совсем рядом, мне все страшнее и страшнее, спасите меня, спасите, не то я умру от страха».

И в самом деле, едва выговорив эти слова, принцесса упала без чувств и, сама не зная как, очутилась в своей постели: на ней была рубашка из тончайшего полотна, отделанная красивейшими лентами, а на руке – кольцо, сплетенное из одного-единственного рыжего волоска, но сидевшее на пальце так плотно, что легче было содрать кожу, чем его снять.

Когда принцесса все это увидела и вспомнила, что случилось ночью, она впала в такую тоску, что весь двор удивился и стал беспокоиться. Больше всех волновалась королева: снова и снова спрашивала она дочь, что с ней такое, – но та упорно скрывала от матери свое приключение. Наконец королевские подданные, желавшие, чтобы принцесса поскорее вышла замуж, съехались на совет, а потом явились к королеве просить, чтобы она без промедления выбрала супруга для своей дочери. Королева ответила, что это заветное ее желание, но дочь ее выказывает такое отвращение к замужеству, что пусть лучше они сами пойдут к принцессе и ее уговорят. Так они и поступили, не откладывая дела в долгий ящик. После приключения с Желтым Карликом гордыни у Красавицы поубавилось: она решила, что самый простой способ выпутаться из беды, в какую она попала, это выйти за могущественного короля, у которого уродец не посмеет оспорить такую славную победу. Поэтому она отвечала посланцам куда более благосклонно, чем они надеялись, что, хотя она, мол, предпочла бы навеки остаться девушкой, она согласна выйти за короля золотых россыпей.

[32] Это был могущественный государь, прекрасный собой, который уже несколько лет был без памяти влюблен в принцессу, но до сих пор не видел и намека на взаимность.

Нетрудно представить себе, как обрадовался король, узнав столь приятную для себя новость, и как неистовствовали его соперники, навсегда потеряв надежду, подогревавшую их любовный пыл. Но не могла же Красавица выйти

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
замуж за двадцать королей сразу, она и одного-то выбрала с трудом, потому что отнюдь не излечилась от своего тщеславия и по-прежнему была уверена, что никто на свете ее не стоит.

И вот в королевстве стали готовить празднество, равного которому еще не видел свет. Король золотых россыпей прислал для этой цели такую кучу денег, что за кораблями, доставившими их, не стало видно моря. К самым блестящим и изысканным дворам, и в первую очередь ко двору французского короля, разослали гонцов, чтобы закупить редчайшие драгоценности для убранства принцессы. Впрочем, она меньше других нуждалась в нарядах, подчеркивающих красоту – красота ее была так совершенна, что наряды ничего ей не прибавляли, и счастливый король золотых россыпей ни на шаг не отходил от своей очаровательной невесты.

Понимая, что ей надо получить узнать жениха, принцесса стала внимательней к нему приглядываться и обнаружила в нем столько доблести, ума, живых и тонких чувств, словом, такую прекрасную душу в совершенном теле, что сама начала питать к нему малую толику любви, какую питал к ней он. Какие счастливые минуты проводили они оба в прекраснейшем на свете саду, без помех изливая друг другу свою нежную страсть! Зачастую блаженству их еще содействовала музыка. Король, влюбленный и галантный, сочинял в честь своей невесты стихи и песни. Вот одна из них, очень понравившаяся принцессе:

Леса при виде вас украсились листвою,
Пестреющим ковром раскинулся лужок;
Зефир велит цветам расцвести у ваших ног;
Влюбленный птичий хор поет звучнее вдвое;
И дол, и небосвод –

Все дочь самой любви, ликуя, узнает.

[33]

Счастье их было полным. Соперники короля, видя его торжество, в отчаянии покинули двор и разъехались по домам. Не имея сил присутствовать на свадьбе Красавицы, они так трогательно простились с ней, что она невольно их пожалела. «Ах, принцесса, – укорил ее король золотых россыпей. – Вы сегодня меня обездолили! Вы подарили жалость тем, кто одним вашим взглядом и так уже слишком щедро вознагражден за свои мучения». – «Я, конечно, огорчилась бы, – отвечала ему Красавица, – если бы вы остались нечувствительны к состраданию, какое я питаю к принцам, теряющим меня навсегда: ваше недовольство свидетельствует о тонкости ваших чувств, и я отдаю им должное! Но, государь, их судьба так несходна с вашей, у вас есть причины быть вполне довольным мной, им же похвалиться нечем, вот почему вы более не должны давать волю вашей ревности». Король золотых россыпей, смущенный любезностью, с какой принцесса отнеслась к тому, что могло бы ее разгневать, бросился к ее ногам и, целуя ей руки, снова и снова просил у нее прощения.

Наконец наступил долгожданный и желанный день – все было готово к свадьбе Красавицы. Музыканты и трубачи оповестили весь город о предстоящем празднестве, улицы были устланы коврами и разубраны цветами. Народ толпами стекался на большую площадь у дворца. Королева от радости в эту ночь почти не спала и встала еще до рассвета, чтобы всем распорядиться и выбрать драгоценности для украшения невесты. Принцесса была усыпана алмазами до самых туфелек, которые и сами были алмазными,

[34]платье из

серебряной парчи было отделано джиной солнечных лучей, купленное по очень дорогой цене, но зато ничто не могло помериться с ними блеском, разве что красота самой принцессы: голову ее венчала богатая корона, волосы ниспадали до самых пят, а величию осанки она выделялась среди всех дам, составлявших ее свиту. Король золотых россыпей не уступал ей ни красотой, ни великолепием наряда. По его лицу и по всем его поступкам видно было, как он счастлив: всякого, кто приближался к нему, он дарил своими милостями, вокруг праздничного зала король приказал расставить тысячу бочек с золотом и огромные бархатные мешки, расшитые жемчугом и наполненные золотыми монетами – каждый мог получить сто тысяч пистолей, стоило только протянуть руку, так что эта маленькая церемония, которая была, пожалуй, одной из самых приятных и полезных на королевской свадьбе, привлекла множество людей, равнодушных к удовольствиям другого рода.

Королева с принцессой уже собрались было выйти из дворца вместе с королем, как вдруг увидели, что в длинную галерею, где все они находились, вступили два огромных индюка, тащившие за собой неказистую коробку, а за ними плелась высокая старуха, поражающая не только своей старостью и дряхлостью, но и необычайным уродством. Она опиралась на клюку. На старухе был высокий воротник из черной тафты, красный бархатный колпак и юбка с фижмами, вся в лохмотьях. Ни слова не говоря, она вместе со своими индюками трижды обошла галерею вокруг, а потом остановилась посередине и, угрожающе размахивая клюкой, воскликнула: «Эге-ге, королева! Эге-ге, принцесса! Вы, кажется, вообразили что можете безнаказанно нарушить слово, данное вами обеими моему

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
другу Желтому Карлику? Я – фея пустыни! Разве вам не известно, что, не будь Желтого Карлика, не будь его апельсинового дерева, вас бы сожрали мои львы? В волшебном царстве не прощают подобных оскорблений. Живо одумайтесь, ибо, клянусь моим колпаком, или вы выйдете замуж за Желтого Карлика, или я сожгу свою клюку».

«Ах, принцесса, – с плачем сказала королева. – что я слышу? какое обещание вы дали?» – «Ах, матушка, – печально отозвалась Красавица, – какое обещание дали вы сами?» Король золотых россыпей, возмущенный всем происходящим и тем, что злобная старуха хочет помешать его счастью, подошел к ней, обнажил шпагу и приставил ее к старухиной груди: «Злодейка, – воскликнул он, – убирайся навсегда из этих мест, или ты заплатишь мне жизнью за свои козни». Не успел он произнести эти слова, как от коробки отскочила крышка, она с грохотом упала на пол, и глазам присутствующих верхом на громадном коте предстал желтый Карлик, который бросился между феей и Королем золотых россыпей. «Дерзкий юнец! – завопил он. – Не смей оскорблять эту прославленную фею. Тебе придется иметь дело со мной, это я твой соперник и враг! Вероломная принцесса, которая решила выйти за тебя, уже дала слово мне и получила мое. Погляди – она носит кольцо, сплетенное из моего волоса, попробуй его снять – и ты убедишься, что моя власть сильнее твоей». – «Жалкий урод, – воскликнул король, – ты осмеливаешься называть себя обожателем этой восхитительной принцессы, ты осмеливаешься притязать на честь быть ее супругом! Знай, что ты урод, на твою безобразную внешность тошно смотреть и я давно убил бы тебя, будь ты достоин такой славной смерти». Желтый Карлик, оскорбленный до глубины души, пришипил своего кота, и тот со зловецим мяуканьем стал прыгать в разные стороны, нагнав страху на всех, кроме храброго короля: король бросился на Карлика, а тот извлек из ножен свое оружие – длинный кухонный нож, и, вызывая короля на поединок, с диковинным шумом въехал на площадь перед дворцом. Разгневанный король бегом бросился за ним. Не успели они оказаться лицом к лицу, а все придворные высыпать на балконы, как солнце сначала сделалось кроваво-красным, а потом вдруг затмилось и в двух шагах ничего не стало видно. Гром и молния, казалось, сулят гибель миру, а возле гнусного Карлика очутились два индюка, похожие на двух великанов, ростом выше гор, – из их клювов и глаз, словно из раскаленной печи, извергалось пламя. Но все это не могло утратить благородное сердце молодого монарха. Он так отважно смотрел на своего врага и действовал с таким мужеством, что те, кто боялись за его жизнь, успокоились, а Желтый Карлик, должно быть, смутился. Но король дрогнул, увидев, что стало с его принцессой. – Фея пустыни, на голове у которой, как у Тисифоны, [35]развевались не волосы, а змеи, верхом на крылатом грифоне и с копьем в руке, с такой силой вонзила копьё в принцессу, что та, заливаясь кровью, упала на руки королевы. Любящая мать, которую удар, нанесенный дочери, поразил сильнее, чем самое принцессу, стала кричать и плакать так горестно, что невозможно описать. И тут король потерял и мужество и рассудок: забыв о поединке, он бросился к принцессе, чтобы оказать ей помощь или погибнуть вместе с ней. Но Желтый Карлик не дал ему времени приблизиться к невесте: верхом на коте он прыгнул на балкон, где находились все трое, вырвал принцессу из рук ее матери и придворных дам, потом вскочил на крышу дворца и исчез. Король застыл в совершенной растерянности: наблюдая невероятное происшествие, он с отчаянием понимал, что не в силах ничем помочь своей невесте, и тут в довершение всех несчастий глаза короля вдруг померкли и какая-то неведомая сила подняла его в воздух. О, горе! Любовь, жестокосердая любовь, ужели ты так безжалостно обходишься с теми, кто признает твою победу?

Злая фея пустыни явилась помочь Желтому Карлику похитить принцессу, но, едва она увидела Короля золотых россыпей, ее жестокое сердце пленилось красотой молодого государя и она решила сделать его своей добычей; [36]она перенесла короля в страшное подземелье и цепями приковала там к скале, надеясь, что угроза близкой смерти заставит его позабыть Красавицу и подчиниться ее воле. Едва они прибыли на место, фея вернула королю зрение, не вернув, однако, свободы, и, с помощью колдовства обретя красоту и очарование, в которых ей отказала природа, явилась перед королем в образе прелестной нимфы, которая якобы случайно забрела в эти края. «Как! – воскликнула она, – это вы, прекрасный принц! Что за беда с вами приключилась и что держит вас в этом злощем месте?» – «Увы! прекрасная нимфа, – отвечал король, введенный в заблуждение обманчивой наружностью феи, – я не знаю, чего хочет от меня адская фурия, доставившая меня сюда. И хотя, похищая меня, она даже лишила меня зрения и с тех пор не появлялась здесь, я узнал ее по голосу – это фея пустыни». – «О государь, – вскричала лженимфа, – если вы в руках этой женщины, вам придется на ней жениться, иначе вам от нее не вырваться. Она уже продельвала такие штуки со многими

героями. Если она забрала что-нибудь себе в голову, ее не переупрямить». И пока фея притворялась, будто всей душой сочувствует горю короля, он вдруг бросил взгляд на ноги нимфы, а они были похожи на когтистые лапы грифона, – по этим когтям и можно было узнать фею, когда она меняла свой облик, потому что их она преобразить не могла.

Но король и виду не подал, что обо всем догадался, он продолжал говорить с лженимфой доверительным тоном. «Я ничего не имею против феи пустыни, – сказал он, – но не могу перенести, что она поддерживает моего врага – Желтого Карлика, а меня как преступника держит в цепях. В чем я перед ней провинился? Я любил прекрасную принцессу, но, если фея вернет мне свободу, я чувствую, что из благодарности буду любить ее одну». – «Это правда?» – спросила введенная в обман фея. «Конечно, – отвечал король, – я не умею притворяться, и к тому же, признаюсь вам, любовь феи льстит моему тщеславию больше, нежели любовь простой принцессы. Но если бы я даже умирал от любви к фее пустыни, я все равно выказывал бы ей одну только ненависть, пока она не вернула мне свободу».

Обманутая этими речами, фея пустыни решила перенести короля в другое место, настолько же прекрасное, насколько ужасным было подземелье, где он томился. Поэтому она усадила его в карету, в которую запрягла лебедей, хотя обычно ее возили летучие мыши, и перенеслась с одного края света на другой. Но каково пришлось бедному королю, когда, пролетая по воздуху, он увидел свою дорогую принцессу, заточенную в замке из стали – стены этого замка, освещенные солнечными лучами, представляли собой раскаленные зеркала,

[37] испепеляющие всякого, кто осмелится к ним приблизиться. Принцесса в этот час находилась в роще, она отдыхала на берегу ручья, положив одну руку под голову, а другой, казалось, вытирала слезы; подняв глаза к небу, чтобы молить о помощи, она увидела, как ее король пронесся по небу с феей пустыни, и, поскольку та, чтобы казаться красивой молодому монарху, прибегла к волшебству, в котором была так искусна, она и в самом деле показалась принцессе прекраснейшей из женщин. «Как, – вскричала принцесса, – мало того что я томлюсь в этом неприступном замке, куда меня перенес безобразный желтый Карлик, неужто, к довершению моих горестей, меня еще будет преследовать демон ревности? Неужто необыкновенный случай оповестил меня о неверности короля золотых россыпей? Потеряв меня из виду, король счел, что свободен от клятв, какие мне дал. Но кто же эта грозная соперница, чья роковая красота превосходит мою?»

Так говорила принцесса, а тем временем влюбленный король мучительно страдал оттого, что вихрем уносится прочь от предмета своей страсти. Если бы он не знал, сколь велика власть феи, он убил бы ее или попытался избавиться от нее другим способом, какой подсказали бы ему его любовь и доблесть. Но как одолеть столь могущественную особу? Только время и хитрость могли помочь ему вырваться из ее рук.

Фея заметила Красавицу и по глазам короля пыталась угадать, какое впечатление оставила в его сердце эта встреча. «Никто лучше меня не сможет ответить вам на вопрос, на который вы ищите ответа, – сказал ей король. – Меня немного взволновала неожиданная встреча с несчастной принцессой, которую я любил, прежде чем полюбить вас, но вы настолько вытеснили ее из моего сердца, что я предпочел бы умереть, чем вам изменить». – «Ах, принц, – сказала фея, – неужто я могу льстить себя надеждой, что внушила вам такие пылкие чувства?» – «Время докажет вам это, сударыня, – отвечал он. – Но если вы хотите, чтобы я поверил, что вы хоть немного меня любите, пожалуйста, придите на помощь Красавице». – «Понимаете ли вы, о чем меня просите? – спросила фея, хмуря брови и гневно глядя на короля. – Вы хотите, чтобы я употребила свое искусство против лучшего друга, Желтого Карлика, и освободила из его рук гордую принцессу, в которой вижу только свою соперницу?» Король вздохнул и ничего не ответил. Что он мог ответить такой пронизательной особе?

Они оказались над широким лугом, усеянным всевозможными цветами; окружала луг глубокая река, под густыми деревьями тихо струились бесчисленные родники, даровавшие вечную прохладу; вдали возвышался величественный замок со стенами из прозрачных изумрудов. Едва только лебеди, впряженные в карету феи, опустились под портиком, пол которого был выложен алмазами, а своды сделаны из рубинов, откуда ни возьмись, появилась тысяча красавиц, которые встретили фею радостными возгласами. Они пели:

Когда приходит страсть,
Чтоб сердце взять в неволю,
С ней борются сверх сил, пытаясь устоять;
С того ей славы только боле,
И первый побежден привыкший побеждать.

Фея пустыни была в восторге, что прославляют ее любовь; она отвела короля в такие роскошные покои, каких не упомнит вся история фей, и на несколько

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
минут оставила его там одного, чтобы он не чувствовал себя пленником. Король, конечно, заподозрил, что фея вовсе не удалилась, а наблюдает за ним из какого-нибудь тайника, вот почему он подошел к большому зеркалу [38]и, обращаясь к нему, сказал: «Верный мой советчик, укажи, что я должен делать, чтобы угодить прелестной фее пустыни, ведь я неотступно думаю о том, как ей понравиться». С этими словами король причесался, напудрился, украсил себя мушкой и, увидев на столе костюм еще более великолепный, нежели его собственный, поспешно в него облачился.

Тут в комнату вошла фея, до того обрадованная, что даже не смогла это скрыть. «Я ценю ваши старания мне понравиться, монсеньер, – сказала она. – Но вы сумели одержать победу даже тогда, когда к ней не стремились. Судите же сами, трудно ли вам будет ее упрочить, если у вас появится такое желание».

Король, у которого были причины расточать любезности старой фее, не поскупился на них и мало-помалу вырвал у нее позволение свободно прогуливаться по берегу моря. Море, заколдованное феей, было таким бурным и грозным, что ни один мореход не отважился бы пуститься по нему в плавание, поэтому фея могла без боязни оказать эту милость своему пленнику; но все же король утешался тем, что может наедине предаваться своим мечтам и ему не мешает его злобная тюремщица.

Он долго бродил по берегу моря, а потом наклонился и тростью начертил на песке такие стихи:

Теперь я волен наконец
В рыданиях дать исход моей душевной муке.

Увы! Зачем со мной в разлуке

Чарующей красоты желанный образец?

О море, что легло преградой предо мною,

Бушующее, грозное,

Чьи волны буре в лад

Вздыхаются в зенит и рушатся во ад,

Мне тоже, море, нет покоя,

Тебя напрасно ищет взгляд,

Красавица! О злая доля!

Ее отняли у меня!

О небо грозное, доколе

Мне смерти ждать, судьбу кляня!

Возможно ль,

Что любви вам пламень не знаком?

Покиньте влажные глубины,

Придите мне помочь в отчаянье моем!

И вдруг король услышал голос, привлечший его внимание, несмотря на то, что он был занят стихами. Король увидел, что волны стали круче, и, оглянувшись во все стороны, заметил женщину необыкновенной красоты: тело ее было окутано только ее волосами, колеблемые ветерком, они колыхались на волнах. В одной руке женщина держала зеркало, в другой гребень. Тело ее заканчивалось рыбьим хвостом. Король очень удивился этой необыкновенной встрече, а женщина, подплыв к нему так близко, чтобы он мог ее услышать, сказала: «Мне известны печаль и скорбь, в какие вас повергла разлука с вашей принцессой, и какой нелепой страстью воспылала к вам фея пустыни; если хотите, я вызволю вас из рокового плена, где вам суждено томиться, быть может, еще тридцать с лишним лет». Король не знал, что и ответить на такое предложение, и не потому, что не мечтал вырваться из своей тюрьмы, – он просто боялся, вдруг это фея пустыни, желая его обмануть, приняла облик морской девы. Видя его колебания, сирена, угадавшая его мысли, сказала: «Не думайте, что я заманиваю вас в ловушку. У меня слишком благородное сердце, чтобы я стала помогать вашим врагам. Фея пустыни и желтый карлик разгневали меня своими злодеяниями. Я каждый день вижу вашу несчастную принцессу, ее красота и добродетели равно внушают мне жалость. Еще раз повторяю вам, если вы мне верите, я вас спасу». – «Я верю вам настолько, – вскричал король, – что исполню все, что вы мне прикажете. Но раз вы видели мою принцессу, расскажите мне, что с ней». – «Не будем терять время на разговоры, – сказала сирена. [39]– Идемте, я доставлю вас в замок из стали, а на этом берегу оставлю фигуру, настолько похожую на вас, что фея пустыни не заподозрит обмана».

Тут она срезала несколько тростинков, связала их в большой пучок и, три раза дунув на них, сказала: «Друзья мои, тростинки, приказываю вам лежать на песке, куда вас не заберет отсюда фея пустыни». И пучок тростинков покрылся кожей и стал так похож на короля золотых россыпей, что король диву дался, впервые увидев такое чудо. На тростинках была одежда точь-в-точь такая, как у короля, и этот лжекороль был бледен и растерзан, как утопленник. Добрая сирена тем временем усадила настоящего короля на свой

длинный рыбий хвост, и оба, в равной мере довольные, поплыли в открытое море.

«А теперь я хочу, – сказала королю сирена, – рассказать вам, что злобный Желтый Карлик, похитив Красавицу, бросил ее позади себя на спину своего ужасного кота, невзирая на рану, которую ей нанесла фея пустыни. Принцесса потеряла так много крови и была так напугана всем случившимся, что лишилась чувств и не пришла в себя, пока они были в пути. Но Желтый Карлик и не подумал сделать остановку, чтобы привести ее в чувство, пока не оказался в своем грозном замке из стали. Там его встретили прекраснейшие девушки, которых он похитил из разных стран. Все они наперебой старались угодить ему, прислуживая принцессе; ее уложили в постель, на шитые золотом простыни, под полог, украшенный жемчугами величиной с орех». – «Ах! – воскликнул Король золотых россыпей, перебив сирену. – Карлик на ней женился, я умираю, я погиб». – «Нет, – сказала королю сирена, – успокойтесь, государь, твердость Красавицы оградила ее от посягательств ужасного Карлика». – «Кончайте же свой рассказ», – попросил сирену король. «Что еще я могу вам сказать? – продолжала сирена. – Когда вы пронеслись мимо, принцесса была в лесу, она увидела вас с феей пустыни, та настолько изменила свою внешность, что принцесса вообразила, будто фея превосходит ее красотой. Отчаяние ее нельзя описать: она думает, что вы любите фею». – «Милостивые боги! Она думает, что я люблю фею! – вскричал король. – Какое роковое заблуждение! Что же мне делать, чтобы ее разуверить?» – «Вопросите свое сердце, – с ласковой улыбкой отвечала сирена. – Тот, кто сильно любит, не нуждается в советах». Не успела она вымолвить эти слова, как они пристали к замку из стали: только со стороны моря Желтый Карлик не возвел вокруг замка грозных стен, которые испепеляли все живое.

«Мне известно, – сказала сирена королю, – что Красавица сидит сейчас у того самого источника, где вы видели ее на своем пути. Но чтобы к ней проникнуть, вам придется сразиться со множеством врагов. Вот вам шпага – с этой шпагой вы можете дерзнуть на любой подвиг и смело смотреть в лицо опасности – только не роняйте ее из рук. Прощайте, я укрою под этой вот скалой. Если я понадобится вам, чтобы увезти вас отсюда с вашей милой принцессой, я тотчас явлюсь: ее мать-королева – мой лучший друг, для того, чтобы ей услужить, я и явилась за вами». С этими словами сирена протянула королю шпагу, сделанную из цельного алмаза, блеск солнечных лучей мерк перед ее блеском, король понял, как пригодится ему этот подарок, и, не в силах найти слова, могущие выразить его благодарность, попросил сирену, чтобы она сама вообразила, какими чувствами отзывается благородное сердце на подобное великодушие.

Но пора сказать несколько слов о фее пустыни. Видя, что ее любезный возлюбленный долго не возвращается, она сама поспешила к нему; она явилась на берег с сотней девушек, составляющих ее свиту, и все они несли королю богатые подарки. У одних были большие корзины, полные алмазов, у других в руках – золотые вазы искусной работы, а у некоторых – амбра, кораллы или жемчуга; были и такие, что несли на голове свитки тканей неопишуемой красоты, а иные – фрукты, цветы и даже птиц. Но что сделалось с феей, которая замыкала это многолюдное и изысканное шествие, когда она увидела пучок тростника, как две капли воды похожий на Короля золотых россыпей. Пораженная ужасом и горем, она испустила такой страшный крик, что содрогнулись небеса, сотряслись горы и эхо донеслось до самой преисподней. Ни у одной из разгневанных фурий – Мегеры, Алекто или Тисифоны – никогда еще не было такого устрашающего вида. Фея бросилась на тело короля, она плакала, она рычала, она растерзала в ключья половину прекраснейших девушек своей свиты, принеся их в жертву тени беззлого покойника. Потом она призвала к себе одиннадцать своих сестер, таких же фей, как она сама, и попросила их помочь ей воздвигнуть пышную усыпальницу молодому герою. И всех их обманул вид тростника. Конечно, это может показаться странным – ведь феям известно все, но мудрой сирене было известно еще больше, чем феям.

И вот пока феи доставляли порфир, яшму, агат и мрамор, статуи, барельефы, золото и бронзу, чтобы увековечить память короля, которого они считали мертвым, король благодарил любезную сирену, умоляя ее не оставлять его своим покровительством. Сирена самым ласковым голосом дала ему такое обещание и скрылась из глаз короля. А ему ничего не оставалось, как пуститься в путь к замку из стали.

Ведомый своей любовью, король шел быстрыми шагами, оглядываясь по сторонам в поисках своей обожаемой принцессы. Но вскоре ему пришлось заняться делом – его окружили четыре страшных сфинкса, они выпустили свои острые когти и растерзали бы короля на части, если бы ему, как и предсказала сирена, не сослужила службу алмазная шпага. Завидев ее блеск, чудовища бессильно повалились к ногам короля, а он каждому нанес смертельный удар. Но едва он

двинулся дальше, как увидел шесть драконов, покрытых чешуей тверже железа. Как ни ужасно было это зрелище, король не утратил своей храбрости и, орудуя шпагой, рассек каждого дракона надвое. Он надеялся, что уже преодолел самые трудные препятствия, как вдруг его смутило еще одно. Навстречу королю вышли двадцать четыре прекрасные и грациозные нимфы и преградили ему путь цветочными гирляндами. «Куда вы идете, государь? – спросили они у короля. – Мы поставлены сторожить эти места, и если мы вас пропустим, и вас и нас постигнет страшная кара. Окажите нам милость, не упорствуйте. Неужто вы захотите обогреть вашу победоносную руку кровью двадцати четырех невинных девушек, не причинивших вам никакого зла?» Король растерялся: он не знал, как поступить, – он всегда гордился своей преданностью прекрасному полу и готов был служить ему сверх всякой меры; а тут ему предстояло убивать женщин. Но вдруг он услышал голос, укрепивший его решимость: «Рази, рази, – произнес этот голос, – не щади никого, иначе ты навеки лишишься своей принцессы».

И тотчас, не отвечая нимфам ни словом, король бросился в их ряды, разорвал гирлянды и стал без пощады орудовать шпагой, в одно мгновение разогнав их всех. Это было одно из последних препятствий на его пути – он вступил в небольшую рощу, пролетая над которой заметил красавицу. Бледная и тоскующая, она и сейчас сидела на том же месте у ручья. Король с трепетом подходит к ней, но она бежит от него с таким негодованием и так поспешно, как если бы он был желтым Карликом. «Не осуждайте меня, не выслушав, принцесса, – сказал ей король. – Я не изменил вам, я невиновен, но я, несчастный, сам того не желая, заслужил вашу немилость». – «Ах, злодей, я видела, как вы летели по воздуху с особой неслыханной красотой, неужели вы совершили этот полет против своей воли?» – «Да, принцесса, – ответил король, – против воли. Злая фея пустыни, не довольствуясь тем, что приковала меня к скале, увлекла меня в своей карете на край земли, где я бы томился и поныне, если бы не помощь благодетельницы-сирены, которая доставила меня сюда. Я пришел, дорогая моя принцесса, чтобы вырвать вас из недостойных рук, которые держат вас в заточении. Не отвергайте же помощь преданнейшего из возлюбленных». И король бросился к ее ногам, но, пытаясь удержать принцессу за край ее платья, он, на беду, уронил свою грозную шпагу. А желтый Карлик, который прятался под листом салата, едва увидев, что шпага, волшебная сила которой была ему известна, выпала из рук короля, тотчас ее схватил.

Принцесса, заметив Карлика, испустила страшный крик, но ее стоны только еще больше разозлили злобного коротышку. Произнеся несколько слов на своем тарабарском языке, он вызвал двух великанов; они заковали короля в железные цепи. «Теперь, – сказал Карлик, – мой соперник в моей власти, но я готов подарить ему жизнь и свободу, если вы немедленно станете моей женой». – «Ах, лучше мне тысячу раз умереть!» – вскричал влюбленный король. «Увы, государь, – возразила принцесса. – Для меня нет ничего страшнее вашей смерти». – «А для меня, – продолжал король, – нет ничего ужаснее, чем принести вас в жертву этому чудовищу». – «Тогда умрем вместе», – предложила принцесса. «Дорогая моя принцесса, доставьте мне утешение – дайте умереть ради вас, и умереть одному». – «Никогда, – сказала принцесса. – Лучше уж я соглашусь исполнить ваше желание», – продолжала она, обращаясь к Желтому Карлику. «Как, жестокая принцесса! Ужели я должен стать свидетелем того, как вы назовете его своим супругом? Но тогда жизнь мне опостылеет». – «Нет, – заявил желтый Карлик. – Принцесса назовет меня своим супругом, но ты не станешь свидетелем этого, – слишком опасен мне соперник, которого любят».

И с этими словами, невзирая на горестные слезы красавицы, Карлик нанес королю удар в самое сердце, и тот упал к ногам принцессы. Принцесса не могла пережить своего возлюбленного – она рухнула на его тело, и вскоре ее душа соединилась с его душой. Так погибли эти славные и несчастные влюбленные, и сирена ничем не могла им помочь – ведь вся волшебная сила была заключена в алмазной шпаге.

Злой Карлик предпочел, чтобы принцесса умерла, чем видеть ее в объятиях другого, а фея пустыни, прослышав обо всем, разрушила усыпальницу, которую сама возвела, потому что теперь она возненавидела память короля золотых россыпей с такой же страстью, какую питала к нему при его жизни. А помогавшая влюбленным сирена, как ни горевала о случившемся великом несчастье, смогла вымолить у судьбы только одно – превратить умерших в деревья.

[40] Прекрасные тела влюбленных стали двумя стройными пальмами. Храня вечную любовь друг к другу, они ласкают друг друга переплетенными ветвями и этим нежным союзом обессмертили свою страсть. Кто в шторм клянется безрассудно
Все жертвы принести богам,
Бывает, даже не зайдет во храм,

Когда земли достигнет судно.

Судьба красавицы – урок

Для всех, кто щедры на обеты:

Нельзя в беде давать зарок,

который соблюсти в душе стремленья нету.

Белая кошка

[41]

Жил однажды король, и было у него три сына, красивых и храбрых, но король боялся, как бы принцам не захотелось сесть на трон, не дожидаясь его смерти. Уже ходили даже слухи, будто они покровительствуют тем, кто может им помочь отнять у короля его королевство. Король чувствовал приближение старости, но ум и силы его несколько не ослабли, поэтому он вовсе не желал уступать сыновьям сан, который носил с таким достоинством. Вот он и решил, что лучший способ оградить свой покой – это оттянуть время, поманив сыновей обещаниями, от исполнения которых он всегда сумеет уклониться.

Король призвал сыновей в свои комнаты и, милостиво поговорив с ними, добавил: «Согласитесь, дорогие дети, что мой преклонный возраст уже не позволяет мне вершить дела государства столь же усердно, сколь в былые годы. Я боюсь, как бы это не причинило вреда моим подданным, и решил уступить корону одному из вас. Но чтобы получить от меня такой дар, вы по справедливости должны постараться мне угодить и раздобыть что-нибудь такое, что порадует меня, когда я удалюсь в деревню. Думаю, что маленькая смышленная собачка меня могла бы развлечь, и потому, не отдавая предпочтения старшему сыну перед младшими, объявляю вам, что тот из вас, кто принесет мне самую красивую собачку, станет моим наследником». Принцы удивились, что их отцу захотелось вдруг иметь собачку, но обоим младшим братьям такое предложение сулило выгоду, и они охотно согласились отправиться на поиски собачки, а старший был слишком скромн, а может быть, слишком почтителен, чтобы отстаивать свои права. Принцы простились с королем, он оделил их деньгами и драгоценностями и добавил, что ровно через год, в тот же самый день и час, они должны явиться к нему с собачками.

Прежде чем отправиться в путь, братья встретились в замке, неподалеку от города. Они привели туда с собой ближайших своих наперсников и устроили там пиршество. Три брата поклялись друг другу в вечной дружбе и в том, что, выполняя просьбу отца, будут действовать без злобы и зависти и тот, кому выпадет удача, не забудет в своем счастье остальных. Наконец они пустились в путь, уговорившись по возвращении встретиться в этом же самом дворце, чтобы отсюда втроем отправиться к королю. Они не пожелали взять с собой провожатых и назвались вымышленными именами, чтобы не быть узванными. Каждый поехал своей дорогой, двое старших пережили множество приключений, но меня занимает только младший из братьев. Он был учтив, весел и находчив, отличался замечательным умом, благородным сложением, правильными чертами лица, ослепительной улыбкой и был на редкость искусен во всех подобающих принцу занятиях. Он приятно пел, он брал за душу своей проникновенной игрой на лютне и теорбе,

[42]он умел рисовать – словом, был во всех

отношениях совершенством, а отвага его граничила с дерзостью.

Не проходило дня, чтобы принц не покупал собак, больших и маленьких, борзых, догов, ищейек, гончих, спаньелей, пуделей, болонок. Если ему попадалась красивая собака, а потом другая, более красивая, он отпускал первую и оставлял вторую: не мог же он вести за собой свору из тридцати, а то и сорока тысяч собак, у него ведь не было ни свиты, ни лакеев, ни пажей. Принц шел все вперед и вперед, так и не решив, до каких пор будет идти, как вдруг заблудился в лесу, где его застигли дождь и гроза.

Он выбрал наугад одну из тропинок, долго шел по ней и наконец увидел, что впереди брезжит слабый огонек. «Верно, поблизости есть какое-нибудь жильё, где можно переждать непогоду до утра», – решил принц. Идя на огонек, он пришел к воротам дворца. Ворота были из чистого золота и украшены карбункулами, которые освещали все вокруг своим ярким и чистым светом. Этот-то свет и увидел издали принц. Стены были из прозрачного фарфора, и на них разноцветными красками изображена история фей от сотворения мира до новейших времен.

[43]Не были тут забыты и знаменитые сказки об

Ослиной Шкуре, о Вострушке, о Померанцевом дереве, о Миляне, о Спящей красавице, о Зеленом Уже и бесчисленное множество других. Принц очень обрадовался, увидев изображение принца непоседы, потому что тот приходился ему дальним родственником. Впрочем, дождь и непогода помешали принцу дальше рассматривать картины, и не только потому, что он вымок до костей, но и потому, что в тех местах, куда не достигал свет карбункулов, попросту ничего не было видно.

Принц возвратился к золотым воротам и на алмазной цепочке увидел лапку косули. Его удивила вся эта роскошь и то, как спокойно и беззаботно живут обитатели замка. «Ведь в конце концов, – подумал он, – кто может помешать вору срезать эту цепочку, выковырять карбункулы и стать богачом до конца

своих дней?»

Принц потянул лапку косули, и тут же зазвенел колокольчик, который, судя по звуку, был сделан из золота и серебра. Мгновение спустя дверь отворилась, но принц никого не увидел, только в воздухе показалось несколько рук и каждая держала факел. Принц так удивился, что не отважился переступить порог, но тут другие руки довольно решительно подтолкнули его вперед. Он повиновался им в сильном смущении и на всякий случай взялся за эфес шпаги, но едва он вошел в прихожую, сверху донизу выложенную порфиром и лазоревым камнем, два восхитительных голоса запели такую песенку:

Пугаться этих рук вы стали бы напрасно:

Ничто здесь не враждебно вам,

Лишь дивное лицо опасно

Боящимся любви сердцам.

[44]

Принц решил, что его не могут так любезно приглашать во дворец, чтобы потом причинить ему зло, поэтому, когда его подтолкнули к двери из коралла, которая распахнулась при его приближении, он, не сопротивляясь, вошел в гостиную, выложенную перламутром, а потом и в другие покои, украшенные каждый по-своему таким множеством картин и драгоценностей, что принц был просто ослеплен. Тысячи огней, горевших в гостиной от пола до потолка, заливали своим светом и часть других комнат, хотя в тех тоже не было недостатка в люстрах, жирандолях и полочках, на которых стояли свечи, – словом, великолепие было такое, что трудно было поверить собственным глазам.

Принц миновал шестьдесят комнат, и тогда наконец руки, указывавшие ему путь, остановили его, и он увидел большое удобное кресло, само подкатившееся к камину. В камине тут же запылал огонь, и руки, которые показались принцу на редкость красивыми – белыми, маленькими, пухлыми и точеными, раздели его: он ведь, как я уже сказал, промок до нитки, и надо было позаботиться о том, чтобы он не простудился. Руки невидимок принесли ему рубашку, такую красивую, что в пору было надеть ее в день свадьбы, и затканый золотом халат, на котором мелким изумрудом был вышит его вензель. Потом руки пододвинули к принцу туалетный столик. Все туалетные принадлежности также были необыкновенной красоты. Руки ловко причесали принца, почти не прикасаясь к нему, так что он остался очень доволен их услугами. Потом его снова одели, но не в его собственный костюм – ему принесли куда более роскошный наряд. Принц молча дивился всему происходящему, хотя иногда слегка вздрагивал от испуга, который все-таки не мог подавить.

Напудрив, завив, надушив и нарядив принца так, что он стал прекрасней Адониса, руки отвели его в великолепную залу, украшенную позолотой и богато обставленную. Висевшие кругом картины рассказывали историю знаменитейших котов и кошек:

[45] вот Салоед, повешенный за ноги на совете крыс, вот кот в сапогах, маркиз де Карабас, вот Ученый кот, вот Кошка, превращенная в женщину, и Колдуны, превращенные в котов, а вот и шабаш со всеми его церемониями – словом, самые что ни на есть замечательные картины. Стол был накрыт на два прибора, и возле каждого стоял золотой погребец; столик рядом был уставлен чашами из горного хрусталя и всевозможных редких камней – обилие их поражало глаз.

Пока принц гадал, для кого накрыли стол, он увидел вдруг, как в ограждении, предназначенном для маленького оркестра, рассаживаются коты; один из них держал в руках партитуру, исписанную диковинными нотами, другой – свернутый трубочкой лист бумаги, которым он отбивал такт; в руках у остальных были крошечные гитары. И вдруг все коты принялись мяукать на разные голоса и коготками перебирать струны гитар: это была в высшей степени диковинная музыка. Принц, пожалуй, вообразил бы, что попал в преисподнюю,

[46] но дворец показался ему слишком прекрасным, чтобы допустить подобную мысль. Однако он все же зажал себе уши и расхохотался от души, видя, какие позы принимают и как гримасничают новоявленные музыканты. Принц размышлял о чудесах, которые уже приключились с ним в этом замке, как вдруг увидел, что в зал входит крохотное существо, размером не больше локтя. Малютка была окутана покрывалом из черного крепа. Вели ее два кота, они были одеты в траур, в плащах и при шпагах, а за ними следовал длинный кошачий кортеж – некоторые коты несли крысоловки, набитые крысами, другие – клетки с мышами.

Принц не мог в себя прийти от изумления – он не знал, что и думать. Черная фигурка приблизилась к нему, и, когда она откинула покрывало, он увидел Белую Кошку, красивейшую из всех, какие когда-либо были и будут на свете. Кошечка казалась совсем молодой и очень грустной, она замурлыкала так нежно и очаровательно, что мурлыканье ее проникло в самое сердце принца. «Добро пожаловать, сын короля, – сказала она принцу. – Мое Мурлычество очень радо тебя видеть». – «Госпожа Кошка, – ответил принц, – вы великодушно оказали

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
мне самый любезный прием. Но мне кажется, вы – не обычный зверек: дар речи, которым вы наделены, и роскошный замок, которым вы владеете, красноречиво свидетельствуют об этом». – «Сын короля, – сказала Белая Кошка, – прошу тебя, не говори мне учтивостей. Мои речи безыскусны и обычаи просты, но сердце у меня доброе. Вот что, – продолжала она, – пусть нам подадут ужин, а музыканты пусть умолкнут, ведь принц не понимает смысла их слов». – «А разве они что-то говорят, государыня?» – удивился принц. «Конечно, – ответила кошка. – У нас здесь есть поэты, наделенные замечательным талантом. Если ты поживешь у нас, быть может, ты их оценишь». – «Мне довольно услышать вас, чтобы в это поверить, – любезно сказал принц. – Но все же, государыня, я вижу в вас кошку редкостной породы». Принесли ужин, руки, принадлежавшие невидимкам, прислуживали Белой Кошке и ее гостю. Сначала на стол поставили два бульона – один из голубей, другой из жирных мышей. Когда принц увидел второй из них, он поперхнулся первым, потому что сразу представил себе, что готовил их один и тот же повар. Но Кошечка, догадавшись по его выражению, что у него на уме, заверила его, что ему готовят пищу отдельно, и он может есть все, чем его угощают, не боясь, что в еде окажутся мыши или крысы. Принц не заставил себя просить дважды, уверенный в том, что Кошечка не станет его обманывать. Он обратил внимание, что на ее лапке висит портрет в драгоценной оправе, – его это очень удивило. Полагая, что это портрет мэтра Котауса, он попросил Кошечку показать ему портрет. Каково же было его изумление, когда он увидел, что на нем изображен юноша такой красоты, что трудно было поверить в подобное чудо природы, и при этом он так похож на принца, будто портрет писан с него самого. Кошечка вздохнула и, еще больше загрустив, умолкла. Принц понял, что за этим скрывается какая-то необыкновенная тайна. Но расспрашивать он не осмелился, боясь разгневать или огорчить Белую Кошку. Он завел с ней разговор о тех новостях, которые ему были известны, и убедился, что она наслышана о делах, касающихся царствующих особ, и вообще обо всем, происходящем в мире. После ужина Белая Кошка пригласила своего гостя в гостиную, где были устроены подмости, на которых двенадцать котов и столько же обезьян исполнили балет. Коты были одеты маврами, обезьяны китайцами. Легко вообразить, как они скакали и прыгали, иногда впиваясь друг в друга когтями. Так закончился этот вечер. Белая Кошка пожелала гостю спокойной ночи, и руки, которые привели к ней принца, снова подхватили его и проводили в покои другого рода, нежели те, что он уже видел. Эти были не столько роскошны, сколько изысканны: стены их были сплошь покрыты крыльями бабочек, образующими узор в виде тысячи разнообразных цветов. Были здесь также и перья редкостных птиц, быть может, даже не виданных нигде, кроме этих мест. Ложе было застелено бельем из газа, украшенного множеством бантов. А зеркала тянулись от пола до потолка, и их резные золоченые рамы изображали множество маленьких амуров. Принц лег спать, не говоря ни слова, ведь невозможно было поддерживать разговор с руками, которые ему прислуживали; спал он мало, и разбудил его какой-то смутный шум. Тотчас руки подняли его с постели и нарядили в охотничий костюм. Он выглянул во двор замка и увидел более пятисот котов – одни из них вели на поводке борзых, другие трубили в рог; затевался большой праздник – Белая Кошка выезжала на охоту и хотела, чтобы принц ее сопровождал. Услужливые руки подвели ему деревянного коня, [47] который мог нестись во весь опор и идти медленным шагом. Принц сначала заупрямился, не желая на него садиться. «Я ведь все-таки не странствующий рыцарь Дон-Кихот [48]», – говорил он. Но возражения ни к чему не привели, его усадили на деревянного коня. Чепрак и седло на нем были расшиты золотом и алмазами. Белая Кошка села верхом на обезьяну невиданной красоты и великолепия. Вместо черного покрывала она надела лихо заломленную кавалерийскую шапку, которая придавала ей столь решительный вид, что все окрестные мыши перепугались. В мире не бывало еще такой увлекательной охоты; коты бегали куда быстрее зайцев и кроликов, и, когда они хватали добычу, Белая Кошка тут же отдавала им их долю на съедение. Забавно было при этом наблюдать за их ловкими хватками. Птицы тоже не чувствовали себя в безопасности, потому что котята вскарабкивались на деревья, а красавица обезьяна возносила Белую Кошку даже до орлиных гнезд, отдавая в ее власть их высочеств орлят. По окончании охоты Белая Кошка взяла рог длиной не больше пальца, но издававший такой громкий и чистый звук, что он слышен был за десять лье. Она протрубила два или три раза, и к ней в мгновение ока явились все коты ее царства. Одни прилетели по воздуху, другие приплыли в лодках по воде – словом, никто никогда не видал такого огромного кошачьего сборища. Одеты все они были по-разному, и Кошка в сопровождении этой торжественной свиты отправилась в замок, пригласив принца следовать за ней. Он ничего не имел

против, хотя ему казалось, что такое засилье кошек отдает нечистой силой и колдовством, но больше всего его удивляла сама Белая Кошка, говорящая человеческим языком.

Когда они вернулись во дворец, Кошечка снова надела свое длинное черное покрывало, потом они с принцем поужинали, он очень проголодался и ел с большим аппетитом. Подали напитки, принц с удовольствием выпил вина и тотчас забыл

[49]о маленькой собачке, которую должен был привезти королю. Теперь он хотел только одного – мурлыкать с Белой Кошкой, иными словами – не отходить от нее ни на шаг. Они проводили дни в приятных увеселениях, иногда занимались рыбной ловлей, иногда охотились, потом представляли балеты, устраивали состязания наездников и придумывали еще множество других забав. Белая Кошка к тому же часто сочиняла стихи и песенки, такие пыльные, что видно было: у нее чувствительное сердце; подобным языком говорит только тот, кто любит. Но у секретаря Белой Кошки, престарелого кота, был такой плохой почерк, что хотя произведения ее сохранились, прочитать их невозможно.

Принц позабыл все – и даже свою родину. Руки, о которых я уже упоминал, продолжали ему прислуживать. Иногда Принц жалел, что не родился котом, тогда он мог бы всю жизнь проводить в этом приятном обществе. «Увы, – говорил он Белой Кошке, – мне будет так грустно с вами расстаться. Я вас так люблю. Станьте же девушкой или превратите меня в кота». Она благосклонно выслушивала его пожелания, но отвечала в туманных выражениях, так что он почти ничего не понимал.

Время летит быстро для того, кто не ведает ни забот, ни печалей, для того, кто весел и здоров. Но Белая Кошка знала, когда принцу надлежит вернуться, и, так как принц о возвращении больше не думал, сама ему об этом напомнила. «Знаешь ли ты, – спросила она его, – что тебе осталось всего три дня, чтобы найти собачку, которую хочет получить твой отец-король, и что твои братья уже нашли собачек, и притом очень красивых?» Принц опомнился и удивился собственной беспечности. «Какое тайное чародейство, – воскликнул он, – заставило меня забыть о том, что для меня важнее всего на свете? Речь идет о моей чести и славе. Где найти собачку, которая поможет мне получить корону, и где найти такого быстрого коня, который одолеет дальнюю дорогу?» Принца охватило беспокойство, и он заметно приуныл.

«Сын короля, – сказала ему Белая Кошка нежным голосом, – не горюй, я твой друг, ты можешь остаться у меня еще на один день, отсюда до твоего королевства всего пятьсот лье, и славный деревянный конь доставит тебя туда меньше чем за полсутки». «Спасибо, прекрасная Кошка, – отвечал ей принц. – Но мне мало вернуться к отцу, я должен привезти ему собачку». «Возьми вот этот желудь, – сказала Белая Кошка, – в нем собачка, которая прекрасней Большого Пса Сириуса». – «Ох, госпожа Кошка, Ваше величество изволил надо мной смеяться». – «Приложи желудь к уху, – посоветовала принцу Кошка, – и ты услышишь лай». Принц повиновался, и тотчас собачка залаяла: «Гав! гав!» Принц страшно обрадовался, ведь собачка, которая может уместиться в желуде, должна быть совсем крохотной. Он хотел было расколоть желудь, так ему не терпелось увидеть собачку, но Белая Кошка сказала, что собачка может простудиться в дороге и лучше ее не тревожить, пока принц не предстанет перед своим отцом-королем. Принц рассыпался в благодарностях и нежно простился с Кошкой. «Поверьте мне, – сказал он, – дни, что я провел рядом с вами, пролетели для меня так незаметно, что мне грустно вас покидать. И хотя вы – королева и ваши придворные коты куда остроумнее и учтивее наших, я все-таки прошу вас: поедemте со мной». В ответ на это предложение Белая Кошка только глубоко вздохнула.

Они расстались. Принц первым прибыл в замок, где уговорился встретиться с братьями. Вскоре приехали и они и очень удивились, увидев во дворе деревянного коня, более резвого, чем все лошади, которых держали в школе верховой езды.

Принц вышел навстречу братьям. Они обнялись и расцеловались и стали рассказывать друг другу о своих путешествиях. Но наш принц не рассказал братьям о том, что с ним приключилось: показав им жалкую собачонку, которая прежде вращала колесо вертела, он уверил их, будто она показалась ему такой хорошенькой, что он решил привезти ее королю. Как ни дружили между собой братья, двое старших втайне обрадовались, что младший сделал такой плохой выбор. Они сидели в это время за столом, и один толкнул другого ногой, как бы говоря, что с этой стороны им нечего бояться соперничества.

На другой день братья выехали все вместе в одной карете. Два старших принца везли в корзиночках двух собачек, таких красивых и хрупких, что страшно было до них дотронуться. А младший вез несчастную собачонку, вращавшую вертел, такую грязную, что все от нее шарахались. Принцы вошли в покои короля. Король не знал, какую из собачек выбрать, потому что обе собачки, привезенные старшими братьями, были почти одинаково хороши. Братья уже

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
оспаривали друг у друга право наследовать королю, когда младший решил их спор, вынув из кармана желудь, подаренный Белой Кошкой. Он быстро его расколот, и каждый увидел крошечную собачку, которая лежала в нем на пушистой подстилке. Собачка могла бы прыгнуть сквозь обручальное кольцо, не задев его. Принц поставил ее на землю, и она тотчас стала танцевать сарабанду с кастаньетами так легко, как самая прославленная из испанских танцовщиц. Собачка переливалась всеми цветами радуги, а ее мягкая шерстка и уши свисали до самого пола. Король был весьма смущен: песик был так хорош, что придраться было просто не к чему.

Однако королю вовсе не хотелось расставаться со своей короной. Самые мелкие ее украшения были ему дороже всех собак в мире. Поэтому он сказал сыновьям, что очень доволен их стараниями, но они так успешно исполнили первое его желание, что, прежде чем сдержать слово, какое он им дал, он хочет еще раз испытать их усердие. Он дает им год на поиски полотна, такого тонкого, чтобы его можно было пропустить сквозь ушко самой тонкой вышивальной иглы. Все трое очень огорчились, что им снова придется отправиться на поиски. Но два принца, собачки которых уступали в красоте той, что привез младший, согласились. И каждый поехал своей дорогой, простившись уже не так дружелюбно, как в первый раз, потому что грязная собачонка, вращавшая вертел, несколько охладила их братские чувства.

Наш принц сел верхом на деревянного коня и, не желая помощи ни от кого, кроме Белой Кошки, на дружбу которой он надеялся, поспешно пустился в путь и вернулся в замок, где его однажды уже так хорошо приняли. Все ворота были распахнуты настежь, и замок, окна, крыша, башни и стены которого были освещены тысячами ламп, являл собой дивное зрелище. Руки, которые так хорошо прислуживали принцу раньше, снова встретили гостя и, взяв под уздцы великолепного деревянного коня, отвели его в конюшню, а принц тем временем отправился в покои Белой Кошки.

Она лежала в маленькой корзинке, на белой атласной подушечке, очень нарядной. Правда, ее ночной чепец был в беспорядке и сама она казалась грустной, но стоило ей увидеть принца, как она стала прыгать и резвиться, выказывая ему свою радость. «Хотя у меня и были причины ждать, что ты вернешься, сын короля, – сказала она, – признаюсь тебе, я все-таки не решалась надеяться на твое возвращение. Обыкновенно мне не везет и мои желания не исполняются, вот почему я так приятно удивлена». Благодарный принц осыпал Кошечку ласками. Он рассказал ей, чем увенчалось его путешествие, хотя, судя по всему, ей все было известно даже лучше, чем ему самому. Рассказал он и о том, что король пожелал, чтобы ему доставили полотно, которое могло бы пройти в игольное ушко. По правде говоря, признался принц, он не верит, что эту прихоть короля можно исполнить, но все-таки решил попытать счастья, во всем положившись на ее дружбу и содействие. Белая Кошка задумалась и сказала, что это дело не из легких, но, к счастью, в ее замке среди кошек есть искусные пряжи, да она и сама приложит лапку к работе и поторопит прях, так что пусть принц не беспокоится и не ищет далеко то, что скорее найдет у нее, нежели в каком-нибудь другом месте.

Появились руки, они внесли факелы, и принц, следуя за ними вместе с Белой Кошкой, вошел в величественную галерею, которая тянулась вдоль громадной реки, над которой зажигали удивительный фейерверк. В его огне должны были сгореть несколько кошек, которых сначала судили по всей форме. Их обвиняли в том, что они слопали жаркое, приготовленное на ужин Белой Кошке, сожрали ее сыр, выпили молоко и даже умышляли на ее особу в сговоре с Рубакой и Отшельником

[50] – крысами, весьма известными в округе – таковыми их считает Лафонтен, а этот автор всегда говорит только правду. Однако выяснилось, что дело не обошлось без интриг и многие свидетели подкуплены. Как бы то ни было, принц упросил, чтобы виновных помиловали. Фейерверк никому не причинил вреда, а таких прекрасных потешных огней не видывал еще никто в мире.

Потом подали изысканный праздничный ужин, который доставил принцу больше удовольствия, чем фейерверк, потому что он сильно проголодался, хотя деревянный конь примчал его очень быстро – с такой скоростью принцу еще никогда не приходилось скакать. Последующие дни прошли так же, как они проходили в прошлый раз, – во всевозможных празднествах, которыми изобретательная Белая Кошка развлекала своего гостя. Наверное, впервые смертный так весело проводил время с кошками, не имея вокруг никакого другого общества.

Правда, Белая Кошка была наделена живым, отзывчивым и на редкость разносторонним умом. И была такой ученой, какой кошки не бывают. Принц иногда просто диву давался. «Нет, – твердил он ей, – тут что-то не так. У вас слишком много необыкновенных талантов. Если вы любите меня, прелестная Киска, откройте мне, каким чудом вы рассуждаете и мыслите так мудро, что

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
вам впору заседать в академии среди самых великих умов?» – «Перестань задавать мне вопросы, сын короля, – говорила она. – Я не имею права отвечать на них, можешь строить какие угодно предположения, я не стану тебя оспаривать. Будь доволен тем, что, когда я с тобой, я не выпускаю коготков и принимаю близко к сердцу все, что тебя касается». Второй год пролетел так же незаметно, как первый. Стоило принцу что-нибудь пожелать, и услужливые руки тотчас доставляли ему это – будь то книги, драгоценные камни, картины или античные медали. Ему довольно было сказать: «Я мечтаю заполучить такую-то драгоценность из собрания Великого Могола или персидского шаха, такую-то коринфскую или греческую статую», – как предмет его желаний, откуда ни возьмись, появлялся перед ним, неизвестно кем доставленный. В этом была своя прелесть – ведь для разнообразия приятно оказаться владельцем прекраснейших в мире сокровищ. Белая Кошка, ни на минуту не забывавшая об интересах принца, объявила ему, что день его отъезда приближается, но чтобы он не беспокоился о полотне, в котором у него нужда, – она приготовила ему чудеснейшую ткань. «Но на этот раз, – добавила Кошка, – я хочу снарядить тебя в дорогу так, как подобает принцу твоего высокого рождения», – и, не дожидаясь ответа принца, она заставила его выглануть во двор замка. Там стояла открытая коляска из золота, расписанная алой краской и вся украшенная галантными изречениями, которые тешили и глаз и ум. В коляску четверками была впряжена дюжина белоснежных коней в сбруе из алого бархата, расшитого алмазами и отделанного золотыми пластинами. Таким же бархатом была изнутри обита коляска, а за ней следовала сотня карет: каждая запряжена восьмеркой лошадей и в каждой сидели знатные вельможи в роскошных одеждах. Кроме них за коляской следовала еще тысяча гвардейцев-телохранителей, мундиры которых были покрыты такой богатой вышивкой, что даже не видно было, из какой материи они сшиты. И самое удивительное – повсюду были портреты Белой Кошки: и среди надписей на первой коляске, и в вышивке на мундирах гвардейцев; ее портреты висели также на лентах поверх камзолов, в которые были одеты вельможи, составлявшие свиту, – словно Белая Кошка наградила их этим новым орденом. «Поезжай, – сказала принцу Кошка, – и явись ко двору твоего отца-короля так торжественно, чтобы, увидев все это великолепие, он не отказал тебе в короне, которую ты заслужил. Вот тебе орех, но смотри разбей его не раньше, чем предстанешь перед королем, – в нем ты увидишь полотно, о котором меня просил». – «Милая Беляночка, – сказал ей принц, – я так тронут вашей добротой, что признаюсь вам, если бы вы согласились, я предпочел бы провести жизнь рядом с вами, чем гнаться за почестями, на которые я, может быть, вправе рассчитывать в другом месте». – «Сын короля, – отвечала Белая Кошка, – я уверена в том, что у тебя доброе сердце, а это товар редкий среди венценосцев. Они хотят, чтобы все их любили, а сами не любят никого. Но ты доказываешь, что нет правил без исключений. Я ценю твою преданность Белой Кошке, которая, правду сказать, годна только ловить мышей». Принц поцеловал ей лапку и пустился в путь. Если бы не знать, что деревянному коню понадобилось меньше двух дней, чтобы доставить принца за пятьсот лье от замка Белой Кошки, трудно было бы представить скорость, с какой мчался он на этот раз: та самая сила, которая воодушевляла деревянного коня, так подгоняла теперешнюю упряжку принца, что он и его провожатые провели в дороге не более суток, – ни разу не сделав привала, они прибыли к королю, куда уже явились два его старших сына. Видя, что их младший брат не показывается, принцы порадовались его нерасторопности и шепнули друг другу: «Вот тебе и счастливчик, наверно, он заболел или умер, не бывать ему нашим соперником в важном деле, которое предстоит решить». И они развернули привезенные ими ткани, которые и впрямь были такие тонкие, что проходили в ушко толстой иглы, – а вот в ушко тонкой они не прошли, и король, очень обрадованный тем, что нашелся предлог оспорить их права, показал им ту иглу, какую он имел в виду: по его приказу городские советники доставили ее из городской сокровищницы, где она хранилась под крепкими замками. Этот спор вызвал большой ропот. Друзья принцев, в особенности старшего, чье полотно было более красивым, говорили, что это пустая придирка, и тут попахивает крюкотворством и плутнями. А приверженцы короля утверждали, что, поскольку условия не выполнены, король вовсе не обязан отказываться от трона. Конец препирательствам положили дивные звуки труб, литавр и гобоев – это со своей пышной свитой прибыл наш принц. И король и оба его сына были поражены таким великолепием. Почтительно поклонившись отцу и обняв братьев, принц извлек из шкатулки осыпанный рубинами орех и расколот его. Он надеялся увидеть в нем хваленое полотно, но там оказался лесной орешек поменьше. Принц разбил и этот орех и очень удивился, когда обнаружил в нем вишневую косточку. Окружающие

переглянулись, король тихонько посмеивался: он потешался над сыном, который оказался таким простаком, что поверил, будто можно привезти кусок полотна в ореховой скорлупке. А почему бы ему, собственно говоря, было не поверить, если принцу уже случилось раздобыть собачку, которая умещалась в желудке? Итак, принц расколол вишневую косточку, в ней оказалось ядрышко вишни, тут в зале поднялся гул, все хором говорили одно – принца, мол, одурачили. Принц не ответил ни слова на насмешки придворных – он расщепил ядрышко, в нем оказалось зерно пшеницы, а в нем просяное зернышко. Ну и ну! Тут уж принц и сам начал сомневаться и сквозь зубы пробормотал: «Ах, Белая Кошка, Белая Кошка! Ты посмеялась надо мной!» Но только он пробормотал эти слова, как почувствовал, что в руку ему впелись кошачьи коготки и оцарапали до крови. Он не мог понять, для чего его царапнули – чтобы подбодрить или, наоборот, чтобы лишить его мужества. И все-таки он расщепил зернышко проса, и каково же было удивление собравшихся, когда принц извлек из него четыреста локтей полотна удивительной красоты – на нем были изображены все, какие только есть на земле, птицы, звери и рыбы, деревья, фрукты и растения; все морские редкости, ракушки и скалы, все небесные светила – солнце, луна, звезды и планеты. Были на нем также изображены короли и другие государи, правившие в ту пору в разных странах, а также их жены, возлюбленные, дети и все до одного подданные, так что не забыт был даже самый убогий оборвыш. И каждый был одет соответственно своему положению и по моде своей страны. Увидев это полотно, король побледнел так же сильно, как прежде покраснел принц, смущенный тем, что так долго ищет полотно. Принесли иглу и шесть раз протянули полотно сквозь ушко в одну и в другую сторону. Король и два старших принца угрюмо молчали, хотя полотно было такой редкостной красоты, что время от времени они все-таки вынуждены были признать, что свет не видывал ничего подобного. Наконец король глубоко вздохнул и, обратившись к своим сыновьям, сказал: «Нет у меня в старости большего утешения, нежели видеть вашу ко мне почтительность, и потому я хочу подвергнуть вас еще одному испытанию. Отправьтесь странствовать еще один год, и тот, кто по истечении этого срока привезет самую прекрасную девушку, пусть женится на ней и при вступлении в брак получит мою корону: ведь моему преемнику обязательно надо жениться. А я обещаю, я клянусь, что больше не стану медлить и вручу ему обещанную награду».

Конечно, это было несправедливо по отношению к нашему принцу. И собачка, и полотно, им привезенные, стоили не одного, а десяти королевств. Но у принца было такое благородное сердце, что он не стал перечить отцу и без дальних слов сел в свою карету. Вся его свита последовала за ним, и он возвратился к своей дорогой Белой Кошке. Она заранее знала, в какой день и час он прибудет, – весь его путь был усыпан цветами, и повсюду, а в особенности во дворце, курились благовония. Белая Кошка сидела на персидском ковре под шитым золотом балдахином в галерее, откуда она могла видеть, как принц подъехал ко дворцу. Встретили принца руки, которые прислуживали ему и прежде. А все кошки повскакали на водосточные трубы и оттуда приветствовали его громогласным мяуканьем.

«Что ж, сын короля, – сказала Белая Кошка, – ты опять возвратился, не получив короны?» – «Государыня, – ответил он, – ваши милости помогли мне ее заслужить, но мне кажется, королю так жалко с ней расстаться, что, если бы я ее получил, его горе было бы куда сильнее моей радости». – «Все равно, – возразила она, – надо сделать все, чтобы ее добиться. Я тебе в этом помогу, и, раз тебе нужно привезти ко двору твоего отца прекрасную девушку, я найду тебе ту, что поможет тебе заслужить награду. А пока давайте веселиться, я приказала устроить морское сражение между кошками и злыми окрестными крысами. Мои кошки, быть может, будут смущены, они ведь боятся воды, но в противном случае на их стороне были бы слишком большие преимущества, а надо по мере возможности соблюдать справедливость». Принц был восхищен мудростью госпожи Киски. Он долго расточал ей похвалы, а потом они вместе вышли на террасу, обращенную к морю. Кошачьи корабли представляли собой большие куски пробковой коры, на которых кошки плавали довольно ловко. А крысы соединили вместе множество яичных скорлупок – это был их флот. Битва разыгралась жестокая, крысы не раз бросались в плавь, а плавали они гораздо лучше кошек, так что победа раз двадцать переходила то на одну, то на другую сторону. Но адмирал кошачьего флота Котаус поверг крысиную рать в отчаяние. Он сожрал их предводителя – старую опытную крысу, которая трижды совершила кругосветное путешествие на настоящих больших кораблях, но не в качестве капитана или матроса, а как обыкновенная любительница сала. Но Белая Кошка не хотела, чтобы несчастные крысы были полностью разгромлены. Она была мудрым политиком и полагала, что, если в стране совсем не останется ни мышей, ни крыс, ее подданные предадутся праздности, которая может нанести ей урон.

[51] Принц провел этот год так же,

как два предыдущие, то есть охотился, ездил на рыбную ловлю или сидел за шахматной доской, потому что Белая Кошка прекрасно играла в шахматы. Принц не мог удержаться и время от времени снова начинал ее расспрашивать, каким чудом она умеет говорить. Он хотел знать, уж не фея ли она, а может быть, ее колдовством превратили в кошку. Но поскольку Белая Кошка говорила всегда только то, что хотела сказать, она и отвечала лишь на то, на что хотела ответить; в этом случае она отделялась от всего не значащими словами, и принц скоро понял, что она не хочет посвящать его в свою тайну.

Ничто не течет так быстро, как безоблачные и безмятежные дни, и если бы Белая Кошка не помнила о сроке, когда принцу пора было возвращаться ко двору, сам он без сомнения забыл бы о нем. И вот накануне того дня, когда ему надо было возвращаться, Кошка сказала принцу, что от него одного зависит, привезет ли он ко двору отца одну из самых прекрасных на свете принцесс, и что настал миг разрушить чары злых фей, но для этого принц должен решиться отрубить ей голову и хвост и немедленно бросить их в огонь. «Как! – воскликнул принц. – Любимая моя Беляночка! Неужто я решусь на такое злодейство и убью вас! Нет, вы просто хотите испытать мое сердце, но, поверьте, оно никогда не изменит дружбе и признательности, какие питает к вам». – «Успокойся, сын короля, – возразила она. – Я вовсе не подозреваю тебя в неблагодарности, я знаю твою доблесть, но нашу судьбу решать не тебе и не мне. Сделай так, как я прошу, и мы оба будем счастливы. Клянусь честью благородной кошки, ты убедишься, что я твой истинный друг».

При мысли о том, что надо отрубить голову его милой Кошечке, такой прелестной и грациозной, слезы снова и снова навертывались на глаза принца. Он опять самыми нежными словами уговаривал ее избавить его от такого поручения, но она упорно твердила, что хочет погибнуть от его руки и что это единственный способ помешать его братьям получить корону. Словом, она так горячо убеждала принца, что он, весь дрожа, извлек шпагу из ножен и нетвердой рукой отсек голову и хвост своей милой подруге. И тут на его глазах совершилось дивное превращение. Тело Белой Кошки стало расти, и вдруг она превратилась в девушку, да в такую красавицу, что невозможно описать. Глаза ее покоряли сердца, а нежность удерживала их в плену. Осанка ее была величавой, весь облик благородным и скромным, она была и умна, и обходительна, словом – превыше всех похвал.

Принц, увидев ее, был поражен, но поражен так приятно, что решил, будто его околдовали. Он лишился дара речи, он глядел на прекрасную девушку и не мог наглядеться, но непослушный язык не в силах был выразить его изумление.

Принц оправился только тогда, когда вдруг появилось множество дам и кавалеров, на плечи которых были накинuty шкурки котов или кошек, и все они простерлись ниц перед королевой, радуясь тому, что она снова обрела свой природный человеческий образ. Она отвечала им так ласково, что сразу видно было, какое у нее доброе сердце. Поговорив несколько минут со своими придворными, она приказала, чтобы ее оставили наедине с принцем. И тогда она начала свой рассказ.

[52]

«Не подумайте, принц, что я всегда была Кошкой или что происхождение мое неизвестно. Отец мой был владыкой шести королевств. Он нежно любил мою мать и позволял ей делать все, что ей заблагорассудится. А она больше всего любила путешествовать, и вот, когда она была беременна мной, ей захотелось увидеть гору, про которую рассказывали всякие чудеса. На пути к этой горе королеве сказали, что неподалеку находится старинный замок, где живут феи, и что нет на свете замка красивее, по крайней мере, если верить дошедшему до нас преданию, потому что судить об этом никто не может, ибо туда не ступала нога человека; одно известно наверное – в саду у фей растут такие прекрасные плоды, сочные и нежные, каких никому и никогда не приходилось отвеживать».

Королеву, мою мать, охватило вдруг такое неистовое желание попробовать эти плоды, что она повернула к замку. Она приблизилась к воротам великолепного жилища, которое сверкало золотом и лазоревым камнем, но напрасно она стучала в двери, никто не появлялся на ее стук – казалось, замок вымер. Однако это препятствие только еще разожгло нетерпение моей матери, она послала своих слуг принести веревочные лестницы, чтобы перелезть через ограду сада, и им бы это удалось, если бы стены не стали сами собой расти у них на глазах. Тогда слуги королевы стали привязывать одну лестницу к другой, но лестницы обрывались под теми, кто пытался по ним взобраться, и люди падали на землю, ломая себе руки и ноги или разбиваясь насмерть. Королева пришла в отчаяние: она видела ветви, гнувшиеся под тяжестью плодов, которые казались ей необыкновенно вкусными, и решила, что если она их не отвежает, то умрет. И вот она приказала разбить возле замка роскошные шатры и полтора месяца прожила в них вместе со своей свитой. Она не спала, не ела, а все вздыхала и говорила только о плодах этого неприступного сада. Наконец она опасно занемогла, и никто не мог облегчить ее страдания, потому

что неумолимые феи даже ни разу не показали королеве с тех пор, как она разбила шатры поблизости от их жилища. Все придворные были в страшном горе. В шатрах раздавались только слезы да стоны, а умирающая королева просила у тех, кто ей прислуживал, принести плодов, но она желала только тех плодов, в которых ей было отказано.

Однажды ночью, когда ей удалось ненадолго забыться сном, она, проснувшись, увидела, что у ее изголовья сидит в кресле маленькая старушка, безобразная и дряхлая. Не успела королева удивиться, почему придворные дамы разрешили незнакомке приблизиться к ее особе, как та вдруг сказала: «Твое величество очень нам докучает, упрямо желая отведать плодов с наших деревьев. Но поскольку дело идет о твоей драгоценной жизни, мы решили уделить тебе столько плодов, сколько ты сможешь унести с собой и съесть здесь, на месте, однако за это ты должна сделать нам подарок». – «Ах, добрая матушка, – воскликнула королева, – говорите, я готова отдать вам мое королевство, мое сердце, мою душу, только бы поесть ваших плодов, мне за них ничего не жалко отдать». – «Мы хотим, – отвечала старуха, – чтобы ты отдала нам дочь, которую носишь в своем чреве. Как только она родится на свет, мы возьмем ее к себе. Мы сами ее вырастим, мы одарим ее всеми добродетелями, красотой и ученостью, словом, она станет нашим дитятей, мы сделаем ее счастливой, но помни, что Твое величество увидит ее не раньше, чем она выйдет замуж. Если ты согласна на эти условия, я тотчас вылечу тебя и отведу в наш сад. Хотя сейчас ночь, тебе все будет видно как днем, и ты сможешь выбрать все, что захочешь. А если мои слова тебе не по нраву, спокойной ночи, госпожа королева, я иду спать». – «Как ни жестоки ваши условия, – отвечала королева, – я их принимаю, потому что иначе я умру: я чувствую, что не протяну и дня, а стало быть, погибнув сама, погублю свое дитя. Вылечите меня, мудрая фея, – продолжала она, – и позвольте мне без промедления воспользоваться обещанным правом».

Прикоснувшись к королеве золотой палочкой, фея сказала: «Да избавится Твое величество от недуга, который приковывает тебя к постели», – и тотчас королеве показалось, будто ее тело освободили от сковывавших его тяжелых и грубых одежд, только кое-где она все-таки еще ощущала их прикосновение – должно быть, в этих местах болезнь поразила ее особенно глубоко. Королева позвала своих дам и, улыбаясь, сказала им, что чувствует себя отлично, сейчас она встанет, перед ней наконец-то распахнутся крепко запертые, неприступные двери волшебного замка и она сможет поесть чудесных плодов и унести их с собой.

Дамы все до одной вообразили, что королева бредит и в бреду ей мерещатся вожделенные плоды. Не отвечая ей, они залились слезами и пошли будить врачей, чтобы те посмотрели, что с королевой. А королева была в отчаянии от этого промедления. Она приказала, чтобы ей немедленно подали ее платье, – дамы отказывались, королева рассердилась, покраснела. Окружающие решили, что у нее лихорадка. Однако пришли врачи и, пощупав у королевы пульс и вообще проделав все, что полагается в подобных случаях, должны были признать, что королева совершенно здорова. Придворные дамы, поняв, какую оплошность совершили из усердия, поспешили ее загладить, как можно скорее одев королеву. Каждая попросила у нее прощения, все успокоилось, и королева поспешила вслед за старой феей, которая по-прежнему ее ждала.

Королева вошла во дворец, который был так прекрасен, что никакой другой дворец не мог с ним сравниться. Вы легко поверите мне, принц, – добавила Белая Кошка, – если я скажу вам, что это тот самый дворец, где мы с вами сейчас находимся. Две другие феи, моложе первой, встретили мою мать на пороге и любезно ее приветствовали. Она просила их тотчас проводить ее в сад, к шпалерам, где растут самые лучшие плоды. «Все они равно хороши, – отвечали феи, – и если бы не твое желание самой их сорвать, мы могли бы просто кликнуть их и они явились бы на наш зов». – «Умоляю вас, сударыни, – воскликнула королева, – дайте мне приятную возможность увидеть это чудо». Старшая из фей вложила в рот пальцы и три раза свистнула, а потом крикнула: «Абрикосы, персики, вишни, сливы, груши, черешни, дыни, виноград, яблоки, апельсины, лимоны, смородина, клубника, малина, явитесь на мой зов!» – «Но ведь те, кого вы зовете, – удивилась королева, – зреют в разное время года». – «В нашем саду не так, – отвечали феи. – Все плоды, растущие на земле, у нас круглый год бывают спелыми, сочными и никогда не гниют и не червивеют».

И в эту минуту явились все те, кого созвала фея, – они катились и прыгали все попережку, но при этом не мялись и не пачкались, и королева, горя нетерпением исполнить свое желание, кинулась к ним и схватила первые, какие подвернулись ей под руку. Она не съела, а жадно проглотила их.

Утолив немного свой голод, она попросила фей провести ее к шпалерам, чтобы полюбоваться плодами, прежде чем их нарвать. «Охотно, – ответили все три, – только не забудь про обещание, что ты нам дала, тебе уже нельзя от него

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org отступиться». – «Я уверена, – сказала королева, – что жить у вас очень приятно, а дворец ваш так прекрасен, что, не любя я горячо моего супруга-короля, я бы и сама охотно осталась с вами. Поэтому не бойтесь, я не нарушу свое слово». Феи, очень довольные ее словами, открыли королеве все калитки и ворота, и она оставалась в их саду три дня и три ночи, не желая уходить, – так ей понравились плоды. Она нарвала плодов и про запас и, поскольку они никогда не портятся, приказала нагрузить ими четыре тысячи мулов, чтобы увезти их с собой. Феи дали королеве золотые корзины искусной работы, чтобы было куда положить подаренные ими плоды, и преподнесли ей много драгоценных редкостей. Они обещали королеве растить меня как принцессу, наделить меня всеми совершенствами и найти для меня мужа, а королеву они, мол, уведомят о дне бракосочетания и надеются, что она явится на свадьбу.

Король был счастлив, что королева наконец вернулась, радовался и весь двор, балы сменялись маскарадами, конными состязаниями и всевозможными пиршествами, и на них, как особое лакомство, подавали плоды, привезенные королевой. Король предпочитал их всем другим угощениям. Он ведь ничего не знал о договоре, который королева заключила с феями, и часто спрашивал ее, в какой стране она побывала и где ей удалось найти такие удивительные плоды. Королева отвечала, что они растут на горе, почти неприступной, но в другой раз уверяла, что они растут в долинах, а потом, что в саду или в густом лесу. Король дивился противоречивым ответам королевы. Он пытался расспросить ее спутников, тех, кто сопровождал королеву в путешествии, но она столько раз наказывала им молчать о ее приключении, что они не смели открыть рта. Однако, видя, что скоро ей придет срок родить, королева стала с беспокойством думать о том, что обещала феям, и впала в глубокую печаль. Она поминутно вздыхала и менялась на глазах. Король потерял покой. Он стал просить королеву рассказать ему, что ее тревожит, и после мучительных колебаний она наконец призналась ему во всем, что произошло между нею и феями и как она обещала им отдать дочь, которую она родит. «Что я слышу! – воскликнул король. – У нас нет детей, вы знаете, как я о них мечтаю, и ради того, чтобы съесть несколько яблок, вы способны были обещать в дар свою дочь? Значит, вы совсем меня не любите». И он осыпал королеву такими жестокими упреками, что моя несчастная мать едва не умерла с горя. Но король этим не удовольствовался – он приказал запереть королеву в башню, а кругом поставил охрану, чтобы она не могла сноситься ни с кем, кроме тех, кто ей прислуживал, и притом он удалил всех придворных, которые сопровождали королеву в замок к феям.

Разлад между королем и королевой поверг весь двор в страшное уныние. Вместо прежних богатых одежд все надели другие, выражавшие всеобщий траур. Что до короля, он был неумолим – он больше не желал видеть свою супругу и, едва я появилась на свет, повелел перенести меня к себе во дворец, чтобы я росла возле него, а моя несчастная мать оставалась пленницей. Феи, конечно, знали обо всем происходящем. Они разгневались – они хотели, чтобы я жила у них, они смотрели на меня как на свою собственность и считали, что меня у них украли. Прежде чем найти способ мести, соразмерный их гневу, они послали королю пышное посольство, предлагая ему освободить королеву из заточения, вернуть ей свою милость и прося также отдать меня посламу, чтобы самим меня вырастить и воспитать. Но посланцы фей были такими крохотными и уродливыми – это были безобразные карлики, – что они не сумели убедить короля. Он грубо отказал им в просьбах, и, если бы они не поспешили уехать, быть может, им пришлось бы совсем плохо.

Узнав о том, как поступил мой отец, феи пришли в страшную ярость, и, обрушив на шесть его королевств страшные бедствия, чтобы их опустошить, наслали на них еще и ужасного дракона, который отравлял ядом все места, где проходил, пожирал мужчин и детей и своим дыханием губил деревья и растения. Король был в отчаянии, он вопрошал всех мудрецов своего королевства о том, что ему делать, чтобы спасти своих подданных от обрушившихся на них несчастий. Мудрецы посоветовали ему созвать со всего мира лучших врачей и привезти самые лучшие лекарственные растения, а кроме того обещать жизнь осужденным на смерть преступникам, которые захотят сразиться с драконом. Королю понравился этот совет, он ему последовал, но это не помогло. Люди продолжали умирать, а дракон сожрал всех тех, кто решился с ним сразиться, так что пришлось королю обратиться за помощью к фее, которая покровительствовала ему с ранних лет. Она была очень стара и почти не вставала с постели, король сам отправился к ней и стал ее укорять, что она видит, как его преследует судьба, но не хочет ему помочь. «Я ничего не могу сделать, – сказала фея. – Вы разгневали моих сестер. Мы обладаем равной властью и редко действуем друг против друга. Лучше умиловите их, отдав им вашу дочь, – маленькая принцесса принадлежит им. Вы посадили королеву в темницу, но чем провинилась перед вами эта славная женщина, что вы обошлись

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
с ней так жестоко? Решитесь исполнить слово, которое она дала феям, и, поверьте мне, вы будете осыпаны благодарениями».

Король, мой отец, нежно меня любил, но, не видя другого средства спасти свое королевство и избавить его от губителя-дракона, он сказал своей приятельнице-фее, что решил последовать ее совету и готов отдать меня феям, поскольку она уверяет, что меня будут холить и лелеять, как подобает принцессе моего происхождения, что он также вернет во дворец королеву и просит фею сказать, кому он должен поручить отнести меня в волшебную обитель фей. «Принцессу в ее колыбели надо отнести на вершину Цветочной горы, – отвечала фея, – вы можете даже остаться поблизости, чтобы стать свидетелем праздника, которое там разыграется». Тогда король сказал ей, что через неделю он вместе с королевой пойдет на эту гору и пусть, мол, фея предупредит своих сестер, чтобы они устроили все, как найдут нужным. Едва король вернулся в замок, он послал за королевой и принял ее так же ласково и торжественно, как гневно и сурово отправлял ее в заточение. Она была удручена и настолько изменилась, что он с трудом узнал бы ее, если бы сердце не уверило его, что перед ним та самая женщина, которую он любил. Со слезами на глазах он просил ее забыть все горести, какие ей причинил, и заверил ее, что больше никогда в жизни ничем ее не огорчит. Она отвечала ему, что сама навлекла на себя эти горести, опрометчиво посулив феям отдать им свою дочь, и извинить ее может только то, что она была тогда в ожидании. Король сказал жене, что решил отдать меня феям. Тут уже королева стала противиться его намерению. Можно было подумать, что это какой-то рок и что мне навеки суждено стать предметом несогласий между моими родителями. Моя мать долго стенала и плакала, но не добилась того, чего хотела (король видел, какие страшные последствия влечет за собой неповиновение феям, потому что наши подданные продолжали погибать, словно они были виноваты в прегрешениях нашей семьи); тогда наконец королева уступила и все было приготовлено для церемонии.

Меня положили в колыбель из перламутра, украшенную творениями самого изысканного искусства. Колыбель была вся увита живыми цветами и гирляндами из разноцветных драгоценных камней, которые под лучами солнца сверкали так ослепительно, что на них больно было смотреть. Роскошь моего наряда превосходила, если только это возможно, роскошь колыбели: свивальники мои скреплены были крупными жемчужинами. Несли меня на особых легчайших носилках двадцать четыре принцессы королевского рода, одеты принцессы были по-разному, но в знак моей невинности им должно было быть во всем белом. А за нами шествовали придворные – каждый на подобающем его званию месте. Поднимаясь по склону горы, все услышали мелодичную музыку, которая все приближалась. Наконец появились феи – их было числом тридцать шесть, потому что они созвали всех своих подруг. Каждая сидела в жемчужной раковине, больше той, на которой Венера явилась из морской пены. Везли их морские кони, которые довольно неуверенно ступали по земле, феи были наряжены более роскошно, нежели первые среди земных королей – но при том они были старыми и безобразными. Они держали в руках оливковую ветвь, чтобы дать знать королю, что своим послушанием он заслужил их милость. И когда меня передали в их руки, они осыпали меня такими бурными ласками, что можно было подумать, будто отныне нет у них в жизни другой цели, как только сделать меня счастливой.

Дракон, мстивший по их повелению моему отцу, шел следом за ними на алмазной цепи. Феи передавали меня из рук в руки, ласкали, одарили меня множеством счастливых свойств, а потом начали танец фей. Это очень веселый танец: трудно даже представить себе, как резво скакали и прыгали старые дамы. Потом к ним подполз на коленях дракон, пожравший столько людей. Три феи – те, кому моя мать обещала меня подарить, – уселись на него верхом, а мою колыбель поставили посредине, и едва они хлестнули дракона волшебной палочкой, как он расправил огромные чешуйчатые крылья, более тонкие, чем самый тонкий шелк. На этом драконе феи направились в свой замок. Моя мать, увидев, что меня водрузили на спину страшного чудовища, не удержалась и стала кричать. Но король утешил жену, сославшись на свою покровительницу-фею, которая заверила его, что мне не сделают ничего худого и печься обо мне будут так же, как пеклись бы в его собственном дворце. Королева успокоилась, хотя ей очень грустно было со мной расстаться на такой долгий срок, да еще по собственной вине, потому что, не захоти она отведать плодов из волшебного сада, я осталась бы в королевстве своего отца и на мою долю не выпали бы те горести, о каких мне предстоит вам рассказать.

Знайте же, сын короля, что мои стражницы выстроили для меня башню, в которой было множество красивых комнат – для каждого времени года свои, а в них дорогая мебель, интересные книги, но дверей в башне не было – проникнуть в нее можно было только через окна, расположенные очень высоко.

В башне был прекрасный сад с цветами, фонтанами и сводами зеленых аллей, защищавших от зноя в самый разгар жары. В этой башне феи вырастили меня, окружив меня заботой, большей даже, чем они обещали королеве. Одета я была всегда по самой последней моде и так роскошно, что, если бы кто-нибудь меня увидел, он решил бы, что на мне свадебный наряд. Меня учили всему, что положено знать особе моего возраста и происхождения. Я не доставляла феям хлопот – я усваивала все с неопишуемой легкостью. Моя кротость была им по нраву, и, так как я никогда никого, кроме них, не видела, может статься, я и прожила бы в покое до конца моих дней.

Феи постоянно навещали меня верхом на драконе, о котором я уже рассказывала. Они никогда не упоминали ни о короле, ни о королеве, они называли меня своей дочерью, и я им верила. В башне со мной жили только попугай и маленькая собачка, которых феи подарили мне, чтобы те меня развлекали, потому что оба были наделены разумом и говорили человеческим языком.

Башня одной своей стороной выходила к оврагу, по дну которого тянулась дорога, она была вся в колдобинах и заросла деревьями, вот почему, с тех пор как меня поместили в башню, я ни разу не видела, чтобы по ней кто-нибудь ехал. Но однажды, когда я стояла у окна, беседуя с попугаем и собачкой, я услышала шум. Я огляделась по сторонам и увидела молодого всадника, который остановился послушать наш разговор. До тех пор я видела мужчин только на картинах. Я вовсе ничего не имела против этой неожиданной встречи и, не подозревая о том, как опасно созерцать предмет, достойный любви, подошла ближе, чтобы получше разглядеть юношу, и чем больше я на него смотрела, тем больше удовольствия мне это доставляло. Он низко поклонился мне, не сводя с меня взгляда, и видно было, что он в затруднении ищет способа поговорить со мной: окно мое было расположено очень высоко и он боялся, что его могут услышать, а он знал, что я живу в замке у фей. Стемнело совсем неожиданно, или, точнее сказать, мы просто не заметили, как стемнело: молодой человек несколько раз протрубил в рог, усладив мой слух его звуками, и скрылся. Но было настолько темно, что я даже не увидела, в какую сторону он ускакал. Я глубоко задумалась, мне уже не доставляла обычного удовольствия болтовня моего попугая и собачки. Между тем они говорили очень забавно, потому что волшебные животные наделены остроумием, но мысли мои были заняты другим, а притворяться я не умела. Попугай это заметил, но он был хитер и не подал виду, какие сделал наблюдения. Встала я с рассветом. И сразу бросилась к окну. Я была приятно удивлена, увидев у подножья башни молодого кавалера. На нем был роскошный наряд. Наверно, он надел его ради меня, – подумала я и не ошиблась. Молодой человек говорил со мной через своеобразный рупор, который усиливает голос, с его помощью он сказал мне, что до сих пор был равнодушен к красавицам, которых ему пришлось встречать, но моя красота в мгновение ока так его поразила, что отныне ему просто необходимо видеть меня каждый день – иначе он умрет. Я была очень довольна его любезными словами, но огорчилась, что не смею ему ответить: ведь для этого мне надо было громко кричать, а тогда феи услышали бы меня лучше, чем он. В руках у меня были цветы, я бросила их ему, он принял их как несказанную милость, осыпал поцелуями и стал меня благодарить. Потом он спросил, дозволю ли я ему каждый день в назначенный час приходить ко мне под окно и не соглашусь ли я подарить ему что-нибудь на память. У меня на руке было бирюзовое кольцо, я сорвала его с пальца и торопливо бросила юноше, сделав знак, чтобы он немедленно удалился, потому что услышала, как с другой стороны к башне на своем драконе приближается фея Злодейка, которая везет мне завтрак.

Первыми словами, какие она произнесла, оказавшись в моей комнате, были: «Я чую человеческий голос! [53]Ищи, дракон!» Что со мной сделалось! Я помертвела от страха при мысли, что дракон вылетит через другое окно, преследуя юношу, который был мне уже далеко не безразличен. «Вы, конечно, шутите, добрая моя матушка, – сказала я (старая фея требовала, чтобы я называла ее матушкой). – Вы шутите, когда говорите, будто чуете человеческий голос. Разве голоса пахнут? Да и если это так, какой смертный решится подняться в эту башню?» – «Ты права, дочь моя, – отвечала она, – я очень рада, что ты так разумно рассуждаешь, просто моя ненависть к людям столь велика, что иногда мне кажется, будто они неподалеку». Она протянула мне мой завтрак и мою прялку. «Когда поешь, садись за работу, вчерашний день ты провела в праздности, – сказала она, – мои сестры будут сердиться». И в самом деле, я так много думала о незнакомце, что не притрагивалась к работе.

Как только фея улетела, я упрямо отбросила прялку и поднялась на террасу, чтобы видеть как можно дальше вокруг. У меня была отличная подзорная труба

[54]– все было доступно моему взору, я огляделась кругом и на вершине горы увидела моего незнакомца. Окруженный пышным двором, он отдыхал

под сенью богатого, затканного золотом шатра. Я поняла, что он сын какого-нибудь короля, живущего по соседству с волшебным замком. Опасаясь, как бы страшный дракон не учуял юношу, если он снова придет к башне, я приказала попугаю лететь к этой горе; там он найдет того, кто со мной говорил, пусть попросит его от моего имени больше не возвращаться, потому что я боюсь, чтобы феи, зорко меня стерегущие, не сыграли с ним злой шутки. Попугай исполнил мое поручение, как подобает умной птице. Придворные были очень удивлены, когда он, взмахнув крыльями, опустился на плечо принца и что-то зашептал ему на ухо. Принца это посольство и обрадовало, и огорчило. Ему было приятно, что я о нем беспокоюсь, но препятствия, мешавшие ему беседовать со мной, удручали его, хотя и не угасили в нем решимость снискать мое расположение. Он засыпал попугая расспросами, а попугай в свою очередь засыпал расспросами принца, потому что от природы был любопытен. Принц просил гонца передать мне кольцо взамен моего бирюзового: кольцо принца тоже было из бирюзы, но гораздо красивее моего, оно было вырезано в форме сердца и усыпано алмазами. «По справедливости, – сказал принц попугаю, – я должен обойтись с вами, как с послом. Вот вам мой портрет, не показывайте его никому, кроме вашей очаровательной госпожи». И он спрятал под крылом попугая свой портрет, а кольцо попугай нес в клюве. Я ждала возвращения своего зеленого гонца с нетерпением, дотоле мне неведомым. Попугай объявил мне, что тот, к кому я его послала, могущественный государь, что он принял его как нельзя лучше и я должна знать: отныне он живет и дышит только ради меня; пусть являться к башне грозит ему опасность, он готов лучше погибнуть, чем не видеться со мной. Эти новости повергли меня в страшную тревогу, я заплакала. Попугай и собачка стали наперебой меня утешать, ведь они меня горячо любили. Потом попугай отдал мне кольцо принца и показал его портрет. Признаюсь вам, возможность созерцать вблизи того, кого я видела только издали, доставила мне ни с чем не сравнимую радость. Принц понравился мне еще больше, чем прежде; в голове моей теснилось множество мыслей, и отрадных, и печальных, которые привели меня в необычное волнение. Феи, явившиеся меня навестить, тотчас это заметили. Они решили между собой, что я, как видно, затосковала и надо найти мне мужа из мира фей. Они перебрали многих женихов и наконец остановили свой выбор на короле-карлике Мигонне, королевство которого лежало в пятистах тысячах миль от их замка. Но феи это не смущало. Попугай подслушал, что говорилось на их благородном совете, и рассказал обо всем мне. «Ах, дорогая моя госпожа, – добавил он, – как мне вас жалко, если вам придется стать королевой Мигоннетой. Король уродец, на которого страшно смотреть. Мне очень грустно вам это говорить, но, по правде сказать, принц, который вас любит, не взял бы его даже в лакеи». – «А разве ты видел его, попугай?» – «Еще бы, – отвечал он. – Мы выросли на одной ветке». – «То есть как это на ветке?» – переспросила я. «Ну, да, – сказал попугай. – На ногах у Мигонне орлиные когти [55]».

Этот рассказ поверг меня в глубокое горе. Я глядела на портрет прекрасного принца, я понимала, что он подарил попугаю портрет только для того, чтобы я могла его видеть. И когда я сравнивала принца с Мигонне, я теряла вкус к жизни и готова была лучше умереть, чем выйти замуж за карлика. Ночь я провела без сна. Попугай и собачка развлекали меня разговорами. Под утро я наконец задремала, и тут собачка, у которой был тонкий нюх, почувствовала, что принц стоит у подножья башни. Она разбудила попугая: «Готова биться об заклад, – сказала собачка, – что принц стоит внизу». – «Замолчи, трещотка, – отвечал попугай. – Сама ты почти не смыкаешь глаз, и уши у тебя на макушке, вот ты и не даешь спать другим». – «Побьемся об заклад, – настаивала добрая собачка, – я знаю, что он там!» – «А я уверен, что его там нет, – возразил попугай. – Разве я сам от имени нашей госпожи не запретил ему сюда являться?» – «Ну и насмешил ты меня своими запретами, – воскликнула собачка. – Да разве влюбленный станет слушать кого-нибудь, кроме своего сердца?» – И с этими словами песик с такой силой стал теревить крылья попугая, что тот рассердился. Крики обоих разбудили меня, они объяснили мне, из-за чего у них вышел спор, я бросилась или, лучше сказать, подлетела к окну и увидела принца – он протягивал ко мне руки и через свой рупор объявил мне, что более не может без меня жить и молит меня найти способ покинуть башню или впустить его внутрь, что он клянется всеми богами, небом, землей, огнем и водой, [56] что он тотчас назовет меня своей супругой и я стану одной из самых могущественных королев в мире. Я приказала попугаю передать принцу, что его желание почти неисполнимо, но все же, полагаясь на его слова и клятвы, я постараюсь исполнить его просьбу; но я умоляю его не приходить сюда каждый день, потому что его могут заметить, а феи не знают пощады.

Он ушел вне себя от радости, окрыленный надеждой, которую я ему подала, а я, обдумав то, что ему обещала, совершенно растерялась. Как выйти из башни,

в которой нет дверей? Да притом не имея других помощников, кроме попугая и собачки. И к тому же я так молода и неопытна! И так боязлива. Я решила даже и не делать попытки предпринять то, в чем я никогда не преуспею, и послала попугая передать это принцу. Принц хотел покончить счеты с жизнью прямо на глазах у попугая и поручил ему уговорить меня прийти к нему, чтобы увидеть, как он умрет, или утешить его. «Государь! – вскричал крылатый посол, – мою госпожу уговаривать не надо – она полна желаний вас утешить, но это не в ее власти».

Когда попугай сообщил мне обо всем происшедшем, я стала горевать еще сильнее. Явилась фея Злодейка, она заметила, что глаза у меня покраснели и опухли, она поняла, что я плакала, и сказала, что, если я не открою ей причину моих слез, она меня сожжет. Ее угрозы всегда были ужасны. Я, вся дрожа, отвечала, что устала сидеть за прялкой и что мне хочется сплести сети, чтобы ловить птичек, которые расклевали плоды в моем саду. «Из-за этого плакать не стоит, дочь моя, – сказала она. – Я принесу тебе столько шнурков, сколько ты захочешь». И в самом деле она доставила мне шнурки в тот же вечер, но наказала поменьше работать и прихорошиться, потому что скоро явится король Мигонне. Я содрогнулась от этой горестной вести, но промолчала.

Как только она улетела, я села плести сеть, но на самом деле я плела веревочную лестницу, и она получилась отличной, хотя до тех пор мне не случалось видеть веревочных лестниц. Правда, тех шнурков, что принесла фея, мне не хватило, а она повторяла: «Дочь моя, твоя работа похожа на ту, что делала Пенелопа, [57]она не двигается с места, а ты все просишь новых шнурков». – «Как вам будет угодно, добрая матушка, – отвечала я, – но разве вы не видите, что я не знаю, как плетут сети, и только все порчу? Но может, вы боитесь, что я разорю вас на этих шнурках?» Мое простодушие позабавило фею, хотя, вообще говоря, она была всегда хмурая и очень жестокая.

Я послала попугая передать принцу, чтобы он явился вечером под окно башни, где он увидит лестницу, а что делать дальше, я скажу ему, когда он придет. Я и в самом деле накрепко привязала лестницу к окну, решив бежать вместе с ним. Но, увидев лестницу, принц не стал ждать, пока я спущусь, а сам поспешил взобраться по ней и вошел в мою комнату в ту минуту, когда я уже приготовила все для своего бегства.

Я так обрадовалась его появлению, что даже забыла об опасности, нам угрожающей. Он возобновил свои клятвы и умолял меня, не откладывая, назвать его своим супругом.

[58]Свидетелями нашего бракосочетания стали попугай и собачка. Никогда еще свадьба двух таких знатных особ не была отпразднована столь скромно и незаметно, но не бывало при этом сердец счастливее наших.

Принц покинул меня еще до рассвета; я поведала ему страшный замысел феи выдать меня за карлика Мигонне, я описала ему внешний вид уродца – принцу он внушил такой же ужас, как и мне. Едва мой супруг ушел, минуты потянулись для меня как годы. Я подбежала к окну, я старалась разглядеть его в темноте, но каково же было мое изумление, когда я увидела в воздухе огненную колесницу, влекомую крылатыми саламандрами, которые летели так быстро, что глаз едва успевал их различить. За колесницей верхом на страусах мчались телохранители. Я не успела рассмотреть чудовище, которое таким образом летело по воздуху, но я сразу поняла, что это какая-нибудь волшебница или колдун.

А через некоторое время в мою комнату вошла фея Злодейка. «У меня для тебя хорошие вести, – объявила она. – Несколько часов назад прибыл твой жених. Приготовься его принять. Вот твой наряд и драгоценности». – «Кто вам сказал, что я хочу выйти замуж? – воскликнула я. – У меня вовсе нет такого намерения. Отшлите прочь короля Мигонне, ради него я не приколю и лишней булавки: покажусь я ему красивой или уродиной, все равно ему меня не выдать». – «Ого-го! – сказала, разозлившись, фея, – Экая бунтовщица! Экая безмозглая девчонка! Но я не шучу, я тебя...» – «А что еще вы можете мне сделать? – прервала я фею, покраснев от ее бранных слов. – Что может быть печальнее моей участи – влачить свои дни в башне в обществе попугая и собачки, по нескольку раз на дню любясь устрашающим видом зловещего дракона?» – «Ах, негодница! – вскричала фея. – И зачем только мы холили тебя и лелеяли? Недаром я говорила сестрам, что нам оплатят черной неблагодарностью». И она пошла к сестрам и рассказала им о нашей ссоре. И все они были разгневаны моим поведением.

Попугай и собачка стали горячо меня убеждать, что, если я буду продолжать упрямяться, я навлеку на себя страшные беды. Но я так гордилась тем, что мне принадлежит сердце могущественного государя, что пренебрегла и гневом фей, и советами моих бедных маленьких приятелей. Я не стала наряжаться и нарочно причесалась кое-как, чтобы отвратить от себя Мигонне. Наше

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
знакомство произошло на террасе. Он спустился туда на своей огненной колеснице. С тех пор как в мире появились карлики, никогда еще свет не видывал такого крошки. Он ступал по земле своими орлиными лапами и в то же время коленями, потому что ноги у него были без костей, да вдобавок ему еще приходилось опираться на алмазные костыли. Его королевская мантия, длиной всего в половину локтя, на треть волочилась по земле. Голова у него была размером с громадный бочонок, а нос такой длинный, что на нем сидела целая стая птиц – карлика забавлял их щебет; борода у него была такая густая, что в ней свили гнезда канарейки, а уши на целый локоть торчали над головой, но это было почти незаметно, потому что карлик носил высокую остроконечную корону, чтобы казаться выше ростом. От пламени, извергаемого его колесницей, спеклись плоды, высохли цветы и иссыкли родники в моем саду. Он двинулся ко мне, открыв объятья, я застыла на месте как вкопанная. Первому конюшему пришлось приподнять карлика, но, едва он поднес его ко мне, я убежала к себе в комнату, заперла все окна, а Мигонне в страшном гневе отправился к феям.

Они снова и снова просили у него прощения за мою неучтивость и, чтобы умиловить Мигонне, так как они его боялись, решили ночью, когда я буду спать, привести карлика в мою комнату и, связав меня по рукам и ногам, погрузить в его огненную колесницу, чтобы он увез меня с собой. Составив такой план, феи почти не стали меня бранить за мое поведение. И только сказали, что надо постараться искупить мою вину. Попугай и собачка очень удивились такой снисходительности фей. «Мое сердце чует недоброе, госпожа, – сказала мне собачка. – От фей можно ждать чего угодно, в особенности от Злодейки». Но я посмеялась над ее страхами и с нетерпением стала ждать своего дорогого супруга. Также сгорая от нетерпения, он не замедлил явиться: я бросила ему веревочную лестницу в решимости бежать вместе с ним. Он легко взобрался в мою комнату и стал говорить мне такие нежные слова, что я и сейчас не решаюсь их вспоминать.

Мы беседовали так безмятежно, как если бы находились в его дворце, и вдруг кто-то вышиб окна моей комнаты и влетели феи на своем ужасном драконе. За ними в огненной колеснице следовал Мигонне, а за ним его телохранители на страусах. Принц бесстрашно выхватил шпагу, думая только о том, как уберечь меня от самой страшной участи, какая только возможна, и – что вам сказать, государь? Жестокосердые созданья натравили на принца своего дракона, и дракон сожрал его на моих глазах.

Обезумев от горя, я сама бросилась в пасть чудовища, желая, чтобы дракон проглотил и меня, как он только что проглотил того, кто был мне дороже всего на свете. Дракон и сам был не прочь меня сожрать, но этого не захотели феи, более жестокие, чем дракон. «Нет, – воскликнули они, – ее надо обречь на более долгие муки, быстрая смерть – слишком мягкая кара для этой недостойной особы!» Они дотронулись до меня своей палочкой, и я вдруг превратилась в Белую кошку. Они привели меня в этот замок. Они превратили в кошек и котов всех дам и кавалеров, подданных моего отца, а некоторых сделали невидимками, у которых видны только руки. Меня же оставили в том горестном виде, в каком вы меня нашли, и, открыв мне, кто были мои покойные отец и мать, объявили, что вернуть человеческий облик мне может только принц, как две капли воды похожий на супруга, [59] которого они у меня отняли. Это вы, государь, оказались на него похожи, – продолжала она, – те же черты, те же манеры, тот же голос. Они поразили меня при первой же нашей встрече. Я знала обо всем, что должно случиться. Я и сейчас знаю, что меня ждет: мои мучения кончатся». – «А долго ли будут длиться мои, прекрасная королева?» – воскликнул принц, бросаясь к ее ногам. «Я уже полюбила вас больше своей жизни, государь, – отвечала королева, – но пора ехать к вашему отцу, посмотрим, как он меня примет и согласится ли на то, чего вы хотите».

Королева вышла, опираясь на руку принца, и села с ним в карету, куда более роскошную, чем те, что были у него прежде. Да и все остальное убранство их экипажа было под стать карете, а подковы у лошадей – изумрудные и подбиты алмазными гвоздями. Такого великолепия выезда, наверно, никто никогда больше не видел. Не стану пересказывать приятных бесед, какие вели между собой королева с принцем: никто не мог сравниться с ней не только красотой, но и умом, а молодой принц не уступал ей ни в чем, немудрено, что им приходили в голову самые изысканные мысли.

Когда они оказались вблизи замка, где принца должны были ждать два его старших брата, королева спряталась в маленькой хрустальной скале; все грани хрустала были усыпаны золотом и рубинами, сама скала – вся занавешена, чтобы королеву нельзя было увидеть, а несли скалу молодые люди, стройные и богато одетые. Принц остался в своей карете, он заметил братьев, которые прогуливались об руку с принцессами замечательной красоты. Узнав младшего брата, принцы тотчас подошли к нему и спросили, привез ли он невесту. Он

ответил, что ему не повезло, за время путешествия он встречал только уродливых женщин, но зато он привез другую редкость – маленькую Белую Кошку. Братья стали потешаться над его простодушием. «Кошку, – сказали они, – вы что, боитесь, как бы мыши не опустошили наш дворец?» Принц ответил, что, пожалуй, и впрямь неразумно было привозить такой подарок отцу. И с этим все они направились в город.

Старшие братья вместе со своими принцессами сели в кареты из золота и лазоревого камня, лошади их были украшены султанами и эгретами. Блистательней этой кавалькады ничего нельзя было представить. Наш молодой принц следовал за братьями, а за ним несли хрустальную скалу, которой восхищались все встречные.

Придворные поспешили сообщить королю о прибытии принцев. «Привезли ли они прекрасных дам?» – осведомился король. «Таких прекрасных, что прекраснее быть не может». Этот ответ раздосадовал короля. Старшие принцы поспешили явиться к отцу со своими удивительными принцессами. Король встретил их очень радушно и не мог решить, какой отдать предпочтение. Потом он взглянул на младшего сына и спросил: «А вы на сей раз явились ни с чем?» – «Ваше величество увидите в этой скале маленькую Белую Кошечку, – ответил принц. – Она так нежно мурлычет и у нее такие мягкие лапки, что она вам понравится». Король улыбнулся и сам подошел к скале, чтобы ее открыть. Но едва он приблизился к ней, королева нажала пружинку, скала распалась на части, а она сама явилась, как солнце, некоторое время скрывавшееся в тучах. Ее золотые волосы рассыпались по плечам и крупными локонами спускались до самого пола. На голове ее был венок из цветов, платье из легкого белого газа подбито розовой тафтой. Она сделала королю глубокий реверанс, а тот не мог сдержать восторга и воскликнул: «Вот она, та, с которой никто не может сравниться и кто заслужил мою корону». – «Государь, – отвечала она, – я явилась сюда не затем, чтобы отнять у вас королевство, которым вы правите так достойно. Мне от рождения принадлежат шесть королевств. Позвольте преподнести одно из них вам и по одному каждому из ваших сыновей. Взамен же я прошу у вас только подарить мне свою дружбу и дать мне в супруги этого молодого принца. А нам с ним хватит оставшихся трех королевств». И король, и все его придворные долго восклицали от радости и изумления. Свадьбу младшего принца сыграли тут же, как и свадьбы двух его братьев, так что весь двор много месяцев подряд предавался увеселениям и удовольствиям. Потом каждый уехал к себе править своим государством. А прекрасную Белую Кошку до сих пор помнят в ее королевстве, как из-за ее доброты и щедрости, так из-за ее красоты и редких добродетелей.

Лишилось силы колдовство,

И в Кошечке наш принц увидел совершенство –

Красавицу, что всех желанней для него,

Готовую делить и труд с ним, и блаженство.

Когда внушить любовь захочет чудный взгляд,

Противятся не слишком яро,

А благодарность эти чары

Усиливает во сто крат.

Забуть ли эту мать, что прихотью свою

На Кошечку удел накликала такой,

Желая плод отведать роковой?

Она свое дитя пожертвовала фее.

Сокровищем таким владеющая мать,

Безумию ее не вздумай подражать.

Катрин Бернар

[60]

Рике с хохолком

Один знатный сеньор из Гренады,

[61]не обойденный ни богатством,

ни родовитостью, имел в доме обстоятельство столь досадное, что оно

отравляло все милости, какими осыпала его фортуна. Единственная его дочь,

хоть и обладала с рождения всеми чертами, составляющими красоту, выросла до

того глупой, что даже и самая красота ее делалась отталкивающей. В ее

движениях не было ни тени изящества, а тонкий стан казался неуклюжим, ибо

телу ее не доставало души.

Мами (так звали девушку) была не настолько умна, чтобы сознавать свою

глупость, но угадывала общее презрение, не понимая, отчего оно происходит.

Однажды, когда она прогуливалась (по обыкновению, в одиночестве), перед нею

вдруг вышел из-под земли отвратительный на вид человек, суший уродец.

[62]Увидев его, Мами бросилась было бежать, но, услышав его слова,

остановилась.

– Пойдите, – произнес он, – то, что я скажу, будет вам неприятно, но то,

что пообещаю, должно вам понравиться. При всей красоте в вас есть нечто,

отчего на вас не обращают внимания: вы никогда не думаете; пусть я дурен

собой – из-за вашего недостатка я стою бесконечно выше вас: какой я телом,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
такая вы умом. Вот то прискорбное известие, что я хотел вам сообщить; но, судя по вашему глупому виду, я сделал вам слишком много чести, боясь вас оскорбить, и потому сомневаюсь в успехе своих предложений. И все же отважусь: хотите быть умней?

– Да, – отвечала Мама так, словно говорила «нет».

– Хорошо, – продолжал тот, – вот вам средство. Вы должны полюбить Рике с хохолком [63] – так меня зовут; через год вы должны выйти за меня замуж. Такое мое условие, обдумайте его, коли сможете. Если же не получится, повторяйте почаще слова, какие я вам скажу, в конце концов они научат вас размышлять. Прощайте, встретимся через год. Вот слова, что излечат вас от холодности и умственного изъяна:

Ты, что вселяешь душу в нас,

Амур, дозвожь своею властью

Умнее стать, познав хоть раз

Науку страсти! [64]

Едва Мама произнесла эти стихи, как стан ее сделался гибче, походка свободнее, а лицо оживилось; она повторила их еще раз. И вот, отправившись к отцу, она уже держит перед ним речи: поначалу связные, потом осмысленные и, наконец, разумные. Столь великое и быстрое превращение не могло ускользнуть от тех, кого оно более всего волновало. Поклонники явились без числа; Мама перестала скучать в одиночестве на балах и прогулках; скоро она уже разрушала верные союзы, заставляла ревновать; кругом говорили лишь о ней, восхищались лишь ею.

Трудно было полагать, что среди стольких почитателей не отыщется более статного, чем Рике с хохолком; разум, дарованный Мама ее благодетелем, сыграл с ним самим злую шутку. Слова, которые она исправно повторяла, пробудили в ее душе любовь, но, вопреки замыслам автора, не к нему. Она отдала свое сердце самому красивому из воздыхателей, но не самому богатому. Отец с матерью, поняв, что вместе с умом желали дочери несчастья, и не в силах этот ум отнять, пустились читать наставления и остерегать от любви. Но запрещать юной красавице любить – все равно что запрещать дереву зеленеть весной: ее любовь к Араде (так звали юношу) от этого только возросла.

Из осторожности она никому не рассказывала, каким путем достался ей разум. Тщеславие мешало ей открыть секрет; и теперь ей уже доставало ума, чтобы понять, как важно держать в тайне его происхождение.

Между тем год, определенный ей Рике с хохолком, чтобы выучиться думать и решиться выйти за него замуж, истекал; в жестокой тоске ожидала она назначенного срока; самый ум, подмечающий все новые и новые горестные обстоятельства, сделался ей постыл. Она навеки расстанется с возлюбленным, попадет во власть человеку, о котором знает лишь то, что он урод и что это, быть может, не худший из его недостатков; притом она обещала выйти за этого человека замуж в обмен на его дары, а возвращать дары обратно ей не хочется, – таковы были ее мысли.

Однажды на прогулке она, отделившись от остальных, размышляла о горькой своей участи, как вдруг из-под земли до нее донесся сильный гул и голоса, распевавшие хором те самые стихи, каким научил ее Рике с хохолком; она задрожала, предчувствуя беду. И тут земля отверзается, Мама незаметно опускается вниз и видит Рике с хохолком, а вокруг – таких же, как он, уродов. Отрадное зрелище для девушки, за которой ухаживали красивейшие юноши страны! Горе оказалось сильнее удивления, и она, не говоря ни слова, залилась горячими слезами, не найдя иного употребления уму, дарованному Рике с хохолком.

Тот тоже смотрел на нее печально.

– Сударыня, – заговорил он, – как нетрудно понять, я вам сейчас отвратительнее даже, чем в первую нашу встречу; наградив вас умом, я погубил сам себя; но ведь вы пока свободны, у вас есть выбор: или выходите за меня замуж, или становитесь такой, как раньше; я могу либо вернуть вас отцу в прежнем виде, либо сделать владычицей всего этого королевства. Я – король гномов, вы станете королевой; и если вам будет угодно простить мою наружность и пожертвовать усладами взора, то в иных усладах у вас не будет недостатка. Я владею всеми земными сокровищами – они ваши; а кто имеет золото и ум и при этом несчастен, тот пусть пеняет на себя. Я боюсь, как бы решение ваше не стало следствием ложной учтивости; я боюсь показаться вам лишним среди всех моих богатств; и если сокровища мои со мною вместе вам не нужны, скажите – я провожу вас далеко отсюда, а здесь я хочу быть вполне счастлив. Даю вам два дня: осмотритесь в моих владениях и решите мою и свою судьбу.

Рике с хохолком отвел ее в великолепные покои и удалился; прислуживали ей женщины-гномы, и их безобразия причиняло ей меньше страданий, чем безобразия мужчин. Подали прекрасной обед, но за ним Мама доставало

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
приятного общества; после обеда была представлена комедия, но уродство актеров мешало увлечься действом. Вечером в ее честь задали бал, но на этом балу ей никому не хотелось понравиться; одним словом, все показалось ей в высшей степени отвратительным, и она бы не колеблясь поблагодарила Рике с хохолком за обещанные сокровища и улады и покинула его, когда бы не угроза снова стать глупой.

Она бы с легкостью возвратилась к прежнему безмыслию, только бы избавиться от ненавистного супруга, – но у нее был возлюбленный, и он бы непременно покинул ее без всякого сожаления. Правда, Араду она теряла и выходя замуж за гнома, – ведь ей бы не пришлось больше встречаться с юношей, беседовать с ним, даже подать о себе весть; он мог заподозрить ее в неверности. Так что мужа, отнявшего у нее все самое дорогое, она бы ненавидела, даже если бы он был красавец: но в довершение всего он был ужасающим уродом. Легко ли принять решение в таких обстоятельствах!

Два дня истекли, а она все еще пребывала в нерешительности и сказала гному, что не в силах сделать выбор.

– Значит, решение ваше не в мою пользу, – заключил тот. – Что ж, я верну вас в прежнее состояние, которое вы не решаетесь предпочесть.

Мами содрогнулась; мысль, что возлюбленный отвернется от нее, пронзила ее такой болью, что девушка отказалась от него сама.

– Хорошо, – сказала она гному, – вы решили взять меня в жены, пусть будет по-вашему.

Рике с хохолком не заставил долго себя упрашивать; он женился на Мами, и с замужеством ума у нее еще прибавилось – но вместе с умом прибавилось и горя; уродец, которому она отдалась, приводил ее в ужас, она не понимала, как ей прожить рядом с ним еще хотя бы минуту.

Гном прекрасно понимал, что жена его ненавидит, и был задет, хотя и хвастал силой своего ума. Отвращение Мами оборачивалось ежечасным упреком в безобразии, он проклинал женщин, брак и собственное любопытство, погнавшее его за пределы своих владений. Нередко он оставлял Мами в одиночестве; а поскольку той ничего не оставалось, кроме как думать, она и подумала, что надо бы Араде своими глазами убедиться в ее постоянстве. Он мог случайно оказаться поблизости – ведь она же забрела сюда; во всяком случае, нужно было дать о себе знать, а исчезновение свое оправдать тем, что ее похитил гном, один вид которого послужит лучшим залогом ее верности. Для умной и любящей женщины нет ничего невозможного. Она подкупила одного гнома, и он передал от нее весточку Араде; по счастью, в ту пору верные возлюбленные еще не перевелись. Арада, забытый Мами, был в отчаянии, но не сердился; обидные подозрения не посещали его ум; он жаловался, угасая, но не позволил себе ни одной мысли, оскорбительной для любимой, и не искал забвения; движимый подобными чувствами, он, как нетрудно представить, отыскал бы Мами даже с опасностью для жизни, когда бы знал, где она и что она не запретила ему приходиться.

Он пробрался к Мами в подземное королевство, нашел ее, бросился к ее ногам; она отвечала ему разумно и нежно. После долгих уговоров она наконец разрешила ему оставить мир и поселиться под землей, хотя ничего так не желала, как этого его решения.

Понемногу Мами повеселела и красота ее стала еще безупречнее, но любящий гном опечалился: он был слишком умен и слишком хорошо знал ненависть жены, чтобы приписать облегчение ее страданий действию привычки. Мами по неосторожности стала надевать украшения; гном знал себе цену и не верил, что может удостоиться подобной чести. Он начал искать и в конце концов обнаружил, что во дворце прячется красивый мужчина; большего ему и не требовалось. Он задумал не просто избавиться от соперника, но изощренно ему отомстить. Призвав Мами, он сказал:

– Я не собираюсь тратить время на такие пустяки, как жалобы и упреки – пусть этим занимаются люди; даруя вам разум, я полагал, что стану наслаждаться его плодами: вы же обратили его против меня; но вы исполнили мое условие, и потому я не могу отнять его у вас совсем. Вы не нарушили нашего договора, но все же не вполне строго его соблюдали. Разделим же наши притязания: по ночам вы будете умны, мне не нужна глупая жена, зато днем встречайтесь с кем вам угодно.

В тот же миг Мами почувствовала, что ум ее цепенеет, а потом и это ощущение исчезло. Ночью мысли ее проснулись, она обдумала свое несчастье и расплакалась, не смея ни утешиться, ни поискать какую-нибудь хитрость, которую мог подсказать ей просветлевший разум.

На следующую ночь, заметив, что муж сладко спит, она положила ему под нос травку, от которой сон становился крепче и длился столько, сколько было нужно. Она встала, оставила ненавистного гнома и, влекомая грезами, пошла в ту сторону, где жил Арада, не так разыскивая его, как скорее всего льстя себя надеждой, что он сам ее ищет; он оказался в одной из аллей, где они

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
часто встречались прежде, и вопрошал природу об участи любимой. Мама с удовольствием поведала о своих невзгодах, и от рассказа боль ее утихла. На следующую ночь они, не сговариваясь, снова встретились на том же месте, и тайные эти свидания продолжались так долго, что самые их горести обернулись новым, еще не изведанным счастьем; ум и любовь подсказывали Мама тысячи уловок, чтобы остаться привлекательной – Арада и не вспоминал, что на вторую половину дня она глупеет. С рассветом Мама шла будить гнома; вернувшись, она тут же убирала подальше снотворные травки. Наступало утро, ум ее исчезал, но она целые дни напролет спала.

Это относительное счастье не могло длиться вечно; трава не только усыпляла гнома, но и заставляла его храпеть. Однажды гном-слуга, решив спросонок, что хозяин стонет, прибежал к нему; и вот он видит травки, лежащие у того под носом, и убирает их, думая, что в них-то и есть причина беспокойства: от подобной заботы случилось сразу трое несчастных. Гном хватился жены, как бешеный бросился ее искать; случай или злой рок привел его туда, где влюбленные без устали клялись друг другу в вечной любви; он не произнес ни слова, но, коснувшись волшебной палочкой любовника, он превратил его в точно такого же урода, каким был сам; и Мама, так часто гулявшая с Арадой, перестала отличать его от супруга. Так у нее вдруг оказалось двое мужей вместо одного, и она не знала, кому пожаловаться, боясь принять ненавистного гнома за возлюбленного; впрочем, она, должно быть, ничего не потеряла: любовники со временем уже ничем не отличаются от мужей.

Шарль Перро

[65]

Ослиная шкура

[66]

Жил-был король в одной стране,
Другим властителям не равный:

На нивах мира – пахарь славный,
Свирепый воин на войне.

Земля его цвела, соседи трепетали,
И счастливо, в лучах высоких дел и чувств,

Под сенью лавра процветали

Сады науки и искусств.

Супруга верная любила мужа страстно.

Притом она была прекрасна,

Так, уж наверно, с милою вдвоем

Он был еще счастливее, чем властно

На троне царствуя своим.

Подарок светлый Гименея,

Принцесса ими рождена,

Любых жемчужин царственных нежнее.

Ну для чего же им была нужна

Семья еще обильней и полнее?

Большой дворец сиял вокруг

Веселой роскошью богатства.

Везде кичливое толпилось братство

Придворной челяди и слуг;

Касаясь толстых стен боками,

В конюшнях сотнями храпели жеребцы,

Их приводили под уздцы,

Убрав роскошно чепраками.

А все ж не этому дивился там народ:

В богатом стойле у ворот

Откормленный осел развесил мирно уши...

За что ослу такой почет?

Но каждый, чуть узнав заслуги серой туши,

Немедля относил осла в особый род:

Господь ему утробу так наладил,

Что если он порой и гадил,

Так золотом и серебром;

А утром из его подстилки,

Как из наполненной монетами копилки,

Червонцы черпали ведром.

Но небо устает народам

Цветочки счастья рассеивать.

Оно привыкло деготь в бочки с медом

И дождик в ведро подливать.

В расцвете пышных лет недугом

Жена властителя внезапно сражена.

Взывает к медикам она,

Но греки-медики,

[67]собравшиеся кругом,

И шарлатанов плотная стена
Согласно утверждают друг за другом,
Что помощь их уже, к несчастью, не нужна.
Тогда, приблизясь к двери рая,
Супруга шепчет королю:
«Я завещаю, умирая,
Тому, кого давно люблю:
Едва венец, одетый страстью,
Коснется снова вашей головы...» –
Дорога мне закрыта к счастью!
Спокойно в небе спите вы!» –
«Я верю, – говорит больная, –
Я пылкость ваших чувств охотно признаю,
Не может даже там, в раю,
Меня смутить печаль земная.
Утешьте душу скорбную мою:
Пообещайте мне, чтоб я была спокойней,
Идти вторично под венец
Лишь с той избранницей, что будет. наконец,
Меня прекрасней и достойней».
В последний час перед концом
Пришло ей в голову такое завещанье,
Затем что давший это обещанье,
Конечно, умер бы вдовцом.
А муж поклялся ей сквозь реку слез безумных
Во всем, чего она ждала.
Тут королева умерла...
Ей-ей, среди вдовцов он был из самых шумных!
Так плакал, так рыдал и полночью и днем,
Что стали говорить: не может это длиться!
Уж не родилось ли намерение в нем
Скорей отплакаться и отмолиться?
А что же? Так и есть: еще не минул год,
Как речь о сватовстве бесстыжая идет.
Сказать легко, но сделать сложно:
Ведь клятву надо соблюсти?
А вместе с этим где же можно
Такую женщину найти,
Чтоб гордый идеал покойной превзойти?
Ни двор, красотками богатый,
Ни пышных рыцарей палаты,
Ни запредельные дворцы,
Куда отправлены гонцы,
Никто равняться с ней не смеет.
Зато инфанта все имеет,
Что раньше люди прославляли в ней,
И даже кажется еще нежней.
Отец заметил это тоже,
И – пожалей безумца, боже! –
Кровосмесительным огнем
Любовь преступная зажглась нежданно в нем.
Зовет он мерзких казуистов,
Они несут законов нужный том,
Они покорны, он – неистов.
Принцесса плачет. Только божий враг
Благословить такой решится брак.
Как ангел грустный, но прелестный,
Инфанта едет к маме крестной.
В глуши лесов, в пещерной мгле,
Меж раковин, кораллов, перламутра,
Жила в краю лазурном утра
Волшебница, каких немного на земле.
Мы здесь рассказывать не станем,
Чем славилось в веках искусство добрых фей:
Благодаря разумным няням
Известно это нам от детских дней.
«Все знаю я, – сказала фея нежно, –
Зачем явились вы сюда;
Пусть ваше сердце безнадежно.
Ему поможем без труда...
Беда пройдет, клянусь вам в этом,

Придется вам моим довериться советам.
Как? К дочери своей посватался отец?
Да это прямо невозможно!
Но, поступая осторожно,
Без ссор положим глупостям конец.
Пусть сам раскается проказник:
Чтоб сердце ваше покорить,
Заставьте вы его на пышный брачный праздник
Оттенка ясных дней [68]вам робу подарить.
Пусть он богат, как Крез, могуч невыразимо,
Пусть небом взыскан он без меры и конца, –
Задача хитрая – никак не выполнима».
И дочь, тревогою гонима,
Спешит припасть к стопам влюбленного отца...
Но стал король ужасно весел,
Портняжных кликнул мастеров
И приказал с высоких тронных кресел,
Чтоб к завтрашнему дню подарок был готов, –
Иначе как бы он их, часом, не повесил!
Наутро, чуть забрезжил свет дневной,
Несут к нему портные дар чудесный.
Лазурнее, чем свод небесный,
Меж золотистых туч сквозящий глубиной,
Был этот дивный цвет, не каждому известный.
Как описать смущенье девы честной,
Не знающей, ни что теперь сказать,
Ни как теперь папаше отказать?
«Спешите с просьбою вторичной, –
Успела фея прошептать, –
К чему вам шелк едва приличный?
Другой есть – лунный, необычный, –
Его не сможет он достать».
Но только взор к отцу принцесса обратила,
Золотошвеек он зовет:
«Что? Или для луны лучей недостает?
Спустя четыре дня навек затмить светило!»
Четыре дня прошло с тех пор, как дан урок,
И платье новое опять готово в срок.
По нежной синеве блуждая в небе чистом,
Луна не так пышна, когда в полночный час,
На звездные лучи набросив синий газ,
Она скрывает их под флером серебристым.
Принцесса ахнула. Покорного «люблю»
Едва не вырвал этот дар прелестный.
Но, понуждаемая крестной,
Она шепнула королю:
«Всю жизнь пройду я с вами рядом,
Коль вы меня еще подарите нарядом
Чудесных солнечных цветов...»
Влюбленный и на это был готов:
«Где ювелир? Пускай казне в убыток
Готовит ткань из лучших ниток,
Пусть в золоте на ней горит алмаз,
Но пусть дрожит: среди ужасных пыток
Умрет злодей, нарушивший приказ!»
Напрасные угрозы: мастер в деле,
Трудолюбивый ювелир,
Еще не минуло недели,
Принес порфиру из порфир.
Блестящий бог лучей и лир, [69]
Родитель пышный фазтона,
С квадригой уносясь в эфир,
Сияния такого тона
Не проливает утром в темный мир.
Принцессу дар смутил. Она стоит, немеет,
На короля-отца поднять очей не смеет...
Но фея, крестницу за локоть взяв слегка:
«В дороге, – шепчет ей, – напрасны остановки!
Подумаешь, подарки старика!
Какая невидаль – обновки!
Не отдал он за них ни деревень, ни сел.

Известно свету, что его осел
Казну червонцами бесплатно наполняет.
Просите шкуру этого осла, –
Так, коли мудрость мне не изменяет,
Скупец откажет вам, и мы избегнем зла».
Колдунья понимала в деле,
Но и она не рассчитала все ж,
Что пламенная страсть, стремясь к нескромной цели.
Затрат не ставит ни во грош.
Последний слог еще не замер в нежном горле,
Как шкуру по полу простерли.
И так страшна она была,
то дева чуть не обмерла,
Потом расплакалась наивно и прелестно..
Однако крестная суровая нашла,
Что на путях добра брезгливость неуместна:
Ведь надо королю внушить,
Что наконец-то дочь готова
Святое таинство с ним вместе совершить,
А в тот же самый час, не говоря ни слова,
Куда глаза глядят, в далекий путь бежать,
Чтоб страшного греха и кары избежать.
«Вот, – молвила она, – мой сундучок заветный;
Кладите все, что нужно вам,
Весь арсенал ваш туалетный,
А к платьям, брошкам и серьгам
Я дам вам прутик незаметный.
Покуда он у вас в руке,
Шкатулка поползет за вами вдалеке,
Как крот, скрываясь под землею.
Чуть только надо клад открыть –
Махните палочкой перед собою,
Дорогу к вам он должен сам прорыть.
А чтобы вид ваш был для встречных всех загадкой,
Ослиной кожей покройте, как палаткой,
Таите нежные черты, –
Так кто подумает, что в этой шкуре гадкой
Сокрыто чудо красоты?»
Принцесса, нищенкой одета,
В далекий путь пустилась до рассвета
По сизой утренней росе,
А царь, в восторге от ее ответа,
Торопит стол и залы для банкета..
Вдруг новость страшную ему приносят все.
В стране лачуги нет, нет дома, нет селенья,
Куда бы быстрые гонцы,
Во весь опор, во все концы,
Не ринулись по царскому велению, –
Напрасно!..
Всех облек отчаянья покров:
Ни свадьбы, значит, ни пиров,
Ни тортов, значит, ни пирожных..
Из фрейлин, грустных и тревожных,
Никто не пил, никто не ел,
А капеллан всех больше огорчался:
Перекусить он утром не успел
И с брачным угощением распрощался.
Принцесса между тем по тайному пути
Идет неузнанна, лицо измазав в саже,
И молит путников: нельзя ли где найти
Хоть места птичницы, хоть свинопаски даже?
Но сами нищие неряхе вслед плюют,
В брезгливости не внемлют состраданью,
И ни один не хочет дать приют
Такому грязному созданию.
И вот идет она, идет, идет, идет,
И наконец доходит до лачуги,
Где фермерша давно уж ждет
Грязнули этакой и прислуги:
Свинные стойла убирать
Да тряпки сальные стирать.

Теперь в чуланчике за кухней – двор принцессы.
Нахалы грубые, презренные повесы,
Все деревенщина и мужичье,
Противно тормозят ее.
Приходится сносить обиду и насмешку;
Хозяева и батраки
Остротами ее терзают вперемежку
И чешут поминутно языки.
Но раз, изнемогая от тоски,
Воскресную с утра закончив спешку,
В каморке запершись на все замки,
Она умылась, сундучок достала,
Флакончики открыла, пузырьки
И перед зеркальцем принаряжаться стала.
Ах, лунный цвет слегка ее бледнит,
А солнечный немножечко полнит...
Всех лучше платье голубое!
Подобных нет и у морских сирен.
Одна беда: в чулане за собою
Никак не распустить великолепный трен.
О, счастье созерцать такие превращения,
Всех женщин во сто крат быть краше и милей!..
Все это дало силы ей
Шесть долгих суток ждать второго воскресенья.
Мы не сказали до сих пор,
Что в той же местности обильной
Держал блестящий птичий двор
Король роскошный и всесильный.
Перепела, коростели.
Индюшки, стрепеты, цесарки,
Фазаны, журавли, павлины и пулярки –
Все размножились и росли
Стадами пестрыми в великолепном парке.
И в этот парк, в отъезжие поля,
Наследник жаловал весьма охотно –
Повеселиться беззаботно
С толпой придворных короля.
То не был принц – фигурка восковая:
Его геройский вид, хватка боевая
Бросали в битвах в дрожь железные сердца.
Принцесса издала в него уже влюбилась;
Ей все яснее становилось:
Кровь благородного отца
И под ослиной шкурою струилась.
«Как полон взор его величья и огня! –
Она шептала с тайной страстью. –
Как та упьется сладкой властью,
Кто покорит его, пленя!
Ах, если б он любил девиц в ослиной коже, –
Она бы стала лучше и дороже
Всех пышных платьев для меня!»
Однажды этот принц, по ловлям и засадам
Скитаясь вольно на заре,
Набрел на хижину за темным садом,
Разбитым по крутой горе,
И к скважине дверной приток случайным взглядом.
В тот день был праздник на дворе, –
Принцесса тешилась нарядом...
Всю в золоте и жемчугах,
В алмазных брызгах, в солнечных кругах,
Увидел он ее совсем с собою рядом.
Окаменев на полпути,
Охвачен пламенем желанья,
В груди горячего дыханья
Не может принц перевести.
Не красотой он пленился невозвратно:
Румянец свежий, гордый вид
И мрамор царственный ланит
Пленяют мудрого стократно,
Когда, стыдливостью повит,
Весь юный облик сладостно и внятно

О благородстве духа говорит.
Три раза, пламенем неистовым палимый,
Касался принц дверей рукой неумолимой,
Три раза, робостью неожиданною объят,
Перед святынею он отступал назад.
И, удалясь затем в дворцовые покои,
Гонимый сладкою тоскою,
Хоть был веселый карнавал,
Не ел, не пил, не танцевал;
К охоте, опере, забавам и подругам
Он охладел, и все замолкло в нем,
Сожженное одним недугом –
Смертельной томности таинственным огнем.
Он спрашивал: как имя той прелестной,
Что так жестоко заперта
В аллее мрачной, в келье тесной,
Где грязь, и смрад, и темнота?
«Ослиной Шкурой, – принцу отвечают, –
Грязную эту величают,
Затем что шкуру носит день и ночь.
Она грязнее всех животных.
С ней порошков не надо рвотных,
Чтоб страсть любую превозмочь».
Но юноша не верил, удивленный:
Ведь несравненной красоты
Хранил он в памяти влюбленной
Неизгладимые черты.
В смятенье тяжком королева, –
Винных нет вокруг, причины нет для гнева:
«О сын единственный, кто вас обидеть мог?»
Он горько плачет, он рыдает,
Мечта безумная его снедает –
Ослиной Шкурой сделанный пирог!
И королева-мать его не понимает.
«О боже! Это же урод! –
Придворные лепечут перед нею. –
Ведь Шкура эта скотницы грязнее!
Да эта Шкура – черный крот!» –
«Пустое! – королева отвечает. –
Должны мы делать все, чего попросит он,
Хоть золотом кормить, коль он того желает».
Таков любви ее закон.
А Шкура, слыша эти вести,
Взяла насеяла муки,
Под вечер утварила в тесте
И соль, и масло, и желтки,
Чтобы румяной сделать корку;
Забилась в темную каморку,
Почище смыла со стола
И с нежных рук остатки сажи [70]
И, чтоб ватрушка выдалась бела,
Надев серебряный корсажик,
Месить усердно начала.
Иные говорят: трудясь необычайно,
Она-де впопыхах – совсем-совсем случайно! –
В опару уронила перстенок.
Но от того, кто сказку помнит точно,
Нередко можно выслушать намек,
Как будто это сделалось нарочно.
Само собой, покуда сквозь замок
Принцессу принц заметить мог,
Она его видала тоже.
Как раз на женщину похоже!
У них на это есть чутье:
Чуть кто посмотрит на нее,
Ей этот взгляд всего дороже.
Что до меня, то мнение мое:
Колечко это – был расчет ее –
Вернуть назад влюбленный принц не может,
А между тем пирог больного так прельстил,
Он пожирал его с такою страстью жадной,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
Что, право, кажется удачею изрядной,
Как он кольца не проглотил.
Зато, увидев изумруд бесценный,
Поняв, как тонок должен быть
Тот перст, что мог его носить,
Был принц охвачен томностью блаженной
И мигом в головах запрятал перстенок,
А так как жизни слабый огонек
Чуть брезжил в нем, и он худел ужасно,
И нестерпимый жар кипел в его крови, –
Решили медики единогласно:
Принц умирает от любви.
Женитьба, как ни кинь, значительно полезней
Микстур и порошков от множества болезней:
«Женить, немедленно женить!»
Заставил принц себя просить,
Но под конец: «По общей просьбе страстной
Женюсь, – сказал, – но лишь на той прекрасной,
Кому мой перстень в самый раз».
Услышав странное условие,
Родители к нему склонились в изголовье,
И бледный луч надежд безжалостно погас.
Теперь пуститься в поиски придется, –
Не ведая гербов, не требуя корон, –
Кто может сквозь кольцо пролезть на царский трон?
Меж женщин скромниц явно не найдется:
Деввица, дама и вдова
Заявят равные права.
И впрямь, лишь слух прошел, что каждой тонкоперстой
До трона все врата отверсты, –
Алхимики о пальцах ворожат,
А барышни над пальцами дрожат:
Та разминает, словно бы сосиску,
Стругает эта, как редиску;
Одна отрезала кусок,
Другая – то-то было крику, писку, –
Насыпав на руку песок,
Мизинец с плачем точит о брусок...
Трепещет каждое сердечко:
Ах, только б подошло колечко!
Хотя б вот так, хотя б на волосок...
И первыми пришли на королевский вызов
Принцессы, дочери маркизов,
Чья кровь прозрачна, кость тонка,
А пальцы – толще перстенька.
Вослед ведут девиц бароны,
Князья и важные персоны,
Но сколько их ни шло без меры и конца,
Их вид не обманул кольца.
Тогда гризеток милых стайки
Защебетали у ворот.
Ну что ж? Признаюсь без утайки, –
Порой казалось, что кольцо вот-вот...
А все же пальчики – те толще, эти шире,
Оно отвергло всех; и скорбь настала в мире.
Вот наконец король готов
Принять кухарок и батрачек,
Пастушек, скотниц, нищих, прачек –
Ну, словом, мелочь всех сортов, –
Шеренгу армии крикливой
Охотниц за судьбой счастливой,
Корявых лап, горластых ртов,
Хоть ясно, что такому люду
Не более доступна честь
В колечко пальчиком пролезть,
Чем, скажем, сквозь иглу пройти верблюду.
Итак, дошли они до дна.
Осталась им теперь одна
Ослиной Шкуры грязная десница.
Но кто ж поверить мог тому,
Что в шкуре прячется царица?

Один лишь принц промолвил: «Почему?
Пусть и она...» И стали все смеяться,
Едва не вслух над бедным издеваться:
«Мартышки нам на троне – ни к чему!»
Но в дивный миг, когда из-под ослиной кожи
Явился кулачок, на лилию похожий –
Да, да, на лилию в лучах зари! –
Когда колечко роковое
Обвило палец как живое,
Все ахнули: что там ни говори,
Весь двор от верха и до низа
Никак не ожидал сюрприза.
«Скорее к королю!» – раздался общий шум.
Но, – заявила с гордостью девица, –
Она не может королю явиться,
Пока ей не дадут переменить костюм!
И то сказать – покрой ее одежды
Мог вызвать шутки встречного невежды.
А час спустя, когда вдоль шумных зал
Она прошла своей походкой плавной,
Завистник бы и тот сказал,
Что роскоши одежд не видывали равной,
Что с теплым золотом кудрей
Соперничать не может блеск невзрачный
Рубинов, перлов, янтарей;
Что от дверей и до дверей
Пронзает встречных синий и прозрачный
Живой огонь ее огромных глаз;
Что талия ее стройней любой былинки;
Что чудо – каждый шаг, и каждый взор – алмаз,
Как будто на пленительной картинке;
Что дама каждая, будь трижды хороша,
Пред ней не стоит ни гроша.
Шумит веселый двор. Оркестры, угощенье...
Король себя не помнит – рад
Такой невестке, лучшей из наград,
И королева в восхищенье.
Молчит ликующий жених,
Мечтая в пламенном смущенье,
Чтоб их оставили совсем одних.
Все меры приняты ускорить срок желанный:
Король сзывает всех властителей земли,
Покинув подданных, на праздник долгожданный
Толпами шумными стремятся короли.
Одни приехали с роскошного Востока,
На спинах сморщенных слонов,
А с ними рядом видит око
Спаленных дочерна жестоко
Горячей Африки сынов...
Идут лесами, странствуют полями,
И гордый замок – полон королями.
Но ни князья, ни короли
С такую пышностью не шли,
Как тот, чья дочь была невеста.
Он поборол былую страсть,
Со временем обрел над буйным чувством власть,
Признал, что здесь ему не место,
И пламя погасил, пылавшее в крови.
Оно померкло, укротилось
И постепенно превратилось
В спокойное тепло родительской любви.
Едва войдя: «Господь, благослови
Тот день, когда тебя я вижу снова,
Дитя бесценное! Так ты жива, здорова?» –
Воскликнул он и обнял дочь,
Не в силах слез блаженных превозмочь.
Жених в восторге млеет: какой удачный случай,
Что тестем у него – властитель столь могучий.
Внезапный гром... Царица фей,
Несчастий прошлого свидетель,
Нисходит крестницы своей

Навек прославить добродетель...

Ну что же? Сказку можно пояснить:
Полезно детям знать, в завет и назиданье,
Что лучше вынести ужасное страданье,
Чем долгу чести изменить;
Что к добронравию иных даров не надо:
Наступит славный день, и явится награда;
Что трудно удержать поток живых страстей
Плотиной слабою рассудка;
Что для влюбленного неистовых затей
Богатство – прах и жертва – шутка;
Что коркой хлеба и водой
Способна юность утолиться,
В то время как у ней хранится
Наряд в шкатулке золотой;
Что стали бы искать мы женщины напрасно,
Не убежденной: ах, мол, я прекрасна!
Из них любая думает, скорей:
Найдись у граций древней сказки
Ее головка, губки, глазки,
Уж яблочко б досталось ей! [71]

Хоть в сказке мудрецы искать неправды станут,
А все ж, пока живут мамыши да сынки,
Да бабушки, да внучки, да внучки, –
Ее рассказывать не перестанут.

Синяя борода [72]

Жил когда-то человек, у которого были прекрасные дома и в городе и в деревне, золотая и серебряная посуда, кресла, украшенные шитьем, и золоченые кареты. [73]Но, к несчастью, у этого человека была синяя борода, и она придавала ему такой уродливый и страшный вид, что не было ни женщины, ни девушки, которая не убежала бы, завидев его.

У одной из соседок, дамы знатной, были две дочери дивной красоты. Он попросил выдать замуж за него одну из них и предоставил матери выбрать ту, которую она согласится за него отдать. Обе не хотели идти за него и отказывались от него одна в пользу другой, не в силах избрать мужем человека, у которого борода – синяя. Внушало им отвращение и то, что этот человек уже несколько раз был женат, а никто не знал, что случилось с его женами.

Чтобы завязать более близкое знакомство, Синяя Борода пригласил их вместе с матерью и тремя или четырьмя лучшими подругами, а также несколькими молодыми людьми, их соседями, в один из своих загородных домов, где гости пробыли целую неделю. Все время было занято прогулками, поездками на охоту и на рыбную ловлю, танцами, пиршествами, завтраками и ужинами; никто не думал спать, и каждую ночь напролет гости изощрялись во всевозможных шутках, – словом, все устроилось так хорошо, что младшей дочери стало казаться, будто у хозяина дома борода уже совсем не такая синяя и сам он – человек весьма порядочный. Как только вернулись в город, свадьба была решена.

Через месяц Синяя Борода сказал своей жене, что ему надо уехать в деревню, по крайней мере недель на шесть, ради важного дела; он просил ее развлекаться во время его отсутствия; говорил ей, чтоб она позвала своих подружек, чтоб она, если ей захочется, свезла их за город; чтобы всюду она ела все самое вкусное. «Вот, – сказал он, – ключи от обеих больших кладовых; вот ключи от посуды золотой и серебряной, которую подают не каждый день; вот ключи от сундуков, где хранится мое золото и серебро; вот ключи от ларцов, где лежат мои драгоценные камни; вот ключ, что отпирает все комнаты в моем доме. А этот маленький ключ – ключ от комнаты, что в конце нижней большой галереи. Открывайте все двери, всюду ходите, но входить в эту маленькую комнату я вам запрещаю, и запрещаю так строго, что, если вам случится открыть туда дверь, вы можете всего ждать от моего гнева».

Она обещала в точности соблюсти все то, что было ей приказано, а он, обняв жену, сел в свою карету и уехал.

Соседки и подружки не стали ждать, чтоб за ними послали гонцов, а сами поспешили к новобрачной – так не терпелось им увидеть все богатства ее дома, а пока там был ее муж, они не решались посетить ее – из-за его синей бороды, которой они боялись. Вот они сразу же и начали осматривать комнаты, комнатки, гардеробные, превосходившие одна другую красотой и богатством. Затем они перешли в кладовые, где не могли налюбоваться красотой бесчисленных ковров, постелей, диванов, шкапчиков, столиков, столов и зеркал, в которых можно было увидеть себя с головы до ног и края которых –

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
у одних стеклянные, у других из позолоченного серебра – были красивее и великолепнее всего, что только случалось им когда-либо видеть. Не переставая завидовать, они все время превозносили счастье своей подруги, которую, однако, вовсе не занимало зрелище всех этих богатств, ибо ей не терпелось пойти открыть внизу маленькую комнатку. Ее до того одолело любопытство, что, не приняв в соображение, сколь невежливо покидать своих гостей, она спустилась по потаенной лесенке, и притом с такой поспешностью, что раза два или три, как ей показалось, чуть было не сломала себе шею. У двери в маленькую комнатку она постояла несколько минут, вспоминая о запрете, который наложил ее муж, и размышляя о том, что за это непослушание ее может постигнуть несчастье; но соблазн был так силен, что она не могла победить его: она взяла ключик и с трепетом отворила дверь. Сперва она ничего не увидела, потому что ставни были закрыты. Через несколько мгновений она стала замечать, что пол весь покрыт запекшейся кровью и что в этой крови отражаются тела нескольких мертвых женщин, висевших на стенах: все это были жены Синей Бороды, который вступал с ними в брак, а потом убивал. Она подумала, что умрет со страху, и выронила ключ, который вынула из замка. Немного придя в себя, она подняла ключ, заперла дверь и поднялась к себе в комнату, чтобы хоть несколько оправиться; но это ей не удалось, в таком она была волнении. Заметив, что ключ от маленькой комнаты запачкан кровью, она два или три раза вытерла его, но кровь не сходила; сколько она ни мыла его, сколько ни терла его песком и песчаным камнем, все-таки кровь оставалась, потому что ключ был волшебный, и не было никакой возможности совсем отчистить его, когда кровь счищали с одной стороны, она появлялась на другой. Синяя Борода вернулся из своего путешествия в тот же вечер и сказал, что получил в дороге письма, сообщавшие ему, что дело, ради которого он уехал, разрешилось в его пользу. Жена его сделала все возможное – только бы доказать ему, что она в восторге от его скорого возвращения. На другой день он потребовал у нее ключи, и она отдала их ему, но у нее так дрожали руки, что он без труда догадался обо всем случившемся. «Отчего это, – спросил он ее, – ключа от маленькой комнатки нет вместе с другими ключами?» – «Наверно, – сказала она, – я оставила его наверху, у себя на столе». – «Не забудьте, – сказал Синяя Борода, – отдать мне его поскорее». Наконец, после разных отговорок, пришлось принести ключ. Синяя Борода, посмотрев на него, сказал жене: «Отчего на этом ключе кровь?» – «Не знаю», – ответила несчастная жена, бледная как смерть. «Не знаете? – переспросил Синяя Борода. – А я знаю. Вам захотелось войти в маленькую комнатку. Ну, что ж, сударыня, вы и войдете в нее и займете там ваше место возле дам, которых вы там видели». Она бросилась к ногам мужа, плача, прося у него прощения и по всем признакам искренно раскаиваясь в своем непослушании. Прекрасная и печальная, она тронула бы даже скалу, но у Синей Бороды сердце было более суровое, чем скала. «Вы должны умереть, сударыня, – сказал он ей, – и немедленно». – «Если я должна умереть, – ответила она, глядя на него глазами, полными слез, – дайте мне хоть несколько минут – помолиться богу». – «Даю тебе семь минут, – ответил Синяя Борода, – но ни мгновения больше». Оставшись одна, она позвала сестру и сказала ей: «Сестрица моя Анна (ибо так звалась ее сестра), прошу тебя, подымись на башню и посмотри, не едут ли мои братья: они обещали навестить меня сегодня; а если ты увидишь их, дай им знак, чтоб торопились». Сестра Анна поднялась на башню, а бедняжка в тоске время от времени окликала ее: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала ей: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит». Между тем Синяя Борода держал уже большой нож в руке и кричал что было мочи: «Скорее иди сюда, а не то я сам к тебе приду». – «Еще минуточку, пожалуйста», – ответила жена и тихо окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит». «Да иди же скорее, – крикнул Синяя Борода, – а не то я сам поднимусь». – «Иду», – ответила жена, а потом окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» – «Вижу, – ответила сестрица, – большое облако пыли, оно несется к нам...» – «Это мои братья?» – «Увы, нет, сестрица, я вижу стадо баранов...» – «Да когда же ты придешь?» – закричал Синяя Борода. «Еще минуточку», – ответила жена, а потом окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» – «Вижу, – ответила она, – двух всадников, они скачут сюда, но они еще далеко!» – «Слава богу! – воскликнула она через несколько мгновений. – Это мои братья. Я подаю им знак, чтоб они торопились».

Тут Синяя Борода закричал так громко, что задрожал весь дом. Бедняжка спустилась с башни и бросилась к его ногам, вся в слезах, с растрепавшимися волосами. «Это ни к чему не послужит, – сказал Синяя Борода, – придется умереть». И, схватив ее за волосы, он занес нож и уже готов был отрезать ей голову. Бедная женщина, обернувшись к нему и глядя на него помертвевшими глазами, попросила дать ей еще минуточку, чтоб приготовиться к смерти. «Нет, нет, поручи свою душу богу», – сказал он, подняв руку... В эту минуту раздался такой страшный стук в дверь, что Синяя Борода остановился. Дверь отворилась, и тотчас же вошли двое мужчин, которые, выхватив шпаги, бросились прямо на Синюю Бороду...

Он узнал братьев своей жены, драгуна и мушкетера, и, спасаясь от них, пустился бежать, но они так быстро за ним погнались; что поймали прежде, чем он успел выскочить на крыльцо. Они насквозь пронзили его шпагами, и он упал мертвый. Бедная женщина сама была чуть жива, и у нее даже не хватило сил подняться и обнять своих братьев.

Оказалось, что у Синей Бороды нет наследников и что жене его, таким образом, должны достаться все его богатства. Часть из них она употребила на то, чтобы выдать сестрицу свою Анну за молодого дворянина, давно уже любимшего ее; другую часть – на то, чтобы доставить своим братьям капитанский чин, а остальные – на то, чтобы самой выйти замуж за одного хорошего человека, который помог ей забыть то тяжелое время, когда она была женою Синей Бороды.

Да, любопытство – бич. Смущает всех оно,
На горе смертным рождено.

Примеров – тысячи, как приглядишься малость.

Забавна женская к нескромным тайнам страсть,

Известно ведь: что дорого досталось,

Утратит вмиг и вкус и сласть.

Красная шапочка [74]

Жила когда-то в одной деревне девочка, до того хорошенькая, что другой такой не было на свете; мать без памяти любила ее, а еще больше любила ее бабушка. Старушка подарила ей красную шапочку, [75] которая так ей шла, что девочку везде называли Красной Шапочкой.

Однажды ее мать напекла лепешек и сказала ей: «Сходи проведай бабушку – я слышала, что она больна. Снеси ей лепешку и горшочек масла». Красная Шапочка сразу же пустилась в путь, пошла к своей бабушке, которая жила в другой деревне. Когда она шла лесом, ей повстречался кум Волк, которому очень захотелось ее съесть, но он не посмел, потому что в лесу были дровосеки. Он спросил, куда она идет. Бедное дитя, не зная, как опасно останавливаться в пути слушать волка, ответило ему: «Я иду проведать мою бабушку и несу ей лепешку да горшочек масла, который ей посылает моя мать». – «А далеко ли она живет?» – спросил Волк. «Да, очень далеко, – ответила Красная Шапочка, – вон за той мельницей, что вы видите там, вдали, – первый дом в деревне». – «Ну, – сказал Волк, – так я тоже пойду проведу ее; я пойду этой дорогой, а ты пойдешь той, и мы посмотрим, кто раньше придет».

Волк что было мочи бросился бежать дорогой более короткой, а девочка пошла дорогой более длинной и по пути забавлялась тем, что срывала орешки, бегала за бабочками, делала букеты из цветочков, которые попадались ей на глаза. Немного времени прошло, а Волк очутился уже у бабушкиного дома; он стучит: тук-тук. «Кто там?» – «Ваша внучка, Красная Шапочка, – сказал Волк, изменив свой голос, – несет вам лепешку и горшочек масла, который вам посылает моя мать». Добрая бабушка, лежавшая в постели, потому что не совсем была здорова, закричала ему: «Потяни щеколду, задвижка и отскочит». Волк потянул щеколду, и задвижка отскочила. Он бросился на старушку и в один миг сожрал ее, потому что уже три дня как ничего не ел. Потом он запер дверь и улегся в бабушкину постель, ожидая Красную Шапочку, которая немного погодя и постучала в дверь: тук-тук. «Кто там?» Красная Шапочка, услышав грубый голос Волка, сначала испугалась, но, вспомнив, что бабушка простужена, ответила: «Ваша внучка, Красная Шапочка, несет вам лепешку и горшочек масла, который вам посылает моя мать». Волк, немножко смягчив свой голос, прокричал ей: «Потяни щеколду, задвижка и отскочит». Красная Шапочка потянула щеколду и задвижка отскочила. Волк, увидев, что она входит, сказал ей, спрятавшись под одеяло: «Лепешку и горшочек с маслом поставь на сундук, а сама иди, ляг со мной». Красная Шапочка разделась и легла в постель, но тут ее немало удивило, каков у бабушки вид, когда она разделета. Она ей сказала: «Бабушка, какие у вас большие руки!» – «Это чтоб лучше тебя обнимать, внучка!» – «Бабушка, какие у вас большие ноги!» – «Это чтоб лучше бегать, дитя мое!» – «Бабушка, какие у вас большие уши!» – «Это чтоб лучше слушать, дитя мое!» – «Бабушка, какие у вас большие глаза!» – «Это чтоб лучше видеть тебя, дитя мое!» – «Бабушка, какие у вас большие зубы!» – «Это

чтоб съест тебя!»

И, сказав эти слова, злой Волк бросился на Красную Шапочку и съел ее.

Детишкам маленьким не без причин

(А уж особенно девицам,
Красавицам и баловницам),
В пути встречая всяческих мужчин,
Нельзя речей коварных слушать, –
Иначе волк их может скушать.

Сказал я: волк! Волков не счесть,

Но между ними есть иные

Плуты, настолько продувные,

Что, сладко источая лесть,

Девичью охраняют честь,

Сопутствуют до дома их прогулкам,

Проводят их бай-бай по темным закоулкам...

Но волк, увы, чем кажется скромней,

Тем он всегда лукавей и страшней!

Шарлотта Комон де Лафорс

[76]

Волшебник

[77]

Жил некогда король, которого люди называли Добрый король, ибо он был исполнен всяческих добродетелей и к тому же справедлив, подданные его любили, а соседи уважали.

Так как весть о нем облетела весь свет, то другой король пожаловал в его королевство и попросил подыскать ему невесту. Добрый король, польщенный таким доверием, выбрал самую прелестную из всех своих племянниц, которую и обещал отдать в жены приехавшему королю. Звали ее Изена Прекрасная.

Во все концы земли были посланы глашатаи, чтобы объявить о предстоящей свадьбе, а все желающие приглашались принять участие в пышных торжествах да в праздничных забавах. И, представьте, ко двору съехалось столько гостей, что можно было только диву даваться. В толпе прибывших принцев особенно выделялся красотой и статью властитель Дальних островов,

[78]который слыл к тому же искусным волшебником.

Он влюбился в Изену Прекрасную с первого взгляда и пришел в ярость от того, что она достается другому. Принц не сомневался, что, явись он первым и попроси ее руки, Добрый король никогда бы ему не отказал.

Эта мысль его особенно удручала, и он ломал себе голову над тем, к каким уловкам прибегнуть, чтобы эта несравненная красавица все же принадлежала ему.

К великой досаде принца с Дальних островов, свадьба все же состоялась.

Однако он так хорошо знал все тайны ворожбы, что в первую же ночь, когда новобрачную, по обычаю того времени, оставили одну, она, будучи во власти неведомой силы, не смогла улежать на супружеском ложе, встала и прошла в кабинет, который находился рядом с опочивальней. Там она присела на софу и принялась разглядывать всевозможные диковины со всего света, которые украшали эту красивую, ярко освещенную комнату. Однако, как только в кабинете появился принц Дальних островов, она предалась другому занятию. Принц упал перед ней на колени и сказал, что без ума от нее. И она тоже испытала к нему такое сильное влечение, что объяснить его одним лишь колдовством было невозможно.

Он говорил ей самые страстные слова на свете, и она отвечала ему так, что он почувствовал себя счастливым. Затем он признался, что вместо нее положил на супружеское ложе рабыню,

[79]которую король примет за нее.

Изену это развеселило, и всю ночь напролет она насмеялась над своим мужем, а наутро явилась к нему как ни в чем не бывало.

Король был убежден, что добился желанного, и почел себя самым счастливым из людей, а волшебник, влюбленный пуще прежнего, и в самом деле был самым счастливым, побеждал на всех турнирах и множество раз выказывал Изене Прекрасной знаки любви, на что, однако, никто внимания не обращал: они украдкой глядели друг на друга, танцуя, они с жаром стискивали друг другу пальцы, за столом пили из одного стакана... Что может быть сравнимо с восторгом рождения любви!..

Вторую ночь волшебник снова провел с королевой, а свою рабыню отправил в постель к королю. День снова прошел во взаимных изъявлениях любви, которые выказываются тайно и имеют особое очарование для избранных душ.

Третью ночь прошла так же, как и две предыдущие, волшебник был наверху блаженства, а король полагал себя не менее счастливым, предаваясь любовным играм с той, которую волшебник поместил на его брачное ложе.

Когда свадебные празднества подошли к концу и гости стали разъезжаться, наш король-молодожен распрощался с Добрым Королем и повез юную супругу в свой дворец.

Вскоре королева объявила, что ожидает прибавления семейства. Когда подошло

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
время родин, она разрешилась самым прекрасным ребенком на свете. Принца нарекли Карадосом.
Король страстно полюбил малютку, полагая себя его отцом, и королева в нем также души не чаяла.
Принц рос, как говорится, не по дням, а по часам и становился все более прекрасным. К двенадцати годам он выглядел восемнадцатилетним юношей. Все, что ему объясняли, он схватывал на лету и миг спустя знал это уже лучше своих учителей. Карадос прекрасно танцевал, пел, скакал на лошади, безупречно владел шпагой, разбирался в истории, одним словом, он был сведущ во всем, что положено знать истинному принцу крови. Он слышал столько разговоров о дворе Доброго короля, что им постепенно овладело неодолимое желание туда отправиться, и он сообщил об этом королю и королеве, которые, однако, на путешествие своего благоговения не дали, будучи не в силах расстаться со своим прелестным отпрыском.
Но юный Карадос не смог смириться с тем, что его желание встретило такое сопротивление со стороны родителей, и заболел от огорчения. Отец и мать, видя, что с каждым днем ему становится все хуже и хуже, решили снять свой запрет и выполнить его волю. Они щедро снабдили его всем, что полагается, и, расцеловав тысячу раз, отправили принца в путь.
Я не буду рассказывать, как Карадоса приняли у Доброго короля, это и так понятно. Все придворные наперебой ласкали юношу и были очарованы его статью, красотой и обаянием.
Здесь, при дворе Доброго короля, принц еще больше усовершенствовался в науках и искусствах, а когда случилась война, пошел воевать и совершил такие подвиги, что имя его было у всех на устах. Карадосу исполнилось уже восемнадцать лет, когда Добрый король устроил большой праздник. Это был день его тезоименитства, который он привык отмечать с большой пышностью. Он заседал в Государственной Ассамблее и, как обычно, в этот день удовлетворял все обращенные к нему просьбы. Его трон был установлен в крупнейшем зале, дальняя часть которого, выходящая в парк, завершалась аркадой, и сквозь пролеты были видны все, кто входил во дворец. Доброго короля окружала блестящая свита, рядом восседала красавица королева, тоже в обществе многочисленных принцесс и придворных дам. Все присутствующие пребывали в отличнейшем расположении духа и жаждали развлечений. Принц Карадос выделялся среди прочих, как роза среди других цветов.
И вдруг в долине показался верховой на прекрасном белом златогривом коне. Он сидел в седле с необычайным изяществом, а конь под ним размашистой рысью мчался ко дворцу. Когда же всадник приблизился и можно было его получше разглядеть, все заметили, что его зеленый камзол перехвачен роскошной перевязью, а на перевязи висел меч в ножнах, украшенных таким количеством драгоценных камней, что слепило глаза. Незнакомец поражал своей неземной красотой, его белокурые волосы рассыпались по плечам, голову украшал венок из незабудок, лицо светилось живостью и весельем, к тому же он пел на скаку, и голос у него был приятный.
У аркады он ловко спрыгнул на землю, и вышколенные королевские слуги тотчас взяли коня под уздцы и увели его. Нежданный гость с таким достоинством вошел в зал, где на троне восседал Добрый король, что привлек к себе взгляды всех присутствующих. Особое восхищение он вызвал у дам. Поклонившись собравшейся знати, он с благородной смелостью приблизился к трону Доброго короля, опустился на колени и положил меч к его ногам.
– Сир, – произнес он. – Я хочу испросить милость у вашего величества и смею надеяться, что в столь торжественный день вашего тезоименитства не встречу отказа.
– Говорите, любезный чужестранец! – приказал Добрый король. – В этот день я исполняю все просьбы, и, уж во всяком случае, не вы станете первым, кому я откажу. Даю вам слово, что выполню любое ваше желание.
– Раз так, – сказал незнакомец, – то вот оно: услуга за услугу.
– А что это значит? – удивленно воскликнул король. – Вместо того, чтобы просить о чем-то, вы задаете мне загадки! Я вас решительно не понимаю. Сказав это, король обратился к своим придворным, желая узнать, ясно ли им, что означают эти слова. Когда же выяснилось, что никто из присутствующих этого не знает, он попросил незнакомца растолковать их смысл.
– Услуга за услугу, – ответил молодой человек, – означает вот что: кто-то из здесь присутствующих должен вот этим мечом отсечь мне голову.
Вопль недоумения пронесся по залу, король чуть было не свалился с трона, а что до королевы, то у нее от ужаса прямо глаза на лоб полезли, и все окружающие ее дамы едва сдерживали слезы.
Добрый король хотел было отказаться от данного им слова, объяснив, что он, так сказать, невзначай попал в ловушку. Однако упорный молодой человек не отступал, утверждая, что его величество обесчестит себя, если не исполнит своего обещания. Король впал в отчаяние: тщетно взывал он к придворным в

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
надежде найти желающего привести казнь в исполнение – все молчали. И от этого он пришел в еще большую ярость. Столь же тщетно пытался король внушить своему незваному гостю, что тот жестоко нарушил их праздничное настроение. Однако чужеземец был непоколебим и требовал, чтобы ему тотчас же отрубили голову.

В конце концов вперед вышел Карадос и сказал, что слишком предан его величеству, чтобы терпеть оскорбления, нанесенные этим пришлым человеком: ведь тот вынудил дать обещание, которое считал заведомо невыполнимым.

«Поэтому я готов, – продолжал Карадос, – постоять за честь короля».

Юноша взглянул на Карадоса, приятно улыбнулся и сказал, что и он готов принять смерть. Принесли плаху, Карадос вытащил из ножен роковой меч, юноша преклонил колени, все безотрывно следили за ними, а затем произошло нечто поистине невообразимое: после того, как Карадос единым взмахом меча отсек голову юноше, голова эта, описав три круга и трижды перевернувшись, снова села к чужеземцу на шею, и тот поднялся с колен в полном здравии.

Ежели просьба, с которой юноша обратился к королю, вызвала изумление, то его воскрешение поразило присутствующих еще более того. Поначалу они завопили не своими голосами, а потом надолго восхищенно замолчали – казалось, все были околдованы.

Добрый король был весьма обрадован таким исходом, а Карадос еще больше тем, что не свершилось смертоубийство. Однако воскресший весело подошел к королю и снова упал перед ним на колени.

– Сир, – сказал он, – данное мне обещание вы все же должны выполнить.

– А разве я его не выполнил? – воскликнул король.

– Нет, сир, вернее, вы выполнили его только наполовину. Я ведь просил у вас услуги за услугу. Карадос оказал мне ее. А теперь моя очередь. Я также должен отрубить ему голову.

Тут гневный ропот поднялся в зале, особенно громко голосили женщины, возражая против такого варварского требования. Король был удручен, королева и придворные дамы просто обезумели от горя, всех присутствующих охватило крайнее волнение от того оборота, который принимало дело, – ведь Карадос был всеобщим любимцем. Он один сохранил хладнокровие и сказал королю, что счастлив пролить свою кровь, защищая его честь.

Пришелец снова посмотрел на него с улыбкой и произнес, обращаясь к Доброму Королю:

– Сир, я и так уже нарушил веселье вашего праздника, продолжать тревожить вас сегодня было бы чрезмерным. Поэтому я откладываю осуществление данного мне обещания ровно на год. И я почтительнейше прошу всех принцев и всех присутствующих здесь господ явиться в этот зал, куда и я прибуду, чтобы свершить то, что вами обещано. Посмотрим, с таким ли мужеством Карадос готов принять свою смерть, с каким он готов был убить меня.

После этого все сели за стол, но пир вышел очень грустным – сотрапезников печалила судьба Карадоса.

В течение этого года принцу Карадосу представился не один случай покрыть свое имя славой. Немало доблестных подвигов свершил он и в урочный день первым явился в королевский зал. Собрались и все остальные и не отрывали глаз от дороги в надежде, что тот, чье го приезда все так боялись, все же почему-либо не явится.

Но он явился. Он прискакал на том же коне, в том же зеленом камзоле, с тем же великолепным мечом на перевязи и с венком из роз на голове. Как и год назад, он пел на скаку, а спешившись, как и в тот раз, опустился перед королем на колени и напомнил ему о давешнем обещании. Тщетно король упрасивал его отступить от своего намерения. Тогда королева, убедившись, что королю не под силу его образумить, подошла к незваному гостю вместе со своими придворными дамами и стала его заклинать даровать жизнь Карадосу. Взамен она предлагала отдать ему в жены свою самую красивую племянницу и полкоролевства в придачу. Но несмотря на слезы и просьбы королевы, незнакомец оставался непреклонен.

Одного лишь Карадоса, казалось, не испугала грозящая ему гибель.

Исполненный достоинства и покоя, подошел он к Доброму Королю и попросил его поскорее свершить то, чего все равно не избежать.

Принесли плаху, и принц положил на нее свою голову, а незнакомец поднял меч и так долго не опускал его на шею Карадоса, что тот кинул на него взгляд, перед которым отступила бы сама жестокость.

– Делайте свое дело, и поскорее, – сказал он. – Я готов принять одну смерть, но не тысячу.

Услышав эти слова, незнакомец еще резче замахнулся, а затем спокойно вложил свой меч в ножны и протянул руку Карадосу, чтобы помочь ему подняться на ноги.

– Встаньте, принц, – сказал он ему. – Вы уже тысячу раз доказали свое мужество. Я рад, что вы и на сей раз проявили такую стойкость.

Многоголосый восторженный вопль сотряс небо. Никто ведь не ожидал подобного исхода. Добрый король сошел с трона и обнял незнакомца. Королева, придворные дамы и вся свита были так взволнованы, что, казалось, просто обезумели от радости.

И начался такой веселый пир, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А потом незнакомец пожелал поговорить с Карадосом с глазу на глаз. Они вдвоем прошли в галерею, и там, всячески обласкав юношу, рыцарь сообщил ему, что перед ним властитель Дальних островов и его отец. При этом известии лицо принца побагровело, и он еле сдержал охвативший его гнев. Он заявил волшебнику, что это ложь, что он не позволит порочить честь его матери, Изены Прекрасной, и что отцом его является не кто иной, как ее супруг, король. Волшебник никак не ожидал такого решительного отпора. – Вы неблагодарны, Карадос, – произнес он. – Но это отнюдь не мешает вам быть моим сыном. Не кто иной, как я, одарил вас всеми прекрасными качествами, за которые вас все так любят. Ах, Карадос, боюсь, что вам придется раскаяться в той черствости, какую вы проявили по отношению ко мне.

На том они и расстались, и Карадос, так и не поверивший в то, что он сын волшебника, пожелал увидеть короля, которого считал своим отцом. Он простился с Добрым королем и королевой и отправился во владения супруга Изены Прекрасной.

Король и королева приняли Карадоса с распростертыми объятиями. Когда же он оказался наедине с королем, тот поведал ему, что всерьез опасался за его жизнь, узнав, что ему угрожает некий таинственный рыцарь, и тогда Карадос имел неосторожность пересказать королю все, что услышал из уст волшебника. Король, исполненный любви и нежности к Карадосу, был потрясен услышанным и заверил его, что как бы дело ни обстояло в действительности, он будет любить его не меньше, чем прежде, считать своим сыном и единственным наследником. Однако он полагает, сказал король, что обстоятельства эти все же следует прояснить с королевой, ибо нельзя полностью исключить, что в давние годы у нее случилось некое галантное приключение с властителем Дальних островов.

Послали слуг за Изеной Прекрасной, которая, услышав обращенный к ней вопрос, тотчас же лишилась чувств, а потом не стала лукавить, отрицая правду. Однако больше всего она страдала оттого, что в измене супругу была уличена своим собственным сыном.

Король спросил у Карадоса: как ему теперь надлежит поступить, чем заглушить боль позора? И Карадос ответил, что хотя оскорбление, нанесенное королю, и было тайным, месть за него должна быть явной: пусть король созовет каменщиков со всех концов земли, опустошит свою казну и построит высокую неприступную башню, чтобы заточить королеву, да еще приставит к ней надежную охрану.

Совет понравился королю, и он был осуществлен. В считанные дни каменщики возвели высоченную башню и замуровали в ней Изену Прекрасную.

Вслед за тем Карадос, не чувствуя никаких угрызений совести за такое жестокое обращение с матерью, отправился назад, ко двору Доброго Короля. Когда ему оставалось всего лишь два дня пути до столицы государства Доброго Короля, он увидел вдаль, на лугу, что-то ярко блестящее. Приблизившись, он различил целый ряд шатров, причем крышу самого просторного из них венчал золотой шар с сидящим на нем золотым орлом, который, казалось, вот-вот взмахнет крылами и взмоет ввысь.

Карадос приблизился к этим шатрам. Не увидев никого вокруг, он спешил и вошел в самый просторный из них. Внутри стояла богато убранная кровать с поднятым пологом, и на ней спала дева неземной красоты.

Принц был очарован лицезрением такого совершенства. В первый миг он исполнился восхищения, а во второй – любви. Он оказался бессилен перед нахлынувшим чувством и, пренебрегая обычаями времен великих страстей, повел себя смело, так, как молодые люди в наши дни. [80]Эта смелость

пришла к нему вместе с влюбленностью.

Он опустился у кровати на одно колено и коснулся губами руки красавицы. Но постепенно смелость принца все возрастала. Оказавшись в его объятиях, красавица в испуге открыла глаза. Даже не взглянув на него, она закричала и попыталась соскочить с кровати на пол, а из-за перегородки выбежала греческая рабыня и кинулась к своей хозяйке. Однако, подняв глаза на Карадоса, рабыня воскликнула с изумлением:

– Да вы посмотрите, из чьих объятий вы вырываетесь!

Красавица кинула на Карадоса гневный взгляд, который, однако, тут же смягчился, и с прелестной улыбкой радостно воскликнула:

– Да это же Карадос!.. Это Карадос!..

– Верно, меня зовут Карадос, – сказал принц, очарованный ее нежданной приветливостью. – Но откуда вы меня знаете?

– Одну минуточку! – вскричала красавица и вместе со своей рабыней убежала в соседний шатер. Она тут же вернулась со свитком пергамента в руках.

– Глядите, – сказала она, разворачивая свиток. – Это ваш портрет. Как только я увидела его, я полюбила вас всем сердцем, а полюбив вас, решила связать свою жизнь с вашей. И потребовала от брата, чтобы он обещал мне не выдавать меня ни за кого, кроме вас. Мы сейчас направляемся ко двору Доброго Короля, и мой брат попросит у него отдать ему в жены одну из его племянниц, а вас – мне в мужья. Мой брат – это король Кандор. А меня зовут Аделиса...

На этих словах в шатер вошел король Кандор, и был он почти так же красив, как его сестра. Аделиса представила ему Карадоса. И с первой же минуты молодые люди полюбили друг друга как братья и уже вместе продолжили свой путь в столицу Доброго Короля.

Весь двор был очарован красотой и обходительностью брата и сестры. Добрый Король представил королю Кандору всех своих племянниц, и тот выбрал себе в жены самую прелестную.

Вслед за свадьбой короля Кандора собирались отпраздновать свадьбу Карадоса с Аделисой, но тут неожиданно прискакал гонец от короля, которого Карадос считал своим отцом. Король просил Карадоса незамедлительно приехать домой, и принц, простившись с красавицей Аделисой, тотчас отправился в путь, пообещав вскоре вернуться. Но разве не известно, что люди бессильны перед своей судьбой?

Не успел Карадос прискакать во дворец, как король сообщил ему, что вызвал его в связи с весьма странными обстоятельствами. Дело в том, что по ночам из башни, где была заточена Изена Прекрасная, раздаются звуки чудной музыки и что, видимо, волшебник всячески развлекает узницу.

Король не ошибся: властитель Дальних островов пришел в отчаяние оттого, что на долю его возлюбленной выпали такие ужасные страдания по его вине, и он решил облегчить ее участь непрерывными свидетельствами своей любви. Он выбрал в своих владениях дюжину прелестных девиц и волшебной силой приставил их к ней, затем вслед за девицами он переправил к Изене Прекрасной столько же изящных кавалеров – таким образом в тюремной башне образовалось небольшое, но весьма приятное придворное общество. Вечерами там выступали лучшие музыканты, искусные танцовщики, превосходные актеры. Три раза в неделю там ставили комедии, а в остальные вечера либо давали оперы, либо устраивали великосветские приемы, которые завершались изысканными пиршествами.

Так волшебник помогал королеве коротать время, которое, по замыслу ее супруга, должно было нескончаемо тянуться. И все эти развлечения делались еще завлекательнее оттого, что их разделял с ней властитель Дальних островов.

Карадос, понимая, что волшебник движим чувством, а не разумом, сказал королю, что его надо застать врасплох и что это не представляет труда, поскольку он даже не предполагает, что ему может грозить опасность.

Той же ночью, убедившись, что в башне уже начался очередной праздник, Карадос отправился туда, поднялся наверх, затерялся в толпе стражников и захватил волшебника в плен. А тот, оказавшись в неволе, разом утратил свой колдовской дар.

Изена Прекрасная была так напугана происшедшим, что забыла об осторожности и не смогла скрыть своей страсти, а затем лишилась чувств, чем окончательно себя выдала.

Волшебник предстал перед королем, который приказал его немедленно казнить. Но Карадос попросил отложить казнь, сказав, что смерть слишком легкое наказание для этого злодея, что его следует подвергнуть более изощренной пытке. Хорошенько все обдумав, Карадос решил, что самым мучительным наказанием будет надругательство над его любовью и что нельзя поступить с ним более жестоко, нежели подвергнуть той же участи, что в свое время короля. В течение трех ночей властителю Дальних островов подкладывали на ложе рабыню, которой фея умело придала полное сходство с Изеной Прекрасной. И он не смог избежать этой ловушки, потому что, как уже было сказано, находясь в чьей-либо власти, он разом лишился своей волшебной силы.

Он считал, что заточен в темницу вместе с королевой, и это его утешало. Мучило его только то, что она по его вине вынуждена находиться в таких ужасных условиях. И в то время, как он шептал ей самые нежные, самые проникновенные и страстные слова, фея сдернула с лица рабыни маску, и та предстала перед ним в своем удручающем естестве. Он понял, как оскорбительно и жестоко его обманули.

Страдание властителя Дальних островов было ни с чем не сравнимо. Затем его отпустили на все четыре стороны, не взяв, однако, с него обещания никогда больше не видеться с Изеной Прекрасной. Это столь важное обстоятельство почему-то упустили из вида. Ему сохранили жизнь для того, чтобы он до конца

дней своих нес тяжесть позора своей измены. Этот позор терзал его сердце, но, вновь обретя свою волшебную силу, он перенесся в башню, где по-прежнему пребывала в заточении Изена Прекрасная, правда, теперь уже в полном одиночестве.

Он подошел к ней бледный, со спутанными волосами, не смея поднять на нее глаз, не в силах вымолвить ни слова, и такие горестные вздохи вырывались из его груди, что тронули бы сердце даже менее заинтересованной в нем особы, нежели Изена Прекрасная.

Она печально глядела на него. Когда же ему удалось хоть как-то совладать со своим смущением, волшебник рассказал ей, едва сдерживая рыдания, какой пытке подверглась его любовь. Услышав этот рассказ, Изена в свою очередь побледнела и задрожала от гнева.

– Возможно ли, чтобы это был наш сын? – воскликнула она. – Пусть он умрет. Я знать его больше не хочу!.. Нет! – спохватилась она. – Пусть он страдает так, как довелось страдать вам!..

Они долго обсуждали, как же им поступить, и на другой день королева послала за Карадосом, сказав, что ей необходимо с ним поговорить. Он тотчас же явился и застал мать с распущенными волосами. Она сказала ему, что не ожидала его в столь ранний час и что сейчас причешется. Она попросила его подать ей гребень из слоновой кости, присланный из Рима.

Карадос послушно выдвинул ящик комода, но едва он сунул в него руку, как огромная змея укусила его за палец и трижды обвилась вокруг его тела. Укус этот был столь болезненный, что Карадос вскрикнул не своим голосом и упал как подкошенный. Сбежавшиеся стражники унесли его во дворец. Спешно созвали всех знаменитых лекарей, но никто из них не смог ему помочь, никто не смог освободить его тело от змеи.

Весть об этом происшествии быстро разлетелась по всему белому свету.

Достигла она и двора Доброго короля и всех весьма огорчила. А что до красавицы Аделисы, то ее горя и описать нельзя. И вместе со своим братом королем Кандором она тут же отправилась в путь, чтобы навестить своего несчастного возлюбленного.

Пока они были в пути, Карадос невыносимо страдал. Он не мог подняться с постели, и ни одно лекарство, ни одно снадобье не приносило ему облегчения. Круглые сутки напролет нестерпимая боль терзала его, и он, как говорится, таял на глазах.

Однажды вечером, когда он был в еще большем отчаянии, чем обычно, ему сообщили, что прибыл гонец от принцессы Аделисы. Эта весть ввергла его в большое волнение, и он приказал привести к себе гонца, но повернулся лицом к стене, чтобы тот не заметил, насколько он стал неузнаваем.

Вестник сообщил ему, что король Кандор прибывает на следующий день. Казалось, это сообщение его обрадовало. Однако, простившись с гонцом, он велел своему папу плотно прикрыть дверь, потом спросил, может ли он рассчитывать на его верность. Бедный паж, весь в слезах, принял за уверять, что, случись такая нужда, он готов отдать жизнь за своего господина.

Эти слова как будто обрадовали Карадоса. Он приказал себя одеть, насколько это было возможно, собрать все драгоценности и прихватить нужные инструменты. Затем они спустились в сад, пробили отверстие в каменной стене и оказались в лесу. Карадос как мог помогал папу, работая одной здоровой рукой.

Они шли без отдыха три дня куда глаза глядят, питаясь кореньями и ягодами, пока наконец не набрали на скит отшельника, расположенный на берегу красивого ручья. Скит был окружен садом и огородом.

Седой как лунь старик вышел из часовни. Карадос рассказал ему о своих злоключениях, о которых, как оказалось, святой отец был уже наслышан, и попросил старца укрыть его в своей хижине и позволить провести подле него остаток своих горестных дней.

Добрый отшельник пообещал ему хранить тайну и послал пажа купить белые монашеские одежды. В этом костюме Карадоса никто не мог узнать. И даже люди, посланные королем на его поиски, повстречавшись с ним, приняли его за отшельника.

Тем временем король Кандор и его сестра принцесса Аделиса прибыли во дворец, надеясь повидаться с Карадосом. Аделиса тотчас же велела, чтобы ее отвели в его покои, но дверь оказалась запертой. Пришедшие стали стучать, называли себя по имени, но ответа не было.

Аделиса, не зная, что и подумать, сама стала звать Карадоса:

– Откройте, откройте, мой друг! Это я, ваша Аделиса, впустите меня!

Но ответа по-прежнему не последовало. Наконец Кандор, потеряв терпение, приказал вышибить дверь, но постель была застелена и в комнатах никого не было. Все были изумлены, но всех больше бедная Аделиса. Она рыдала и рвала на себе волосы. Король Кандор, видя, в каком ужасном горе пребывает его сестра, тут же поклялся, что в течение двух лет объедет все близкие и

дальние земли в поисках своего друга принца Карадоса. Не медля ни минуты, он вскочил на коня и тут же двинулся в путь. Всех встречных-поперечных расспрашивал он о несчастном принце, но никто не мог ему ничего сказать. В неустанных поисках незаметно пролетели два года, а боль утраты была такой же острой, как и в первый день. В полном отчаянии вернулся он ко двору короля, которого считали отцом Карадоса. Встреча с сестрой несколько утешила его. Но вот однажды в очень жаркий день он оказался в лесу. Увидев красивый ручей, он спешил и решил приискать удобное место для отдыха. Вскоре он нашел прелестную полянку и уже хотел было там расположиться, как вдруг услышал исполненный печали голос. Прислушавшись, он понял, что так горько сетует на свою судьбу не кто иной, как сам Карадос. Радость Кандора была так велика, что он не верил себе, боясь ошибиться. Он прошел несколько шагов по направлению голоса и увидел человека в белых одеждах, распростертого на берегу ручья. Он принял бы этого человека за отшельника, если бы не заметил торчащую из рукава змею, вцепившуюся в его запястье.

И тут король Кандор издал ликующий вопль и, как безумный, кинулся на шею своему Другу.

Карадос был в полном смятении оттого, что его нашли. Слезы стыда и радости душили его. А Кандор сжимал Карадоса в своих объятиях, не в силах вымолвить ни слова. Великие чувства безмолвны. В конце концов молодые люди вновь обрели дар речи, и они заговорили, перебывая друг друга, как истинные друзья. После справедливых упреков Кандора и жалких оправданий Карадоса Кандор вырвал в конце концов у принца обещание, что тот дождется его здесь и больше не будет делать попыток скрываться. При этом Кандор заверил его, что вернется ровно через шесть дней.

Расставшись со своим другом, Кандор поскакал к королю, которому, однако, ничего не рассказал, а лишь попросил разрешения посетить Изену Прекрасную. После этого он поднялся на башню и в самых трогательных выражениях описал королеве, в каком ужасном состоянии он нашел Карадоса. Он умолял ее, взывая к голосу крови, простить сыну все обиды и вылечить его. Так как ему очень хотелось убедить королеву, он заклинал ее именем властителя Дальних островов сжалиться над несчастным Карадосом.

У Изены Прекрасной было достаточно времени на размышления, и гнев ее успел остыть. Она ответила королю Кандору, что готова помочь своему сыну, но это не так-то просто. Есть только один способ избавить его от змеи, но осуществить его вряд ли удастся, потому что для этого необходимо найти девственницу, которая была бы столь верна, сколь и хороша собой, и к тому же готова пострадать ради Карадоса. Однако Изена все же поведала ему весь обряд исцеления.

Кандор выслушал ее в задумчивости и, поблагодарив, пошел в покои красивой и печальной Аделисы. Она очень обрадовалась, увидев своего брата, и тут же спросила, не узнал ли он что-нибудь о Карадосе. Он ей рассказал, что нашел Карадоса, но состояние его ужасно. И добавил, что есть средство его спасти, но оно трудноосуществимо. Аделиса стала умолять брата поскорее рассказать ей, что надо делать.

– Сестра моя, – ответил он, – для этого прежде всего необходимо найти девственницу, которая была бы столь верна, сколь и хороша собой, и к тому же готова пострадать ради него.

– Что ж, я девственница. И я верна ему. Вот только не знаю, хватит ли у меня красоты. Как бы то ни было, попробуем, гожусь ли я.

Брат и сестра отдали распоряжение, чтобы в скит доставили все необходимое для излечения Карадоса, и отправились туда сами.

Когда Карадос издали увидел красивую Аделису, он опустил голову и прикрыл лицо руками, чтобы скрыть от нее, насколько он изменился. Но Аделиса глядела на него влюбленными глазами и не могла его не узнать. Как только она его заметила, она бросилась к нему, чтобы его обнять, она была так потрясена встречей, что опасались за ее жизнь.

Карадосу в конце концов рассказали, о чем идет речь, но лишь в общих чертах, без подробностей, потому что, если бы он узнал, какой опасности подвергается при этом Аделиса, он никогда бы на это не пошел, он слишком ее любил.

Принесли два больших чана, один полный уксуса, другой – молока. Карадос должен был залезть в тот, что с уксусом, а Аделиса – в тот, что с молоком. Принцесса поспешила сама раздеть Карадоса, и надо сказать, что это занятие ей очень понравилось. Как только он оказался в чане, она тут же села в другой. Расчет был простой: змея, повисшая на руке Карадоса, ненавидела уксус и должна была, разжав челюсти, перепрыгнуть в чан с молоком, которое она обожала, и вцепиться Аделисе в грудь.

Король Кандор стоял между чанами, занеся над головой меч, чтобы опустить его на змею в момент ее прыжка.

Верная Аделиса расположилась так, чтобы кончик одной из грудей торчал из чана, и она нежно приманивала змею словами. Убедившись, что змея не решается на прыжок так быстро, как хотелось бы принцессе, она запела своим прелестным голосом вот какие слова:

Погляди, вот грудь моя,
Ядовитая змея!

Соблазнь красой моей,
Подползи ко мне скорей!

[81]

Услышав это чарующее пение, змея тут же перепрыгнула в чан принцессы и вцепилась ей в грудь. Король Кандор не оказался достаточно быстрым и ловким и вместе с головой змеи отсек сосок своей сестры. Змея была убита, но Аделиса потеряла так много крови, что молоко в чане окрасилось в пурпуровый цвет и она потеряла сознание. Ее состояние внушало серьезные опасения, но старик отшельник умел врачевать, он положил целебную траву на рану, кровь свернулась, и принцесса вскоре оправилась.

Карадос был так взволнован всей этой сценой, что даже не почувствовал радости от своего избавления (таким и должен быть настоящий возлюбленный), он кричал, сидя в своем чане, но никто не обращал на него внимания.

Наконец, по приказу короля Кандора, его вымыли в ванне, как велела Изена Прекрасная, и он вышел из нее еще большим красавцем, чем был прежде, одним словом, самым очаровательным из всех мужчин и самым желанным как возлюбленный.

В таком виде он и предстал перед Аделисой, которая и не знала, как благодарить судьбу за то, что Карадос избавился от своих ужасных страданий. Его исцеление имело для него еще особую дополнительную ценность и значимость, потому что в нем проявились лучшие качества его Аделисы – мало кто из придворных дам был бы способен такой ценой спасти своего возлюбленного от столь тяжкого недуга.

Всеобщая радость была велика, и слух о ней вскоре донесся и до двора Доброго короля, который стал собираться в путь, чтобы присутствовать на свадьбе Карадоса и Аделисы.

Как только Карадос прибыл к королю, которого любил как отца, он обратился к нему с просьбой освободить из башни его мать и получил на то королевское согласие. На крыльях радости взлетел он на башню, кинулся к ее ногам, попросил за все прощение и повел ее в покои короля, который нашел ее настолько прелестной, что решил снова взять ее себе в жены. Но это желание осуществить ему было не дано, потому что он внезапно умер.

На престол взошел Карадос, а когда приехали Добрый Король с королевой, отпраздновали свадьбу Карадоса и Аделисы. Много дней длились пышные празднества, балы, турниры, и на них Изена Прекрасная так пленяла всех своей красотой, что было неясно, кому отдать предпочтение – ей или Аделисе. На турнирах все награды получил незнакомый рыцарь, к тому же он покорила двор своим видом, и щит у него был из чистого золота. Он подошел к трону и сказал, обращаясь к Карадосу и к Доброму королю, что скоба его щита обладает чудотворной силой воссоздавать то, чего не хватает, и что если Аделисе угодно будет ее испытать, то он вернет ей сосок. Из скромности она не сразу на это решилась, но Карадос тут же принялся расстегивать крючки ее платья, обнажив самую прекрасную в мире грудь. Незнакомец подвинул к ней скобу своего щита, и тут же вместо отрезанного соска появился золотой. С тех пор ее так и прозвали: королева с золотым соском.

Незнакомый рыцарь представился: это был властитель Дальних островов, отец Карадоса. Его горячо приветствовали, и тогда он попросил в жены Изену Прекрасную и получил согласие. Справедливо было вознаградить его за столь долгую, верную и страстную любовь. И обе пары жили счастливо до конца своих дней.

Франсуа Салиньяк де ла Мот Фенелон

[82]

История флоризы

В лесу, неподалеку от деревни, жила-была фея. Одна крестьянка ожидала ребенка и попросила фею навестить ее в день родов. И вот разрешилась она от бремени девочкой. Фея взяла малютку на руки и сказала матери:

– Выбирайте: ваша дочь, стоит вам только захотеть, сделается писаной красавицей, невиданной разумницей, получит огромное королевство, но счастья ей не видать, – или проживет век простой крестьянкой, как вы, зато будет довольна своей долей.

Крестьянка выбрала для дочери красоту и ум вместе с королевским венцом, да несчастье в придачу. Девочка вскоре превзошла красотой всех в округе. Она была кротка, послушна, отличалась пытливым умом, легко запоминала то, чему ее учили, и быстро превосходила своих наставников. В праздничные дни она плясала на лугу лучше всех подруг. Голос у нее был прелестнее любого музыкального инструмента, и пела она песни, которые складывала сама. Сперва она не знала, что хороша собою, но как-то, играя с подругами у источника,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
увидела в его прозрачной воде свое отражение и поразились своей красе. Окрестные жители толпами спешили поглядеть на нее и наперебой превозносили ее очарование. Да и мать, помня посулы феи, верила, что дочь ее не сегодня завтра станет королевой, и баловала ее как могла. Девушка не знала ни прялки, ни иглы, не пасла овец; она любила лишь рвать цветы да украшать себя венками, петь и плясать под сенью рощ. Той страной правил могущественный государь, и был у него единственный сын по имени Розимон, которого он собирался женить. Король не желал и слышать о принцессах из соседних государств: одна фея сказала ему, что он найдет для сына крестьянку милее и лучше всех принцесс на свете. Он велел созвать всех молодых крестьянок своего королевства не старше восемнадцати лет, чтобы избрать самую достойную. Из множества миловидных девушек оставили только тридцать, далеко превосходивших красотой всех других. Флориза (так звали нашу девицу) без труда попала в их число. Девушек усадили на возвышении посреди большого зала, дабы король с сыном разглядели всех сразу. Рядом с соперницами флориза казалась прекрасной анемонией, окруженной обыкновенными ноготками, или веткой померанца среди дикого кустарника: король тут же вскричал, что лишь она достойна королевского сана. Розимон почел за счастье взять флоризу в жены. С девушки сняли крестьянское платье и дали ей шитые золотом одежды. Во мгновение ока ее осыпали жемчугами и алмазами. Флоризе прислуживал целый рой придворных дам, которые спешили предупредить или исполнить с полуслова малейшую ее прихоть. В ее роскошных спальнях и будуарах вместо гобеленов висели громадные, во всю стену зеркала, чтобы и она сама, и принц могли любоваться ее красотой со всех сторон. Розимон позабыл об охоте, игре в карты, упражнении в силе и ловкости и проводил все свое время с женой, а так как король-отец вскоре после свадьбы сына умер, мудрая флориза, став королевой, принялась управлять делами государства. Королева-мать – ее звали Гронипотой – прониклась к невестке черной завистью. Нрав у нее был коварный, злобный, жестокий. Безобразная от рождения, к старости она стала еще отвратительнее и вовсе превратилась в ведьму. Красота флоризы подчеркивала ее собственное уродство и поминутно раздражала Гронипоту: старуха не могла снести невыгодного сравнения с красавицей. Мудрость невестки тоже пугала ее, так что она просто извелась от зависти.

– Вы пятнаете свою честь! – твердила она сыну. – Можно ли было брать в жены эту крестьянку? И вы столь низко пали, что, забыв себя, поклоняетесь ей, а уж она горда и высокомерна, словно родилась королевой! Когда вашему отцу пришло время жениться, всем прочим он предпочел меня, ведь я ему ровня, я из королевского рода. Вам надлежало сделать то же самое. Отошлите-ка эту пастушку обратно в деревню и поищите лучше какую-нибудь молодую и достойную вас принцессу.

Розимон не поддавался на уговоры матери, и тогда Гронипота выкрала у флоризы записку, адресованную мужу, вручила ее молодому придворному и велела отнести королю, – будто свидетельство нежного внимания флоризы, по праву принадлежавшего лишь ее супругу. Слепленный ревностью, Розимон по совету злой матери приказал навечно запереть флоризу в высокой башне, стоявшей на выступе скалы посреди моря. Там она день и ночь лила слезы, не в силах понять, отчего король, который так ее любил, столь бесцеречно с нею обошелся. В тюрьме королеву навещала только старуха служанка (ее приставила к невестке Гронипота) и издевалась над ней как могла. Тогда флориза и вспомнила свою деревню, бедную хижину и радости сельской жизни. Вот сидела она и тосковала, оплакивая заблуждение своей матери, которая пожелала, чтобы дочь ее получила красоту и корону вкупе с несчастьем, а не осталась грубой крестьянкой, довольной своей долей, – и вдруг явилась к ней с вестью гадкая служанка: король шлет палача отрубить флоризе голову и ей остается только встретить свою смерть. Несчастливая отвечала, что готова покориться судьбе. В самом деле, палач, присланный королем по совету Гронипоты, уже взял в руки огромный тесак и хотел было совершить казнь, но тут появилась некая женщина, которой королева-мать будто бы велела сказать флоризе перед смертью несколько слов. Старуха не стала возражать, потому что приняла ее за придворную даму, хотя то была принявшая обличие одной из фрейлин Гронипоты фея, которая предсказала при рождении флоризы эти несчастья. Удалив служанку с палачом, она смогла поговорить с флоризой наедине.

– Хотите отказаться от красоты, которая принесла вам столько бед? – спросила фея. – Хотите лишиться королевского сана, носить крестьянскую одежду и снова жить в родной деревне?

Флориза с радостью согласилась. Фея надела ей волшебную маску, и сразу черты ее лица стали грубыми и неправильными, она сделалась столь же уродлива, сколь была прежде прекрасна и миловидна. Теперь ее никто не мог узнать; пленница прошла сквозь толпу любопытных, явившихся поглазеть на ее

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
казнь, и последовала за феей в родные края. Тщетно искали флоризу во всей башне, она исчезла бесследно. Весть об этом принесли королю и Гронипоте. Флоризу приказали разыскивать по всему королевству, только напрасно. Она вернулась с феей домой, к матери; крестьянка нипочем не узнала бы свою дочь – так сильно та изменилась, – если бы ее не предупредила фея. Флориза была довольна своим уродством, бедностью, безвестностью и жила себе в глуши, пася овец. Каждый день она слышала, как люди рассказывают друг другу о ее приключениях и сочувствуют ее несчастьям. О ее жизни сложили много печальных песен; слушая их, все горько плакали. Она сама любила петь эти песни вместе с подругами и плакала, как прочие, однако мирно пасла свое стадо, почитала себя счастливой и никому на свете не открыла, кто она такая.

Путешествие на остров Наслаждений

[83]

Мы долго плыли по Тихому морю и наконец увидели вдали сахарный остров с мармеладными горами, карамельными и леденцовыми скалами, бегущими меж полей реками сиропа. Обитатели острова, большие лакомки, лижут проселочные дороги и любят опускать пальцы в реку, а потом сосать их. Есть там и лакричные леса, и огромные деревья, с которых падают вафли, а ветер несет их путникам прямо в рот. Поскольку все эти сладости показались нам приторными, мы пожелали отправиться в другую страну и насладиться более изысканными блюдами. Нас уверили, будто за десять лье отсюда находится другой остров, с копиями ветчины, сосисок и пряных закусок. Их добывают так же, как и золото в коях Перу. Текут здесь и ручьи лукового соуса. Стены домов сделаны из паштета. В дурную погоду дождь идет дурным вином, а в солнечные дни утренняя роса всегда выпадает каплями белого вина, напоминающего по вкусу греческий или сен-лоранский мускат. Чтобы добраться до этого острова, мы велели привести дюжину чудовищных толстяков да усыпить их: они захрапели изо всех сил, и паруса наши вмиг наполнились попутным ветром. Едва мы причалили ко второму острову, на берегу столпились продавцы аппетита – при таком изобилии лакомств жителям частенько его не хватало. Другие продавали сон – по столько-то за час, причем дороже стоил тот, что приносит лучшие из сновидений. Прекраснейшие сны были весьма дороги. Я купил те, что были мне по карману, и, чувствуя усталость, пошел вздремнуть. Но только я лег в кровать, раздался страшный шум; я перепугался и стал звать на помощь. Мне сказали, что это-де разверзлись земные недра. Я ожидал самого худшего, но меня успокоили: оказывается, земля разверзалась тут каждую ночь, в определенный час, и с силой выплевывала бурлящую лаву шоколадного мусса и разнообразные охлажденные ликеры. Я поспешно вскочил и отведал каждого понемногу – ликеры были восхитительны. Потом я снова лег, и мне приснилось, что люди сделаны из хрусталя, а случись им проголодаться, питаются духами; они не ходят, а танцуют, не говорят, а поют; у них есть крылья, чтобы летать, и плавники, чтобы плавать по морю. Притом люди эти были подобны ружейным кремням: от малейшего толчка их тела высекали огонь. Они вспыхивали словно трут, и я от души смеялся их чувствительности. У одного человека я спросил, что это его так разобрало; в ответ он показал мне кулак и заметил: мол, гневаться не в его обычае.

Только я проснулся, вошел продавец аппетита, желая узнать, что именно я возьму охоту поесть и не нужны ли мне сменные желудки на весь день. Я согласился, заплатил требуемую сумму и надел на себя дюжину тафтяных мешочков, чтобы без забот переварить дюжину плотных обедов за день. Едва я взял мешочки, как ощутил ужасный голод. Я устроил себе двенадцать роскошных пиршеств и предавался им целый день. Лишь кончался один обед, меня снова начинал терзать голод, и я удовлетворял его немедленно. Но поскольку ел я жадно, то заслужил упрек в неряшливости: жители этой страны отличаются прекрасными манерами и опрятностью в еде. К вечеру я устал оттого, что провел день за столом, словно лошадь у яслей. Я решил тогда поступить наоборот – питаться одними приятными запахами. На завтрак мне приготовили флердоранж. Обед оказался плотнее: подали туберозы и мускус. На полдник я получил только нарциссы. Вечером, на ужин, принесли огромные корзины всевозможных благоуханных цветов вместе с курильницами, которые дымилась самыми разными ароматами. Ночью у меня расстроился желудок от злоупотребления питательными запахами. На следующий день я постился и отдыхал от наслаждений чревоугодия. Мне сказали, что в стране есть весьма необычный город, и пообещали отвезти туда в экипаже, доселе мною не виданном. И вот меня посадили в маленький, очень легкий портшез, украшенный большими перьями, и привязали к нему шелковыми шнурами четыре огромных птиц, величиной со страуса, с крыльями, соразмерными их телу. Птицы взмыли ввысь. Я стал править на восток, как меня научили. Подо мной проплывали вершины гор; мы летели, быстро рассекая воздух, и у меня даже перехватывало дыхание. Через час мы прибыли в знаменитый город. Он втрое больше Парижа и весь построен из мрамора. Целый город состоит из одного-единственного дома

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
с двадцатью четырьмя просторными дворами, и каждый двор – как самый громадный в мире дворец, а посреди этих двадцати четырех – двадцать пятый, вшестеро больше любого из них. Все апартаменты в доме одинаковы, ибо жители города по положению равны.

[84]Здесь нет ни слуг, ни челяди, каждый сам себе служит и не служит никому; зато есть капризы – маленькие крылатые эльфы, которые тут же доставляют всем желаемое. Прибыв в сей славный город, я тоже получил в свое распоряжение эльфа и благодаря ему ни в чем не знал недостатка: едва я успевал что-нибудь пожелать, он молниеносно исполнял мою прихоть. Доступность утех рождала все новые и новые желания, и в конце концов я даже устал от них; так на собственном опыте я понял, что лучше не предаваться излишества, а напротив, смирять свои желания и уметь вовремя остановиться, чтобы познать спокойную радость наслаждения. Жители этого города – люди вежливые, кроткие, предупредительные. Они приняли меня как старого знакомого. Не успевал я и рта раскрыть, мои просьбы уже угадывали и тотчас исполняли. Я с удивлением заметил, что они вовсе между собой не разговаривают, зато по глазам читают мысли,

[85]словно по книге, а если хотят их скрыть, опускают веки. Меня привели в зал, где звучала музыка ароматов. Здесь подбирают ароматы, как мы – аккорды. Определенное сочетание ароматов, крепких и слабых, дает гармонию, которая ласкает обоняние,

[86]будто наша концертная музыка сменой низких и высоких нот – слух. В этой стране женщины правят мужчинами, заседают в суде, обучают юных наукам и воюют.

[87]Мужчины же румянятся и наряжаются с утра до вечера; они прядут, шьют, вышивают и страшатся гнева своих жен, когда посмеют их ослушаться. Говорят, еще недавно все было наоборот, но мужчины, избалованные крылатыми эльфами, сделались столь ничтожны, ленивы и невежественны, что женщины устыдились таких правителей и объединились ради спасения республики. Они открыли публичные школы, куда пришли учиться самые умные представительницы их пола. Они разоружили мужей, а те были счастливы, что воевать больше не придется. Они взяли в свои руки ведение всех судебных процессов, принялись блюсти общественный порядок, составили свод законов – и республика, которую бесспорно погубили бы мужская нерадивость, легкомыслие и малодушие, возродилась к жизни. Растроганный этим зрелищем, наскучив чередой пиршеств и развлечений, я заключил, что наслаждения чувств, будь они даже разнообразны и легкодоступны, не приносят счастья, а лишь развращают нас. Без сожаления покинул я эти дивные страны и, возвратившись на родину, нашел в умеренном образе жизни, в скромных трудах, достойных нравах и высокой добродетели то благоденствие, которого не могло мне дать обилие яств и наслаждений.

Франсуа Пети де Лакруа [88]

История Малека и принцессы Ширин

[89]

Я единственный сын богатого купца из Сурата. Вскоре после смерти отца я промотал большую часть оставленного им громадного наследства. Последние деньги я растрчивал в кутежах с друзьями. И вот однажды за моим столом случайно оказался некий чужестранец, направлявшийся, по его словам, на остров Серендиб и по пути остановившийся в Сурате. Разговор зашел о путешествиях. Одни превозносили их, утверждая, что от них большая польза и неисчислимые удовольствия, другие рассуждали о сопряженных с ними опасностях. Те из моих приятелей, кому довелось путешествовать, поведали нам о своих странствиях. Они видели много необычайного, и это вызвало у меня неодолимое желание путешествовать; но, когда они рассказывали об опасностях, подстерегавших их в пути, желание сразу пропадало.

Выслушав всех, я сказал:

– Невозможно слушать восторженные речи тех, кто объездил весь мир, и не почувствовать неодолимой тяги к путешествиям. Но беды, грозящие путешественникам, отбивают у меня охоту повидать дальние страны. Если бы можно было, – добавил я с улыбкой, – очутиться на другом краю земли, не встретив по дороге злоумышленников, я бы завтра же покинул Сурат.

Вся компания расхохоталась, а чужестранец сказал:

– Достойный Малек, если вам охота путешествовать и лишь страх перед разбойниками не дает вам выполнить это желание, то я, когда вам будет угодно, открою вам способ переезжать из страны в страну без малейшей опасности.

Я подумал, что он шутит. Однако после ужина он отвел меня в сторону и сказал, что завтра утром придет ко мне опять и покажет нечто удивительное. И в самом деле, на завтра он явился ко мне и сказал:

– Свое обещание я сдержу, но увидеть обещанное вы сможете лишь через несколько дней: то, что я вам покажу, нельзя изготовить сегодня. Отправьте одного из ваших рабов за столяром, и пусть они доставят сюда столько досок, сколько могут унести вдвоем.

Это было исполнено без промедления.

Когда столяр и раб вернулись, чужестранец велел столяру изготовить сундук длиной шесть футов и шириной четыре фута; столяр тут же взялся за дело. Чужестранец тоже не терял времени даром: он изготовил множество винтов и пружин для какого-то механизма. Оба проработали до позднего вечера. Затем столяра отослали. Весь следующий день чужестранец прилаживал пружины и заканчивал отделку сундука.

На третий день сундук был готов; его покрыли персидским ковром и отнесли за город, в поле. Чужестранец пришел туда вместе со мной и сказал:

– Отошлите рабов, мы должны остаться одни: я не хочу, чтобы кто-то, кроме вас, видел то, что я сейчас сделаю.

Я приказал рабам вернуться домой и остался один с чужестранцем. Мне не терпелось узнать, что же он сделает с этим сундуком. Чужестранец забрался внутрь; через мгновение сундук оторвался от земли и взмыл в воздух с невероятной скоростью. Еще мгновение – и он унесся вдаль, потом вернулся и опустился у моих ног.

Не нахожу слов, чтобы сказать, как поразило меня это чудо.

– Перед вами, – сказал чужестранец, вылезая из сундука, – весьма удобный экипаж, уж будьте уверены: путешествуя таким образом, можно не бояться, что тебя обворуют в дороге, это и есть тот способ путешествовать без всяких опасностей, который я собирался вам предоставить. Дарю вам этот сундук. Если когда-нибудь решитесь посмотреть дальние страны – воспользуйтесь им. Не думайте, будто тут какое-то волшебство. Не сила заклинаний, не могущество талисмана поднимает в воздух этот сундук. Он движется благодаря искусному умению управлять силами движения. Я весьма сведущ в механике и умею делать разные другие машины, [90] не менее удивительные, чем эта.

Я поблагодарил чужестранца за столь изысканный дар и дал ему в награду кошелек, полный цехинов. Затем я попросил его:

– Научите меня приводить в движение сундук.

– Это вы освоите быстро, – отвечал чужестранец и предложил мне влезть в сундук вместе с ним. Он нажал какую-то пружину, и мы мгновенно поднялись в воздух. Тут он объяснил мне устройство сундука, чтобы я мог легко и свободно управлять им.

– Если повернуть вот этот винт, – сказал он, – то сундук полетит направо, если вон тот – полетит налево. Захотите подняться – нажмите эту пружину, пожелаете спуститься – нажмете ту.

Я решил испробовать все сам: поворачивал винты, нажимал пружины. И сундук, послушный моей воле, летел то туда, то сюда, то ускоряя, то замедляя полет. Прделав в воздухе всевозможные кульбиты, мы направили сундук к моему дому и опустились в сад. Сделать это было нетрудно: когда мы сняли ковер, покрывавший сундук, в нем оказалось множество отверстий, чтобы он проветривался и чтобы можно было смотреть наружу.

Мы уже были дома, когда вернулись отосланные мной рабы, и их изумлению не было предела. Я велел поставить сундук в моих покоях и запер его там так тщательно, как не запирают и несметные сокровища. Чужестранец отправился восвояси, столь же довольный мною, сколь я им. После этого я, как прежде, весело проводил время с друзьями, пока не прожил остатки моего состояния. Тогда я стал брать деньги взаймы и скоро оказался по уши в долгах. Как только в Сурате узнали, что я разорен, я потерял кредит. Никто уже не соглашался давать мне в долг, а заимодавцы, горя нетерпением снова увидеть свои деньги, настоятельно требовали вернуть их. Оставшись без средств и, стало быть, предвидя в будущем сплошные огорчения и обиды, я вспомнил о моем сундуке. Однажды ночью я вытащил его во двор, погрузил в него небольшой запас еды и все оставшееся у меня деньги и закрылся в нем. Потом нажал пружину, которая поднимала сундук в воздух, повернул нужный винт и унесся далеко от Сурата и от моих заимодавцев, не боясь, что они вышлют за мной в погоню лучников.

Ночью я пустил сундук так быстро, как только было возможно: казалось, он летит быстрее ветра. На рассвете я выглянул в одно из отверстий, чтобы осмотреть места, над которыми пролетал. Я видел лишь горы, пропасти, бесплодные степи, мрачные пустыни. Нигде мой взор не приметил ничего похожего на человеческое жилье; так я летел весь день и всю следующую ночь. Наутро я увидел внизу дремучий лес, а за ним – весьма красивый город, расположенный на широкой равнине. Я остановил сундук, чтобы получше рассмотреть город, а в особенности великолепный дворец на самом краю равнины. Мне очень захотелось узнать, где я нахожусь, и я все думал, как бы это сделать, и вдруг заметил внизу крестьянина, пахавшего свое поле. Я опустился в лес, оставил сундук там, а потом направился к пахарю и спросил, как называется город.

– Юноша, – отвечал он, – сразу видно, что вы чужестранец, если не знаете, что этот город называется Газна. Здесь правит могучий и отважный король

Багаман.

– А кто живет в том дворце на краю равнины?

– Король выстроил его, чтобы держать там взаперти свою дочь, принцессу Ширин, ибо гороскоп принцессы предсказывает, что она будет обманута мужчиной. Дабы не дать этому предсказанию сбыться, Багаман выстроил мраморный дворец и окружил его рвами с водой. Ворота дворца сделаны из китайской стали, и ключ от них есть только у короля. Кроме того ворота днем и ночью охраняет многочисленная стража, чтобы во дворец не мог проникнуть ни один мужчина. Раз в неделю король приезжает навестить дочь; затем он возвращается в Газну. Все общество Ширин в этом дворце составляют ее воспитательница и несколько молодых рабынь.

Я поблагодарил крестьянина за его подробный рассказ и направился в сторону города. Приближаясь к нему, я вдруг услышал топот копыт, и вскоре мне навстречу выехало множество великолепно одетых всадников на породистых конях и в богатой сбруе. В этой блестящей кавалькаде я заметил рослого человека в золотой короне; одежды его были украшены алмазами. Я подумал тогда: это король Газны, он едет повидаться с дочерью; и позже в городе узнал, что не ошибся.

После того как я обошел весь город и отчасти удовлетворил свое любопытство, я вспомнил о сундуке и, хоть он и находился в надежном месте, ощутил сильную тревогу. Я покинул Газну и не мог успокоиться, пока не добрался до сундука. Тут мои страхи как рукой сняло, я с большим аппетитом съел всю оставшуюся у меня провизию; вскоре стемнело, и я решил заночевать в лесу. Можно было надеяться, что глубокий сон не замедлит овладеть моими чувствами: ни мои долги, ни затруднительное положение, в котором я находился, особенно меня не тревожили. Но уснуть я не мог: мысли мои снова и снова возвращались к тому, что я услышал о принцессе Ширин. Возможно ли, спрашивал я себя, чтобы король Багаман испугался какого-то вздорного предсказания? Зачем было строить новый дворец и запирает там принцессу? Разве она не была бы в безопасности в чертогах своего отца? А с другой стороны, если астрологи могут заглянуть в непроницаемое будущее, если по звездам они узнают о грядущих событиях, то как бы мы ни старались избежать предсказанного, оно неминуемо должно сбыться. Нет таких предосторожностей, которые могли бы отвести от нас беду, предначертанную звездами. Если принцессе Ширин суждено увлечься мужчиной, все попытки уберечь ее будут напрасны. Я долго размышлял о Ширин. В моем воображении она представлялась прекраснее всех виденных прежде дам, – хотя в Сурате и Гоа я видел много особ, которых можно было назвать красавицами и которые немало способствовали моему разорению, – и наконец я решил попытаться счастья. Надо прилететь на крышу дворца, где живет принцесса, сказал я себе, и попробовать проникнуть в ее покои: вдруг я сумею ей понравиться. Быть может, я и есть тот отважный и удачливый смертный, о коем звезды поведали астрологам.

Я был молод и, стало быть, легкомыслен; смелости мне было не занимать. Приняв это дерзкое решение, я исполнил его немедленно: поднялся в воздух и направил сундук в сторону дворца. Ночь была непроглядно темной, это отвечало моим желанием. Незамеченным пролетел я над головами воинов, которые безотлучно стояли на страже у дворцовых рвов. А затем опустился на крышу в том месте, где виден был свет. Выйдя из сундука, я влез в окно, оставленное открытым для доступа ночной прохлады, и попал в богато убранный покой, где на обитой парчой софе спала принцесса Ширин. Красота ее показалась мне ослепительной; я нашел, что она куда прекраснее образа, созданного моей фантазией. Я приблизился, чтобы получше ее разглядеть, но не смог равнодушно созерцать столь дивное зрелище: опустившись на колени, я поцеловал ее прекрасную руку. Она мгновенно проснулась и, увидев мужчину в позе, внушающей тревогу, громко вскрикнула. На этот крик тут же прибежала воспитательница, которая спала в соседней комнате.

– На помощь, Мапейкер! – воскликнула принцесса. – Здесь мужчина: как смог он проникнуть в мои покои? Быть может, вы пособница его злодеяния?

– Кто, я? – возмутилась та. – Ах, принцесса, вы оскорбляете меня таким подозрением, я поражена не меньше вас, видя здесь этого дерзкого юнца. Но даже если бы я и захотела помочь ему в его безумном предприятии, разве удалось бы мне обмануть бдительную стражу, охраняющую дворец? И потом, вы же знаете: чтобы войти сюда, надо открыть двадцать стальных дверей, а каждый замок запечатан королевской печатью, и ключи от него есть только у вашего отца; не понимаю, как молодой человек преодолел все эти препятствия. Пока воспитательница рассуждала таким образом, я раздумывал, что бы им сказать, и мне пришло в голову внушить им, будто я – пророк Магомет.

– Прекрасная принцесса, и вы, Мапейкер, – начал я, – не удивляйтесь, видя меня здесь. Нет, я не один из тех влюбленных, которые не жалеют золота и пускаются на любые хитрости, лишь бы поскорее добиться желаемого, во мне

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
нет вожделиний, опасных для вашей добродетели, всякая дурная мысль чужда мне. Я пророк Магомет. [91] Я не мог без сострадания видеть, как вы проводите лучшие годы в темнице, и вот даю вам слово: я избавлю вас от власти предсказания, столь напугавшего короля Багамана. Отныне ваше будущее не должно тревожить ни его, ни вас, оно будет исполнено славы и счастья, ибо вы станете супругой Магомета. Как только разнесется эта весть, властители всего мира станут трепетать перед тестем великого пророка, а все принцессы будут завидовать вашей судьбе.

Когда я закончил эту речь, Ширин и ее воспитательница переглянулись, как бы спрашивая друг друга, что обо всем этом думать.

Признаюсь, я не без причин боялся, что они мне не поверят; но женщины так любят чудеса! Мапейкер и ее повелительница приняли мою небылицу за чистую правду. Они поверили, что я Магомет, и я злоупотребил их доверием. Я провел с принцессой почти всю ночь и вышел из ее покоев только перед рассветом, обещав, однако, следующей ночью навестить ее вновь. Я быстро забрался в сундук и поднялся довольно высоко, чтобы стража не могла меня заметить. Опустившись в лесу, я оставил там сундук и отправился в город, где купил еды на неделю, великолепные одежды, красивый тюрбан из индийского полотна в золотую полоску, богатый пояс, а также всевозможные эликсиры и лучшие духи. На эти покупки ушли последние деньги, но я не беспокоился о будущем: мне казалось, что после такого увлекательного приключения я ни в чем не буду нуждаться. Весь день я провел в лесу, тщательно наряжался и душился. Как только стемнело, я влез в сундук и прилетел на крышу дворца принцессы Ширин. И вошел в ее покои так же, как накануне. Было заметно, что принцесса ждала меня с нетерпением.

– О великий пророк! – сказала она. – Я уже начала волноваться, боялась, что вы забыли свою супругу.

– Любезная принцесса, – отвечал я, – оставьте эти страхи. Я ведь дал вам слово, разве этого мало, чтобы убедиться в моей неизменной любви?

– Но объясните мне, отчего вы так молодо выглядите? Я всегда представляла себе Магомета почтенным старцем.

– И не ошибались, – сказал я, – меня должно представлять себе именно в этом облике, и, если б я появился перед вами таким, каким порой являюсь правоверным, когда хочу оказать им эту честь, вы увидели бы длинную белую бороду и самую что ни на есть лысую голову. Но мне подумалось, что вы предпочли бы увидеть особу, не столь обремененную годами, и потому я принял облик молодого человека.

Воспитательница вмешалась в нашу беседу, сказав, что я поступил правильно, и что, выступая в роли мужа, красотой дела не испортишь.

И снова я покинул дворец на исходе ночи, опасаясь, как бы пророк не был разоблачен. Следующей ночью я опять побывал у Ширин и по-прежнему вел себя так ловко, что ни у нее, ни у Мапейкер не возникло и тени подозрения. Надо сказать, принцесса мало-помалу увлеклась мной, и именно это заставляло ее верить всем моим словам; ведь когда мы расположены к человеку, нам не приходит в голову усомниться в его искренности.

Прошло несколько дней, и король Багаман, сопровождаемый свитой, прибыл во дворец повидать дочь. Увидев, что двери заперты и печати на замках целы, он сказал своим визирям: «Все обстоит наилучшим образом. Пока двери во дворец надежно заперты, я не страшусь несчастья, подстерегающего мою дочь». Затем он в одиночестве поднялся в покои дочери, которая, увидев его, не могла скрыть смущения. Он заметил это и захотел узнать причину. Его вопросы усилили смущение принцессы, и та, вынужденная отвечать, в конце концов рассказала о случившемся.

Можете представить себе, государь, как изумился король Багаман, узнав, что он, сам того не ведая, стал тестем Магомета.

– Ах, какой вздор! – воскликнул он. – Ах, дочь моя, как вы легковверны! О небо! Теперь я убедился: напрасно стараемся мы избежать несчастий, уготованных тобою, предсказание сбылось, Ширин обманута подлым соблазнителем! – Сказав это, он вышел из покоев принцессы в сильнейшем волнении и осмотрел весь дворец снизу доверху. Но хоть он и искал повсюду, нигде не удалось ему найти следов соблазнителя. Изумление его возрастало. – Как же дерзкий злоумышленник сумел проникнуть во дворец? Этого я не могу понять.

Он призвал своих визирей и приближенных. Услыхав его голос, они поспешили прийти, а увидев его волнение, сильно перепугались.

– Что случилось, государь? – спросил первый министр. – Вы как будто не в духе, чем-то обеспокоены? Что за беду возвещает нам тревога, которую мы замечаем в вашем взоре?

Король сообщил им все, что узнал, и спросил, что они думают об этом происшествии. Первым заговорил великий визирь. Он сказал, что брак принцессы действительно мог состояться, хоть он и смахивает на небылицу,

что найдется немало царствующих домов, которые преспокойно объясняют свое происхождение подобными событиями, и что он, со своей стороны, находит вполне возможным союз, по словам принцессы, заключенный ею с Магометом. Другие визири, вероятно желая оказать любезность первому, заявили, что разделяют его мнение. Но один из придворных не согласился с остальными, сказав так:

– Удивляюсь, как здравомыслящие люди могут доверять столь странным сообщениям. Неужели разумный человек может подумать, будто великий пророк станет искать себе жену на земле, когда в раю его окружают прелестнейшие гурии! Это противно здравому смыслу, и если королю угодно знать мое мнение, то вместо того, чтобы слушать глупые сказки, следовало бы разобраться в этом деле. Уверен, что вскоре обнаружится мошенник, который дерзнул обольстить принцессу, прикрываясь священным именем.

Хотя от природы Багаман был доверчив, хотя он считал своего первого министра мудрейшим из людей, хоть все его визири выразили убеждение, что Ширин действительно супруга пророка, он все же склонился к суждению, отвергающему достоверность рассказанного. Он решил дознаться правды, но приступить к делу осторожно и поговорить с мнимым или истинным пророком без свидетелей. Поэтому он отослал визирей и придворных в Газну.

– Удалитесь, – сказал он, – сегодня я останусь во дворце у дочери. Завтра вы явитесь сюда ко мне.

Повинуясь королю, свита возвратилась в город. А Багаман в ожидании ночи снова принялся расспрашивать принцессу. Он спросил, разделит ли я ее трапезу.

– Нет, повелитель, – ответила ему дочь. – Напрасно я предлагала ему лакомые блюда и вина, он не пожелал вкушать их. За то время, что он является сюда, я ни разу не видела, как он ест.

– Расскажите мне обо всем еще раз и не скрывайте ни малейших подробностей. Ширин старательно пересказала королю всю историю, а он внимательно слушал и еще раз взвешивал все услышанное.

Настала ночь. Багаман сел на софу, велел зажечь свечи и поставить перед ним на мраморный стол. Он вытащил из ножен саблю, чтобы, если понадобится, пустить ее в ход и смыть кровью оскорбление, нанесенное его чести. Он ждал меня с минуты на минуту и, вероятно, волновался, представляя, как я вдруг явлюсь перед ним.

Этой ночью в воздухе вспыхивало множество огней. Ослепительная молния сверкнула перед глазами короля. Он подошел к окну, откуда, по словам Ширин, должен был появиться я и, когда увидел, что воздух весь как бы охвачен пламенем, это смутило его воображение, хотя на самом деле он не увидел ничего сверхъестественного. Он не подумал, что эти летучие огни возникли от каких-то испарений, воспламенившихся в воздухе; зато ему пришло в голову, будто вспышки пламени возвещают земле о пришествии Магомета, а небо так сияет потому, что открылись небесные врата, дабы выпустить пророка.

При таком настроении короля я мог безбоязненно предстать перед ним. Когда я показался в окне, он не впал в ярость, напротив, его охватил благоговейный страх. Он уронил саблю, и, пав ниц, облобызал мне ноги со словами:

– О великий пророк! Кто я такой и что я совершил, чтобы удостоиться счастья стать вашим тестем?

Услышав эти слова, я догадался, что произошло между королем и принцессой, и понял, что добряка Багамана обмануть ненамного труднее, чем его дочь. Очень приятно было узнать, что не придется иметь дело с вольнодумцем, который мог бы подвергнуть пророка затруднительному экзамену. Я решил использовать эту слабость короля к своей выгоде.

– Король Багаман! – сказал я, поднимая его. – Из всех мусульманских владык вы самый благочестивый, и потому вы мне любезнее других. В книге Судеб было написано, что вашу дочь обольстит мужчина, и ваши астрологи открыли это с помощью своей науки. Но я умолил Всевышнего избавить вас от этого неудовольствия и исключить это несчастье из тех, что уготованы смертным. Ему угодно было сделать это из любви ко мне, но при условии, что Ширин станет одной из моих жен. Я согласился, дабы вознаградить вас за добрые дела, которые вы ежедневно совершаете.

Король Багаман не мог опомниться. Этот легковверный государь принял за истину все, что я наговорил. В восторге от того, что он породнился с пророком, он снова упал к моим ногам, чтобы выразить признательность за оказанные ему милости. И вновь я поднял его, обнял и заверил в моем благоволении. Он не находил слов, чтобы поблагодарить меня. Затем, решив, что приличествует оставить меня наедине с супругой, удалился в другие покои.

Я провел с Ширин несколько часов. Но даже удовольствие, которое я испытывал, не давало мне забыть о времени. Я боялся, что наступивший день застанет меня врасплох, что на крыше заметят мой сундук. Поэтому на исходе

ночи я покинул Ширин и вернулся в лес.

На следующее утро визири и придворные явились во дворец принцессы. Они спросили короля, известно ли ему теперь все, что он хотел узнать.

– Да, – ответил он. – Теперь я знаю, как обстоит дело. Я своими глазами видел пророка и говорил с ним. Он супруг моей дочери, это истинная правда. Тут визири и советники разом обернулись к придворному, заявившему накануне, что этот брак невозможен, и упрекнули его за недоверие. Но он остался тверд в своем убеждении и упорно отстаивал его, что бы ни говорил король, желавший внушить ему, будто Ширин – супруга Магомета. Багаман чуть было не разгневался на недоверчивого придворного, и тот стал посмешищем всего совета.

В тот же день произошел случай, который окончательно укрепил визирей в их заблуждении. Когда Багаман со свитой возвращался в город, началась гроза, захватившая их посреди равнины. От непрерывных вспышек молнии у них заболели глаза, а гром гремел так устрашающе, словно этот день был последним днем мироздания. Внезапно лошадь недоверчивого советника испугалась, взбрыкнула и сбросила хозяина наземь; он сломал ногу. Этот несчастный случай был воспринят всеми как наказание свыше.

– Несчастный! – воскликнул король, видя, что советник упал. – Вот плоды твоего упрямства. Ты не хотел мне верить, и пророк покарал тебя.

Раненого увезли домой, а Багаман, едва вернувшись, поспешил огласить указ, повелевавший всем жителям Газны пировать и веселиться по случаю брака принцессы Ширин с Магометом. Днем я пошел прогуляться в город и там узнал эту новость, а также узнал о случае с придворным. Невозможно даже представить себе, насколько народ доверчив и суеверен. На улицах и площадях были устроены пышные празднества, и повсюду слышались возгласы: «Да здравствует Багаман, тесть пророка!»

Когда настала ночь, я вернулся в лес и вскоре уже был у принцессы.

– Несравненная Ширин, – сказал я, входя в ее покои, – вы не знаете, что произошло сегодня на равнине. Некий придворный, усомнившийся в том, что вы супруга Магомета, поплатился за эти сомнения. Я вызвал грозу, его лошадь испугалась, придворный упал и сломал ногу. Я не счел нужным мстить более жестоко. Но клянусь моей могилой в Медине, если еще кто-нибудь дерзнет сомневаться в вашем счастье, это будет стоить ему жизни.

Пробыв некоторое время у принцессы, я удалился.

На следующий день король собрал визирей и придворных.

– Пойдемте все умолять Магомета простить несчастного, не поверившего мне и наказанного за свое неверие.

Без промедления они сели на коней и поскакали во дворец Ширин. Король сам открыл им двери, накануне собственноручно им запертые и запечатанные его печатью. В сопровождении визирей он поднялся в покои дочери.

– Ширин, – сказал он ей, – мы просим вас заступиться перед пророком за человека, навлекшего на себя его гнев.

– Знаю, о ком вы говорите, государь, – ответила Ширин, – Магомет мне все рассказал.

И она повторила им то, что я рассказал ей ночью, передав, что я поклялся истребить всех, кто усомнится в ее браке с пророком.

Услышав это, добряк Багаман обернулся к визирям и придворным и сказал им:

– Если бы мы до сих пор не верили в то, что видели своими глазами, то разве не убедились бы теперь, что Магомет действительно мой зять? Вы слышали, он сам сказал моей дочери, что вызвал грозу, дабы покарать усомнившегося.

Министры и все прочие остались в совершенной уверенности, что Ширин – супруга пророка. Они простерлись перед ней ниц, смиренно умоляя умилоствовать меня, попросить за несчастного придворного, и она им это обещала.

Между тем запасы провизии у меня кончились, денег больше не было, и пророк Магомет стал раздумывать, как быть дальше.

– Принцесса, – сказал я Ширин однажды ночью, – вступая в брак, мы с вами забыли выполнить одно необходимое условие. Вы ничего не принесли мне в приданое, и это упущение меня огорчает.

– Что ж, дорогой супруг, – отвечала она, – завтра я поговорю об этом с отцом, и он, конечно, велит доставить сюда все свои сокровища.

– О нет, – сказал я, – незачем говорить ему об этом, я и не помышляю ни о каких сокровищах, богатства мне ни к чему. Если вы дадите мне что-нибудь из ваших драгоценностей, этого будет достаточно, другого приданого мне не надо.

Ширин хотела нагрузить меня всеми драгоценными уборами, какие у нее были, чтобы приданое выглядело внушительнее. Однако я взял лишь два крупных алмаза и на завтра продал их ювелиру в Газне. Это дало мне возможность и в дальнейшем играть роль Магомета.

Около месяца вел я приятнейшую жизнь, выдавая себя за пророка; но вот

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
однажды в Газну прибыл посол от короля сопредельной страны, чтобы просить руки Ширин для своего повелителя. Он скоро получил аудиенцию, и Багаман, узнав о цели этого посольства, ответил:

– Мне жаль, что я не могу отдать дочь в супруги вашему повелителю: я выдал ее за пророка Магомета.

Услышав такой ответ, посол решил, что король Газны не в своем уме. Он покинул двор Багамана и вернулся к своему государю, который вначале, как и его посол, подумал, будто Багаман сошел с ума. Потом ему пришло в голову, что Багаман отказал из пренебрежения к нему, и это задело его за живое. Он собрал полки и с огромным войском вторгся в пределы Багамана.

Этот король, по имени Касем, был гораздо могущественнее Багамана, который вдобавок еще так медленно готовился отразить нападение, что неприятель одерживал победу за победой. Касем наголову разбил несколько полков, пытавшихся дать ему отпор, и быстро продвигался к столице. Войско Багамана он застал в укрепленном лагере на равнине, перед дворцом Ширин. Пылая любовью и гневом, Касем намеревался тут же атаковать укрепления противника, но его люди нуждались в отдыхе, начало темнеть, и он отложил наступление на утро.

Король Газны, получив сведения о многочисленном и отборном войске Касема, пришел в ужас. Он собрал совет, на котором придворный, упавший с лошади, сказал так:

– Разве тестю Магомета подобает тревожиться не то что из-за какого-то Касема, но даже выступи против него государи всего мира? Пусть ваше величество обратится к зятю, попросит помощи у пророка, и он тут же рассеет ваших врагов.

Придворный сказал это в насмешку, но Багаман отнесся к его словам с полным доверием.

– Вы правы, – ответил он, – надо просить о помощи пророка. Я буду молить, чтобы он потеснил надменного врага, и смею надеяться, что он не останется глух к моим мольбам. – Сказав так, он отправился к Ширин.

– Дочь моя, – сказал он ей, – завтра на рассвете Касем пойдет в атаку, и я боюсь, как бы он не прорвал наши укрепления. Я пришел просить помощи у Магомета. Употребите все ваше влияние, убедите его вмешаться и защитить нас. Соединим наши мольбы, да будет он к нам благосклонен.

– О повелитель, – ответила Ширин, – склонить пророка на нашу сторону будет совсем нетрудно. Вскоре он рассеет вражеское войско, и пример Касема научит государей всего мира относиться к вам с почтением.

– Но ведь уже глубокая ночь, – продолжал король, – а пророк еще не явился. Неужели он оставил нас?

– Нет, отец, нет, – возразила Ширин, – не надо так думать, пророк не бросит нас в такой крайности. С неба ему хорошо видно вражеское войско, и, быть может, как раз сейчас он внесет туда ужас и замешательство.

Именно так и собиравшийся сделать Магомет. Днем я издали следил за войсками Касема и запомнил их расположение, обратив особое внимание на королевскую ставку. Я набрал камней, больших и маленьких, наполнил ими сундук и глубокой ночью поднялся в воздух. Приблизившись к ставке Касема, я без труда различил королевский шатер – высокий, расшитый золотом, в виде купола; держался он на двенадцати расписных деревянных столбиках, врытых в землю. Промежутки между столбиками были заполнены тесно переплетенными ветками деревьев различных пород. Над верхушками столбиков были проделаны два окна: одно смотрело на восток, другое на юг.

Расположившиеся вокруг шатра воины все до одного крепко спали, поэтому я смог незаметно спуститься и заглянуть в одно из окон. И увидел Касема – он лежал на софе, подложив под голову маленькую атласную подушку. Я по пояс высунулся из сундука и бросил в Касема большой камень. Этот камень попал ему прямо в лоб, нанеся опасную рану. Он вскрикнул так, что проснулась и его охрана, и все приближенные. Вбежав в шатер, они видят Касема в крови и без чувств. Поднимается крик, в ставке бьют тревогу, каждый хочет узнать, в чем дело. Разносятся слух, что король ранен, но неизвестно, кто нанес удар. Пока они доискиваются, кто бы это мог сделать, я взлетаю под облака и высыпаю на королевский и соседние с ним шатры целый град камней. Несколько воинов ранены, они кричат, что пошел каменный дождь. Эта новость быстро распространяется, и, чтобы подтвердить ее, я разбрасываю камни тут и там. Ужас охватил войско. И воины, и их начальники решили, что пророк рассердился на Касема, и это чудо – слишком явное доказательство его гнева. И вот перепуганные враги Багамана обратились в бегство. Впопыхах они бросили снаряжение и шатры и, разбегаясь кто куда, кричали: «Мы погибли, Магомет истребит нас всех!»

Проснувшись на рассвете, король Газны был немало удивлен, когда вместо ожидаемого нападения увидел, что враг отступает. С отрядом своих лучших воинов он тут же пустился в погоню. Он перебил многих беглецов и захватил в

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
плен самого Касема, который из-за раны не мог бежать быстро.

– Отчего ты беззаконно и беспричинно вторгся в мою страну? – спросил Багаман. – Разве у тебя был повод для объявления войны?

– Багаман, – ответил пленник, – я думал, что ты из пренебрежения отказал мне в руке дочери, и решил отомстить. Тогда я не мог поверить, что Магомет твой зять, а теперь нисколько не сомневаюсь в этом, ибо он ранил меня и рассеял мое войско.

Багаман не стал долее преследовать бегущих врагов и возвратился в Газну с пленным Касемом, который в тот же день скончался от своей раны. Когда стали делить добычу, она оказалась так велика, что воины вернулись домой, отягощенные золотом. Во всех мечетях возносили благодарственные молитвы и пели хвалу небу, разгромившему врага. С наступлением ночи король прибыл во дворец Ширин.

– Дочь моя, – сказал он, – я хочу выразить пророку мою безмерную признательность. От моего гонца вы уже знаете, что совершил для нас Магомет. Я так потрясен, что мне не терпится поскорее обнять его колени. Вскоре он смог получить это удовольствие. Как обычно, я вошел в окно Ширин, зная, что он уже там. Он упал к моим ногам, поцеловал землю и сказал:

– О великий пророк! Никакими словами не выразить то, что я сейчас чувствую. Читайте же сами в моем сердце, исполненном благодарности. Я поднял Багамана и поцеловал его в лоб.

– Король, как могли вы подумать, что я оставлю вас без помощи в затруднительном положении, в котором вы оказались из-за любви ко мне? Я покарал гордого Касема, намеревавшегося завладеть вашими землями и сделать Ширин рабыней в своем серале. Теперь вам нечего опасаться, что кто-то из властителей пойдет на вас войной, а если кто и осмелится сделать это, я нашлю на его войско огненный дождь, и оно обратится в пепел. Снова заверив Багамана, что я беру его владения под свое покровительство, я поведал ему, какой переполох поднялся во вражеском стане, когда сверху посыпались камни. Багаман же передал мне предсмертные слова Касема, а затем удалился, чтобы не стеснять Ширин и меня. Принцесса не менее чем ее отец испытывала признательность за важную услугу, оказанную мной государству: она осыпала меня ласками. Я чуть не забыл об осторожности; уже светало, когда я наконец забрался в сундук. Впрочем, к тому времени все уже так твердо считали меня Магометом, что, даже если б воины и увидели меня в воздухе, это не открыло бы им глаза. Я и сам уже почти верил, что я пророк, после того как обратил в бегство целое войско.

Через два дня после погребения Касема, которому, хоть он и был врагом, устроили пышные похороны, король велел устроить в городе увеселения как по случаю победы, так и для того, чтобы торжественно отпраздновать брак принцессы Ширин с Магометом. Я решил, что праздник в мою честь непременно должен увенчаться каким-нибудь чудом. Для этого я купил в Газне белой смолы и хлопковых семян, а также маленькое огниво. Целый день я провозился в лесу, приготавливая фейерверк из хлопковых семян, погруженных в смолу. Ночью, когда народ веселился на улицах, я взлетел так высоко, чтобы сундук нельзя было различить в огнях фейерверка. И тогда я высек огонь и поджег смолу. Хлопковые семена рассыпались и трещали, фейерверк получился великолепный. Затем я благополучно вернулся в лес. Наутро мне захотелось пойти в город, послушать, как там обо мне судачат. Я не обманулся в своих ожиданиях: народ толковал на разные лады о моей проделке. Иные утверждали, будто Магомет, желая показать, что праздник ему приятен, явил народу небесные огни. Другие уверяли, будто среди летучих звезд видели самого пророка, почтенного белобородого старца, каким он представлялся им в воображении. Все эти бредни страшно меня забавляли! Но увы! Пока я вкушал это удовольствие, сундук, мой бесценный сундук, источник всех моих чудес, сгорел в лесу. Видно, в мое отсутствие он занялся от какого-то незаметно тлевшего уголька, и вот от него ничего не осталось. Возвратившись, я обнаружил вместо сундука кучу золы. Отец, который по возвращении домой видит единственного сына в луже крови, пронзенного безжалостным клинком, не горюет так, как горевал я. Лес огласился моими криками и стонами, я рвал на себе волосы и раздирал одежды. Не знаю, как я не лишил себя жизни в таком отчаянии.

Но делать было нечего. Нужно было на что-то решаться. И мне оставался лишь один выход: поискать счастья в других местах. Итак, пророк Магомет, к огорчению Багамана и Ширин, покинул Газну. Через три дня я встретил большой караван – то были каирские купцы, возвращавшиеся на родину. Я пристал к каравану и прибыл в славный город Каир; для пропитания мне пришлось сделаться ткачом. Я провел там несколько лет, затем переехал в Дамаск, где занимаюсь тем же ремеслом. Всем кажется, что я доволен своей участью, но это только видимость. Я не могу забыть о былом счастье. Ширин неотлучно пребывает в моем воображении. Утомленный, я хочу изгладить ее из памяти,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
напрягаю все силы, и это занятие, столь же тяжелое, сколь и бесплодное,
делает меня глубоко несчастным.

Антуан Гамильтон [92]

Тернинка [93]

Прекрасная и несчастная Шахразада завершила этой сказкой девятьсот девяносто девятую ночь своего брака, и султан, верный своей неизменной осмотрительности, встал с постели, опередив рассвет, чтобы опередить в совете своих министров.

Не успел он уйти, как Дуньязада, добрейшая, хотя и несколько вспыльчивая девушка, повела с султаншей такой разговор:

– Что бы там ни говорили, сестрица, но при всем моем почтении к твоему высокому званию, к твоей великой образованности и прекрасной памяти, ты самая последняя ослица, коли тебе пришло в голову выйти замуж за олуха-султана, [94] которому за два года, что ты рассказываешь сказки, не пришло в голову вместо того, чтобы их слушать, заняться чем-нибудь другим. Да и сказки-то эти не многого стоили бы, если бы не твое живое и непринужденное изложение. И однако, я вижу, что собрание твоих сказок пришло к концу, а стало быть, близятся к концу и твои дни. Последняя сказка была такой скучной, что султан да и я сама во время твоего долгого рассказа непрестанно зевали. Я доказала свою любовь к тебе, вот уже столько ночей терпеливо составляя тебе компанию. Но терпение мое иссякло, и я прошу тебя нынче ночью отпустить меня на свидание с принцем Трапезундским. Если он и соскучится в моем обществе, то, по крайней мере, не отрубит мне голову за то, что я проведу с ним ночь, не рассказывая ему сказок. А тебе я советую: развлеки своего престофилю-мужа сказкой о пирамиде и золотом коне, она не хуже тех, что ты ему уже рассказала. Я не премину явиться сюда завтра, а ты, как только султан уляжется в постель, прежде чем самой лечь рядом, пади перед ним на колени. Притворись, будто тебе нездоровится, и умоли этого гнусного палача, чтобы напоследок вместо тебя его развлекла я. Повтори ему, что это напоследок, ибо, мол, ты просишь пощады только в том случае, если моя сказка окажется куда удивительней всего того, что рассказана ему ты, – в противном случае он может завтра же приказать тебя удавить. Но зато, если он хоть раз прервет меня, он дарует тебе жизнь. Думаю, он согласится на эти условия, ведь, как тебе известно, он с таким вниманием выслушивает любые глупости, что даже ни разу не прервал ни одну из твоих сказок.

Такие условия могли бы насторожить кого угодно, но дивная Шахразада, которую занятия философией научили не бояться смерти, согласилась. И вот она позабавила своего повелителя последней из тысячи сказок, которая повествовала о золотом коне и пирамиде, а на другую ночь, едва султан улегся в постель и Шахразада выхлопотала у него позволения, чтобы вместо нее сказку ему рассказала ее сестра на условиях, о которых мы уже упомянули, осмотрительная Дуньязада, заставив султана скрепить эти условия своей подписью, так начала свой рассказ:

– Многославный, многомилосердный и благочестивейший государь! Ты, который, внимая только гласу закона и доброте своего сердца, из ненависти к первой из своих жен [95] казнишь по очереди всех остальных и, благородно

негодую на блаженной памяти султаншу за то, что она пользовалась услугами столь многих чернокожих и погонщиков мулов, памяти одной провинившейся красавицы приносишь в жертву стольких невинных красавиц, что бы ты сказал, о повелитель, ты, слывающий самым скрытным из всех государей, ты, чьи министры умеют хранить тайны лучше всех других министров, что бы ты сказал, если бы твоя рабыня сообщила тебе, о чем говорилось сегодня в твоём совете? – Ну и ну! – воскликнул султан.

– Вот именно, – ответила Дуньязада. – И ты убедишься в этом из моего рассказа. Слушай же меня внимательно и, главное, не забудь, что ты мне обещал. [96]

В двух тысячах четырехстах пятидесяти трех лье отсюда лежит прекраснейшая страна, которая зовется Кашмир. В этой стране царствовал калиф, а у калифа была дочь, а у дочери – красота. Но обитатели Кашмира не раз желали, чтобы принцесса была уродлиной. До пятнадцати лет на ее лицо еще можно было глядеть, но с той поры, как ей минуло пятнадцать, лицезреть ее стало невозможно: у принцессы был рот невиданной красоты, нос само совершенство, лилии Кашмира, а они во много раз белее наших, казались грязными в сравнении с ее кожей, а только что распустившаяся роза выглядела смешной вблизи ее румяных щек.

Лоб принцессы по форме и чистоте был единственным в своем роде, и белизну его еще подчеркивал ореол черных как смоль волос, которые своим блеском затмевали блеск агата, почему принцессу и нарекли Лучезара. Овал ее лица, казалось, для того и был очерчен, чтобы линия его служила оправой всем этим чудесам, однако вся беда заключалась в глазах принцессы.

Никто не в силах был смотреть на них так долго, чтобы успеть определить, какого они цвета, – стоило встретить ее взгляд, и казалось, тебя опалила молния.

Когда принцессе было восемь лет, ее отец, калиф, любил приглашать дочь к себе, чтобы полюбоваться своим творением и послушать, как придворные неутомимо расточают пошлые хвалы юным прелестям принцессы. Уже в ту пору при появлении Лучезары ночью гасили свечи – там, где сверкали ее глаза, не было нужды в других светильниках. Но, как говорится, это все еще были детские игрушки. А вот когда ее глаза вошли в полную силу, стало уже не до смеха.

Цвет придворной молодежи погибал от взгляда принцессы – каждый день хоронили двух-трех щеголей, из тех, что воображают, будто на красивые глаза можно безнаказанно палить влюбленный взгляд: стоило мужчинам поглядеть на принцессу, как пламя, поразившее их глаза, немедля перекидывалось в сердце, и не проходило суток, как они умирали, нежно шепча ее имя и смиренно благодаря прекрасные глаза за честь, которую они им оказали, погубив своим огнем.

С прекрасным полом дело обстояло по-другому: те из женщин, кто издали встретился взглядом с принцессой, отделялись тем, что на всю жизнь становились подслеповатыми, но дамы, прислуживавшие ей, оплачивали эту честь более дорогой ценой: камеристка принцессы, четыре фрейлины и их старая воспитательница ослепли совсем.

Вельможи Кашмира, видя, как в пламени, зажженном роковым взглядом, гаснут надежды их семей, стали молить калифа, чтобы он нашел средство положить конец напасти, которая лишает их сыновей жизни, а дочерей зрения.

Калиф созвал свой совет, чтобы решить, как помочь горю; председательствовал в совете сенешаль – никогда еще в председательском кресле не сиживал подобный глупец. Калиф знал, что делает, назначив своим первым министром человека, наделенного такой головой.

При обсуждении вопроса мнения в совете разделились.

Одни предлагали заточить Лучезару в монастырь, утверждая, что невелика беда, если три-четыре десятка монахинь вместе со своей аббатисой потеряют зрение для блага государства; другие просили калифа именным указом повелеть дочери закрыть глаза и не открывать их до особого распоряжения; некоторые советовали просто выколоть их принцессе так искусно, чтобы она не почувствовала боли, – они даже вызывались указать способ, как это сделать. Калифу, который нежно любил дочь, не понравился ни один из этих советов. Сенешаль это заметил. Добряк плакал уже больше часа и начал свою речь, еще не осушив слез.

– Я оплакиваю, государь, – сказал он, – кончину графа, моего сына. Шпага, которую он носил, не послужила ему защитой от взглядов принцессы. Вчера его предали земле, не будем больше говорить о нем. Сегодня речь о том, как лучше послужить Вашему величеству. Мне должно забыть, что я отец, и помнить, что я – сенешаль. Горе не помешало мне выслушать все советы, которые здесь предлагали, но, да простит меня почтенное собрание, я нахожу их все вздорными. А вот что советую я. С некоторых пор я взял к себе на службу конюшего. Не знаю, откуда он явился и кто он таков, знаю только, что, с тех пор как он у меня служит, я не вхожу ни в какие домашние дела. Этот человек – мастер на все руки, и, хотя я имею честь быть вашим сенешалем, в сравнении с ним я дурак дураком, о чем мне каждый день и твердит моя жена. Так вот, если Ваше величество соблаговолит спросить его мнения в этом важном деле, я думаю, государь, вы останетесь довольны. – Охотно спрошу, дорогой сенешаль, – сказал калиф, – тем более что мне любопытно увидеть человека, который умнее вас.

Послали за конюшим, но он отказался прийти, пока принцессу с ее прекрасными глазами не запрут на замок.

– Видите, государь, – сказал сенешаль. – Что я вам говорил?

– Ишь, какой смысленый, – заметил калиф. – Приведите же его. Он не увидит моей дочери.

Конюший не заставил себя ждать. Его нельзя было назвать ни красавцем, ни уродом, но было в его манерах что-то располагающее, а на лице написана сметливость.

– Говорите с ним на любом языке, государь, – сказал сенешаль. – Он знает их множество.

Калиф, который изъяснялся только на своем родном языке, да и то с грехом пополам, пораздумал немного, желая начать разговор какой-нибудь остроумной фразой, и спросил:

– Как вас зовут, мой друг?

– Нуину, [97] – отвечал тот.

– Нуину, – повторил калиф.

– Нуину, – повторили хором советники.

- Нуину, – повторил сенешаль.
- Я спрашиваю, как вас зовут? – снова спросил калиф.
- Понимаю, государь, – ответил тот.
- Так как же вас зовут? – настаивал калиф.
- Нуину, – снова сказал тот, отвесив поклон.
- А почему вас зовут Нуину?
- Потому что это не мое имя.
- Как это так? – спросил калиф.
- Я изменил свое имя на имя Нуину, – объяснил конюший. – Вот почему меня зовут Нуину, хотя это не мое имя.
- Все понятно, – сказал калиф, – хотя мне понадобилось бы поломать голову не один месяц, чтобы в этом разобраться. Так что же нам делать с моей дочерью, Нуину?
- Все, что вам угодно, – ответил тот.
- Что же именно? – настаивал калиф.
- Все, что вам угодно, – повторил Нуину.
- Короче, – объявил калиф, – мой сенешаль сказал, что надо спросить у вас совета, как помочь горю, – ведь все, кто смотрит на принцессу, либо умирают, либо слепнут.
- Государь, – сказал Нуину, – виновны боги в том, творцы ее красоты, а не ее глаза.

Но если прекрасные глаза – это напасть, вот как, по моему скромному разумению, следует поступить. Волшебнице Серене ведомы все тайны природы, пошлите ей безделицу – миллион или два золотом и, если она не откроет вам средства, которое исцелит глаза принцессы, можете считать, что такого средства на свете нет. А пока я предложил бы надеть на голову принцессы тюрбан красивого зеленого цвета, чтобы прикрыть им волосы Лучезары, ибо я уверен: взгляд ее так опасен отчасти потому, что блеск ее глаз усугубляется блеском волос. Ну а для того, чтобы одолеть остальные препятствия, я готов, если Вашему величеству угодно, сам поехать от вашего имени к волшебнице за советом, потому что я знаю, где она живет.

Калифу это было угодно, и даже весьма. Послу вручили для Серены кошелек, полный сверкающих алмазов, и еще полбочонка крупных жемчугов, и он пустился в путь, к великому сожалению сенешальши.

Странствовал он ровно месяц, а за это время глаза Лучезары натворили еще больше бед, чем всегда. Принцессе не понравился зеленый тюрбан: хотя он слегка умерял блеск ее глаз, его оттенок немного портил цвет ее лица, и это привело Лучезару в такой гнев, что она сорвала с себя тюрбан, швырнула его в лицо камеристке, и глаза ее стали еще злее, чем прежде.

Калиф приказал устроить религиозные шествия и публичные моления, дабы небо бросило милосердный взгляд на его бедных подданных и сделало так, чтобы принцесса отвратила от них свой. А тем временем вернулся Нуину, и вот что он сказал калифу, явившись в заседание его совета:

– Государь, волшебница Серена шлет вам свой привет. Она благодарит вас за подарки, но возвращает их вам. Она говорит, что в ее власти сделать так, чтобы глаза принцессы стали не опасней глаз Вашего величества и при этом сохранили всю свою красоту, но для этого вы должны доставить Серене четыре вещи.

– Четыре? – переспросил калиф. – Да если ей угодно, хоть четыреста и...

– С вашего позволения, государь, не торопитесь, – сказал Нуину. – Первая из этих вещей – портрет Лучезары, вторая – Тернинка, третья – Светящаяся шапка, и последняя – лошадь Звонкогривка.

– Что все это значит, черт возьми? – воскликнул калиф.

– Сейчас, государь, я вам все объясню. У Серены есть сестра по имени Загрызу, почти такая же ученая, как сама Серена, но, поскольку она пускает в ход свое искусство для того лишь, чтобы причинять вред, она всего лишь колдунья, тогда как Серена – благородная волшебница. Так вот колдунья похитила дочь Серены, когда та была еще ребенком. Теперь, когда девушка выросла, колдунья день и ночь ее тиранит, чтобы заставить выйти за маленького уродца – своего сына. Эту девушку зовут Тернинка, и она в руках колдуньи. Есть у колдуньи еще шапка, вся расшитая алмазами, и алмазы эти сверкают так ярко, что подобно солнцу освещают все вокруг своими лучами. И еще у колдуньи есть лошадь, на каждом волоске ее гривы висит золотой колокольчик, и звуки колокольчиков так мелодичны, что, стоит лошади шевельнуться, раздается дивная музыка. Вот, государь, четыре вещи, которых у вас требует Серена, предупреждая при этом, что тот, кто решится их похитить у Загрызу, почти непременно попадет в ее руки, а уж если он в них попадет, никакие земные силы его из них не вызволят.

Когда калиф и его советники услышали, какие невыполнимые условия поставила им Серена, они ударились в слезы, понимая, что лекарства от своей беды им

не видать. Конюшему стало их жалко.

– Государь, – сказал он калифу, – я знаю человека, способного исполнить первое из требований Серены.

– Как! – воскликнул калиф. – Написать портрет моей дочери? Да кто же этот безумец, кто решится исполнить неисполнимое?

– Нуину, – ответил конюший.

– Нуину, – повторил калиф.

– Нуину, – повторил сенешаль со всеми советниками.

– Нуину! – закричали хором мальчишки, игравшие во дворе замка.

– Государь, – сказал сенешаль, – если он возьмется за дело, он с ним сладит.

– А хотя бы и так, – возразил калиф, – кто сладит с остальным?

– Я, – ответил храбрый Нуину, – но с условием: если кто-нибудь случайно назовет мое имя, пусть мне не докучают, эхом повторяя его один за другим, и когда принцесса станет такой, какой вы желаете, пусть она сама выберет себе мужа.

Калиф поручился в этом конюшему своим словом, а сенешаль, отличавшийся трудолюбием, тотчас выправил на сей счет грамоту по всей форме.

Придворным не терпелось узнать, каким же способом собирается конюший писать лицо, поглядев на которое все умирают; но скоро загадка объяснилась.

Конюший немало странствовал по свету и в пути делал заметки обо всем примечательном, что ему встретилось, – в этих заметках он и вычитал теперь, что в странах, где бывают затмения, местные жители, окрасив осколок стекла в темный цвет, безбоязненно глядят сквозь него на солнце.

Вот он и сделал себе очки из очень темного стекла, испробовал их, наведя на солнце в жаркий полдень, а потом, прихватив с собой все, что нужно для писания портрета, отправился к Лучезару.

Принцессу поразила дерзость конюшего, и, чтобы покарать его, она как можно шире распахнула свои прекрасные глаза, но тщетно: рассмотрев под защитой своих очков все чудеса ее красоты, конюший начал писать портрет Лучезары. Хотя Нуину и не учился ремеслу живописца, никто не мог превзойти его в искусстве писать портреты. Он отличался изысканным вкусом и к тому же был величайшим ценителем красоты, и однако красота Лучезары не произвела на него такого впечатления, как он ожидал. Сложение принцессы уступало в совершенстве ее лицу, и на некоторое время это оградило сердце конюшего. Но все же под конец ему пришлось признать себя побежденным. Вот тут-то, чтобы понравиться принцессе, он и пустил в ход все чары своего ума. Лучезара не осталась нечувствительной к похвалам, какие он расточал ее красоте, когда под предлогом того, чтобы развлечь ее во время занятия, которое обычно навеивает скуку, он так увлекательно рассказывал ей о своих путешествиях, что она готова была слушать его всю жизнь. И хотя Нуину не блистал красотой, блеском своего ума он достиг того, чего мог бы достигнуть, будь он первым красавцем в мире.

Итак, принцесса влюбилась в конюшего и была весьма раздосадована, что он так скоро закончил ее портрет. Но еще больше огорчилась она, когда ему пришла пора уехать, чтобы пуститься в опасное приключение.

На прощанье Лучезара сказала конюшему, что, рискуя жизнью ради нее, он хлопочет и за самого себя, ведь, если он добьется успеха, она сможет выбрать супруга по своему вкусу, а если не добьется, она вообще никогда не выйдет замуж.

В те времена красавицы, влюбившись, спешили высказать свои чувства, и принцессы в этом деле не отставали от других. Нуину раз десять, а то и более, бросался к ногам Лучезары, чтобы выразить восторг, которого не испытывал, – он сам удивлялся тому, что вовсе не тает от счастья, и понимал, что в действительности любит куда меньше, чем уверяет сам.

Весь двор был в восхищении от портрета Лучезары. Принцесса была изображена так живо, что трудно было выдержать ее взгляд, хотя она и глядела только с холста. Нуину открыл калифу способ, каким он воспользовался, чтобы написать портрет его дочери, и подарил калифу очки, чтобы отец мог время от времени лицезреть свое дитя, но посоветовал ими не злоупотреблять во избежание несчастного случая, однако калиф не внял совету и был за это наказан. Конюшему для его предприятия предложили денег и даже войско, но, вверившись судьбе, он отказался от того и от другого и отправился в путь, надеясь только на собственную храбрость и ловкость.

Пока он шел по земле Кашмира, путь его был легким и приятным: под ногами его расцветали цветы; стоило ему поднять голову, персики и фиги сами падали ему в рот; дыни редчайших сортов со всех сторон просились ему в руки; стояла вечная весна, и воздух был теплым, а небо безоблачным. Если ему хотелось отдохнуть, апельсиновая роща, разросшаяся у ручья, предлагала ему свою прохладную, живительную тень, а птицы убаюкивали его своими нежными мелодиями, потому что в этом королевстве не было соловья, не обученного

музыке, и не было славки, которая не читала бы ноты с листа. Но едва Нуину перевалил через горы, со всех сторон окружающие эту восхитительную страну, вокруг потянулись пустыни и леса, населенные такими хищными зверями, что в сравнении с ними тигры и леопарды кажутся кроткими овечками.

И однако ему надо было пройти через эти леса, чтобы попасть в жилище Загрызу.

Можно было подумать, что мерзкие звери проведали о его намерениях – они и не подумали напасть на него, а преспокойно улеглись по обе стороны его пути; там было три гидры, десять носорогов и около полудюжины грифонов. Нуину был сведущ в военном искусстве, и потому, понаблюдав за поведением животных, он разгадал их намерения и, поскольку силы были неравные, прибегнул к военной хитрости.

Неусыпно охраняя свой привал, он дождался наступления темноты, а после полуночи связал в пучок самые сухие ветки, какие смог найти, поджег их огнем, прикрепил факел к длинному шесту и пошел прямо на врагов. Любовь его была не столь сильна, чтобы он рискнул вверить себя покровительству прекрасной Лучезары. Так что, не призывая на помощь свое божество, храбрый Нуину очертя голову ринулся в одно из самых страшных приключений, на какие только отваживался смертный.

Нет на свете хищных зверей, которые не испугались бы огня – едва завидев пылающий факел, хищники дрогнули, а Нуину, заметив это, разогнал их громкими криками и к рассвету выбрался из леса.

Ему очень хотелось отдохнуть, но он не решился сделать привал вблизи такого опасного места. Взошло солнце, и при первых его лучах он увидел посреди узкой тропинки какую-то блестящую точку. Нуину двинулся по тропинке, но сколько ни шел, надеясь приблизиться к блестящему предмету, казалось, что расстояние между ними никак не уменьшается. От досады и усталости Нуину сел на траву, но, не успев сесть, блестящая точка взвилась в воздух, и птица невиданной красоты порхнула на куст в двух шагах от него. Крылья ее были окрашены золотом и лазурью, остальное оперение – алого и белого цвета, клюв и коготки – золотые. Походила птица на попугая, хотя была немного больше, чем обыкновенный попугай.

Внимательно разглядев птицу, Нуину был очарован ее красотой. Что-то большее, нежели простое любопытство, подталкивало его к ней поближе, но он боялся, как бы она не улетела.

Но попугай и не думал улетать. Пошарив в кустах, он извлек из-под них маленький мешочек, который положил на дорогу, и, ловко развязав, достал оттуда щепотку соли, рассыпал ее лапками и принялся клевать.

– Попугай, голубчик мой, – сказал Нуину. – Не ешь соли, она может тебе повредить. – Попугай рассмеялся, хотя продолжал серьезно глядеть на Нуину. – Господи, – продолжал конюший, – какой прелестный попугай. Ну просто феникс...

– Нуину! – отозвался попугай и улетел.

Когда птица скрылась из глаз, Нуину подобрал мешочек с солью и пошел дальше по тропинке. Он надеялся, что попугай вернется, поскольку он прихватил с собой его пищу. «Не понимаю, – размышлял Нуину, – что могло его испугать? И почему все, включая птиц, повторяют «Нуину», едва кто-нибудь произнесет это слово. Впрочем, попугай произнес его сам. И почему мне вздумалось назваться этим именем, отказавшись от моего собственного? Может, это из-за приключения с сороками? Но никто мне не поверит, если даже я буду рассказывать об этом приключении до конца моих дней. Да я и сам не знаю, верить ли тому, что я видел собственными глазами».

Большую часть дня Нуину шел по бесплодным и безлюдным местам, погруженный в разнообразные мысли, в которых немалая доля принадлежала Лучезаре. Однако нельзя сказать, что, вспоминая о ней, он предавался тем долгим и утешительным мечтам, во власти которых влюбленный блуждает по воздушным замкам, где здравому смыслу живется далеко не так уютно, как грезам.

Стало темнеть, Нуину уже выбился из сил от усталости и голода, как вдруг, оглядевшись по сторонам, увидел посреди зарослей жалкую лачугу. В ней его встретили добрые старички, муж и жена, предложившие гостю остатки скудного ужина и убогий кров, но, так как Нуину вовсе не помышлял о роскошных яствах и богатой постели, он решил заночевать в хижине. Приняли его радушно, потому что он дал старикам столько денег, что на них можно было купить всю избушку с ее содержимым, да еще осталось бы. А вскоре явился сын хозяев, молодой человек, одетый в самое неприглядное рубище.

Он привел с собой двух тощих коз, которых устроили тут же – другого помещения для них не было. Нуину выпросил у бедняков обо всем, что могло пригодиться ему в его предприятии. Едва рассвело, он поменялся одеждой с сыном хозяев, заклеил пластырем половину лица, купил коз и, не забыв прихватить мешочек с солью, отправился в путь. Он шел в ту сторону, где, по рассказам стариков, должен был находиться замок колдуньи, хотя хозяева

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
хижины советовали гостю не ходить туда, разве только у него к колдунье
важное дело.

Нуину прошел совсем недолго, как вдруг услышал звуки, которые становились
все мелодичнее по мере того, как он двигался вперед. Он начал догадываться,
что это за музыка. Погнав чуть дальше своих коз и при этом примечая все
вокруг, он наконец остановился в рощице, посреди которой бежал прозрачный
ручеек.

Соседство опасного места и предвкушение дерзкого подвига навели его на
раздумья, а раздумья пробудили в нем волнение, однако он ничего не боялся и
ни в чем не раскаивался.

Он твердил себе:

Отважиться легко, а преуспеть труднее;

Но даже смерть мне не страшна:

Для Лучезары жить – что может быть славнее,

И гибель за нее славна.

А потом:

Коль тщетен мой почин,

То, чтоб со славой пасть,

Завидней нет причин.

[98]

Пока он таким образом подкреплял свой дух возвышенными сентенциями в духе
оперных арий, он вдруг увидел, что к ручью идет особа, которая завладела
всем его вниманием. Свежестью лица она могла соперничать с летней утренней
зарей, сложением не уступала прекраснейшей из богинь, а грацией походила на
трех граций, соединившихся в одной.

Одета она была в простенькое платье, но природный вкус, сочетавшийся с
изяществом, так ее красил, что, несмотря на бедность наряда, она казалась
переодетой принцессой.

Пока девушка приближалась к ручью, Нуину трижды оглядел ее с головы до ног
и трижды шепотом поклялся, что в жизни не видывал таких стройных ножек и
стана, прелестней того, который они поддерживали.

Нуину отошел в сторону, делая вид, что приглядывает за своими козами, а
девушка наполнила водой кувшин, который принесла с собой, а потом села на
берегу ручья, сложила руки и печально уставилась на бегущую воду.

Нуину вернулся к ручью как раз в тот миг, когда, вздохнув несколько раз
подряд, девушка стала приговаривать:

– Нет, не бывало еще на свете никого несчастнее меня! Увы, если судьба моя

даже изменится, она станет только еще горше. Зачем же мне дальше жить? –

Девушка помолчала, всплакнула, а потом продолжала: – Счастливые птицы, вам
некого бояться, кроме стихий природы, человека и других птиц, которые с
вами враждуют. Но несмотря на все ваши тревоги, вы свободны, вы не осуждены
вечно иметь перед глазами самое гнусное в мире создание.

Она снова расплакалась, потом умыла лицо и руки и, взяв кувшин, ушла.

Нуину, на которого она не обратила внимания, очень внимательно ее
рассмотрел, – он нашел ее совершенно очаровательной и по ее наружности
определил, что она наделена природным умом, покладистым характером, добрым
сердцем, искренностью и при этом достаточно горда. Вообще-то удивительно,
как он мог определить столь много за столь короткое время. И однако он не
ошибся, и ему не трудно было угадать, кто такая эта девушка.

День он провел в роще, делая все, что ему вздумается, а когда стемнело,
оставил в зарослях своих коз, а сам вышел в поле, на разведку.

Но чем дальше он шел, тем меньше понимал, куда идет, и долго еще ему
пришлось бы блуждать, если бы при внезапной вспышке света он не увидел в
двухстах шагах большое приземистое строение. Когда свет погас, он ощупью
добрался до дома: он был уверен, что это жилище колдуньи, и, полагая, что
ему не следует появляться в дверях, как мог бесшумно взобрался на крышу.

Дом был крыт одной соломой. Приникнув к ней ухом, Нуину стал вслушиваться,
но ничего не услышал, тогда он тихонько разгреб солому и в отверстие увидел
страшную Загрызу, которая, приговаривая какие-то слова на тарабарском
языке, бросала травы и корни в огромный котел, стоявший на огне. Помешивала
она свое варево огромным зубом в два локтя длиной, торчавшим у нее изо рта.
Дав покипеть своему зелью, она бросила в котел трех жаб и трех летучих
мышей и стала приговаривать:

Шапка моя, лошадка моя,

Хитрость и злость, вас призываю,

Вами сильна ворожея;

Перья сниму с милого я –

Вся мне нужна мощь колдовская!

– Господи, – вскричал Нуину, – у нее есть любовник! Наверно, это одно из
тех страшилищ, которые хотели преградить мне путь в лесу.

А колдунья время от времени макала в котел палец с ногтем почти таким же
длинным, как ее зуб, чтобы попровобовать, поспело ли ее колдовское варево.

У огня сидел крошечный карлик, такой горбатый и уродливый, что смотреть на него было еще противнее, чем на его мать.

Красавица, которую Нуину видел в роще, стояла на коленях перед этим чудищем и своими белоснежными пальчиками, своими ручками белее слоновой кости мыла самые грязные и мерзкие на свете ноги.

Видя, что это занятие приводит ее в отчаяние, Нуину приходил в отчаяние и сам. Загрызу заметила, что бедняжка плачет. Задрвав кверху свой огромный зуб, она сказала:

– Негодница, и ты еще осмеливаешься так дурно прислуживать тому, кто через два дня станет твоим мужем! Ты должна благодарить бога, что выйдешь за сына Загрызу и получишь такого замечательного супруга.

Нуину невольно задрожал от этих слов. Услышав шорох, колдунья подняла голову, а он, испугавшись, что его обнаружат, поскорее спустился с крыши и поспешил в рощу. Там он провел остаток ночи, размышляя о том, что он увидел, и обдумывая, что ему предпринять. А на другое утро прекрасная девушка снова явилась к ручью.

Она пришла сюда во всей своей красе, со всем своим горем и к тому же еще с ворохом замаранной одежды и грязного белья и, заливаясь горячими слезами, принялась за стирку.

Увидев ее во второй раз на берегу ручья, Нуину стал сострадать ей больше прежнего и понял, что скоро сам будет нуждаться в ее сострадании.

Отстирывая грязные тряпки, она склонилась к воде, и казалось, что она в отчаянии бросилась бы в ручей, будь он настолько глубок, чтобы в нем можно было утопиться. Поза, в которой она стояла, позволила Нуину увидеть несравненной красоты шейку и грудь, и он возблагодарил за это небо, хотя и не смел надеяться когда-нибудь насладиться этими прелестями.

Он решил, что пора открыться девушке, но, прежде чем с ней заговорить, он хотел привлечь ее внимание и, вынув из кармана флейту, стал наигрывать трогательную мелодию, – Нуину играл на флейте во много раз лучше, чем рисовал, и этим все сказано.

Девушка обратила на него удивленный взгляд: его наружность трудно было сообразовать с его игрой. Заметив, что девушка его слушает, Нуину сделал вид, что уходит прочь следом за своими козами.

– Какая чудесная музыка, – сказала девушка, когда он кончил играть. – Даже мелодии Звонкогривки и те не звучат так прекрасно. Как счастлив этот бедняк, целые дни стерегущий своих коз, – продолжала она. – Пусть он даже неотесанный простолудин, я от всей души хотела бы поменяться с ним судьбой. Только зачем он пришел сюда, когда он волен пасти свое жалкое стадо вдали от этих злосчастных мест? Зачем он пришел к жилищу Загрызу?

– Он пришел освободить вас из ее рук, прекрасная Тернинка, – сказал Нуину, внезапно приблизившись к девушке.

Она была так поражена, что едва не лишилась чувств. Но не успела.

– Да, – продолжал он, – я или освобожу вас, или погибну.

– Увы, – ответила она, внимательно его разглядывая. – Бедный юноша, умереть ты умрешь, но спасти меня тебе не удастся, ведь для этого меня надо выволить из рабства, а это невозможно. Ты видишь, я занята отвратительной работой, но я готова была бы провести за ней всю жизнь, если бы мне не грозила участь более страшная. Меня хотят выдать замуж за сына Загрызу.

– Знаю, – сказал Нуину. – И я вас спасу.

Она снова посмотрела на человека, который говорил с такой уверенностью и которому, казалось, известно все. Нуину уже знал, как приятно смотреть на Тернинку, а теперь он узнал, как приятно, когда она на тебя смотрит, и решил, что еще никогда не испытывал подобного блаженства. Он сорвал с себя пластырь, чтобы показать ей менее уродливым. Уж не знаю, правильно ли он поступил, но, если она и не пленилась его лицом, она стала привыкать к его речам. Он объяснил ей, что он не тот, за кого она его приняла, что он явился, чтобы похитить ее, Светящуюся шапку и лошадь Звонкогривку, что предпринял он все это ради принцессы, которую считают чудом красоты, но он уже и не вспоминает о ней.

– Да и как можно вспоминать о ней, увидев прелестную Тернинку, – сказал он. – Отныне я буду стремиться к цели только ради вас одной.

Казалось, девушку не оскорбило это объяснение и не оттолкнула приносимая ей жертва. За то недолгое время, какое они пробыли вместе, Нуину убедился, что не ошибся в своем суждении об ее уме и сердце. Он заклинал Тернинку положить на него во всем, что касается задуманного им предприятия, и принять план, составленный тем, кто предпочтет двести, триста тысяч раз умереть, чем ее оскорбить.

Нуину подробно расспросил у девушки, как пройти к конюшне Звонкогривки, и узнал, что ее никогда не запирают, потому что невозможно украсть кобылу, при каждом движении которой раздается перезвон колокольчиков, а когда лошадь выводят из конюшни, музыка звучит еще громче. Нуину узнал все, что

ему нужно было узнать. Девушка не осмелилась задерживаться дольше, но, когда они расставались, бросила на него долгий-долгий прощальный взгляд. Как только Тернинка скрылась из виду, Нуину горячо призвал на помощь удачу, которая никогда еще ему не изменяла, хитрость, в которой он нуждался сейчас более, чем когда-либо, и свою неколебимую храбрость. Чувствуя, что в нем заговорили не только хитроумие и здравый смысл, он вообразил, что его одушевляет новая страсть, – но дело тут было совсем в другом. Так или иначе, полный решимости следовать этим неведомым для него чувствам, он прежде всего надавал пощечин злым мальчишкам, которые притащили клей, чтобы ловить бедных маленьких пташек, а потом отобрал у них клей, чтобы они не вздумали воспользоваться им, когда он уйдет. Едва стемнело, Нуину направился к конюшне Звонкогривки, прихватив с собой мешочек с солью и отобранный у мальчишек клей. Славное снаряжение для предприятия, какое он задумал, славное оружие, чтобы защититься от грозной колдуньи, у которой он вознамерился отнять все ее сокровища!

Мелодичный звон привел его прямо к Звонкогривке: она только что улеглась спать. Это было самое красивое, самое кроткое, вообще самое прекрасное в мире животное. Поздоровавшись с ней, Нуину стал ласково ее поглаживать – это так растрогало лошадь, что она согласилась бы хоть сейчас отдать за него жизнь: она ведь привыкла иметь дело только с сыном колдуньи, который приносил ей еду и часто ее бил, не говоря уже о том, что он был до того уродлив, что Звонкогривка предпочла бы иногда остаться голодной, лишь бы его не видеть.

Почувствовав доброе расположение лошади, Нуину один за другим наполнил ее колокольчики навозом, а чтобы навоз из них не выпал, залепил отверстия принесенным с собой клеем. Когда он закончил свою работу, добрая Звонкогривка сама поднялась на ноги, чтобы проверить, не осталось ли еще колокольчиков, которые могут зазвенеть.

Нуину снова потрепал ее по холке, потом оседлал, взнуздal и, оставив в конюшне, направился к жилищу Загрызу. Добравшись до него, он устроился на крыше с теми же предосторожностями, что и накануне: сам не зная почему, куда бы он ни шел, он всюду прихватывал с собой мешочек с солью: сейчас он обратил на это внимание. Через отверстие в соломе Нуину увидел почти все то же, что и накануне, только Тернинка показалась ему еще более несчастной, потому что в прошлый раз ей пришлось только мыть ноги Загрызенку, а теперь в ожидании скорой свадьбы маленький уродец позволил себе с ней некоторые вольности и, поскольку она имела смелость воспротивиться его приставаниям, недовольно захрюкал.

Колдунья заставила девушку сесть у очага, а Загрызенка растянулся рядом с ней, уткнувшись головой в ее колени, и уснул.

Несчастливая Тернинка не смела выказать свое к нему отвращение, но не могла удержаться слез, хотя и старалась скрыть их от колдуньи.

Все ее горести отзывались в душе Нуину. Загрызу, по-прежнему занятая колдовством, длинным зубом помешивала зелье в глубоком котле. Время от времени она подбрасывала в него новую порцию какой-нибудь отравы, повторяя те слова, что говорила накануне. Нуину захотелось самому добавить чего-нибудь в котел, и через отверстие в вытяжной трубе он высыпал в него соль из мешочка. Колдунья заметила это только тогда, когда, как и в прошлый раз, решила отведать своего зелья. Она вздрогнула, попробовала варево во второй раз и, поняв, что колдовская смесь испорчена приправой, которой, как видно, не должно было там быть, испустила такой страшный крик, будто одновременно заухали пятнадцать тысяч сов.

Проворно стащив с огня свой котел, Загрызу отвесила пощечину ни в чем не повинной Тернинке: та едва не опрокинулась навзничь, разбудив при этом Загрызенку, который отвесил ей другую пощечину за то, что она помешала ему спать.

Нуину все это видел, и ему показалось, будто его самого пятьдесят раз отхлестали по щекам и столько же раз пронзили ему сердце. Гнев одержал бы в нем верх над осторожностью, и он погубил бы себя, чтобы отомстить за девушку, если бы Загрызу, похвалив сына за столь благородное негодование, не приказала ему пойти к ручью за водой.

– Иди, малыш, – сказала она, – а эта дрянь пусть возьмет мою шапку, чтобы тебе посветить. Я послала бы девчонку за водой одну, да вот беда: шапка светит только на голове у девушки, и притом, если у той нет ничего в руках. Ступай же, сынок, возьми кувшин, да ничего не бойся, духи не смеют подойти близко, когда светит шапка. А я обещаю тебе, когда ты вернешься, женить тебя на этой нищенке, которая еще строит из себя недотрогу.

– Ну что ж, согласен, – сказал Нуину, слезая с крыши, – если это будет не раньше, чем он вернется.

Едва коснувшись земли, Нуину помчался вперед и спрятался на дороге к ручью. Не успел он это сделать, как все вокруг осветилось, точно в яркий полдень.

Первое, что он увидел, была прелестная Тернинка. Несмотря на блеск шапки, красота девушки показалась ему такой ослепительной, будто она сама освещала все вокруг. Уродец с трудом ковылял за ней следом, сгибаясь под тяжестью пустого кувшина. Мало того что он был безобразно горбат, он был еще хром, и такого крошечного роста, что тщетно пытался взять под руку свою прекрасную невесту, – он мог дотянуться только до ее кармана. Вот он и уцепился за карман Тернинки, еле за ней поспевая, такими быстрыми шагами она шла, стараясь от него избавиться. Сердце девушки колотилось так сильно от страха и надежды, что, добравшись до того места, где ее поджидал Нуину, она совсем выбилась из сил: увидев его, она задрожала, покраснела, потом побледнела. Не знаю, заметил ли он ее волнение, а если заметил, то как истолковал. Но, успокоив девушку, он схватил Загрызенка, обмотал ему лицо и голову своим носовым платком и, сунув под мышку, словно щенка, подал Тернинке руку и вместе с ней быстрым шагом направился к конюшне.

Звонкогривку он нашел в том же виде, в каком ее оставил. В нескольких словах он рассказал Тернинке о своих планах. Девушка была так взволнована, что на все согласилась, хотя ничего не поняла.

– Мне очень страшно, – сказала она, – ведь я боюсь теперь не за себя одну, а это гораздо страшнее. Вы уже столько для меня сделали, что я не могу не довериться вам. Бежим же скорее, потому что только поспешность и может нас спасти. Но как мы поступим с этим маленьким чудовищем?

– Я бы живьем содрал с него кожу, – сказал Нуину, – за то, что вам пришлось бояться, как бы вас не выдали за него замуж, и за то, что он вас ударил, но эта легкая смерть не так опечалила бы его мать, как та, которую я ему уготовил.

Великодушная Тернинка, не признававшая иного жестокосердия, кроме того, каким неприступные красавицы казнят влюбленных вздыхателей, хотела просить пощады для несчастного.

– Не беспокойтесь, – сказал ей Нуину, – мы не причиним ему зла, мы предоставим ему нежиться в безделье, хотя нам самим придется тем временем не щадить своих сил. Более того, я прошу вас оказать ему милость и оставить что-нибудь на память о нас, поскольку он теряет надежду стать вашим мужем. Нахлобучьте же ему на голову ваш старый чепец, пусть он носит его в ожидании чести снова вас увидеть.

Тернинка не поняла смысла этих слов, но ей казалось, что в их положении шутки неуместны. Что до Загрызенка, как только на него напялили чепчик Тернинки, его лицо стало еще уродливее. Он слышал угрозу живьем содрать с него кожу и, когда вместо этого на него напялили старый чепчик его невесты, вообразил, что спасен.

Но Нуину, связав карлику руки и ноги, заткнул ему рот пучком соломы, чтобы он не кричал, а его самого забросал сеном, так что виден был только затылок, на котором довольно ловко держался чепчик.

Закончив эту церемонию, Нуину приласкал Звонкогривку, вскочил в седло, усадил перед собой Тернинку и поскакал прочь от жилища колдуньи.

Звонкогривка летела быстрее ветра, но при этом более плавно, чем лодка по волнам. Нуину, желавший воспользоваться ее стремительностью, предоставил ей полную волю, но через час, проделав пятьдесят лье, решил, что они уже далеко и лошади пора отдохнуть. Он мог быть доволен – он вышел победителем из опасного приключения, освободив ту, которую успел полюбить. Тревоги его были позади, и он держит предмет своей любви в объятиях, а она не могла этим оскорбиться – счастливое стечение обстоятельств для того, кто пошел на подвиг ради славы, а завершил его во имя любви. Теперь Нуину боялся одного: не понравиться той, которую любил, но это была угроза нешуточная. Он слишком трезво оценивал самого себя, чтобы надеяться привлечь Тернинку своей наружностью. Он прекрасно понимал, что, если ему не придут на выручку его ум и его любовь, рассчитывать ему не на что. С каждой встречей он все сильнее влюблялся в Тернинку, и теперь возможность держать ее в своих объятиях, пусть даже самым почтительным образом, отнюдь не охладила его пыл.

– Прекрасная Тернинка, – говорил он, чувствуя, что она все еще дрожит. – Вам больше нет нужды бояться Загрызу, и вам нечего опасаться того, кто питает к вам самые благородные чувства. Я оценил ваши достоинства, смею сказать, я способен оценить их как никто другой, но не смею сказать, что они покорили мое сердце, хотя было бы странно, если бы этого не случилось. Довольно необычные обстоятельства вынудили меня покинуть мою родную страну. Когда я пустился в путь, у меня не было ни определенных намерений, ни планов – я не знал, чего я ищу по свету. Но теперь я знаю твердо – я искал вас. Позвольте же мне развлечь вас коротким рассказом о моих приключениях. Тернинка, не зная, что отвечать на такое множество разнообразных заверений, тихонько припала к Нуину, как бы отдыхая. Нуину пришелся весьма по душе такой ответ, и, не ожидая другого, он продолжал свой рассказ:

– Мой отец был повелителем небольшого королевства, владения его были совсем невелики, но зато подданные – богаты, довольны и преданы своему государю. Был у меня брат – одному богу ведомо, что с ним случилось. Нам едва минуло шесть лет, когда отец призвал нас к себе и повел с нами такой разговор, как если бы мы были уже разумными мужчинами. «Дети мои, – сказал он, – вы братья-близнецы, а стало быть, право старшинства не может решить, кому из вас наследовать престол. Но владения мои слишком малы, чтобы их делить, вот почему я хочу, чтобы один из вас уступил свои права другому, а для того, чтобы тот, кто уступит, не пожалел о своей жертве, я хочу предложить вам два дара – даже менее ценный из них поможет вам добыть счастье на чужбине. Дары эти – ум и красота, но каждому из вас может достаться только один из этих даров. Пусть же каждый выберет, что ему дороже». Мы ответили оба разом – я выбрал ум, мой брат красоту. Отец расцеловал нас и сказал, что со временем каждый из нас получит то, чего хотел.

Брата моего звали Феникс, а меня Зяблик. РИ я уверен, будь у нас еще братья, их называли бы Дроздами, Скворцами, Соловьями или Чижиками, смотря по тому, сколько бы их родилось, потому что одной из причуд нашего доброго государя была любовь к птицам, вторая заключалась в том, чтобы, говоря о нем, сыновья называли его «господин отец» – от меня он никак не мог этого добиться, Феникс же готов был сделать все, чего от него требовали, и даже более. Может быть, поэтому отец лучше исполнил обещание, которое дал ему: свет не видел таких красавцев, каким стал Феникс в восемнадцать лет. Что до меня, то, хотя люди и восхваляли тонкость моего ума, я знал, что так обыкновенно говорят обо всех детях, чьи родители прожужжали уши окружающим, пересказывая остроумные словечки своих чад. Мне достало ума как раз настолько, чтобы понять, что мне его недостает.

Хотя склонности у нас были различные, никогда еще не было между братьями такой дружбы, какая связывала нас с Фениксом. Я проводил время за чтением, глотая все книги, что попадались мне под руку, равно хорошие и плохие. Вскоре я стал отличать хорошие от плохих, и первых оказалось так мало, что я почти досадовал на изощренность вкуса, которая столь ограничила круг моего чтения. Феникс же только и делал, что наряжался, стремясь ослепить окружающих своей красотой.

И вот отец наш умер, довольный, насколько может быть доволен умирающий, тем, что оставил нас в таком добром согласии. Но не успели его предать земле, как мы с братом в первый раз не сошлись во мнениях и заспорили друг с другом. Но в споре этом, очень пылко, каждый упорно желал уступить другому свои права. Феникс из кожи лез, доказывая мне, что я лучше него способен управлять государством и потому должен наследовать королю, а он, мол, благодарение богу, наделен такой наружностью, что, куда бы он ни направил свой путь, ему не придется бояться неудачи. Напрасно я приводил другие доводы, уговаривая его взойти на трон в нашем маленьком королевстве, я не смог его убедить. И вот после долгих пререканий мы наконец пришли к согласию, решив оба в один и тот же день отправиться на поиски счастья с тем, чтобы тот, кто первым добьется успеха, сообщил об этом другому и этот другой возвратился бы и вступил во владение нашим общим наследием. Мы поручили преданным министрам править королевством в наше отсутствие, и Феникс отправился в путь во всеоружии своей красоты, а я пустился странствовать с тем скудным запасом здравого смысла, который достался мне в удел.

Каждый поехал своей дорогой. Первое приключение, какое случилось со мной на моем пути, оказалось очень странным, хотя оно и не было сопряжено с опасностями или подвигами, какие выпадают на долю героев. К тому времени я побывал уже во многих странах, но ни в одной из них не видел возможности преуспеть. Однако, где бы я ни оказался, я старался изучить все достойное внимания. Я постиг разного рода тайны природы и в каждой стране примечал ее особенности, но все это не могло насытить моего любопытства.

Наконец я добрался до Черкесии, страны красавиц, [99]и был очень удивлен, что, пересекши королевство из конца в конец, не встретил ни одной женщины, которая заставила меня хотя бы восхититься ее наружностью. Я приписал это смене правительства, решив, что красавицы, которые, судя по рассказам, должны были попадаться мне на каждом шагу, разбежались во время волнений.

Однажды я шел берегом реки, которая текла по обширной равнине. За рекой высилось строение, показавшееся мне довольно величественным, – мне захотелось взглянуть на него поближе. Снаружи дом показался мне дворцом, в котором мог бы жить какой-нибудь государь. Но внутри дворец был мрачным, а обитатели его – грустными. Впрочем, я встретил тут больше красавиц, чем во всей остальной Черкесии, но мне никогда не приходилось наблюдать таких дикарок. Завидев меня издали, красавицы исчезали, а те, кто не успел

исчезнуть, в ответ на любезные слова, которыми я их приветствовал, даже не поворачивали в мою сторону головы. «Этим куклам, – сказал я себе, – недостает только дара речи, а в остальном они вполне сошли бы за красавиц». Я прошел по бесчисленному множеству галерей, встречая только тех, кто наводил уныние и сам казался в него погружен, как вдруг из отдаленных покоев до меня донеслись громкие взрывы смеха. Я очень обрадовался, что в замке не все изнывают от тоски, которой я и сам начал поддаваться. Я вошел в эти покои и в одной из комнат, где все еще раздавался смех, увидел четырех сорок, которые сидели за столом и играли в карты. Мой приход несколько их не смутил, напротив, вежливо мне поклонившись, они продолжали игру, правила которой, хотя я знаю все на свете игры, я никак не мог уразуметь. Рядом с сороками, наблюдая за их игрой, сидела с вязаньем очень благородная с виду ворона.

Признаюсь вам, я был поражен этим небывалым зрелищем – я не мог понять, что это за наваждение: сороки тасовали карты, сдавали их, брали прикуп и подкидывали, словно всю свою жизнь только этим и занимались. Я был совершенно поглощен их игрой, как вдруг одна из сорок, которая долго раздумывала над взятой из колоды картой, с силой бросила свои карты на стол и во весь голос закричала: «Ну и ну!»

Другие сороки стали ей вторить. Даже ворона, которая не участвовала в игре, стала кричать: «Ну и ну!», и они снова закатились смехом, да таким пронзительным, что я не выдержал.

Я покинул покои мрачного замка, где играли в карты сороки, а три дня спустя покинул и Черкесию. В эту пору молва стала повсюду прославлять красоту Лучезары. Я услышал о ней такие чудеса, что не мог поверить своим ушам, и, как ни опасно было глядеть на принцессу, решил удостовериться сам, вправду ли она так хороша.

Рассказы о счастливом королевстве Кашмир давно уже пробудили во мне желание его увидеть. И тут, не знаю почему, мне вдруг пришла мысль переменить имя. Потому ли, что искатели приключений имеют обыкновение называться вымышленными именами, потому ли, что имя Зяблик показалось мне недостаточно благородным для человека, который хочет, чтобы о нем услышала первая красавица в мире. Так или иначе, я переменял имя, и, поскольку приключение с сороками застряло у меня в памяти, я назвался Нуину.

– Нуину, – повторила Тернинка.

– В том-то и штука, – продолжал он. – Имя это обладает странным свойством: тот, кто его услышит, не может удержаться, чтобы не повторить его, как только что повторили вы.

У границы Кашмира – если идти дорогой, которой шел я, – возвела свой волшебный замок мудрая Серена. Желание познакомиться с особой, которая затмила славой всех смертных благодаря сверхъестественным познаниям, добытым ею путем долгодетных опытов, манило меня совершить путешествие в Кашмир не меньше, нежели слухи о красоте Лучезары. Правда, я едва не отказался от своей затеи, вспомнив о том, как трудно проникнуть к Серене. Из несметного множества тех, кто лелеял ту же мечту, что и я, успеха добились лишь немногие. И хотя было известно, в какой стороне расположено жилище Серены, найти его не удавалось. Попастись туда можно было лишь, если счастливый случай, а точнее, благорасположение волшебницы указывало вам путь. Мне посчастливилось, быть допущенным к ее особе – наверно, я удостоился этой чести потому, что страстно мечтал принести дань почтения этому выдающемуся уму.

Не стану утомлять вас подробным описанием чертога Серены, красоту которого почти невозможно вообразить. Скажу только, что место это настолько же превосходит Кашмир, насколько благодатный Кашмир превосходит все остальные страны. Недолгое время, что мне дозволено было провести подле Серены, принесло мне, без сомнения, куда больше пользы, нежели ум, который, по мнению отца, он оставил мне в удел. Казалось, мое почтительное восхищение снискало мне покровительство волшебницы. Прощаясь со мной, она позволила мне на него надеяться, а я простился с ней в решимости сделать все, что в моих силах, чтобы стать достойным ее милости.

Прибыв в Кашмир, я не захотел явиться ко двору.

Вскоре я узнал, что за человек добряк-калиф. Собрал я также сведения и о характере первого министра: поскольку он был лишен дарований, которыми обычно наделены или должны быть наделены те, кто правит от имени своего государя, он был лишен их самонадеянности и, главное, их грубости. Это был самый обходительный из министров. У него была жена, не столь простодушная, но еще более любезная. Я поступил к ним на службу конюшим и вскоре заметил, что госпожа сенешальша ко мне благоволит.

– А в каком роде была красота этой дамы? – тотчас спросила Тернинка.

– Из тех, которая зависит от искусства камеристки, – ответил Нуину. – Так как ее супруг-сенешаль был из тугодумов, – продолжал он, – мне не стоило труда

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
прослыть в глазах сенешальши человеком весьма умным. Вот почему ко мне обратились за помощью, чтобы раздобыть средство от бед, которые каждый день чинили глаза принцессы.

И Нуину рассказал Тернинке, как ему удалось написать портрет принцессы.

– Стало быть, вы часто на нее смотрели? – спросила Тернинка.

– Столько, сколько хотел, и притом, как я вам уже сказал, не подвергаясь опасности.

– И что ж, она и впрямь показалась вам таким чудом красоты, как вам рассказывали? – продолжала девушка.

– Во много раз прекраснее, – ответил он.

– Излишне спрашивать, не влюбились ли вы в нее с первого взгляда, – заметила Тернинка. – Но все-таки скажите мне правду.

Нуину не утаил ничего из того, что произошло между ним и принцессой, рассказал даже о том, что она обещала выйти за него, если он добьется успеха.

Едва Тернинка услышала это, она оттолкнула руки, поддерживавшие ее за талию, и, уже не приныкая, как прежде, к Нуину, выпрямилась на крупе лошади. Нуину понял, что это значит, и, делая вид, будто ничего не заметил, продолжал так:

– Не знаю, какое счастливое влияние расположило ко мне принцессу; я понимал, что ни моя наружность, ни тем более мои чувства к ней не заслуживали ее благосклонности, ведь очень скоро я уразумел, что мне только показалось, будто я питаю к ней любовь, а не самом деле в лучшем случае это было восхищение. Простившись с ней, я с каждой минутой все меньше о ней вспоминал, а с тех пор, как я увидел вас, вообще о ней забыл.

Он умолк. Прекрасная Тернинка ничего не сказала и только тихонько прильнула к нему, как прежде, и положила свои ручки на руки, которые снова обвились вокруг ее стана. [100]

Вот как обстояли у них дела. А тем временем стало светать. Нуину надел на себя Светящуюся шапку, чтобы Тернинка от нее отдохнула (пока было темно, она ее не снимала), и теперь их освещали только бледные лучи занимающейся зари. Свежее дыхание зари оживило цветы, а ее драгоценные слезы оросили травы на лугу и прибили пыль на больших дорогах.

Но когда прекрасная вестница дня распахнула врата Востока для солнечной колесницы, Звонкогривка вдруг тревожно заржала. Тернинка вздрогнула и, трепеща как лист, сказала: – Ах, мы погибли! Колдунья нас догоняет. Нуину обернулся и увидел страшную Загрызу верхом на огненно-красном единороге. Колдунья вела за собой в поводу двух тигров, меньший из которых был во много раз крупнее Звонкогривки.

Нуину старался успокоить Тернинку. Их лошадь мчится так быстро, говорил он ей, что они скоро потеряют из виду колдунью с ее провожатыми. Он хотел подстегнуть лошадь – но Звонкогривка вдруг встала как вкопанная. Тщетно Нуину давал ей шенкеля и всячески ее понукал. Лошадь замерла и ни с места. Увидев колдунью в пятидесяти шагах, Тернинка лишилась чувств в объятиях Нуину. Напрасно уверял ее Нуину, что, пока в его жилах останется хоть капля крови, она не попадет ни в лапы колдуньи, ни в когти тигров, – девушка не приходила в себя.

А Загрызу все приближалась, и Нуину, не зная, как быть, решил попробовать действовать лаской.

– Добрая моя Звонкогривка, – говорил он, поглаживая лошадь, – неужто ты хочешь, чтобы твоя прекрасная хозяйка оказалась во власти злобной колдуньи, которая за ней гонится? Неужели ты так охотно помогала нам вначале, чтобы под конец нас предать?

Но тщетно он таким образом взывал к ее чести, Звонкогривка не шелохнулась. Колдунья была уже в двадцати шагах, как вдруг лошадь трижды шевельнула левым ухом. Нуину живо сунул ей в ухо палец и нашел там маленький камешек. Он бросил его через левое плечо, и тут же меж ним и колдуньей воздвиглась огромная стена – стена была всего шестьдесят футов высотой, но такая длинная, что не видно было ни начала ее, ни конца.

Тернинка пришла в себя, Нуину возблагодарил небо, а лошадь полетела стрелой.

Они уже потеряли из виду выросшую стену, и Нуину, полагая, что Тернинка спасена, собрался было сказать ей какие-то нежные, а может быть, даже остроумные слова, как лошадь вдруг снова встала как вкопанная. Нуину обернулся и увидел, что неистребимая колдунья снова их настигает.

– Как! – воскликнул он. – Неужели никакая стена не может преградить путь ее единорогу, ее тиграм, ее длинному зубу и страшным когтям?

При этих словах все страхи Тернинки ожили вновь. А лошадь, заартачившаяся еще сильнее, чем в первый раз, словно приросла к земле. Не терявший мужества Нуину стал опять уговаривать Звонкогривку, взывая к ней еще более трогательно, чем в первый раз.

– Увы! Дорогая Звонкогривка! – говорил он. – Я вижу, что Загрызу околдовала тебя и, когда она на тебя смотрит, ты не можешь двинуться с места. Иначе при твоём благородном сердце ты предпочла бы умереть, чем отказать в спасении твоей молодой хозяйке, прекрасной Тернинке. По твоему печальному виду я чувствую, что ты нас выручить не можешь, но я прошу тебя о милости: спаси прелестную Тернинку. А я спешусь и пойду биться с колдуньей и её тиграми. Быть может, удача придет на помощь моей отваге. Беги же что есть духу с дорогой моей Тернинкой, пока колдунья обратит свои взоры на меня. Прощай, добрая Звонкогривка, спаси Тернинку, не покидай её, умоляю тебя, и, если я не вернусь, напоминай ей иногда о том, кто так нежно её любил. Нуину уже хотел спешиться, но Тернинка, стиснув руку юноши, удержала его. Добрая Звонкогривка была так растрогана, что заплакала в три ручья. Она рыдала так, что камни и те растрогались бы, из её прекрасных глаз на землю катились огромные слезы. Но, пока она предавалась бесплодному горю, колдунья все приближалась, и тут Звонкогривка трижды шевельнула правым ухом.

Нуину обнаружил в ухе у лошади только капельку воды, повисшую на кончике его пальца. Он бросил её через правое плечо, и, едва капля упала на землю, в этом месте потекла река, которая разлилась так широко, что стала похожа на морской пролив. Воды её бежали со стремительностью горного потока, растекаясь по дороге, по которой за ними гналась Загрызу, и бушевали так, что колдунья со своим единорогом и тиграми едва в ней не утонула.

Тернинка и Нуину радовались, видя, как вода настигает колдунью, а она подгоняет своего единорога, пытаясь ускользнуть от волны. Едва колдуньины глаза перестали видеть Звонкогривку, лошадь с ликованием рванулась вперед, так что едва не сбросила Тернинку. Это дало повод Нуину ещё крепче прижать девушку к себе, чтобы её поддержать, потому что сам он, хоть и не ждал внезапного скачка лошади, будучи отличным наездником, только слегка покачнувшись в седле.

Так они во второй раз избавились от злобного преследования гнусной колдуньи. Нуину надеялся, что больше она не причинит им тревог. Казалось, добрая Звонкогривка разделяет его безмятежное настроение, которое пришло на смену пережитым волнениям – она летела, едва касаясь земли. Видя, что лошадь бежит без остановки, Нуину через некоторое время придержал её, чтобы посвятить её в свои планы, – ведь он не был уверен, что путь, который выбрала лошадь, приведет их туда, куда они стремились. Вот почему, отпустив поводыря, он сказал:

– Дорогая Звонкогривка! Я знаю, с тобой мы не заблудимся. Вези же нас в королевство Кашмир. С одной его стороны тянутся горы и пропасти – в этой стороне живет Серена. Доставь же нас в Кашмир этой дорогой.

– А зачем нам ехать в Кашмир? – спросила Тернинка. – Ведь там живет Лучезара.

– Там царствует её отец, – ответил Нуину, – а это ему я обещал привезти отнятую у колдуньи добычу, которую требует Серена.

– Как же так, – молвила девушка в волнении. – Разве вы не уверяли меня, что, хотя вы и пошли на свой опасный подвиг ради Лучезары, под конец вы радовались только тому, что освободите меня. Ах, как легковерна я была, – продолжала она, – вообразив на мгновение, что можно забыть красивейшую в мире принцессу ради какой-то Тернинки! И зачем вы уверяли меня в этом, когда вовсе этого не думали? Ах, Нуину, – сказала она, уронив несколько слезинок, – я вижу, что вы мечтаете об одном: поскорее предстать перед прекрасными глазами, которые вам все ещё дороги, с добычей, которую вы обещали привезти принцессе, ведя за собой в качестве трофея Тернинку. Если бы вы не обманывали меня, вы не стремились бы увидеть Лучезару после того, как нашли ту, которую, по вашим словам, так боитесь утратить. Что мешает вам отвезти меня в вашу родную страну? Зачем вы подвергаете меня терзаниям, ещё худшим, нежели те, от которых вы меня избавили? Если бы вы не обольстили меня своими словами, мое сердце осталось бы спокойным и не было бы для него самой горшей мукой сознавать, что им пожертвовали ради Лучезары. Она и так будет вас любить – ей нет нужды в этом новом доказательстве вашей преданности.

Удрученный горем Тернинки, Нуину был, однако, обрадован её беспокойством.

– Нет, очаровательная Тернинка, – пылко возразил он, видя, что она не осушает слез, – я не обманул вас, поклявшись, что рискую жизнью единственно ради вас, и скорее умру на ваших глазах, чем пожертвую вами ради Лучезары. Едва я увидел вас, ваш образ вытеснил её из моего сердца и с каждой минутой все глубже утверждался в нём. Слова ваши, свидетельствующие об искренности и тонкости ваших чувств, проникли до глубины моей души. Я готов был умереть ради вас – неужели же я захочу жить ради другой? Пусть же вас не тревожит мой замысел, позвольте мне сдержать мое слово, ибо, не исполнив его, я был бы не достоин вас. Помните, что мы будем в безопасности только на земле

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
Кашмира, и знайте, что, если уж понадобится, я пожертвую Лучезарой ради прелестной Тернинки, даже если мне придется тысячу раз погибнуть. Все, что нам приятно, кажется убедительным, и нам легко поверить в то, чего мы желаем. Нуину с таким неподдельным жаром открыл Тернинке свое сердце, что она перестала сомневаться в его намерениях, а он, увидев, что она успокоилась, снова натянул поводья, и Звонкогривка, вдруг круто повернув направо, понеслась таким стремительным и легким галопом, какого никто еще не видывал. Не прошло и получаса, как они оказались у подножья горы, которая казалась неприступной, но на свете не было таких препятствий, каких не одолела бы в своем полете Звонкогривка. Нуину сразу узнал одну из гор, ограждающих пределы благодатного Кашмира. Звонкогривка взлетела по ее склону так, словно бежала по равнине, и наездники устали от скачки не больше, чем если бы скакали по укатанной дороге. Едва они оказались на гребне горы, им показалось, будто в воздухе разлиты все ароматы Аравии, а вокруг, сколько хватало глаз, перед ними расстилался цветочный ковер, пленяющий своим разнообразием. Тернинке захотелось полюбоваться дивным зрелищем, но, пока она созерцала все эти чудеса, демон ревности, который рыщет повсюду, смутил ее восторг. – Как! – воскликнула она. – Лучезара – наследница всего, что я вижу? Лучезара, которая сама дороже всех этих сокровищ и прекрасней всех красот, которые рассыпала здесь природа, принесет их в приданое тому, кого изберет в мужья? И найдется такой человек, который отвергнет ее руку ради Тернинки? Ах, Нуину! Если ваша преданность мне или, лучше сказать, ваше ослепление должны подвергнуться испытанию, которого я опасаясь, успокойте меня, прежде чем мы спустимся в эти волшебные края, или позвольте мне найти в пропасти, которую мы только что миновали, удел, который мне снести легче, чем видеть вас супругом Лучезары. Быть может, кто-нибудь другой на месте Нуину не сдержал бы досады, видя, что, несмотря на его недавние заверения, девушку снова так скоро охватила тревога. Но Тернинка была не просто нежна и хрупка, она была совершенно восхитительна, и Нуину ее страстно любил. Его не только не рассердила тревога Тернинки, он бы всем сердцем порадовался ей, если бы она не нарушала душевный покой той, кого он любил. Поэтому он постарался успокоить девушку. – Прекрасная Тернинка, – сказал он. – Мне ведомы лишь два способа убедить вас в моей искренности. И один из них – перед небом и землею немедленно назвать вас своей женой, навеки соединив наши сердца. Призывая в свидетели невидимые силы, которые нас слышат, я клянусь, что буду чувствовать себя более счастливым, проведя с вами всю свою жизнь в страшных краях, откуда мы пришли, нежели царствуя с Лучезарой в благословенном крае, куда мы держим путь. Итак, я предлагаю вам свое сердце и свою преданность и готов отвезти вас в небольшое королевство, в которое, может быть, успел возвратиться мой брат. Но я уже сказал вам: всюду, кроме Кашмира, нас могут настичгнуть ярость и месть свирепой колдуньи Загрызу. Однако даже если мы спасемся от нее, нам не избежать справедливого гнева Серены, которой я обещал возвратить ее дочь вместе с шапкой и лошастью. Тернинка вздрогнула от удивления. – Да, прекрасная Тернинка, – продолжал Нуину. – Вы дочь волшебницы Серены, которая своим могуществом и своим искусством снискала большой почет, нежели особы самого высокого звания. К ней я и собирался вас доставить, чтобы, положив к ее ногам сокровища, которые она желала получить и которые мне посчастливилось похитить у колдуньи, я был бы вправе просить у нее самое дорогое из них в награду за то, что я совершил, исполняя ее волю. Тернинка, немного смущенная ревностью, какую она выказала, не колеблясь, приняла последнее предложение Нуину. Они стали спускаться по плодородным ликующим склонам, и чем ниже спускались, тем больше красот открывалось их взорам. Солнце еще жарко пылало в небе, когда наши влюбленные оказались у подножья горы. Хотя Звонкогривка шла таким легким шагом, что мудрено было устать, тревоги и страхи, пережитые Тернинкой в минувшую ночь, когда она не сомкнула глаз, сильно ее утомили. Нуину, полный забот о ней одной, заметил это и спешился в тени апельсиновой рощи, разросшейся по обе стороны ручья. Тернинка, сев на землю, тотчас уснула, как ни старалась она прогнать сон. Нуину разнуздal Звонкогривку, чтобы лошадь могла отдохнуть и освежиться. Он не хотел, чтобы она уходила далеко, но в то же время хотел, чтобы она паслась там, где ей нравится, вот он и вытряхнул навоз из всех ее колокольчиков, чтобы слышать, куда она пойдет. Но лошадь, как только почувствовала, что колокольчики ее свободны, вместо того чтобы щипать траву, стала прохаживаться взад и вперед, делая такие изящные и соразмерные движения, что вокруг зазвучала музыка, прекрасней которой ничего нельзя

вообразить.

Нуину послушал некоторое время эту мелодию, а потом залюбовался прелестной Тернинкой. Ни одна женщина не могла бы с ней сравниться совершенством сложения, а лицо ее во время сладкого сна, смежившего ее веки, дышало всеми чарами цветущей юности и красоты. Влюбленный Нуину не мог наглядеться на девушку и, созерцая ее прелести, отдавался самому пылкому воображению, хотя и оставался в границах нерушимого почтения, как ни побуждало его это зрелище их преступить.

В ту пору любовникам и в голову не приходило, что благосклонности можно добиться обманом или силой, застигнув врасплох предмет своей страсти,

[101]доверившийся их чести. Поэтому Нуину только пожирал глазами сокровища, предоставленные его взору, и воображал те, которые оставались для него сокрыты.

Меж тем Звонкогривка, потихоньку удаляясь, так пленительно звенела своими колокольчиками, что Нуину, выбрав несколько незнакомых ему мелодий, сочинил на них галантные куплеты в честь спящей Тернинки. «нет, – говорил он в этих стихах, – если даже в моей власти было бы сотворить красавицу по прихоти моего вкуса, я все равно не мог бы вообразить девушку прелестнее и восхитительнее той, что я вижу перед собой нынче. Чтобы тронуть мое сердце, надо было бы просто создать точное подобие Тернинки».

При такой живой работе воображения нашему Нуину, конечно, не спалось. Он возблагодарил небо за то, что его божество вкушает глубокий покой, но подумал, что, хорошенько выпавшись, Тернинка захочет есть. В прекрасной стране Кашмир, куда ни кинешь взгляд, – всюду можно было найти в изобилии изысканнейший десерт, его предлагали каждое дерево, каждый кустик. Но нельзя же было, проголодавшись, начинать с фруктов. Нуину отложил в сторону дощечки со стихами, сочиненными подле Тернинки, и пошел искать

Звонкогривку, колокольчики которой продолжали звенеть, хотя лошадь скрылась из глаз Нуину. Нуину и сам не знал, что он намерен предпринять, но забрал себе в голову, что существо, которое уже оказало им бесценную помощь, найдет средство вывести их из любого затруднения. Звонкогривка предстала перед ним так, как изображают Орфея – в окружении зверей и птиц, которых привлекла ее чарующая музыка. Рябчик, две красных куропатки и фазан, слишком ею заслушавшиеся, поплатились за это жизнью. Нуину принялся готовить ужин для Тернинки, ибо, хотя Зяблик был принцем, Нуину, когда хотел, мог быть поваром, и притом искуснейшим, и конечно, излишне спрашивать, постарался ли он блеснуть своим искусством на этот раз.

Когда он вернулся, Тернинка проснулась, а когда она проснулась, ей подали ужин. Она отдала должное заботам Нуину и была тронута его вниманием. Он рассказал ей, какой счастливый случай помог ему раздобыть для нее это маленькое угощение. Она пожалела бедных птичек, которых сгубила любовь к музыке, но, печальась об их судьбе, съела их с большим аппетитом. Ей хотелось знать, что делал Нуину, пока она спала. Дощечки его все еще лежали рядом с ней – не говоря ни слова, он их открыл. Тернинка взяла дощечки и, хотя и покраснела, раза два или три перечитала написанное на них. Она сказала ему, что не решается похвалить, как они того заслуживают, стихи, которые неумеренно ее восхваляют, а Нуину в ответ стал уверять, что, напротив, восхваляет ее слишком скупой, и поклялся ее красотой, что чувства его в тысячу раз глубже, чем он может это выразить в стихах или в прозе. – Нуину, – сказала скромница Тернинка. – Если бы я хотела досадить себе здоровыми рассуждениями, я сказала бы, что не вполне доверяю вашей искренности, ибо я знаю себя и знаю, что я хороша лишь настолько, что меня нельзя назвать совершенной уродиной. Но поскольку вы ослеплены пристрастным ко мне отношением, я не стану открывать вам глаза на мои бесчисленные недостатки, от которых мне хотелось бы избавиться, чтобы стать достойной того, что, по вашим уверениям, вы обо мне думаете.

Во время этого спора обеими сторонами было произнесено множество нежных слов, от которых мы избавим читателя, [102]ибо он обычно всегда

пропускает такого рода беседы, чтобы поскорее добраться до конца сказки. Едва они отужинали, стало темнеть. Тернинка, которая полдня проспала, пожелала отправиться в путь.

Невинность ее собственных чувств, почтительность ее спутника, нравы страны, где они очутились, – все, казалось, должно было ее успокоить. И однако она была столь шепетильна в отношении приличий, что полагала более пристойным вдвоем провести ночь в дороге, нежели оставаться с глазу на глаз на привале. Однако она беспокоилась о Нуину: он ведь и впрямь нуждался в отдыхе. Он угадал ее мысли, он понял ее чувства, он заверил ее, что не так низок, чтобы спать, когда она бодрствует, и они пустились в путь, надеясь с рассветом оказаться у прославленной Серены.

Мелодии Звонкогривки изумляли и чаровали всех, кто встречался им на пути. В лесах, по которым они ехали, птицы, обманутые блеском Светящейся шапки,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
отвечали на мелодичный звук золотых колокольчиков, полагая, что приветствуют зарю. Деревенские петухи воображали, что возвещают наступающий день, и будили бедных землепашцев, едва успевших заснуть, торопя их снова взяться за работу.

Но Тернинке стоило только снять шапку, как все снова погружалось в темноту и бедные труженики снова засыпали.

Но наконец наступил настоящий рассвет, и Нуину пообещал своей прекрасной возлюбленной, что она скоро увидит свою прославленную мать. Однако сдержать обещание он не смог. Дважды побывав у волшебницы, он был уверен, что легко найдет ее в третий раз. Но тщетно он потратил два дня на поиски ее жилища. Он знал, что уже множество раз проехал с ним рядом, и не мог понять, почему Серена в этот раз не допускает его к себе, ведь он везет к ней дочь, которую она, без сомнения, нежно любит, да и остальные сокровища, которые она хотела получить. Нуину испугался, как бы Тернинка не заподозрила его в обмане, но последние доказательства его искренней любви совершенно излечили девушку от ревности, и теперь она беспокоилась только о том, чем заслужила немилость матери, которой никогда не видела и которая почему-то не желала видеть дочь. Они и на третий день не отступились от своего намерения и снова стали объезжать окрестности, но им не пришло в голову поступить так, как Нуину поступал прежде, – сказать Звонкогривке, чтобы она отвезла их к волшебнице, а лошадь наделена была способностью переноситься туда, куда ей приказывают, и никакое волшебство не могло ей помешать. Но Нуину этого не знал, и если его случайно осенила счастливая мысль, когда он попросил Звонкогривку доставить их в Кашмир, то теперь, когда он тщетно искал жилище Серены, он об этом не подумал.

А тем временем некий деревенский политикан, докучавший калифу своими посланиями, поспешил сообщить о прибытии Нуину и калиф стал отправлять к Нуину одного гонца за другим, требуя, чтобы он немедля явился ко двору. Пришлось повиноваться, хотя легкая тревога снова овладела Тернинкой, а сердце ее щемило тайное предчувствие несчастья. Она постаралась утаить свои чувства от Нуину, но ей потребовались немалые усилия, чтобы казаться спокойной, приближаясь к городу, где Лучезара ждала только Нуину, чтобы получить наконец лекарство от стольких бед и, быть может, увенчать победителя наградой. Наконец они прибыли в столицу Кашмира, где им устроили торжественную встречу. Повсюду раздавались приветственные клики, до небес превозносившие Нуину. Все были уверены, что тот, кто так славно завершил подвиг, начатый во имя общего блага и ради принцессы, избавит их от всех несчастий, а сделать это была самая пора. После отъезда Нуину добрый калиф, слишком долго засидевшись однажды у дочери, уронил очки, и прекрасные глаза, обремененные ему жизнью, лишили его зрения. Узнав это, сенешаль, самый преданный из министров, умер с горя. Жена его утешилась, внезапно попав в милость к принцессе, – милость эта была столь велика, что отныне принцесса убивала своими взглядами только тех, на кого указывала ей фаворитка. Вот какие перемены произошли при дворе, но и это еще не все. На беду, с некоторых пор ко двору явилась некая мавританка, которая чарами своего вкрадчивого ума совершенно подчинила себе сенешальшу, как сенешальша совершенно подчинила себе принцессу благодаря чарам попугая, который ограждал того, кто держит его в руках, от опасных принцессиних глаз. По приезде Нуину созвали совет, и калиф, который и прежде был не слишком прозорлив в делах, теперь и вовсе не мог в них разобраться. Он хотел обнять того, кого не мог увидеть. Одни советники предлагали воздвигнуть Нуину стацию, другие высказывались за то, чтобы устроить в его честь большое и малое торжественные шествия. Калиф был готов на все, чтобы восславить доблесть Нуину, но скромный Нуину отказался от почестей.

– Ах, государь, – вскричал он. – Чем озабочены вы и ваш мудрый совет! В нынешних обстоятельствах то, что я сделал для вас и для блага государства, не заслуживает подобных наград. Да и время ли говорить о них, пока моя услуга не принесла плодов? Не смею назвать неосторожностью то, что ваши гонцы поторопили меня явиться ко двору. Но мне следовало сначала вручить Серене сокровища, которые я добыл для нее одной. Я бы сразу привез вам желанное лекарство, а теперь мне надо вернуться к волшебнице, и вам придется ждать моего возвращения.

Калиф смиренно просил у Нуину прощения, возложив вину на свой совет. Совет сослался на приказ принцессы, которая с тех пор, как ослеп ее отец, правила страной, а ею самой полновластно правила сенешальша.

Решено было, что Нуину завтра же отправится к Серене с сокровищами колдуньи.

Калиф непременно желал, чтобы Тернинка провела ночь под кровом сенешальши, ибо это были самые почетные покои, если не считать дворца.

– Но вы видите на моем примере, – сказал калиф конюшему, – что соседство Лучезары до добра не доводит.

Нуину отвел Тернинку к сенешальше, где мавританка так старалась услужить девушке и делала это так ловко, что та была в восторге. Нуину не пожелал даже зайти во дворец, чтобы в Тернинке опять не пробудились ее опасения. Однако надо было проститься с Тернинкой и заняться приготовлениями к завтрашнему отъезду. В нетерпении Нуину справился со всеми делами очень быстро.

Возвратившись к Тернинке, он увидел, что она рассматривает портрет Лучезары, который ему предстояло назавтра захватить с собой. Он заметил, что, восхищаясь удивительной красотой принцессы, Тернинка не может скрыть некоторого огорчения. Он сказал ей все, что было необходимо, чтобы ее успокоить, причем более всего успокоило девушку его заверение, что он уедет, не повидая оригинала, с какого писан портрет.

Мавританка очень быстро разгадала, какие чувства питают друг к другу молодые люди. Послав за сенешальшей, которая еще прежде поведала ей о своей благосклонности к конюшему, она не утаила от нее своих наблюдений.

Но еще до того, как мавританка заговорила, сенешальша поспешила ей сообщить, что ее сердце все это время раздиралось между нежными чувствами и честолюбием. Хотя она не раз убеждалась, что любовь уравнивает людей всех состояний, ее нынешнее высокое положение приковывает к ней все взоры, и потому вначале ей было трудно решиться, но, поразмыслив, она пришла к выводу, что сенешальша может, не уронив себя, выйти замуж за своего конюшего, тем более когда он вернулся, покрыв себя славой.

После этой-то речи наперсница и сообщила сенешальше, что, если она вознамерилась оказать конюшему такую честь, ее ждет разочарование, и рассказала ей о подозрениях, возникших у нее насчет молодой особы. И тут вдову обуяла ревность: в своих страстях вдова эта была самой неистовой из всех вдов, а ее наперсница самой черной из всех чернокожих. В их-то руки и отдали бедную Тернинку, и последствия этого не замедлили сказаться.

Нуину явился наутро, чтобы увезти девушку с собой, и поразился переменам, в ней происшедшим, – Тернинку мучили страшные боли, которые она тщетно старалась от него скрыть. По силе его отчаяния она поняла, что Нуину измерил глубину ее страданий. Забыв о поездке, забыв о благе государства, он думал только о том, как помочь Тернинке, а когда увидел, что все его старания напрасны и муки ее только усиливаются, стал думать только о том, чтобы умереть вместе с ней.

Сенешальша, видя, как отчаивается предмет ее страсти и как страдает соперница, полной мерой вкушала сладость мести.

Советники калифа были чрезвычайно обеспокоены тем, что Нуину раздумал уезжать. Наконец мавританка, которая наслала болезнь на Тернинку, решила излечить девушку, чтобы Нуину уехал. Боли оставили Тернинку так же внезапно, как появились, но она так устала от них и так обессилела, что стала молить Нуину, чтобы он уступил настояниям двора и уехал без нее. Он повиновался ей с большой неохотой, но зато горячо просил ее ни в коем случае не стараться увидеть Лучезару до его возвращения. Он заверил Тернинку, что вернется в самом скором времени, они нежно простились друг с другом, и Нуину уехал.

Но напрасно Тернинка надеялась встать на ноги после его отъезда. Вопреки ее надеждам на нее напало странное изнеможение, которое день от дня подтачивало ее силы. Она была уверена, что, как только боли ее отпустят, она вновь пополнеет и цветущий вид вернется к ней еще до того, как вернется ее возлюбленный, а вместо этого по какой-то неведомой причине она угасала на глазах.

И вот прелестные, нежные краски сменились унылой бледностью, потом кожа пожелтела и стала даже зеленоватой, так что Тернинка сама себя не узнавала: нежная грудь высохла, а стан, прекрасней которого не было в мире, превратился в скелет.

Тернинка с отчаянием созерцала свой жалкий вид, а сенешальша торжествовала. Наперсница убедила ее, что будет куда приятней увидеть, как вернувшийся возлюбленный отвергнет Тернинку из-за ее уродства, чем стать свидетельницей того, как он оплакивает ее смерть. Желание обеих обречь девушку на муку, которую они считали самой для нее горькой, и спасло Тернинке жизнь.

Меж тем во дворце никто больше не видел принцессы, на нее ведь нельзя было смотреть, не взяв в руки ее попугая, но она привязалась к нему так страстно, что никому не давала к нему прикоснуться. О красоте птицы рассказывали чудеса, правда, насчет ума помалкивали, потому что попугай был неразговорчив, а если ему и случалось что-нибудь сказать, то всегда невпопад, зато движения его отличались большим изяществом и он был весьма учтив.

Нетерпение Нуину сократило срок его отсутствия – все думали, что он еще на полпути, а он уже вернулся, привезя лекарство от бед, творимых

прекраснейшими в мире глазами.

Народ толпой проводил Нуину до самых покоев Лучезары, но переступить порог ее комнаты решился только он один.

Он нес в руке флакон величиной с громадный бокал; флакон сделан был из цельного алмаза, и в нем была жидкость, сверкавшая так, что ослепительные глаза принцессы сами были ослеплены ее блеском и принцесса зажмурилась. Нуину воспользовался этой минутой, чтобы смочить Лучезаре виски и веки этой жидкостью. Как только он это сделал, принцесса открыла глаза, а Нуину распахнул все двери, и народ стал свидетелем чуда, которое приветствовал восторженными криками. Все увидели глаза принцессы, которые блестели как прежде, но теперь на них можно было смотреть без всякой опаски, так что если бы даже годовалый младенец весь день таращился на них, он не испытал бы ничего, кроме удовольствия.

Нуину в знак почтения поцеловал край платья принцессы и удалился под предлогом того, что хочет сообщить новость калифу, но на самом деле он следовал велению сердца, которое влекло его к покоям очаровательной Тернинки.

Однако известие о его возвращении и о том, что он совершил чудо, уже распространилось по дворцу и пришлось, уступив необходимости, прежде повидать калифа.

Добрый калиф едва не сошел с ума от счастья, когда узнал, что глаза его дочери больше не причиняют зла, хотя остались такими же прекрасными, как прежде. А когда Нуину, смочив калифу глаза, вернул ему зрение, казалось, калиф не столько обрадовался, что вновь видит окружающий мир, сколько преисполнился благодарности тому, кто вернул ему этот дар. Он опустился перед Нуину на колени, он хотел поцеловать ему ноги, и после других подобных порывов, которые подобали не столько его величеству, сколько его благодарности, калиф пожелал немедля отвести Нуину к своей дочери, чтобы та назвала конюшего своим супругом и чтобы свадьбу сыграли немедля, потому что калиф заявил при всем своем совете, что не успокоится до тех пор, пока его дворец не наполнится целой оравой маленьких Нуину.

[103]

– Маленьких Нуину, – воскликнул султан. – Ох, я сдаюсь. Я с трудом терпел, пока речь шла о Нуину взрослом, но больше я не могу. Ты победила, Дуньязада. Я обещал тебе не казнить твою сестру – дарю тебе ее жизнь, а ей дарю всю мою любовь. Она заслужила ее и своей красотой, и своей образованностью, но более всего прелестью сказок, какими она убаюкивает меня уже так давно. Ступай, Дуньязада, ступай к своему отцу-визирю. Пусть поскорее принесет мне сюда мой скипетр и государственную печать, чтобы торжественно скрепить обещание, которое я сейчас дал.

Дуньязада не заставила себя просить дважды. Она вернулась с великим визирем, который заливался слезами, скрепляя печатью милость, оказанную его дочери. После чего он трижды низко поклонился государеву ложу и почтительно приподнял лежавшее на нем одеяло. Султанша соскочила с постели и, простершись ниц перед своим повелителем, поцеловала мизинец его левой ноги, которую он протянул ей самым нежным образом. Потом султан встал и трижды коснулся своим царским скипетром кончика носа султанши, что по обычаям его страны означало помилование.

По окончании церемонии визирь и мудрая Дуньязада, уложив султаншу обратно в постель, задернули полог и, полагая, что отныне их присутствие здесь излишне, открыли было дверь в намерении уйти. Но султан вернул их назад.

– Я отнюдь не раскаиваюсь, – заявил он, – что помиловал султаншу. Но поскольку во всех моих деяниях милосердие должно быть неразлучно со справедливостью, завтра же на рассвете я велю повесить предателя, сидящего в моем совете. О том, что все мои советники хором восклицали: «Нуину!», Дуньязада могла узнать только от своего отца или от своего любовника. Вот почему мой визирь и принц Трапезундский будут тянуть жребий, и тот, кто виновен, а может быть тот, кому не повезло, будет казнен согласно законам нашего государства.

Визирь, хорошо знавший жестокий нрав своего господина, при этом приговоре побелел как смерть и, встав на колени, призвал небо, землю, великого пророка и его Коран в свидетели своей невиновности. Но мужественная Дуньязада нисколько не испугалась угрозы султана.

– Ты, государь, скор на жестокие решения и далеко не так скор на доказательства любви, – сказала она. – Меня более всех других должны были бы взволновать слова, только что тобой произнесенные, будь принц Трапезундский или мой отец-визирь виновны. Но я готова принести их обоих в жертву твоему гневу, если еще до того, как окончится моя сказка, ты не признаешь, что это ты сам открыл мне тайну твоего совета, и коли упоминать об этой тайне – преступление, за которое карают смертью, ты заслуживаешь виселицы более, чем твой визирь или принц Трапезундский, которого ты называешь моим любовником.

Услышав дерзкую речь своей дочери, визирь от ужаса лишился чувств, но справедливый султан, точно очнувшись от глубокого сна, сложил руки, потом снял ночной колпак и попросил прощения у Магомета. Потом, трижды потеряв своим скипетром нос Дуньязаде, за ней визирю, а за ними – самому себе, он пообещал назавтра проделать то же с принцем Трапезундским. И покончив таким образом со всеобщей амнистией, стал умолять благородную Дуньязаду никогда никому не рассказывать о том, что произошло между ним и ею касательно Нуину. И поскольку было всего три четверти часа пополуночи, султан приказал Дуньязаде рассказывать сказку дальше, и она продолжала так.

Советники стали повторять имя маленьких Нуину, как прежде повторяли имя большого, но тут вспомнили, что Нуину с самого начала поставил условием, чтобы они этого не делали.

Калиф помчался к своей дочери, а Нуину не мог удержаться, чтобы не вылечить всех, кого она ослепила. Число их было велико, но, так как лекарство оказывало свое действие немедленно, он быстро управился с делом. Дворец оглашали крики восторга и благодарности, радость была всеобщей – несчастной была одна только Тернинка.

Как только слух о возвращении Нуину достиг ушей сенешальши, она поспешила уведомить о том Тернинку, и это известие, в другое время несказанно обрадовавшее бы девушку, теперь едва не привело ее в отчаяние. Ей все еще казалось, что ее жестокая соперница и состоящая при ней мавританка сочувствуют ее несчастью. Тернинка упала перед ними на колени, заклиная их сделать так, чтобы Нуину не увидел ее в этом ужасном состоянии. Они ей это обещали, но сказали, что она не может отказаться принять калифа, который с тех пор, как к нему вернулось зрение, жаждет удовлетворить свое любопытство и увидеть особу, которая, по дошедшим до него слухам, красотой не уступает Лучезаре. С этими словами негодяйки, несмотря на протесты Тернинки, стали наряжать ее так, чтобы она казалась еще уродливее.

От бедной девушки остались кожа до кости. Румянец лица и алый цвет губ сменились синеватой бледностью, глаза потухли, а ввалившиеся щеки казались еще более увядшими под ярким тюрбаном, какой на нее напялили.

В этом убранстве девушку уложили на роскошный диван, и, едва она на нем оказалась, послышались шаги ее возлюбленного. Уверив Тернинку, что это калиф, злодейки удалились.

Тернинка попыталась встать, чтобы встретить калифа с большим почтением, но, увидев, что вошел не калиф, а Нуину, она вскрикнула и рухнула на спинку дивана. Может быть, его и удивило такое поведение, но еще больше удивила его странная особа, перед которой он оказался. Все же он подошел к ней и когда она очнулась, спросил у нее, где Тернинка. Этим он нанес ее сердцу смертельный удар. Не отвечая на вопрос, она уткнулась лицом в уголок дивана и предалась отчаянию и слезам.

Не понимая, в чем причина ее горя и что это за диковинное существо, Нуину отправился искать Тернинку по всему дому. Сколько ни твердили ему со смехом сенешальша и мавританка, что он только что покинул Тернинку, его выводила из себя эта неуместная шутка. Но еще больше рассердило его, что над ним глумятся с таким злорадством. Он вышел от них, хлопнув дверью, и отправился во дворец, где разыгрывался другой спектакль.

Пока Нуину лечил глаза Лучезары, ее попугай улетел, и теперь принцесса в отчаянии рвала на себе волосы.

Калиф и все его придворные заглядывали под кровать и взбирались на лестницы под самый потолок, обшаривая все уголки, куда могла спрятаться птица.

Не понимая, что происходит, Нуину всех расспрашивал о Тернинке, а его все расспрашивали о принцессинном попугае. Он вообразил, что все сошли с ума, и сам едва не лишился рассудка. Калиф, увидев Нуину, бросился к нему и, уверенный в том, что для конюшего нет ничего невозможного, стал умолять юношу утешить принцессу, возвратив ей попугая.

Нуину, удивленный волнением отца и прихотью дочери и считая, что у него одного есть причина для волнения, не слишком вслушивался в то, что ему говорит калиф, и сам сказал калифу, что обещал Серене доставить к ней дочь целую и невредимую, и только на этом условии волшебница вручила ему спасительное лекарство, вот почему ему прежде всего необходимо увидеть Тернинку, тогда он готов отыскать попугая.

Услышав эти утешительные слова из уст того, кто никогда не бросал слов на ветер, Лучезара ему поверила. Она успокоилась, и ее искаженные горем черты вновь обрели привлекательность – она вспомнила о Нуину, о том, что он для нее сделал и что она ему обещала. Принцесса поразмыслила над всем этим, и воспоминания о сердечной склонности к конюшему, о данном ему слове и благодарности к нему заставили ее решиться. Встав на колени перед своим отцом, калифом, она просила у него, чтобы он разрешил ей отблагодарить человека, которому она столь многим обязана и который рискнул всем, чтобы ей услужить.

Услышав эти слова, калиф так подпрыгнул от радости, что удивил весь двор. Не отвечая дочери, он едва не задушил ее в своих объятиях и объявил ей, что она своим выбором доставила ему больше радости, чем если бы выбрала в мужа того, кто присоединил бы к их короне еще пятнадцать таких государств, как Кашмир. Когда калиф повернулся к будущему зятю, чтобы вручить ему руку прекраснейшей из принцесс, того не оказалось на месте – тщетно искали Нуину по всему дворцу: едва конюший почувствовал, к чему клонятся раздумья Лучезары, он скрылся в толпе и вернулся к сенешальше. Там он оставил свою дорогую Тернинку перед отъездом к Серене, там он и решил ее найти или хотя бы узнать, что с ней стало. Он и нашел ее там, но, боже, в каком виде! После ухода Нуину она перестала плакать, погрузившись в размышления, которые отнюдь не укрепили ее дух. Ведь Нуину у нее самой спросил, где Тернинка. «Какую ужасную перемену нашел он в несчастной Тернинке, – говорила она себе. – Но увы! Если бы он любил меня, разве сердце не подсказало бы ему, что это я? Впрочем, наверно, он сразу узнал меня и ужаснулся, – рассуждала она далее. – И теперь я больше никогда его не увижу».

И тут ее охватило такое горькое горе, что она пожелала, чтобы эта минута стала последней в ее жизни. И так как она сохранила дощечки, на которых Нуину написал ей свои нежные и страстные признания, она захотела на них же оставить ему свое последнее «прости», запечатлев в нем голос своего сердца. Трогательнее того, что она написала, нельзя и вообразить.

Слова, сказанные в такие роковые минуты, приводят обыкновенно в глубокое волнение. Вот и бедная Тернинка, следовавшая порывам своего искреннего сердца, которое предчувствовало близкую гибель, начертав на дощечках последнее «прости», лишилась чувств. Нуину узнал дощечки, но, только прочитав, что на них написано, он узнал самое Тернинку. При этом зрелище кровь застыла у него в жилах. Оглядев с головы до ног странную особу, он не нашел в ней никакого сходства со своей возлюбленной. Ему показалось, что она умерла. И впрямь, глядя на нее, можно было подумать, что она мертва уже две недели.

Но изумление уступило место нежности, и, пока Нуину еще не охватило отчаяние, к нежности присоединилось сострадание. Пылко прижав к губам иссохшую и холодную руку своей возлюбленной, он оросил ее потоками слез. Эти слезы не дали отлететь жизни, уже готовой покинуть тело, девушка приоткрыла глаза и увидела у своих ног того, кого пламенной всего желала и более всего боялась увидеть, единственного, кто мог заставить ее сожалеть об уходящей жизни или желать смерти.

Слова, которые они говорили друг другу, растрогали бы и самое свирепое сердце. Он пылко уверял, что любит ее не меньше, чем когда она была в расцвете своей красоты, и если первые чувства пробудила в нем ее наружность, то ум, доброта и все ее поведение оставили в его сердце след более глубокий, нежели другие блистательные ее чары, и этот след может изгладить только смерть.

Тернинка заплакала от радости и любви и в первый раз в жизни, полагая, что это в последний раз, сжала руку возлюбленного, и, хотя она сжала ее очень слабо, она вложила в это пожатие всю свою душу. Тернинка сказала юноше, что, получив от него столько безусловных доказательств редкой преданности, она умирает счастливая, и впрямь решила, что умирает.

Бесцеремонная сенешальша ворвалась к ним, желая прервать эту трогательную беседу. Вся ее ревность вспыхнула с новой силой, когда она увидела Нуину у ног той, которая, по ее расчетам, должна была внушить ему ужас. И так как она успела побывать во дворце и там узнала, что принцесса собирается замуж за Нуину и калиф с восторгом оповещает всех о предстоящем браке, она не преминула поздравить с этим Нуину в присутствии умирающей Тернинки.

Она надеялась прикончить ее этим последним ударом, однако внезапная вспышка ревности, которая должна была dokonать больную, оживила ее иссякшие силы, правда свергнув ее в новые страдания.

В эту минуту появилась принцесса в сопровождении своего отца-калифа и всех придворных. Велико же было удивление Лучезары, когда она увидела, перед какой странной особой стоит на коленях Нуину. Но еще больше была поражена Тернинка, увидев девушку, красота которой превосходила все, что ей прежде описывали. И вот тут самообладание и остаток сил разом ей изменили – она еще несколько мгновений смотрела на Лучезару, потом перевела взор на своего возлюбленного и смежила веки навсегда.

Нуину испустил крик, от которого содрогнулись присутствующие, а принцесса смутилась.

Калиф это заметил и, чтобы успокоить Лучезару, сказал:

– Пустяки, дочь моя, этот горестный вопль ничего не означает. Вот увидите, скелет, который он оплакивает, должно быть, принадлежит какой-то старой родственнице, Нуину отдает дань устам крови. Успокойтесь, Нуину, – продолжал

калиф, обращаясь к конюшему. – Встаньте и утрите слезы. Смешно плакать, словно дитя, над какой-то мумией, когда вы только что получили королевство Кашмир и руку Лучезары.

Не знаю, что ответил бы на подобную проповедь кто-нибудь другой, но Нуину вообще ничего не ответил, и все решили, что он умер так же, как и Тернинка. В эту минуту появилась мавританка. Казалось, она горюет о смерти Тернинки и сочувствует горю Нуину. Видя растерянность калифа, она посоветовала ему без промедления унести умершую девушку и немедленно ее сжечь, чтобы привести в чувство Нуину. И поскольку с тех пор, как эта женщина забрала власть над сенешальшей, ее словам внимали как оракулу, никто не подумал отвергнуть этот ее совет.

Напрасно Нуину кричал и сопротивлялся, не желая расставаться с телом Тернинки. Из его рук вырвали ту, кого он и теперь любил больше жизни. Во дворе замка приготовили костер, на него положили тело Тернинки, силой оттащив прочь убитого горем Нуину.

Началась траурная церемония – калиф, желавший воздать почести особе, которая, судя по всему, была дорога его будущему зятю, раздал пропитанные драгоценной смолой факелы своей дочери и советникам, потом своим сановникам и придворным, а потом поднял факел, который держал сам, и сказал:

– Да будет мой сын Нуину свидетелем того, с каким почетом я предаю огню тело, которое он так оплакивает. Я уверен, что он останется доволен, и да помогут нам боги!

С этими словами он хотел поджечь костер с четырех сторон, но тут вдруг послышались мелодичные звуки, и несколько мгновений спустя верхом на Звонкогривке показалась грозная Серена.

На ее появление присутствующие отозвались по-разному: калиф перестал суетиться, придворные почтительно уставились на особу, в облике которой было нечто царственное. Лучезара радостно вскрикнула, увидя, что на руке у волшебницы сидит пропавший попугай, но сенешальша так перепугалась, что, будь цвет ее лица естественным, без сомнения, побледнела бы. А ее наперсница тщетно искала взглядом, в какую сторону бежать, она вскоре поняла, что надежды на спасение у нее нет.

Мудрая Серена спешила и подошла к костру. В правой руке она держала палочку-правдолюбцу: палочка была золотая и сверкала так, что слепила глаза.

Казалось, Серена не знает, по какому случаю приготовлен костер. Она спросила об этом калифа.

– Мы собираемся сжечь тело некой Тернинки, – объяснил он.

– А чем она провинилась, – строго спросила Серена, – чем провинилась перед вами эта Тернинка? За что вы хотите ее сжечь живьем?

При этих словах присутствующие вздрогнули, кто от удивления, кто от радости. Калиф попросил прощения у Серены, он забыл, что это ее дочь, однако он продолжал уверять, что Тернинка мертва, вот почему ее и собирались сжечь.

Серена, не удостоив его ответом, приказала, чтобы Тернинку сняли с костра и положили на кровать, которую принесли из дворца, а сама подошла к ней и, обернувшись к калифу, сказала:

– Сейчас вы увидите, что она жива, и кое-кому из присутствующих это отлично известно.

С этими словами она коснулась лба Тернинки своей палочкой, и девушка тотчас очнулась и открыла глаза. Вид у нее был удивленный, как у того, кто после долгого сна очнулся вдруг в незнакомом месте.

Царственная Серена, казалось, была поражена переменой, происшедшей в девушке. Она спросила, где Нуину, его привели, потому что все повиновались малейшему слову волшебницы. Едва появился Нуину, красавец попугай испустил громкий крик и захлопал крыльями. Нуину узнал в нем ту самую птицу, которую встретил, когда искал колдунью Загрызу, но, погруженный в свое горе, он не придал этому значения. Он не знал, что произошло в его отсутствие.

Серена с негодованием посмотрела на юношу.

– Несчастный! – сказала она. – Как ты осмеливаешься предстать передо мной? Ты жизнью поклялся беречь мою дорогую Тернинку. И однако ты позволил отравить ее страшным ядом, который, доведя Тернинку до смертельной истомы, изменил ее до неузнаваемости. Но ты простер свое коварство и дальше, трусливо ввергнув ее во власть безжалостных врагов и огня, готового пожрать останки невинной Тернинки. И ты поступил так жестоко для того лишь, чтобы глаза, ради которых ты ее предал, убедилась в твоём коварстве.

Нуину остался глух к упрекам Серены, словно они были обращены к кому-то другому. Мысли его были поглощены только смертью Тернинки, и, как видно, душой он устремился туда, где мог встретить ее тень. Но волшебница, которая испытывала его единственно для того, чтобы его восславить, продолжала:

– Ну что ж, получи награду, которую тебе уготовила судьба, несмотря на твою

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
черную измену. Твоя доблесть и твердость заслуживают воздаяния, ведь ты успешно завершил труднейшее и опаснейшее из предприятий. А вы, принцесса, – обратилась она к Лучезаре, – выберите себе мужа или, лучше сказать, возьмите себе в мужа Нуину. Он был вам небезразличен еще до того, как рискнул ради вас жизнью. Все говорит в его пользу. Именем самой судьбы я приказываю вам: назовите его своим супругом.
Лучезара снова и снова переводила взгляд с попугая на Нуину, потом на Тернинку, потом подумала и сказала:

– Пусть Нуину сам сделает выбор между Лучезарой и Тернинкой.

При этих словах Нуину задрожал, словно стряхнув с себя сон.

– Прекрасная принцесса, – сказал он Лучезаре, – я не достоин почести, к которой больше не стремлюсь и о которой перестал мечтать, едва я в первый раз увидел Тернинку. Она умерла, и мое сердце укоряет меня за каждое мгновение, на которое я пережил мою утрату. Я жил только для нее, и теперь у меня нет другого выбора, как только последовать за ней...

– А если бы она была жива? – спросила Серена.

Эти несколько слов заставили Нуину окончательно очнуться, в сердце его затеплилась надежда. Он знал, как велика власть Серены, и бросился к ее ногам:

– Если бы она была жива! – воскликнул он. – О пусть она оживет! И если я могу выкупить ее жизнь ценой моей, пусть погибнет Нуину, а прекрасная Тернинка вновь откроет глаза.

Самый умный человек, когда он страстно влюблен, очень часто делает глупости. Тому же, кто пережил такое горе, какое, по мнению Нуину, пережил он, было бы просто неприлично не потерять рассудок. Вот он и обездумел до того, что так и простоял бы до скончания веков на коленях перед Сереной в ожидании, пока воскреснет его возлюбленная, и не заподозрил бы, что она живехонька.

А нежная Тернинка, не пропустившая ни слова из этого разговора, от радости и благодарности едва не лишилась чувств на своем ложе.

Серена сочла, что пора уже утешить горе верного любовника. Она силой заставила его встать, потому что он упрямо хотел оставаться на коленях, словно преступник, который молит о милости. Отбросив притворную суровость, с которой вначале глядела на него, Серена сказала:

– Иди же, иди к своей Тернинке и, если твоя преданность не устрасит тебя того, что она так неузнаваемо изменилась, живи для нее, как она будет жить для тебя.

Нуину в первом порыве радости, увидев Тернинку, наговорил и наделал таких нелепостей, что те, кому не введома любовь, наверно, умерли бы со смеху. Потом он поклялся перед всем двором, призывая в свидетели небо и землю, что ему не нужно другой жены, кроме Тернинки. Теперь уже ей пришлось возражать против его решения, призвав на помощь все свое великодушие и надеясь, что оно его убедит. Она стала уверять, что питает к нему такую нежность и благодарность, что не хочет выходить за него замуж; даже сохрани она те скромные прелести, которые она утратила, она и тогда горевала бы, что из-за нее он отверг самую блестящую долю и прекраснейшую в мире принцессу, а при нынешнем ее страшном уродстве она предпочтет тысячу раз умереть, чем согласится стать его женой.

Бесподобная Лучезара и ее отец, калиф, во время этого благородного препирательства имели вид довольно жалкий. Почувствовав это, калиф сказал, обращаясь к Серене:

– Все это было бы прекрасно со стороны обоих, не будь в этом деле замешана моя дочь. Как же это – выходит, что несмотря на всю ее красоту и стать, для нее не нашлось мужа? Неужто всю жизнь ее утхой будет птица, которую вы ей возвратили? Попугай! Вот так кавалер для молодой принцессы!

Добрый государь собирался говорить еще долго, но прославленная Серена, призвав собравшихся к молчанию, потребовала особенного внимания от калифа, его советников и придворных. Она говорила так величаво, что все почтительно умолкло и только мавританка задрожала с головы до ног.

Серена взяла из рук принцессы попугая, посадила его на землю в некотором отдалении, потом дотронулась до его хохолка концом своей палочки, очертив вокруг него широкий круг, и он тотчас скрылся в густом тумане. Таким же кругом она обвела ложе Тернинки, перед тем коснувшись палочкой ее лба. И Тернинку тоже окутало густое облако.

Все неотрывно следили за Сереной, а тем временем Звонкогривка скакала вокруг собравшихся и при этом колокольчики ее наигрывали мелодии, которые были еще прекраснее тех, которые они издавали до сих пор, так что у всех просто дух захватывало.

Ах, как помогает волшебство развязать интригу и закончить сказку!

[104]Пока Звонкогривка продолжала свой галоп, облака, окутавшие Тернинку и попугая, не рассеивались. Но вот волшебница, державшая в руках свою

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
сверкающую палочку, трижды ударила ею о землю. Звонкогровка остановилась, облака рассеялись, и на том месте, где находился попугай, все увидели очаровательного юношу несравненной красоты. Нуину сразу узнал в нем своего брата, принца Феникса. Он вскрикнул от изумления, но, когда брат бросился ему на шею, он обернулся в ту сторону, где прежде лежала Тернинка, и она предстала перед ним, такая красивая и цветущая, что показалась ему еще в тысячу раз прекраснее, чем тогда, когда он увидел ее в первый раз на берегу ручья или когда любовался ею, пока она спала. Народ выражал свое изумление нестройными криками, придворные – преувеличенными восторгами, а калиф – слезами радости. Лучезара внимательно следила за совершившимися превращениями, и видно было, что они ей весьма по душе. А Феникс не сводил с нее глаз. Влюбленный Нуину в порыве безудержной радости уже готов был излить ее у ног Тернинки, но в ту минуту, когда он хотел упасть на колени, Серена удержала его за руку и подвела к брату. Тут братья нежно обнялись, однако им пришлось прервать изъявления братской дружбы ради Лучезары, которую волшебница подвела к ним обоим.

– Хорошенько посмотрите на этих братьев, – сказала она ей. – Подумайте о том, что сделал для вас первый, подумайте о том, как хорош второй, но главное – спросите свое сердце, чтобы принять решение, которому судьба назначила зависеть от вас: какого из двух принцев вы ни избрали бы в супруги, ваш выбор будет достоин вас, и тот, кого вы выберете, не смеет отвергнуть вашу руку.

Нуину, которого присутствие Феникса несколько успокаивало, все же дрожал от страха, как бы лукавый не толкнул Лучезару избрать его. Но поскольку красотой он никак не мог равняться с Фениксом, Лучезара не колеблясь протянула руку тому, кто был более хорош собой.

А Серена соединила руки Тернинки и Нуину. В те времена в этом и состоял весь свадебный обряд, и с тех пор, как в мире заключаются браки, никогда еще принцы не женились так удачно и никогда еще лица новобрачных не сияли такой радостью.

Калиф, сам довольный не меньше их, приказал палить из всех орудий, на всех улицах жечь потешные огни, устроить фейерверк на берегу реки и на площадях, раздать щедрую милостыню народу, а из фонтанов вместо воды чтобы текло вино. Придворными же празднествами он пожелал распорядиться сам, а в устройстве увеселений с ним не мог соперничать ни один государь. Но прежде чем он возвратился во дворец, чтобы предаться этим важным занятиям, Серена сказала ему, что пьеса, которую она разыграла, еще не окончена и, хотя добродетель получила заслуженную награду, для палочки-правдолюбивы еще осталась кое-какая работа.

Радость настолько переполняла сердца всех присутствующих, что они едва не забыли о сенешальше и ее наперснице. Но справедливая Серена, которая ничего не забывала, дотронулась до лба каждой из них своей непогрешимой палочкой: превращение, какое претерпела при этом сенешальша, состояло лишь в том, что слой румян и белил в четыре пальца толщиной осыпался с ее щек и со лба, а с шеи слой еще в два раза толще. Глазам собравшихся предстала сморщенная старуха в девичьем уборе, который на ней остался, и, глядя на нее, все умирали со смеху.

Но зато мавританка преобразилась совершенно, и вместо ее лица все увидели лицо зловещей Загрызу, которая, пылая любовью и ненавистью, скрылась под этой личиной. К Тернинке вернулись было ее прежние страхи, но Серена положила им конец.

– Государь, – обратилась она к калифу. – Судьба этих негодяек в ваших руках, вам надлежит вынести им приговор.

– Ну что ж, – сказал калиф, – раз так, я не заставлю их томиться ожиданием. Позовите сюда моего верховного судью, разожгите костер и бросьте в него колдунью, [105] а сенешальшу запирайте в доме для умалишенных.

Доброй Тернинке стало их жалко, но Нуи-ну, который помнил, как жестоко обошлась с ней колдунья, и все еще чувствовал пощечину, которой она ни за что ни про что наградила Тернинку, потребовал, чтобы приговор, вынесенный гнусной Загрызу, был утвержден. Никто не пожалел также и о сенешальше. Пока приговор приводили в исполнение, прелестная и славная группа отправилась во дворец.

Калиф первым делом распорядился всем необходимым для пышного праздника, которое должно было затмить все прежние, хотя калифу не раз случалось задавать богатые пиры. Пока все хлопотали, исполняя его приказания, он, желая оказать гостеприимство почтенной Серене, повел ее в великолепные покои, отделка которых была завершена вскоре после рождения Лучезары. Он и впрямь не мог бы более достойным образом занять внимание мудрой волшебницы, ибо даже в ее неприступном обиталище едва ли нашлись бы покои столь же

прекрасные или более роскошные.

– Не думайте, что я сам изобрел все это, – сказал калиф, видя ее восхищение. – Дело в том, что, когда моя покойная супруга была беременна, мне приснилось, будто она родит маленького злобного дракона, который, появившись на свет, пожрет мои глаза. Сон этот не давал мне покоя, и я спросил о нем мнения моих ученых мудрецов. Одни полагали, что сон предвещает рождение сына, который лишит меня трона, выколов мне прежде глаза, другие уверяли, что сын просто затмит мою славу, то ли силой оружия, то ли живостью ума, который превзойдет мой. Мне внушало тревогу только первое толкование. Наконец тот из мудрецов, кто считал себя самым проникательным, объявил, что сыну, которому предстоит родиться, суждено нарушить мой покой и покой моего королевства, если до его рождения я не построю эти хоромы. Он начертал их проект, который вы видите сегодня воплощенным, и сам взялся их построить. Но как он ни торопился, прежде чем он окончил свой труд, моя супруга разрешилась Лучезарой. Все мои тревоги рассеялись, когда вместо злосчастного дракона, которого мне сулили предсказания, на свет появилась красивейшая в мире девочка. Правда, потом оказалось, что она слишком красива, и если бы вы с Нуину не пришли нам на помощь, мой дворец превратился бы в приют для слепых. Но вы, которой все известно, объясните мне, что все это означает? Почему мне пророчили сына, когда у меня родилась дочь? Зачем было строить эти хоромы со всей их богатой отделкой? И наконец, что означал мой сон, – наверное, он все-таки имел отношение к Лучезаре, ведь речь в нем шла о глазах?

– Если хотите, – ответила Серена, – я вам все объясню. Ваш сон – всего только сон, ваши толкователи – обманщики или невежды, а тот, кто построил эти покои – зодчий, желавший извлечь выгоду из совета, какой он вам дал. Но пойдете к нашим влюбленным – там вы узнаете нечто более важное о том, почему глаза Лучезары оказывали некоторое время такое роковое действие. Оба брата в эти минуты отнюдь не скучали – ведь они были страстно влюблены и им благосклонно внимали две прекраснейшие на свете женщины; правда, каждая из них была хороша по-своему: красота Лучезары больше поражала воображение, но зато красота Тернинки была более трогательной; первая ослепляла, но вторая, чем больше ты любовался чарами, которые трудно описать и легче почувствовать, нежели выразить словами, проникала до самого сердца.

Прекрасный феникс, снова осыпав ласками нежно любимого брата, уже готов был ответить на его расспросы о приключениях, какие выпали на его долю с тех пор, как они расстались, когда к ним присоединились калиф и прославленная Серена.

Нуину просил их позволить фениксу повести свой рассказ в их присутствии, и феникс начал так.

– Когда мы с принцем Зябликом расстались, пустившись на поиски приключений...

– Простите, а кто такой принц Зяблик? – прервал его калиф.

– Это я, государь, – ответил Нуину, – и сам не знаю, почему я сменил это имя на то, которым зовусь теперь и которым решил зваться до конца моих дней, потому что под этим именем и узнала меня прекрасная Тернинка.

И тут он поведал им о том, о чем они не знали и что приключилось с ним до расставания с братом, о котором упомянул феникс. После этого слово опять взял феникс.

– Как вам уже объяснил брат, мы с ним уговорились, что тот, кому не повезет, возвратится домой, чтобы править нашим королевством, если другой добьется успеха в чужих краях. Я уже тогда решил, что домой не вернусь, и, кичась преимуществами, какие себе приписывал, пустился странствовать по свету в надежде покорить всех своей наружностью. Но те, чьи сердца мне удалось пленить, не могли меня привлечь, ибо не были ни достаточно красивы, ни достаточно богаты, и я решил попытать счастья в Черкесии, стране, издавна славившейся своими красавицами.

После смерти короля страной правила его супруга королева, у которой было четыре дочери – старшей по достижении совершеннолетия предстояло взойти на трон.

С ней-то я и связывал свои надежды на будущее, но судьба, уготовившая мне сокровище, куда более драгоценное, распорядилась иначе. Не успел я прибыть в Черкесию, как узнал, что королевскую семью постигло несчастье, ибо в стране произошел неожиданный переворот.

Некий мелкий властелин, заявив неосновательные притязания, сумел взбунтовать переменчивый и неугомонный народ, подкупил вельмож и так внезапно захватил власть, что королева с дочерьми едва успела спастись. Я спешил убраться из этой страны, не желая жить среди столь коварного народа, но меня арестовали по приказу тирана, которому все иноземцы внушали подозрения, как бывает всегда там, где узурпатор не уверен в прочности своей власти.

Представ перед новым властелином, я не скрыл от него ни своего имени, ни происхождения, и он обошелся со мной так, как я вовсе не рассчитывал. Уж не знаю, что снискало мне благосклонность государя, который не мог отличиться ни великодушием, ни учтивостью, но так или иначе, удержав меня куда дольше, чем мне хотелось бы, при дворе, где мне оказывали такие же почести, как ему самому, он сделал все, чтобы я остался в Черкесии навсегда, и с этой целью предложил мне в жены свою единственную дочь, принцессу, которая судя по всему столь же стремилась выйти замуж, сколь ее наружность служила ей в этом помехой. Принцесса была совершенной уродиной, и ее маленькие глазки выказали мне расположение задолго до того, как ее отец предложил мне на ней жениться. Но мне была несносна мысль о том, чтобы породниться с узурпатором, и скажу не хвалясь, я весьма презрительно отклонил предложение государя и отверг его горбунью.

Я уже покидал пределы Черкесии, когда случай привел меня к старинному замку, поистине великолепному с виду, но на первый взгляд показавшемуся мне необитаемым, потому что я долго бродил по нему, никого не встретив. Те, кто жили в замке, не покидали своих покоев, а уж если выходили из них, старательно избегали друг друга. Я был очень удивлен такой необщительностью. Мне казалось, что, если бы обитатели замка поддерживали сношения друг с другом, им было бы гораздо веселее.

Пытаясь заговорить с кем-нибудь из них, чтобы понять странное их поведение, я оказался вдруг в изысканно убранных покоях – в них не было ни души, однако на столе лежали карты, фишки, а вокруг были расставлены стулья. Вскоре в комнату вошли четыре сороки, и за каждой шел скворец, поддерживавший ей хвостик, словно шлейф. А за ними выступала степенная ворона.

Сороки, учтиво мне поклонившись, сели за игру, а ворона за рукоделие. Тернинка и Нуину, во время этого рассказа не сводившие друг с друга глаз, когда речь зашла о сороках, подтолкнули друг друга локтем. А Лучезара, с первых же слов красавца Феникса неотрывно на него глядевшая, казалось, заподозрила, что он шутит. Серена улыбалась, слушая повесть о приключении, о котором ей кое-что было известно, а калиф хохотал, держась за бока. – Ха-ха-ха, мой милый зять, – говорил он. – Вы, как видно, из породы путешественников, которые любят приврать. Я готов поверить в сорок, которым поддерживают шлейф и которые учтиво кланяются, но чтобы сороки играли в карты – такого не бывало никогда.

Феникс заверил калифа, что рассказывает чистую правду. – Я долго наблюдал за игрой, – продолжал он, – в которую, должно быть, играют одни только сороки, – гляди я на нее хоть по сей день, я все равно ничего бы не понял в ее правилах. Наконец маленькая живая сорока произнесла какое-то слово – не помню уже какое, и вспрыгнула на стол. Не пойму, как я мог забыть это слово – ведь все остальные сороки выкрикивали его до хрипоты. Произнесла его с важностью и степенная ворона, и даже маленькие скворушки, снимавшие нагар со свечей, начали хором его повторять. Они так оглушили меня, что я выбежал из замка, не понимая, видел я все это наяву или во сне.

Покинув Черкесию, я услышал рассказы о Кашмире. И узнал, что в этой прекраснейшей стране живет самая прекрасная в мире принцесса. Теперь я думал только о том, как бы поскорее там оказаться. Тщетно расписывали мне опасности, которыми грозят глаза принцессы. «Велика ли беда влюбиться в прекрасные глаза и умереть от любви к ним, если не заслужишь их милости», – думал я. Да и рассказы о том, какой смертельный яд таит ослепительный взгляд принцессы и сколько несчастий он уже принес, я считал баснями. «Нет, – думал я, ослепленный смешным тщеславием, – нет, избыток красоты не может оказаться роковым для Феникса. Я иду к ней, пренебрегая опасностями, которыми она якобы грозит тем, кто к ней приблизится, а если красота и впрямь таит такую страшную отраву, пусть же и принцесса, увидев Феникса, вкусит ее роковую долю». Я признаюсь вам в своем смешном тщеславии, прекрасная Лучезара, для того лишь, чтобы покарать себя за него стыдом, который испытываю теперь.

Тайное любопытство, которое влекло меня к вам, заставило меня пренебречь мерами предосторожности, хотя меня предупреждали об опасностях, которые подстерегают меня, если я сойду с дороги. Я не придавал значения тому, что мне говорили об одной из ведущих в Кашмир дорог, где плетет свои колдовские сети Загрызу. И так как эта дорога была самой короткой, я смело пустился по ней и не замедлил в этом раскаяться.

Не стану говорить вам о том, сколько разных предостережений получил я на своем пути. Я пробирался через пустынные равнины и грозные скалы и наконец, преодолев множество препятствий, оказался в лесу, где сотни чудовищ пытались преградить мне путь.

Я хотел сразиться с грифонами, кружившими над моей головой, но меня со всех

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
сторон окружили леопарды и гидры. Орудуя шпагой, я ранил нескольких своих врагов, но во время долгой изнурительной битвы заметил, что меня хотят не убить, а взять в плен, и вдруг неведомая сила подняла меня в воздух, а потом опустила на землю в красивом саду, где колдунья собирала травы. Из этих трав она намеревалась сварить какое-то страшное колдовское зелье, и ей нужно было добавить туда свежей крови только что убитого человека. Все это я узнал впоследствии, уже превратившись в птицу. Вот почему грифоны и доставили меня к ней живьем. Наружность колдуньи показалась мне ужасной, зато моя пришлось по вкусу жестокосердной твари, я это заметил и вскоре узнал, какой страшной ценой могу сохранить жизнь. Она объявила мне, что, если я на ней женюсь, я получу в свое владение не только ее драгоценную особу, но и другие неоценимые сокровища, в противном случае с первыми лучами солнца мне суждено проститься с жизнью. Не ожидая моего ответа, колдунья покинула меня, чтобы я на досуге обдумал свой выбор. Мне вовсе не хотелось умирать, и все же смерть казалась мне и более благородной, и менее мучительной участью.

«Если я отвергну ее гнусную руку, – говорил я себе, – я погибну славной смертью, а если я ее приму, нечего сказать, велико будет добытое мной счастье, на поиски которого я отправился в такой дальний путь. Я, который тешил себя тщеславной надеждой понравиться божественной Лучезаре, чьих взглядов до сих пор не мог выдержать ни один смертный, и даже мечтал о том, что стану ее избранником, должен теперь жениться на страшной колдунье или умереть безвестной смертью в отдаленном краю, и никто не узнает, что со мной стало».

Вот каким черным мыслям предавался я, не видя выхода, но зато сад, в котором я находился, был воистину райским уголком. Здесь росли изумительные плоды, и среди них инжир, который показался мне необыкновенно вкусным, – в ту пору винные ягоды были любимым моим лакомством. Я выбрал самую крупную из них, и только я ее сорвал, как позабыл все свои тревоги, а едва ее съел, погрузился в глубокий сон.

Проснувшись, я увидел, что превратился в птицу, – разбудили меня крики колдуньи, которая стояла возле меня в отчаянии от превращения, которое нарушало ее планы.

Она заподозрила, что меня околдовала Тернинка, хотя и не представляла себе, как это могло случиться. Она клялась, что покарает за это девушку. Я слышал вопли и угрозы колдуньи, но, правду сказать, все происшедшее казалось мне таким невероятным, что я вообразил, будто мне снится сон, и с нетерпением ждал, когда счастливое пробуждение избавит меня от всех этих ужасов, – но ждал я напрасно.

Колдунья посадила меня к себе на руку, обласкала меня, как только можно обласкать птицу, и сказала, что надо набраться терпения – через неделю, а может быть, дней через десять она сварит питье, которое вернет мне человеческий облик. Но только я должен остерегаться и не есть соли, если она мне случайно попадет на глаза. Сказав это, колдунья ушла, оставив меня в саду, где успела нарвать неизвестных мне трав.

Представляете, в какое смятение и горе повергло меня мое приключение. Мне хотелось оплакать мое несчастье, но, желая сказать: «Бедный Феникс!», я твердил: «Милый попочка!», и вместо всех горестных восклицаний, которые вертелись у меня на кончике языка, я твердил все те глупости, каким обучают попугаев и какие охотно повторяют самые докучливые из этих птиц. Меня это так смутило, что я решил вообще не произносить ни слова.

Мне было позволено летать по всему саду, и с верхушек самых высоких деревьев я часто видел дом колдуньи, но каждый раз, когда я пытался лететь в ту сторону, крылья мои опускались и я понял, что вовсе уж бесполезно пытаться идти туда пешком.

Однако в другие окрестные места мне летать не возбранялось, и вот, совершая одну из таких прогулок, я увидел, как из убогой, крытой соломой хижины вышла женщина. Под мышкой она несла какой-то мешочек. Сев на берегу ручья, она стала мыть рыбу, которую принесла в корзине, а потом ее солить. Я вспомнил о запрете колдуньи и решил, что она остерегала меня есть соль, потому что соль может вернуть мне человеческий облик.

Я опустился на землю возле женщины: пленившись моей красотой, она побежала за мной следом, и, когда ей почудилось, что она совсем уже меня приручила, я вдруг взмыл вверх, унося с собой мешочек, принадлежавший бедной женщине. Припрятав его в отдалении под кустами, я возвратился в сад колдуньи – надеясь исполнить свой замысел, я не решился отсутствовать дольше. Но наутро, еще до рассвета я отправился туда, где был накануне.

В этот день я и увидел моего брата. Я был столь же удивлен, сколь обрадован встречей, я мечтал, чтобы брат забрал меня с собой, а он вместо этого терял время, любясь мной. Тогда я решил поскорей испробовать силу соли, но брат испугался, чтобы она мне не повредила. Я хотел уведомить его об опасности,

грозящей ему в такой близости от жилища колдуньи, но вместо слов из моего клюва вырывался смех. И тогда, восхищенный моей красотой, моим опереньем, брат случайно, желая меня похвалить, произнес мое имя. «Да, – хотел я ответить ему, – да, дорогой брат, это я, Феникс», но вместо этого произнес: «Нуину!» и почувствовал, что какая-то сила вынуждает меня лететь прочь, хотя это и повергло меня в отчаяние.

Два дня спустя, не находя себе места от тревоги за Зяблика, я вдруг услышал в саду страшные вопли колдуньи.

Это вы, мой дорогой брат, вы, за кого я так боялся, были причиной ее ярости. Вы только что похитили ее сокровища и обезоружили ее злобу, потому что вся сила ее колдовства была заключена в лошади и в шапке, которыми вы завладели. Теперь я наконец смог подлететь к дому Загрызу, и я добрался до него как раз в ту минуту, когда она вернулась после тщетной погони за вами. Спрятавшись на высоком дубе возле конюшни, я слышал, как она горевала и неистовствовала: «Но все же, – вскричала она, – я буду отчасти отомщена за измену подлой Тернинки. Вор, толкнувший ее на предательство, соблазнил ее и бросил в конюшне Звонкогривки, полузадушенную тем самым стогом сена, на котором она ему отдалась. Довершим же нашу месть!» С этими словами она вошла в конюшню, обманутая чепцом Тернинки, который нахлобучили на злосчастного Загрызенка, а он не мог предупредить мать, что это он. Загрызу, не приглядываясь к стогу, подожгла сено и вышла из конюшни, заперев дверь, – так она боялась, чтобы несчастная жертва не ускользнула от расправы.

После этого она побежала к себе в дом, чтобы увидеть того, кто остался единственным утешением в ее бедах, но дом был пуст: спрятавшись в листве дуба, я слышал истошные вопли ее единственного сына, к которому вернулся голос, когда огонь спалил соломенный кляп у него во рту.

Никого не найдя в доме и почуяв новую беду, колдунья возвратилась в уже охваченную пламенем конюшню. Ей все же удалось открыть дверь, и тогда в пламени и дыме она увидела, как надежда ее старости, ее сын, испускает дух, преданный той самой казни, какую небо судило и его матери.

Гнусный уродец изжарился живьем.

Вопль, который при этом зрелище испустила колдунья, был так страшен, что я затрепетал от ужаса, задрожал даже дуб, на котором я сидел. От этого оглушительного крика длинный торчащий зуб колдуньи вылетел у нее изо рта и, упав в пятидесяти шагах, разбился на тысячу осколков. Другая на ее месте не пожалела бы об этой потере, но колдунья разъярилась еще пуще. «Все кончено, – закричала она, – я лишилась своей волшебной силы, прибегнем же к хитрости!» С этими словами она побежала к себе в дом, а я выбрался из своего убежища, чтобы скрыться, пока ее нет. Я летел так быстро, как только мог, и к наступлению ночи оказался возле куста, где прежде спрятал мешочек с солью. Я уже надеялся, что колдунья меня не найдет. «Хвала небу, – говорил я себе, – я избавлен от жестокой необходимости выбирать между смертью и столь привлекательной супругой. Но, увы, я останусь попугаем до конца моих дней».

Не стану рассказывать вам, что мне пришлось претерпеть, пока я добрался до счастливых краев, где должны были окончиться мои злоключения. В пустыне, где не было фруктов, я едва не умер с голоду, к тому же я не привык долго держаться в воздухе и делал очень короткие перелеты. Все, кому я попадался на глаза, бежали за мной, желая меня поймать, я спасался на верхушках деревьев, но и там не чувствовал себя в безопасности из-за скверных мальчишек, которые швыряли в меня камнями и, охотясь за мной, карабкались по стволам.

Но, оказавшись в этом волшебном краю, я наконец мог отдохнуть от своих печалей. Я не подозревал, что ужасная Загрызу преследует меня, – я не узнал ее под личиной, под которой она скрылась. Колдунья достигла пределов Кашмира вскоре после того, как я туда прилетел. Она не подавала виду, что охотится за мной, хотя всюду оказывалась поблизости. Но я так привык, что все мною восхищаются, что не удивился ее вниманию, к тому же я проворно улетал, когда кто-нибудь подходил ко мне слишком близко.

Но поскольку меня очень тревожило, как сложится моя судьба, хотя я и очутился в стране, где сто миллионов попугаев могли бы жить по-королевски, время от времени я впадал в задумчивость. Колдунья заметила это и однажды, нежно глядя на верхушку дерева, где я сидел, сказала: «Как жаль, что такой красивый попугай потерялся! Наверно, он принадлежит королю, а может быть, какой-нибудь красавице, которая сейчас горюет, что потеряла его. Как знать, может, он принадлежит прекраснейшей из прекрасных! Впрочем, если бы его хозяйкой была Лучезара, он пожертвовал бы своей свободой ради счастья ее лицезреть. Не будь птица такой дикой, – продолжала колдунья, заметив, что, желая ее послушать, я спускаюсь все ниже с ветки на ветку, – не будь птица такой дикой, она далась бы мне в руки, и тогда во всем королевстве ее отца

для Лучезары не нашлось бы подарка лучше, чем эта птица, краше которой не сыскать во всем мире. А какое счастье выпало бы попугаю, – продолжала хитрая колдунья, – ведь он стал бы предметом любви той, чья красота не знает себе равных. Кто из смертных не захотел бы оказаться на его месте, чтобы каждый день любоваться сокровищами, которых красавицы не таят от птиц».

Коварная Загрызу хорошо знала, к кому обращены ее слова! Я пришел в такое волнение, что по окончании этой речи ей осталось просто вытянуть руку, сжатую в кулак. И я спорхнул на нее так легко, как только мог.

Моя опрометчивая поспешность едва не оказалась для меня роковой. Стоило колдунье мной завладеть, выражение ее изменилось, глаза засверкали. Сжав мои лапки одной рукой, другой рукой она дважды потянулась к моей шее, чтобы меня задушить. В ту минуту я не мог уразуметь причины этой вспышки, но, когда палочка Серены обнаружила перед нами скрытую под личиной мавританки злодейку Загрызу, мне все стало понятно.

К счастью для меня, колдунья подавила первый порыв ярости и мести: ей было выгодно сохранить мне жизнь, но она приняла меры, чтобы я не мог вырваться от нее, пока мы не прибудем ко двору. Этот день положил начало моему счастью. Глаза попугая выдержали сверканье очей несравненной Лучезары. И под действием каких-то неведомых чар те, кто не могли взглянуть на принцессу даже с расстояния пятидесяти шагов, стоило им взять меня в руки, могли любоваться ею сколько душе угодно. Не могу описать вам, какую радость доставляли мне невинные ласки принцессы. Умолчу об обстоятельствах, которые позволили сбываться тому, что мне сулила колдунья. В облике попугая я был щедро вознагражден Лучезарой за все те ужасы, какие мне пришлось претерпеть из-за колдуньиной страсти. В облике птицы я понравился самым прекрасным в мире глазам и был бы несказанно счастлив, если бы вновь обретенный мной человеческий облик снискал такую же их благосклонность.

Прекрасный феникс окончил свой рассказ, и, хотя Лучезара не раз смущенно вспыхивала в конце его повествования, взгляд ее прекрасных глаз подтверждал, что феникс ничего не утратил, лишившись птичьего оперения. Калифа очень позабавили приключения его зятя. Он весьма одобрил поступок феникса, отвергнувшего горбатую принцессу, на которой ему предлагали жениться в Черкесии.

– Но господин феникс, – сказал калиф, – положи руку на сердце признайтесь: если бы, по счастью, вы не превратились в попугая, разве вы не предпочли бы жениться на колдунье, на ее матери, бабушке да и вообще на всех Загрызу вместе взятых, чем как последний глупец подставить свое горло под нож? Я полагаю, что в тонкости чувств не уступлю никому другому, но, в конце концов, самое главное – это остаться в живых. Впрочем, не станем обсуждать, как бы вы поступили в этих обстоятельствах, я, во всяком случае, надеюсь, что трон Кашмира, который достанется вам после моей смерти, и рука Лучезары, которую вы уже получили, отчасти вознаградят вас за отказ от наследницы Черкесии.

Что до вашего брата Зяблика, то, хотя он взял за себя невесту не столь богатую, он, судя по всему так доволен своей женой и тещей Сереной, что не станет вам завидовать. При его способностях, владея небольшим королевством, доставшимся от отца, и при том, что он получит однажды от Серены, он не будет знать нужды.

Скромница Тернинка, которая, будучи вовсе лишена честолюбия, теперь желала бы унаследовать весь мир, покраснела от слов калифа. Она отнюдь не стыдилась, что ее произвела на свет такая замечательная женщина, как Серена. Но она была смущена упоминанием о всех тех преимуществах, какими Лучезара могла осчастливить своего супруга и какими ради нее пренебрег Нуину.

Справедливая Серена заметила ее смущение и угадала, о чем она думает. И тогда в свою очередь она попросила внимания слушателей.

– Калиф Кашмира, – сказала она, – хотя вы, бесспорно, кое чем и обязаны Нуину, знайте, что ему не придется завидовать брату. Вы были свидетелем того, как он предпочел умирающую Тернинку, безобразную Тернинку, словом, воспоминание о Тернинке предпочел браку с Лучезарой во всем блеске ее славы. Судите же, доволен ли он своей участью, когда Тернинка предстала перед вами такой, какой вы ее сейчас видите. Но знайте, что Серена вовсе не сестра гнусной Загрызу, а Тернинка вовсе не дочь Серены. Выслушайте историю Тернинки и мою собственную.

Между Тигром и Евфратом тянутся широкие долины, с которыми в плодородной щедрости могут сравниться разве что земли Кашмира. Правил этими землями мой отец. Никто из смертных не проник так глубоко, как он, в непроницаемые тайны природы, но, целиком отдавшись ученым изысканиям, он забросил управление своим государством и больше интересовался тем, как управляется ход небесных светил.

А страна его, орошаемая двумя величайшими реками мира, была так богата, что и подданные стали слишком богаты, – самые могущественные из них почувствовали свою силу и слабость своего государя. Каждый стал распоряжаться всем по своему усмотрению, а государь не только этим не огорчился, но, напротив, радовался, что избавлен от своей страны, лишенной гор: чтобы совершенствовать познания, которые ему и так уже дорого обошлись, ему нужны были горы. И вот он покинул свою страну и отправился на поиски гор, и пока, перебираясь с гребня на гребень, он соразмерял свою жизнь с движением небесных сфер, его подданные преспокойно прибрали к рукам то, что он покинул на земле.

Это отнюдь не смутило его покой – смутить его могла только любовь, да и то понадобилось все могущество любви, чтобы одержать победу над умом, погруженным в отвлеченные размышления о самых возвышенных материях. Не знаю уж, по какому случаю отец спустился с вершины своих гор в Черкесию. Но именно там чувство более пылкое, нежели те, что двигали им до сих пор, привлекло его внимание к красоте смертных женщин. Он влюбился, и самая прекрасная из красавиц Черкесии не отвергла руки государя, лишившегося своих владений.

Не знаю, не раскаялась ли она в своем выборе, потому что, не заботясь о будущем своей семьи, отец вновь отправился в горы. Моя мать, оскорбленная этой страстью к науке, которая отнюдь не должна была примешиваться к восторгам медового месяца – ведь брак заключили по любви, – пожелала, однако, сопровождать своего супруга. И вот на той самой горе, через которую Нуину и Тернинка добрались до здешних мест, мой отец сменил жизнь мыслителя-скитальца на оседлую жизнь.

Местом своего уединения он избрал тот склон горы, который устрашает своими скалистыми зубцами и пропастями. И здесь, исчерпав все, что смертному уму дано познать в просторах небес, он принялся исследовать недра земли. И вскоре он достиг почти невысказанного совершенства в тех удивительных трудах, на ниве которых на глазах грядущих поколений изнемогло столько могучих умов и столько истинных богатств развеялось в погоне за воображаемым сокровищем.

Завершив этот свой труд, отец добился всего, чего только мог желать. Он властен был по своей прихоти обратить в золото любой металл, и невидимые силы, разлитые в воздухе, подчинялись его приказаниям. С их помощью в сердце горы он воздвиг дворец, в котором даже предметы самого низкого назначения сверкали золотом и играли драгоценными камнями.

В этом новом его обиталище я и увидела свет. Через год моя мать разрешилась второй дочерью. Я унаследовала от отца его склонность к науке, сестра унаследовала склонности матери вместе с ее красотой. Как ни прекрасен был дворец, в котором мы жили, мать и сестра скучали в уединении. Одна хотела увидеть страну, где она родилась, другая мечтала побывать в прекрасных долинах между Тигром и Евфратом, которые покинул ее отец ради пустыни, где она чахла от тоски.

Отец заметил это, и, как ни уверяли они обе, что не хотят его покидать, моя мать все-таки уехала в Черкесию, а с ней сестра, очень обрадованная отъездом, хотя, прощаясь с нами, она и старалась это скрыть.

Для человека, владевшего тайной, какой владел отец, деньги ничего не стоили, так что экипаж, в котором моя мать и сестра прибыли на родину матери, был соразмерен богатству, которым когда-то владел ее супруг.

Едва король Черкесии увидел мою сестру, он посчитал ее достойной высокой чести стать его избранницей, отдав ей предпочтение перед всеми другими черкешенками. Местные красавицы пришли в отчаяние оттого, что чужестранка похитила сердце, которое они тщетно оспаривали друг у друга. Одни сохли от зависти, другие лопались с досады, а моя бедная матушка от радости умерла. Отец узнал обе новости одновременно и отнесся к ним как истинный философ. Что до меня, признаюсь вам, радость, принесенная первым из этих известий, помогла мне утешиться в горе, причиненном вторым из них. Я думала теперь только о том, как усовершенствоваться в науках, в которых делала успехи, и, по мере того как я приобретала новые познания, любовь моя к наукам все росла.

И вот отец мой, передав мне все сведения, доступные моему уму, пожелал умереть, чтобы в ином мире отыскать то, чего не мог найти на земле. Повторяю: он пожелал умереть, ибо, владея теми тайнами, какими владел он, он мог продлить себе жизнь на какой угодно срок.

Я унаследовала его богатства и отчасти его познания. Но из всех его даров самый драгоценный – палочка, которую вы видите. В нее вложены все тайные свойства минералов и талисманов. С ее помощью я повелеваю стихиями и всегда обнаруживаю правду, мне открывается частица грядущего и я могу воскресить прошлое. Отец запретил мне подниматься на самую вершину горы, на которой мы жили, и со времени его запрета меня стало мучить любопытство, дотоле мне не

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
ведомое. Едва он закрыл глаза, я удовлетворила свое желание. Отсюда я с удивлением созерцала волшебные просторы счастливого Кашмира и сюда приказала доставить несметные сокровища, которыми мой отец обогатил пещеры этой горы. Не желая, чтобы сонмы тех, кому может понадобиться мой совет, помешали мне в часы трудов или отдыха, которыми я желала располагать по своему усмотрению, я сделала так, что в мое жилище мог попасть только тот, кого я хотела видеть.

Я вкушала в своем уединении все те радости, какие может доставить смертному безмятежность духа, нисколько не завидуя моей сестре, ставшей королевой Черкесии, и нарушала мой покой только тревога о ней. Она родила одну за другой четырех дочерей, и я спросила книги о ее судьбе и о судьбе принцесс. Я узнала, что детей у нее больше не будет и скоро ей предстоит овдоветь и стать правительницей королевства. В гороскопе старшей из принцесс я увидела, что ей грозит какая-то беда, но тщетно я пыталась узнать подробности, мне открылось только, что ее будет преследовать враждебная сила, могуществом почти равная моей собственной. Прибегнув к своей палочке, я провела ее концом по разложенному на столе пергаменту, и палочка сама изобразила на пергаменте злое и страшное изображение. Палочка описала мне, где находится жилище колдуньи и в чем состоят ее злые чары и ее пристрастия. Я с ужасом узнала, что отвратительное создание дышит любопытней еще больше даже, чем ненавистью и злобой, что своим колдовством она заманивает в ловушку мужчин и смерть становится уделом тех из них, кто отказывается унижить себя сделкой, еще более злое и страшное. И при этом я с горечью узнала, что, пока колдунья владеет Звонкогровкой и Светящейся шапкой, все мои чары и власть против нее бессильны.

С помощью палочки я узнала также, что у колдуньи есть сын, почти ровесник старшей из моих племянниц, и поняла, что Загрызу вознамерится похитить наследницу Черкесии, чтобы выдать ее за своего отпрыска. Вот почему я решила взять девушку под свое покровительство. Сестра тайно послала ко мне свою дочь, но эта предосторожность едва ее не погубила: колдунья нашла способ похитить крошку почти из моих рук, едва мне успели ее доверить. Тщетно пыталась я выдать девочку за свою дочь, злобную Загрызу обмануть не удалось, и вся моя неусыпная забота не могла оградить бедную маленькую Тернинку от беспощадной колдуньи. Да, калиф Кашмира, Тернинка, которую вы видите и которую вы так торопились предать огню, наследница королевства Черкесии. Так вот ее у меня похитили, и я даже не знала, как это случилось, и ни мое искусство, ни все силы мира не вырвали бы ее из рук колдуньи, если бы за дело не взялся Нуи-ну. Одержав эту победу суждено было самому находчивому и самому верному из влюбленных. Я знала, что тот, кому уготовано похитить лошадь и шапку, должен обладать двумя этими добродетелями. Но не знала, где такого человека найти.

В эту пору на свет появилась Лучезара. И когда книги, которые я спросила о ее судьбе, поведали мне, как расцветет однажды ее красота, я влила тайную отраву в прекрасные глаза, уже становившиеся неотразимыми – я была уверена, что в поисках лекарства от этой напасти за помощью обратятся ко мне, и решила оказать ее только при условии, что мне возвратят Тернинку и доставят сокровища колдуньи. По счастью, любознательность Нуину привела его ко мне еще до того, как он явился ко двору, и, когда я узнала, каковы его мысли и чувства, у меня появилась надежда, что, если он отважится на этот подвиг, он добьется успеха. Я оценила его еще более, когда он явился ко мне за советом. Я увидела, что его не смущает плата, назначенная мной за помощь, какую у меня просили, хотя я предупредила его, сколь опасны условия, мной поставленные. Когда я спросила его, знает ли он при вашем дворе смельчака, который решится такой ценой оказать услугу прекрасной Лучезаре, он ответил: «Чтобы отважиться на подобный подвиг, необходимо большое честолюбие или большая любовь, но и одной надежды прослыть смельчаком в ваших глазах вполне довольно для того, чтобы отважиться на все, не имея другого побуждения, кроме желания покрыть себя славой».

Не могу вам сказать, как обрадовал меня такой ответ в устах человека, который уже заслужил мое уважение. Я не сомневалась в том, что это ему судьба судила стать спасителем Тернинки.

Я дала ему понять, что не откажу ему в поддержке, если он решится пойти навстречу опасности, которую я представила ему в еще более грозном виде, нежели в первый раз. Это не поколебало его решимости. Я сдержала слово, и, хотя я не вправе была постоянно оказывать ему помощь, я часто мысленно направляла его действия. Однако славной победой он обязан своему собственному уму, своей твердости и в первую очередь своей верности. Пока он был в пути к жилищу колдуньи, я с помощью своей палочки разузнала все, что мне хотелось знать о Тернинке. Палочка изобразила мне ее черты и горести ее печальных будней. Я нашла, что она достойна стать наградой тому, кто ради нее совершит подвиг, и посчитала, что, если ум ее и чувства

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
отвечают ее красоте, нет нужды привлекать к ней сердце Нуину, но признаюсь, что Тернинке я внушила склонность к юноше, которая при первом взгляде на него могла и не пробудиться в душе девушки, но которую он, без сомнения, в самом скором времени все равно заслужил бы и без моей помощи. Узнав, что они прибыли в ваше королевство, я была безмерно счастлива, и хотя с моей стороны было немного жестоко преградить Нуину доступ в мое жилище, когда он хотел привезти ко мне Тернинку, я желала до конца испытать его преданность и узнать, достоин ли он моей племянницы. Вы видели торжество этой преданности, – она выдержала испытания, доказавшие, что Нуину заслужил право воцариться в королевстве принцессы, которая царит в его сердце.

Переворот, который случился в Черкесии, я предвидела задолго до того, как он совершился. Но, предвидя его, я не могла его предотвратить. Я могла только спасти королеву и трех остальных ее дочерей от грозившего им неистовства тирана. Чтобы избавить их от его преследований, я укрыла их у самой границы королевства в убежище, почти никому не ведомом.

Но, боясь, что их могут найти и там, я прибегла к колдовству, и потому, едва случай приводил в замок кого-нибудь чужого, королева представляла его глазам в образе вороны, а ее дочери и их подруги в образе сорок, хотя друг для друга они сохраняли свой обычный облик.

Эта обманчивая картина и поразила вас, принцы, когда случай поочередно привел вас в замок, где они скрывались.

Пока Нуину с Тернинкой тщетно искали меня, я уже знала, в каком обличье явилась сюда Загрызу, знала я и о ее злодейских умыслах, но я знала также, что с тех пор, как она утратила лошадь и шапку, власть ее стала ничтожной, и, если она захочет лишить кого-нибудь жизни, мне будет легко ей помешать. И вот я допустила, чтобы глупая сенешальша и бесчеловечная Загрызу некоторое время подвергали Тернинку жестоким страданиям. Потому что отдать Тернинку следовало только самому верному из влюбленных. А лучшим способом испытать верность Нуину было сделать так, чтобы Тернинка явилась перед ним в том страшном и отталкивающем виде, в какой ее ввергли злодейские чары колдуньи, и это в топору, когда ему предлагали трон Кашмира и руку Лучезары.

Я не стала удерживать его, когда он доставил мне Святящуюся шапку и Звонкогривку. Однако дала ему обещанное лекарство, которое могло исцелить прекрасные глаза, причинявшие столько бед. Но хотя Нуину и возвращался к своей Тернинке, я знала, что он найдет ее в таком состоянии, когда одной его помощи будет мало.

Я прибегла к содействию духов, которых подчинило мне мое искусство, приказав им, чтобы они оберегали жизнь Тернинки, пока не прибуду я сама, и решив выехать следом за Нуину. Но выехала я в самую последнюю минуту и едва не опоздала – дело в том, что я уже села на Звонкогривку, когда меня задержала радостная и желанная помеха.

С промежутком в один час ко мне один за другим прискакали три гонца из Черкесии, которые привезли мне удивительные вести о том, что сестре моей вернули ее королевство. Первый гонец сообщил мне, что узурпатор убит во время бунта, столь же внезапного, как и переворот, посадивший его на трон. Второй гонец подтвердил эту новость, добавив, что мятежная толпа не пощадила даже его горбуны-дочери.

Наконец последний гонец подробно описал мне, с какими криками радости и нетерпения ожидают в столице Черкесии королеву и ее дочерей. Последний гонец прислан мне был самой королевой, навстречу которой выехали все советники и вельможи королевства.

Таким образом, государь, вопреки вашим предположениям, Нуину заключил не такой уж невыгодный брак, и, как бы поспешно ни вернулась Тернинка в свое королевство, стремясь поскорее увидеть на троне того, кто заслужил это своей безупречной любовью и нерушимой верностью, она найдет свое королевство вкушающим мир и покой, и только ее мать и сестры еще тревожатся, горя нетерпением увидеть свою дочь и повелительницу, которую считали погибшей. А народ, по своему обыкновению жаждущий перемены, не преминет осыпать благословениями и добрыми пожеланиями такую королеву, как Тернинка.

Когда Серена закончила свой рассказ, калиф начал расточать любезности Серене и рассыпаться в извинениях перед Тернинкой и запутался было в своих витиеватых речах, но слуги выручили его, объявив, что угощение подано. Таково роскошного пиршества еще не видел свет, хотя обоим принцам, которые состязались в страстных взглядах, бросаемых ими на своих избранниц, казалось, что оно нестерпимо затянулось.

Наконец пробил долгожданный час: бог Гименей зажег все факелы, чтобы осветить фениксу путь в покои Лучезары, на пороге которых калиф простился с ними. А в покоях, отведенных Тернинке, теперь уже только от самого верного

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
из всех влюбленных зависело стать и самым счастливым из смертных. Рассвет наступил задолго до того, как сказка окончилась. Но Дуньязада не обращала никакого внимания на разгорающуюся зарю, а султан на этот раз не спешил в свой совет и примирился с тем, что солнце встало раньше него. Султанша, как мы уже убедились в начале этого повествования, была прекраснейшей из всех султанш: султан обратил к ней страстные взоры, а визирь тем временем удалился, унося с собой скипетр. Можно было подумать, что султан впервые видит свою жену, так он был поражен, разглядывая ее прелестные черты. Приняв в соображение, что при такой красоте она обладает еще и умом, оснащенным арабскими сказками, он встал с ложа, на котором возлежал рядом с ней, и облачился в свой халат, чтобы изъяснить ей свои пылкие чувства.

– О, сколь счастливы, – воскликнул он, – сколь счастливы наши деревенские пастухи, которым ничто не мешает целый день вздыхать подле своих пастушек! Каким наслаждением было бы для меня до конца жизни ежеминутно созерцать глаза, которые сияют мне сейчас! Дуньязада, которой были непонятны ни восклицания султана, ни его поведение, дерзнула спросить, что он, собственно, имел в виду, упоминая пастухов.

– Вместо того чтобы говорить все эти пошлости богине, которой ты, государь, недавно протягивал для поцелуя мизинец твоей левой ноги, – сказала она, – ложись-ка лучше обратно в постель.

И, приговаривая так, она хотела снять с султана халат. Но он потребовал, чтобы Дуньязада сначала принесла ему его лютню, на которой он играл так долго, что султанша под конец изнемогла от скуки, а ее сестра от нетерпения. После этого великого подвига султан отправился в свои покои, а оттуда в свой совет, чтобы дать приказ ознаменовать этот день пышными празднествами, в ожидании счастливой ночи, с наступлением которой он вступит в обладание совершеннейшей из красавиц. Можно себе представить, с каким нетерпением он ждал этой ночи и, едва она настала, отправился в покои султанши в сопровождении своих вельмож. Но когда с него сняли одежду, султан, вместо того чтобы проститься с придворными и отпустить их, обернулся к принцу Трапезундскому и приказал юноше поведать обо всех приключениях, какие выпали ему на долю после приключения с пирамидой и золотым конем и до той самой минуты, когда на дне морском он впервые увидел прекрасные глаза Дуньязады. Влюбленный принц рад был бы уклониться от этого рассказа, которому предстояло длиться до самого утра, но, поскольку принцу было известно, что, когда речь заходит о сказках, его повелитель-султан шуток не понимает, он начал рассказывать сказку, которую вы читаете в следующий раз.

[106]

Луиза Левек

[107]

Принц Аквамарин

[108]

Остров дикарей сотряслся от неистовых воплей, эхо в неприступных прибрежных скалах вторило воинственным крикам и лязгу оружия. А рев морских валов, вплетаясь в этот адский грохот, делал его еще ужаснее. Здесь жили кровожадные чудовища, [109] у которых было в обычае предавать смерти всех несчастных, кого разбушевавшаяся стихия заставляла искать спасения на острове. В тот день они выбирали нового короля.

[110] Уже пролились потоки человеческой крови, обогрив алтари идолов и пропитав землю вокруг них, а останки злосчастных жертв горели в пламени костра; уже закружились дикари в пляске вокруг этого ужасного костра, как вдруг кто-то из них заметил в море обломки потерпевшего крушение корабля. Ветер пригнал к берегу мачты, снасти и сорванные паруса, а несколько уцелевших людей пытались добраться до суши вплавь. Надежда на скорое спасение придала новые силы уже изнемогавшим от долгой отчаянной борьбы пловцам. Увы! Приближаясь к этому страшному острову, они приближались к гибели, и судьба, посылая их сюда и избавляя от смерти в волнах, уготовала им еще худшую участь.

Не успели чужестранцы ступить на берег, как дикари набросились на них; связали и потащили к алтарям. В один миг перерезали они всем пленникам глотки, наполнили их кровью дымящиеся чаши и осушили их в честь своих богов. И только одного пока оставили в живых: его юность, красота и изящество тронули бы кого угодно, только не этих безжалостных, закоренелых убийц, сизмальства приученных к кровавым пиршествам. То был статный, высокий юноша с благородной осанкой; его прекрасные белокурые волосы спускались до плеч, открытый лоб излучал спокойное величие, а черные глаза обжигали огнем; но главное – было в его облике некое неизъяснимое обаяние, которое пленяло сердца еще больше, чем красота, и делало его неотразимым. Этот лакомый кусочек припасли для будущего короля.

Ритуал избрания был таким же жестоким, как все обычаи этого народа. В борьбу вступало шестеро дикарей, снискавших уважение соплеменников особой свирепостью, и побеждал тот, кому удавалось попасть стрелой из лука прямо в

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
сердце вдовы или ближайшей родственницы усопшего правителя. Так было и на этот раз: королеву привязали к скале, и пятеро соперников уже выпустили стрелы, которые воткнулись ей в руки и ноги. Наступила очередь последнего, шестого. Его стрела засвистела и пронзила сердце бедной королевы. Все племя простерлось у ног нового монарха, а затем его подхватили на руки и торжественно понесли вокруг всего острова. Впереди, потрясая ножами, шествовали женщины и девушки с распущенными волосами. Пение их напоминало вопли безумных вакханок. За ними медленно выступали старцы, согбенные тяжестью не столько прожитых лет, сколько свершенных преступлений, и наконец молодые воины несли самого короля. Замыкал же зловещую процессию связанный молодой пленник, которого оставили на угощение королю; он помертвел от ужаса и шел, не поднимая глаз. Двое дикарей вели его, словно жертву на заклание.

Сделав круг по побережью, племя направилось на пиршественную поляну. Здесь, посреди леса, были разложены на траве сотни освеженных звериных туш и расставлены огромные чаши, наполненные кровью. Этот напиток дикари предпочли бы самым изысканным винам и даже божественному нектару. Короля возвели на покрытый львиными шкурами трон, и он уже занес нож над юным пленником, чтобы перерезать ему горло, как вдруг, выронив оружие, рухнул замертво к ногам чужеземца. Пораженные людоеды воззрились на юношу и в тот же миг, разделив участь своего монарха, свалились мертвыми в лужи крови, пролившейся из опрокинутых чаш.

Невозможно выразить словами, сколь велико было удивление юноши при виде того, как целое племя погибло разом, точно сраженное невидимой божественной десницей. На лицах мертвых дикарей застыла жуткая гримаса смерти, похоже было, что их устремленные вверх глаза упрекали богов в убийстве, разверстые уста посылали небесам проклятия, а окоченевшие воздетые руки еще и угрожали им. Ошеломленный чужеземец схватил оружие короля, пробежал между трупами и бросился в лес. Он бежал без оглядки, пока не достиг места, где из скалы бил источник, струи его, низвергаясь, ударялись о камни, и гул этого водопада усугублял уныние пустынной округи. Здесь юноша опустился на землю, и тягостные раздумья о злой судьбе одолели его. С содроганием вспоминал он все, что пришлось ему пережить с тех пор, как покинул он родной Сверкающий остров, которым правил его отец. Хрустальные и изумрудные скалы окружали этот остров, драгоценными камнями были усеяны его долины, на деревьях росли густо-рубиновые плоды, а над главными городскими воротами возвышались великолепные, ослепляющие взор своим блеском алмазные башни. Вот уже год, как принц покинул родину и скитался по морям.

События этого времени промелькнули в его памяти, и при мысли о том, что он, быть может, никогда больше не увидит отца, принц не смог сдержать слез. Вспомнил он и о том, что король дал ему при расставанье шкатулку, велел открыть ее не раньше, чем через год, и что как раз теперь назначенный срок истекал.

Тотчас же достал он шкатулку, открыл ее и нашел письмо, которое с величайшим волнением принялся читать. Письмо было написано рукою короля, и вот что несчастный отец сообщал сыну о причине его невзгод:

«Возлюбленный сын мой! Сколько мог, скрывал я от тебя страшную правду. Богом ведомо: я сделал все, что мог, чтобы умилостивить их, но фея Чернобрада, враждебная нашему острову, обрекла тебя в час твоего рождения на горькую участь. Уж лучше бы она отняла у тебя жизнь – это причинило бы меньше страданий и тебе, и мне. Эта злая колдунья явилась в мои владенья, когда все остальные феи уже одарили тебя всеми самыми замечательными свойствами, обладая которыми, ты должен был стать совершенным и счастливым. Они хотели, чтобы у Чернобрады не осталось никакой возможности навредить тебе. Но коварство и жестокость всегда возьмут свое! Колдунья не могла отнять у тебя то, что предсказано другими феями, но она пожелала, чтобы ты наводил ужас на всех смертных, и предрекла, что, достигнув двадцати лет, ты будешь убивать своим видом каждого, кто на тебя взглянет.

[111]Вообрази, какое горе охватило меня, едва фея произнесла этот чудовищный приговор. Всеми силами пытался я смягчить ее, но ничего не достиг; вдобавок она запретила мне рассказывать об этом проклятье кому бы то ни было, кроме тебя самого, да и то не раньше, чем тебе исполнится двадцать лет, – видно, надеялась, что первыми жертвами станем я сам и мой народ, а ты будешь нашим убийцей. О, я предлагал ей даже свою жизнь, но мои мольбы и слезы не тронули ее, и она унеслась в столбе огня и черного смрадного дыма. Ты знаешь, какими заботами окружал я тебя, пока ты был ребенком, знаешь и то, сколько слез пролил я над тобою – ведь вместе с любовью к тебе росла и моя печаль. Теперь уж никогда больше я не увижу тебя, и ты, наверное, уже успел на опыте убедиться в том, что жуткое проклятье Чернобрады сбывается. Удались же, сын мой, в пустынные места, скройся навсегда от глаз людей, дабы не нести им смерть, живи в уединении и

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
вспоминай хоть изредка о своем отце».

Как только принц – а звали его принцем Аквамарином – дочитал письмо, слезы хлынули из его глаз.

– О боги! – воскликнул он. – Чем заслужил я такую страшную кару! И где найти места столь уединенные, чтобы ни один человек не мог увидеть меня? Во всех моих злоключениях хорошо только то, что судьба вовремя занесла меня к этим жестоким дикарям и что именно они стали моими первыми жертвами. Наконец удрученный принц встал и побрел прочь из леса. Вскоре он очутился перед воротами деревни дикарей, расположенной в ущелье меж высоких лесистых гор. Посреди деревни протекал бурный горный поток. Стены низких домов были забрызганы кровью, всюду валялись целые трупы или куски человечины – благодаря особому свойству местного воздуха плоть на острове никогда не истлевала. Это зрелище ужаснуло принца, он поскорее ушел из деревни и даже порадовался тому, что очистил землю от такой скверны. Поразмывшись, он решил остаться на острове. Голод ему не грозил, ибо здесь в изобилии росли плодовые деревья.

Поселился принц в пещере на скалистом берегу, откуда было видно море. Тоскливо и страшно было ему одному в этом заброшенном краю, но мысль о том, что он и должен жить вдали от людей, умеряла его тоску. Приговор, произнесенный феей Чернобрадой в час его рождения, обрекал его на вечное изгнание. Он уже знал, чем чреваты для людей встречи с ним, и одиночество казалось ему не столь тягостным, когда он думал, что здесь его вид никого не убьет. А радости мирной, спокойной жизни могли бы и вовсе утешить его, если бы к страданиям, терзавшим его по милости Чернобрады, не прибавлялись еще и муки любви. Его жгло тайное пламя и ежечасно исторгало вздохи из его груди, хотя он не знал даже имени той, кого любил. У него был лишь ее портрет. В восторженном упоении глядел он на него, и страсть его разгоралась все пуще, а боль становилась все острее.

– О любовь! – сетовал принц. – Из всех пыток, каким ты подвергаешь человеческие сердца, на мою долю выпали наихудшие! Я не знаю, кто моя возлюбленная, и даже мечтать не могу увидеть ее, если не желаю ей смерти. Ибо та, что мне дороже всех на свете, погибла бы при одном взгляде на меня. Что за мученья послали мне боги!

Такими тягостными думами томился принц. Чтобы развеяться, он часто отправлялся на соседний остров, где росли померанцевые леса. Однажды, отдыхая там, он заснул, а проснулся от раскатов грома. Все предвещало бурю: уже поднимались волны, крепчал ветер. Однако принц Аквамарин все же решил, что успеет добраться до своего острова. И действительно, лодка его уже почти достигла берега, но внезапно налетел сильный ветер и унес ее в открытое море. Буря разыгралась со страшной силой, и лодка принца – простой выдолбленный ствол – скоро оказалась за сотни миль от острова людоедов. Принц смиренно ждал конца, который, казалось, был неизбежен, и тут лодка его налетела на риф и разбилась вдребезги. Принц поплыл вперед, надеясь достичь берега, но сгустившаяся ночь грозила новыми опасностями. В темноте он потерял направление и уже не знал, приближается ли к суше или, наоборот, удаляется от нее. Он продолжал плыть, пока совсем не выбился из сил, и уже приготовился встретить смерть, когда наткнулся на железное кольцо, прикрепленное к стене какой-то башни. Ухватившись за него, принц решил дожидаться утра, чтобы разглядеть, далеко ли земля. Он испускал тяжкие вздохи и громко сетовал на судьбу, преследовавшую его с таким жестоким постоянством. И вдруг откуда-то сверху до него донесся нежный голос: – О чужестранец, занесенный сюда по прихоти волн и ветра, не жалуйся больше на свою судьбу. Увы! Если бы ты мог положить конец моим бедам, как я прекращаю твои, спасая тебе жизнь! Держи веревку, еще не пробил час твоей смерти.

Принц Аквамарин не сразу решился воспользоваться предложенной помощью. Он знал, что подвергнет смертельной опасности свою спасительницу, однако же он так ослаб, что не мог больше держаться в воде, и отказаться – значило обречь себя на скорую гибель. Положившись на темноту, он схватился за веревку, поднялся по башенной стене и очутился в комнате, где царил непроницаемый мрак. Чтобы не погубить ту, что вызволила его, принц решил с первыми же проблесками зари прыгнуть назад в море и добираться вплавь до ближайшего острова.

– Я бесконечно обязан вам, – сказал он неизвестной спасительнице, – и не знаю, чем отплатить вам за то великое благодеяние, которое вы мне оказали. Но что может сделать для вас бедный, гонимый злым роком принц? Быть может, сжалившись надо мною, вы лишь спасли меня для новых бедствий, от которых смерть была бы избавлением. Как бы то ни было, скажите мне, в какие края занесли меня волны?

– Вы находитесь в окрестностях острова Ночи, в царстве моего отца, короля, – был ответ. – Эта башня – ее называют Темной – творение феи. В нее

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
не проникают ни лучи солнца, ни мягкий свет луны, ее окружает вечный мрак, скрывающий от глаз даже самые близкие предметы.

Услышав это, принц Аквамарин успокоился. Он больше не опасался, что его присутствие убьет принцессу, ведь она не сможет увидеть его. Этого не позволит обволакивающий башню непроглядный мрак.

– Но откуда родом вы сами? – спросила в свою очередь принцесса. – И как случилось, что вы попали сюда? Мне не терпится услышать рассказ о ваших приключениях.

[112]

Вспомнив о своей горькой участи, принц снова тяжело вздохнул и начал так: – Я родился на Сверкающем острове, где правит мой отец. У королевы, моей матушки, долго не было детей, что весьма удручало ее супруга. Но наконец она понесла. В час моего рождения во дворец слетелось множество фей, и они даровали мне все совершенства, какие только могут украсить принца. В их честь отец дал роскошный пир. Но в тот самый миг, когда должно было начаться торжество, в пиршественной зале вдруг потемнело. Ее наполнил черный дым, и отец почувствовал, как невидимая рука подняла его на воздух. Феи сразу поняли, что его схватила злая колдунья Чернобрада, но они были невластны над нею. Зная ее жестокий нрав, они только жалели отца. Он же вскоре снова очутился на прежнем месте, но страдание так изменило его черты, что его едва можно было узнать. Однако тщетно расспрашивали его феи о том, что же услышал он от Чернобрады, – он не мог или не смел ничего сказать и лишь рыдал в страшном горе. Чернобрада под страхом самых страшных кар запретила ему передавать ее слова кому-либо, кроме меня.

Король заботливо следил за моим воспитанием, но то, что другим отцам доставляет радость, только увеличивало его боль. С тоской смотрел он, как я взрослею. И чем успешнее усваивал я все, чему меня учили, тем больше он скорбел и плакал. Наконец однажды, когда мне исполнилось девятнадцать лет, отец повел меня к морю. Всю дорогу он молчал, я же шел за ним с трепетом: никогда еще не видел я его таким опечаленным. Дойдя до леса, он нежно обнял меня и сказал:

– Бегите, сын мой, бегите из этой страны, где вы на горе себе увидели свет. Пришло время нам расстаться. Я скрыл ваш отъезд от наших подданных: они могли бы воспротивиться этому и, желая спасти вас, погибли бы сами. Бегите же, сын мой! Пройдите через этот лес, и вы увидите в море корабль, который я снарядил для вас. Сам я не могу показаться на глаза тем, кого назначил вам в спутники: заметив мое отчаяние, они могут что-нибудь заподозрить. Плывите скорее куда глаза глядят. Вот вам шкатулка, но не открывайте ее, пока не минет год с тех пор, как вы покинули родину. Говоря все это, он прижимал меня к себе и обливался слезами. Я был так потрясен, что едва нашел силы броситься ему на шею.

– Что мне грозит? – вскричал я. – Что может быть хуже смерти?

[113]Но если я должен умереть, позвольте мне, отец мой, умереть в ваших объятиях.

– Бегите, – отвечал он, – я, ваш отец, умоляю вас: бегите отсюда, и чем дальше, тем лучше.

С этими словами он высвободился из моих объятий и бросился в чашу леса. Я же стоял как громом пораженный и не мог сделать и шагу, чтобы догнать его. А когда спустя несколько мгновений пришел в себя, то, сколько ни искал, нигде не нашел его. Готовый к отплытию корабль в самом деле стоял у берега. Ждали только меня. Отец сказал моим спутникам, что я отправляюсь к островам Благоденствия, расположенным неподалеку от нашего острова. Что ж, вознеся богам молитву о продлении дней моего родителя, я взошел на корабль. Мы взяли курс на острова Благоденствия, но вскоре подул противный ветер и отнес корабль к незнакомому острову, где нам пришлось бросить якорь. Нужно было исправить повреждения, которые нанесла судну буря. Я сошел на землю и очутился в волшебной стране. Ни скал, ни рифов, кругом ровный, отрадный для глаз берег, все дышит покоем: померанцевые аллеи, как лучи, сходятся к виднеющемуся вдалеке городу; аллеи эти прорезают широкие каналы, окаймленные клумбами анемонов, нарциссов, ирисов и тюльпанов. Все это великолепие разбудило во мне любопытство. Я пошел по одной из аллей и увидел идущего со стороны города человека в необычном одеянии. Я поспешил ему навстречу. Поверх кафтана из роскошнейшей ткани на нем была надета длинная, до земли, распахнутая спереди мантия с широкими рукавами, на голове – расшитый драгоценными камнями колпак, в одной руке он держал книгу, в другой – золотой жезл. Увидев незнакомого человека, он остановился, внимательно оглядел меня и заговорил:

– Иди за мной, юный чужестранец. Раз буря занесла тебя на этот остров, воспользуйся кратким временем, которое ты сможешь провести у нас.

Я почувствовал, что меня словно увлекает некая неведомая сила, и пошел за незнакомцем. Он повел меня к городу. А по дороге рассказал о жизни здешних обитателей.

– Наш остров, – говорил он, – на котором собрано все, что только есть в природе самого диковинного, называется островом Белой Магии. Число его жителей всегда неизменно. Среди нас нет соперничества, все мы одинаково могучи и живем в согласии, ибо нам не ведомы ни зависть, ни корысть. Мы все родились в один день и в один день умрем. У каждого из нас есть по одному сыну, но наши дети и жены живут не здесь. В двадцать пять лет все мы женимся на прекраснейших в мире принцессах. Подвластные нам духи приносят нам со всех концов света их портреты, и каждый выбирает себе невесту. В один и тот же день наши жены рожают сыновей и растят их до двадцати пяти лет. Мы же к тому времени достигаем пятидесятилетнего возраста, когда наступает срок отречься от земных радостей и когда все мы должны умереть. Тогда мы призываем на остров своих жен и сыновей. Сыновьям передаем волшебную книгу и жезл и сходим в могилу вместе с женами, [114] которым любовь велит следовать за нами в царство вечного мрака. Как раз сегодня наступил этот день, так что очень скоро солнце, небо и свет дня померкнут для меня, я исчезну из жизни и кану в небытие. Между тем мы уже подошли к городу. Повсюду высились мраморные палаты, чудо зодческого искусства. Мы прошли город из конца в конец, а затем мой спутник привел меня на вершину горы, с которой можно было обозреть весь остров. Тут он обнял меня и сказал:

– Данной мне волшебной силой я могу открыть тебе твое будущее, но лишь отчасти. Может статься, это уберезит тебя от грядущих бед. Он начертил на земле круг своим жезлом и велел мне встать в середину, открыл книгу, трижды взмахнул жезлом, и вокруг меня за клубился туман. Он становился все гуще и гуще, так что я уже не видел ни неба, ни земли, когда же мрак рассеялся, то, к вящему моему удивлению, все, что окружало меня прежде, исчезло: не было больше ни мага, ни горы, где я стоял, ни самого острова. Я плыл по морю на потрепанном бурей судне, борясь с высокими волнами, но вот мой корабль разбился о скалы, а я упал в воду и пошел ко дну. Под водою я увидел стаю морских чудищ, которые при моем приближении уплыли прочь, оставив принцессу дивной красоты, которую я подхватил на руки. Прелестное лицо ее было бледно, а глаза закрывались от страха, но едва она увидела меня, как румянец заиграл на ее щеках. Никогда в жизни не видел я девушки прекраснее. Но не успела она поблагодарить меня за спасение, как еще одно чудовище, страшнее прежних, вырвало ее у меня. Я рванулся, чтобы освободить ее из мерзких лап, но тут все померкло и пропало. Туман мало-помалу рассеялся, и вот я снова стоял рядом с магом на вершине горы. О, как я сожалел, что волшебство так скоро кончилось. Я был во власти чар принцессы и желал, чтобы это видение никогда не исчезало. В сердце моем уже загорелась любовь. С восторгом вспоминал я пленительный образ, который с тех пор стал причиной многих страданий. Боясь пошевелиться, снова и снова мысленно рисовал каждую черточку промелькнувшего передо мной неотразимо прекрасного лица. Несчастный, я не знал еще, что любовь навек запечатлела их в моей душе. Я стал умолять мага сказать мне, возможно ли, чтобы боги на самом деле создали земную женщину столь дивной красоты, что она похитила у них, бессмертных, почести, которые лишь им и воздаются, или же это только наваждение. И он ответил мне в таких выражениях:

Живет равнин текучих на краю
Принцесса, чьи черты тебе так милы.
Настанет час – узришь любовь свою
Скорбящей у своей могилы.

– Как долго еще назначили мне боги влачить земное существование и для чего не оборвут они жалкую нить моей жизни, коль скоро моей тени будет даровано блаженство узреть та-, кую дивную красу! И если, чтобы жить, надо отказаться от счастья видеть ту, кого я боготворю, то не лучше ль умереть! Захваченный внезапно вспыхнувшей страстью, я не сразу заметил отсутствие моего спутника. Он шел к близлежащему лесу, и я скоро догнал его. Здесь росли мирты, струившие до небес нежное благоуханье. Весь лес состоял из множества одинаковых аллей, а в промежутках между миртами располагались черные мраморные надгробия и великолепные белые статуи.

– Здесь, – промолвил волшебник, – могилы всех наших предков. В каждой аллее ровно столько могил, сколько жителей на острове, так что каждое поколение заполняет новый ряд.

Я обошел аллею, где покоились первые маги. Тишина царила здесь, и все: неподвижные мирты, чьи листья никогда не колышет даже легчайший ветерок, гробницы, равно отстоящие друг от друга, – все внушало священный трепет. Наконец мы добрались до аллеи со свежевыкопанными пустыми могилами. На мой недоуменный вопрос маг сказал, что эти могилы предназначены для ныне живущих на острове, и объяснил, что вскоре я стану свидетелем того, как одно поколение сменяется другим. В тот же миг вокруг потемнело,

загрохотало, земля задрожала под ногами, но вскоре же все стихло, и я увидел множество летящих по воздуху колесниц. Одна за другой они опускались на нашу аллею, и из каждой выходила принцесса, держа за руку юношу. Они направлялись к могилам, на краю которых уже сидели маги. После прощальных объятий отцы передавали сыновьям волшебный жезл и книгу и сходили в могилы вместе со своими женами (ибо прибывшие принцессы и были супругами магов), и наконец все могилы одновременно сомкнулись. Тогда ко мне подошел сын того волшебника, который сопутствовал мне, и сказал, что мне больше нельзя оставаться здесь и я должен покинуть остров, так как сейчас начнутся тайные обряды в честь усопших отцов, запретные для глаз непосвященных. Расставаясь со мною, он заключил меня в объятия и подарил портрет принцессы, которую я видел в глубине моря. Стоило мне взглянуть на это так поразившее меня лицо, как рана в моем сердце открылась вновь. То был драгоценный подарок, и я жадно глядел на портрет все время, пока шел назад к берегу моря. Взойдя на корабль, я все еще не мог оторвать от него глаз, каждый день осыпал его поцелуями, и страсть моя разгоралась все сильнее. Наконец я решил объехать весь свет, лишь бы отыскать ту, что была на нем изображена. Пошла вторая неделя нашего плавания, когда снова налетела буря, подхватила корабль, и он снова долго носился по необозримым морским просторам. Когда же, не выдержав натиска стихий, он дал течь, мы попытались доплыть до видневшегося вдаль острова. Но великие боги! Уж лучше бы нам было захлебнуться и пойти ко дну, чем выйти на этот роковой берег. Там жили дикари, которые зарезали всех моих спутников. Я видел чаши, наполненные их кровью, которые эти изверги приготовили для пира. Меня же оставили как лакомую пищу для их гнусного короля. Уже собралось в лесу, на поляне, где обычно проходят пиры, все племя, уже король замахнулся ножом, чтобы перерезать мне горло, но вдруг свалился к моим ногам мертвым. Дикари с изумлением воззрились на это чудо и тут же разделили участь своего монарха. Все они испустили дух у меня на глазах. Опасаясь, как бы не явились новые, я наспех вооружился и бросился в лес. Там, размышляя о своих злоключениях, я вспомнил о шкатулке, которую дал мне отец, и велел открыть через год после отплытия от родных берегов. Сосчитав дни, я убедился, что с тех пор истек ровно год, достал шкатулку и открыл ее.

В этом месте принцесса острова Ночи прервала принца Аквамарина, ибо услышала звуки труб, флейт и барабанов. – Я с состраданием следила за вашим горестным рассказом, – сказала она, – и жажду услышать, что было с вами дальше, но я вынуждена прервать нашу беседу, как бы приятна она мне ни была, потому что сюда приближается лодка короля. Перейдите в другую комнату, принц, и позвольте мне надеяться, что, как только отец удалится, вы, ничего не упуская, доведете до конца рассказ о ваших приключениях.

Промолвив это, принцесса вышла на балкон башни навстречу отцу. – Сюда, ко мне, дочь моя! – воскликнул король. – Настал конец нашим страданиям. Боги, которых я ежедневно вопрошаю, возвестили сегодня, что угроза миновала! Придите же в объятия отца, я так долго ждал этой минуты! И, покинув башню, принцесса взошла в лодку. Отец с дочерью нежно обнялись, хотя и не видели друг друга в беспросветной темноте. Гребцы направили лодку к берегу, откуда слышалась музыка, громкое пение и восторженные крики – это народ встречал принцессу. Что до нее самой, то она предпочла бы по временить с возвращением и дослушать рассказ принца Аквамарина, но не смела признаться отцу, ведь оракул сулил ей страшные несчастья, если она пустит кого-нибудь в башню. И она сошла на остров Ночи. Впервые глаза ее увидели свет: всюду на острове стояли высокие мраморные колонны, на которых в бронзовых сосудах, наполненных никогда не иссякающей горючей жидкостью, пылали огни. Не будь их, на острове всегда царил бы мрак. Принцессу повели в столицу по еловой аллее, освещенной такими же неугасимыми фонарями, укрепленными на ветвях деревьев. У ворот королевского дворца тоже стояли светильники, и равного этому дворцу не было в мире. Он весь переливался огнями, и даже на крыше сияли яркие плоски. Дворцовый парк также всегда был усеян огнями. Принцесса поднялась на верхнюю террасу дворца, чтобы полюбоваться всем островом. Все это освещение было делом рук феи, покровительницы здешних мест, которая постаралась исправить таким способом допущенную природой несправедливость.

С изумлением смотрела принцесса, как велик и роскошно отстроен город. Видела она и окружающие столицу высокие стены, и ее окрестности. Повсюду: на стенах, на каждом дереве – горели волшебные светильники, так что леса и холмы были подобны созвездиям, излучающим мягкий, приятный свет. У принцессы разбежались глаза при виде этой россыпи огней, но в еще большей растерянности пребывала ее душа. Принц Аквамарин занимал ее мысли. С сожалением думала она о том, что так и не узнала, чем кончилась его история. И хотя она не видела его, но он уже внушал ей нечто большее,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
нежели простое любопытство. «Принц, которого феи наградили всеми мыслимыми совершенствами, – рассуждала она, – должен быть весьма пригож». И ей очень хотелось взглянуть на него. Увы! Знай принцесса, что это желание грозит ей смертью, это, верно, умерило бы ее пыл. Но как было вернуться в Темную башню тайком от отца, да и какой в том был прок? Ведь увозить с острова даже самый маленький огонек было строжайше запрещено. Так что она могла бы только разговаривать с принцем. И все равно она пыталась представить себе, каков же он собой. Как-то раз, гуляя в дальнем конце дворцового парка, она раздумывала о том, что рассказал ей принц Аквамарин, а также о своей судьбе: о том, как, по велению феи, она должна была безвылазно жить в Темной башне до тех пор, пока ее не освободит некое чудовище, которое убивает одним своим видом – уж не принц ли этот ее освободитель? Ни сама принцесса, ни ее отец, каждый день вопрошавший богов, когда кончится затворничество дочери, не могли уразуметь, что это за страшилище смертоносного вида, но вот теперь оракул возвестил, что настал день избавленья. И радость принцессы отравляли подозрения. «Как, – думала она, – неужто принц, которого я воображала таким обворожительным, и есть то самое ужасающее создание? Зачем же тогда я стремлюсь увидеть его? Да, это, несомненно, он, ведь оракул не мог ошибиться!» Эти рассуждения совсем было отбили у принцессы охоту наведаться в Темную башню. Но вот она дошла до ворот некоего святилища. То был храм Морфея. Принцесса прошла великолепной галереей, затем отделанным порфиром и мрамором коридором и наконец попала в само святилище. В глубине его, перед изваянием бога, изображенного спящим, положив руку под голову, постоянно курились тончайшие благовония. По всему залу были устроены заманчивые лежа из трав и цветов, а посредине стоял жертвенник, на котором лежали охапки маков [115]– единственное подношение, которое принимал этот бог. Лишь только пришедший сюда возлагал на алтарь эти цветы, как по жилам его разливалась непреодолимая дрема. Глаза его сами собою закрывались, он погружался в забытие, и во сне ему открывалось то, что он хотел бы узнать. Принцесса тоже положила перед Морфеем маки и, почувствовав, что ноги ее подгибаются, легла на ложе из фиалок и уснула, желая увидеть в вещем сне принца Аквамарина. Едва сомкнулись ее очи, как бог сновидений явился ей в облике принца Аквамарина. Увидев прекрасного юношу, совсем не похожего на мерещившееся ей страшилище, принцесса тотчас проснулась.
– О боги! – воскликнула она. – Возможно ли, чтобы смертный человек превосходил красотой небожителей!

Думая, что все еще спит, она стала искать принца глазами, но бесплотный призрак уже ускользнул. Принцесса была раздосадована тем, каким мимолетным оказался сон. Она поднесла Морфею еще маков. Устремив на изваяние бога страждущий взор, она молила его вернуть ей милое сердцу виденье, но чудо даровалось лишь единожды. Напрасно замирала она в надежде – Морфей не внял ее мольбам и лишь сам уснул, убаюканный ими. Принцесса покинула храм, горя желанием увидеть принца. Любовь овладела ее сердцем. Она уже не принадлежала себе, не могла думать ни о чем другом и, отдавшись сладостным мечтам, брела по лесу, сам не зная куда, предоставив случаю направлять ее стопы. Нежданно-негаданно вышла она на берег моря, к тому самому месту, где стояла лодка, на которой она приплыла из Темной башни. Увидев ее, принцесса сразу поняла, что нужно делать: скорее плыть в башню и уговорить принца явиться ко двору ее отца. Она взошла в лодку и, перебирая руками протянутую до самой башни веревку, быстро добралась до цели. Из башни доносился голос принца Аквамарина, и его пению вторили эхом скалы:

Твоя, о море, мирная волна
Лобзает сонный берег, твой лик открыт и светел,
Но вдруг гроза и буйный ветер
Покой смутят, прогонят негу сна.
Грохочет в тучах гром, сверкает огонь небесный,
И вторит грому рев валов,
Ты берег покинуть жаждешь тесный,
Достав до звезд и сушу расколов.
Не так ли настигает нас любовь,
От безмятежной дремы душу пробуждает,
Огонь желанья зажигает,
И в сердце мир не воцарится вновь.
Но ярость грозных волн на вспененном просторе,
Вой ветра, рваных туч хаос –
Подобье слабое, о море,
Бушующих в груди любовных гроз.

– Какое зло причинила вам любовь, принц? – сказала принцесса острова Ночи. – И какие еще приключения вы пережили? Я пришла дослушать ваш рассказ, говорите же. Море спокойно, оно затаило дыхание, словно жаждет со

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
мною вместе узнать, какова была ваша дальнейшая судьба.

Принц Аквамарин был счастлив тем, что принцесса вернулась: тайный голос шептал ему, что она и есть та красавица, которую показал ему маг и по которой изнывало его сердце. Он возобновил прерванный рассказ:

– Итак, в чаще леса, у водопада, я, трепеща, открыл шкатулку, которую дал мне отец. В ней было письмо. Отец собственноручно сообщал мне жестокий приговор.

И принц слово в слово пересказал принцессе содержание письма; она узнала, что злая фея Чернобрада, враждовавшая с его отцом, обрекла его убивать своим видом каждого, кто посмотрит на него.

– Не могу передать вам, – продолжал принц, – что стало со мною, когда я дочитал письмо. Первой моей мыслью было броситься прямо в пропасть. Но какая-то сила удерживала меня, и я понял, что мне не дано умереть. Теперь я знал, почему все дикари умерли, едва взглянув на меня, и даже благодарил небо за то, что мое появление здесь избавило мир от таких бесчеловечных выродков. Я обследовал остров и увидел такое, что привело меня в ужас. Наконец я нашел себе пещеру и зажил там, добывая пищу охотой и рыбной ловлей и проводя время в прогулках вдоль морского берега; единственной же радостью моей было смотреть на портрет принцессы, которую я любил все больше и больше. Ни днем, ни ночью не расставался я с портретом. Засыпал с ним в руках, а просыпаясь, вновь видел его перед собой. Время от времени я отправлялся на соседний остров, покрытый померанцевыми рощами. И вот однажды я там заснул, и, пока я спал, море разволновалось; я же неосторожно решил все-таки вернуться к себе на остров. Лодку мою подхватил ветер и унес в открытое море; много дней носилась она по волнам, пока не разбилась у стен этой башни, и тут вы спасли меня.

– О принц! – воскликнула принцесса острова Ночи. – Значит, если я посмотрю на вас, это будет стоит мне жизни?

– А я с радостью отдал бы свою за то, чтобы увидеть вас хотя бы на миг, – отвечал принц. – Время бессильно стереть прекрасный образ той, что я видел в морских глубинах. Он навек запечатлен в моей душе. И я уверен: принцесса, которую я так люблю, это вы. За что такие терзання, о боги! Я не могу взглянуть на свою возлюбленную, ибо мой вид убьет ее!

– Не вы один на свете столь несчастны, – сказала принцесса. – Не знать, кого любишь, еще не так страшно, куда хуже знать и любить, не имея возможности увидеть.

Смысл сказанного принцессой остался неясен для принца. Ведь он не мог проникнуть в ее сердце и потому не придавал значения вырвавшимся у нее словам. Теперь настал его черед просить принцессу рассказать, почему она жила в Темной башне. И принцесса поведала ему, что, едва она родилась на свет, как к ее колыбели была призвана фея, покровительница острова, а та велела во избежание беды держать ее в этой башне до того дня, когда явится чудище, убивающее одним своим видом, и освободит ее. Не удержавшись, принцесса рассказала принцу Аквамарину также и о том, как любопытство привело ее в храм Морфея, и, опасаясь, как бы ее любовь не выдала себя окончательно, поспешила покинуть башню.

Вернувшись во дворец, принцесса объяснила королю, как следовало понимать предсказание феи о таинственном страшилице, убивающем своим видом, и рассказала ему историю принца Аквамарина. Король, растроганный горестной судьбой скитальца, приказал доставить ему в башню все необходимое для жизни. Иногда он вдвоем с дочерью отправлялся побеседовать с принцем, и они старались скрасить его существование в темнице. Однако, заботясь об успокоении принца, принцесса острова Ночи сама потеряла покой. Не в силах больше таить в себе свою любовь, она убегала в лесные дебри, чтобы громко кричать о ней; голос ее срывался, а речи порою были бессвязны; в глазах ее горел мрачный огонь, лицо утратило яркие краски – словом, красота ее потускнела так, что в ней с трудом можно было признать прежнюю принцессу. Наконец она поняла, что не может больше противиться своему чувству и должна признаться в нем тому, кто покорила ее. С такими мыслями отправилась она однажды в Темную башню. Чем ближе подплывала лодка, тем сильнее билось сердце принцессы. Достигнув стен башни, она принялась звать принца. Но он, обычно спешивший на первый же зов, на этот раз не откликнулся – принцесса испугалась. Она звала снова и снова, но ответа все не было. Проникнуть в башню без лестницы было невозможно, поэтому принцессе пришлось вернуться на остров, дожидаться, пока служанка принесет лестницу, и лишь тогда она смогла забраться внутрь башни – уж она-то знала здесь каждый уголок. Увы! Ей не пришлось долго искать. Едва ступив на балкон, она ощутила под ногой чье-то тело. Она нагнулась и ощупала его: то был бездыханный, холодный как лед труп. Принцесса ни на миг не усомнилась в том, что это принц Аквамарин.

– О небо! – вскричала она. – Мой возлюбленный мертв!

И захлебнулась безудержными рыданиями. Но делать нечего, принцесса наконец

оторвалась от тела принца, приказала невольнику перевезти его на остров и устроила пышное погребение. Для могилы она выбрала место в кипарисовой роще на берегу моря. Тело сожгли на большом костре. Пепел же принцесса собрала сама, положила в урну, сделанную из цельного изумруда, и захоронила. На могиле установили надгробие из черного мрамора, украшенное четырьмя бронзовыми статуями. Надпись на нем, сделанная золотыми буквами, гласила:

Тот, что по воле феи злой
Был осужден изгнание терпеть;

Его увидев, умереть

На месте должен был любой.

Но, чтоб хоть раз тебя узреть,

Я отдала бы жизнь, любимый мой.

Около этой гробницы принцесса проводила все время, свободное от придворных церемоний. Теперь она не боялась признаться в своей любви к принцу Аквамарино и говорила о ней во весь голос ручьям и прудам, нарушая лесное безмолвие вздохами и стенаньями. Итак, принцесса думала, что принца больше нет на свете. Но напрасно она сокрушалась, напрасно оплакивала его! Принц Аквамарино был жив. Вот как все произошло: о том, что дочь короля острова Ночи живет в башне посреди моря, прослышали пираты и, надеясь получить крупный выкуп, решили ее похитить; однако вместо принцессы они нашли в башне принца Аквамарино; он отчаянно сопротивлялся, но одолеть пиратов в одиночку не смог и должен был покориться силе. Первого из нападавших принц задушил, остальные же набросились на него скопом, схватили, привязали к мачте своего корабля и подняли паруса. Так он был принужден покинуть башню, где наслаждался обществом принцессы.

Пиратам не долго пришлось ждать наказания за свою дерзость: как только корабль миновал область вечного мрака, окружавшую остров Ночи, и заблестали первые лучи солнца, все они попадали мертвыми, увидев принца Аквамарино. Однако положение принца оставалось незавидным. Привязанный к мачте, он был обречен на голодную смерть и не мог рассчитывать на помощь, ибо любой, кто заметил бы его, тотчас же погиб бы сам. Корабль плыл, куда нес его ветер. Наконец он наткнулся на песчаную мель и повалился на бок. Рядом возвышался до самого неба неприступный утес. Принцу не оставалось ничего другого, как только дожидаться близкого конца. Но даже чувствуя дыхание смерти, он думал лишь о своей принцессе. Силы его убывали, свет померк в глазах, он уже ничего не видел и безжизненно поник. Долго длилось его забытье, но все же он очнулся. Каково же было его удивление, когда, придя в себя, он увидел, что лежит на лугу! Он попытался встать, но не смог – не хватило сил. Тщетно гадал он, как очутился здесь, и вдруг увидел незнакомку с корзиной фруктов в руках.

– Бедный принц, – заговорила она, подойдя к нему, – еще не настал конец вашей жизни, которую боги оберегают, несмотря на заклятье феи Чернобрады. Услышав ненавистное имя, принц чуть было снова не лишился чувств, но незнакомка продолжала:

– Я фея, живу на этом скалистом острове, к которому принесло ваш корабль. Гуляя здесь на лугу, я сверху увидела вас, мне стало вас жаль, и я вызволила и перенесла вас сюда. Феи всеведущи, и мне известна ваша судьба. Я знаю и ваши сокровенные мысли. Знаю, что вы влюблены в принцессу и что приговор судьбы мешает вам увидеть друг друга, ибо это грозит смертью вашей возлюбленной, но знаю также, что придет день, когда ваши беды кончатся. Эти обнадеживающие слова вполне вернули принца к жизни. Он встал на колени перед своей избавительницей.

– Встаньте, принц, – приказала фея. – Вам дозволено остаться здесь всего на один день, а я хочу многое показать вам.

Они углубились в лес, окаймлявший луг, и вскоре очутились перед медными воротами необычайной толщины. Еще не дойдя до них, принц услышал душераздирающие вопли, а подойдя, прочел такую надпись:

Фея прикоснулась волшебным жезлом к воротам, и они распахнулись. Принц вошел и увидел большую площадку, обнесенную железной решеткой. Множество ручьев с прозрачной, как стекло, водой, протекало по ней, а над ними склонились принцы и принцессы – их было столько, что и не счесть, – и, казалось, пристально разглядывали что-то. Судя по всему, то, что они видели, причиняло им жестокую муку: они жалобно кричали, но оторваться не могли.

Принц Аквамарино спросил у феи, что все это означает.

[116]

– Здесь, – отвечала она, – Любовь карает тех, кто согрешил против нее. Неверные любовники постоянно видят в ручье, как их новые подруги вкушают блаженство в объятиях другого и смеются над их страданиями. Они покинули своих прежних возлюбленных ради новых, пожертвовав счастьем взаимной любви, а те предали и презрели их самих, и теперь они терзаются раскаянием и яростью. Такое наказание определено им навечно. Ревнивам ясно

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
представляется все то, что еще распяляет их ревность. Ветреники обретают постоянство, но зато беспрестанно видят, как их бесстыдно предадут те, кому они верили. Словом, каждый испытывает на себе боль, которую причинял другому, и пыткам этим не будет конца.

Наконец они покинули это страшное место, фея отвела принца к скале, близ которой он потерпел бедствие, и сказала:
– Любовь доверила мне не только карать изменников, но и вознаграждать верных влюбленных. Правда, я не могу снять с вас проклятье Чернобрады, но вот эта волшебная палочка выручит вас там, где без нее вы бы пропали. Стоит три раза повернуть ее, и все, кого вы пожелаете усыпить, тут же заснут, если же вы повернете ее в другую сторону, сон так же быстро отлетит от них. А это значит, что вы сможете, когда захотите, появляться среди людей, не убивая их, ведь они не будут смотреть на вас. По это еще не все: корабль, на котором вы прибыли сюда, отныне будет сам направляться, куда вы ему прикажете. А теперь прощайте, принц, и верно служите Любви, помните, что это божество никогда не оставляет тех, кто истинно ему привержен.

Разумеется, принц, только и думавший о принцессе острова Ночи, велел кораблю плыть к Темной башне, туда, где царил беспросветный мрак, но где он мог хотя бы внимать голосу своей возлюбленной. Когда же корабль пристал к башне, он бросился в воду и вплавь достиг берега острова в том месте, где к нему подходит кипарисовая роща. Пробираясь от дерева к дереву и от куста к кусту, он набрел на гробницу и прочел надпись на ней:
Озадаченный, принц стоял у могилы, не зная, что подумать, пока какой-то шум не вывел его из оцепенения и не заставил спрятаться, чтобы его никто не увидел. Шум приближался – то была колесница принцессы. С первого же взгляда принц признал в ней ту, что была нарисована на портрете. Она сошла на землю, подошла к надгробию, припала к нему и оросила слезами.

Принц решил, что, не найдя его в башне, принцесса сочла его мертвым. Укрытый густым кустарником, он жадно разглядывал принцессу, с радостью убеждаясь, что портрет и оригинал схожи, как две капли воды. Тут в памяти его всплыло предсказание мага о том, что он увидит желанную принцессу лишь у своего надгробья. Все так и случилось, и он не только видит ее, но и уверен в том, что она его любит. Никогда еще проклятье Чернобрады не казалось ему столь обременительным. С каким восторгом бросился бы он к ногам принцессы, не удерживая его страх послужить причиной ее смерти. Боясь, как бы она не обернулась в его сторону, он старался не дышать. Какой влюбленный выдержит такую муку: найти свою возлюбленную после долгих-долгих поисков и прятаться от ее взоров. К тому же принц не мог известить принцессу о том, что он вернулся. Впрочем, как ни велики были его терзания, но принцесса горевала еще больше. Она обливалась слезами и никак не могла оторваться от дорогой гробницы. Тут-то принц и вспомнил о волшебной палочке, подарке феи. Пустив ее в ход, он усыпил принцессу, вышел из своего убежища и приписал на памятнике такие слова:
Грустна, как прежде, и по-прежнему верна,
Явилась тень моя развеять ваше горе.
Скорей туда, где башня тьмы возведена, –
И обретете радость вскоре.

Принц мог бы еще долго с упоением разглядывать прелестную принцессу, если бы не страх: он еще не был уверен в надежности волшебной палочки. Поэтому он оторвался от сладостного созерцания, расколдовал принцессу и помчался снова на берег. Вскоре он уже снова сидел в Темной башне, снедаемый любовной тоской.

Как только над остальным миром забрезжила заря, принцесса острова Ночи вышла из дворца и направилась к могиле мнимого принца Аквамарина. Строки, написанные накануне рукою настоящего принца, бросились ей в глаза. Радостное волнение охватило принцессу при мысли, что она сможет еще раз поговорить со своим возлюбленным, и, сгорая от нетерпения, она словно на крыльях полетела на берег, села в лодку и поплыла к заветной башне. А принц, услышав плеск воды о борта приближающейся лодки, возликовал душой. Потекла долгая беседа. Уверенная, что говорит с тенью, принцесса без смущения открыла свое сердце. Принц узнал, как велика ее любовь и ее скорбь о его кончине.

И тогда он не выдержал и рассказал принцессе все, как было на самом деле: как на него напали и захватили в плен пираты, хотя он боролся один против всех и даже убил одного разбойника – его-то останки принцесса и удостоила пышного погребения; как он, привязанный к мачте, чуть не умер от голода и как его спасла фея. Услышав все это, принцесса почувствовала, что принц стал ей еще дороже. Разве не вытерпел он столько мук ради нее? И разве не справедливо было бы вознаградить его за это всей нежностью ее любящего сердца? Влюбленные поклялись друг другу в вечной верности. Принцесса покинула башню и вернулась во дворец бесконечно счастливая тем, что вновь

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
обрела своего милого друга. С тех пор не проходило дня, чтобы она не наведалась в Темную башню. Они любили друг друга с одинаковым пылом и были так счастливы, как только могут быть счастливы смертные. Они разговаривали часами и не могли наговориться в досталь. И хотя принц Аквамарин страдал от того, что лишен возможности видеть принцессу, но его согревала надежда на то, что в один прекрасный день все его беды кончатся, как было обещано феей. Он любил и был любим, и это заменяло ему все на свете. Но завистливая судьба не дала продлиться их счастью и обрушила на них новые несчастья. Однажды, когда принцесса в своем легком челноке была на полпути к башне, ее застигла буря, разыгравшаяся так внезапно, что она не успела ни вернуться назад, ни доплыть до башни. Высокая волна захлестнула и опрокинула лодку. Принцесса закричала от ужаса так громко, что поджидавший ее принц Аквамарин услышал и не медля прыгнул в воду, поняв, что принцесса тонет. Он так торопился прийти ей на помощь, что забыл взять с собою волшебную палочку. Плыть пришлось долго, так как принцессу уносило все дальше в море. Принц плыл на ее крики, но они внезапно оборвались, и он подумал, что принцесса утонула. Представьте себе его отчаяние! Он боролся с волнами, собрав последние силы, и вот увидел принцессу на поверхности воды, она не шевелилась и казалась мертвой. Принц притянул ее к себе и направился к ближайшему из двух видневшихся вдаль островков. Больше всего он боялся, как бы принцесса не пришла в себя. Случись это, и ее бы уже ничто не спасло от смерти, а потому, чуть только вытащив ее на берег, принц принужден был оставить ее в таком плачевном состоянии. Все равно привести ее в чувство он не мог – услуга обернулась бы для нее гибелью, а так оставалась, по крайней мере, надежда, что ей окажет помощь кто-нибудь другой. Он спрятался поблизости в пещере, откуда мог, не будучи замеченным, наблюдать за всем происходящим. Не прошло и минуты, как он увидел выходящего из лесу страшного великана. Найдя лежащую без чувств на берегу принцессу, он поглядел на нее, а затем выхватил из-за пояса огромнейшую саблю, ухватил принцессу за волосы, обмотал их вокруг своей ручки и уже собирался обезглавить ее, но крик принца заставил его оглянуться – и в тот же миг он упал мертвым.

То был страшный остров Великанов, где существовал жестокий обычай убивать каждого, кто сюда попадет, будь то случайный странник или жертва кораблекрушения. Принц поднял принцессу и снова пустился вплавь, пока не достиг соседнего острова. Там он положил ее на траву, ковром устилавшую берег, и спрятался в лесу. Как раз в это время случай привел сюда охотившегося в тех местах короля острова. Его поразила красота принцессы, хотя и несколько потускневшая сейчас, когда она лежала в обмороке. Он спешил, позвал слуг и велел отнести принцессу в свой дворец. Принц Аквамарин проводил ее взглядом, приблизиться же не посмел. Лишь когда король и его свита окончательно скрылись из виду, он покинул пещеру. Что за несчастный жребий: другие влюбленные упорно ищут встреч с теми, кого любят, он же должен столь же упорно этих встреч избегать!

Остаться дольше на острове принц не мог – слишком опасен для людей был его вид. И он вернулся в Темную башню, решив взять свою волшебную палочку, поскорее вернуться сюда и забрать принцессу. Но внезапная буря, длившаяся несколько дней, помешала ему сразу же выйти в море. Когда море наконец стихло, принц велел волшебному кораблю, который подарила ему фея, плыть туда, где он оставил принцессу. Сойдя на берег, он трижды повернул волшебную палочку и усыпил весь остров. После этого, ничего не опасаясь, он направился прямо в королевский дворец, но принцессу там не нашел. Самого короля сон настиг в то время, как он, судя по всему, отдавал какие-то распоряжения. Принц обыскал парк, вышел на другой берег острова и увидел там башню. Он пошел к ней. Башню окружала железная ограда. Внизу была темная каморка, куда свет проникал лишь через узенькое зарешеченное окошко. Над ней располагалась вторая такая же, а на самом вершине помещалась стража, охранявшая башню днем и ночью. Принц заглянул через окошко в нижнюю каморку. И кого же, о боги, он увидел – свою принцессу! Она сидела, подперев голову рукой, заплаканная и совершенно измученная.

От жалости у принца едва не разорвалось сердце. Но как узнать, почему принцессу заточили в темницу, – разбудить ее теперь же он не осмеливался! Оставалось только одно: проникнуть в верхнюю каморку, которая, на счастье, оказалась незапертой. Так он и поступил, а затем, трижды повернув палочку в обратную сторону, разбудил одну только принцессу и окликнул ее. Радость принцессы, услышавшей голос своего возлюбленного, не поддается описанию! Что за чудесное пробуждение! Поначалу она решила, что еще спит. Но все же подбежала к окну и вскоре убедилась, что голос принца ей не пригрезился и сам он в той же башне. Как же он здесь очутился? Принцесса хотела спросить об этом принца Аквамарина, но он опередил ее.

– Какой варвар, какой бесчеловечный злодей может держать мою принцессу в

тюрьме? – вскричал принц.

– Как я попала на этот остров, я и сама не знаю, – отвечала принцесса. – Я плыла, как обычно, к вам в Темную башню, как вдруг налетела буря и разбила мою лодку. Я потеряла сознание, а пришла в себя уже здесь благодаря заботам короля. Неведомо как очутилась я в его дворце. Он же говорит, что нашел меня на берегу.

Тогда принц Аквамарин объяснил принцессе, что это он спас ее, рассказав о буре, о кровожадном великане.

– Но за что вас бросили в тюрьму? – снова спросил он. – Какое преступление могла совершить моя принцесса?

– О! – воскликнула принцесса. – Мое преступление заключается в том, что я люблю вас и не захотела изменить клятве быть верной вам до гроба: король предложил мне разделить с ним трон, если я отвечу на его любовь, но ни его просьбы, ни угрозы не могли склонить меня на это. Не добившись ничего добром, жестокий король решил действовать принуждением, навсегда лишив меня свободы. Он приказал заточить меня в эту башню, которую когда-то воздвигла некая фея и которую он один может открыть. Так что никто на свете не может вырвать меня из рук мучителя, но теперь мне ничего не страшно – ведь я снова могу говорить с моим возлюбленным.

– Зато я страшусь за вас, – возразил принц. – Что еще придется вам вытерпеть и как вызволить вас из этого ужасного места?

Когда слова иссякли, влюбленные горько заплакали, но наконец принц Аквамарин вспомнил о короле и разбудил его, чтобы он чего-нибудь не заподозрил. Очнувшись, король устремился в башню, где была заточена принцесса острова Ночи. Он был удивлен настигшим его внезапным сном и понял, что принцессе помогает некая волшебная сила. Но подозрения его утихли, когда он нашел принцессу на прежнем месте. При виде прекрасной пленницы в нем снова разыгралась страсть. Он стал уговаривать ее подчиниться его воле, грозил, что если она будет упорствовать, ей придется еще хуже. Принц Аквамарин слышал его неистовые угрозы. Не раз порывался он предстать перед королем и покарать его смертью за муки, которые он причиняет принцессе. Но что тогда стало бы с нею и с ним самим? Ведь дверь тюрьмы мог открыть только король. И, утолив жажду мести, принц отрезал бы принцессе путь к спасению. Поэтому, смирив гнев во имя любви, он решил отложить наказание короля до того времени, когда принцесса будет на свободе.

Когда король наконец ушел, принц усыпил стражу и они с принцессой придумали план ее освобождения. Затем он вернулся на корабль и направил его к Темной башне, куда как раз в это время явился король острова Ночи, чтобы разделить с принцем скорбь о пропавшей дочери. Принц рассказал ему обо всем, что произошло, и прибавил, что не видит другого средства освободить принцессу, кроме как захватить в плен короля-мучителя и держать его самого в заточении до тех пор, пока он не согласится отпустить свою узницу. Вняв этому совету, король острова Ночи снарядил небольшой отряд, и они отправились на волшебном корабле принца туда, где томилась принцесса. Снова пустив в ход волшебную палочку, принц стремглав помчался к башне. Но напрасно звал он принцессу – ее не было. Принц бросился во дворец, но и там было пусто. Он обыскал весь остров – тщетно. Наконец, поняв, что план похищения сорвался, он вернулся на корабль, где оставил усыпленными короля острова Ночи и его воинов, и приказал волшебному судну плыть туда, где находилась принцесса. Долго плыл по морю корабль, пока не остановился у заросшего густым лесом острова. Вооружившись своей палочкой, принц усыпил всех здешних жителей и направился в город, видневшийся в дальнем конце рассекавшей лес аллеи. Там, на площади перед большим дворцом, он увидел толпу людей – все население острова, – обступившую сложенный на вершине высокий костер. С великим изумлением он увидел, что на самой вершине костра к столбу привязана принцесса, а с нею рядом тот король, что домогался ее любви; пламя уже подступало к их ногам. Он горячо возблагодарил богов, которые привели его сюда как раз вовремя, чтобы успеть спасти принцессу. Отвязав свою возлюбленную и взяв ее на руки, он затем пробудил жителей острова и, представ перед ними, воздал им смертью за их злодеяния. Ибо эти варвары напали на остров, где жила в заточении принцесса, захватили ее и короля и теперь собирались убить их обоих. Явись принц Аквамарин хоть минутой позже – и принцессы уже не было бы в живых. Он отнес ее на корабль, доставил вместе с отцом на остров Ночи, а сам вернулся в Темную башню.

Очнувшись от волшебного сна, принцесса и король поспешили изъяснить свою благодарность принцу Аквамарину. Теперь, когда принцесса была стольким обязана ему, она полюбила его еще сильнее. Стоило ей вновь услышать любимый голос, как она тут же забыла обо всех перенесенных тяготах и муках. Но увы! Счастье не может долго сопутствовать любви.

Неподалеку от острова Ночи лежал другой остров, которым правил сын феи Чернобрады. И был он еще во сто крат зловреднее своей матери. Свет не

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
видывал такого уroda. Это был карлик, а два горба – один спереди, другой сзади – делали его еще безобразнее. Маленькие, глубоко запавшие глаза с вывороченными красными веками, вздернутый нос, спутанные рыжие космы, лоб весь в морщинах, шишках и шрамах, гнилые зубы, бескровные, свисающие до самого подбородка губы, кривые ноги, а сердце еще страшнее, чем все остальное, вместе взятое. Однажды, пролетая над островом Ночи на влекомой драконами колеснице, он заметил принцессу, которая гуляла в дворцовом парке. И она так понравилась ему, что он тотчас спустился на землю и потребовал, чтобы король отдал ее ему в жены. Король ужаснулся, но, страшась коварства и злобы колдуна, пожертвовал дочерью ради своего народа. Он знал могущество сына Чернобрады. Знал, что, если ему откажут, он в отместку уничтожит весь остров. Злополучная принцесса была отдана этому мерзкому горбуну, и он унес ее в свой дворец. Это было похуже всего, что случалось с нею раньше. Все произошло так быстро, что у нее даже не было возможности предупредить принца Аквамарина. Новоявленный жених потребовал, чтобы она следовала за ним немедленно.

Отчаяние принцессы было беспредельно. Не меньшей была и тревога принца Аквамарина. Заподозрить принцессу в неверности он не мог и не знал, как объяснить ее долгое отсутствие. Он предпочел бы смерть мукам неизвестности, но что случилось бы с ним, узнай он, в чьих руках она очутилась!

Супруг запер принцессу на сто замков в бронзовом дворце и стерег ее днем и ночью. Рядом с опочивальней принцессы располагалась комната, в которой он предавался каким-то таинственным занятиям. От принцессы он отходил только затем, чтобы перейти туда, и так круглые сутки. Окон во дворце совсем не было. А освещала его волшебная лампа, которая могла летать по воздуху и светить, где ей прикажут.

Принцесса плакала все дни напролет и с болью в сердце думала о том, в какую тревогу повергло ее исчезновение принца Аквамарина, – она любила его по-прежнему. Но сделать что-нибудь была бессильна.

Злобный карлик не спускал с нее глаз. А в те редкие минуты, когда она оставалась одна, она могла лишь оплакивать свою участь.

Но вот однажды ночью, когда колдун, казалось, спал крепче обычного, принцесса решила разузнать, что же было в той комнате, где он так часто уединялся. Она вытащила у него ключ, тихонько встала и велела волшебной лампе освещать ей дорогу. Выйдя из спальни и проникнув в заветную комнату, она увидела стол, на котором лежала какая-то книга и стояло великое множество флаконов. На каждом был ярлык, и принцесса подошла поближе, чтобы прочитать их. Первый же флакон, который ей попался, содержал, судя по надписи на ярлыке, снотворную жидкость; чтобы усыпить кого-нибудь на сто лет, достаточно было окропить его глаза всего лишь одной ее каплей. Недолго думая, принцесса схватила склянку и на цыпочках, чуть дыша, подошла к постели мужа. Не теряя драгоценного времени на то, чтобы вытаскивать пробку и отсчитывать капли, она просто-напросто разбила флакон об голову ненавистного уroda, усыпив его таким образом не на сто, а на сто миллионов лет. Оставшись госпожой всего дворца, она вернулась в ту, прежнюю комнату, открыла лежащую на столе книгу и принялась читать ее. Оказалось, что все флаконы заключали в себе судьбу разных принцев и принцесс со всех концов света, которых заколдовали фея Чернобрада и ее сын, и что чары продлятся до тех пор, пока не разбит флакон. Она поискала и нашла флакон с судьбой своего возлюбленного, взяла его и, лелея мысль о том, как снимет проклятье с принца Аквамарина, выбежала из дворца колдуна, перебив предварительно все флаконы, кроме одного. В нем была живая вода, притом такая, которая не только воскрешала людей, но и делала их кроткими и добрыми; эту склянку она также прихватила с собою.

Принцесса пустилась по морю прямо к Темной башне. Вернуться на остров к отцу она не решалась, чтобы не прогневать его. Любовь влекла ее туда, где был ее принц.

А уж как обрадовался принц Аквамарин, услышав голос принцессы острова Ночи! По ее просьбе он спустился из башни на палубу ее корабля. Принцесса рассказала ему обо всем, что с нею было, а потом разбила флакон, разрушив чары феи Чернобрады. Между тем корабль, никем не управляемый, отплыл все дальше от Темной башни. Вот уже заблестали лучи солнца и влюбленные наконец-то увидели друг друга. Это счастье заставило их забыть обо всем, и судно, лишенное кормчего, налетело на риф и разбилось. Принц помог принцессе доплыть до недалекого берега, а выбравшись на сушу, узнал тот самый остров людоедов, куда когда-то занесла его буря. Теперь здесь не осталось ни души. Принц показал принцессе поляну, где лежали тела всех населявших прежде остров дикарей, которые умерли, взглянув на него. Их вид пробудил жалость принца, и он предложил принцессе воскресить их с помощью живой воды. Принцесса охотно согласилась. Они сбрызнули волшебной жидкостью мертвых дикарей – те ожили и, утратив свою прежнюю свирепость, признали

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
принца с принцессой своими законными владыками. Вскоре остров, еще недавно наводивший на всех ужас, чудесно преобразился и стал именоваться Счастливым.

Новые волшебные сказки

Принц Семицвет

[117]

Жил-был на свете король; женился он давно, а детей у него все не было. И вот наконец небо послало ему дочь, да такой великой красоты, что он решил назвать ее самым, как он считал, подходящим для нее именем – Милей-чем-фея. Добрый государь не подумал, что подобное имя непременно навлечет на ребенка ненависть грозных фей. И правда: феи, как узнали об этом имени, исполненном гордыни, сейчас же вознамерились схватить ту, что его носила, и если не подвергнуть ее жестоким пыткам, то, по крайней мере, спрятать от людских глаз.

Совершить эту месть поручили самой древней из всех фей. Звали ее Лагрея, и была она такая старая, что у нее остался всего один глаз и один зуб, да и те приходилось на ночь класть в живую воду. К тому же она была такая злая, что занималась лишь одним дурным делом – исполняла все черные и злобные замыслы своих подруг. С ее опытом и злонравием ей ничего не стоило выкрасть Милей-чем-фею. Девочка, которой шел только восьмой год, чуть не умерла от страха, оказавшись одна-одинешенька в лапах такого страшилища. Около часа шли они под землей и наконец очутились в великолепном дворце, окруженном чудными садами; Милей-чем-фея немного приободрилась, особенно когда заметила, что ее кот и песик пришли за нею следом.

Старуха отвела ее в хорошенькую комнатку, где она должна была жить, и строго-настроено наказала поддерживать огонь в камине, чтобы не погас, а еще поручила беречь пуще глаза, чтобы не разбились, две склянки. Сопроводив оба приказания самыми ужасными угрозами, старуха ушла, а девочка осталась, вполне довольная, что может гулять по дворцу и делать всего два дела, притом нетрудных. Несколько лет она примерно исполняла свои обязанности и так привыкла жить одна, что совсем позабыла двор короля, своего отца. Однажды она весело играла у прелестного родника, что находился посреди сада, как вдруг лучи солнца ударили в прозрачные волны и возникла семицветная радуга, такая яркая и красивая, что Милей-чем-фея не поверила своим глазам. Из радуги донесся голос, и его звуки еще больше пленили ее. Казалось, то был голос юноши. Речи его были столь приветливы и приятны, что сами собою рождали представление о привлекательнейшей наружности; но воображение не находило себе опоры – обладатель голоса оставался невидим. Прекрасный Семицвет поведал Милей-чем-фее, что он еще очень молод, что отец его – могущественный король и что Лагрея, дабы отомстить его родителям и причинить им горе, на несколько лет лишила его природного обличья и заперла в этом дворце. Поначалу ему было очень тяжело выносить эти испытания, но теперь, говоря без утайки, он боится, как бы они вдруг не прекратились, ибо ему выпало счастье увидеть Милей-чем-фею, и он осмелился ее полюбить. К этому объяснению добавились и другие, еще более любезные, которые взволновали Милей-чем-фею тем сильнее, что услада нежных, манящих слов была ей в новинку.

Принц мог появляться и вести разговор лишь в виде семицветной радуги.

Значит, для желанного явления было необходимо, чтобы вышло солнце и лучи его попали в воду. Милей-чем-фея не упускала ни одного случая повидать своего возлюбленного. Однажды их беседа оказалась такой интересной, минуты пролетели так быстро, что доверенный ей огонь погас.

Лагрея, вернувшись, заметила оплошность и, не выказывая ни малейшего недовольства, с радостью ухватила за этот предлог, чтобы показать прекрасной юной пленнице всю силу своей ярости. Она приказала девочке назавтра поутру отправляться за огнем к Локриносу и снова разжечь погасший камин. Этот Локринос был кровожадное чудовище, он пожирал всех, кто попадался ему на пути, и особенно девушек. Милей-чем-фея с бесконечной кротостью повиновалась приказу и пошла к Локриносу, как на верную смерть, не сумев даже попрощаться с возлюбленным. В лесу какая-то птичка велела ей подобрать в ближайшем роднике камешек, сияющий словно звезда, и использовать его, как придет время. Милей-чем-фея последовала совету и пошла дальше. По счастью, когда она добралась до Локриноса, дома оказалась только его жена, которая, увидев юную принцессу, прониклась к ней состраданием (красота всегда привлекает внимание – в этом одно из великих ее преимуществ); но еще сильнее поразил жену чудовища блеск камня, который принцесса ей поднесла. Одним словом, она дала девушке огня, а в благодарность за красивый камешек подарила другой, сказав, что однажды он может ей пригодиться; и затем отослала ее, не причинив никакого зла. Лагрея была несказанно удивлена и раздосадована такой невероятной удачей, а Милей-чем-фея в нетерпении едва дождалась подходящего момента, чтобы рассказать наконец принцу Семицвету обо всем, что с нею случилось, и о том,

как она рада снова его увидеть. Впрочем, ничего нового он от нее не узнал: ему поведала о происшествии одна фея, его родственница и покровительница. Страхась навлечь новые опасности на предмет своей пылкой любви, принц придумал более удобный, чем прежде, способ встречаться, и не было дня, чтобы Милей-чем-фея им благополучно не воспользовалась. Как велел ей возлюбленный, она ставила на окно своей комнаты тазик с водой; радуга возникала в тазике, словно в роднике, и Милей-чем-фея виделась с возлюбленным, не удаляясь ни от огня, ни от склянок, куда старуха клала на ночь свой зуб и свой глаз. Некоторое время им удавалось пользоваться каждой солнечной минуткой; за нежными беседами дни летели незаметно. Но вот однажды принц Семицвет явился на свидание в глубокой печали. Он узнал, к своему отчаянию, что его вот-вот должны увезти из этих дорогих ему мест, и притом неизвестно куда. Легко представить себе горе наших влюбленных; они постарались не упустить ни единого лучика солнца и назначили свидание на завтра.

Завтра наконец наступило, но погода, к несчастью, была пасмурной. Несколько часов прошло в том нетерпеливом ожидании, что ведомо одной лишь любви, и вот на минуту выглянуло солнце. Милей-чем-фея бросилась к тазу, но в спешке пролила всю приготовленную накануне воду. Другой воды, кроме той, что была в доверенных ей склянках, у нее под рукой не нашлось. Дело шло о том, чтобы в последний раз повидать возлюбленного перед разлукой. Она без колебаний разбила обе склянки, и перед нею возникла радуга. Надобно знать, что дар речи у принца, запрещенный ему, зависел от яркости цветов радуги. Прощание их было исполнено нежности; принц признавался ей в самой искренней и пылкой любви, обещал сделать все, чтобы выволить ее из плена, в котором против своей воли ее оставлял, и соединиться с нею узами брака, моля дать на него согласие. Милей-чем-фея со своей стороны поклялась, что у нее никогда не будет иного супруга, кроме принца, и что она готова пойти на смерть, дабы вновь его разыскать.

Судьба, столь жестоко их разлучившая, не позволила им прощаться дольше. Семицветная радуга пропала, и Милей-чем-фея, в безграничном своем горе готовая на все, пустилась в путь, взяв с собою песика, кота, ветку мирта и камешек, что дала ей жена Локриноса. Есть ли предел храбрости, какую, случись нужда, вселяет в сердце любовь? Ведь иных спутников и иного вожакого, кроме случая да отчаяния, у юной принцессы не было. Лагрея, вернувшись, обнаружила, что пленница бежала, и в бешенстве немедленно устремилась в погоню. Она настигла бедняжку в ту самую минуту, когда та, измученная усталостью, прилегла отдохнуть в пещерке, которой обернулся взятый в дорогу камешек. Лагрея уже приготовилась было схватить Милей-чем-фею, но тут верный песик, охранявший хозяйку, так больно укусил старуху, что она налетела на камни пещеры и сломала свой единственный зуб. Пока она приходила в себя от боли и ярости после таких злоключений, девушка успела убежать довольно далеко. Страх перед столь близкой опасностью заставил ее на время забыть об усталости; но в конце концов она упала, изнемогая, не в силах держаться на ногах.

При этом ветка мирта, что она несла, случайно коснулась земли и превратилась в зеленую беседку. Девушка надеялась спокойно в ней отдохнуть, но Лагрея, одержимая жадной мести, снова пустилась вдогонку за нашей бедной принцессой и появилась перед нею как раз тогда, когда та начала засыпать.

Но кот, забравшийся на ветку беседки, выручил хозяйку не хуже, чем несколько часов назад песик. Он прыгнул прямо в лицо Лагрее, вырвал ее единственный глаз и раз навсегда избавил Милей-чем-фею от преследований безжалостной феи. Однако едва принцесса оправилась от такого потрясения, как почувствовала муки голода и усталости. В ужасающем виде, еле живая, добрела она из последних сил до маленького бело-зеленого домика.

Его хозяйка, прекрасная дама, одетая тоже в белое и зеленое, жила одна и встретила девушку как нельзя лучше. Когда Милей-чем-фея сытно пообедала и выспалась на лучшей в мире постели, дама предсказала ей, что после тяжелых испытаний все ее желания исполнятся. На прощание она поцеловала девушку и дала ей орех, наказав разбить его лишь в крайнем случае. Еще много лишений перенесла Милей-чем-фея, прежде чем оказалась перед точно таким же домиком, где ее встретила точно такая же дама. Она и здесь получила подарок на тех же условиях – только не орех, а золотой гранат. Грустная и усталая, принцесса снова отправилась в путь, полный немислимых тягот, и ее в третий раз приютила хозяйка домика, как две капли воды похожего на те, что ей уже встречались.

Домики эти принадлежали трем сестрам, тоже волшебницам; сестры так походили друг на друга внешностью и нравом, что им захотелось иметь и одинаковые жилища и одежду. Занимались они тем, что помогали всем несчастным: словом, они были столь же кроткими и добрыми, сколь злобной и жестокой была покойная Лагрея. Третья фея утешила Милей-чем-фею, убедив ее не

отступить от своей цели и пообещала, что труды ее будут вознаграждены. С этими словами она подарила девушке флакон из горного хрусталя, приказав не открывать его, пока не подспеет крайняя необходимость. Героиня наша поблагодарила ее с той кротостью и признательностью, что даруются лишь печалью и надеждой, и удалилась в самых приятных раздумьях.

Спустя несколько часов дорога привела ее в чудесный лес. Воздух здесь был свеж, повсюду разливалось сладостное благоухание. Не прошла она и сотни шагов по этому прекрасному лесу, как увидела серебряный замок, который висел между четырьмя громадными деревьями на длинных и толстых серебряных цепях и тихо покачивался от дуновений нежного зефира, чей шелест мог любому навеять мирный сон.

При виде замка надежды Милей-чем-феи на близкий конец своих испытаний удвоились, – видно, то было тайное предчувствие; правда, надежды эти немного ослабли, когда она заметила, что замок висит в воздухе и что в нем нет ни двери, ни окон. Ни на минуту не усомнившись (я так никогда и не узнал почему), что пора использовать подаренный ей орех, она разбила скорлупу, и оттуда выскочил привратник, такой же маленький, как и его темница. С пояса у него свисал на цепочке золотой ключик величиной с полбулавки. Милей-чем-фея поднялась к замку, словно по лестнице, по одной из цепей, касавшейся земли. В руках она держала маленького привратника, который, несмотря на крошечный рост, открыл своим ключиком неприметную глазу дверь, и та сразу выросла, пропуская Милей-чем-фею. Внутри прекрасного замка находился великолепный зал; его освещали прикрепленные к своду потолка золотые звезды и драгоценные камни. Посреди зала висела на золотых веревках дивная кровать с постелью всех семи цветов радуги, покачиваясь вместе с замком и навевая сладкий, крепкий сон.

На этой-то чудесной постели и уснул принц Семицвет, [118]красотой затмевавший все, что его окружало, – уснул после того, как его разлучили с Милей-чем-феей, которую он любил больше всего на свете. Когда бы не колдовство, он бы не знал ни минуты покоя от горя и любви, а при виде возлюбленной мог лишиться рассудка от счастья.

Милей-чем-фея, несмотря на все предчувствия, не решалась целиком предаться созерцанию того, кто, казалось, был хозяином столь необычного и роскошного жилища. Она боялась, что на лице, уже пленившем ее, не отразятся чувства ее любимого и звуки его голоса. Но, не успев еще разобраться в движениях своей души, она самолюбиво обиделась на бесчувственность и безразличие, с которыми ее встретили. Она уже двадцать раз рассказала обо всех выпавших на ее долю тяготах и лишениях, и говорила очень громко, но принц по-прежнему казался спящим. Тогда Милей-чем-фея прибегла к помощи граната: когда она раскрыла плод, зернышки его, маленькие скрипки, поднялись к потолку и тут же заиграли прелестную, нежную и благозвучную мелодию. Принц проснулся, но не до конца – он чуть приоткрыл глаза и сразу стал несравненно прекраснее. Милей-чем-фея, нетерпеливо ожидая, когда принц наконец узнает ее, открыла свой последний подарок – флакон, и оттуда появилась маленькая Сирена. Она заставила умолкнуть скрипки и пропела на ухо принцу о страданиях искавшей его любимой; к рассказу она добавила несколько легких упреков – и принц проснулся окончательно.

В восторге бросился он к ногам Милей-чем-феи. В ту же минуту стены зала отворились; в центре его воздвигся золотой трон, усеянный драгоценными камнями. Появился многочисленный пышный двор, за ним – невиданной красоты колесницы, на которых восседали прекраснейшие дамы в богатых нарядах. Та колесница, что двигалась во главе, превосходила роскошью все остальные. Как нетрудно догадаться, дама, восседавшая на ней, и была королевой этого двора. Дама эта, еще очень красивая, хоть и не первой молодости, была матерью принца Семицвета. Она поведала сыну, что отец его умер и гнев фей утих, так что теперь уже ничто не мешает ему вступить во владение своими верными народами, которые жаждут ему повиноваться. Свои слова королева сопровождала самыми разнообразными ласками; двор, присутствовавший при разговоре, выразил новому королю всю возможную радость и приветливость. В другое время тот был бы вне себя от счастья, но теперь им владело одно желание – провозгласить Милей-чем-фею королевой всех вверенных ему государств. Он хотел было заручиться поддержкой своего нового двора за одну лишь красоту Милей-чем-феи; но тут три бело-зеленые сестры, явившиеся, когда их меньше всего ждали, объявили всем о происхождении девушки, и после их рассказа ликование двора стало всеобщим и единодушным.

Королева-мать посадила влюбленных на свою колесницу и повезла в столицу страны. Жители города встретили их столь радостными возгласами и криками, что нельзя и передать. В тот же день отпраздновали свадьбу; но любовь их нисколько не уменьшилась. Даже годы оказались не властны ни над их красотой, ни над их чувствами. Долгие века прожили они в любви своих подданных и передали в наследство детям свои совершенство и состояние.

В какой-то части света, а в какой именно не знаю, жили по соседству два короля, двоюродные братья; одного звали Перидор, другого – Диамантин. Им покровительствовали феи, но я бы уклонился от истины, если бы не сказал: гораздо больше, чем сами феи, любили обоих принцессы, на которых волшебницы их женили.

Обыкновенно государям не составляет труда утолять свои страсти, и, чтобы оставаться порядочными людьми, от них требуется более добродетели, нежели от их подданных – придворные дамы редко бывают жестокосердны к своему королю. Диамантин, как рассудили феи, провинился сильнее брата. Он с большим пылом предавался удовольствиям; и что, по существу, хуже всего, он выказывал большее небрежение к королеве, своей супруге, которую звали Аглантию. Что было дальше? Феи наказали его – он умер. Королевство унаследовала единственная его дочь, в ту пору еще лежавшая в колыбели; и поскольку она по малолетству не могла править сама, то, с согласия всех сословий, регентство возложили на вдовствующую королеву, бывшую жену Диамантина. Добродетельная государыня принялась за дело с мудростью и разумением; свою власть она обращала лишь во благо жителям страны и в счастьем своим вдовстве (сколько славных людей, пошли им Бог здоровья, умеют извлекать из него немалый прок!) жила еще благонравнее, чем прежде. Омрачало столь отрадную картину только отсутствие дочери: феи по им одним ведомым причинам не пожелали, чтобы королева сама воспитывала милую девочку, которой они дали имя Серпентина, и взяли эту заботу на себя.

Что до второго государя, то и он, несмотря на любовь, питаемую к королеве Констанции, и неизменно прекраснейшее с нею обхождение, не избегал, говоря по правде, подозрений в некоторой ветрености. Проступок его – если он и в самом деле провинился – был легким и простительным; потому и прямого наказания за него не последовало; но разве не отраднее было для короля тысячу раз умереть, чем лишиться той, которую он любил больше всего на свете? Ибо супругу его внезапно унесла смерть. В одно и то же мгновение утратил он предмет всей своей радости и счастья и ощутил, что в сердце его возрождается любовь к королеве, пылкая, как никогда. Жизнь стала для него невыносима. Единственное утешение находил он в трехлетнем сыне, что оставила ему королева в залог своей любви. Король целиком посвятил себя ребенку и заботился лишь о его воспитании и о делах королевства. Но горе его было таково, что утрата королевы Констанции, говоря откровенно, ни на минуту не могла изгладиться из памяти; народ по заслугам звал его королем добрым и справедливым, но не меньше заслужил он и прозвание печального короля. Доподлинно известно – никто не верил, что возможно прожить пятнадцать лет в такой печали, как он. Сам я всегда был уверен, что феи тайком помогли ему не умереть от горя.

Сын его, принц по имени Сапфир, во всем оправдал воспитание, что дал ему печальный Перидор. Он был – если судить без всякого предубеждения и без привычных словесных красот, что прибавляют обычно к имени принца, – так вот, он был само совершенство. Наружность его была поистине очаровательна, но нрав заслуживал еще больших похвал. Прирожденная мягкость и ум, украшенный многими познаниями, счастливо дополнялись у него живым и подкупающим воображением.

Когда ему стукнуло пятнадцать лет, феи стали опасаться, как бы нежность, дарованная ему природой, не превратилась в препятствие для их замыслов. Тогда они тайком поместили в уютной комнатке, где любил уединяться Сапфир, простое с виду зеркало в черной рамке, наподобие тех, что везли некогда из Венеции и столь ценили наши предки. Некоторое время принц не обращал на новую вещь никакого внимания. Но однажды, заметив зеркало, он из чистого любопытства решил в него поглядеться. Каково же было его удивление, когда вместо собственного отражения он увидел личико юной девушки, красивое, словно ясный день! Нежная вуаль юности окутывала прелестнейшие на свете отроческие черты. Прекрасный Сапфир был поражен в самое сердце; да и как могло быть иначе? Благодаря своим чарам волшебное зеркало [120] не только верно изображало облик несравненной красавицы, но и с не меньшей точностью показывало все ее поступки, представляя всякую минуту картины тем более сладостные, что в них всегда присутствовала очаровательнейшая в мире девушка.

Чудо это, как легко понять, прельстило сердце юного принца. Он без памяти влюбился в обладательницу стольких достоинств, кроткую и разумную. Все прежние его занятия уступили место одному: каждое мгновение наблюдал он даже самые пустячные занятия прекрасной незнакомки; его невозможно было вытащить из комнаты. Видеть всякий час предмет своей любви – это, конечно, немало облегчало его страдания; но он не представлял, чем может кончиться подобное приключение, и нередко разум его восставал против сердца, опьяненного любовью; только чего стоят суждения разума против сердечных

чувств?

Но как бы ни беспокоила его эта неопределенность, еще сильнее он терзался иною тревогой. Не прошло и года, как он наслаждался верным своим зеркалом, и вдруг однажды, взглядевшись в него пристальнее обычного, он, показалось ему, заметил второе зеркало, точь-в-точь похожее на его собственное и наделенное тем же свойством. Он не ошибся; незадолго перед тем прекрасная незнакомка тоже получила зеркало и теперь не ведала иной заботы, кроме как смотреться в него. Глаза влюбленного зорки! Сапфир догадался, что в сердце красавицы проснулось чувство; он уловил в ней перемены, которые одна лишь любовь способна произвести с людьми, прежде ее не ведавшими. Для него не составило труда отгадать причину подобного чуда и отчего девушка столь часто гляделась в новое зеркало; но как он ни старался, ему пока не удавалось рассмотреть, что же в том зеркале происходит. Зеркало стояло так, что прелестная девушка, пленившая принца, всегда оказывалась между ним и занимающим ее предметом, а значит, целиком этот предмет заслоняла. Сапфиру удалось разобрать лишь одно – ей, без сомнения, виделось лицо мужчины; и этого оказалось довольно, чтобы в сердце его вспыхнула самая лютая ревность. Неужели же страсть, для которой воистину мы рождены, страсть, дозволенная и признанная самой природой, непременно нуждается, дабы не угаснуть, в скорбях и тяготах? Увы! так оно и есть; и меня заверили, что, несмотря на все прелести девушки из зеркала, без этой ревности, без смятения, без нетерпения и клятв никогда больше к зеркалу не приближаться, чтобы не видеть взоров, посланных другому, – так вот, без всего этого любовь Сапфира, как полагают, не стала бы такой верной. Как бы там ни было, феи пожелали, чтобы все шло именно так; остается думать, что у них были на то свои причины.

Я, как мне кажется, самым доподлинным образом описал ту печаль, в которой пребывал король Перидор; я уже упоминал, что он не получал от жизни никакого удовольствия целых пятнадцать лет. Стало быть, сыну его было теперь около восемнадцати, и последние три года он постоянно смотрелся в прелестное зеркало. Между тем Перидор занемог от тоски, и скоро все не без оснований стали опасаться, что дни его сочтены. Сын, обитатели дворца, жители столицы и всего королевства так тревожились за него и так горевали, что не могу описать: описание это только расстроило бы нас, читателя и меня.

Печальный король в своем недуге говорил об одной лишь королеве и еще о том, как он раскаивается в учиненной ей обиде. Словом, лишь надежда вновь встретиться с нею тешила его. Все ученые доктора, все лекари и шарлатаны королевства безуспешно пытались его лечить, но ни всевозможные лекарства, ни последовавшие за ними целебные воды не принесли больному никакого облегчения. Наконец, утомившись бесполезными речами и цитатами, греческими и латинскими, посредством которых его ежеминутно убеждали, что он и в самом деле болен, он добился, чтобы его оставили в комнате одного и больше не тревожили.

Едва ли не больше всех иных недугов короля мучила страшная тяжесть в груди, почти не позволявшая ему дышать. Он приказал держать окна в комнате открытыми в надежде глотнуть хоть немного воздуха. Как только его на несколько минут оставили одного, на окно вспорхнула птица с ослепительным оперением. Перья у нее были небесно-голубые с золотом; [121]лапы и клюв – рубиновые, и сверкали так, что невозможно было на них смотреть; глаза блеском затмевали самые яркие бриллианты, а на голове у птицы была корона; по правде говоря, я не знаю, из чего была эта корона, но зато мне достоверно известно, что сверкала она ярче всего остального. Я не в силах подобрать сравнения, чтобы вы представили себе, сколь приятным и ладным был весь ее облик. Про голос ее я ничего не могу сказать, ибо птица не пела; она только смотрела на короля, и от ее взгляда к нему возвратились силы. Кроме того, птица полетала по комнате, по-прежнему поглядывая на короля, и от каждого ее взора ему прибавлялось здоровья. Перидор почувствовал себя так хорошо, словно никогда и не болел. Он поднялся и, не в силах противиться искушению заполучить столь прекрасную птицу, которой был к тому же обязан выздоровлением, попытался ее поймать. Но птица проворней ласточки вылетела в окно. В отчаянии Перидор ну звонить, ну звать изо всех сил; все бегут к нему толпой; боготворящий его двор встречает нежданное выздоровление восторгами и удивленными возгласами, но он, не слушая, спешит описать птицу, которую только что видел и которая его излечила; он шлет за ней, приказывает сей же час спуститься в сад и доставить ему любой ценой единственный предмет его желаний. Все немедля бросаются в разные стороны, рыщут по лесам, все птицеловы королевства пускаются на поиски. Перидора так любили, награда, им обещанная, была так велика, а обе эти силы от века так властно влияют на поступки человека, что в мгновение ока все, и стар и млад, оказались в полях – города опустели.

Из всего этого великого похода не вышло, как водится, ничего, кроме большой суматохи и шума; птицу не нашли; и что всего огорчительнее, король спустя несколько дней снова впал в прежнее состояние и вскоре, ко всеобщему унынию, стал немощен, как и раньше. Сапфир в глубочайшем горе – ибо он был самый нежный сын, какого только можно себе представить, – и в уверенности, что чувство помогает поискам, льстил себя надеждой, что именно ему непременно удастся найти птицу. Почему? Потому что ему больше всех хотелось ее найти. Он отправился в путь, хотя все, как могли, пытались его удержать; свита решила идти с ним. Плана у него никакого не было, и дорогу он выбирал наугад, исходя из своего понятия об излюбленных птицами местах; он обшаривал все сады и леса, расспрашивал каждого, кто встречался на его пути, – словом, делал все, что может подсказать чувство столь благое, как желание спасти жизнь отца, и отца горячо любимого; но искать он искал, да ничего не находил. Сила его нетерпения равнялась лишь силе сыновней привязанности.

Наконец он оказался в огромнейшем лесу; почтенные старые кедры, что росли здесь, устремляли вершины прямо к небу; и покоились величавые эти вершины на самых стройных стволах, какие только можно представить. Кроны прекрасных деревьев отбрасывали тень на породившую их землю, но земля все равно была покрыта мягкой травой, в которой пестрели редчайшие цветы. Сапфир, увидев все это, решил, что именно в таком восхитительном месте и должна обитать прекрасная птица, и твердо положил не покидать леса, пока не обследует его вдоль и поперек и не проедет во всех направлениях. Еще он придумал раскрасить свои силки так же, как, по рассказам, окрашены перья птицы – уверенный, что всякое существо легче всего приманить ему подобным. Он не только взял с собою опытных птицеловов – вся его свита была искусна в этом ремесле. Дело тут не только в любви, которую снискал Перидор: разве не должен быть придворный мастером на все руки?

Однажды Сапфир, проездив, по обыкновению, полдня по лесу, почувствовал сильную жажду. К счастью, он приметил манящий самой своей простотой лесной родник, чьи прозрачные быстрые воды сулили совершенно утолить его желание. Он вытащил из кармана чашку (всякий путешественник должен быть столь же предусмотрителен); но едва он захотел ее наполнить, как туда прыгнула маленькая зеленая лягушка, красотой во много раз превосходившая обычных лягушек. Принц, нимало не тронутый ее совершенствами, выплеснул ее, но она проворней прежнего снова запрыгнула в чашку. Сапфира мучила жажда и одолевала тревога, он уже готов был с вполне понятным нетерпением отбросить ее подальше, как тут маленькая лягушка, глядя на него прекраснейшими в мире глазами, произнесла: «Я подруга птицы, не обижайте меня; ваша жажда не дает мне покоя, пейте, а потом послушайте, что я вам скажу».

Когда принц утолил терзавшую его жажду, прелестная лягушка велела ему присесть отдохнуть. Принц повиновался, и она заговорила: «Делайте все так, как я скажу: соберите свою свиту и оставьте ее в деревушке в двух шагах отсюда – там им всем хватит места; справа будет большая дорога, по ней вы один, без всякого сопровождения, пойдете прямо на юг. По обочинам этой длинной дороги растут ливанские кедры. В конце аллеи вы увидите великолепный замок. Возьмите вот эту песчинку, – продолжала она, вручая ее Сапфиру с неизъяснимой учтивостью и грацией, – ее вы закопаете в землю как можно ближе к воротам замка; они откроются, а все обитатели замка уснут. Тогда ступайте прямо на конюшню, и, ничем не отвлекаясь, делайте как я велю: выберите самую лучшую лошадь, быстро садитесь на нее и как можно скорей возвращайтесь сюда ко мне. Прощайте, принц, желаю вам удачи», – и с этими словами маленькая лягушка нырнула в воду и исчезла.

Принц, охваченный надеждой, как никогда с самого своего отъезда, выполнил все приказания лягушки. Оставив своих людей в деревне, он нашел нужную дорогу и в конце концов добрался в одиночестве до ворот замка, показавшегося ему великолепным, и не без причины: он был хрустальный, а украшения на нем – из литого золота. Но все эти красоты не остановили его взора; он закопал свою песчинку, ворота отворились, все внутри, как и предрекала лягушка, уснули. Сапфир прямою направился на конюшню и уже выбрал было прекраснейшую из множества стоявших там лошадей, как вдруг рядом с нею он заметил седло, богаче которого ему до сих пор не приходилось видеть. Вполне уверенный, что седло лишь поможет ему сесть верхом, и не помышляя ни о чем дурном (в самом деле: кто берет лошадь, вправе забрать и седло), он положил его на спину великолепного скакуна. В тот же миг обитатели дворца проснулись; на принца набросились, его скрутили; кругом еще стоял крик «держи вора»; а вора уже крепко держали. Он предстал перед владельцем замка, и тот, поверив больше его наружности, чем приведенным доводам, соблаговолит его отпустить. Как мне говорили, принц утверждал, что он страстный поклонник верховой езды и хотел только, пока все спят, прокатиться на лошади, с которой его поймали; довод этот, хоть и весьма

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
шаткий, сочли тем не менее убедительным: иначе бы преступника не отпустили. К чему бесполезные придирки? И что скажешь, если все понятно?
Сапфир, печальный и расстроенный, вернулся к роднику; лягушка весьма сурово его отчитала. «За кого же вы меня принимаете, – гневалась она, – вы что же, в самом деле считаете, что мои советы, которыми вы столь дурно воспользовались, пустая болтовня?» Принц так сокрушался, что маленькая зеленая лягушка простила его и, смягчившись, дала еще одну песчинку, но на сей раз золотую. Она велела сделать все так же, как в прошлый раз, с той единственной разницей, что идти он должен был не на конюшню, столь для него пагубную, а в замок и, пройдя как можно быстрее через анфиладу комнат, оказаться в благоуханной спальне, где спит девушка совершенной красоты. Ему следует разбудить девушку и немедленно увести с собою, что бы она ни говорила и как бы ни противилась его намерениям.
Принц точь-в-точь исполнил все приказания лягушки, и ему снова все удалось: ворота отворились, обитатели замка, казалось, погрузились в глубочайший сон; он нашел красавицу, лежащую в постели, и поразился ее красоте. Разбудив девушку, он весьма решительно попросил ее идти за ним. Красавица, хоть и неохотно, но согласилась. «При условии, сударь, что вы позволите мне всего лишь надеть юбку, – сказала она. – Что скажут обо мне и о вас, случись нам кого-нибудь встретить? Вы станете любезно поддерживать меня под руку, а я буду в одной рубашке?» Соображение это показалось Сапфиру вполне законным, и он не смог отказать.
Но едва красавица дотронулась до злополучной юбки, как весь дом очнулся от сна; принца схватили и связали гораздо крепче, чем в прошлый раз. Он был так смущен допущенной ошибкой, так раздосадован глупой своей покладистостью, так растерян, что не смог даже ничего сказать в свое оправдание. Сам я всегда полагал, что феи околдовали судей: и вправду, как можно было простить его? какого только наказания он не заслуживал, застигнутый на месте преступления, и притом, что всего хуже, вторично? Как бы там ни было, его довольно любезно выпроводили за ворота. Но в гораздо большее смятение повергал его страх снова предстать перед лягушкой, своей благодетельницей. Как появиться к ней на глаза после всего, что случилось? В конце концов он заставил себя вернуться, хоть и с невероятным трудом. Лягушка и ругала его, и распекала – в общем, что называется, учинила ужасный скандал; принц просил прощения, объясняя, что очень трудно отказать прелестной особе (которая к тому же согласна идти с вами) и не позволить ей всего-навсего надеть юбку. «Надо делать, что велят – вот что я вам скажу», – сердито заявила ему прелестная лягушка.
После долгих извинений она снова сдалась на мольбы кающегося Сапфира и, окончательно сменив гнев на милость, дала ему бриллиантовую песчинку. «Возвращайтесь в замок, – сказала она, – закопайте у ворот эту бриллиантовую песчинку; но больше не помышляйте ни о конюшне, ни о спальне, слышном они для вас пагубны. Ступайте прямо в сад, пройдите под галереей, и напротив нее будет рощица; посреди рощицы растет дерево с золотым стволом и изумрудными листьями. На этом дереве вы увидите ту самую прекрасную птицу, которую столь усердно разыскиваете. Срежьте ветку, на которой она сидит, и в ту же минуту несите ее ко мне. Но предупреждаю вас по-дружески: если вы опять решите что-нибудь сделать по-своему, как оба предыдущих раза, вам не на что будет больше надеяться – не помогу вам ни я, ни кто-нибудь другой». С этими словами она, по своему обыкновению, скрылась в воде, а принц, утраченный последней угрозой, пустился в путь с твердым намерением этой угрозы избежать. Он нашел все, о чем его предупреждала лягушка: галерею, рощицу, великолепное дерево и прекрасную птицу, сладко спавшую на ветке. Он срезал ветвь, и, хоть и заметил рядом золотую клетку, которая, как ему казалось, позволила бы верхней завладеть добычей, но не взял ее и вернулся к роднику на цыпочках, стараясь не дышать, дабы не разбудить прекрасную птицу. Каково же было его изумление, когда, ожидая увидеть родник, он обнаружил на его месте небольшой дворец, безусловно, скромный, но возведенный с изысканным вкусом; в дверях этого прелестного дворца стояла девушка, заметив которую, принц потерял голову; пусть читатель не удивляется: ведь то была незнакомка из зеркала. «Как! сударыня! – от волнения он уже не понимал, что делает и что говорит. – Как, это вы?» Красавица, зардевшись, отвечала: «Сударь, ваше лицо мне хорошо знакомо, но я полагала, что меня вы видите впервые в жизни». – «Ах, сударыня, – сказал он, – сколько дней и минут я провел, любуясь вами!» Начавшийся таким образом разговор продолжился обстоятельным рассказом о том, что произошло за это время с нашими влюбленными; они без утайки поведали друг другу обо всем, что с ними приключилось. Беседа их была из тех пространных бесед, когда разум, повинувшись сердцу, видит и слышит лишь благодаря чувству. В общем, чем дальше, тем яснее им становилось, что оба они и были друг для друга причиной внимания, оказываемого зеркалу. Признаваясь в своих тревогах

и ревности, они тем самым признавались в самой великой любви, какую только можно себе представить.

За нежной беседой принц не удержался и спросил прекрасную незнакомку, какой счастливый случай привел ее в этот лес. Он молил ее поведать, что случилось с родником и особенно – куда исчезла лягушка, которой он обязан своим счастьем и которой обещал принести прекрасную птицу; та, к слову сказать, по-прежнему спала. «Увы, сударь, лягушка ваша перед вами, – отвечала девушка с весьма смущенным видом. – История моя коротка. Я не знаю ни родителей своих, ни родины; знаю лишь, что зовут меня Серпентиной. Феи, что заботились обо мне с самого рождения, не пожелали, чтобы я когда-нибудь узнала о своем происхождении. Они ничего не жалели для моего воспитания, они были чересчур добры ко мне. Я всегда жила в одиночестве и, признаюсь, последние два года оно не было мне в тягость. У меня было зеркало, сударь...» Краска стыда помешала ей продолжать, но она тут же перескочила на другое: «Вам ведь известно, что феи требуют полного и безоговорочного повиновения; вчера они превратили этот домик в родник, о котором вы спрашиваете, а меня – в лягушку, наказав мне сказать первому, кто подойдет к роднику, то, что я вам сказала, слово в слово. Но, сударь, как же тяжело было мне, увидев вас, предстать вашему взору в столь безобразном обличье – ведь сердце мое переполняет воспоминания! Однако такова была жестокая необходимость и мне пришлось подчиниться. Когда я желала вам удачи, сударь, я думала не только о ваших интересах, но и своем обратном превращении: ведь оно могло состояться лишь при условии, что вы станете обладателем прекрасной птицы. А почему вы так хотите ею владеть, я не знаю». Тут Сапфир объяснил, что заботился о здоровье отца, и рассказал все то, о чем шла речь выше. От его рассказа Серпентина погрузилась в размышления, и в глазах ее заблестели слезинки. Сапфир ласково молил ее объяснить, в чем причина столь скорой перемены. «Ах, сударь, что вам известно обо мне, кроме наружности да нескольких поступков, о которых поведало зеркало; согласна, как бы ничтожны они ни были, по ним все же можно судить о сердечных чувствах; но происхождение мое неведомо, а вы, как я сейчас узнала, – королевский сын. Больше того, я вижу, что положение ваше отвечает вашим достоинствам; но что же будет со мной, несчастной?» Напрасно Сапфир спорил, напрасно говорил ей все слова, что подсказывает в подобных случаях великая любовь, – любезная Серпентина стояла на своем: «Сударь, я слишком люблю вас, чтобы связывать узами недостойного вас брака; участь моя жалка, но чувства неизменны. Если феи не расскажут о моем происхождении – признаюсь, до сих пор оно нисколько меня не занимало, – и не докажут, что по рождению я достойна вас, сударь, я никогда не соглашусь принять ваше предложение, каковы бы ни были мои чувства к вам».

Пока они таким образом беседовали – и скорого конца той беседе не предвиделось, – вдруг появилась на колеснице слоновой кости одна из фей, а с нею женщина, очень красивая, хотя и в летах. В то же мгновение прекрасная птица проснулась и, усевшись Сапфиру на плечо, откуда ни за что не хотела улетать, стала осыпать его всеми доступными для птицы ласками. Фея сказала Серпентине, что довольна ею; затем, оказав Сапфиру всяческие знаки внимания, представила юношу его родственнице, тетке Аглантине, ибо женщина, которую она привезла с собою, и была вдова Диамантина. После поцелуев и объятий фея коснулась волшебной палочкой своей двухместной колесницы и превратила ее в четырехместную; она и Аглантина сели в глубине, а Сапфир (по-прежнему с прекрасной птицей на плече) и Серпентина – на переднем сиденье. Фея послала одного из своих пажей известить свиту принца, что она может короткими переходами возвращаться во дворец Перидора и что прекрасная птица найдена. Оказав эту маленькую любезность, она подняла колесницу в воздух. Несмотря на быстрое путешествие, Сапфира и Серпентину одолевали мысли, рожденные и радостью свидания, и концом их разговора: ничто не сравнится по быстроте с мыслями влюбленных.

В этом расположении духа прибыли они во дворец Перидора; короля перенесли из комнаты в переднюю, где было больше воздуха; каждую минуту ждали, что он вот-вот скончается. Когда колесница еще только приближалась ко дворцу, прекрасная птица слетела с плеча Сапфира и, устремившись, сколько позволяли крылья, к больному королю, вернула ему здоровье: ведь Констанция – а то была она, и к ней вернулся прежний облик, коего не мог забыть ее дорогой Перидор, – всегда заботилась о здоровье супруга больше него самого. Она высказала ему и сыну, какое удовольствие испытала от новой встречи с ними, и одновременно заверила фею в самой пылкой и нежной своей признательности; чувства свои она изливала все разом, сумбурно, как и подобает в крайней радости и удивлении, – и в этот миг в воздухе показалась еще одна повозка. То была колесница другой феи (как вы помните, я с самого начала говорил, что их две), которая везла с собою Диамантина. В наказание он лишился семьи и пребывал взаперти в замке феи – меж четырех стульев и в полной

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
неподвижности. Охваченный неведомой ему прежде страстью, в твердой
решимости хранить верность супруге, он нашел Аглантину прекраснее, чем
когда-либо; примирение их было самым нежным и искренним.
Юные наши влюбленные стояли посреди столь бурных благодарностей и всеобщего
ликования в непередаваемой растерянности. И тут феи, взяв Серпентину за
руку, неожиданно заявили обоим королям и обеим королевам: «Вы даже не
спросите нас, кто эта красавица: лишь чрезмерная радость извиняет вашу
безучастность». И, показав Серпентине на Аглантину с Диамантином,
продолжали: «Вот те, кому ты обязана своим рождением». Благородство чувств
и пылкость сердечных порывов пробудили в ней при этих словах такую радость,
в которой соперничать с нею мог один лишь Сапфир. После нежных объятий и
поцелуев вновь соединившейся семьи феи предложили устроить свадьбу
Серпентины и принца Сапфира, и все их поддержали. И через многие годы
сердца влюбленных оставались по-прежнему верны друг другу. Феи стали
гостями всех трех свадеб: ибо свадеб было три, не думаю, чтобы кто-то стал
со мною спорить; а потом все зажили разумно и счастливо.

Вольтер

[122]

Что нравится дамам [123]

В то время как дневное божество
На Африку свой пламень обращает,
У нас же кратко царствие его,
И зимний вечер рано наступает –
Покончив с ужином,

[124]возьмусь-ка я,

Чтоб разогнать вечернее унынье,
Рассказывать, любезные друзья,
О бедном, но отважном паладине:
Его же имя было – Жан Робер,

[125]

А сюзерен – великий Дагобер.
Он возвращался из святого Рима,
Превосходящего античный Рим;

[126]

[127]

Добычею служили пилигриму
Не лавры, в битвах сорванные им,
Но индульгенции и отпущенья,
Молитвы, образки и разрешенья.

Он вез немало этого добра,
А денег мало; ибо благоденство
Дарила та суровая пора

Не рыцарям, а только духовенству.
Мессир Робер, короче, в мире сем
Владел конем, оружием и псом;

Зато ему природа подарила
Красу Адониса, Геракла силу;
Он молод был, отважен и умен,
Что ценится равно у всех племен.

Лютеция [128]была уж недалече,

Как в роще, окаймлявшей Шарантон,

[129]

С косою русой бойкая Мартон
Попалась, на беду, ему навстречу:
Изящный стан, подол не так длинен,
Чтоб скрыть очаровательные ножки;

Букетик роз и лилий вместо брошки,
Завидуя красе ее ланит,
Меж пары крепких яблочек торчит,
Подобных алебастру белизною;
Подъехав, рыцарь видит пред собою
Прелестнейшее личико, из тех,
Что вводят даже праведного в грех.

А в общем, эта нимфа молодая,
Передником корзинку прикрывая,
Во всеоружье всевозможных чар
Несла сырые яйца на базар.

Мессир Робер, желаньем пламенея,
С коня соскакивает перед нею:

«Все двадцать золотых, что я имею,
Я вместе с сердцем вам готов под несть!»

Смущается Мартон: «Какая честь!»

Робер красотку обнимает смело

[130]–

И пали наземь два сплетенных тела,
И только захрустела скорлупа.

Робер не видел – так любовь слепа, –

Что конь, не чувствуя хозяйской власти,

Умчался прочь, испуган буйством страсти:

Его монах прохожий изловил

И в монастырь неспешно потрусил.

Когда ж, наряд оправив честь по чести,

Спросила плату с рыцаря Мартон,

Увидел тот, растерян и смущен,

Что лошади с казною нет на месте.

Робер попал в хороший переплет:

Мартон оскорблена и жаждет мести,

И Дагоберу жалобу несет:

Ее-де изнасиловал мошенник,

А главное, сулил, а не дал денег.

Король сказал: «Претензия ясна.

Итак, насилье – главная вина.

Но быть судьей такого рода жалоб

Моей супруге Берте [131]надлежало б:

Свою обиду выскажите ей,

И наказанье понесет злодей».

Мартон идет и к Берте с той же речью;

А та при всем своем добросердечье

Строга и непреклонна, как скала,

В вопросах целомудрия была.

Вот Берта собрала в судебном зале

Большой совет блюстительниц морали;

[132]

Мессир Робер с повинной головой

Предстал обезоруженный, босой,

Признался им, как, проезжая лесом,

И впрямь он согрешил, попутан бесом,

И как об этом сожалеет он, –

И тут же к смерти был приговорен.

А рыцарь был уж так хорош собою,

Румян и строен и во цвете лет!

Пролили королева и совет

Слезу над обреченной красотою;

Вздыхнула, пригорюнившись, Мартон –

Все пожалели рыцаря. А Берте

Припомнился тогда один закон,

Способный бедняка спасти от смерти,

Коль Бог его умом не обделил –

С условием, чтоб он определил,

Придерживаясь веских оснований,

Что всякой женщине всего желанней.

Ответ же должен точен быть и прям,

И в то же время не обидеть дам.

И вот решением всего совета

Роберу задали загадку эту,

А Берта сердобольная над ней

Позволила подумать восемь дней.

Робер поклялся пред честным советом,

Что равно в срок он явится с ответом,

Отвесил дамам вежливый поклон

И удалился, в думу погружен.

Он думал: «Как же это без обмана

Сказать, что каждой женщине желанно,

Да ни одну не рассердить? Увы,

И так уж не сносить мне головы,

А чем такие сложности, по чести,

Уж лучше быть повешенным на месте!»

Пошел Робер, куда глаза глядят;

У жен, у дев он спрашивал учтиво,

Чем женщины особо дорожат?

Ответы были все разноречивы,

К тому ж злодейки лгали все подряд:

Несчастный рыцарь жизни был не рад.

Закатывалось солнце дня седьмого,

Когда вдали, под сению дубровы,

Увидел он пленительнейших дев,

Плясавших в хороводе на поляне:

[133]

Виясь, играли складки легкой ткани.

Красы прозрачной дымкою одев;

Зефир душистый, вея меж деревьев,

Волну кудрей подхватывал, буяня,
 А легкие стопы касались трав,
 Не сбив росы, травинки не примяв.
 Мессир Робер, иной не зная цели,
 Как расспросить об окаянном деле,
 Приблизился – но все исчезло вдруг,
 Лишь сумерки сгущаются вокруг.
 А перед ним, подпершись клюкою,
 Стоит старуха, скрюченная вдвое:
 До подбородка крючковатый нос,
 На черепе клочки седых волос,
 Беззуба, красноглаза и согбенна;
 Морщинами изрыт землистый лик;
 Вкруг дряхлых бедер – ветхий половик,
 Едва лишь доходящий до колена.
 Перепугал героя этот вид.
 Она же дружелюбно говорит:
 «Дитя мое, я вижу, вы угрюмы,
 И вас томят мучительные думы.
 Откройтесь мне: на свете много мук,
 Но излишня душа облеглают.
 И утешение находишь вдруг.
 Я знаю много: годы умудряют.
 И многим несчастливцам мой совет,
 Случалось, помогал избежать бед».
 «Ах, добрая душа, – Робер ответил, –
 Какой совет теперь меня спасет?
 Своею жертвой рок меня наметил,
 И завтра я взойду на эшафот,
 Коль не скажу в совете королевы,
 Что люблю женщинам, не вызвав гнева».
 Старушка говорит ему: «Сынок,
 Ко мне вас привела Господня воля:
 Без страха ко двору явитесь в срок,
 Бояться казни вам не надо боле.
 Со мною вместе вы должны пойти,
 Секрет я вам открою по пути.
 Но за спасенье право я имею
 От вас вознагражденье обрести:
 Возьму я то, что мне всего милее.
 Неблагодарность всех грехов черней:
 Клянитесь же красой моих очей,
 Что будет все по моему желанью».
 Сдержав улыбку, дал он обещанье.
 «А вы не смейтесь: речь не о пустом», –
 Заметила карга. И вот вдвоем
 Они пред королевую предстали.
 Немедленно судилище созвали,
 И рыцарь так держал пред ним ответ:
 «Сударыни, я знаю ваш секрет,
 Проведал ваше главное пристрастье
 Везде, всегда, в былом, теперь и впредь:
 Не в том любая дама видит счастье,
 Чтоб множество любовников иметь;
 Но всех сословий жены, девы, вдовы,
 Дурны, красивы, ласковы, суровы –
 Желают все, по мненью моему,
 Любой ценой главенствовать в дому.
 Для женщин власть всегда на первом месте;
 И в этом я уверен, хоть повесьте».
 Признавши справедливость этих слов,
 Решили дамы, что ответ толков.
 И Берте руку целовал с поклоном
 Оправданный Робер, когда пред троном
 Предстала грязная, в лохмотьях вся
 Старуха, правосудия прося
 И следующим образом взывая:
 «О Берта! О владычица благая,
 Чей слова лжи не вымолвил язык,
 Чей острый ум все сущее постиг
 И чья душа полна благоволенья!

[134]

В долгу сей рыцарь за свое спасенье
 Передо мной и мудростью моей:
 Он клялся мне красой моих очей
 Награду дать по моему желанью:
 Пускай теперь исполнит обещанье».
 Робер сказал: «Она права во всем:
 Я рад бы за добро воздать добром;
 Но двадцать золотых, вооруженье
 И лошадь – было все мое именье;
 А иннок некий, блудом возмущен,
 И это взял, когда я был с Мартон.
 И со спасительницею своею
 Сейчас я рассчитаться не сумею».
 Выносит королева приговор:
 «Добро вернут; наказан будет вор.
 И дело может мирно разрешиться
 Ко благу всех участвующих лиц:
 Пусть двадцать золотых возьмет девица
 По уговору и взамен яиц;
 Коня дадим почтенной этой даме,
 Оружье же останется за вами».
 «Спасибо, – молвит старая, – суду;
 Но не коня имела я в виду.
 Не нужно мне Робера достоянье:
 Лишь сам Робер и есть предмет желанья.
 Хочу царить я в сердце у него
 И чтобы жил он в счастии со мною.
 Ревнивым сердцем жажду одного:
 Сегодня ж ночью стать его женою».
 Услышав сей нежданный монолог,
 Робер хладеет с головы до ног;
 Потом он поглядел, набравшись духу,
 Внимательно на жуткую старуху –
 И, в страхе отшатнувшись, еле смог
 Дрожащею рукой перекреститься
 И жалобно к судилищу воззвать:
 «За что посмешищем я должен стать?
 Да лучше уж извольте приказать
 На чертовой мне бабушке жениться!
 Старуха бредит, выжив из ума».
 А та гнусит чувствительно весьма:
 «О, сколь жестокое пренебреженье!
 Неверный! Все мужчины таковы.
 Но хоть я не мила ему, увы,
 Моя любовь осилит отвращенье:
 Я им пленилась – и его пленю.
 Была б душа; и пусть я, без сомненья,
 Красу уже недолго сохранию –
 Зато, не расточась в пустых порывах,
 Созрели чувства; знаньем изощрен,
 Развился ум: ценил же Соломон
 Разумных женщин выше, чем красивых.
 Конечно, я бедна, но что с того?
 Ведь бедность не бесчестит никого.
 Иль счастлив брак лишь роскошью постели?
 Вы сами, государыня, ужели,
 Прильнув на пышном ложе к королю,
 Сильнее любите, чем я люблю?
 Пример нам – в Филемоновом уделе:
 Любя Бавкиду [137] и любезен ей,
 Он век был счастлив в хижине своей.
 Лихие скорби, порожденья злата,
 Под сельским кровом неизвестны нам;
 Где нету роскоши, там нет разврата:
 Мы служим Богу, мы равны царям;
 Мы – основанье славы государства;
 Мы доблестных рожаем вам солдат;
 А разве ваши принцы заселят,
 Как бедный люд, обширнейшие царства?
 Коль материнским счастьем увенчать
 Мои надежды небу не угодно,

[135]

[136]

Гимен иные блага может дать:
Цветы прекрасны и когда бесплодны.
И буду я до гробовой доски
На дереве любви срывать цветки». [138]
Старуха, говоря таким манером,
Сумела тронуть дамские сердца:
Не миновать несчастному венца.
Что делать? Слово, данное Робером,
Велит и отвращенье превозмочь.
А дама пожелала непременно
Верхом, в его объятиях, степенно
Проследовать в убежище Гимена.
И было все исполнено точь-в-точь.
И вот с челом, покрытым мрачной тенью,
Обняв супругу, едет наш герой,
Стыдясь людей, дрожа от отвращения;
Он был бы рад спихнуть ее долой
Иль утопить – но совладал с собой:
Законы рыцарства – не то, что ныне, –
В то время почитались, как святыня.
Стремясь его уныние развлечь,
Дорогою жена заводит речь
Про подвиги былого поколения:
Как Хлодвиг [139] трех союзных королей
Во оны дни убил рукой своей
И как снискал у Господа прощенье;
Как Божий голубь на глазах у ней
Для короля Реми принес елей,
И было то небесное знаменье,
Чтоб принял он помазанье в крещенье.
Она искусно строила рассказ,
И ум, и сердце трогая зараз;
В нем были и мораль, и остроумье,
Которые наводят на раздумье,
В сюжет занятный как бы между строк
Включая ненавязчивый урок. [140]
И дивны рыцарю рассказы эти:
Внимает он, забывши все на свете.
То слушает – и к ней его влечет, [141]
То глянет на нее – и обомрет.
Но вот чета подъехала к лачужке –
Жилищу предприимчивой старушки.
За брачный пир усажен был супруг
Вкусить стряпни ее немых рук;
Убог был стол: здоровая диета,
Как вчуже мудрецы внушают свету.
Треногий столик молодой семьи
Хромал, подгнивши; в этом же недуге
Потрескивали шаткие скамьи.
Потупив очи, кушали супруги.
Но старушонка оживить обед
Взялась изысканнейшей из бесед:
Ее остроты были метки, милы
И так уместны, что нетрудно было
Принять их за свои. И наш герой
Повеселел и был готов порой
К ее уродству отнестись терпимо.
Но кончен пир. Жена без лишних слов
Препровождает рыцаря в альков.
Душа его отчаяньем томима,
Любую смерть он рад бы предпочесть,
Но как же быть? Всего превыше честь.
Он слово дал, и зло непоправимо.
Не простыни, которые изгрыз,
Казалось, легион голодных крыс,
Не эта рвань, что прикрывала косо
Тюфяк в последней степени износа,
Его смущала: это полбеда.
Гимена неизбежные труды
В ужасном свете перед ним предстали.
Он думал: «Это мыслимо едва ли!

Мне в Риме, правда, довелось слышать,
 Что благодать на все дарует силы;
 Но тут бессильны я и благодать.
 Жена добра, умна – все это мило,
 Но в щекотливом случае таком
 Что делать с добротой и умом?»
 Так добрый рыцарь сетовал. Но все же
 Прилег на край супружеского ложа.
 И холодность, обидную жене,
 Он попытался скрыть в притворном сне.
 Но, ущипнув притихшего соседа,
 Старуха молвит: «Спите, милый друг?
 Прелестник злой, жестокий мой супруг,
 Я ваша: увенчайте же победу.
 Стыдливости несмелые мольбы
 Умолкли, перед чувствами слабы:
 Пожните эти нежные трофеи!
 Ах, скольким мукам Ты обрек, Господь,
 С невинностью спорящую плоть!
 Я обмираю, таю, пламенею!
 Не в силах я соблазн преодолеть:
 Приди, я стражду, не могу терпеть!
 Смотри, ты клялся: с совестью не балуй!»
 Отважный наш Робер был добрый малый,
 И набожный, и честный: потому
 Старуху жалко сделалось ему.
 «Мадам, – он молвил, – я бы счел за счастье
 На вашу страсть ответить равной страстью,
 Но я не в силах». Старая в ответ:
 «Кто молод и благого полон рвенья,
 Тому задач невыполнимых нет,
 Была бы воля, доблесть и уменье.
 А при дворе какую славу вам
 Стяжает подвиг этакий у дам!
 Так в чем же вашей хладности причина?
 Противен запах вам или морщины?
 Герою ли теряться! В чем вопрос?
 Глаза закройте и заткните нос».
 Мессир Робер, равнодушный к славе,
 Почел за долг, сомнения оставя,
 Победу одержать любой ценой:
 Он принял вызов и готов на бой.
 Зажмурился Робер, призвавши Бога
 И молодость свою себе в подмогу –
 И воля одолела естество.
 «Довольно, – дама ласково сказала. –
 Я вижу, что добились своего.
 Мое над вами полно торжество –
 Я только этой власти и желала.
 Смотрите, сын мой, я была права:
 Жена и вправду в доме голова.
 Признайте же законом, милый витязь,
 Мою опеку с нынешнего дня.
 Велю вам для начала – подчинитесь! –
 Открыть глаза и глянуть на меня».
 Робер глядит: в каких-то незнакомых
 И освещенных с пышностью большой,
 Занявших место хижины хоромах
 Под пологом с жемчужной бахромой
 Богиня возлежит или принцесса:
 Что живопись Ванло [142]иль Апеллеса, [143]
 Лемуан, [144]пигаль, [145]сам Фидий,
 [146]наконец! –
 Пред ней и кисть бессильна, и резец.
 Казалось ослепленному Роберу,
 Что, в томной неге разметав власы,
 Ему сама влюбленная Венера
 Явила сладострастные красы.
 «И я, и замок – ваши по условию, –
 Прекрасные уста произнесли, –
 Вы безобразьем не пренебрегли,

И красота венчает вас любовью».

Конечно, вам не терпится узнать,
Какая дама рыцаря сумела
Прибрать к рукам, а после обласкать?

[147]

Так то была волшебница Ургела.
В беде французских рыцарей она
Не раз спасала в оны времена.
Блаженный век, что не смущался чудом!
Век добрых бесов, фей и домовых,
Друживших запросто с крещеным людом!
Они давали пищу пересудам
Под древним кровом замков родовых.
У очага, в одном семейном круге
Родители с детьми, соседи, слуги
Заслушивались, если за ночлег
Про духов врал прохожий человек.
Теперь в загоне демоны и феи;
В умах живут лишь здоровые идеи,
А милые фантазии мертвы;
Одна рассудочность уныло чтится;
Все гонятся за истиной, увы!

Ах, есть, поверьте, толк и в небылице.

Белое и черное [148]

В провинции Кандагар все знают историю молодого Рустана. Он был единственным сыном местного мирзы, а мирза – это то же самое, что маркиз у нас или барон у немцев. Отец Рустана честно нажил свое состояние. Молодому Рустану была предназначена в жены дочь такого же мирзы. Обе семьи страстно желали этого брака. Рустан должен был утешить на старости лет родителей, составить счастье своей жены, а также и свое собственное. Но, на свою беду, он увидел принцессу Кашмира на ярмарке в Кабуле: эта ярмарка самая знаменитая на свете, куда более многолюдная, чем ярмарки в Бассоре или Астрахани; а приехал туда старый принц Кашмира вместе со своей дочерью вот почему.

У него пропали два самых ценных сокровища: алмаз, величиной с куриное яйцо, на котором индийские мастера выгравировали портрет его дочери (тогда они еще владели этим искусством, а теперь же все его утратили), и дротик, который поражал любую цель, стоило владельцу лишь того пожелать, что не вызывает удивления у нас, но было необычным в Кашмире. Эти сокровища похитил у принца собственный его факир и отдал их принцессе. – Берегите как зеницу ока две эти вещи, – сказал он ей, – от них зависит ваша судьба.

После чего он исчез, и никто его больше не видел. Тогда-то принц Кашмира в отчаянии решил отправиться на ярмарку в Кабул – вдруг у кого-нибудь из купцов, съехавшихся сюда со всех концов земли, окажется его алмаз или дротик. А с дочерью он никогда не расставался. Принцесса взяла алмаз с собой, зашив его в пояс, но, не найдя столь надежного тайника для дротика, она оставила его в Кашмире, надежно спрятав в большой китайский сундук. В Кабуле они встретились с Рустаном и полюбили друг друга со всей пылкостью юности и нежностью жителей их страны. Принцесса в залог своей любви дала Рустану алмаз, а Рустан на прощанье обещал тайно приехать к ней в Кашмир. У молодого мирзы было два любимца, которые выполняли обязанности секретарей, конюших, дворецких и камердинеров. Одного звали Топаз, он был красив, хорошо сложен, кожа его была белей, чем у черкешенки,

[149]вежлив и услужлив, как армянин, мудр, как ученик Зороастра.

[150]Второй был красавец негр, еще более предупредительный и находчивый, чем Топаз, не смущавшийся никакими трудностями, и звали его Эбен. Рустан поведал им о своем намерении посетить Кашмир. Топаз постарался отговорить хозяина с осторожным усердием слуги, не желающего попасть в немилость, он напомнил Рустану, чем он рискует. Неужто он повергнет обе семьи в отчаяние? Неужто вонзит нож в сердце своих родителей? Рустан заколебался, но Эбен укрепил его в первоначальном решении и развеял все его сомнения. Для столь долгого путешествия у молодого мирзы не было денег. Мудрый Топаз не сумел их добыть, Эбену это удалось. Он ловко выкрал алмаз у своего хозяина, заменил его поддельным, но похожим на него как две капли воды, а настоящий отдал под залог одному армянину за несколько тысяч рупий.

Получив деньги, маркиз мог отправиться в путь. Его пожитки погрузили на слона, все сели на лошадей. Топаз обратился к своему хозяину:

– Я имел смелость предостерегать вас от этой затеи, но, коль скоро я вас предостерег, мне остается только повиноваться, я в вашем полном распоряжении, моя любовь к вам беспредельна, я последую за вами хоть на край света, но по дороге обратимся за советом к оракулу, который находится

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
всего в двух парасангах [151]отсюда.

Рустан согласился. Оракул ответил: [152]

– Ежели ты поедешь на восток, ты приедешь на запад.

Рустан не понял, что это должно означать. Топаз счел, что в таком ответе нет ничего хорошего. Эбен же, всегда готовый услужить, уверил Рустана, что ответ весьма благоприятный.

В Кабуле был еще один оракул, они обратились и к нему. Этот оракул ответил им следующими словами:

– Владея, ты владеть не будешь, победив, ты не победишь, ты Рустан, но перестанешь быть Рустаном.

Это предсказание было еще более непонятным, чем первое.

– Берегитесь, – говорил Топаз.

– Не бойтесь ничего, – говорил Эбен, и, как можно догадаться, этот советчик, поощрявший страсть и надежды своего господина, всегда оказывался прав.

Выехав из Кабула, караван вступает в бескрайний лес, они останавливаются перекусить и пускают лошадей пастись. Они собираются разгрузить слона, на которого навьючена вся снедь и посуда, как вдруг замечают, что в их маленьком караване не хватает Топаза и Эбена. Их зовут, их имена оглашают лес, слуги ищут их повсюду, надрываются в крике, но возвращаются ни с чем – никто не откликнулся на их зов.

– Мы видели только коршуна, он вступил в схватку с орлом и вырвал у него все перья, – говорят они Рустану.

Этот рассказ возбуждает любопытство Рустана, он идет к месту боя, но нет там ни коршуна, ни орла, зато он находит своего слона, так и не разгруженного, на которого набросился огромный носорог. Носорог пытается пронзить слона своим рогом, а тот отбивается хоботом. При появлении Рустана носорог бросает свою жертву, слуги приводят слона обратно, но тем временем исчезают лошади.

– Странные дела творятся в лесу, когда путешествуешь, – восклицает Рустан. Слуги пришли в уныние, а их господин был в полном отчаянии, ведь он потерял сразу всех лошадей, милого сердцу негра и мудрого Топаза, которого тоже любил от души, хотя тот ему и смел перечить.

Утешая себя надеждой вскоре пасть к ногам прекрасной принцессы Кашмира, Рустан продолжал свой путь, как вдруг навстречу ему попадает большой полосатый осел, которого изо всех сил колотит палкой здоровенный и страшный на вид детина. Нет более редкой, более красивой и более ходкой породы, чем эти полосатые ослы. На яростные удары осел отвечал таким могучим ляганьем, что вполне мог свалить дуб. Молодой мирза, как и следовало ожидать, встал на защиту осла, ибо тот был поистине прелестным созданием. Детина убежал, крикнув ослу:

– Ты мне еще заплатишься за это.

Осел на своем языке поблагодарил спасителя: подошел к Рустану, позволил себя приласкать и приласкался сам. Утолив голод, Рустан садится на осла и вместе со своими слугами, которые следуют за ним, кто на слоне, кто пешком, направляются к Кашмиру.

Но, вместо того чтобы ехать по дороге в Кашмир, осел сразу же сворачивает к Кабулу. Рустан посылает осла в другую сторону, сжимает его бока, вонзает шпоры, отпускает уздечку, натягивает ее, стегает упряма и справа и слева – все напрасно, осел бежит в Кабул.

Рустан выбивается из сил, обливается потом, впадает в отчаяние и тут встречает торговца верблюдами, который говорит ему:

– Господин, ваш осел слишком хитер, он везет вас совсем не туда, куда вы желаете, уступите его мне, а взамен я дам вам на выбор четырех моих верблюдов.

Рустан благодарит провидение, ниспославшее ему такую выгодную сделку.

– Топаз был неправ, – говорит он, – предсказывая, что мое путешествие будет неудачным.

Рустан садится на самого красивого верблюда, остальные три следуют за ним, догоняет свой караван, воображая себя на пути к счастью.

Не успел он проехать и четырех парасангов, как перед ним возник бурливый поток, широкий и глубокий, ниспадавший со скал, белых от пены. Поток обрывался в такую пропасть, что кружилась голова и леденела кровь. Нет надежды ни переправиться через него, ни обойти стороной.

– Сдается мне, что Топаз был прав, осуждая мое путешествие, – сказал Рустан, – и я зря пустился в путь; будь он здесь, он мог бы меня предостеречь. А будь со мной Эбен, он бы меня утешил и нашел бы какой-нибудь выход, но у меня отняли все.

Уныние слуг усугубило его отчаяние, ночь была темная, и они провели ее в горестных сетованиях. Наконец влюбленный путешественник забылся сном, сраженный усталостью и горем. Он просыпается с восходом солнца и видит

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
прекрасный мраморный мост, перекинутый над потоком от одного берега до другого.

Сколько тут было удивленных восклицаний, радостных криков:

– Возможно ли такое? Не сон ли это? Ну и чудо! Ну и волшебство! Решимся ли мы перейти на другую сторону?

Люди то падают на колени, то вскакивают на ноги, бегут к мосту, целуют землю, обращают взоры к небесам, простирают вверх руки, дрожа, ступают на мост, делают несколько шагов, возвращаются, приходят в экстаз, а Рустан говорит:

– На сей раз небеса благосклонны ко мне. Топаз сам не знал, что говорил, оракулы предсказывали мне успех, Эбен был прав, но почему его нет с нами? Едва только караван переправился на другой берег, как мост со страшным грохотом рухнул в воду.

– Тем лучше, тем лучше, – воскликнул Рустан. – Хвала богу! Благословение небесам! Бог не возжелал, чтобы я вернулся обратно, туда, где мне суждено остаться обыкновенным дворянином, он возжелал, чтобы я женился на той, кого люблю. Я стану принцем Кашмира, и таким образом, владея своей возлюбленной, я не буду владеть своим маленьким поместьем в Кандагаре. Я буду Рустаном и не буду им, коль стану принцем: стало быть, большая часть предсказания сбывается в мою пользу, остальное сбудется также; как я счастлив! Но почему со мной нет Эбена? Я жалею о нем в тысячу раз больше, чем о Топазе.

В превосходнейшем расположении духа он проехал еще несколько парасангов, а к вечеру неприступные цепи гор, круче, нежели стены крепости, и выше, чем Вавилонская башня, будь она даже достроена, преградили дорогу путешественникам, которых вновь обуял ужас.

Все закричали:

– Бог обрекает нас на гибель! Он разрушил мост, чтобы отнять у нас надежду на возвращение; он возвел горы, чтобы лишить нас возможности двигаться вперед. О Рустан! О несчастный маркиз! Никогда мы не увидим Кашмира, никогда мы не вернемся в Кандагар. Безудержная радость и пьянящие надежды, которыми недавно была полна душа Рустана, уступили место жгучей печали и тяжкому унынию. Теперь он уже не пытался толковать прорицания оракулов в свою пользу.

– О небо! О боги моих предков! Зачем я лишился моего друга Топаза!

Так восклицал он, испуская глубокие вздохи и проливая слезы, окруженный своими несчастными слугами, как вдруг основание горы расступается и длинная сводчатая галерея, освещенная тысячью светильников, предстает перед потрясенными путешественниками; Рустан вскрикивает, люди его падают на колени, кто-то от изумления валится навзничь, все кричат:

– Чудо, чудо! Рустан – любимец Вишну, возлюбленный Браммы, он станет властелином мира.

Рустан и сам уже верит в это, он в восторге, вне себя от счастья.

– Ах, Эбен, дорогой Эбен, где же ты? Посмотрел бы ты на эти чудеса! Где я тебя потерял? Прекрасная принцесса Кашмира, когда же я вновь буду любоваться вашей красотой?

Вместе со своими слугами, слоном и верблюдами он вступает под своды горы, и вскоре перед ними открывается усыпанный цветами луг с протекающим по нему ручьем, за лугом простираются тенистые аллеи, ведущие к реке, вдоль которой в окружении прелестных садиков расположены загородные дома. Отовсюду доносится музыка и пение. Рустан видит танцующих людей, он спешит перейти по мосту через реку и спрашивает у первого же встречного, что это за прекрасная страна.

Тот, к кому он обратился, ответил:

– Вы в провинции Кашмир, вы видите жителей в радости и веселье, мы празднуем бракосочетание нашей прекрасной принцессы, она выходит замуж за синьора Барбабу, которому отец обещал ее руку; да дарует им бог вечное счастье!

Услышав эти речи, Рустан упал без чувств, и кашмирец, решив, что он страдает падучей, перенес его к себе домой, где он долго лежал без памяти. Послали за двумя самыми искусными врачами провинции, они пощупали пульс у больного, который, немного оправившись, стал рыдать, закатывать глаза и выкрикивать время от времени:

– Топаз, Топаз, как ты был прав!

Один из врачей сказал кашмирцу:

– Судя по выговору, этот молодой человек из Кандагара, ему вреден воздух нашей страны, его надо отправить обратно; по глазам видно, что он лишился рассудка, доверьте его моим заботам, я отвезу его на родину и вылечу.

Второй же врач утверждал, что Рустан заболел от горя и его нужно отправить на свадьбу принцессы, пусть он там потанцует. Пока они совещались, к больному вернулись силы, обоих врачей отослали, и Рустан остался наедине с хозяином дома.

– Господин, – сказал он ему, – прошу простить меня за то, что я потерял сознание в вашем присутствии, я понимаю, сколь это было невежливо с моей стороны; умоляю вас принять моего слона в благодарность за те услуги, что вы мне оказали. – Затем он поведал ему все свои приключения, умолчав лишь о цели своего путешествия. – Именем Вишну и Браммы заклинаю вас, – сказал он, – откройте мне, кто же этот счастливый Барбабу, который женится на принцессе Кашмира, почему принц выбрал его себе в зятя и почему принцесса дала согласие стать его супругой.

– Господин, – отвечивший кашмирец, – принцесса совсем не желает выходить замуж за Барбабу, напротив, она льет горячие слезы, и, пока вся провинция торжественно празднует бракосочетание, она заперлась в дворцовой башне и даже слышать не хочет ни о каких увеселениях, а ведь они устроены в ее честь.

При этих словах Рустан почувствовал, что вновь возродился к жизни, и на лице его заиграл поблекший было от всех пережитых несчастий румянец.

– Тогда ответьте мне, почему же принц Кашмира непременно хочет отдать свою дочь какому-то Барбабу, который ей не мил?

– Дело вот в чем, – ответил кашмирец. – Известно ли вам, что у нашего высочайшего принца пропали огромный алмаз и волшебный дротик, которые были ему так дороги?

– Ах, мне это прекрасно известно, – вздохнул Рустан.

– Так знайте же, – продолжал хозяин, – что, не имея известий о своих пропавших сокровищах и объехав весь свет в поисках их, наш принц пообещал отдать свою дочь тому, кто достанет ему хотя бы одно из них. И вот явился Барбабу с алмазом, и завтра он женится на принцессе.

Рустан побледнел, пробормотал несколько слов благодарности, попрощался с хозяином дома и понесся на своем дромадере в столицу, где должна была состояться праздничная церемония. Он подъезжает к замку, говорит, что ему необходимо сообщить принцу важные сведения, он просит аудиенции, ему отвечают, что принц занят приготовлениями к свадьбе.

– Именно поэтому я и должен с ним поговорить, – не отступает Рустан. Он так настойчив, что его пропускают.

– Ваше высочество, – говорит он ему, да увенчает бог ваши дни славой и богатством! Ваш зять мошенник.

– Как так мошенник? Да как вы смеете? Ведь вы говорите о зяте герцога Кашмира!

– И все же он мошенник, – повторил Рустан, – и в доказательство – вот алмаз, который я вручаю вашему высочеству.

Потрясенный герцог сравнивает алмазы, а поскольку он в них ничего не смыслит, то и не может определить, какой из них настоящий.

– Алмаза два, – говорит он, – а дочь у меня только одна, ну и в историю я попал!

Он посылает за Барбабу и спрашивает, не обманщик ли он. Барбабу клянется, что он купил этот алмаз у одного армянина, Рустан же не говорит, откуда у него алмаз, но предлагает выход из затруднительного положения: пусть его высочество соблаговолит разрешить ему сейчас же сразиться с соперником.

– Ваш зять должен не только вернуть вам алмаз, но и доказать свою храбрость, и будет справедливо, если на принцессе женится тот, кто убьет соперника, – говорит Рустан.

– Вот и хорошо, – обрадовался принц, – и к тому же двор насладится прекрасным зрелищем, скорей начинайте бой, победитель, как принято в Кашмире, получит вооружение побежденного и женится на моей дочери. Оба жениха тут же спускаются во двор. На лестнице им встречаются сорока и ворон. Ворон кричал: «Деритесь, деритесь!», а сорока: «Не деритесь!». Это рассмешило принца, а соперники прошли мимо, не обратив внимания; они начинают бой, и придворные окружают их тесным кольцом. Принцесса по-прежнему не выходит из башни, не желая присутствовать на поединке, – так ей отвратителен Барбабу; ей даже в голову не приходит, что ее возлюбленный в Кашмире. Бой закончился наилучшим образом, Барбабу сражен наповал, чему все рады, поскольку он был урод, а Рустан красавец, ведь именно так публика выбирает своих фаворитов.

Победитель надевает кольчугу, перевязь и шлем побежденного и, сопровождаемый всем двором, под звуки фанфар отправляется под окна своей возлюбленной. Все кричат:

– Прекрасная принцесса, взгляните на вашего красавца супруга, который убил своего гадкого соперника.

Ее служанки повторяли эти слова. На свою беду, принцесса выглядывает в окно и, увидев доспехи ненавистного жениха, в отчаянии бросается к китайскому сундуку, выхватывает роковой дротик, который в тот же миг, найдя просвет в кольчуге, пронзает тело Рустана; Рустан испускает ужасный крик, и принцессе кажется, что она слышит голос своего несчастного возлюбленного.

Она сбегает вниз, растрепанная, со смертельным ужасом в глазах и остановившимся сердцем. Рустан, весь окровавленный, лежит на руках ее отца. Она узнает его: о, страшный миг! о, это зрелище! о, эта встреча! Сколько в ней боли, нежности и ужаса. Она бросается к нему, лобзает его, восклицает: – Первый и последний поцелуй тебе дарит твоя возлюбленная и убийца. Она выдергивает клинок из раны, вонзает его в свое сердце и умирает на груди обожаемого возлюбленного. Отец, потерявший голову от ужаса, сам готовый покончить с собой, пытается вернуть ее к жизни, но тщетно – она мертва. Он проклинает роковой дротик, разламывает его пополам, швыряет прочь оба злополучных алмаза и, пока вместо свадьбы готовятся похороны его дочери, велит перенести во дворец истекающего кровью Рустана, в котором еще теплится жизнь.

Его кладут на кровать. Первое, что он видит, – это Топаз и Эбен, стоящие по обе стороны от его смертного одра. Удивление его столь велико, что к нему возвращаются силы.

– Ах, жестокие, – восклицает он, – почему вы меня покинули! Останьтесь вы с бедным Рустаном, и, может, принцесса Кашмира была бы сейчас жива!

– Я с вами не расставался ни на минуту, – говорит Топаз.

– Я все время был рядом с вами, – говорит Эбен.

– Ах, зачем вы это говорите? Можно ли надругаться над умирающим? – отвечает Рустан еле слышно.

– Я говорю сущую правду, – продолжает Топаз, – вы знали, что я никогда не одобрял этого злосчастного путешествия, ужасные последствия которого я предвидел. Это я был орлом, который бился с коршуном и потерял при этом перья, я был слоном, который унес кладь, чтобы вынудить вас вернуться на родину, я был полосатым ослом, который против вашей воли вез вас назад, к отцу, это я увел лошадей, я создал поток, который преградил вам путь, я возвел гору, которая закрыла перед вами дорогу, ведущую к гибели, я был лекарем, который прописал вам воздух родины, я был сорокой, которая кричала, чтобы вы не дрались.

– А я, – сказал Эбен, – был тем коршуном, который ошипал орла, носорогом, который напал на слона, детиной, который колотил полосатого осла, торговцем, который дал вам верблюда, дабы вы поспешили к гибели, я построил мост, по которому вы переправились через поток, я прорыл туннель, через который вы прошли, я был врачом, который старался приободрить вас, вороном, который призывал вас драться.

– Увы! Вспомни предсказания оракулов, – сказал Топаз. – «Ежели ты поедешь на восток, ты приедешь на запад».

– Верно, – сказал Эбен, – здесь мертвецов хоронят лицом на запад: предсказание было совершенно ясным, почему ты не понял его? Ты владел сокровищем, но и не владел, ибо твой алмаз был фальшивым, и ты этого не знал. Ты победитель, и вот ты умираешь. Ты Рустан, и ты перестаешь им быть: все исполнилось. Пока Эбен так говорил, за плечами Топаза выросли четыре белых крыла, а за его плечами четыре черных.

– Что я вижу? – вскричал Рустан.

Топаз и Эбен ответили хором:

– Ты видишь двух своих гениев.

– Эх, господи, – сказал им несчастный Рустан, – зачем вы вмешивались не в свое дело? Да и к чему два гения одному человеку?

– Таков закон, – ответил Топаз, – каждый человек имеет по два гения, первым сказал об этом Платон, [153] другие это подтвердили, теперь ты видишь сам, что это совершенно справедливо, я, говорящий сейчас с тобой, я твой добрый гений, и моей обязанностью было заботиться о тебе до последнего твоего вдоха, что я и выполнял.

– Но, – возразил умирающий, – если ты был обязан мне служить, значит, я по природе превосхожу тебя, и потом, как ты смеешь говорить, что ты мой добрый гений, раз ты не помешал мне совершить все то, что я совершил, а теперь позволяешь мне и моей возлюбленной умереть жалкой смертью?

– Увы! Такова твоя судьба, – сказал Топаз.

– Если все зависит от судьбы, – возразил умирающий, – для чего же тогда нужен добрый гений? А раз у тебя, Эбен, крылья черные, стало быть, ты мой злой гений?

– Именно так, – ответил Эбен.

– Так, значит, ты был злым гением и у моей принцессы?

– Нет, у нее имелся свой собственный, а я просто неплохо ему помог.

– Ах, проклятый Эбен, но раз ты такой злой, то как ты можешь вместе с Топазом служить одному и тому же хозяину? Вы должны происходить от двух разных начал, одно из которых – добро по своей природе, а другое – зло.

– Тут нет такой зависимости, – отозвался Эбен, – все гораздо сложнее.

– Не может быть, чтобы милосердное существо создало столь ужасного гения, – вновь заговорил умирающий.

- Возможно или невозможно, это так, – ответил Эбен.
- Ах, мой бедный друг, – сказал Топаз, – разве ты не видишь, что этот хитрец и мошенник еще пытается спорить с тобой, чтобы взволновать тебя и приблизить твой смертный час?
- Оставь меня, – промолвил опечаленный Рустан, – чем ты лучше его? Он хотя бы признается, что желал мне зла, а ты притяжал меня защищать, а на самом деле ничем мне не помог.
- Мне очень жаль, – ответил добрый гений.
- Мне тоже, – сказал умирающий. – Во всем этом есть что-то такое, чего я никак не могу понять.
- И я тоже, – вздохнул несчастный добрый гений.
- Наверное, скоро все объяснится, – сказал Рустан.
- Посмотрим, – сказал Топаз.
- Тут все исчезло. Рустан оказался в доме своего отца, из которого не выходил, в своей собственной постели, он спал всего час. [154]
- Он внезапно просыпается, весь в поту, растерянный, ощупывает себя, зовет, кричит, звонит. Топаз, его лакей, в ночном колпаке, зевая, является на зов.
- Я умер или я жив? – спрашивает Рустан. – Жива ли прекрасная принцесса Кашмира?...
- Господина мучают кошмары? – спокойно спрашивает Топаз.
- Ах, – кричит Рустан, – что же случилось с этим негодяем Эбеном и его черными крылами? Это по его вине я умираю такой жестокой смертью.
- Господин, он храпит там наверху, я могу его позвать, если вам угодно.
- Негодяй, уже полгода он терзает меня, это он привез меня на злосчастную ярмарку в Кабул, это он подменил алмаз, который мне подарила принцесса, он один виноват в роковом путешествии, в смерти принцессы и в том, что, пронзенный дротиком, я умираю в самом расцвете сил.
- Успокойтесь, – ответил Топаз, – никогда вы не были в Кабуле, никакой принцессы Кашмира не существует на свете, у ее отца только двое сыновей, которые сейчас учатся в коллеже. У вас никогда не было алмаза; принцесса не могла умереть, коль она не рождалась, а вы в полном здравии.
- Как, разве не ты был со мной, когда я умирал на постели принца Кашмира? Разве не ты признался мне, что, стараясь уберечь меня от стольких бед, ты превращался в орла, слона, полосатого осла, врача и сороку?
- Господин, вам все это приснилось. Мы не властны над нашими мыслями ни во сне, ни наяву. Быть может, господь бог послал вам эту вереницу видений, чтобы через них внушить наставление к вашей же пользе.
- Ты смеешься надо мной! – вскричал Рустан. – Как долго я спал?
- Господин, вы спали всего один час.
- Так как же ты хочешь, проклятый резонер, чтобы я за один час успел побывать на ярмарке в Кабуле шесть месяцев тому назад, вернуться оттуда, совершить путешествие в Кашмир и умереть вместе с Барбабу и принцессой?
- Господин, в этом нет ничего невероятного и необычного, на самом деле вы могли бы совершить кругосветное путешествие и пережить гораздо больше приключений и за более короткий срок. Разве вы не можете прочесть за час краткую историю персов, написанную Зороастром, хотя она охватывает восемь тысяч лет? Эти события одно за другим проходят перед вашими глазами в течение одного часа, согласитесь же, что для Браммы совершенно все равно, сжать ли их в один час или растянуть на восемь тысяч лет. Представьте себе, что время – это вращающееся колесо, диаметр которого бесконечен. В этом огромном колесе расположены одно в другом бесчисленное множество более мелких колес, центральное колесо невидимо, но оно делает бесконечное множество оборотов за то время, пока огромное колесо проходит всего один. Отсюда ясно, что все события, от начала мира и до конца его, могут произойти, сохранив ту же последовательность, за гораздо меньший срок, чем стотысячная доля секунды; теперь вы можете сказать, что так оно и есть.
- Я тут ничего не понимаю, – сказал Рустан.
- У меня есть попугай, который легко вам все объяснит, – предложил Топаз. – Он родился незадолго до потопа, побывал в ковчеге, многое повидал, однако ему всего полтора года. Он расскажет вам свою историю, она очень и очень занимательна.
- Иди скорее за попугаем, – сказал Рустан, – он меня позабавит, пока я снова не засну.
- Он у моей сестры, монахини, – ответил Топаз. – Я сейчас же отправлюсь за ним, вы останетесь довольны, у него превосходная память, он рассказывает просто, без прикрас, не стараясь при каждом удобном случае щегольнуть умом.
- Тем лучше, – сказал Рустан. – Я обожаю сказки!
- Ему принесли попугая, и тот начал свой рассказ так... N.В. Мадемуазель Катрин Ваде [155] так и не нашла историю попугая в бумагах своего покойного кузена Антуана Ваде, автора этой сказки. Это весьма досадно, если вспомнишь, каких времен попугаю довелось быть свидетелем.

Маргарита де Любер

[156]

Принцесса Скорлупка и принц Леденец

[157]

Жил некогда король с таким длинным носом, [158]что тонкий его конец наматывали на особый ворот, который тащили впереди него двое пажей, хотя они, к слову сказать, ни гроша за свой труд не получали и ели что бог пошлет. Однако мясистый корень королевского носа так выпирал, что пришлось поотбивать углы у всех домов в городе, чтобы его величество во время прогулок мог свернуть в любую улочку, ни за что не зацепившись.

А королевский нос тем временем все продолжал расти и невыносимо чесаться. И поскольку придворные врачи утверждали, что только щелчки могут унять зуд, короля в народе прозвали Щелчком.

Что за скупердьяй был этот король Щелчок, ни в сказке сказать, ни пером описать! Ему было до смерти жалко денег, что уходили на жалованье щелкунам. И вот, чтобы избавиться от этой траты, он ввел особый оброк: полсотни подданных непрерывно денно и ночью щелкали его по носу, пока их не сменяла другая полсотня. Надо сказать, что оброк этот крайне истощал народ.

Скупость короля вошла в поговорку, и про скупцов в те времена говорили не «Скуп, как ростовщик», а «Скуп, как Щелчок» – уже тогда были остроумцы, не щадившие королевских особ.

Король этот, разумеется, жениться не желал, так как его пугали расходы на свадьбу и на содержание молодой супруги.

А между тем он мог бы подыскать себе невесту хоть куда: казна его просто ломилась от золотых экю, королевство процветало, да и собой он был совсем недурен в молодые годы, нос у него был как нос и нимало его не уродовал. Несчастье это постигло короля внезапно, и сейчас мы узнаем, как это случилось.

Итак, когда у нашего короля был еще нос, который он мог держать по ветру, ему наперебой предлагали самых лучших невест, но тщетно, он и слышать не желал о браке по уже названным причинам и еще, быть может, из страха оказаться в некоем сообществе – сообществе, которое, впрочем, тогда еще не было таким обширным, как в наше время.

Однако ему, подобно всем великим людям, очень хотелось иметь потомство, чтобы его богатство и королевство не перешли бы в чужие руки.

А иметь детей, не имея жены, [159]было в те давние времена делом не из легких, как, впрочем, и теперь.

Король обращался по этому поводу ко всем знаменитым врачам, живущим за четверть лье от дворца, суля в случае удачи невесту что, но надеялся при этом отделаться ничем.

Эти посулы воодушевили ученых мужей и заставили их перелистать немало старинных фолиантов. Но после длительных и бесплодных поисков им пришлось признаться в своем невежестве в этой области.

Надо сказать, что в тот далекий век фей было еще очень мало, не то что теперь, и даже самая старая из нынешних была тогда малюткой. А то нашему доброму королю не пришлось бы так долго мыкаться.

Но король был не из тех, кого останавливают трудности, и он так упорно продолжал поиски, что в конце концов от кого-то услышал, будто в стране Сапиенс живет весьма прославленный колдун и к тому же такой ученый, что все «Альманахи [160]Матье Ленсберга [161]», «Коломба», «Маленькие подарочки» [162]и даже «Советы дьявола»

[163]сочинил не иначе как он.

Звали его Сомкнутый Глаз, потому что с детства он даже во сне не смыкал глаз, точнее, из семи смыкал только один, боясь быть застигнутым врасплох. Его ученость и его могущество вызывали всеобщее восхищение и прославили его на весь мир.

Это он первый открыл, [164]что дурная погода сменяется хорошей, что с восходом солнца наступает день, что, умерев, перестаешь быть живым, что если лавки на замке, значит, в городе праздник, что ночью все кошки серы и что у страха глаза велики.

Он научил своих современников тому, что до него никто не умел: пускать пыль в глаза, строить воздушные замки, попадать пальцем в небо, хватать быка за рога, гнаться за двумя зайцами, садиться между двух стульев, ломиться в открытые двери, бить баклуши, ставить мертвому припарки, лезть в воду, не зная броду, соваться в чужой монастырь со своим уставом, обжечьшись на молоке, дуть на воду, надирать животики со смеху, выдавать кукушку за ястреба, совать нос в чужие дела, втирать очки, утаивать шило в мешке, разводить рукой чужую беду, резать правду-матку, шить бельми нитками, лить воду на чью-то мельницу, мягко стелить, чтобы жестко спать, класть зубы на полку, пускать козла в огород, а также открыл им немало других замечательных секретов, которые люди без него не узнали бы до сей поры.

Он первый сказал, что если бы да кабы да во рту росли бобы, то был бы не рот, а целый огород, что куда конь с копытом, туда и рак с клешней, что что

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
посеешь, то и пожнешь, что дареному коню в зубы не смотрят, что третий – лишний, что надо семь раз отмерить, прежде чем раз отрезать, что дорога ложка к обеду, что что в лоб, что по лбу, что нечего на зеркало пенять, коли рожа крива, что тише едешь – дальше будешь, а поспешишь – людей насмешишь, что волков бояться – в лес не ходить, что гусь свинье не товарищ, что хорошо смеется тот, кто смеется последним, что делу – время, потехе – час, что мертвые сраму не имут. Он изрек еще целый ряд подобных истин, и я бы их все обязательно привела, будь у меня лучшая память. А еще говорят, хоть в это и трудно поверить, что Сомкнутый Глаз открыл людям секрет, как варить яйца вкрутую и первым научил собак выть на луну, а лошадей – спотыкаться на самых ровных дорогах.

Зато достоверно известно, что именно он является автором бесподобных куплетов, таких заразительных, звучных и грациозных, как «Марго, Марго, когда ж ты кончишь наконец?», «Уберите ваш костыль» и «Задуйте свечку, мадемуазель», которые и в наш век имеют еще немалый успех.

Если бы я взялась перечислять все редкие таланты великого Сомкнутого Глаза, я бы и посейчас еще этим занималась, поэтому достаточно будет добавить, что по натуре своей он был очень услужливый и никогда никому ни в чем не отказывал, если только просящий, обращаясь к нему, не употреблял ненароком слова «да» или «нет». По таинственной причине, выяснить которую мне так и не удалось, эти два слова были ему настолько ненавистны, что он их никогда не произносил, а если кто-то случайно ронял при нем хоть одно из них, несчастный бывал жестоко наказан. И Щелчка предупредила об этой опасности, когда ему посоветовали обратиться к великому колдуну.

Совет пришелся королю по душе, и он сразу же отправился в путь в одежде паломника, безо всякой свиты, под предлогом того, что дал обет идти пешком, а на самом же деле, чтобы избежать лишних расходов.

Меня даже уверяли, что, не желая сносить своих подметок, он одолжил башмаки у одного из придворных, который не посмел ему отказать. Тут я не поручусь за достоверность, но как бы то ни было, наш добрый король Щелчок с посохом в руке и с котомкой за плечами зашагал по дорогам. Он шел то быстро, то медленно, вроде бы гуляючи, распевая все время песни, а когда этого никто не видел, то не отказываясь от милостыни, если какая-нибудь жалостливая душа протягивала ему, словно нищему, мелкую монетку. Наконец он добрался до страны Сапиенс и, пройдя большую ее половину, увидел на склоне холма того, кого пошел искать за тридевять земель, – колдуна по прозвищу Сомкнутый Глаз.

Это был старец со строгим лицом, опирающийся на деревянную клюку, украшенную железными нащепками. Одежда его не только не отличалась роскошью, но скорее поражала убожеством, хотя и была сшита из ткани, сотканной из чистого пантагрюэлиона, [165]лекарственного растения, особенно полезного при ангидах.

Его окружало стадо белоснежных овец, эти крупные, одно к одному, животные шли за ним по пятам и повиновались его голосу.

Его чресла были опоясаны широким ремнем из кожи то ли коровы, то ли быка – кого именно, мне так и не удалось выяснить.

Рядом, на железной цепи, сидело некое чудовище, которого невежды не преминули бы принять за пса, ибо оно лаяло и обладало песьей головой, песьей шерстью, песьим телом, песьим хвостом, но это был не пес, а сука. Короче говоря, Сомкнутый Глаз, столь великий, столь ученый, столь могучий и столь прославленный колдун, был не кем иным, как пастухом, но пастухом, умеющим не только пасти овец.

Едва его заметив, Щелчок любезно шаркнул ножкой и, как положено воспитанному господину, снял свою шапочку. Он уже был готов обратиться к колдуну с изящным приветствием, которое заранее составил, причем, заметьте, совсем неплохо, хотя и несколько своеобразно, и затвердил на память, но Сомкнутый Глаз не дал ему и рта раскрыть.

– Я знаю, что привело тебя ко мне! – крикнул он ему резко. – Ответь мне только на вопросы, которые я тебе задам, и тогда я решу, заслуживаешь ли ты моей помощи. Знаешь ли ты, кто я?

– Еще бы! Если бы я вас не знал, я бы не пришел столь издалека, – отвечал Щелчок.

– Не ты ли тот король, который ненавидит брак?

– А почему бы мне им не быть?

– Однако, несмотря на это, ты все же желаешь иметь детей?

– Даже если так, что в этом дурного? – ответил король.

– Я доволен тобой! – воскликнул Сомкнутый Глаз. – Плохо бы тебе пришлось, если бы ты хоть на один из моих вопросов ответил односложным утверждением или отрицанием, которые мне ненавистны. Можешь ли ты обещать, что не будешь ими пользоваться, пока не вернешься в свое королевство? Если обещаешь, я выполню твое желание.

Услышав столь сладостные слова, Щелчок потерял голову от счастья. Он кинулся на колени перед пастухом и воскликнул:

– О да, я вам это обещаю!

Не успел король произнести это несчастное «да», как Сомкнутый Глаз впал в настоящее бешенство, все его глаза засверкали и стали метать молнии, а изо рта вырывались огонь и пламя. Он свистнул в пальцы, и тут же один из самых крупных баранов стада оказался между ног Щелчка, вырос до невероятных размеров и припустился галопом, унося на спине несчастного короля, которому ничего не оставалось, как только вцепиться в его шерсть, чтобы не упасть и не разбиться.

Баран неся как угорелый без остановки девять дней и девять ночей, проделав за это время около четырех тысяч триста семидесяти семи парижских лье, остановился у глубокого обрыва и скинул в него короля Щелчка. Несчастный долго катился вниз, ушибаясь о выступающие скалы, и, когда он оказался у ног омерзительного чудовища, на нем уже не было живого места.

Хотя по формам своим чудовище это напоминало человека, назвать его так было невозможно, потому что голова у него была деревянная, вместо глаз сверкали изумруды, борода была изо мха, волосы – из медной проволоки, уши – из пробки, зубы – из выделанной кожи, нос – из папье-маше, руки – из рогов, тело – из стекла, ноги – глиняные, а ступни – выкованы из железа.

– О! – воскликнуло оно, увидев упавшего короля, – наконец-то можно будет снова ударить в колокол, давно у нас не было подходящего языка!

Оно тут же схватило Щелчка и привязало его ногами к цевью вырубленного из камня колокола, который висел между двух скал, так что голова короля оказалась отличным языком. Конечно, она тут же разлетелась бы в куски, если б чудовище не сделало ее тверже алмаза, облив особой жидкостью, рецепт которой знало только оно. Однако этот рецепт, столь редкий в те давние времена, стал впоследствии широко известен, вот почему в нашем обществе теперь столько твердоголовых.

Именно в этом ущелье и собирались великие шабаши нечистой силы. Удары колокола разносились в округе десяти тысяч лье, и, едва услышав звон, все колдуны и колдуньи вскакивали верхом на метлы и мчались на зов.

Король Щелчок провисел вот так, вниз головой, в течение трех месяцев, пяти дней, семи часов, четырех минут, не считая еще нескольких секунд. И за все это время у него во рту не было ничего, кроме горчичного слабительного, которое чудовище исправно давало ему каждое утро. Свое наказание король терпел с удивительным смирением, утешаясь мыслью, что он хотя бы ничего не тратит на жизнь. Он и по сей час еще висел бы там, не выручи его счастливый случай.

Однажды, было это, если не ошибаюсь, в канун Иванова дня, колокол созвал всех на очередной шабаш, и Сомкнутый Глаз роскошно угощал своих гостей. Во время этого пира одному из самых знаменитых колдунов до смерти захотелось отведать репового соуса, но, как на грех, никто из присутствующих не знал этого рецепта. Разгневанный колдун решил немедленно покинуть шабаш и уже сел было на свою метлу, но тут король Щелчок, который, болтаясь в колоколе, все слышал, сказал, что он прекрасно готовит реповый соус и сумеет доказать, если его отвяжут, что он не из тех, кто зря хвастается. Он и на самом деле в свое время научился неплохо готовить для того, чтобы потом уволить кухарку.

Сомкнутый Глаз тут же приказал отвязать короля от колокола и за вкусный соус посулил даровать ему не только свободу, но и наследников.

Король взялся за дело без промедления и в два счета приготовил такой вкусный реповый соус, что пальчики оближешь.

Сомкнутый Глаз был очень доволен и дал Щелчку в награду два яйца, наказав одно бережно хранить, а другое – разбить, как только он вернется в свое государство. Счастливый Щелчок готов был рассыпаться в выражениях благодарности, столь длинных, сколь и скучных, но все три раза, что он открывал рот, ему мешала произвольная зевота, и в конце он впал в глубокий сон. Долго ли он проспал, неизвестно, но, проснувшись, был приятно удивлен, обнаружив, что находится в своем дворце и что возле него лежат оба яйца. Их вид доставил ему такую радость, что он сразу забыл все перенесенные страдания.

Он тут же собрал вельмож, рассказал им про свое трудное паломничество, а потом, повинувшись приказу Сомкнутого Глаза, разбил одно из яиц.

И весь двор увидел, как из него вышла крошечная девочка,

[166]красивая, как ангел небесный, одетая в богатые одежды и вся увешанная жемчугом и бриллиантами. Но самым невероятным было то, что малышка стала расти на глазах у всех, очень скоро обрела рост и облик пятнадцатилетней девушки, и сразу стало ясно, что по обаянию, изяществу и уму ей нет равных на свете.

Присутствующие разинули рты от удивления, и даже сам король не смел

вымолвить ни слова.

Юная принцесса, которой тут же дали имя Скорлупка как в память об ее необычайном появлении на свет, так и из-за ослепительной белизны ее кожи, первой прервала молчание и голосом более нежным, чем флейта, обратилась к королю вот с какими изысканными речами:

– Сударь, я знаю, сколь я вам обязана, какие страдания вы великодушно претерпели, чтобы дать мне возможность увидеть божий свет. Отныне я буду стараться каждодневно выражать вам свою горячую благодарность, любовь и уважение, которое такой отец, как вы, внушает такой дочери, как я. Король, исполненный восторга и нежности, заключил ее в свои объятия, называя своей куколкой, своей доченькой и еще сотней других столь же нежных имен. При этом слезы радости лились у него из глаз и ее глаза тоже не остались сухими. И все придворные, созерцая эту трогательную сцену, тоже принялись кто вздыхать, кто реветь, как белуга, а кто и кричать, как осел, и наперебой поздравлять короля Щелчка с таким замечательным продолжением рода.

И тут прелестная принцесса снова заговорила:

– Я не знаю, какая судьба меня ожидает. Зато знаю, что, поскольку у меня не было детства, у меня никогда не будет и старости, и что, сколько бы я ни прожила, я не потеряю ни юности, ни привлекательности, которыми небу было угодно наградить меня при моем появлении на свет. А мое счастье или несчастье зависит всецело от того второго яйца, которое всезнающий Сомкнутый Глаз велел вам беречь. Яйцо это всегда должно быть при мне, поэтому я и прошу вас соизволить мне его вручить.

И принцесса открыла резную шкатулку из чистого золота, украшенную сапфирами и топазами, которая висела на ее поясе на цепочке из бриллиантовых колечек. Внутри шкатулка была выложена алым пухом, столь нежным и воздушным, что никакой шелк не мог с ним сравниться. В этот пух принцесса и положила свое драгоценное яйцо и закрыла шкатулку с помощью пружинки, сделанной настолько искусно, что даже ястребиный взгляд ее бы не обнаружил – только сама принцесса знала, как ее можно открыть.

Во всем королевстве необычайно пышно отпраздновали появление наследницы престола. Даже самый последний из его подданных, чтобы не отстать от других, украшал свои двери гирляндой из яичных скорлупок, и таким образом в королевстве вскоре стало не хватать скорлупок, их пришлось выписывать из-за границы, причем в большом количестве. Они были развешаны на всех площадях и улицах: ничто не могло придать городам более праздничного вида.

Эти торжества длились бы еще долго, но внезапно их прервало весьма печальное событие, о чем я вам сейчас и поведаю.

Недалеко от дворца было расположено озеро, полное сладкой каши, которое, заметим, приносило королю Щелчку немалый доход, потому что ее покупали все няньки, чтобы кормить детей. Его величество собственной персоной продавал эту кашу в розницу: не говоря уже о том, что это было куда более выгодно, товар таким образом не проходил через руки откупщиков и посредников, чья честность в те далекие времена оставляла желать много лучшего, как, впрочем, и теперь.

Это озеро, которым Щелчок так дорожил, и оказалось причиной его беды.

В самый разгар празднеств, в которых, по воле короля, должны были участвовать все подданные, в одно прекрасное утро к его дворцу подъехала колесница. Ее тянули двенадцать гусениц натуральной величины, причем на каждой из них красовалась попона из луковой шелухи, а их рожки были увиты листьями чеснока с кисточками из усиков порея.

В колеснице, которая была не чем иным, как выдолбленной тыквой, гордо восседала крошечная женщина ростом в несколько вершков, но с лицом шириной в локоть, однако нос на нем можно было разглядеть лишь с помощью микроскопа, потому что он был не крупнее зернышка проса. Зато грудь у нее была столь обширна, что ее приходилось класть на тачечку, которую толстушка толкала впереди себя, когда ходила пешком. Именно поэтому ее в юные годы хотели назначить кормилицей всех тринадцати кантонов, [167]но она великодушно отказалась от этой чести, потому что была по натуре скромна и лишена всякого честолюбия.

Два роскошных рыбьих хвоста были вплетены в ее пышные волосы и изящно ниспадали ей на плечи.

Связка лука служила ей ожерельем, а две репки – серьгами.

Догадываетесь ли вы, кем была эта маленькая толстушка, которую я прямо вижу перед собой всякий раз, как ее вспоминаю?

Это была людоедка. Хотя фей, как я уже говорила, в те времена было еще мало, людоеды встречались повсеместно.

Эта людоедка съела столько вафель и трубочек с кремом, что вконец испортила себе зубы и была уже не в состоянии есть свежее мясо, к своему великому горю, но зато к великой радости всех соседских детей.

Звали ее Канкан, и она препротивно гнусавила из-за своего крошечного носа. Сойдя с колесницы и показавшись придворным во всей своей красе, Канкан тут же отправилась в апартаменты короля, который, не предчувствуя никаких каверз, бесшабашно бражничал со своими друзьями.

– Король, – сказала она ему, – узнаешь ли ты людоедку Канкан? Я снизошла до того, что прошу тебя о милости. Судьба ко мне безжалостна, я теперь обречена есть одну только кашу, поэтому я прошу тебя отдать мне свое озеро. Но, прежде чем ответить, подумай о том, что я могу силой отнять у тебя то, что в твоей власти мне великодушно уступить.

– Ах, как бы не так! – воскликнул король Щелчок. – Каша у меня есть, да не про вашу честь! Носом не вышла, а все туда же лезет!

Наш добрый король был уже навеселе и поэтому указал пальцем на крошечный нос Канкан, и тогда его собутельники, чтобы ему потрафить, принялись твердить наперебой, стараясь перекричать друг друга: «Носом не вышла! Носом не вышла!»

Людоедка, услышав эти крики, так разозлилась, что стала краснее свеклы. Она в бешенстве кинулась на короля и щелкнула его в нос, пробормотав при этом какие-то слова, которые никто толком не расслышал. Вслед за тем она выбежала из дворца, прыгнула в колесницу, и гусеницы заскакали резвым галопом.

А у короля тем временем вытянулся нос и начал расти на глазах, да с такой быстротой, что пришлось тут же начать его наворачивать на ворот, как я уже рассказывала в начале этой правдивой истории. Он очень скоро стал таким длинным, что, если бы его не наматывали, его можно было протянуть из конца в конец королевства.

Однако зловредная Канкан на этом не остановилась, она отняла у короля и озеро с кашей. Таким образом, в один и тот же день Щелчка постигло два страшных несчастья, причинивших ему одинаковое горе: нос его стал неуклонно увеличиваться, а доходы столь же неуклонно уменьшаться.

А тем временем молва о красоте Скорлупки распространялась все шире, о ней говорили теперь во всех соседних королевствах, слагали легенды.

Принц Хек, повелитель острова Засол, поторопился выслать послов, чтобы просить у короля ее руки. Он хорошо знал, сколь скареден был Щелчок, и поэтому предложил взять Скорлупку в жены без приданого, да и свадьбу сыграть за свой счет, а кроме того, посылать королю каждый год во время поста большое количество вяленой трески, селедки и всякой другой соленой рыбы. К тому же он пообещал Щелчку, чтобы украсить его дворец, взять на себя расходы по постройке роскошных отхожих мест.

Такие предложения соблазнили нашего скупердяя, и он тут же дал свое согласие на брак, даже не посоветовавшись со Скорлупкой.

А принц Хек между тем не имел никаких шансов тронуть нежное сердце юной принцессы: он был темнолиц и дурно сложен, отличался гнусным характером и плоским умом и к тому же вонял хуже, чем тухлая рыба.

Добавим ко всем этим прелестям, что он был злой, надменный, тщеславный, воображал, будто все красавицы по нему вздыхают, и считал, что совершает мезальянс, остановив свой выбор на Скорлупке.

Как только послы передали ему согласие короля, он сел на морского ската и со своей многочисленной свитой, вооруженной морскими иглами и защищенной броней из раковин, отправился ко двору короля Щелчка.

А Щелчок втайне вел необходимые приготовления для свадьбы и, назначив день, призвал к себе Скорлупку, которая пока еще понятия не имела, какая жестокая судьба ей была уготована, и обратился к ней со следующими словами:

– Ты знаешь, моя дорогая дочь, с какой нежностью я всегда к тебе относился. Сегодня ты в этом лишней раз убедилась, оценив по достоинству мужа, которого я тебе подыскал: это человек вполне состоятельный, я бы даже сказал, богатый, у него свой дом, земельные владения и рента. Одним словом, речь идет о принце Хеке, которого ты с этой минуты уже должна считать своим мужем, поскольку он им станет через три дня. Ты молчишь? Что же ты не бросилась на шею своему папочке, чтобы поблагодарить его за такую хорошую новость?

Скорлупка задрожала, услышав о столь неожиданном решении короля, и упала перед ним на колени.

– Отец, – сказала она, – если вы дорожите мной, если своим уважением к вам я заслужила вашу любовь, то не отлучайте меня от себя, не отправляйте на чужбину, где я буду безутешно горевать оттого, что нахожусь в разлуке с вашим величеством.

– Дочь, – ответил Щелчок, – я тронут твоим добрым сердцем, поверь, пережить нашу разлуку мне будет еще труднее, чем тебе. Но я дал свое согласие, меня подвигли на это весьма веские доводы, и никто не в силах помешать мне сдержать данное мною слово. Я не желаю ничего слушать. Почтительно молю мне внять в последний раз, могу принудить я свой выполнить приказ.

Эту реплику Щелчок вычитал в какой-то трагедии и был очень горд, что нашел случай столь уместно ею воспользоваться. Затем он повернулся спиной к Скорлупке и удалился, оставив ее наедине со своими печальными мыслями. Только она хотела запереться у себя в комнате, чтобы дать волю слезам, как ей доложили, что явился тот, по чьей вине она собиралась их проливать. Принц Хек бесцеремонно вошел и бросился к несчастной принцессе, чтобы заключить ее в свои объятия, а у нее едва хватило сил его оттолкнуть.

– Вы небось себя не помните от радости, что такой красивый малый, как я, готов вас взять в жены. Я нахожу, что вы вполне милы и заслуживаете моей милости. Поверьте, я даже не очень сожалею о той глупости, которую совершаю, вступая в брак.

Природная мягкость принцессы не позволила ей показать всю меру возмущения, которое охватило ее от слов принца.

– Принц, – ответила она, – я понимаю, что ваш выбор большая для меня честь. Я знаю также, что вы получили согласие моего отца. Но если вашему сердцу ведомы великодушие и сострадание, то сжальтесь над бедной принцессой, которая испытывает непреодолимое отвращение к браку.

– Это пустяки, сущие пустяки, – сказал Хек. – Моя бабушка, которая отнюдь не была душой, мне не раз говорила, что все девушки так глупо себя ведут, когда им говорят о свадьбе, но это, как говорится, лишь отход на разбег. Я достаточно искушен в таких делах, чтобы видеть, что вы смотрите на меня с вожделением, – вам бы хотелось, чтобы я уже был ваш, ведь верно, плутовка?

– Бог свидетель, – возразила Скорлупка, – что я с вами говорю вполне искренне, я не умею скрывать своих чувств и клянусь вам, что я обнажила перед вами свое сердце.

– Очень жаль, моя прелесть, – сказал Хек, – но мы сумеем справиться с этим строптивым сердечком, не сомневайтесь. Чтобы оно смягчилось, разрешите один поцелуй.

С этими словами он снова подошел к принцессе и попытался даже ее поцеловать.

– Наглец! – воскликнула она. – Остановись, не доводи меня до отчаяния, не то я буду на все способна!

Хек не ожидал такого отпора, он стоял, словно в рот воды набрав, потом наклонил голову, почесал затылок и вышел, так и не проронив ни слова. Что касается принцессы, то это объяснение отняло у нее столько сил, что она без чувств упала на руки служанок.

Обморок оказался таким длительным, что все уже стали опасаться за ее жизнь и решили, что необходимо сообщить Щелчку, какая ей грозит опасность.

Одну из служанок – звали ее Болтушка – отправили к королю с печальной вестью.

Болтушка была до того болтлива, что второй такой днем с огнем не сыщешь. Она с радостью взялась выполнять поручение, ибо ей лишний раз представился случай проявить дарованный ей небом талант: употреблять много слов без всякого толка. Каждое третье слово сопровождала она поговоркой или присказкой, благодаря чему летописцам удалось установить ее родственную связь со знаменитым Санчо Пансой, самым верным из слуг, – его дядя был ее тетей.

Болтушка рассказала о случившемся так, как и следовало ожидать от такой умницы-разумницы, как она: она сильно преувеличила грубость принца Хека, рыдала, говоря о больной принцессе, уверяла, что Скорлупка, несомненно, уже умерла, осуждала отцов, которые своей жестокостью ввергают дочерей в отчаяние, и тут же попыталась рассказать историю одной своей родственницы, которая в подобной ситуации предпочла смерть.

Щелчок не стал ее слушать, а побежал в апартаменты своей дорогой Скорлупки, которая все еще лежала без сознания. Вместе со служанками он стал приводить ее в чувство, и наконец несчастная принцесса открыла глаза, и тут же из них градом полились слезы. Король испытал к ней сострадание, пожалел, что был столь суров и непреклонен с этим прелестным созданием. Уходя, он пообещал переговорить с принцем и взять назад данное ему обещание.

Эти слова несколько успокоили Скорлупку. А король сразу же отправился к принцу и рассказал, в каком ужасном состоянии он нашел юную принцессу, объяснил, что она испытывает явное отвращение к браку и что поэтому их помолвку надо разорвать или, во всяком случае, отложить предстоящую свадьбу на неопределенный срок.

Принц Хек, который от полученного отпора еще больше вспылал, принял это сообщение с кисло-сладким видом.

– Что ж, – сказал он, – раз вы неверны своему обещанию, воля ваша, вам решать, кому отдать Скорлупку в жены, не такой уж она лакомый кусочек, чтобы из-за нее биться, и без нее найдется немало принцесс, которые за счастье сочтут войти в семью Хеков. Однако, прежде чем забирать свое слово, вам следовало бы подумать о той протекции, которую я могу вам составить у

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
людоедки Канкан, с которой я связан теснейшими узами родства. Вы ведь знаете, что мой прадедушка в первом браке был женат на крестной отца матери одного человека, троюродный брат которого был влюблен в тетку мужа этой крестницы, имевшей родственника, дружившего с этой людоедкой.

[168]К тому же мой дедушка и ее дедушка были нашими общими дедушками. Судите сами, в силах ли она будет мне отказать, если я попрошу ее расколдовать ваш нос и вернуть вам то озеро сладкой каши, которое она у вас отняла.

Услышав, что есть надежда получить обратно озеро, Щелчок, который никак не мог примириться с этой потерей – его скупость была так велика, что он был готов пожертвовать всей своей семьей и даже своей собственной персоной ради накопления богатств – бросился Хеку на шею и стал его уверять, что он лучший принц в мире, а Скорлупка – просто дурочка, если не может его оценить по достоинству. Пусть умирает с горя, но она станет его женой, такова воля отца.

Не откладывая дела в долгий ящик, король тут же вернулся к дочери и обратился к ней со следующими словами:

– Я обещал тебе, моя бедная Скорлупка, что я изменю свое решение. Я только что разговаривал с принцем Хеком и сделал все возможное, чтобы убедить его разорвать вашу помолвку. Но если ты узнаешь, на каких условиях он просит твоей руки, ты, быть может, сделаешь над собой усилие и ради твоего дорогого папочки согласишься на этот брак. Да, моя дорогая дочь, если ты выйдешь за него замуж, он обещает уговорить Канкан вернуть мне мой бульдожий нос, и я больше не буду ходить с этим уродливым длиннющим носиком, который приносит мне столько страданий. Короче говоря, дитя мое, нос твоего короля находится в твоих руках, тебе достаточно произнести одно слово, и судьба его решится.

Добрый король Щелчок был хитрецом и поэтому ни словом не обмолвился о том, что Хек пообещал ему вернуть и озеро с кашей, но он поостерегся об этом упоминать, чтобы не прослыть таким скупцом, каким он был на самом деле.

– Докажи мне лишний раз, – продолжил он, помолчав, – сколь велика твоя любовь ко мне. Не спорю, принца Хека не назовешь красавцем, и не буду отрицать, что он пахнет морскими водорослями. Но ко всему этому можно в конце концов привыкнуть. И уж поверь, ты будешь не первой красавицей, которая взяла себе в мужья урода.

– Сударь, – ответила Скорлупка, – я испытываю к принцу Хеку такое отвращение, его наглые манеры вызвали у меня такой ужас, что мне легче было бы принять самую жестокую смерть, чем навеки соединить свою жизнь с таким чудовищем. Ни просьбы, ни угрозы не могли бы меня поколебать, но сейчас сердце мое дрогнуло, поскольку речь идет о вашем интересе. Я буду послушна вашей воле и не позволю себе даже ни единой жалобы. Раз ваше счастье зависит от моего послушания, то вопрос решен: заверьте принца, что я готова отдать ему свою руку.

Король Щелчок пришел в восторг, поцеловал свою дорогую дочь и побежал сообщить принцу Хеку об этом неожиданном обороте дела, а также дать все распоряжения для свадьбы.

Скорлупка оказалась в таком тяжелом положении, что и вообразить нельзя: каждый день ей приходилось безропотно терпеть все новые наглые выходки со стороны Хека, который не покидал ее ни на час, если не считать того, что он иногда ездил на охоту добывать всякую пакость, которая была для него лакомством.

Только в эти редкие часы принцесса могла свободно предаваться своей печали и жаловаться верной Болтушке, ибо другой наперсницы у нее не было.

Болтушка никак не могла взять в толк, зачем плакать в канун свадьбы, и находила немало глупых доводов, пытаясь утешить свою принцессу.

– Что вы убиваетесь день-деньской? – говорила она Скорлупке. – Ведь слезами делу не поможешь. Дни сменяют друг друга, но один на другой не похож. Я вам советую запастись терпением, потому что, как говорится, терпение и труд все перетрут. Быть может, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Недаром в песне поется, что нет ничего лучше хорошего мужа, хотя все знают, даже самый лучший ничего не стоит. Но, как известно, один в поле не воин, да к тому же на всякую старуху бывает проруха. Брак – это как азартная игра, и неизвестно, где найдешь, а где потеряешь. Как говорила моя крестная, пощупайте одного, укусите другого и выберите худшего. Каков бы ни был ваш суженый, постарайтесь его подстричь под свою гребенку, но при этом помните, что всякому овощу свое время, и не стреляйте из пушек по воробьям. Если вы в дальнейшем не будете довольны своей судьбой, то впору вам напомнить, что сама себя раба бьет, коль не чисто жнет. Как известно, на всякого мудреца довольно простоты, но не забывайте, что лиха беда начало. Конечно, слушая меня, вы скажете, мол, чужую беду руками разведу, но ведь все равно никто еще сухим из воды не выходил. Так или иначе, я утверждаю, что у страха

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
глаза велики, а конец – делу венец, и не скажи «гоп!», пока не перескочишь.
Болтушка была готова часами разговаривать [169] на такую
увлекательную тему, но принцесса, которая в отличие от многих, не
забавлялась, слушая глупости, приказала ей замолчать.
Наконец наступил день этой роковой свадьбы. Все музыканты города были
приглашены во дворец, а повара не поспедали снимать пену с кипящих котлов
и вертеть вертела. По этому торжественному случаю улицы были подметены, и
на них толпился народ, чтобы поглядеть на красавицу невесту и уroda жениха.
Все радовались предстоящему празднику, или, во всяком случае, казалось, что
радуются, печальной была только бедная Скорлупка. Она покорно сидела, пока
ее причесывала Болтушка, но была не в силах произнести ни слова. Сейчас ее,
невинную жертву, поведут к алтарю, и она, не позволив себе даже вздохнуть,
вынесет все до конца.
Свадебный кортеж двинулся из дворца в следующем порядке: впереди всех был
принц Хек, он сидел верхом на своем скате и его сопровождала многочисленная
свита.
Следом показался нос короля, который величественно несли двое его пажей, а
вокруг шло пятьдесят человек, роскошно одетых, – это были самые умелые
мастера щелчков и, да будет нам позволено так выразиться, не переставая,
прямо на ходу, щелкали королевский нос. Это придавало всему шествию
величественность и великолепие, доселе не виданные.
Затем шел сам король, ведя под руку несчастную Скорлупку. Принцесса вызвала
восхищение всех зевак. Каждый восклицал: «Ах, какая красавица! Ой, какая
жалость!» Улицы прямо гудели от этих возгласов.
Кортеж замыкали музыканты, игравшие кто на чем горазд. Были тут и флейты, и
барабаны, и флажолеты, и корнет-а-пистоны, и простые свистки, и
колокольчики, и морские дудки, и бубенчики, и гитары, и рупора, и всякие
другие инструменты, звуки которых сливались в самую прекрасную в мире
гармонию.
Свадьба неуклонно продвигалась вперед. Она приближалась уже к собору, как
кто-то закричал: «Ой, смотрите, летят журавли!»
Тут уместно будет сказать, что каждый год в течение шести месяцев над этим
королевством пролетало такое количество журавлей, что воздух ими кишмя
кишел и часто даже не было видно солнца.
А в этот год журавли почему-то долго не прилетали, что заставляло стариков
говорить, будто королевству грозит великое несчастье.
Поэтому, как только слышались крики: «Летят журавли!», каждый, кто был на
улице, радовался, задирая голову и подтверждал: «И правда, вон они летят!»
Король отличался безумным любопытством, известно, что это слабость всех
великих людей. Он остановился и захотел, как и все, поглядеть на журавлей.
Но из-за крайней длины своего носа он был не в состоянии задрать голову, и
это его ужасно огорчило.
Знаменитый инженер, который случайно оказался рядом, предложил подпереть
ворот, на котором был накручен королевский нос, огромной вилой, и с ее
помощью поднять его. Так как этот инженер был еще и великим физиком, он
сразу сообразил, что таким способом королевская голова откинется назад, и
король сможет любоваться журавлями, сколько его душе будет угодно.
Предложение сочли очень дельным, и придворные тут же принялись его
осуществлять.
Итак, король утешился тем, что смог наконец увидеть журавлей, и зрелище это
показалось ему до такой степени занимательным, что он велел принести себе
стул, чтобы, не торопясь и удобно устроившись, всласть наглядеться на птиц.
Однако не прошло и минуты, как один из журавлей, тот, который летел ниже
остальных, принял нос бедного короля за трубуху и с жадностью накинудся на
него. Потом еще один журавль последовал примеру первого, за ним – третий,
между ними тут же завязалась драка, во время которой они опрокинули ворот,
а следовательно, размотали нос. И тогда все несметное количество журавлей
налетело на нос, будто коршуны, каждый желал вырвать себе лакомый кусочек.
Глядеть на это было и смешно, и страшно.
Легко себе представить, что такой журавлиный бой причинил королю Щелчку
ужасные страдания. К тому же его наверняка унесла бы эта несметная стая
птиц, если бы люди из свиты не держали его изо всех сил.
Но этим дело не кончилось. Первые журавли, так и не сумев поживиться и
устав бессмысленно клевать нос, еще не успели улететь, как прилетели новые,
тоже принявшие этот нос за трубуху и с той же жадностью, что и первые,
накинулись на него. Так стало ясно, что, пока не пролетит вся стая, конца
королевской пытки не предвидится, а на это уходило, как мы уже говорили, не
меньше шести месяцев.
Ужасное происшествие с журавлями, естественно, прервало ход свадьбы. И хотя
принц Хек, нимало не заботясь о короле, бестактно требовал от Скорлупки,
чтобы она, невзирая ни на что, шла скорее в храм венчаться, она,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
естественно, не могла на это согласиться. Тогда он ее покинул, решив, чтобы не терять зря время, поохотиться, как обычно, на всякую пакость.

А Скорлупка поспешно вернулась во дворец и приказала собрать всех самых знаменитых врачей королевства в надежде, что они найдут средство облегчить страдания короля.

Больше ста гонцов отправились во все концы страны, а принцесса, у которой было самое доброе в мире сердце, предалась отчаянию. И в тот момент, когда она собралась вернуться к королю, чтобы его утешить хоть словом, она увидела, что ко дворцу подъехал молодой всадник, красивый как бог. Не буду его описывать, достаточно сказать, что, не считая Скорлупки, он был самым совершенным созданием на свете.

Он сидел верхом на великолепном белоснежном коне, седло его было из пряников, стремени – из кожуры апельсина, а уздечка – из жженого сахара. У этого очаровательного всадника латы были из леденца, с его плеч свисал плащ лимонного цвета, элегантно подхваченный пряжкой из цветов апельсина. Его сопровождало шестьдесят всадников, все они восседали на таких же белоснежных конях, и у каждого в руках были сплетенные из лимонной кожуры роскошные корзины, наполненные доверху всевозможными драже, засахаренными орехами, карамельками, пастилой, пралине, глазированными фруктами и разными цукатами, меренгами, ромовыми бабами, эклерами, трубочками с кремом, корзиночками со сбитыми сливками, а также анисовым монпансье из Вердена, черносливом из Тура, пряниками из Реймса, бисквитами из Гавра, сардельками с улицы де Бар, голландским сыром и мылом из Булони.

Хотя Скорлупка была в страшном горе, она не смогла не залюбоваться этой изящной кавалькадой и не остановить внимательного взгляда на том, который, судя по его облику, был их предводителем. Она даже шепнула своей наперснице Болтушке, что при дворе еще в жизни не видела такого ладного кавалера.

– Верно, – поддакнула Болтушка, – этот господин недурно сложен, но справедливо говорят, что по одежке встречают, по уму провожают и как аукнется, так и откликнется. Если бы ваш урод Хек был бы сработан по этой модели, вам бы не хотелось бежать куда глаза глядят и вы бы не рыдали как белуга. Но, повторяю, давайте запасемся терпением, как говорится, человек полагает, а бог располагает, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а смеется тот, кто смеется последним. Я видела немало людей, которые сражаются с ветряными мельницами, зато другие всегда выйдут сухими из воды и за словом в карман не полезут. И я не устану повторять, что поспешишь – людей насмешишь, прежде чем полюбить, надо познакомиться, ибо не все то золото, что блестит, и нам с лица не воду пить. Молодые люди всегда делают хорошую мину при плохой игре, глаза-то у них завидующие, и вы сами знаете, что значит пустить козла в огород. Впрочем, с волками жить – по-волчьи выть, с этим не поспоришь, хотя верно и то, что рыбак рыбака видит издалека. А еще хочу я вам сказать, что береженого бог бережет, а снявши голову, по волосам не плачут. И хоть деньги счет любят, не в деньгах счастье. Плохо плыть по житейскому морю без руля и без ветрил, это точно, но если зайца долго бить, то можно его научить и спички зажигать. Одним словом, жизнь прожить, не поле перейти, а чем дальше в лес, тем больше дров, в этом не сомневайтесь.

К тому времени всадник оказался уже так близко от принцессы, что Болтушке пришлось придержать язык – давать советы стало уже неудобно. Приветствуя принцессу самым обходительным образом, всадник склонился так низко, что едва не коснулся лбом седла, а потом легко спрыгнул на землю и, попросив разрешения остановиться во дворце, пожелал, чтобы его без промедления проводили в покои.

– Если бы в вашем королевстве зазвенели во все колокола и принялись бы палить из всех пушек, то шум этот все равно не мог бы сравниться с тем, который наделала во всем мире молва о ваших неотразимых прелестях, сударыня, – произнес он весьма учтиво, но вместе с тем уверенно. – А теперь я убедился, что самые восторженные слухи на этот счет, которые до меня долетали, столь же бессильны передать великолепие оригинала, сколь вывеска пивной не способна воссоздать свежесть пива. Я – принц Леденец, – добавил он, – наследник королевства Марципани. Однако, на свою беду, я был изгнан из родного королевства и уже давно брожу по свету, посещая те дворы, чьи сюзерены соизволяют устраивать пышные торжества. Это мое единственное занятие. Празднества, которыми должна быть отмечена ваша свадьба, и привели меня сюда, к вашему двору, и я надеюсь, что вы позволите придать им особый блеск, приняв те редкостные дары, которые производит наша земля и которые я осмеливаюсь вам преподнести.

И тут все шестьдесят всадников положили к ногам принцессы свои корзины. – Более изящного подарка и вообразить нельзя, – сказала Скорлупка Леденцу, – и я вам за него весьма признательна. Но вы выбрали неудачный момент, чтобы говорить со мной о празднике. Если вы гонитесь за

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
удовольствиями, покиньте скорей этот двор, где царит отчаяние из-за несчастья, постигшего только что короля, моего отца.
И Скорлупка рассказала Леденцу про беду, случившуюся с королем, и пролила при этом немало слез. Слова принцессы тронули принца, и он впервые ощутил доселе не ведомые ему движения сердца.
– Верно, прелестная Скорлупка, – сказал он, – что до сих пор я был повесой и интересовался только развлечениями и удовольствиями. Я тщательно избегал все печальные или даже просто серьезные сборища, но, видно, сам дьявол вмешался в это дело, ибо я чувствую, что больше не в силах соблюдать правило, которое я сам для себя установил. Да, милая принцесса, я испытываю необоримое желание разделить с вами все ваши горести. Я был бы несказанно счастлив, если бы благодаря моему повидлу вы снова обрели бы потерянный душевный покой и счастье, которое вы так заслужили.
Леденец произнес свою речь с подлинной страстью, а Скорлупка слушала его в молчаливом смущении, и опытные физиономисты, внимательно наблюдавшие за этой сценой, уверяли меня потом, что с той минуты им стало ясно: эти молодые люди влюбятся друг в друга до безумия.
– Изменить ради меня вот так, разом, свой образ жизни и свои вкусы – это великая жертва, и сердце мое исполнено к вам благодарности, – вымолвила наконец принцесса. – Идемте, принц, поглядите на это печальное зрелище, из-за которого я проливаю столько слез.
Леденец тут же подал принцессе руку, и они вместе поспешили навестить Щелчка. Король был все в том же положении, в котором его оставила Скорлупка: его нос развевался на ветру, как знамя, к тому же его беспощадно клевали не меньше миллиона журавлей, которые, не испытывая к его величеству должного почтения, разукрасили его лицо и бороду своим пометом. Щелчок отнюдь не отличался терпением, поэтому он все время топал ногами, но эти вспышки гнева не приносили ему облегчения, и, лишь услышав, что вот-вот придут врачи, он немного успокоился.
Леденец, выразив Щелчку свое сочувствие с присущей ему сладостностью, предложил, чтобы развлечь короля, поведать ему о своих собственных бедах. Когда принесли стулья, он сел между Щелчком и Скорлупкой и начал свой рассказ со следующих слов.
Король Эклер, повелитель страны Марципани, взял себе в жены Лакомку, самую красивую и блестящую принцессу своего времени. Вскоре после свадьбы она понесла под сердцем плод, но к концу беременности стала есть столько сладостей, что умерла во время родов. В память об этом меня и назвали Леденцом.
После смерти своей любимой супруги король был сперва безутешен и каждый день проливал не меньше полбочки слез. Но горе не может длиться вечно, ему было скучно жить вдовцом, и он вступил в новый брак с принцессой Эссенцией. Насколько моя мать отличалась мягкостью и доброжелательностью, настолько Эссенция была хитрой, завистливой, любопытной, сварливой и неуживчивой. Ко мне она с самого начала питала сильную антипатию, которая переросла в настоящую вражду после того, как она родила дочь. Девочку называли Орешенька из-за темного цвета ее кожи, а может, еще и из-за того, что Эссенция безумно любила грызть орехи, ими были набиты все ее карманы. К слову сказать, некоторые историографы, ссылаясь на это обстоятельство, утверждали, будто она родом из Амьена.
Власть, которую новая королева возымела над Эклером, проявилась прежде всего в том, что она заставила его изменить герб королевства, на котором вот уже пятнадцать, а то и двадцать тысяч лет была изображена морда быка, переkreщенная петушиными лапами. Бычью голову она заменила на коровью, а петушиные лапы на лапы каплуна.
Эти своевольные новшества сильно взбудоражили умы, и все возненавидели королеву, которая их навязала.
Она не могла смириться с тем, что я – законный наследник королевства Марципани, и мысль, что ее ненаглядная Орешенька станет когда-нибудь моей подданной, была ей до того невыносима, что она решила сыграть со мной самую злую из всех шуток, которые ей подсказывал ее дурной нрав.
Еще во времена нашего детства родители всегда были ко мне несправедливы, а мою сестру Орешеньку баловали и всячески выказывали ей свое предпочтение, хотя она с самого младенчества была хитра и завистлива – вся в мать. Она меня постоянно обижала, но мне было запрещено на нее жаловаться. Если мы играли в салочки, то она осаливала меня кулаком между лопаток изо всей силы, а если в прятки, то запирала в чулан и днями оставляла там без еды и питья. Когда мы играли в крокет, она била меня молотком по лодыжкам, а когда в классики, то толкала меня, да так, что я расквашивал себе нос. Когда мы играли в серсо, она колола меня палкой, словно шпагой, а когда в жмурки, то, неслышно подкравшись, лила мне за шиворот холодную воду. Если она проигрывала в шашки, то лупила меня доской по голове, а если в шахматы,

то засовывала мне пешки в ноздри. А когда мы играли в чехарду, она вскакивала мне на спину, стискивала меня своими острыми коленками до синяков и гоняла по комнате, пока я не падал обессиленный. Но хуже всего с ней было играть в лото: она обстреливала меня деревянными бочоночками, как из мортиры.

Мне надоело все время оказываться в дураках, и я постоянно менял наши игры, но все равно она всякий раз умудрялась меня перехитрить. Когда мы кидали кости, она жульничала, когда садились за карты, подглядывала, а в домино путала костяшки. Стоило нам сесть за крестики и нолики, как она тут же перечеркивала все клетки и кричала: «Я выиграла!», а когда мы играли в балду, то на третьей букве я уже болтался на виселице. Всего не перескажешь. На свете не было ребенка несчастнее меня, а за малейший вздох меня стегали кнутом. Я не могу сказать, что король не испытывал ко мне настоящей нежности, но он был человеком добродушным, мягким, и мачеха всем командовала. Он боялся ее властного характера, не смел ей перечить, и хоть он сокрушался над моей участью, никогда не защищал меня от ее злости. Помню, как однажды, чтоб отпраздновать день рождения моего отца, все придворные приняли слабительное. Дело в том, что именно так справляли в нашем королевстве самые большие праздники, ибо у нас лекарства не были противными, как в других странах, а слабительным у нас считался медовый пряник, который ели просто в таких количествах, что он оказывал свое лечебное действие. Так вот в тот день, о котором я сейчас вспомнил, все придворные съели невообразимое количество медовых пряников и побежали туда, куда сам король пешком ходит. И тут моя мачеха заявила, что я должен пропустить вперед свою сестру. Хоть я был еще совсем юным, я не мог стерпеть такого публичного ущемления своих законных прав и заявил протест. Тогда созвали государственный совет, и, как мачеха ни пыталась подкупить одних и запугать других, все высказались в мою пользу. И моя честолюбивая сестра была так глубоко оскорблена этим решением, что предпочла вообще не ходить в отхожее место, чем уступить мне дорогу.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я осмелился попросить, чтобы мне выделили мой удел. Мачеха, желая меня унижить, тут же подарила своей дочери несколько замков, а мне выделила садик такой величины, что стоило открыть зонтик, и ни одна капля дождя не упала бы на его землю. К тому же земля эта была такой плодородной, что из трех гусениц, которые как-то утром туда случайно забрались, две умерли с голоду, а третью постигла бы та же участь, если бы ее не спасли.

Королева высокомерно заявила, что ее щедрость не ограничится этим наделом и что она хранит для меня сто дюжин рубашек, у которых, правда, нет ни переда, ни зада, но она мне их передаст, как только привезут полотно, чтобы сделать им рукава.

Людоедка Канкан, которая в дни моего детства еще питалась свежим мясом, – она его предпочитала вафлям и трубочкам с кремом, хотя они ей были явно по вкусу, – приехала как-то во дворец к моему отцу, чтобы пополнить свой запас этих самых вафель и трубочек, в изобилии растущих на нашей земле. Она получила у нас всего столько, сколько хотела, и пришла от этого в прекрасное расположение духа.

За то время, что она у нас гостила, королева имела с ней несколько секретных разговоров – о чем они говорили, уединившись, так никто и не узнал. Но так или иначе, в день, когда людоедка собралась уезжать, моя мачеха, ссылаясь на то, что желает оказать ей честь, взяла перчатки и муфту и без всякой свиты, не считая Орешеньку и меня, отправилась провожать ее за черту города.

Когда настало время прощаться, Канкан, делая вид, что хочет меня поцеловать, втянула меня в свою колесницу, и едва я там оказался, как гусеницы припустились галопом, увозя меня от жестокой мачехи, которая для виду подняла крик, но меня она этим не обманула.

Колесница мчалась так быстро, что минутой спустя мы уже оказались перед жилищем Канкан – глубокой пещерой, выдолбленной в большой скале. Вход охраняла летучая мышь невероятных размеров. Людоедка велела мне войти в пещеру.

– Вот ты какой, – сказала она, внимательно меня разглядывая, – лакомый кусочек, ничего не скажешь. Я приготовлю из тебя прекрасное блюдо. Сегодня на ужин у меня есть еда, оставлю-ка тебя на десерт. Или нет, лучше завтра сделаю из тебя такое фрикасе, что пальчики оближешь.

Сказав это, она запахнула меня в какой-то закуток, привалив к выходу обломок скалы. По натуре храбрый как лев, я дрожал там как заяц. Мысль, что завтра из меня сделают фрикасе, меня настолько пугала, что у меня пропало всякое обоняние.

Скала, которой был закрыт выход из моего закутка, была неотесанна, поэтому оставались щели, благодаря которым я мог наблюдать, что происходит в

пещере. Содрогаясь, я увидел, что людоедка взяла мальчика примерно моего возраста, аккуратно нашпиговала его салом, живым насадила на вертел и стала поджаривать на тихом огне. Одной рукой она крутила вертел, а другой выколупывала уже подрумянившиеся шкварки и пожирала их с большим аппетитом. Когда мальчик зажарился, она облила его лимонным соком, положила на блюдо, подала на стол и съела. Затем, как настоящая пьянчужка, она стала пить вино, да столько, что тут же заснула. И летучая мышь, охранявшая вход в пещеру, тоже заснула. Окончательно убедившись, что оба чудовища погрузились в глубокий сон, я стал соображать, не удастся ли мне вылезти из закутка через одну из щелей, в которые я наблюдал за людоедкой. Я долго искал подходящую щель, и наконец мне повезло: я нашел одну, сквозь которую в обычное время я, конечно, не мог бы пролезть, но, как мудро говорит Арлекин, ожидая виселицу, худеешь. Итак, мне все же удалось выбраться из закутка, правда, с большим трудом, я был весь в крови, в синяках. Я двинулся дальше на цыпочках, едва ступая, и сравнительно легко добрался до выхода из пещеры, заранее благодаря небо за свое спасение. Мне оставалось сделать только один шаг, чтобы оказаться на свободе, и я, не остерегаясь, опустил ногу на каменный порог, но это оказалась ловушка, и она с невообразимым шумом захлопнулась. Канкан, конечно, тут же проснулась. – Это вы, цыпленок? – воскликнула она с издевательской улыбкой. – Вы думаете, что сможете удрать от меня? Уж больно вы хитры, а поглядишь, ведь молоко еще на губах не обсохло. Что ж, с таким, пожалуй, шутки плохи. Придется им сразу заняться, не откладывая дело в долгий ящик. Но вот беда, наелись мы до отвала. Ну ничего, мы его засолим. С этими словами – у меня кровь от них стыла в жилах – людоедка засучила рукава, поточила нож и подошла к моей каменной клетке. В этом месте принцу Леденцу пришлось прервать рассказ, потому что прибыли вызванные врачи. Они внимательно осмотрели нос щелчка, подробно расспросили, где и при каких обстоятельствах произошло то, что с ним произошло, осведомились, как развивается болезнь, и после того как неторопливо все обсудили, употребляя при этом немало греческих и латинских слов, они по зрелом размышлении пришли к выводу, что журавли клюют королевский нос и что это, несомненно, представляет серьезную опасность. А вот по поводу мер, которые необходимо принять, единого мнения не было. Все сошлись на том, что необходимо отрезать королевский нос и отдать его на съедение журавлям. Но из-за того, в каком именно месте надо его отрезать, разгорелся спор. Одни считали, что его необходимо отсечь прямо у основания щек, другие предлагали сделать это чуть дальше, третьи настаивали, что нужно оставить кусок длиной в локоть, четвертые – в десять локтей; нашлись и такие, кто полагал, что меньше двадцати локтей никак нельзя, и каждый в подтверждение своей правоты цитировал Гиппократ, Галена и ряд других авторов, которых в жизни не читал. Постепенно спор становился все более жарким, от слов перешли к оскорблениям, от взаимных оскорблений к драке, но договориться не удавалось. Перепалка эта продолжалась целых два дня, по истечении которых сошлись на том, что резать нос будут где придется. Врачи тут же решили приступить к этой удивительной ампутации и поэтому велели, заметим, весьма неосмотрительно, удалиться всем, кто окружал короля и держал его за фалды. И случилось неизбежное: поскольку противодействие тем усилиям, которые делали журавли, разом прекратилось, они унесли несчастного короля в небо, причем все это произошло так стремительно, что никто и охнуть не успел, не то что его удержать. Легко себе представить, сколь потрясены были зрители этим новым несчастьем. Они долго следили глазами за полетом журавлей, вцепившихся клювами в свою королевскую добычу, но птицы летели так быстро, что вскоре скрылись из виду.

Бедная Скорлупка причитала так жалостливо, что заплакали даже фонтаны, а ее стоны, подхваченные эхом, прокатились по всему королевству.

Леденец тщетно старался утешить принцессу, ее страдание было так велико, что она упала без чувств и ее пришлось унести во дворец. Принц не отходил от нее ни на шаг, он как бы превратился в ее тень, изо всех сил стараясь привести ее в чувство. Что же касается принца Хека, то он несколько не сочувствовал несчастью короля и нимало не заботился о болезненном состоянии принцессы, он спокойно съел обед, приготовленный для свадебного пира, а потом полакомился еще той пакостью, которую добыл охотой, пил при этом за троих и в конце концов заснул, чтобы лучше переварить пищу; он храпел, как орган, а когда проснулся, снова потребовал, чтобы Скорлупка поскорее шла с ним под венец, раз уж им пришлось прервать эту церемонию из-за пустякового приключения, о котором и говорить-то не стоит.

– Как вы смеете, – возмутилась печальная принцесса, – оскорблять меня и говорить о свадьбе, когда все королевство в горе! Ваше поведение, принц,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
лишь усиливает мое негодование. Уходите! И если вы когда-нибудь снова посмеете показаться мне на глаза, я сочту это за дерзость!
Гнев Скорлупки вызвал у Хека только смех.
– Поскольку вы моя жена, ну пусть не совсем, но почти жена, я не собираюсь вас покинуть, чтобы вас не огорчить.
– Она еще не ваша жена, – сказал тогда Леденец. – И я вам великодушно советую слушаться ее приказаний, раз она еще не стала вашей женой.
– Кто вы, дружок, и почему вы даете советы? Разве вас кто-нибудь об этом просит? Дорогуша, будьте добры, – добавил он, обращаясь к Скорлупке, – объясните мне, кто этот юный хлыщ, который вмешивается в чужие дела? Разве вы ему поручали отвечать за вас? И вообще, как вы посмели встречаться с ним без моего разрешения?
– Я не обязана давать вам отчет в своем поведении! – воскликнула принцесса. – Не доводите меня до крайности. Поскольку из-за несчастия, постигшего нашего бедного короля, вся власть в этом королевстве принадлежит теперь мне, вы не имеете права меня слушаться. Уходите! Ваше присутствие мне отвратительно, оно оскорбляет мое горе.
Однако принц Хек продолжал настаивать на своем и объявил, что удалится только после того, как состоится свадьба.
– Напрасно вы упорствуете, – гордо сказал ему тогда Леденец. – Учитесь, невежа, подчиняться воле принцессы, не то, клянусь, я возьму метлу и всыплю вам пятьдесят ударов по пузу.
Эти слова были произнесены с такой твердостью, что принц Хек, который в довершение всех своих замечательных качеств был еще и трусоват, испугался. Он вышел из дворца, не оглядываясь, сел на ската и отправился на свой остров, обдумывая планы страшной мести.
Скорлупка была очень благодарна Леденцу за ту горячность, с которой он принял ее сторону и избавил ее от присутствия Хека. Ведь от него можно было ожидать чего угодно, не пошли ей судьба столь благородного защитника. И с этой минуты она, сама того не замечая, в знак признательности отдала ему свое сердце, за которое готовы были драться даже те, кто утратил к жизни всякий интерес. Что же до Леденца, то он принял такую дозу любви, что не мог ни спать, ни бодрствовать. Он ел теперь всего лишь четыре раза в день, одежда болталась на нем, как на вешалке, на него просто жалко было смотреть.
Горе, которое обрушилось на принцессу, не позволяло принцу ей открыться, признаться в том пламени, которое его пожирало. Зато он прекрасно закатывал глаза и кидал столь огненные взгляды на Скорлупку, что она их, конечно, замечала, хотя и имела осторожность не подавать вида.
Однажды она попросила его досказать ей свою историю, которая ее волновала больше, чем она смела себе признаться. Леденец, отличавшийся особой вежливостью и услужливостью, не заставил себя дважды просить.
Мы остановились на том, что я оказался в ловушке, словно в мышеловке. Нож был отточен, Канкан подходила ко мне все ближе, я пребывал в ожидании верной смерти, и вот в этот момент людоедка, ища соль, случайно угодила рукой в корзинку с вафлями, которые ей дала моя мачеха. В порыве чревоугодия она схватила одну из них и так жадно, так неосторожно сунула в рот, что те несколько зубов, которые у нее еще оставались, тут же сломались.
Людоедка пришла от этого в бешенство и издала такой чудовищный вопль, что у всех беременных кобыл в округе двадцати пяти лье наверняка случились выкидыши.
– Увы мне, – вопила она, все больше распаяясь. – Я уже никогда не смогу есть свежатины. Ах, если бы я хоть успела слопать этого мальчишку, меня бы это утешило, я могла бы примириться со своей судьбой. Но потерять все свои зубы как раз тогда, когда появился такой лакомый кусочек, нет, этого пережить нельзя, это выше моих сил! Это ты, подлая Эссенция, сделала мне такой коварный подарок! Из-за твоих проклятых вафель стряслась со мной беда! Чтобы тебя наказать, я верну свободу этому молодому принцу, тем более что он мне уже ни к чему. Ты мечтала от него избавиться, но он будет жить тебе назло! Уходи! – крикнула она мне, открывая западню. – Спасайся, пока не поздно! Твое счастье, что во мне так и клокочет ненависть к твоей чертовой мачехе! Не то тебе бы несдобровать!
С этими словами она схватила меня за руку и отшвырнула за три лье от своей ужасной пещеры.
К счастью, я упал на нос, поэтому не ушибся. Но я не знал, какую дорогу мне избрать в жизни, у меня не было ни опыта, ни средств, и я то и дело попадал в безвыходное положение.
Я уже готов был стать на путь разбоя, когда волею небес, видимо, ко мне благосклонных, я повстречал отряд савояров-золотарей. Я сразу оценил их великодушие, они избавили меня от всех забот.

Безо всяких колебаний вступил я в этот прославленный отряд и скажу, не хвастаясь, что довольно долго прослужил в нем и не раз отличился. С первых же шагов я стал мастером своего дела и достиг вскоре таких успехов, что товарищи начали мне завидовать.

При первых же неприятностях я решил уйти из отряда. Если раньше меня кормило дерьмо, то теперь я получал доход от дыма – я сделался трубочистом. Эта профессия, которая ежедневно возвышала меня над людьми, приносила большое удовлетворение моему честолюбию, подогретому высоким происхождением. Моя храбрость и песни, которые я распевал, стоя на самом краю высокой трубы, вызывали у людей восхищение.

Но опасно долго играть с огнем, да к тому же мне хотелось отточить свой художественный вкус, и я выбрал себе новое дело по душе: выступать на ярмарках. Я купил шарманку и живого сурка и стал бродить по стране. Я зазывал публику подивиться на всякие чудеса, на «Волшебный фонарь», зазывал с такой страстью, так серьезно и благородно, что один крупный финансист заметил меня, выделил из всех и взял к себе в дом плясать под его дудку. Кем только я не перебивал у него за годы службы: сперва лакеем, потом камердинером и, наконец, его секретарем. [170]

Мой хозяин относился ко мне с большим доверием и даже хотел, чтобы я женился на некоей племяннице его брата, которую он с детства воспитывал в пансионе втайне от своей жены. К этой племяннице он был очень привязан, потому что своих детей у него не было. Я поблагодарил его за доброту, но отказался, и это лишь подтвердило его подозрения на мой счет. Он стал меня с таким пристрастием расспрашивать, что в конце концов я сдался и открыл ему свое происхождение.

С этой минуты он стал относиться ко мне с особым уважением и вызвался тайком отправиться к моему отцу, чтобы рассказать о жестокости королевы и о том, в каком трудном положении я оказался.

Ему и в самом деле удалось не только проникнуть во дворец, но и переговорить с глазу на глаз с королем.

Король был безутешен, он оплакивал мою гибель, в которой не сомневался. Узнав, что счастливый случай спас меня от стольких бед, он стал хохотать как безумный. Однако жена его обращалась с ним, как с маленьким, и он не смел ни в чем ей перечить, да к тому же он опасался, как бы мачеха своими злыми кознями меня не погубила. Поэтому он передал мне, чтобы я не появлялся при дворе, а отправился бы в город у самой границы, где меня будут ждать, конечно, втайне от королевы, карета и свита, соответствующие моему рангу.

В течение шести лет я переезжал из королевства в королевство, посещал все самые блестящие дворы, я искал развлечений, и любовные похождения помогали мне развеять тоску изгнания. Для забавы я занимался и музыкой, притом весьма успешно. Я неплохо играю на разных струнных инструментах.

Я повидел за эти годы всех самых красивых принцесс на свете, но оставался совершенно равнодушным, они меня соблазняли не больше, чем обезьяны, я не мог без насмешки смотреть на галантных ухажеров, не сводящих с них глаз. Я был убежден, что Амур не нашел еще той стрелы, которая могла бы ранить мое сердце. И маленький проказник мне отомстил. Он привел меня к одной молодой принцессе. Боже, до чего же она прекрасна! Это самое совершенное творение Всевышнего, бриллиант! Все остальные красавицы мира ничто рядом с ней. Небу было угодно соединить в ней все прелести ума и сердца, все то, что другим женщинам выдается так скупно.

Что мне еще сказать, принцесса? Я люблю, горю, тоскую, вздыхаю, думаю денно и ночью об этом очаровательном существе. Но у меня есть соперник, и это ввергает меня в отчаяние. Боязнь оттолкнуть предмет моих воздыханий заставляет меня молчать, я не смею ей открыться. Чистота моих чувств меня не обнадеживает, и хотя любовь бесцеремонно толкает меня объясниться, почтение берет над ней верх и затыкает мне рот. Я обречен, увы, любить всю жизнь, не имея никакой надежды на взаимность.

Леденец замолчал, а Скорлупка, услышав, что принц влюблен, почему-то покраснела.

– Не могла бы я узнать, – сказала она не без досады, скрыть которую ей не удалось, – кто же она, это прелестное создание, которая сумела полонить ваше сердце?

– О сударыня, – ответил Леденец, – не терзайте меня, не заставляйте заикаться, не требуйте, чтобы я раскрыл вам секрет, который оскорбил бы мое божество, я не переживу, если предмет моего обожания разгневется, вы увидите, как я задохнусь от горя и упаду бездыханным.

– Ой, как нехорошо быть таким жестоким, – сказала Скорлупка. – А я надеялась, что вы будете настолько любезны и свершите ради меня эту небольшую жертву. Хоть я и женщина, я совсем не болтлива, и от меня никто не узнал бы вашего секрета. Но раз вы так ломаетесь, то храните этот секрет

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
про себя, я вовсе не горю желанием его узнать.

– Ваша воля для меня закон, сударыня! – воскликнул Леденец и упал на колени. – У ваших ног принц, который потерял голову, увидев такие совершенства. Накажите безрассудного смельчака, который посмел вас полюбить и сказать вам об этом. Дайте мне пощечину. Чего вы медлите? Удар вашей прелестной ручки мне будет слаще меда.

Скорлупка растерялась от такого поворота, которого совсем не ожидала, и теперь она не знала, как ей следует себя вести. Долг требовал от нее одного, а сердце – другого. Болтушка, заметив, что ее хозяйка в нерешительности, как ей ответить, воспользовалась такой прекрасной возможностью обрушить на всех поток своих слов и прервать молчание, которое она с таким трудом хранила.

– О сударыня, вы были бы более жестокой, чем султан китайский, если бы не пожалели этого бедного юношу. Я сама не в силах сдержать слез, слушая его. Поверьте мне, незачем доставать луну с неба и дуть на воду, обжегшись на молоке, надо ковать железо, пока горячо, будь проклят тот, кто подумает дурное, нельзя надеяться, что все это случится после дождичка в четверг, но нельзя и забывать, что дорого яичко к Христову дню и что аппетит приходит во время еды, а то как бы не пришлось себе локти кусать, нечего ломаться, напрасно вы думаете, что береженого бог бережет, но всякий знает, что, сняв голову, по волосам не плачут. Конечно, кто я такая, чтобы вам советы давать, как говорится, всяк сверчок знай свой шесток, но ведь известно, что бедность не порок, однако все же пальца мне в рот не клади, так вот знайте, главное, чтобы меч был по руке, и тогда все едино, есть не хочу, уж можете мне поверить, я в сердечных делах кое-что смыслю, немало сама погрешила в молодые годы, и мой возлюбленный никогда не откладывал на завтра то, что можно сделать сегодня, он был мастер на все руки и все мне твердил: со мной не соскучишься, и это была святая правда, бывало, не оглянешься, как ночка пролетит, лиха беда начало, как говорится в таких случаях, я бы и сейчас охотно с ним позабавлялась, но, как известно, человек полагает, а бог располагает; мой дружок вот уже десять лет, как ушел в мир иной, бедняга, так вот, хоть и правда глаза колет, но я не боюсь вас разгневать и буду неустанно повторять: куйте железо, пока горячо!

Эта разумная речь помогла Скорлупке собраться с мыслями. Она еще потешила немного свою гордость, но, бросив взгляд на Леденца, увидела в его глазах столько страдания и любви, что разом забыла все свои благие намерения.

– Встаньте, – сказала она прерывающимся голосом и опуская глаза. – Меня должна была оскорбить ваша страсть, в которой вы посмели мне признаться, не испросив предварительно согласия моего отца, тем более, что вам известно, что он выбрал мне другого мужа. Однако я готова простить вам ваше дерзкое признание, но только если вы мне пообещаете забыть о своей любви, которая меня оскорбляет.

– Нет, сударыня, нет, – прервал ее Леденец. – Я никогда не забуду о своей любви, я слишком честный человек, чтобы дать вам такое обещание, с каждой минутой эта преступная любовь будет все возрастать, но вспомните, несравненная принцесса, что я молчал, что это вы заставили меня вам открыться. И прежде чем вынести свой окончательный приговор, учтите, что страсть моя чище родниковой воды, я хочу, чтобы вы стали моей только с согласия вашего отца и после визита к нотариусу, а пока необходимо вырвать вас из объятий гнусного соперника, который заслуживает всяческого поношения, а не чести делить с вами брачное ложе. Если и после всего сказанного мое признание вас оскорбляет, я готов тут же, не сходя с места, повеситься. И даже если меня за это лишат почетного звания, я все равно буду счастлив принять эту смерть, раз она вас хоть на мгновение позабавит. Решайте мою судьбу, принцесса, решайте скорее! Скажите, прощает ли меня ваше сердце или ненавидит, одно ваше слово сделает меня счастливым или погубит.

– Не требуйте ответа у этого сердца, – сказала принцесса, нежно глядя на Леденца и тяжело вздыхая. – Не требуйте ответа у этого сердца, неспособного сейчас ни на какие чувства, кроме горя, которое его пожирает.

Затем Скорлупка подала принцу руку, чтобы он поднялся с колен. Он осмелился коснуться губами этой прелестной ручки, и при этом никто не оскорбился этой вольности, никто как будто даже не обратил на нее внимания. И он покинул покой Скорлупки самым счастливым из смертных.

У возлюбленных было потом еще несколько разговоров, таких же возвышенных, как этот первый, но я их вам не пересказываю, потому что мне так и не удалось узнать, о чем именно они говорили. Однако мне достоверно известно от людей, вполне достойных доверия, что Скорлупка как-то незаметно потеряла свою гордую недоступность и в конце концов призналась счастливому Леденцу, что и она от него без ума.

Общеизвестно, что когда влюбленные видятся каждый день и не устают все

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
время повторять, что любят друг друга, они легко забывают обо всем на свете. Однако Скорлупка отличалась от всех, и чувства ее были чересчур возвышенны, чтобы она была в состоянии забыть про несчастье своего отца-короля.

Она разослала гонцов во все концы света в надежде хоть что-то узнать о нем, но тщетно. Все они вернулись ни с чем, так и не сумев найти то место, куда журавли унесли короля.

Эта неизвестность ввергла Скорлупку в еще большее горе, и в один прекрасный день она сказала Леденцу:

– Принц, вы поклялись мне в любви, я вам поверила, быть может, с излишней поспешностью, впрочем, я об этом не сожалею, но хочу получить от вас теперь новое неоспоримое доказательство вашей любви. Вы видите, – добавила она, – как меня тревожит судьба отца. Я зываю к вашей храбрости, вы должны найти его, где бы он ни был, и не показываться мне на глаза, пока вы его не вернете домой и я не смогу его обнять.

– О сударыня! – воскликнул Леденец. – Это почетное поручение делает мне великую честь. Припадая к вашим стопам, клянусь Стиксом, Коцитом, Гаронной и всеми другими реками, ручьями, озерами и водопадами, которыми только можно клясться, что я не съем ни ложки капустного супа, не попробую ни капельки пикантного соуса, пока не найду вашего прославленного отца. Я бегу, я лечу ему на помощь, я буду искать его по всей земле, на самых высоких горных вершинах и в самых глубоких пещерах. Я найду его, уверяю вас, либо я буду недостоин своего имени.

– Отправляйтесь в путь, великодушный принц, отправляйтесь, – ответила ему Скорлупка. – Будьте послушным этим благородным порывам, которые делают вас достойными меня. Но бравировать и лезть на рожон тоже не надо, я вас достаточно знаю, чтобы опасаться за вас, ведь вы всегда первым кидаетесь в драку, как бы с вами не случилась беда. Я догадываюсь, каким опасностям вы себя подвергнете из любви ко мне, поэтому, прошу вас, берегите свою жизнь, которая неразрывно связана с моей.

Они проводили время в таких разговорах и, проливая слезы, ожидали час своей разлуки.

В те дни при дворе предавались невинным развлечениям, чтобы хоть немного развеять то черное горе, которое буквально снесло принцессу. В ее покоях теперь часто играли во всякие игры, а больше всего – в ее любимую, в «третий лишний». И принцу Леденцу была оказана честь быть всегда партнером Скорлупки.

В канун отъезда Леденец, видя, как принцесса печальна, предложил ей после того, как они выпили кофе, поиграть немного в «третий лишний», на что она с радостью согласилась.

В разгар игры Леденец оказался, скорее благодаря хитрости, чем случаю, как раз позади Скорлупки, но вместо того, чтобы держать ее за платье, как это принято, схватился рукой за коробочку, которая висела у нее на поясе.

– Осторожней, дружок, – сказала она ему, – не то вы разобьете мое яйцо.

Леденец не был посвящен в тайну яйца и в ответ на ее слова только рассмеялся, продолжая держаться за коробочку, и в конце концов цепочка, на которой она висела, оборвалась, и коробочка упала, а принц в азарте игры наступил на нее ногой, сломал ее и раздавил заключенное в нее яйцо.

Принцесса тут же обернулась, и, увидев, что ее яйцо разбито, вскрикнула и упала без чувств на стоящую рядом софу.

Придворные окружили ее, желая понять причину ее испуга. И пока одни глядели на принцессу, а другие – на разбитое яйцо, это самое роковое яйцо вдруг само по себе, без всякой посторонней помощи, задвигалось, взлетело и упало на голову несчастной принцессы. При этом желток залил ей лицо, руки, грудь, передав им свой цвет, и принцесса разом стала чудовищно желтой, будто заболела жесточайшей желтухой.

А белок попал на ноги, и они стали мраморными, как и все туловище до талии. Таким образом, принцесса от пояса и ниже мгновенно превратилась в неподвижную каменную статую.

Невозможно описать отчаяние, в которое впал нежный Леденец при виде этого несчастья. Великое горе всегда молчаливо, поэтому он не произнес ни слова. Зато хладнокровно вынул из кармана отличнейший маленький ножичек (не какой-нибудь безвестный, а настоящий «Андре Авриль!»), заточил его на перекладине стула, проверил кончиком пальца, достаточно ли он остер, и, подняв руку, уже готов был вонзить его себе в сердце, но бдительная Болтушка кинулась к нему, чтобы его остановить.

– Только этого нам еще не хватало! – воскликнула она. – Не было печали, да черти накачали, да разве вы не знаете, что на свете нет ничего лучше жизни, что она коротка, а смерть длинна и что, если ты умер, то это уже навсегда, как говорится, двум смертям не бывать, а одной не миновать, но только не спешите, не спешите, умереть вы всегда успеете, однако поверьте, лучше

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
позже, чем раньше. Смерть лечит все беды, что правда, то правда, но, по-моему, это лекарство хуже самой беды. Спуститься в царство теней никогда не поздно, но вряд ли вам там понравится, не забывайте, что живая собака лучшего мертвого льва. Умно ли поступил тот, кто назло теще ногу себе отпилил? Напрасно вы торопитесь, ведь всякий знает: поспешишь – людей насмешишь. Не надо забывать, что всему свой черед, вот дождик прольется, а потом, того гляди, и распогодится.

Однако такие разумные рассуждения нисколько не успокоили Леденца. Он был весь во власти своего отчаяния, пытался вонзить в себя ножичек и в конце концов наверняка преуспел бы в этом, если бы Скорлупка не остановила его следующими словами:

– Не лишайте себя жизни, принц, не делайте этого, я вас заклинаю. После того как вы дали мне клятву найти моего отца, чего бы вам это ни стоило, ваша жизнь вам больше не принадлежит, она принадлежит мне, и вы не имеете права ею распорядиться. Если я и в самом деле вам дорога, если мои слезы могут тронуть ваше сердце, то проявите в последний раз ваше великодушие, сдержите слово, данное несчастной принцессе, которая теперь уже не достойна внимания такого красивого юноши, как вы. Поверьте, принц, если я горю о постигшем меня несчастье, если я сокрушаюсь, что благодаря колдовству меня поразила желтуха и я наполовину превратилась в мраморную статую, если я сожалею о своей утраченной красоте, которая вас пленила, то только потому, что из-за всего этого я потеряю вашу любовь.

– О, сколь вы несправедливы, сударыня! – воскликнул Леденец. – Вы разрываете мне сердце вашими оскорбительными подозрениями. Я изменю своему чувству?! Я не буду вас любить?! Скорее овцы будут жрать волков, мыши – кошек, нормандцы перестанут сутяжничать, бретонцы – пить, гасконцы – врать, дураки – быть в дураках, чем ваш внешний вид охладит мое сердце. Небо вольно в своих хитроумных кознях изуродовать вас, как бог черепаху, я бросаю ему вызов, оно не властно отнять у меня мою любовь. Я буду жить, раз вы мне это приказываете. Я отправляюсь на поиски вашего отца-короля, а потом вернусь к вам и буду влачить подле вас свои печальные дни, достойные скорее жалости, нежели зависти.

– Прощайте, дорогой принц, – сказала Скорлупка с глубоким вздохом. – Раз вы меня еще любите, я уже не несчастна, но я все же несчастна, потому что вы уезжаете от меня.

Слезы не давали принцессе говорить. Леденец, впрочем, плакал еще безутешнее, чем она. Свет еще не видал таких нежных прощаний. Наконец он заставил себя ее покинуть, оставляя в таком ужасном состоянии, что нельзя было не испытывать к ней сочувствия. Неслыханная беда, случившаяся с отцом, которого она так преданно любила, отъезд возлюбленного, опасности, которые его подстерегают на каждом шагу, утрата своей красоты, неподвижность нижней части тела – пожалуй, здесь есть от чего впасть в отчаяние.

Леденец тоже был достоин жалости. Он покинул двор еще более влюбленным, чем прежде, и сердце его разрывалось от тех упреков, которыми он сам себя мучил, – ведь это он из-за своего легкомыслия вверг дорогую Скорлупку в такое несчастье, к тому же он был исполнен всяческих тревог, не знал, какую выбрать дорогу, опасался, причем не без оснований, что опрометчиво дал клятву найти Щелчка, боялся, что вернется ни с чем, как и все остальные. Он долго шагал, не в силах принять какого-либо решения. В голове его один за другим рождались разные планы, но он тут же понимал всю их несостоятельность. В конце концов он остановил свой выбор на должности церковного сторожа, чтобы всегда иметь возможность подниматься на самую высокую колокольню и подолгу там стоять в надежде вдруг увидеть журавлей и короля. Дни и ночи напролет проводил он на колокольне, разглядывая небо, но тщетно.

Устав от бессмысленности этого занятия, он изменил тактику, перестал носить сутану, вооружился шпагой и стал ревизором винных погребов.

В этой новой должности он постоянно посещал всевозможные питейные заведения, кабаки, харчевни, но сколько он ни расспрашивал людей, никто не мог ему что-либо сообщить.

Не теряя надежды, он хотел было добраться до Меотиды, [171] но не знал, как переправиться через Понт Эвксинский, [172] и поэтому решил продолжать свой путь вдоль морского берега.

Он бродил по свету уже больше шести месяцев, не отдыхая ни днем, ни ночью, как однажды в пустынном месте до него донесся из-за скалы чей-то жалобный голос. Прислушавшись, он уловил примерно вот что:

– Милосердные прохожие, кто бы вы ни были, сжальтесь над моей бедой, облегчите страдания несчастного, я доведен до крайности и нуждаюсь в вашей помощи. Я буду молить небо, чтобы оно ниспослало вам удачу во время вашего путешествия, оградило вас от воров, дурных ночлегов, бешеных собак и

неприятных происшествий.

И слова, и заунывный тон, которыми они произносились, заставили принца предположить, что к прохожим взывает какой-то бродяга-нищий, один из тех, кто выклянчивает на дорогах милостыню. И так как принц был очень отзывчив и щедр, он тут же вытащил из кармана лиард, чтобы подать нищему.

Леденец долго бродил между скал в поисках того, кто молил о помощи. Каково же было его изумление, когда принц вдруг увидел несчастного Щелчка! Король стоял, прислонившись к серебряной колонне, обвитой его носом. Десять тысяч витков, а то и больше, а на кончике висел свинцовый замок, отомкнуть который ни у кого не хватило бы силы.

– О несчастный король! – воскликнул Леденец. – Какого дьявола вы здесь стоите, как вкопанный, какой Агасфер привел вас в это пустынное место и оставил в таком плачевном состоянии?

– Увы! – ответил ему Щелчок, сразу же узнав Леденца. – Все это – злые козни подлой Канкан. Журавли унесли меня [173]на ваших глазах и

продержали в воздухе две недели, и все это время я провел в страшных страданиях. К тому же я наверняка просто умер бы с голоду, если бы не изловчился ловить на лету перепелов. Я научился их ловко ощипывать и жарить на солнце, от которого мы находились в непосредственной близости. Они были в то время очень крупные, три штуки весили не меньше, чем полпуда, так что питался я даже неплохо.

В конце концов журавли разжали свои, клювы, и тогда я упал. Мне повезло – я не разбился, однако преследующий меня злой рок сделал так, что я угодил прямо в то озеро с кашей, которое у меня отняла Канкан и поместила рядом со своей пещерой.

На шум моего падения прибежала людоедка. Узнав меня, она расхохоталась.

– Ах, вам опять каши захотелось? Я вижу, вы не в силах без нее обойтись.

Что ж, теперь мой черед воскликнуть: «Ну и нос, что за нос!»

И она схватила меня за мой несчастный нос, поволокла вот сюда и привязала так, как вы видите.

Но этим ее жестокость не ограничивается. Каждый божий день она приходит, спускает с меня штаны и сечет хлыстом из кожи угря двести раз, заставляя меня самого считать. И если я пропускаю хоть один удар или просто сбиваюсь со счета, то она начинает все сначала. Утром она приносит мне фунт овса, это все, что мне полагается на день. Я делю этот фунт так, чтобы есть четыре раза в день, но, как вы легко можете себе представить, голод мой этим не утоляется. Поэтому вы проявили бы истинное милосердие, если бы тут же дали мне что-нибудь поесть.

Леденец вынул из своей котомки маленький кусочек заплесневелого сыра, и Щелчок с жадностью его проглотил.

– Благодарю Всевышнего, – сказал Леденец, – что он привел меня в эти пустынные места, чтобы я мог вернуть вам свободу и привести к принцессе Скорлупке, которую, увы, постигло не меньшее несчастье, чем вас.

И Леденец рассказал ему о своей любви к принцессе и о том, как развивались их отношения, он ни на йоту ничего не приукрасил и ничего не утаил; поведал он и о той беде, которая по его вине стряслась с принцессой.

Рассказ этот лишь удвоил страдания бедного Щелчка, и ему еще больше не терпелось стать свободным, чтобы поспешить к своей бедной дочери.

Леденец тут же попытался сломать замок, приковавший королевский нос к столбу, но он был сделан из так хорошо закаленного металла, что все усилия принца ни к чему не привели.

Тогда Леденец попросил короля потерпеть еще день и отправился искать кузнеца, чтобы взять у него напильник.

Таким образом Щелчку пришлось еще раз считать удары хлыста, но поскольку появилась надежда на скорое излечение, они показались ему нежными поцелуями.

А Леденец не терял времени даром, он вернулся на следующий день с целым набором кузнечных инструментов и принялся за дело с таким жаром, что быстро добился успеха: ему удалось распилить кольцо проклятого замка, и он тут же стал поспешно сматывать королевский нос с серебряной колонны.

Он был уже на последнем витке, как вдруг появилась людоедка, увидела, что творит Леденец, подбежала и вцепилась в него с волшебной силой прежде, чем он успел ее заметить.

– Ах, мошенник, вот как ты меня благодаришь за мои благодеяния! Уж не забыл ли ты, что был бы давно сожран и переварен, если бы не моя доброта? Ведь это я даровала тебе жизнь вместо того, чтобы, как собиралась, сделать из тебя фрикасе! И вот награда: ты посмел отнять у меня предмет моей мести! Я буду не я, если ты мне за это дорого не заплатишь! Думаешь, я ограничусь тем, что прикую тебя к этому столбу? И не надейся, это было бы слишком слабым наказанием. Я придумала тебе другую пытку.

Людоедка схватила короля за его длиннющий нос и обмотала его вокруг Леденца

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
так, как нянька свивает дитя: он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, только голова торчала. Потом она силком заставила принца проглотить двадцать семь котелков каши, от чего у него невообразимо вздулся живот, а от этого, естественно, мучительно натянулся королевский нос, что было для него весьма болезненно. Впрочем, такое количество съеденной принцем каши причинило этому многострадальному носу и другие муки. Людоедка подогнала к столбу свою колесницу кинула в нее короля и принца, села сама, и ее гусеницы понеслись быстрее ветра. Король и принц не ведали, куда их мчит жестокая Канкан. Они долго тряслись в колеснице, но каково же было их удивление, когда они вдруг обнаружили, что въехали в столицу, а потом и прямо во дворец короля! Они не ожидали, что там их ждет новый повод для слез. Хек, расставаясь со Скорлупкой, поклялся, что отомстит тому, кто грозил отстегать его метлой по пузу. Он задумал опустошить королевство Щелчка и с этой целью распространял прокламации, в которых утверждал, будто королевский нос вырос таким огромным за счет всех курносых, что этот противоестественно длинный нос не иначе, как вызов всем, кто носом не вышел, и что он, принц Хек, храбрый и справедливый, встанет на защиту всех оскорбленных носов и во имя этой высокой цели объявляет войну их общему врагу. Успех столь ловко составленной прокламации превзошел все ожидания Хека: курносые всех стран съехались, чтобы, объединившись, стать под его знамена. Число их было так велико, что выстроенные добровольческие отряды растянулись на двести лье и на их регистрацию ушло не меньше десяти лет. Все эти курносые, собранные вместе, и впрямь производили весьма странное впечатление – издавляла эту добровольческую армию нельзя было не принять за огромную свору итальянских бульдогов. Я, кажется, уже говорила, что принц Хек особой храбростью не отличался, и, хотя армия его была несметной, он все еще сомневался в своей победе и предложил королевству Марципаниа вступить с ним в союз. Незадолго до этого король Эклер публично отрекся от престола, так как не мог больше выносить злой нрав своей чертовой супруги, изобретшей тысячу изумительных, совсем новых способов выводить из себя даже самого терпеливого человека на свете. Он безропотно принял свою судьбу и тихо умер с горя, а Эссенция тут же захватила всю полноту власти. Принц Хек обратился к новой королеве, которая, как известно, отличалась злобой и была рада любому поводу принести вред. Поэтому она с радостью ухватилась за эту возможность проявить себя. Она обещала Хеку оказывать ему всяческую помощь, и они договорились, что после того, как завоюют королевство Щелчка, они его разделят между собой. Их конница ехала верхом, а пехота шла пешком, как это, насколько мне известно, обычно и бывает, и под барабанный бой победоносная армия вошла в несчастное королевство вскоре после того, как его покинул принц Леденец, отправившись на поиски короля. Принц Хек, которому огонь в кухонной плите был куда больше по душе, чем огонь на поле брани, не посмел стать во главе армии и нашел для себя прекрасный выход: сделался барабанщиком под предлогом, что барабанная дробь не менее важна для боевого духа солдат, чем свинцовая. Легко понять, что если короля уносят журавли, а принцессу, у которой нет защитника, превращают от пояса и ниже в мраморную статую, то в стране воцаряется беспорядок. Поэтому никто не оказал серьезного сопротивления неприятелю и захватнической армии, разорив страну, безо всякого труда заняла столицу. Завоеватели закололи шпагой девятнадцать тысяч девятьсот девяносто девять человек, не считая женщин и детей. Когда принц Хек увидел, в каком состоянии принцесса, он не только не пожалел ее, а, напротив, испытал злорадство. Он оскорблял ее, издевался над ее нынешней желтизной и былой гордостью. Говорят, что он ей даже спел песенку про Пьеретту-недотрогу... Курносые вояки, большие насмешники, как и все, у кого носы-кнопки, по приказу Хека донимали Скорлупку злыми шутками, поочередно дежуря в ее покоях. Не было такого оскорбления, которое ей не пришлось бы выслушать. Как только Эссенция узнала о победе своих войск, она тут же вместе со своей дорогой Орешенькой отправилась в столицу Щелчка, и там обе злыдни, соревнуясь с Хеком, тоже принялись, как могли, поносить и оскорблять Скорлупку. Общими усилиями им удалось заставить принцессу страдать больше, чем в аду. Вот как обстояли дела в этом злосчастном королевстве к тому времени, как туда прикатила людоедка со своими двумя пленниками. Канкан тут же помирилась с Эссенцией, простила ей, что потеряла из-за нее свои последние зубы. Впрочем, и прощать-то было нечего: зубы ее настолько

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
расшатались к тому времени, что все равно выпали бы, стоило ей закашлять. Одним словом, все обиды были тут же забыты, и они собирались вместе с принцем Хekom досыта насладиться мстостью. Не потрудившись даже размотать принца Леденца, его вместе с королем потащили в покои Скорлупки. Принцесса, увидев их, самых ей дорогих на свете людей, зарыдала пуще прежнего. Людоедка вынула из кармана большой нож – им она обычно отсекала ноги – и подошла к Скорлупке.
– Погляди, – сказала она, обращаясь к Леденцу, – погляди, как потечет кровь твоей любимой, – вот какую мсть я придумала для тебя. А ты, Скорлупка, увидишь, как прольется кровь твоего отца и твоего возлюбленного, которые меня обидели. Твое отчаяние уймет мое бешенство.
– О, молю вас, пусть вся мсть падет на меня, – печально воскликнула Скорлупка. – Я не стану роптать. Но, бога ради, пощадите этих двух несчастных. Если вы жаждете крови, возьмите мою, я отдаю ее вам без сожаления.
– Не смей, старая потаскуха, не смей! – в свою очередь кричал ей Леденец. – Только я оскорбил тебя, я один, казни меня хоть дважды, чтобы утолить свою жажду мсти, зарежь меня, как цыпленка, сделай из меня рагу, жаркое, котлету, паштет, изруби мне тело, как капусту или репу, я буду только смеяться, но не распространяй своей мсти на это невинное создание, она тебя никогда не обижала.
Щелчок ни слова не сказал, но наверняка думал то же самое. Эти трогательные речи не только не поколебали Канкан, а, напротив, усилили ту варварскую радость, которую она испытывала от мсти. Она не спешила свершить свое гнусное дело лишь потому, что хотела продлить пытку, чтобы наказание стало еще более жестоким.
Позвольте мне тут, любезный читатель, на мгновение остановиться, чтобы утереть слезы, которые помимо воли текут у меня из глаз при воспоминании об этой печальной сцене. И вам я советую сделать то же самое.
Людоедка уже занесла руку, чтобы вонзить свой отточенный нож в сердце Щелчка, а потом на его глазах прикончить и возлюбленных. Ничто в мире уже не могло спасти несчастных от жестокости их врага, как вдруг со двора до покоев донесся звук пастушьего рожка и какое-то странное блеяние овец. Эти звуки помешали людоедке завершить казнь. Будучи любопытной, как все женщины, она вместо того, чтобы вонзить нож, кинулась к окну. И как вы думаете, кого она увидела?
Да, вы не ошиблись, это был досточтимый Сомкнутый Глаз, который с гордо поднятой головой направлялся в покои, где совершалась жестокая расправа.
– Мне надоело терпеть твои проделки, – сказал он Канкан, – пробил твой час, ты ответишь за все свои преступления. Сама знаешь, насколько моя власть сильнее твоей, твоя собака рядом с моей – жалкая шавка, и все же ты посмела, старая обезьяна, преследовать принцессу, которую я взял под свое покровительство. Я терпеливо сносил все твои козни, пока они касались несчастных, в которых я не принимал никакого участия. Но раз ты не побоялась бросить мне вызов, я не стану откладывать твоего наказания. Что ж, беззубая тварь, ты, пожалуй, сгодишься на язык того колокола, в котором Щелчок так долгов отбивал наказание только за то, что случайно проронил одно не понравившееся мне слово. Что же касается тебя, – продолжил он, поворачиваясь к Эссенции, – безжалостная мачеха, более злобная, чем рыжий осел, то я навеки обрекаю тебя быть звонаркой – безостановочно бить в колокол, в котором Канкан отныне будет языком.
Едва Сомкнутый Глаз вымолвил эти слова, как появились две черных овцы и унесли этих двух гадких женщин.
– Ну, а ты, – продолжал тем временем Сомкнутый Глаз, – ты, злой принц Хек, трусливый и грубый, я навсегда соединяю тебя с Орешкой. Два таких характера, как ваши, превратят вашу совместную жизнь в непрекращающуюся пытку. Вы будете жить как кошка с собакой, и каждый из вас будет мечтать о вдовстве, которое так и не наступит, ибо вы повеситесь в один и тот же день. Поскорей убирайтесь отсюда, каналы, прочь с глаз моих и опасайтесь моего гнева!
Как только они ушли, Сомкнутый Глаз вынул щепотку чудодейственного порошка «Перлинпинпин», к которому, как известно, прибегают хитрецы, чтобы за ними бегали девочки, и поочередно дал его понюхать, будто табак, Щелчку и Скорлупке, и тут же свершилось чудо: Скорлупка стала еще краше, чем прежде, ее желтизна развеялась как дым, а мрамор исчез, словно его никогда и не было. Короче говоря, принцесса выглядела теперь так, как до несчастья. А нос у короля тоже на глазах уменьшился и принял свою прежнюю форму.
– Не сетуй на свои несчастья, ты сам себя на них обрек скупостью. Как ты был негодяем и скаредой, так им и остался.
– Ну, а вы, благородные любовники, – продолжал Сомкнутый Глаз, обращаясь к

Леденцу и принцессе, – наслаждайтесь счастьем, которое вы заслужили своими добродетелями. Я всегда буду вас охранять. Став супругами, не переставайте быть возлюбленными, только этим вы можете доказать мне свою признательность.

И, не дожидаясь слов благодарности, Сомкнутый Глаз исчез вместе со своей собакой и овцами, и больше о нем никогда ничего не было слышно.

Щелчок, уставший от всех своих бед, боялся навлечь на себя новые своей гнусной скупостью, но излечиться от нее он все же желал. Он был рад, что Сомкнутый Глаз, чтобы наказать Канкан, вернул ему озеро с кашей, решил жить на эти доходы и отрекся от престола в пользу Леденца, который присоединил его земли к королевству Марципания.

Болтушка тоже была вознаграждена по заслугам. О ее судьбе позаботились и выдали ее замуж за единственного человека, который был в состоянии с ней жить, потому что безо всякого труда выносил ее круглосуточную болтовню, не спорил с ней и, что самое удивительное, даже не бесился: это был ездовой Леденца, красивый малый, и за ним не знали никаких недостатков, кроме того, что он был глухонемой. Торжества в королевстве, теперь таком обширном, длились долго: свадьбу отпраздновали на славу. Леденец со своей возлюбленной принцессой дожили до глубокой старости, годы их правления были мирными и счастливыми, и они оставили после себя столько детей, что еще и сейчас, когда я вам рассказываю эту историю, их потомок сидит на троне.

Шарль Пино Дюкло

[174]

Палисандр и Зирфила

[175]

Не следует переоценивать значение ума, любовь – прекрасный наставник, на провидение можно полагаться – вот мораль этой сказки. Не мешает предупредить об этом читателя, а то, чего доброго, он еще ошибется. Люди ограниченные никогда не понимают, что хочет сказать автор, а те, что обладают живым воображением, обычно все преувеличивают, однако ни те, ни другие не склонны к размышлению. Вот почему я позволил себе сделать это маленькое введение. Давным-давно, в стране, расположенной между королевствами Палисандрия и Пустяковия жили злые духи, которые были позором для своих сородичей и несчастьем для человечества. Небо вняло молитвам, просящим защиты от этого проклятого племени, и большинство из них погибло ужасной смертью, так что в конце концов осталось всего двое – дух

Подаграмбо и фея Гарпагона,

[176] зато они, казалось, унаследовали

всю злобность своих предков.

Умом они, увы, не блистали: духи и феи наделены лишь волшебной силой, а злость, как известно, скорее сочетается с глупостью, нежели с умом.

Подаграмбо был очень могущественным властителем весьма древнего рода, но при этом – круглым дураком. Гарпагона считалась умнее его, потому что была более злобной. И в наше время эти два качества часто путают.

[177] Однако она хоть и любила позлословить, но своими сплетнями наводила только скуку, а значит, ума у нее все же не хватало. Что до Подаграмбо, то он отличался тем, что всегда хотел только зла, но при этом был таким болваном, что, случалось, делал и добро, ибо просто не ведал, что творил. Был он огромного роста и имел весьма непривлекательный вид. Гарпагона была еще уродливее его, тоже высокая, высохшая, почерневшая. Пряди ее волос напоминали змей, а когда она превращалась в каких-нибудь тварей, то это обычно бывали либо пауки, либо летучие мыши, либо мерзкие насекомые. И все же самомнения у этих двух чудовищ было хоть отбавляй. Гарпагона мнила себя большим знатоком всех изящных искусств, а Подаграмбо воображал, что он неотразим в делах любви. Жили они в небольшом, но изящно обставленном домике, где было полным-полно китайских фарфоровых статуэток,

[178] лакированных безделушек работы братьев Мартен, [179] диванных подушечек и кресел. Там они скучали, не зная, как скоротать время, и в конце концов каждый из них объявил, что намерен вступить в брак, чтобы иметь потомство. Потомствования – настоящий недуг, присущий всем великим. Они боготворят свое потомство, нимало, впрочем, не заботясь о своих детях. Весть о matrimониальных намерениях Подаграмбо и Гарпагоны была встречена, как объявление войны.

Духи и феи настолько серьезно отнеслись к этой перспективе, что сочли необходимым созвать генеральную ассамблею. Там дело это обсуждали со всех сторон, спорили, судили, рядили, и все же в конце концов удалось договориться.

Было решено, что Подаграмбо и Гарпагона смогут обзавестись семьями, только если кто-то их полюбит. Такое условие явно обрекало их на безбрачие. Ну а если они вдруг станут приятными в обхождении, значит, у них изменятся характеры. А ничего другого и не требовалось.

Как только это условие было провозглашено, Подаграмбо и Гарпагона стали обсуждать, кому они окажут честь своим благорасположением, прекрасно понимая, что без хитроумных уловок им не удастся завоевать чью-либо любовь.

Хотя себялюбие обычно слепо, тем не менее всякий себялюбивец осознает свои недостатки, особенно, если от этого зависит его выгода.

Гарпагона, куда более находчивая, чем Подаграмбо, рассуждала примерно так: – Мы возьмем к себе в дом детей столь юного возраста, что у них не будет еще ни о чем никакого представления. Мы сами их будем воспитывать.

[180]Никого, кроме нас, они долгое время не будут видеть, и мы сумеем вложить в их сердца только те чувства, которые надобны нам. А предрассудки, внушенные с детства, преодолеть почти невозможно. И я уже нашла то, что мне вполне подходит, – добавила она. – У короля Палисандрии всего один сын, ему около двух лет. Я попрошу, чтобы мне доверили его воспитание. Король не посмеет мне перечить, он будет бояться моей мести, а известно, что для тех, кого боишься, делаешь больше, чем для тех, кого уважаешь. Точно так же мы поступим и с вами, как только родится первая подходящая принцесса.

Подаграмбо одобрил этот план, и фея, оседлав своего большого усатого дракона, прибыла в королевство Палисандрию, изложила королю свою просьбу, и бедный король не решился ей отказать.

Гарпагона была в восторге от того, что ей отдали маленького принца Палисандра, и тут же пустилась в обратный путь, горя нетерпением приступить к осуществлению своего плана. Взмахом волшебной палочки она построила для него волшебный замок – пусть читатель вообразит его в соответствии со своим вкусом, описывать его я не стану [181]из боязни навести скуку.

Однако одну подробность я все же должен сообщить, потому что читатель вовсе не обязан об этом сам догадываться. В парке, которым фея окружила замок, чтобы принцу было где гулять, она не забыла повесить особый талисман, который не давал бы принцу выйти за ограду. Талисман этот потерял бы свою волшебную силу только, если бы принц влюбился. А так как Гарпагона была единственной женщиной, которую он видел, она не сомневалась, что пол заменит красоту и что юношеские желания в конце концов родят любовь в сердце Палисандра. Правда, одно обстоятельство, которое фея не предвидела, чуть было не обрекло на неудачу этот замысел и заставило ее несколько изменить свой план. При рождении Палисандр получил в дар красоту, он должен был стать самым прекрасным принцем своего времени, что очень вдохновляло Гарпагону, внушало ей самые сладострастные надежды, к тому же она знала, что все обольстительные юноши, как правило, осваивают азы любви под руководством старух. Однако она была обескуражена, узнав, что, кроме красоты, ребенок получил в дар и все прелести ума. Гарпагона чувствовала, что из-за этого соблазнить его будет куда труднее. Она решила тут же исправить своим искусством то, что ее воспитанник получил от природы. Поскольку лишить его ума было не в ее власти, она затеяла его исказить и, не откладывая дела в долгий ящик, пошла в колдовскую кухню, где обычно готовила свои зелья. Там она произнесла самые лучшие заклинания, вспомнила самые изощренные рецепты, употребила все свое умение и силу и получила в результате две колбы магических конфет. В одной лежали карамельки, от которых появлялся дурной вкус и скверные мысли. В другой – леденцы, которые развивали высокомерие и упрямство. Всякий, кто съест эти конфеты, будет всегда судить ошибочно, рассуждать неверно, упрямо отстаивать свою точку зрения и выставлять себя на посмешище. Хитрая фея имела все основания надеяться, что, если юный принц их отведаст, он испытает к ней вождление тем более сильное, чем нелепее оно ему покажется. И она понесла колбы мальчику. Лаская его и угощая карамельками, фея пыталась изобразить на лице приветливую улыбку, но получилась такая ужасная гримаса, что малыш с перепугу швырнул ей конфеты прямо в лицо. Легче соблазнить так называемого «разумного» мужчину, чем малое дитя, потому что мудрая природа дает тем, кого еще не довела до разума, верный инстинкт, предостерегающий от всего, что может принести вред. О леденцах высокомерия фея не очень сожалела, она не сомневалась, что дозу высокомерия Палисандр уже получил от рождения, но ей так и не удалось уговорить его отведать карамельки дурновкусия и скверномыслия. В конце концов, придав всем конфетам еще и свойство никогда не иссыхать, она отдала обе колбы одному путешественнику, сказав, что это местные сласти, изготовленные по старинному рецепту. Путешественник отвез эти конфеты в Европу, и они пользовались там огромным успехом, так как до этого европейцы их не знали. Все поголовно хотели теперь ими полакомиться, их посылали друг другу в подарок, носили с собой в маленьких коробочках, угощали ими в обществе, и этот обычай сохранился до наших дней.

[182]И хотя я не уверен, что все они и сейчас обладают прежней магической силой, я все же не стану утверждать, что они ее полностью утратили.

А Гарпагона утешилась мыслью, что и без всяких карамелек и леденцов воспитает принца так плохо, что любо-дорого будет смотреть.

Как раз в это время распространился слух, что королева Пустяковин должна вот-вот разрешиться от бремени и что все феи приглашены присутствовать при родах. Гарпагона тотчас отправилась туда, как, впрочем, и остальные.

Королева родила девочку, которая оказалась, как вы уже догадались, чудом красоты и которую назвали Зирфила. Гарпагона намеревалась поговорить с королевой, чтобы и эту прелестную малютку взять к себе на воспитание, однако фея Нинетта, это предвидев, ее опередила.

Фея Нинетта была общеизвестной покровительницей королевства Пустяковия. Ростом она не вышла, [183] в ней было не больше двух с половиной локтей, но лицо ее поражало прелестью. И вообще, упрекнуть Нинетту было не в чем, разве что в излишней живости. Казалось, ее уму тесно в такой маленькой голове. Она всегда была чем-то занята, всегда о чем-то думала и обладала такой силой проникновения в суть вещей, что часто ее заносило куда-то в сторону. Поэтому случалось, что выводы Нинетты менее точны, чем суждения людей, которые по проницательности ей и в подметки не годились. Острое зрение и стремительность походки маленькой феи отражали качества ее ума. И совет фей, чтобы помочь ей справиться с этим избытком живости, которому глупцы так и норовили подражать, а когда им это не удавалось, презрительно называли его легкомыслием, так вот, совет фей подарил ей волшебные очки и костыль. Очки эти ослабляли зрение, а значит, и умеряли живость ума, поскольку наша духовная деятельность находится в непосредственной зависимости от телесной. Теперь вы знаете, как были впервые изобретены очки. Потом, правда, их стали употреблять с обратной целью, но удивляться тут нечему – ведь все в конце концов приходит к своей противоположности. Однако если нужно доказывать, что очки вредят уму, то достаточно вспомнить: сколько бы почтенные старцы ни следили за нравственностью своих подопечных, молодые любовники, не имея никакого жизненного опыта, всегда обведут их вокруг пальца, чему виной, конечно же, только очки. Что касается костыля, то он замедлял движение, отчего походка маленькой феи становилась более уверенной. Впрочем, Нинетта пользовалась подарками фей только, когда ей надо было повернуть какое-нибудь сложное дело. Должна вам еще раз сказать, что она была лучшим созданием на свете. Открытая душа, нежное сердце, веселый ум придавали ей особое очарование. Феи, собравшиеся по случаю рождения принцессы, стали, по обычаю, одаривать малютку и, как истые женщины, начали с внешности, поочередно наделяя ее кто – красотой, кто – обаянием, кто – грацией, кто – соблазнительностью, но тут подошел черед Гарпагоны, которой злоба подсказала, как в два счета перехитрить благожелательность остальных, и она процедила сквозь зубы: – Сколько бы вы ни старались, все равно она останется животным, за это я вам ручаюсь, потому что наделяю ее глупостью, да, да, она будет круглой дурой.

Сказав это, Гарпагона ушла. Феи спохватились, что упустили главное, но поздно. А Нинетта, нацепив на нос очки и опершись на костыль, заявила, что научит принцессу всему, что может заменить недостаток ума. Остальные феи добавили, что, не будучи в силах совсем уничтожить злой дар Гарпагоны, они все же в состоянии ограничить: если принцесса кого-нибудь полюбит, то она в тот же миг исцелится от своей глупости. [184] Заметьте, что женщина, которую может спасти любовь, не находится в таком уж безнадежном состоянии.

И Нинетта, взяв Зирфила на руки, благополучно перенесла ее в свой замок, избежав всех ловушек, которые ей расставила злая фея. Главной заботой Гарпагоны было дать принцу Палисандру как можно более скверное воспитание. Она надеялась, что ей удастся исказить разум мальчишка, направить его по ложному пути и что, несмотря на все усилия Нинетты, ее воспитанница навсегда останется круглой дурой. Что же касается Палисандра, то она приказала его гувернерам говорить с ним все время только о привидениях, и призраках, и разных чудовищах и без конца читать страшные сказки, чтобы окончательно забить мальчишку голову всякими глупостями.

[185]

Впрочем, такой способ воспитания, придуманный когда-то злобной Гарпагоной исключительно из хитрости, сохранился, увы, правда, уже по глупости, и до наших дней.

Когда принц немного подрос, Гарпагона выписала ему учителей со всех концов света, но так как в злокозненности своей она никогда не останавливалась на посредственном, то заставила каждого из них преподавать не свой предмет. Так, например, она пригласила прославленного философа, скажем, Декарта или Ньютона своего времени, но он должен был учить принца верховой езде и фехтованию. Музыканту, учителю танцев и поэту поручила научить мальчишка рассуждать, да и всех остальных учителей тоже распределила соответственным образом, и это оказывалось нетрудно, ибо каждый из них считал себя особенно сильным именно в том, что отнюдь не является его делом. И сейчас встречается немало людей, которых, похоже, воспитывали на этот лад. Приняв все эти меры предосторожности, Гарпагона не сомневалась в успехе своей затеи. Однако, несмотря на такой способ обучения, Палисандр хорошо

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
успевал. По правде говоря, полезных знаний он не получал, но его ум от всего этого бедлама ничуть не исказился, а, напротив, стал острее. Счастливого возмещение! И в самом деле, не считая хороших уроков, ничто нас так не воспитывает, как наблюдение за комическими персонажами, поэтому Палисандр не принимал всерьез наставления своих учителей. Он стал красив, как бог, картины с него писать, да и только, и очарование его росло вместе с ним – Гарпагона считала, что для нее. Что ж, пусть себе считает, а мы посмотрим, что случится дальше.

Итак, в то время, как Гарпагона из кожи вон лезла, чтобы сделать Палисандра дураком, фея Нинетта чуть с ума не сошла, пытаясь наставить на ум Зирфилу. В замке маленькой феи собирались все самые замечательные люди королевства Пустяковия, и блеску разговоров во время приемов мог бы позавидовать любой европейский двор. Там нельзя было услышать ни общих мест, ни избитых истин, каскадом сыпались остроты, никто не выслушивал ответы на заданные вопросы, однако это ничуть не мешало то сходитьсь во мнениях, то, наоборот, решительно расходиться, что, впрочем, не имеет никакого значения для блестящих умов. [186] Все выражалось с преувеличениями, это было очень модно и, хотя никто из придворных не испытывал больших чувств и не занимался серьезным делом, они употребляли в разговоре только самые сильные выражения: изменение погоды приводило в ярость, про какой-нибудь жалкий помпон говорили, что он дороже всего на свете, а между оттенками одного и того же цвета для них лежала целая пропасть. Так на всякие пустяки тратились все выразительные слова, и если кто случайно переживал настоящую страсть, то не было средств ее выразить, ничего не оставалось, как хранить молчание, так и возникло речение: «Большие чувства немь».

Нинетта не сомневалась, что, воспитываясь при ее блестящем дворе, принцесса в конце концов избавится от своей глупости, но заклятье, видно, было уж очень прочным. С каждым днем Зирфила становилась все более красивой и более глупой девочкой. Думать она не умела, вечно витала где-то в облаках, а если открывала рот, то изрекала очередную глупость. Хотя обычно мужчины снисходительно относятся к словам красавицы и, что бы она ни несла, считают, что она говорит, как ангел, Зирфилу хвалили только за ее красоту. Бедная девочка была смущена этими комплиментами, воспринимала их как милость и отвечала, что ей делают слишком много чести. Однако они имели в виду совсем другое, смеялись над ее наивностью и пытались соблазнить ее, пользуясь ее неискушенностью.

Нужно знать, что такое порок, чтобы опасаться его ловушек. Зирфила была сама невинность, а невинность не лучший страж добродетели. И Нинетта бдительно следила за своей воспитанницей. Она назначила ее в штат своих фрейлин, где всегда были вакантные места, – ведь большинство из них, не отслужив полностью своего срока, выскакивали замуж. Поэтому фрейлин при дворе всегда не хватало. Однако их дурной пример не испортил Зирфилу. Молодые придворные не отходили от нее, пытались ухаживать, но тщетно. Когда очень хочешь показаться обаятельным, то, как правило, перестаешь им быть. Зирфила оставалась вполне равнодушной ко всем знакам внимания, которые ей оказывали. Их комплименты казались ей пошлыми, от них веяло самодовольством. К тому же если мужчины внемлют голосу плоти, еще не услыша голоса сердца, то большинство женщин должно сперва полюбить, и не будь перед глазами постоянного дурного примера, их не сокрушат любовными играми. Но как бы там ни было, с Зирфилой ничего не случилось, потому что для большего спокойствия Нинетта, оберегая честь принцессы, не позволяла ей оставаться наедине с мужчинами и даже кое с кем из женщин, опасаясь, что она утратит свою чистоту.

Пока Зирфила беззаботно жила во дворце Нинетты, Палисандр томился от скуки у Гарпагоны. Ему шел уже пятнадцатый год, и ум подсказывал ему, что он не создан жить в том окружении, в котором оказался. Он начинал ощущать некие смутные желания, которые, поскольку они не относились к определенному объекту, повсеместно его смущали. Он вдруг обнаружил, что у него есть сердце, волнение которого не может быть выражено ни одним из органов пяти чувств. Временами принца охватывала какая-то странная истома, которая была сродни удовольствию, хоть и пробуждала желание испытать и более острое наслаждение. Он маялся, томясь по неведомо кому, кто мог бы развеять смятенность его души, и вместе с тем искал уединения. Он убежал в самые глухие уголки парка. Там, пытаясь разобраться в своих чувствах, он подчас выглядел весьма глупо, напоминая мечтательных юношей со старых гравюр. Гарпагона понимала, что за недуг точит Палисандра, и радовалась, предвкушая, что скоро станет его целительницей. Но она замечала, и это ее весьма злило, что всякий раз, как она пыталась приласкать юношу, он резко отстранялся от нее и приходил в ярость. Известно ведь, что навязанная ласка мало кому желанна и что охотно рздают лишь те поцелуи, которые никто сам

не хочет сорвать.

Гарпагона была в полном отчаянии. Ведь совет фей постановил, что принц будет жить у нее лишь до семнадцати лет, а потом она потеряет над ним всякую власть.

Короли обоих королевств – Палисандрии и Пустяковин – с нетерпением ждали этого дня, чтобы, поженив наследников, соединить свои владения в одно государство.

Подаграмбо, как только узнал об их плане, поклялся, что этому не бывать. Он велел подать себе роскошный экипаж и отправился ко двору Нинетты. Его там приняли с той вежливостью, которую оказывают обычно важным персонам, но она отнюдь не свидетельствует об истинном уважении к ним.

Чтобы не терять зря времени на праздные комплименты, Подаграмбо с места в карьер объяснил Зирфиле, какие чувства, точнее, какие желания она в нем пробуждает. Юная принцесса, которая так и не научилась ничего скрывать, не стала его томить неизвестностью, а со всей свойственной ей наивностью сказала ему, что испытывает к нему отвращение. Подаграмбо был крайне удивлен этим признанием, но вместо того, чтобы ретироваться, решил все же попытаться завоевать сердце Зирфилы и добиться ее руки. Он стал судорожно искать способа ей понравиться, но, как известно, в таких случаях чем больше ищешь, тем меньше находишь. Он старался подражать во всем придворным, но если их жеманство бывало порой смешным, то ужимки Подаграмбо просто навевали тоску. Откровенное жеманство вообще-то не всем к лицу, и уж меньше всего оно подходило Злому Духу. Чем больше он пытался разыгрывать из себя фата, тем яснее все видели, какой он дурак. Короче говоря (я не люблю длинных историй), изрядно наскучив всему двору своими кривляниями и донельзя утомив юную принцессу своими глупостями, он ни на шаг не приблизился к цели. По общему мнению, он был самым плоским Злым Духом из всех, когда-либо существовавших на свете. И эта репутация за ним укрепилась повсеместно – как в придворных кругах, так и в народе.

Подаграмбо подозревал, что он стал посмешищем для всего двора, но вовсе не потому, что был проницателен. Просто большинству глупцов свойственно очень высоко себя ценить, но при этом понимать, что многие люди могут отзываться о них дурно. Сильно раздосадованный, он вернулся к себе, чтобы выдумать какую-нибудь необычайную месть и посоветоваться с Гарпагоной, как ловчее похитить принцессу. Нинетта предвидела, что такие попытки могут быть предприняты, и дала своей дорогой Зирфиле волшебный шарф – его магическая сила заключалась в том, что он предохранял от любого насилия.

А тем временем Палисандр не мог справиться с меланхолией, которая его просто снала. И Зирфила тоже томилась, сама не зная отчего. Молодые люди часто гуляли в одиночестве, и, когда случайно подходили к ограде, разделявшей их парки, каждый чувствовал, что какая-то неведомая сила тянет их за ограду. Они недоумевали, почему именно это место, самое запущенное в парке, кажется им столь привлекательным, но стали ходить туда ежедневно, и только наступление ночной тьмы принуждало их возвращаться к себе.

Однажды, когда принц, стоя у ограды, размышлял обо всем этом, из его груди вырвался горький вздох. Принцесса с той стороны ограды услышала его, почему-то разволновалась и стала прислушиваться. Палисандр снова вздохнул. Зирфила, никогда не вникавшая в то, что объясняли ей учителя, восприняла этот вздох удивительно проницательно. И ответила таким же горьким вздохом. Возлюбленные – ибо с этой минуты они стали возлюбленными – услышали друг друга. Язык сердца общепонятен, нужно лишь быть чувствительным, чтобы его понимать и на нем говорить. Любовь тут же зажигает пламя в сердце и озаряет лучом света разум. А услышав друг друга, они тут же захотели увидеться. Любопытство – плод первого знакомства. Короче, принц и принцесса двигаются навстречу друг другу, ищут друг друга, раздвигают ветки разросшихся кустов, и вот они уже стоят друг против друга! О боже! Какой восторг! Только если вам столько лет, сколько им, если вас с той же неотступностью терзают желания, если у вас такой же сумбур в голове, если в жилах ваших тот же огонь и если вы столь же несведущи в делах любви, вы в состоянии оценить, что с ними произошло. Обоих охватывает дрожь от новизны того, что они испытывают, они вкушали блаженство пробужденной чувственности. Они касаются друг друга. Молча. Потом у каждого вырываются какие-то невнятные слова, потом они начинают говорить и говорят безостановочно, задают тысячу вопросов и толком на них не отвечают, но именно такой сумбурный разговор им по душе, все их сомнения рассеяны: они понимают, что любят друг друга с первого взгляда, что нашли то, что искали, что они созданы друг для друга. Палисандр, который до сих пор не видел ни одной женщины, не считая Гарпагоны, открыл для себя новый мир. А Зирфиле, не обращавшей решительно никакого внимания на кавалеров при дворе Нинетты, казалось, что она встретила неведомое ей новое существо. Палисандр поцеловал руку Зирфилы. Бедное дитя, в своем неведении не считавшее, что оказывает милость, а тем

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
более, что совершает проступок, ему не препятствовало. У Палисандра были лишь самые лучшие намерения, поэтому ему и в голову не приходило, что его нежные прикосновения могут кого-то оскорбить, и он осмелел, а Зирфила с детской непосредственностью отвечала ласками на его ласки. Не имея никакого представления о пороке, она, естественно, не знала, что такое целомудрие.

[187] Они уселись на траве, крепко прижались друг к другу и принялись целоваться. Зирфила была готова на все, чего хотел Палисандр, она сама заключила своего возлюбленного в объятия. Палисандр положил руку на едва намечающуюся грудь Зирфилы и нашел губами ее губы. Души их слились в божественном опьянении, их уносит поток радости, они наверху блаженства, желание захлестывает их, они изумлены, что можно, оказывается, быть такими счастливыми и все же желать чего-то еще. Они наслаждаются всеми прелестями друг друга, которые доступны взорам, не подзревая, однако, что есть и нечто скрытое, без чего полного счастья, увы, не наступит. И все же мне кажется, что за этот первый урок любви они уже многому научились. О, милые дети! Они были так поглощены друг другом, что забыли обо всем на свете и не собирались расставаться. Но так как они не вернулись с прогулки в положенное время, то и Гарпагона, и Нинетта порознь отправились искать своих воспитанников. Голоса фей вспугнули юных возлюбленных, и они нехотя разбежались в разные стороны. Только надежда на то, что они увидятся завтра и смогут снова насладиться теми же радостями, заставила их оторваться друг от друга. Если феи заподозрят, что они нашли друг друга, их разлучат – это было яснее ясного. Первое чувство так доверчиво в своих желаниях и так робко в своих порывах.

Образ Зирфилы, запечатлевшийся в душе Палисандра, сделал для него Гарпагону еще отвратительней, чем прежде. Что до Зирфилы, то хоть ей и пришлось расстаться с Палисандром, та радость, которую она испытала в его невинных объятиях, придала новый блеск ее красоте и озарила ее каким-то внутренним светом. Ведь известно, что удовольствие красит человека, а любовь его озаряет. Однако у меня нет слов, чтобы передать изумление придворных, когда они обнаружили, что Зирфила разом поумнела. В тот вечер был как раз большой прием у Нинетты и кто-то отпустил по адресу Зирфилы плоскую шутку, одну из тех, которые себе позволяют мелкие людишки, ощущающие свое превосходство над теми, кого они полагают глупее себя. Бедная Зирфила прежде часто бывала предметом подобных шуток. Но, начиная с этого вечера, она стала отвечать на них язвительно, тонко, но при этом безо всякого раздражения, так, что неудачные шутницы (ибо наверняка это были женщины) изумились мудростью ее разящих ответов и были уничтожены церемонной учтивостью, с которой она к ним обращалась. Мужчины пришли в восторг и аплодировали. У Нинетты на глазах сверкали слезы счастья, придворные дамы краснели от досады. Они и так с трудом мирились с красотой Зирфилы, утешаясь лишь ее глупостью. Выносить их колкости было невозможно, и у принцессы, казалось, не оставалось другого выхода, как озлобиться. Злость часто заставляет уважать то, что вызывает ненависть. Но маленькая принцесса была слишком благородного происхождения, чтобы использовать этот недостойный способ защиты.

Нашим возлюбленным так понравился первый урок, преподанный любовью, что им не терпелось продолжить занятие в ее школе. Какое счастье учиться, испытывая при этом одни только радости!

Возлюбленные, как воры, сперва принимают излишние предосторожности, потом постепенно они теряют бдительность и пренебрегают даже самым необходимым, и тогда их ловят. Именно это в точности и случилось с нашими юными героями, которые стали вести себя совсем неосторожно. И Злой Дух их подкараулил. Однажды вечером он увидел, как они расходились после свидания, и впал в настоящее бешенство. Но, поскольку он взял себе за правило ничего не предпринимать, не испросив чьего-либо совета, хоть и поступал потом всегда наоборот, он решил обсудить этот случай с Гарпагоной. Злая фея, услышав новость, тоже чуть не лопнула с досады. Дух сказал ей, что достойной мстью будет только похищение принцессы.

Хотя Гарпагона пришла в не меньшую ярость, чем Подаграмбо, она никак не хотела, чтобы соперница оказалась в ее доме, вблизи от своего возлюбленного. Поэтому она утаила тревогу и спокойно сказала Духу, что ему и надо заняться этим похищением, так как была уверена, что у Подаграмбо на это не хватит ума.

С раннего утра Злой Дух спрятался за деревом у ограды в том самом месте, где наши возлюбленные обычно встречались. Учителям Палисандра было велено затянуть уроки, чтобы принц не смог прибежать на свидание раньше принцессы. Палисандр, отличавшийся на редкость мягким нравом, впервые в жизни разгневался оттого, что его задержали. Что поделаешь, страсть не способствует ровному настроению. Пока принц изнывал от нетерпения, нежная Зирфила подошла к ограде и, не найдя там своего возлюбленного,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
встревожилась, ведь обычно он являлся на свидание первым. Она поискала его глазами и, не обнаружив, осмелилась миновать ограду и войти в парк Гарпагоны. И тут она сразу же натолкнулась на Подаграмбо. Его вид внушил принцессе ужас, и она бросилась было бежать, но сделала это так неуклюже, что шарф ее зацепился за ветку куста. Злой Дух тут же схватил Зирфила за рукав платья.

– Ах вы, невинное создание! – воскликнул он. – Вы бегаєте за мальчишкой и отвергаете меня?

Бедняжка Зирфила, видя, что испуг, из-за которого она потеряла свой волшебный шарф, выдал ее, решила схитрить. Прежде, до встречи с Палисандром, она никогда бы не догадалась прибегнуть к такой уловке. От первого любовного приключения мужчины становятся самодовольными, а женщины – лукавыми. Слабый пол вынужден краснеть за то, что составляет доблесть сильного пола.

Хотя Зирфила и была само простодушие, ей ничего не оставалось, как обмануть Подаграмбо.

– Меня удивляет, что вы приписываете любви поступок, вызванный исключительно любопытством, – сказала она, – только оно привело меня сюда. А еще больше меня удивляет, что вы хотите силой получить то, чего можете добиться и своим титулом, и, еще больше, своей любовью.

Эти лестные речи несколько смягчили Злого Духа. Но хотя принцесса и посоветовала ему понадеяться на свои достоинства, он не хотел ее упускать.

– Если ваше сердце так ко мне благосклонно, – ответил он, – то вы должны согласиться пойти со мной в замок. Все эти долгие ухаживания, которым обычно предаются возлюбленные, не что иное, как пустой ритуал и лишь отдаляют от нас наслаждение, ничего к нему не добавляя.

– Что ж, – сказала Зирфила, – я готова пойти с вами. И чтобы доказать вам искренность своего намерения, я прошу вас, подайте мне мой шарф, чтобы здесь не оставалось никаких следов моего бегства и вашей излишней настойчивости.

Подаграмбо прямо лоснился от удовольствия, он был восхищен предусмотрительностью принцессы.

– О, надо признать, что от любви женщины умнеют! – воскликнул он. – Я бы сам никогда об этом не подумал и ушел бы, как дурак.

И он тут же снял шарф с ветки и подал его принцессе, поцеловав ей руку. Но она с презрением его отпихнула, потому что больше ей нечего было бояться.

– Уходи, вероломная тварь, не то на тебя падет гнев фей, – сказала она. – Этот шарф для меня залог их защиты.

И с этими словами она убежала, оставив Подаграмбо в полной растерянности, потому что он не смог пойти за ней: какая-то сила не давала ему сдвинуться с места и одолеть ее он оказался не в состоянии. Ему ничего не оставалось, как испытать еще большее восхищение перед умом и находчивостью принцессы, но думать ему об этом не хотелось. Простояв неподвижно некоторое время, он в полном отчаянии поплелся к Гарпагоне, чтобы рассказать ей о своей неудаче.

Злая фея с досадой выслушала рассказ о волшебной силе шарфа, но несколько утешилась тем, что затея Подаграмбо не удалась. Однако она скрыла от него, что их интересы в этом деле расходятся, и, так как наиболее убедительные слова утешения находятся тогда, когда сам ничуть не огорчен, Гарпагона его успокоила, пообещав лишить шарф волшебной силы и добыть для него принцессу. Фея еще не знала, какие испытания ее подстерегают. Пока она разговаривала с Подаграмбо, Палисандр со всех ног помчался к ограде. Тщетно прождав некоторое время Зирфила, он, сгорая от нетерпения, забрел в парк Нинетты и раздираемый то страхом, то страстью, незаметно дошел до дворца. Весть о его появлении быстро распространилась. Нинетта в сопровождении придворных вышла ему навстречу. Палисандр приблизился к маленькой фее и с большим почтением поцеловал подол ее платья. Но тут он увидел Зирфила, а Зирфила – его, и они бросились друг к другу и на глазах у всего двора отдались радости встречи. Зирфила тут же простодушно поведала ему, какой опасности только что избежала. После того что с ней произошло, принц стал ей еще дороже. Чем больше смелости проявляют женщины, тем скорее они готовы принести новые жертвы. Нинетта, весьма снисходительная по природе, и не пыталась увидеть в поведении юных возлюбленных что-то недозволенное. Она была рада, что фортуна все устроила к лучшему.

Когда Гарпагона узнала, что Палисандр сбежал, она снова впала в дикую ярость и потребовала, чтобы его немедленно вернули. Но, к счастью, ему в этот самый день как раз исполнилось семнадцать лет, и по решению фей Гарпагона с этого дня теряла на него все права. Она впала в бешенство, мигом излечилась от любви, чувства, столь не свойственного ее сердцу, и так как отныне жаждала лишь мести, то тут же отправилась к фее Завистнице, чтобы вступить с ней в сговор.

А тем временем во дворце Нинетты все были настолько заняты празднествами, которые устроили в честь Палисандра, что некогда было и думать о мстительной Гарпагоне.

Все претенденты на руку Зирфилы отступили, увидев Палисандра. Женщины без удержу восхваляли красоту принцессы, а втайне все норовили стать ее соперницами. Однако Палисандр был настолько поглощен своей любовью, что даже не замечал заигрываний придворных красавиц, которые наперебой делали ему всяческие авансы. Когда же при дворце убедились, что сердца этих возлюбленных глухи ко всему, кроме своего всепоглощающего чувства, то мнение о них разом изменилось. Теперь все уверяли друг друга, что Зирфила еще больше поглупела с тех пор, как полюбила, а что до Палисандра, то его красоте явно не хватает изюминки, а их любовь просто смешна, такого при дворе никогда не бывало, и что лучше избегать их. Одним словом, придворные дамы утратили к Палисандру всякий интерес, а наши возлюбленные были до того заняты друг другом, что как прежде не замечали угодливых заискиваний, так и теперь не заметили, что все от них отвернулись.

Нинетта, которая до этого столь пристально следила за поведением Зирфилы, боясь, как бы она не стала жертвой какого-нибудь расхрабившегося ветреника, оставляла ее наедине с Палисандром безо всякой тревоги, она верила, что настоящая любовь невозможна без уважения и что чем больше возлюбленный пылает от нетерпения, тем меньше он себе позволяет. Впрочем, за истинность этого утверждения я не поручусь, но, так или иначе, на этот раз оно опровергнуто не было.

Ждали только приезда королей Палисандрии и Пустяковин, чтобы отпраздновать свадьбу. Их послы уже прибыли ко двору Нинетты и сумели без труда договориться по всем пунктам брачного контракта. Были сшиты новые ливреи для слуг, а что касается нарядов для предстоящих празднеств, то выписали все самое модное из Парижа, от мадам Дюша, [188] которая прислала кукол в рост Нинетты, одетых в платья новых фасонов. [189]

Одним словом, все главное было уже сделано, оставались сущие пустяки: установить законы объединенного королевства и обеспечить интересы народа. Возлюбленные не расставались ни на минуту. Часто, чтобы укрыться от шумной суеты двора, они уходили в дальние роши на краю парка, там они предавались невинным ласкам и твердили друг другу все те же слова любви, столь увлекательные для пылающих сердец, что их можно без конца повторять и всякий раз они звучат вновь.

И вот однажды во время такой прелестной болтовни Зирфила сняла свой шарф, потому что было очень жарко. Гарпагона, которая выслеживала их, став невидимкой, воспользовалась этой промашкой и явилась им вместе с феей Завистницей; они стояли в колеснице, в которую были впряжены змеи, а вокруг сонмом витали пронзенные стрелами сердца. Это были своего рода талисманы, которые представляли тех, кто знал зависть, а стрелы были как бы знаком достоинства, ведь оно и доставляет самые ужасные страдания завистникам. Гарпагона коснулась Зирфилы своей волшебной палочкой и унесла ее в облаке в тот самый миг, когда Палисандр целовал ей руку. Несчастный принц кинулся в ноги Злой Феи, умоляя ее обрушить всю месть только на него и пощадить принцессу. Щетно говорил Палисандр все, что могли подсказать ему любовь и великодушие, жестокая фея не сводила с него глаз:

– Неужели ты еще смеешь надеяться на мою милость? В моем сердце живет только ненависть. Я обрушу свою месть разом и на тебя, и на твою возлюбленную: она угодит в объятия твоего соперника, который ей так омерзителен!

Колесница умчалась, оставив Палисандра в глубоком отчаянии.

Благодаря своему колдовскому искусству Нинетта тотчас же узнала о случившемся, но беда тех, кто, как она, все умеют, заключается в том, что они ничего не предвидят. Она пришла в рошу за принцем. Он прижимал к груди шарф Зирфилы, обливая его слезами. Маленькая фея, как могла, пыталась его утешить, но он даже не слышал того, что она говорит. Ей стоило немало труда привести его во дворец, потом она заперлась в своем кабинете, надела очки и стала листать толстые фолианты, надеясь найти хоть какие-то указания, как надлежит поступать в случае такой беды.

При дворе по-разному отнеслись к случившемуся. Одни много об этом говорили, но на самом-то деле оставались вполне равнодушны. Другие все больше помалкивали, зато живо интересовались всеми обстоятельствами этого похищения. Никто особенно не горевал оттого, что Зирфила исчезла, а тем более – женщины, и некоторые из них даже всерьез надеялись утешить принца. Придворная новость была еще совсем свежей, ее передавали из уст в уста, хотя никто ничего толком не знал, рассказывали кучу подробностей, не имея понятия о том, что случилось, не скупилась на слова именно потому, что сказать было нечего, и вот тут-то Нинетта вышла из своих покоев в большом

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
воодушевлении и сообщила, что Зирфилу можно освободить, вырвать из рук Подаграмбо. Все окружили фею, всем не терпелось узнать, что же надо для этого сделать.

– Послушайте, – обратилась маленькая фея ко всем присутствующим, – я только что узнала, что вся власть Подаграмбо и Гарпагоны зависит от волшебной вазы, которую они хранят в тайнике в своем замке. Эту вазу стережет дух – слуга, превращенный в серо-голубого кота, и раздобыть эту вазу можно без особых трудностей, если соблюсти одно-единственное условие: за ней должна отправиться молодая особа безупречной репутации. [190]я полагаю,

что найти такую нетрудно, и на ее пути никаких препятствий не будет. Но если та, кто отправится за вазой, не соответствует своей репутации, то лучше ей не ходить, ибо ничем хорошим это не кончится.

– Какой блестящий способ все уладить! – воскликнул щеголеватый придворный. – Поздравляю принца Палисандра!

– Замолчите, вертопрах! – одернула его фея. – Если бы нужен был разумный человек, то вас бы наверняка не выбрали.

– Я вовсе не шучу, – насмешливо возразил юный фат, – а боюсь, как бы состязание по части добродетели не привело бы нас к гражданской войне.

– Состязания не будет, – сказала фея, – я об этом сама подумала: мы будем тянуть жребий, чтобы избежать возможной зависти.

Сказано – сделано. Тут же приготовили бумажки для жеребьевки и вытащили ту, на которой было имя «Амина».

Эту молодую девушку можно было назвать скорее хорошенькой, чем красивой, она была очень живой, легкомысленной, вероятно кокетливой, из числа тех, кто за словом в карман не полезет, вела себя свободно, раскованно, любила всех задира и появлялась всегда в окружении толпы поклонников.

Амина, услышав, что ее выбрали, не изменилась в лице, ничуть не смутилась, но, надо сказать, и не возгордилась. Однако придворное общество встретило ее имя гулом, который было трудно принять за одобрение. Нинетта сочла это дурным знаком, испугалась за успех предприятия и поэтому сама выбрала Зобеиду, чтобы она сопровождала Амину, решив, что две добродетели лучше, чем одна. Зобеида была немного старше подруги, более красива и слыла образцом добродетели и недоступности. Говорили даже, что она столь строга в поведении только для того, чтобы безжалостно осуждать всех остальных женщин. Добродетель – неплохая привилегия!

Как бы там ни было, девушки отправились в путь вдвоем и дошли, согласно полученным указаниям, до небольшого павильона, расположенного неподалеку от замка Гарпагоны. Амина с присущей ей живостью шла впереди. Они не столкнулись ни с какими препятствиями, двери сами открывались перед ними. Наконец они очутились в комнате, где увидели на мраморном столике вазу, форма которой не отличалась изяществом. Скажем прямо, она очень напоминала ночной горшок. Я сожалею, что не могу найти более изящного слова или сравнения. Девушки никогда бы не подумали, что это и есть тот клад, который надобно было добыть, если бы Нинетта не дала им точных указаний.

Но ваза эта, хоть и была гнусной по форме, обладала тем не менее изумительными свойствами: она отвечала на все вопросы, словно оракул, и рассуждала, как философ, на любую тему. В те далекие годы сравнение с этой вазой было лучшим комплиментом для всякого, кто пускался в рассуждения.

Амина и Зобеида увидели также и кота, о котором им говорили: им захотелось его погладить, но он оцарапал Зобеиду, зато стал ластиться к Амине, убрал когти, выгнул спину и галантно задрал хвост трубой.

Амина, обрадованная таким удачным началом, схватила магическую вазу, но в тот момент, когда она ее с трудом приподняла, Зобеида, чтобы помочь, коснулась вазы рукой, и вдруг из нее повалил густой дым, быстро заполнивший всю комнату. Раздался страшный треск. Амина испугалась и опустила вазу на столик, на котором она стояла, и тут же в клубах дыма появились Подаграмбо и Гарпагона. Они схватили Амину и Зобеиду, но не убили их на месте, а заперли в темной башне.

Фея Нинетта, незамедлительно узнав об этих событиях, стала доискиваться, почему поход девушек за вазой закончился такой неудачей, и вскоре сообщила своему двору, что Амина при всем кокетстве была невинна, в то время как Зобеида, имея любовника и втайне вкушая любовные радости, докучала всем постоянным изъяснением своей фальшивой добродетели.

Нинетта сказала также, что, когда Амина уронила вазу на мраморный столик, ваза треснула, а это означает, что хотя Злой Дух полностью своей власти не утратил, она сильно ослабла.

Чтобы отомстить волшебному горшку Подаграмбо, Палисандр, впав в полное отчаяние, дал зарок бить все ночные горшки, которые попадутся ему на глаза, и тут же приступил к осуществлению своей клятвы. Он переколотил все ночные горшки, которые смог найти во дворце. Что творилось в дворцовых покоях, и вообразить трудно. Разразился страшный скандал, и нинетта попыталась было

ему втолковать, что все эти ночные горшки ни в чем не виноваты, но ей так и не удалось его успокоить. Она оказалась в таком затруднительном положении, что ей пришлось обратиться в совет фей. Рассмотрев это дело, которое было сочтено весьма серьезным, феи порешили, что, поскольку власть Злого Духа ослабла, он не может больше держать в плену Зирфилу целиком, а значит, надобно, не лишая принцессу жизни, отделить ее голову от тела и переправить в страну Идей,

[191] где она и будет находиться до тех пор, пока кто-нибудь, пробравшись в эту страну, не расколдует принцессу и тем самым снова не соединит ее голову с телом. Нинетта возразила, что в таком случае уж лучше было бы оставить Злому Духу голову принцессы, а не тело, потому что есть опасность, что, потеряв голову, она может полюбить его и они сразу же вступят в брак. Феи приняли во внимание это соображение и распорядились, чтобы тело Зирфилы всегда было окружено ореолом пламени, и подойти к нему сможет только тот, кто добудет голову. Едва феи произнесли свое решение, как оно уже было осуществлено. Злой Дух попытался было отправиться в страну Идей, но ему так и не удалось даже приблизиться к ней. Безумцы легко попадают в страну Идей, а дуракам дорога туда заказана. Палисандр, который был безумно влюблен, оказался там в два счета.

Страна Идей не похожа ни на какую другую страну, и форма правления там тоже совсем особая. В этой стране нет подданных, каждый там король и единолично властвует над всем государством, но при этом не узурпирует власть у других королей, таких же абсолютных монархов, как и он. И хотя там так много королей, между ними нет ни вражды, ни зависти. Просто каждый носит свою корону на свой манер. И их честолюбие лишь в том, чтобы предлагать эту корону всем, кто пожелает разделить ее с ними. Вот таким путем они и расширяют свои владения.

Границы всех этих малых королевств, заключенных в одном большом, точно не обозначены, и каждый король волен по своему желанию то расширять их, то суживать.

Палисандр понял, что он в королевстве Идей, по огромному количеству голов, мимо которых он шел. Они подходили к нему и говорили все одновременно, на разных языках, разными тембрами. Он искал среди них голову Зирфилы, но нигде ее не находил. Одни головы принадлежали людям, которые проявили стойкость в беде, но не справились с процветанием: одних погубили деньги, других – почести. Повстречал он головы мотов, скупцов (их было очень много), воинов, павших на поле брани. Попадались и головы сочинителей – одним не под силу оказалась удача, другим – провал, а несколькими – видимость успеха, и несметное количество голов завистников, которые не могли вынести успеха соперников. Палисандр увидел также множество голов, неизвестно как сюда попавших, они пребывали здесь, так сказать, инкогнито, он не хотел их мне назвать, а я гадать не буду. Сколько здесь было голов философов, мистиков, ораторов, химиков!.. Многие попали сюда из-за каприза, из-за того, что важничали или не умели держать язык за зубами, кто – из-за вольнодумства, а кто – из-за суеверий. Одни вызывали у принца сочувствие, других он избегал, они были ему не по душе, и он топтал всех, кого погубила зависть.

Палисандр, чтобы найти Зирфилу, пошел в ту сторону, где, как он слышал, были головы тех, кто потерял их от любви. Но когда он рассмотрел эти головы поближе, то обнаружил, что они принадлежали либо кокеткам, либо ревнивцам. И принц, устав от бесконечных поисков, отчаявшись от неудач, оглушенный всеми глупостями, которые ему приходилось выслушивать, убежал в рощу, чтобы отдохнуть от всех этих безумных суетливых голов, которые не отходили от него ни на шаг. Он растянулся на траве и стал думать о своем несчастье. Оглядевшись по сторонам, он увидел фруктовые деревья, ветви которых гнулись под тяжестью плодов. Силы, казалось, покинули его, и он сорвал грушу, чтобы подкрепиться. Но едва он прикоснулся к ней ножом, как из разреза выглянула голова, и он сразу узнал ее – это была голова его милой Зирфилы. У меня не хватает слов, чтобы передать изумление и радость принца. Он вскочил на ноги, чтобы расцеловать эту столь дорогую ему голову, но она бабочкой метнулась в сторону и села на куст роз, который стал для нее неким подобием тела.

– Не надо, принц, – сказала голова Зирфилы, – не пытайтесь настигнуть меня, а лучше спокойно выслушайте то, что я вам скажу: поверьте, все ваши усилия поймать меня бесполезны. Я сама бросилась бы в ваши объятия, если бы мне позволила судьба. Но так как я заколдована, меня можно схватить только тоже заколдованными руками. Увы, принц, но это так. Я тоскую по своему телу и даже не знаю, достойно ли оно еще меня. Ведь оно осталось в замке Злого Духа, и я об этом и думать не могу без содрогания, прямо голова идет кругом.

– Успокойтесь, – сказал Палисандр, – феи, тронутые нашими несчастиями, взяли ваше тело под свою защиту.

– Вы меня избавляете от ужасной тревоги! – воскликнула голова Зирфины. – Во всяком случае, вы ведь знаете, дорогой принц, что сердце мое отдано вам, и вы слишком благородны, чтобы упрекать меня за несчастье, в котором я ничуть не повинна.

– Вы это замечательно выразили, – ответил ей деликатный Палисандр, – но не будем терять времени, скажите мне поскорей, где я могу найти заколдованные руки, о которых вы говорили.

– Вы их найдете в парке, они там летают где вздумается, раньше они принадлежали фее Нерадивой, но их у нее отняли, потому что она не находила им применения. Сейчас я вам расскажу эту фантастическую историю. Некогда было...

– О, помилуйте, – нетерпеливо перебил ее Палисандр, – у меня сейчас нет времени слушать сказки. Найти бы мне руки, а их история меня мало интересует. Сейчас же пойду их искать.

– Идите, идите и освободите меня от этого жестокого колдовства, которое меня истомило. Вы, наверное, заметили, что здесь все головы так и норовят привлечь к себе внимание, нисколько не стыдясь своего вида. Только я одна вынуждена прятаться в фруктах, потому что потеряла голову от любви, и все остальные меня за это презирают.

Голова Зирфины все говорила и говорила, не обращая внимания на то, что принц уже ушел, и он отметил про себя, что с тех пор, как от принцессы осталась одна голова, она сделалась куда болтливей. Не прошел он и ста шагов по парку, как увидел порхающие в воздухе руки.

[192]Палисандр подбежал поближе и попытался было схватить хоть одну, но как только он дотрагивался до какой-нибудь летающей руки, он тут же получал щелчок в нос. Поначалу получать щелчки показалось ему унижительным, но ведь его счастье было в этих руках, а принцам, как известно, тоже иногда приходится жертвовать самолюбием ради устройства личных дел. Пытаясь быть как можно более ловким, он продолжил погоню за этими злосчастными руками. Но всякий раз, когда ему казалось, что он их наконец настиг, они разом ускользали, то дав ему пощечину, то сорвав с него шляпу. Чем с большим усердием принц гонялся за ними, тем стремительней они от него отлетали. Палисандр так долго преследовал их, что просто обессилел. Тогда он решил на минутку остановиться, чтобы перевести дух, а так как рядом была беседка, обвитая виноградом, то он сорвал гроздь: его томила жажда. Но стоило ему съесть две-три виноградины, как он почувствовал, что с ним начало твориться нечто странное: голова вдруг стала работать быстро и четко, зато сердце становилось все более спокойным и холодным. Что до воображения, то оно прямо-таки воспламенилось, все, что он видел, запечатлялось в его мозгу с особой яркостью, но тут же эти образы, словно в калейдоскопе, стремительно вытеснялись другими, и, поскольку он даже не успевал их толком оценивать, у него не могло сложиться ни о чем никакого суждения. Одним словом, принц сходил с ума. Фрукты этого волшебного сада, тайным образом связанные с населяющими их головами, обладали одним свойством: от них терялся разум, но ум при этом даже обострялся. Так Палисандр оказался одновременно самым блестящим и самым безумным принцем.

Первым последствием такой быстрой перемены было охлаждение сердца.

Палисандр утратил любовь. Настоящая любовь невозможна без разума. Если прежде он испытывал к Зирфиле нежное целомудренное влечение, то теперь он едва вспоминал о ней. Он не чувствовал больше ни малейшего сострадания к несчастьям принцессы. То, что она потеряла голову, казалось ему теперь смешным, и только. Вот так ум, не подкрепленный разумом, судит о несчастьях других; истинно сказано: чужую беду руками разведу. Чванство вытеснило скромность. Палисандр потерял достоинство, зато теперь был исполнен всяческих амбиций.

– Видно, я совсем рехнулся, – воскликнул он, – гоняюсь здесь за какой-то там головой, когда запросто могу вскружить голову всем женщинам Пустяковин. Нечего мне бегать от своей судьбы, ведь она в том, чтобы быть всеми любимым, вызывать у всех восхищение, нимало не жертвуя своей свободой. Сказав это, Палисандр тут же отправляется в обратный путь.

Нинетта, увидев из окна Палисандра, выбежала ему навстречу: ей не терпелось поскорей узнать о судьбе Зирфины. Принц сказал, что от принцессы осталась всего лишь голова, да к тому же и ее невозможно коснуться, что все дальнейшие усилия бессмысленны и что он с этим смирился. Он заявил, что постоянство, если оно не приносит счастья, – добродетель дураков, и изрек еще немало подобных сентенций, короче, Нинетта очень быстро убедилась, что у принца решительно изменился характер, зато изрядно отточился ум. Сперва маленькая фея рассердилась, что Палисандр посмел вернуться без принцессы, но так как для всякой природы с живым умом присутствующие всегда значат больше, нежели отсутствующие, радость встречи с Палисандром утешила ее в потере Зирфины.

Все придворные окружили принца, правда, скорее из любопытства, чем из подлинного интереса к нему. Они ожидали увидеть его таким, каким он был прежде, то есть разумным и скромным, и уже готовы были посмеяться, как обычно, над избытком его добродетелей. Однако на этот раз он произвел на всех куда более благоприятное впечатление. Он поразил живостью и блеском разговора. Внимательный читатель, наверное, помнит, что очки Нинетты укорачивали зрение. Она их сняла, чтобы издали получше разглядеть принца. А так как она их вновь не надела, то пустилась рассуждать о предметах, весьма отдаленных, Палисандр же стал подавать ей шуточные реплики, он был неистощим как остроумный собеседник, он так и сыпал самыми экстравагантными афоризмами, чем привел в восхищение весь двор и тут же покорила всех женщин. Они слушали его с жадностью и все восклицали: «Ах, до чего же он умен!» Он получил столько комплиментов, что, несмотря на свое самомнение, все же в конце концов покраснел. Казалось, что ничто не приносит принцам такого счастья, как потеря разума. Каждый, кто с ним встречался теперь, весьма лестно отзывался об его уме, есть тому и письменные свидетельства. Вот так, разлюбив, Палисандр стал идеальным любовником для всех женщин королевства. Жажда амурных похждений, как известно, недурно сочетается с безумием. Первой любовницей принца была довольно красивая дама весьма свободного поведения, начисто лишённая предрассудков. Окончательно погубив свою репутацию, она зато создавала репутацию всем молодым людям при дворе. Чтобы презирать эту даму, вовсе не надо было ею обладать, но, обладая ею, нельзя было не почувствовать к ней отвращения, поэтому Палисандр бросил ее через два дня и завел себе новую любовницу. У нее было прелестное личико, нежное сердце и покладистый характер, и, не имея она так много любовников, несомненно заслуживала бы любви. Палисандр решил на ней не останавливаться, и вскоре у нее появилось несколько соперниц. Их список [193] он стал расширять, а все придворные дамы так и норовили в него попасть. С тех пор как принц утратил свое чувство к Зирфиле, все они находили его просто обворожительным. После множества любовных связей с самыми знаменитыми при дворе дамами, которые его прославили, он решил соблазнить нескольких завязанных скромниц и недотрог исключительно ради того, чтобы загубить их безупречную репутацию. Как только он узнавал, что какую-нибудь придворную даму нежно любит обожаемый ею супруг, он тут же, как говорится, «брал ее на мушку», и уж такова притягательная сила модного кавалера, что именно благодаря своей порочной репутации ему всегда удавалось восторжествовать там, где он должен был потерпеть фиаско. Успешные любовные похождения при дворе не мешали Палисандру спускаться и в буржуазный круг. Тамешние красотки с особым рвением отдавались ему еще и потому, что, повторяя безумства первых дам королевства, они полагали себя с ними на равной ноге. Даже мужчины вместо того, чтобы ненавидеть этого распутника, завидовали ему, искали его общества, на свой лад восхищались им, хотя и не испытывали к нему уважения. Обычно ни на что не хватает времени именно у тех, кто тратит его попусту. И тем не менее, Палисандр часто не знал, куда себя деть, настолько мало его занимали все эти любовные приключения. К тому же выглядеть скучающим считалось тогда хорошим тоном. И принц стал искать развлечения в философствовании (тогда это было весьма модно). Дело в том, что из боязни погрязнуть в педантизме лучшие умы королевства изобрели способ становиться ученым, ничего толком не изучая. У каждой светской дамы был теперь свой геометр или философ, как прежде – левретка или там спаниель. Палисандр с головой окунулся в науку и литературу. Он разглагольствовал о физике и геометрии, писал метафизические трактаты, сочинял стихи, сказки, комедии, оперы и вызывал всеобщее восхищение. Все уверяли, что настоящие сочинители ему в подметки не годятся. Известно, что только люди определенного круга обладают тем, что называется «бонтоном», а это ценится теперь больше, нежели талант, и к тому же они ни на что не претендуют. Судьба баловала Палисандра, как мало кого. Издали даже сборник его афоризмов под заглавием «Образцовый зубоскал», и все им зачитывались, ибо и в самом деле при дворе это была очень полезная книга, благодаря которой молодые люди становились блестящими и несносными. В конце концов Палисандр устал от своих собственных успехов: любовь он променял на сладострастие, а сладострастие – на высокомерие. Отвращение, которое он испытывал ко всему, почти заменило разум и сделало его жизнь невыносимой. Любый порядочный человек, обреченный на такое существование, почувствовал бы себя несчастным. Палисандр не стал от этого более разумным, однако он стал печальным. Впрочем, ум, если ему не сопутствует разум, обычно сперва вызывает восхищение, а вскоре утомляет тех, кто только что им восхищались. Большинство любострастных дам, которые поначалу кичились тем, что пользуются особым расположением принца, потом отворачивались от него, потому что им становилось стыдно, что они лишь одни из многих. Палисандра

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
обвиняли еще и в том, что он злыдень, ибо он сочиняет куплеты и эпиграммы на своих лучших друзей, выставляя их на посмеище, и у всех вокруг подмечает комические черты. А между тем никаких дурных намерений у него не было. Он только хотел сам позабавиться и позабавить других. Но ведь люди несправедливы.

А тем временем Нинетта, не понимая, как ее дорогой Палисандр мог выйти из моды, нацепила на нос очки, чтобы поближе разглядеть все обстоятельства этой истории. И после долгого изучения пришла к выводу, что, хотя у него и переизбыток ума, он, тем не менее, просто безумен. Она попросила принца рассказать ей во всех подробностях все, что с ним приключилось в королевстве Идей. Палисандр, не ведая, к чему она клонит, охотно пустился в пространный рассказ, потому что пуще всего любил говорить о себе. Когда же он дошел до грозди винограда, Нинетта воскликнула:

– О, теперя я больше не удивляюсь блеску вашего ума!

– Почему, позвольте полюбопытствовать? – спросил Палисандр.

– Потому, – ответила фея, – что вы начисто лишились здравого смысла.

[194]

– Шутка сказать! – воскликнул принц.

– Конечно, – продолжала Нинетта, – вы слишком умны, чтобы вас легко было переубедить, особенно, если взывать к вашему разуму. Но знайте, это потому, что вы его потеряли. Фрукты, созревающие в стране Идей, содержат смертельный яд для разума. Какое счастье, что у меня есть противоядие на этот случай! Виноград, обвивающий беседку в известном мне саду, обладает свойством убивать ум, но никто, кроме меня, этого не знает. Я угощаю им иногда тех придворных, у кого чересчур живое воображение. Вот этот виноград вам и надо отведать.

– То-то я вижу при дворе столько людей, которые, видно, только и делают, что едят этот виноград, – сказал Палисандр. – Но клянусь, у меня нет никакого желания его отвеживать. И вообще, как это у вас получается: чтобы стать разумным, надо потерять ум?

– Уверю вас, – перебила его фея, – более надежного способа нет. И вы, поскольку у вас ума палата, можете без боязни пожертвовать его частичкой. И Нинетта принялась говорить принцу самые лестные слова. Фея знала, что ум легче внимает голосу самолюбия, нежели разума. Однако, несмотря на все красноречие Нинетты, Палисандр был настолько безумен, что не хотел потерять ни крупинцы своего ума. Только любовь могла его на это подвигнуть. Наш юный принц никогда не вкушал истинных радостей, потому что все его желания предупреждались и все его увлечения держались исключительно на новизне предмета, а, как известно, новизна быстро приедается. Томление духа охватило принца. Время от времени какой-нибудь каприз вырывал его из этого состояния, но лишь затем, чтобы через краткое время снова в него ввергнуть. Как только рассеялся чувственный угар, а тщеславие перестало получать пищу, в нем снова пробудилась любовь, первые порывы которой он пережил когда-то с Зирфилой. Он ощутил в своем сердце удручающую пустоту, которую заполнить могла лишь любовь. Несчастье тех, кому дано было любить, заключается в том, что они не находят ничего, что может заменить это чувство.

Палисандр рассказал Нинетте о своем душевном состоянии и попросил устроить ему свидание с Зирфилой, уверяя, что если он ее не увидит, то просто-напросто сойдет с ума. Тогда фея взяла свою клюку и повела Палисандра в тот самый тайный сад с беседкой, о котором говорила. Фрукты, что там росли, были самыми прекрасными на свете, и каждый из них обладал своим особым свойством. Одни фрукты убивали дух азарта, столь пагубный для тех, кто им одержим, другие – дух противоречия, такой неудобный в общечитии, третьи – дух властности, такой невыносимый для тех, кто от него страдает, четвертые – дух деловитости, столь полезный для тех, кто им обладает, но вызывающий тоску у всех остальных. От кое-каких фруктов погибал дух сатиры – столь забавный и ненавидимый многими, а также и его противоположность, причем еще более опасная, – дух услужливости и лести. Однако эти прекрасные фрукты, увы, не подают на десерт. Как жаль, что этот замечательный сад не открыт для всех дурных умов. Вкусив от этих плодов, люди вернулись бы назад, ничуть не став глупее, зато куда более приятными в общении. В первую очередь я отправил бы в этот сад...

Здесь в рукописи не хватает тетради, куда более толстой, чем все это сочинение. Ежели читатель сожалеет об этом, тогда он может сам взяться за составление этого списка, поставив свое собственное имя впереди всех. Подведя Палисандра к беседке, увитой тем самым виноградом, от сока которого погибал дурной ум, питаемый высокомерием, самодовольством и чванством, Нинетта велела ему сорвать гроздь, а потом, надев свои волшебные очки, протянула ему шарф Зирфилы.

– Принц, возьмите этот шарф, – сказала она. – Когда вы снова окажетесь в стране Идей, то дайте ему свободно развеиваться по ветру, придерживая за

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
один конец. Заколдованные руки, которые вы тщетно пытались поймать, сами подлетят к шарфу, чтобы его схватить. Вот тогда вы их и поймаете. А потом уж с помощью этих рук без труда добудете голову принцессы. Если же вы почувствуете голод или жажду, то съешьте две-три виноградины, вам будет вполне достаточно. И Зирфиле тоже дайте несколько виноградин, чтобы успокоить кровь, которая бросилась ей в голову. Без этой меры предосторожности вы найдете ее настолько непохожей на ту, которую вы знали, что стали бы ей изменять, повинувшись разуму, хотя до сих пор делали это исключительно от безумия. Как только вы завладеете головой Зирфилы, к ней тотчас присоединится и ее тело, повинувшись закону притяжения. Именно поэтому, как известно, голова всегда подчиняет себе тело. Но до того как вы отправитесь в путь, вам необходимо отведать винограда. Палисандр не сразу решился на это, но желание вновь увидеть Зирфилу оказалось все же сильнее, а может быть, он считал, что его ум ничто не в силах разрушить, но так или иначе, он сунул в рот несколько виноградин. Их действие не замедлило сказаться. Ощущение было такое, словно плотное облако, которое обволакивало его, рассеялось или что кисея, висевшая перед его глазами, вдруг поднялась, и все окружающие его предметы он увидел по-новому. Краска стыда залила его лицо, и он, пробормотав слова благодарности фее, не смел больше раскрыть рот. Вернувшись во дворец, Палисандр увидел на столе томик своих сочинений. Он решил его перелистать, чтобы проверить, не изменился ли и образ его мыслей. Теперь он даже не мог вообразить, что имел глупость сочинить всю эту чушь. Он зевал от скуки, читая свои романы и комедии, а вечером, сидя в театре, освистал свою оперу. Палисандр утомил придворных всякого рода чудачествами и выходками, да и придворная жизнь с тех пор, как к нему вернулся разум, ему порядком наскучила. Поэтому рано утром, еще до рассвета, он отправился в страну Идеи. Теперь любовь гнала его вперед точно так же, как прежде – безумие. Со времени его первого посещения этого королевства там ничто не изменилось. Он в точности выполнил все указания, которые получил от Нинетты. С помощью шарфа Зирфилы он безо всякого труда поймал заколдованные руки, затем тут же пошел искать голову принцессы и с этой целью надрезал несметное количество груш, но тщетно. Тогда принц взялся за персики и дыни. Он перепортил уйму прекрасных фруктов, как вдруг раздался раскатистый хохот. Он поглядел в ту сторону и увидел голову принцессы, которая, вместо того чтобы приблизиться к нему, потесалась над его неудачными поисками и над его нетерпением. Поскольку любовь слабеет от разлуки, ведь недаром говорят: «С глаз долой, из сердца вон», а безумие, как известно, заразительно, голова Зирфилы уже не пылала к нему прежней страстью и стала привыкать к той новой стране, где оказалась. Палисандр лишь горько вздохнул, но, вспомнив о чудодейственном свойстве взятой с собой грозди, кинул несколько виноградин прямо в хохочущий рот принцессы, она их невольно проглотила, и ее ослепление разом прошло. Голова Зирфилы устремилась навстречу заколдованным рукам, которыми принц ее и схватил. Невозможно выразить словами восторг, пережитый им в эти мгновения. Он отпустил на волю заколдованные руки и принялся покрывать поцелуями прекрасное лицо своей дорогой Зирфилы. Она не могла уклониться от его страстных поцелуев и стыдливо зарделась. Поскольку принцесса была еще всего лишь головой, последствий этих лобзаний можно было не опасаться. Впрочем, не всегда следует прислушиваться к гласу стыдливости. Если за ней стоит любовь, то стыдливость легко прощает всякие чрезмерности, кои она призвана запрещать. Палисандр закутал голову принцессы в шарф и тронулся в обратный путь. Ночью разыгралась такая ужасная буря, что принц был вынужден искать убежища. Не ради себя, конечно. Ведь общеизвестно, что принцы и любовники ничего не боятся, но он хотел, чтобы Зирфила во что бы то ни стало получила крышу над головой. К тому же он боялся, что в кромешной тьме он разобьет о дерево либо свою голову, либо голову принцессы. И вдруг вдали мелькнул огонек. Продвигаясь чуть ли не ощупью и рискуя на каждом шагу расшибить самую дорогую ему голову – голову принцессы, он все же добрал в конце концов до домика, стоящего в саду, и постучал в дверь. Вышла старуха со свечой в руке и, ворча, спросила, кто он и что ему надобно. Палисандр понимал, что вид его настолько не соответствует его рангу, что лучше не называть своего имени. Мгновение поколебавшись, не зная, за кого бы себя выдать, он, видимо, потому, что мысли его постоянно вертелись вокруг всех пережитых бед, в том числе и тех горшков, которые он перебил в порыве горя, ответил, не очень-то отдавая себе отчет в своих словах, что он бедный подмастерье, склеивающий разбитую фаянсовую посуду, и просит приютить его на одну ночь. Услышав его слова, старуха смягчилась. – Добро пожаловать, – сказала она, – вы сможете оказать мне услугу. У меня как раз треснул ночной горшок, вот и займитесь им. И, не откладывая дела в долгий ящик, старуха принесла этот ценный предмет и

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
сунула его в руки Палисандру, чтобы он сразу же приступил к делу. Принц, стыдясь и ремесла, которое назвал, и всего больше – своего первого заказа, все же взял горшок, но тут он вспомнил о своей страшной клятве не щадить ни одного ночного горшка до тех пор, пока не расколдует принцессу. Некоторое время его раздирали сомнения, как ему поступить: с одной стороны, он боялся нарушить данную им клятву, с другой – ответить черной неблагодарностью за оказанное ему гостеприимство. И все же страх перед клятвопреступлением оказался сильнее. Палисандр так стукнул горшком об стену, что разбил его на тысячу кусков.

Не знаю, возмущен ли читатель невежливостью Палисандра, удивлен ли поворотом событий или, обладая особой мудростью, предвидел их. Как бы то ни было, те, что не так догадливы, будут, надеюсь, рады узнать, что этот ночной горшок не что иное, как та пресловутая ваза, на которой держалась вся власть Злого Духа и Злой Феи. Это они отдали его на хранение старой колдунье. Как только Палисандр его разбил, грянул удар грома и послышались ужасные вопли. Замок был разрушен, дворец стерт с лица земли. Злой Дух и Злая Фея в бессильном бешенстве убежали в пустыню, где и погибли от голода и жажды.

Палисандр не растерялся от случившегося, а твердым шагом направился к тому страшному месту, где находилось заколдованное тело принцессы. Сплошное пламя, охранявшее это тело, при его приближении разделилось на несколько огненных струй, а когда он поднес к огню голову Зирфилы, тело вдруг рванулось вперед и соединилось с головой.

В этот же миг появилась фея Нинетта в сопровождении своих придворных. Прежде всего она пожелала освободить всех несчастных. Порхающие руки были расколдованы и возвращены фее Нерадивой при условии, что она станет ряботящей. И Нерадивая всецело отдалась ручному труду и, представьте, изобрела искусство завязывания узлов.

Амину и Зобеиду освободили из темницы. С того времени Амина получила право делать все что ей вздумается, и никто ее больше за это не осуждал. Говорят, что она оказалась достаточно умной, чтобы этим воспользоваться. Что до Зобеиды, то она, на верное, жила так, как и прежде, но при этом больше не оговаривала других.

А Нинетта, позаботившись о тех, кто пострадал, отдалась целиком подготовке свадьбы наших двух влюбленных. И ее отпраздновали с таким великолепием, какое только можно себе вообразить. Палисандр и Зирфила прожили долгую счастливую жизнь, имели много детей, и все они блистали умом, потому что родились с особой склонностью к любви.

Анн Клод Филипп де Келюс [195]

Паршивый волк [196]

Жили-были король с королевой; они очень любили друг друга и страстно хотели иметь детей, хотя мало что могли оставить им в наследство. Частенько обивали они пороги у фей: подавали прошения, хлопоча, чтобы те даровали им детей, но феи, если и соглашались принять просителей, отвечали всегда одно и то же: «Не ищите далеко того, что рядом с вами». Супруги, ничего не смыслившие в этих загадочных речах, уходили, целуясь и спрашивая друг друга: «Что же это такое с нами рядом? Рано или поздно мы его найдем». – «Нам надо успокоиться», – говорила королева. «Отлично сказано, давай, если сумеем», – отвечал король; впрочем, волновался он только на словах: небо наградило его величайшим спокойствием и терпением.

Однажды королева пряла, сидя под самой красивой в их владениях живой изгородью, а король охотился на жаворонков в ближайшем поле, и ему посчастливилось поймать одного; некоторые уверяют, что король был не слишком ловок и удачлив, – мысль, не лишняя оснований, ибо пятнадцать лет он охотился ежедневно и еще ни разу ничего не поймал. Как же дался ему этот жаворонок? Это очень важно знать. Птичка сама бросилась в руки королю, спасаясь от настигавшего ее ястреба. Ястреб несколько раз повторил с угрозой:

«Отдай моего жаворонка, король, не то пожалеешь», но государь, не намеренный, что вполне естественно, расставаться со своей дичью и пребывая, по счастью, в несвойственном ему горделивом расположении духа, отвечал: «Жаворонок находится в моих владениях, в моих полях, и попросил у меня прибежища; я не желаю отдавать жаворонка». С этими словами он взглянул на птичку: живые, быстрые глазки удвоили его храбрость, а сердечко, трепещущее под рукой, исполнило его душу сострадания. Движимый этими чувствами, он поглубже надвинул шляпу, бросил гордый взор на ястреба и произнес, указывая на жаворонка: «Гляди-гляди, не видать тебе его как своих ушей, как говорят в моем королевстве, клянусь честью, ты его ни за что не получишь; я не позволю невежам чинить несправедливость в моих владениях». С этими словами он повернулся к ястребу спиной и, не обращая больше на него внимания, понес свою добычу королеве – спросить, не грозит ли его гордый и благородный поступок какими неприятностями. Еще задолго до

того как королева могла его услышать, он стал кричать о своих охотничьих успехах и показывать ей издалека маленького жаворонка. Добрая королева бросила веретено и поспешила к нему – посмотреть, что же такое он ей показывает. Король, радостный и довольный, словно доезжащий, указывающий господину след зверя, поднес ей жаворонка со словами: «Примите, сударыня, в знак глубокого почтения». Королева взяла птичку и сказала, покрывая ее поцелуями: «В следующий раз, когда поедете в город, купите для нее клетку, она станет нам петь, мы приручим ее, она будет играть с малышом, который у нас когда-нибудь родится». У нее тут же возникла целая сотня всяких планов, король все их одобрил, и она бы, наверное, придумала еще что-нибудь, но тут маленький жаворонок, который, пока они воздвигали свои воздушные замки, успел прийти в себя, спросил:

«Который час?» Король и королева так обрадовались, что птичка говорящая, что поначалу даже не ответили; но на повторный вопрос, благо ответ не составлял для них труда, как и для большинства людей, оба отозвались: «Должно быть, половина пятого». –

«Сейчас увидите», – продолжала птичка. Речи эти, разумные и складные, так поразили короля с королевой, что они, разинув рот, уставились на птичку, боясь пропустить обещанное зрелище. И действительно, через несколько минут жаворонок обернулся красивой и статной дамой средних лет; по расшитой шапочке, волшебной палочке и красивому кольцу с ключами они признали в ней фею. Государи задрожали, и король спросил, падая ниц: «Боже, не сдавил ли я вас случайно в руке, сударыня?» – «А я, – подхватила королева, простираясь рядом с мужем, – припомните, пожалуйста, я сразу сказала, какая вы красивая, и ласкала вас, а в клетку хотела посадить, только чтобы уберечь от кошки». – «Встаньте, – ласково сказала фея. – Я обязана вам жизнью: когда бы не смелость и твердость короля, меня бы погубила злая фея. Рано или поздно она за все мне заплатит. Но говорите, – продолжала она, – есть ли у вас какие-нибудь желания? Могушество феи Мими не безгранично, но ее признательность будет сопровождать вас всю жизнь». – «Мы просим, – сказали вместе после долгих благодарностей король с королевой, – мы просим подарить нам маленького мальчика, который стал бы для нас утешением в старости». – «Ребенка? – переспросила фея. – Ребенка завести нетрудно; правда, дети частенько причиняют горе, люди сами не знают, чего они просят; но вы хотите ребенка, и вы его получите – это самое меньшее, чем я могу вас отблагодарить. Но посмотрим сначала, отчего у вас его нет, когда вы оба такие здоровые; видно, тут что-то нечисто». – «Все тут чисто, сударыня, уверяю вас», – перебила королева, приседая в полуобожженном, полуучтивом реверансе. «И все-таки посмотрим», – отвечала добрая Мими, коснувшись волшебной палочкой своей книги, которая тут же открылась на нужном месте, и прочла:

«Фея Бурьяница не желает, чтобы у короля с королевой были дети». – «Значит, у нас их никогда и не будет, великая Мими, – сказали король с королевой, – ведь этого не хочет фея». – «Дело, оказывается, непростое, – заметила их покровительница. – Тут замешана женщина злобная, мрачная и упрямая. Вообразите себе, это она насыпает головню на хлеб и оспу на баранов; это она повелевает гусеницами, которых у нее всегда полны карманы, и заставляет их пожирать все земные плоды». – «Что за женщина! – вскричали король с королевой. – Прямо дрожь пробирает». – «Это еще не все, – продолжала фея. – Именно она, рассердившись на меня, в порыве гнева превратилась в ястреба, именно она растерзала бы меня, простого жаворонка, если бы не вы. Я хочу и должна помочь вам, я все книги свои сожгу – или у вас будет ребенок. Я в долгу перед вами, а иначе отвечала бы вам так же, как все мои подруги: кому же понравится иметь дело с особами подобного нрава? В моей книге написано, что все феи, к которым вы приходили, говорили вам

«не ищите далеко того, что рядом с вами». – «Верно, сударыня, они говорили именно так, как вы прочли». – «И были правы, – продолжала фея. – Видите заросли бурьяна там, за кучей камней, в сотне шагов отсюда?» – «Да, сударыня». – «Так вот, – произнесла Мими, – в этом-то бурьяне и живет та, что не дает вам иметь детей. Подождите меня здесь, я постараюсь заставить ее выйти: к ней без ее согласия я войти не могу, хотя сейчас она мне нисколько не страшна. Это лучшее доказательство моей вам признательности». Король с королевой повиновались и остались на месте. Пока Мими шла к куче камней и вершила с помощью палочки какие-то заклинания, они потирали руки и целовались от радости, говоря: «У нас будет наконец ребенок, уж если за дело взялась фея, тут и сомнений быть не может». – «Нет, я словно уже вижу его, – твердила королева. – Ах! Как я рада; я стану его кормить». – «Нет, вы не станете его кормить, – отвечал король, – мы возьмем кормилицу

[197]». – «А я вам говорю, что буду его кормить». – «Нет, вы не будете его кормить, это я вам обещаю, вы что, уморить себя хотите, в могилу свести?» Королева расплакалась, король рассердился, – словом, ребенка еще и в помине не было, а в примерном семействе уже случилась из-за него первая, и весьма жаркая, ссора.

Король с королевой так бы и спорили о кормлении, если бы внимание их не привлекли громкие взрывы смеха и они не увидели стайку маленьких детей, игравших с той беззаботной беспечностью, какая ведома лишь счастливому этому возрасту. Для феи Бурьянницы с ее нравом слышать у себя под дверью смех было оскорблением, и она появилась из кучи камней с плеткой в руках, готовая обратить несносное веселье в слезы; Мими, выманив ее, сделала так, что дети исчезли, и подошла к ней. Король с королевой, увидев, что обе феи направляются к их дому, прошли, как подобает, полпути им навстречу, но сняв шляпы и держась учтиво и просительно: от них не ускользнуло, что разговор у Мими с феей Бурьянницей идет далеко не мирный. «Я согласна забыть нанесенную вами обиду и все ваши злобные намерения, – говорила Мими, – обещаю никому не жаловаться, если вы будете хоть немного снисходительнее к этим людям и позволите им иметь ребенка». – «Королевство у них хоть и маленькое, – отвечала фея Бурьянница, – но оно подойдет одному моему другу. Я терпеливо жду, пока они умрут, чего же вам еще? Да, я не хочу, чтобы их род продолжался; да и как я могу позволить иметь ребенка людям, которым нечем его кормить?» [198] я им услугу оказываю, не давая иметь детей, и если вы хоть немного заботитесь об их интересах, то должны быть мне только благодарны». Тут король с королевой потянули Мими за рукав и сказали: «Уверяем вас, люди и победней нашего каждый день кормят своих детей, и мы в состоянии иметь одного ребенка, а больше мы и не просим; судите сами, можно ли просить меньшего». Мими снова начала настаивать, и в конце концов разгневанная фея заявила: «Что ж, пускай, будет у них ребенок, но он им дорого обойдется». Король с королевой, не обращая внимания на угрозу и на то, какой ценой добыто обещание, запрыгали от счастья, повторяя: «У нас будет ребенок!» – «Надеюсь, по крайней мере, – проговорила госпожа де Бурьян, обращаясь к доброй Мими, – что вы оценили мою снисходительность», – и, не дожидаясь ответа, надменно повернулась к ней спиной, удалилась к своей куче камней и исчезла. Король же с королевой, глядевшие не дальше собственного носа, в радости и ликовании едва слушали Мими, которая хотела посочувствовать им в грядущих горестях; поняв, что не в ее силах заставить их внять голосу разума, она дала им свисток и сказала: «Всякий раз, как я кому-нибудь из вас понадобится, свистните, и я появлюсь; но старайтесь им не злоупотреблять. Прощайте, будьте разумниками, я буду вам помогать», – и с этими словами поднялась в прилетевшую по ее знаку колесницу, запряженную двумя маленькими белыми барашками. Спустя некоторое время королева заметила, что беременна; событие это доставило отцу и матери столько удовольствия, словно само по себе это было дело невероятное и словно феи не давали на него своего согласия. Королю, похоже, это льстило еще сильнее, чем королеве: у него был такой вид, будто он единственный на свете знает, как заиметь ребенка. Но при малейшей тошноте жены, самом ничтожном капризе или нездоровье, каковыми всегда сопровождается беременность, король сразу мчался за свистком, и добрая фея тут же появлялась. Она не раз ласково пеняла обоим, говоря, что звать ее следует, когда это действительно надо; но король с королевой разбирались в том, когда надо и когда не надо, ничуть не лучше, чем тысячи самых обыкновенных людей, и добрая Мими в конце концов почувствовала, что благодарность иногда превращается в большую обузу, но по доброте своей ни разу не дала этого понять. Беременность королевы протекала прекрасно, но едва начались первые родовые боли, голова у короля пошла кругом и он дул в свисток больше четверти часа подряд; уже и фея появилась, а он все свистел. На сей раз Мими ни в чем его не упрекнула – ведь присутствие ее было необходимо, чтобы одарить всевозможными совершенствами дитя, которое через несколько минут после ее появления произвела на свет королеву. То была очаровательная маленькая принцесса; Мими взяла ее на колени и, желая одарить ребенка без спешки, как в целом, так и во всех частностях, начала с рук и сказала: «У нее будут белые и красивые руки». Но тут в комнате показалась фея Бурьянница: «Никто этого не увидит без моего согласия. Одаривайте ее, Мими, одаривайте сколько угодно, меня вам не одолеть», – заявила она и в бешенстве уселась в свою колесницу, запряженную ужасными нетопырями. Подобная любезность повергла всех в полное смятение. Фея, как могла, успокоила остолбеневших от изумления супругов и пообещала не покидать их и утешать в несчастьях. Шепотом она одарила красивую девочку всеми достоинствами и решила унести свисток, из-за которого ей пришлось столько бегать впустую, уверив короля с королевой, что он им больше не нужен и что она сама станет неусыпно печься об их интересах. У маленькой принцессы благодаря дару Мими были такие белые и красивые руки, что ее прозвали принцессой Белоручкой: всякий, кто хоть раз их видел, не мог звать ее иначе. Возможно, родители и не давали ей другого имени: окружающие, во всяком случае, звали ее только так. Детство ее не может служить похвальным примером. Король с королевой

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
воспитывали девочку как могли и как умели; могли и умели они немного, но добрая натура девочки помогла делу. Когда фея Бурьянница случилось проходить мимо – а случилось это очень часто по причине соседства, – она пугала маленькую принцессу злыми духами или вырывала у нее куклу; помимо прочих гадостей, она обычно давала ей пару пощечин и восклицала: «Ну до чего же она безобразная!» При этих словах маленькая принцесса всякий раз принималась плакать, но король с королевой, любившие ее до безумия, утешали ее и, похлопывая по спине, говорили, правда, совсем шепотом: «Все она врет, эта фея, не плачь, дитя мое, ты очень мила». При этом добрые родители, не забыв угрозы феи Бурьянницы, твердили друг другу: «Наверное, нам она позволяет видеть ее такой, какая она на самом деле; заклятие на нас не распространяется; не правда ли, она очаровательна, жenuшка?» – говорил король. «Конечно, муженек», – отвечала королева. Сказать по правде, им она должна была казаться безобразной, как и всем, кто ее видел; но отцы и матери будут слепы до тех пор, куда существуют на земле дети. Однако фея Бурьянница с ее изощренным злонравием позволила видеть девочку такой, какой ее создала природа, то есть очаровательной, всем горбатым и калекам, так что все увечные, увидев ее, страстно в нее влюблялись, и, когда в деревне появлялся горбун, девочки говорили: «этот для королевской дочки

1». Но напрасно все эти уроды славил ее и ластились к ней, она не могла привыкнуть к их наружности и без конца устраивала над ними всякие проказы; больше всего она потешалась, заводя с ними непрерывные беседы об их горбе и не давая ни на минуту поверить, что им удастся как-то сгладить или ловко скрыть его от ее глаз. Она расспрашивала, какое несчастье сделало их калеками, и без конца сравнивала один горб с другим, причем всегда в присутствии их обладателей. Таким образом, она в конечном счете в пух и прах сокрушила всех горбчатых принцев и прочих дворян, каковые с тех давних пор стали именовать себя развалинами, и избавилась от них раз и навсегда. Так что, когда в один прекрасный день принцессу заметил принц, сын соседнего короля, отправленный родителями в путешествие, ни одного горбуна рядом с нею не было; по правде говоря, принц обратил на нее не больше внимания, чем того заслуживала ее невзрачная наружность, но его мучила жажда, и он сказал: «Милое дитя, нельзя ли мне испить воды?» Белоручка, не приученная к особым почестям, предложила принцу, который очень ей понравился, отвести его к роднику, да так учтиво и изящно, что тот был очарован. Беседа с нею отнюдь не развеяла благоприятного впечатления, произведенного ее кротостью и благовоспитанностью; с удивлением и восторгом узнал он, что перед ним королевская дочь. Простое платье не позволило ему угадать в ней столь благородную особу и извиняло ту вольность в обращении, которую он себе позволил. Принцесса с белыми руками разумно отвечала, что богатства даруются судьбой, а чувства – доброй натурой. Эта столь уместная банальность внушила принцу больше почтения к девушке, чем если бы она предстала его взору на золотом троне, усыпанная бриллиантами и в окружении самого блистательного двора. Но когда они подошли к роднику и принцесса вынула из кармана чашку, чтобы дать юноше воды, он увидел ее красивые руки, которые она все время прятала под фартуком – то ли по скромности, то ли, что вероятнее, оберегая их от жарких лучей солнца, – и пришел в восторг и смятение. Он без усталости восхищался их красотой; вообще-то, из этого следовало, что руки – единственное, что есть в ней красивого; но, когда сердце и ум возносят хвалу, думать о чем-то другом не приходится и для начала всегда хватает того, что нравится в человеке. Словом, любовь в мгновение ока так прочно утвердилась в сердце принца, что он решил не расставаться с девушкой всю жизнь и тут же признался ей в самых нежных чувствах. Белоручка, которой он понравился тем больше, что прежде ни один хорошо сложенный мужчина не удостоивал ее даже взглядом, не знала, как и отвечать. Молчание для влюбленного почти всегда означает благосклонность. В этом нежном смущении их и застигла вдвоем фея Бурьянница, которой от злобы не сиделось на месте. «Как, – заявила она принцу, – ты ее любишь и не горбат! Пусть же твой печальный пример станет назиданием для всех стройных мужчин». С этими словами она коснулась его волшебной палочкой, и он превратился в прелестнейшего на свете белого козленка, без рогов и без бороды. Но чувства принца с переменой облика отнюдь не изменились; он выказывал принцессе еще большую преданность, ибо после метаморфозы увидел ее во всей природной красоте. Так что, даже и не помышляя покинуть ее или прекратить своим несчастьем, он без конца на нее любовался, скакал на лужку, играл с собаками, развлекал стада – те, что ни говори, всегда не столько предаются удовольствиям, сколько удовлетворяют насущные потребности. Словом, он делал все, чтобы понравиться Белоручке и сохранить память о себе в ее сердце; так всегда и бывает: кто меньше имеет, тот больше отдает другому. Впечатление, которое он произвел на Белоручку, было неизгладимо, забвения он мог не бояться, но страх утраты или, верней, скупость любви от

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
века поддерживала любовное пламя. От внимания Мими, по-прежнему заботившейся о девушке, не ускользнули все эти события; она примчалась утешать принцессу, велела ей быть мужественной и удалилась, пораженная той подлостью, на какую, к ее стыду, оказалась способна одна из ей подобных. Принцесса же привела маленького козленка к королю с королевой – не говоря, однако, кто он такой, – и те приняли его с восторгом. Скоро он совсем их очаровал, и они бы играли с ним целые дни напролет, если бы принцесса, стремившаяся держать его при себе, не твердила им чуть не плача, что хочет играть с ним сама. Король и королева сочли, что разумнее будет ей уступить. Злые, скверные люди обыкновенно не лишены ума и умеют им пользоваться, оценивая сложившиеся обстоятельства, разрушая их счастливое, приятное стечение и поддерживая тяжелое, удручающее. Вот и фея Бурьяница скоро поняла, что принцесса Белоручка и принц козленок безмерно счастливы. Они встречаются, любят друг друга без помех и соперников – нет, для нее с ее жаждой мести это было уже чересчур; чужие радости поселяли у нее в сердце тоску, к тому же она сокрушалась, что не в силах помешать принцу любоваться ослепительной красотой принцессы, – таково было условие заклятия. Чтобы лишить их столь сладостных утех, она решила их разлучить: ведь они любили друг друга, значит, разлука уже сама по себе непременно доставит им страдания. Для начала она выкрала принцессу, а козленка оставила с королем и королевой, которые хоть и не знали, кто он такой, но любили его, как собственное дитя, и заботились о нем больше, чем хотелось фее. А он нуждался в уходе, ибо, утратив принцессу, сразу перестал есть, не скакал больше и лишь с бляением бродил повсюду, не умея ни спросить о любимой, ни иначе пожаловаться на горе, что принесла ему разлука. Между тем фея, выкрыв принцессу Белоручку, первым делом наклеила ей на обе прекрасные руки перчатки, да так крепко, что их ничем нельзя было содрать. Затем она отправила девушку в свой блошинный дворец; истинное и хорошо продуманное злодеяние всегда должно внешне казаться добром: каких только удовольствий, какой придворной роскоши не было в том дворце! Но при этом фея изобрела настоящую пытку, вполне отвечающую ее нраву, – ведь несмотря на непрекращающиеся укусы и жестокий зуд, все, соблюдая приличия, держались друг перед другом как ни в чем не бывало. Во дворце было темно от насекомых – никому и в голову не приходило искать блох. Дворец этот, в остальном великолепный, населял многочисленный двор; но придворные дамы и кавалеры привыкли к блохам, несчастная же принцесса испытывала неизъяснимые мучения. Однако злобной фее мало показалось ее телесных страданий и печали от разлуки, она решила добавить к ним еще и душевных мук. При дворе она с жестокой иронией не только представила ее как королевскую дочь, но и приказала всем ее почитать, – одним словом, считать королевой. Белоручка никогда прежде не видела столько народу, она совершенно не знала светской жизни: фея поместила ее во главе этого двора только для того, чтобы безжалостно насмеяться над нею. Робость девушки, ее деревенские ухватки вызвали бесконечные взрывы хохота, а вскоре на нее обрушился и град насмешек из-за неуместных речей, которые она держала, восседая на троне и понемногу привыкая к сладости власти. Фея Бурьяница частенько навещалась туда позлорадствовать и полюбоваться на зрелище бесчисленных мук, ею же самой, к своему удовольствию, придуманных. Появляясь, она просила рассказать, какие еще нелепости произнесла или совершила принцесса, издевалась над нею в ее присутствии, а потом говорила: «Теперь ступайте править». И та должна была немедленно взойти на трон, а фея тут же выпускала на нее многие тысячи блох, заставляя их кусаться вдвое больше обыкновенных. Она с удовольствием наблюдала, как корчится бедная принцесса, и чем меньше соответствовало ее поведение величии трона, тем больше наслаждалась и развлекалась фея. И все же Белоручка извлекла из того зла, какое фея намеревалась ей причинить, не только страдания, но и пользу на всю дальнейшую жизнь, ибо в конечном счете она попала ко двору, а двор, как бы он ни был плох, всегда оказывает на человека влияние. Неглупая принцесса сумела за время своего пребывания во дворце восполнить недостатки того не слишком хорошего и не слишком подходящего ей воспитания, которое она получила у отца с матерью по недостатку у них таланта и денег. Добрая Мими, узнав, как обошлась злодейка-фея с ее подопечными, справедливо решила, что та не заслуживает никакого снисхождения. Она припомнила оскорбление, нанесенное ей в обличье жаворонка: ведь она обещала хранить тайну лишь на определенных условиях, а та их не выполнила; так что, свободная от данного слова, Мими принесла жалобу в совет фей. Ее доброта и открытый нрав были хорошо известны, и рассказу ее сразу поверили; совет не только постановил, что с нею обошлись несправедливо, но и наделил ее всей необходимой властью для наказания феи Бурьяницы и заранее одобрил все, что ей угодно будет сделать, ибо никогда еще ни одна фея не совершала подобного покушения на свою подругу. Довольная Мими, удовлетворенная решением совета, велела своим

барашкам бежать во всю прыть и вскоре прибыла к невеселому жилищу злой феи; теперь полученное могущество позволяло ей войти внутрь. Она сказала: «Я готова еще раз вас простить, согласна забыть прошлое, но дайте мне слово, что не будете больше мучить Козленка и Белоручку». От кроткого и искреннего обхождения злодеи становятся еще несноснее, и фея Бурьяница презрительно отвечала: «Как, кумушка, вы прибыли ко мне только за этим? Стоило ли трудиться ради такой малости! Ах, воистину вы ничего не поняли: я пока даже и не начинала мучить ваших безмозглых малявок; то ли еще будет, вот увидите». – «Увижу я только постигшую тебя кару, – произнесла Мими. – Знай же, что мне дана власть наказать тебя и судьба твоя в моих руках». – «Ты же не можешь лишить меня жизни, – заявила та, – так что же ты мне сделаешь? Никакой твоей власти не хватит, чтобы я согласилась на брак твоих мерзких любимчиков». – «Ну, это мы еще посмотрим, – заметила Мими, – я тебя так накажу, что ты на все согласишься, клянусь; а для начала становись волком», – и с этими словами коснулась феи Бурьяницы волшебной палочкой. Затем, оставив волка, она поспешила во дворец унимать блох, потом отправилась за Козленком, который не знал, что и делать: за несколько минут до того фея Бурьяница превратила короля с королевой в индюков. Злодейство было невелико и мало отражалось на их нраве, но оно добавилось к прежним и причинило Мими лишнее страдание. Добрая фея могла лишь задать обоим доброго корма, дабы их утешить и удовлетворить хотя бы чревоугодие, свойственное нынешнему их обличью. Оказав этот знак внимания, она взяла на руки прелестного маленького Козленка и отнесла его принцессе Белоручке. Увидев ее, Козленок стал так к ней ласкаться, так скакал и прыгал, показывая свой восторг, что невозможно описать. Фея оставила их радоваться встрече, сказав на прощанье: «Берегитесь волка».

Между тем фея Бурьяница чувствовала себя в новой волчьей шкуре совсем неплохо. «Я могу кусаться, могу кусаться, могу причинять зло, – говорила она себе. – Мими круглая дура: чтобы мне отомстить, меня надо было превратить в курицу или какое другое смиренное животное, я бы мучилась сильнее, и наружность больше бы мне мешала; слабые натуры, вроде нее, не умеют мучить. Притом, – продолжала она, – я умней прочих волков, а я сама видела, как волки становились любимцами королей. Отчего бы и мне не попробовать?» Она тут же пустилась в путь и без особого труда повстречала одного короля – в те времена их было много; король этот как раз охотился, и она с готовностью попросила у него покровительства и защиты от вечных преследований с криками «держи волка, держи волка» – такое с нею уже случалось; и в самом деле, это большая помеха для путешественника. Король взял ее с собой, двор прекрасно ее принял; так она и жила, ластаясь к королю и кусая всех остальных, причем особенное зло причиняла бедному люду. Мими, следившая за ее поведением и опасавшаяся, как бы она не сожрала Козленка, решила, что пора положить конец ее бесчинствам и что лучшим средством лишить мерзкого волка, который всех выводил из себя, королевского покровительства будет сделать его паршивым. Замысел феи удался: едва на волке появилась парша, как все от него отвернулись; хотели даже его убить, но волк, прослышав об этом, смекнул, что пора покидать двор, и сделал это со всем возможным проворством. Теперь вслед ему кричали уже не «держи волка», а «держи паршивого волка», отчего природная его злоба и бешенство удвоились – ведь выслушивать подобные упреки очень неприятно! Фее Бурьянице оставалось лишь бегать по полям, нападая на людей и животных; особенно ненавидела она маленьких детей и пожирала их прямо сырыми: словом, она превратилась в такого ужасного зверя, что все кругом дрожали от страха. Мими, узнав о причиненных ею бедах и выследив ее на дороге к блошиному дворцу, приказала ее поймать и посадить в железную клетку. Потом клетку поставили на главной площади, и все маленькие дети приходили туда, постоянно ее дразнили, швыряли в нее камнями и причиняли всякое посильное для них зло. Наконец фея Бурьяница, измученная бедами, что сама же навлекла себе на голову, согласилась на все требования Мими, обещала образумиться, просила извинить ее от парши и выпустить на волю, обещая к тому же на все время, пока ей придется быть в волчьей шкуре, убраться в леса Московии.

[199] мими, даровав ей все эти милости, вернула принцу его человеческий облик и позволила принцессе Белоручке выглядеть перед всеми, независимо от телосложения, такой, какой ее создала природа; юная принцесса сняла свои старые перчатки, и они с принцем отпраздновали блестящую свадьбу, после того как добрая фея расколдовала и короля с королевой. Надобно признать, что превращение наложило на тех неистребимый отпечаток и что все дворы с тех пор отзываются блошиным замком: всякий, кто туда попадает, сразу начинает испытывать неутрахающее беспокойство.

Жак Казот

[200]

Красавица по воле случая
Скончался однажды в Астракане

[201]

[202] некий король, оставив

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
наследником малолетнего принца под опекой его матери. Королева эта до того любила сына, что ни на шаг его от себя не отпускала и даже спать ему стелили рядом с ее ложем.

Будучи подвержена бессоннице, она собирала вокруг себя много женщин, промышляющих тем, что наводят сон посредством легкого потирания тех частей тела, что особо располагают наш мозг к дремоте, рассказывая при этом всякого рода небылицы, особенно же волшебные сказки. Маленький принц, притаившись в своей постельке, усердно их слушал и так пристрастился к этим историям, что, если случалось ему заснуть на середине, он днем заставлял досказывать себе то, что не успел дослушать ночью. Без устали требовал он от этих женщин все новых сказок, и приходилось разыскивать по всем базарам Азии других сказочниц с новым запасом небылиц. Королева, обеспокоенная такой склонностью сына и понимая, что ему надобны познания совсем иного рода, пыталась обуздать сию все более разгоравшуюся страсть, ею же самой, можно сказать, и порожденную, и, дабы перестать давать ей пищу, удалила из дворца всех сказочниц. Однако их вскоре заменили придворные дамы. Воспитатель принца и тот, опасаясь уронить себя в глазах ученика, тоже принялся рассказывать ему сказки. Таким образом, решительно все поддерживало в мальчике это пагубное пристрастие, и вскоре вся природа превратилась для него в некий волшебный мир. В самой обыкновенной мыши он видел сказочную мышку-норушку, попугай и даже простой дятел представлялись ему синей птицей, [203]змея, в зависимости от ее цвета, то драконом, то волшебницей Манто. [204]любая невзрачная старушонка или заскорузлый от грязи дервиш были зачарованной Ургандой [205]или волшебником Пендрагоном. [206]А когда он впервые увидел, как бьет фонтан, поставленный для украшения в одном из его парков, он самым серьезным образом стал убеждать воспитателя, что это – пляшущая вода. Сперва эти недоразумения лишь забавляли королеву, но упорство, с которым принц продолжал держаться своих ложных понятий, начало не на шутку ее тревожить – они принимали все более настойчивый характер; а вскоре ей пришлось убедиться, что излечить сей недуг – дело безнадежное. Королева собралась своего сына женить. Заручившись согласием государственного совета, она затеяла переговоры о весьма выгодном брачном союзе. Речь шла о Беллазире, единственной дочери кандахарского короля и единственной его наследнице. Природа щедро одарила принцессу всеми возможными добродетелями: была она и умна, и добра, да еще в придачу хороша собой. Оба семейства были связаны узами родства, оба государства граничили друг с другом – словом, решительно все благоприятствовало, казалось, задуманному браку. Каково же было изумление королевы, когда сын самым решительным образом отказался взять в жены свою прелестную кузину. Он испытывает к ней самые дружеские чувства, заявил он, однако она обладает весьма большим, на его взгляд, недостатком: она не фея. Между тем он дал себе обет, что женится только на фее. «Сын мой, – ответила на это королева, – я отнюдь не сомневаюсь в существовании фей, но все же убеждена, что в сказках, кои вам о них рассказывали, нет ни слова правды. Поверьте, никогда ни один из живших на земле государей не возводил какую-либо фею на свое брачное ложе. Род наш, согласно родословным книгам, восходит к глубочайшей древности, и решительно все ваши предки женаты были на женщинах. Откажитесь же от нелепых своих мечтаний; успокойте свой народ, дабы не смущали его вопросы престолонаследия и судьбы вашего рода, и смотрите, как бы не нажить вам себе недругов, идя наперекор желаниям кандахарского короля. Предупреждаю, у вас опасные соперники. Принц потупил глаза, а королева, оставив его предаваться своим размышлениям, призвала к себе воспитателя и велела незамедлительно отправляться к своему ученику, дабы убедить его принять руку той, которую готовы были ему доверить. Воспитатель добросовестно принялся расписывать принцу все преимущества, которые сей брачный союз представит с точки зрения политики, однако тот быстро прервал его речи: «Мне, сударь, – сказал он, – надобно не увеличивать свои владения, а заставить процветать те, коими я уже владею. Случись вдруг в какой-нибудь части моих владений недород, обращая в бегство тамошних жителей, достаточно будет мановения волшебной палочки, чтобы положить сему бедствию конец, – источники тотчас же забьют среди высохших полей, великолепные дубравы покроют бесплодные горы, один вид которых ныне печалит взор. Повсюду, где только ни вздумается мне расположить свои резиденции, станут вырастать волшебные замки, несколько не истощая при этом моей казны. Коли понадобится мне защищать мои владения от врага, стальные стены в мгновение ока поднимутся на границах – впрочем, кто осмелится напасть на меня, зная, что в любую минуту я властен наслать на него чудовищ и развязать против него разом все стихии».

– Но, – отвечал воспитатель, – если бы даже и в самом деле вы могли бы жениться на фее, не преувеличиваете ли вы их всемогущества? История и та

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
приукрашивает события, донося их до нас, а сказки ведь еще меньше заслуживают доверия.

– Ни в том, что феи всемогущи, ни в том, что на одной из них я женюсь, не может быть никакого сомнения, сударь, ибо таково мое желание, а раз я чего хочу, я это делаю. Но я уже излагал вам свои намерения. На сей счет и вы сами же нашли их в ту пору замечательными и достойными одобрения. Словом, решение мое твердо, пусть прекрасная моя кузина с этим примирится. Я буду здесь, в этом дворце, дожидаться появления той, с кем мне суждено разделить трон; а коли станут донимать меня уговорами, я сей же час покину пределы Астракана и отправлюсь искать ее по белу свету. Признаться, меня удивляет, как можете вы высказываться против моих намерений после того, как сами же им так сочувствовали.

У воспитателя в самом деле рыльце было в пушку, и сей мягкий упрек заставил его уразуметь, что ремесло льстеца чревато большими неудобствами. Видя, что дальнейшие увещевания бесполезны, весьма сим пристыженный, он возвратился к королеве и объявил ей о намерениях принца. Как горько каялась она теперь, что доселе потворствовала нелепому его воспитанию. Но было уже поздно. Обвиняя во всем лишь одну себя, она впала в горькую тоску и горевала так безутешно, что это сократило ее дни. Сын весьма был огорчен ее кончиною, однако от намерений своих не отступился. Вскоре он принял бразды правления и стал царствовать под именем Халилбад-хана.

О своем восшествии на престол новый государь известил союзников и соседей, и прежде всего отца Беллазиры. Однако ни словом не обмолвился он в своем послании к кандахарскому королю и любезной его дочери о ранее предпологавшемся брачном союзе. Правда, это могло объясняться глубокой печалью, коей оно было проникнуто. Однако шли дни, а Халилбад не только не продолжал начатых переговоров, но, уже не опасаясь отныне ничьих укоризн, пуще прежнего предавался мыслям о фантастической своей женитьбе. Но, чтобы жениться на фее, надобно сначала ее найти. И это первое же препятствие не так-то легко было преодолеть.

Он принялся шататься по лесам, нарочно стараясь заблудиться во время охоты, но этим лишь доводил себя до полного изнеможения. В глубине пещер порой встречались ему дикие звери и ядовитые гады, и эти приключения приучали его терпеливо сносить всяческие испытания, закалять свою волю и проверять свое мужество. Наконец он устал безуспешно скитаться окрест в поисках фей, подвергаясь постоянным опасностям. Услышав однажды, будто сии создания – охотницы до всякого рода ароматов, он устроил в одном из отдаленных покоев своего дворца роскошный алтарь из цветов, принялся жечь на нем благовонные зелья, что привозятся из Индии и Аравии, и в сем причудливом уединении стал проводить все свое время. Однако поднимающиеся ввысь курящиеся во славу фей благовония лишь мутили его рассудок, нимало не оправдывая его ожиданий. Но однажды под окнами сей волшебной лаборатории разыгралась сцена, которая привлекла его внимание и вновь возродила его надежды. Окна эти выходили в переулочек, как раз напротив них находился навес, и под ним укрылись от дождя две покрытые лохмотьями старухи, которые, сидя друг против дружки на двух больших камнях, лутили бобы. Старухи узнали стоявшего у окна Халилбад-хана и заметили, что он внимательно смотрит на них. Как и весь народ, они были наслышаны о том, что их властитель помешался на феях.

– Глянь-ка, – молвила Конкрелада Мофетузе (таковы были имена старух), – видишь, как смотрит на нас король? А что, если он вдруг принял бы нас за фей, вот была бы потеха! Знаешь что, давай-ка разыграем здесь перед ним такое чудодейство – не один день небось будет себе потом голову ломать! Согни два последних пальца левой руки и подсунь их под большой палец, а два других вытяни и поднеси к губам. Закрой глаза. Правую руку поверни ладонью вверх и протяни ко мне.

Как только я подниму палец, сразу вскочи, остановись передо мной, а руки опусти. Потом встану я, а ты присядь передо мной на корточки, сложи руки и протяни их ко мне. Я выдерну из нашей корзины прутик и будто бы их свяжу. Дунь на него три раза, я незаметно прутик развяжу, он упадет на землю. Выйди на середину переулочка и кинь наземь три пригоршни бобовой шелухи – одну перед собой, вторую направо, третью налево. Я сделаю то же. Покружись сперва справа налево, а потом слева направо. И я сделаю то же. Потом мы с тобой поцелуемся, возьмем с двух сторон корзину за ручки и пойдем с ней прочь.

Только делать все это надобно быстро, ловко и не глядя в сторону окна. Ежели нашему властителю угодно будет в это время наблюдать за нами, кто знает, может, нам будет от этого какая выгода?

Старухи разыграли всю сцену в точности, как было задумано, со всеми повадками заправдавших колдуний. Затаив дыхание, следил Халилбад за каждым их движением. Проказливые лицедейки давно уже исчезли, а он все стоял у окна, не сводя глаз с того места, где только что их видел, предаваясь

размышлениям и теряясь в догадках.

«Ты счастливцев, Халил, – говорил он себе, – наконец-то феи удостоили тебя чести и явились тебе. Не смотри, что они так безобразны, так скверно одеты, – все это обманчиво. То, что они только что проделали на твоих глазах в этом своем уродливом обличье, исполнено глубокого смысла. Зачем не приказал ты пойти за ними и выследить их? Но нет, они бы тогда сразу исчезли и ты, не желая этого, сделал бы явным то, чему надлежит оставаться тайной между ними и тобой. Надобно вести себя сдержанно и скромно, чтобы заслужить их доверие. Может, они появятся здесь снова. Они подавали друг другу какие-то знаки. Что бы они могли означать? Не хотели ли феи дать тебе понять, как вести себя впредь? Не заключено ли в них обещание сладостных надежд, кои тебе позволено будет отныне питать? Постой, давай-ка подумаем... два пальца, прижатые к губам, означают, как видно: «сохраняй тайну».

Рука, протянутая вперед, – «будь осторожен»... Прутик, которым перевязывали руки, – «некрепкие узы». Если трижды дунуть на них – узы разорвутся. Здесь есть глубокий смысл. Одна вставала, другая опускалась... ну, это-то просто: надобно друг другу уступать, каждый по очереди. Но что означают эти бобы и бобовая шелуха? Погоди, кажется, понимаю: «Предоставь мне своих врагов, я предоставлю тебе своих, не станем их щадить». Конечно, им следовало прибегнуть к эмблеме поблагороднее! Об этом надо бы еще подумать на досуге. Они кружились слева направо, потом справа налево, разошлись, сошлись, поцеловались. Кажется, догадываюсь: «У нас, у фей, есть свои заботы, у тебя свои, каждый пусть живет своей жизнью, нечего все время докучать друг другу. Расставшись на время, радостнее встретиться вновь». Однако корзину они тащили вдвоем, держа ее с двух сторон, – это образ идеального сообщества, в коем бремя правления одинаково ложится на обоих. Да, если я правильно растолковал эти знаки, [207]значит, тайна в моих руках!» Целых три дня предавался Халилбад-хан своим размышлениям, нетерпеливо ожидая новых событий. На четвертый старухи появляются вновь, на этот раз в еще более отвратительных лохмотьях.

Одна из них (то была Конкрелада) опирается на раздвоенную сверху палку, другая идет рядом, приплясывая и щелкая у самых ее ушей кастаньетами; они садятся на те же самые камни. Конкрелада с силой всаживает палку в землю раздвоенным концом вниз. Мофетуза хочет вытащить ее оттуда, но Конкрелада вынимает из кармана свисток, три раза пронзительно свистит, и палка остается в земле; так повторяется трижды. Вслед за этим, вероятно, последовали бы еще и другие цыганские штучки, ибо наши дамы явно принадлежали к сему почтенному племени, но тут Халилбад не выдерживает – он вне себя, эти загадочные поступки приводят его в отчаяние. Должен же он наконец понять, что все это значит. Поспешно покинув кабинет благоуханий, он зовет пажа и велит ему тотчас же спуститься в переулок и привести старух. Паж повинуется, меж тем как Халил возвращается к себе, чтобы возжечь новые благовония и привести в порядок цветы, украшающие алтарь. Паж застаёт старух на том самом месте, которое указал ему Халилбад, и те без колебаний следуют за ним; их препровождают в тайный кабинет и захлопывают за ними дверь.

– Я знаю, кто вы, сударыни, – говорит Халилбад, почтительно склонившись перед ними, – несмотря на причудливый ваш маскарад, я вас узнал. Но зачем так упорно скрываете вы небесную свою красоту и вечную молодость под уродливой личиной старости? Взгляните на сей алтарь: каждый день возлагаю я на него свежие цветы в знак моего почтения к вам, в знак того, что в жертву вам вместе со своим преданным сердцем я приношу могущество и богатство, коими судьбе угодно было наделить меня; и, ежели не сочтете вы слишком дерзкими мои желания, если они не оскорбят вас, соблаговолите изъяснить мне вашу волю прямо, не прибегая более к разным таинственным знакам; откройте же счастливому Халилу, что надобно ему делать, чтобы стать супругом вашим и обрести блаженство, коего он жаждет.

Тут заговорила Конкрелада.

– Ваше величество, – сказала она, – кабинет ваш очень красив, и пахнет здесь куда как хорошо. Мы видим, намерения у вас честные, и нам это по душе. Мы бы и не прочь явиться вам в истинном нашем обличье, это всем было бы только на руку, но нам не позволено общаться с людьми, не прибегая к некоторым мерам предосторожности. Прежде чем обрести право наслаждаться совершенствами, средоточие которых мы собою являем, человеку необходимо научиться преодолевать отвращение [208]к той безобразной личине, под коей судьбе угодно было сокрыть от него истинное наше лицо. Представьте себе розу, чьим ароматом нельзя упиться, прежде чем не вырвешь с опасностью для жизни один за другим все шипы, что ее защищают. Слушайте внимательно и запомните, что я скажу. Доселе мы оскорбляли собою лишь ваше зрение, наименее чувствительное из всех пяти чувств наших: а что, если бы мы

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
возмутили все остальные? Вам еще повезло, что мы не явились в образе гремучих змей, драконов или гидр, – этим обязаны вы и своему усердию, и нашей доброте, и благосклонности нашей к вам. Но если вы жаждете блаженств, коими ни одному смертному не дано было еще насытиться до конца, – знайте, путь к ним лежит через самые страшные испытания, кои только можно вообразить и в коих надобно превозмогать отвращение.

– Ах, сударыня, – вскричал Халилбад, который пришел в совершенный восторг, слыша речи, столь соответствующие во всех отношениях понятиям, которым он дал забить себе голову, – наконец-то рассеивается туман таинственности, коим вам угодно было окружить себя! Мне уже смутно видятся ослепительно-прекрасные ваши черты, чье очарование сравнимо лишь с очарованием вашего ума, подсказавшего вам исполненные мудрости речи, кои я только что услышал от вас. Не сомневайтесь во мне, вера моя в вас столь велика, что никакое отвращение не властно будет противостоять ей – вера преодолет все.

– Должна признаться вам, государь, – отвечала Конкрелада, – что ежели мы, феи, бежим мужчин, то причина тому – их непостоянство и отсутствие мужества. Малейшее чувство отвращения уже оказывается для них непреодолимой преградой. А встречаются и такие чудачки, которые могут отказаться от удачно начатого предприятия из-за отсутствия помех. Ваши же чувства и склонности внушают нам доверие. Однако не скрою, подвергая вас подобному испытанию, мы и сами подвергаемся немалой опасности. Если не хватит у вас решимости и вы остановитесь на полпути, вам придется отказаться от всякой надежды. Вы навлечете на себя строжайшую кару, мы же навеки станем посмешищем Джиннистана.

[209] Если только откроется, что мы имели дерзость предаться вам, нам запретят когда-либо приближаться к мужчинам, а вы сами понимаете, что значит для особ нашего пола подобный запрет. И тем не менее, государь, мы готовы отважиться на это – нас призывают к сему расположение звезд и, быть может, сердечная склонность. Через три дня с наступлением темноты мы явимся сюда вновь. Паж, что давеча приходил за нами, найдет нас у дверей вашего дворца, выходящих в переулок, где мы явились вам впервые. Приготовьте здесь, в этом кабинете, брачное ложе. Никакого пышного убранства – роскошь мы презираем. Ничто не может быть нам милее, чем этот алтарь, украшенный свежими цветами, да курящиеся благовония. Прибавьте еще цветов и благовоний, не бойтесь, что их будет слишком много: мы, феи, рождены среди ароматов. В самом низу вашей двери просверлите отверстие величиной с лесной орех. Мы обе по очереди просунем сквозь него свои мизинцы. Внимательно осмотрите каждый из них, выбирайте любой, вы тотчас же получите сердце и руку той, чей пальчик предпочтете. Приготовьте обручальное кольцо. Вложите в ларчик из черного дерева драгоценности и всякого рода безделушки, предназначенные в подарок вашей супруге, туда же вложите корону; она должна быть маленькой и вся усыпана бриллиантами. Других нам носить не положено. Свеча должна гореть лишь то время, какое понадобится вам на то, чтобы сделать свой выбор. А как только выберете, дуньте на пламя трижды, дабы оно вернее погасло. Ибо чародеи – народ хитрый, завистливый, и во избежание опасности необходима полнейшая темнота. Король Астракана обещает выполнить все в точности. Цыганки уходят. Зажмурив глаза, втянув голову в плечи и заткнув себе нос, паж провожает их до выхода из дворца, дивясь в душе почтительному тону, которым его повелитель только что говорил с ними.

– Ну и наплела же ты ему чудес! – сказала Мофетуза Конкреладе, как только они отошли на такое расстояние, чтобы можно было говорить, не будучи услышанными.

– Ох, подружка! Ведь он поверил решительно всему, и я бы ему еще и не такого наплела, но главное ведь было половчее вернуть насчет этого самого ларчика из черного дерева. Однако нам надо теперь действовать с оглядкой. Правда, меня обнадеживает то, что у нашего властителя, видимо, куда менее чувствительный нос, чем у его пажа. Да и то сказать, он до того начинен всякими благовониями, что никаких других запахов уже не чует. Но так как мы с тобой, как говорят на нашем подворье, отнюдь не пахнем розами, придется все же кое-что предпринять. В этом зловонии, на которое все так жалуются, более всего виновата наша одежда. А мы с тобой явимся в кабинет хорошенько вымытыми мылом и гольшом, в одной рубашке, которую я выстираю в можжевелевой воде, чтобы она была не только чистой, но еще и хорошо пахла. – А откуда мы возьмем рубашку? – спросила Мофетуза. – У нас с тобой их всего две, и те рваные.

– Замолчи, – сказала Конкрелада, – у тебя нет ни капли соображения. Из двух рваных можно сшить одну целую, это-то проще простого. Скажи лучше, где взять такой палец, чтобы можно было просунуть его сквозь дырку? Твой, что ли? Так он весь покрыт коростой, да еще шелушится вдобавок, как и вся твоя рука. А глянь-ка на мой; я его берегу, потому что им щиплю струны гитары.

Сейчас отгрызу ноготь и сделаю более subtilным – капельку белил, капельку румян, и получится такой пальчик, что впору будет соблазнить им самого императора. Как взглянет Халил на этот очаровательный мизинчик, он ни на какой другой и смотреть не захочет. Ну, а на худой конец можно будет быстренько слизать с него немного краски и просунуть второй раз. Ты только мне не завидуй, дело ведь это рискованное. А вот коли удастся мне заполучить этот ларчик, мы все с тобой поделим; и корону тоже разделим пополам.

Мопетуза согласилась уступить первую роль подруге, отдавая должное ее таланту, и цыганки дружно взялись за приготовления.

Прошли три дня, которые королю Астракана показались за три года. И вот наступает долгожданный час. Халилбад возлагает на алтарь вдвое больше цветов против прежнего, сжигает вдвое больше благовонных зелий. Спускается ночь, и паж докладывает, что явились те женщины, которым король назначил прийти, должно быть, для того, чтобы предсказать ему счастье.

– Предсказать?! – восклицает Халилбад. – Ты ошибаешься, Янко, они пришли дать мне его! Веди их скорее сюда, к этой двери, а сам уходи, ты ничего не должен видеть. Ступай и помни, от твоего повиновения зависит твоя судьба да и сама жизнь.

Паж беспрекословно отправляется исполнять приказ.

И вот старухи приведены к дверям кабинета и троекратно тихо стучат в знак того, что они здесь. На их стук Халилбад отвечает тоже тремя негромкими четкими ударами.

– Здесь ли вы, государь? – медленно и тихо вопрошает чей-то голос.

– Да, да, я здесь, прекрасные феи, – отзывается Халилбад с радостным волнением.

– Теперь смотрите внимательно, – говорит голос за дверь, – сейчас мизинец просунется в дырочку. А ну-ка, полезай, полезай, мой мизинчик!

И палец в три приема проскальзывает в отверстие. Король Астракана бросается наземь ничком, чтобы как следует рассмотреть то, что виднеется в дыре, продельной в низу двери, и с восхищением видит белоснежный пальчик с розовым ноготком, до того искусно набеленный и отлакированный, что кажется ожившим фарфором. Очарованный, обмирая от восторга, готовый просто проглотить это маленькое чудо, он хочет покрыть его поцелуями, но пальчик расположен так низко, что ему едва удается дотронуться до него носом.

– Ну, как, довольны вы? – нежно спрашивает его голос по ту сторону двери.

– О, я счастлив! – отзывается голос изнутри.

– Ну что ж, государь, если вы жаждете вкушать блаженства, надобно теперь умертвить, умертвить, поскорее умертвить светильник.

– Умри, умри, умри, светильник! – послушно закричал Халилбад, задувая свечу, изо всех сил стараясь показать в этой первой же своей беседе с феями, что он способен объясняться на их языке.

– Открой же дверь, Халил, – слышит он голос, полный страсти. –

Драгодан на охоте,

Уступите плоти –

И обретете...

Халилбад распахивает дверь, наталкивается в темноте на женщину в одной рубашке, словно пушинку – настолько она ничего не весит, – поднимает ее на руки, и старуха, оказавшись в воздухе, так и не успевает закончить последней рифмы.

Чрезмерное любовное усердие до поры до времени способно затуманить разум: в юности легко поддаешься всякого рода обманам чувств; однако рано или поздно неизбежно наступает отрезвление. Халил вскоре вновь обретает способность рассуждать, и ему невольно приходят пренеприятные мысли. Какой же руке может принадлежать тот очаровательный пальчик, один вид которого был причиной столь сладостных восторгов? Он хватает одну из них, ту самую, которая в эту минуту шарит по подушке, стараясь нащупать ларчик.

– Что вы это делаете?

– Я, – отвечает смущенный голос, – хотела проверить, выполнено ли наше условие.

– А вот уж это, – пробормотал Халил сквозь зубы, – мне совсем не нравится, да и не только это.

Заметим, что вокруг старухи, которая начала опасаться неприятной развязки, постепенно стала распространяться такая вонь, что никакой можжевельник не мог уже ее заглушить.

– О небо! Что за мерзкое зловоние! – вскричал Халил. – Нет, это становится нестерпимым! Уж не подшутили ли надо мною феи? Или старые ведьмы вздумали дурачить меня? Или я обманулся? Нет, я должен посмотреть!

С этими словами он соскакивает со своего брачного ложа. Обещав принять свою даму в полной темноте, он слово свое сдержал, но все же, хоть и не собирался предаваться любовным утехам при ярком свете, на всякий случай

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
припас и запрятал под большой китайской вазой зажженную лампу с трех фитилях. И вот он приподнимает вазу, и взору его представляется наимерзейшее зрелище, какое только можно себе вообразить. Он видит застывшую, совсем сомлевшую от страха старуху и вцепившуюся в ларчик тощую ее руку с набеленным, налакированным мизинцем. Между тем вонь вокруг сего смердящего, почти бесчувственного тела [210] все сгущается.
– О гнусное чудовище! – восклицает Халил. – Вовсе ты не фея, а подтирка Дагжиаля! – И он кидается к окну, распахивает его, словно перышко, подхватывает с постели старуху и выбрасывает ее за окно. Та только и успела два раза слабо пискнуть.

Избавясь от сей омерзительной ноши, Халил выходит из своего кабинета, содрогаясь от вони, от отвращения, от воспоминаний о своем любовном приключении, и ложится на оттоманку в соседней комнате, чтобы попытаться отдохнуть. На его счастье, ему так мало пришлось спать все предыдущие ночи, занятые странными приготовлениями, которые он никому не мог бы доверить, что усталость тут же взяла верх над досадой и погрузила его в глубокий сон. Поделом была бы вору и мука. Старухе предстояло шлепнуться с высоты тридцати футов на весьма каменистую почву. Но судьба, как видно, находит особое удовольствие в том, что удерживает в воздухе подобные создания и не дает им окончательно свернуть себе шею. Ей оставалось всего шестнадцать футов до земли, о которую ей неминуемо предстояло разбиться, как вдруг ветка дерева, за которую зацепилась ее рубашка, остановила ее полет вниз. И вот она повисает на одной ветке, сохраняя при этом некое равновесие таким образом, что со стороны кажется, будто она парит в воздухе. Дул как раз сильный, порывистый ветер, заставляя дерево то и дело сотрясаться, и жалостный сей скелет, послушный всем порывам ветра, являл собой самое страшное пугало, которое только может придумать человек для защиты огорода от птиц.

Иной раз в треволнениях природы таится некая целесообразность, недоступная нашему разуму. Тот самый порывистый ветер, что раскачивал нашу старуху на ветке, в это самое время со всей поспешностью нес на своих крыльях из глубин Персии в сторону Астракана двух фей, которые только что похитили единственного сына некоего грузинского и имеретинского царя, спасая ребенка от меча убийц, перед этим злодейски уложивших и отца его, и всю его родню. Дитя отправилось в путь, не успев позавтракать, а у фей не было с собой даже коробочки конфет.

Старшая фея, по имени Шеридана, и говорит своей сестре:

– Давай-ка остановимся в этой стране. В саду, что примыкает к дворцу астраканского властителя, есть, помнится, грушевое дерево, на котором растут великолепные груши. Они, должно быть, уже созрели, и мы сможем подкрепить ими нашего мальчика.

И по ее повелению несшее их облако опускается и останавливается у самой ограды сада, феи обладают превосходным зрением – и днем, и ночью видят они издали и не нуждаются в зрительной трубе.

– Что там такое виднеется? – говорит Шеридана. – Вижу какой-то призрак, который бродит вокруг грушевого дерева. Не то он собирается сломать его, не то похитить с него все плоды. Впрочем, нет, он вовсе не бродит вокруг. Он то подходит, то отходит и при этом не поднимается вверх и не опускается вниз. Что-то здесь нечисто. Остановимся и заглянем в нашу книгу.

Дамы открывают свою книгу и узнают из нее всю историю с королем Астракана. Уже давно доходили до них слухи о предмете его помешательства, и сие вызывало у них сострадание.

– Нужно, – решают они, – бить разом трех зайцев. Халилбад-хан, не будь у него этого недостатка, мог бы составить счастье своего народа. Надо преподать ему урок, пусть поймет, что не годится так слепо верить всему, что говорится в сказках. Ради того чтобы жениться на одной из нас, которой он был бы без всякой надобности, он отвергает руку прелестной принцессы. Давай прежде всего женим его на ней, а затем отдадим новоиспеченным супругам нашего маленького грузинского царевича, тем самым обеспечив ему надежную защиту и добрых наставников. А пока позабудем немного – сыграем веселую шутку над Халилбадом, а главное – над старухой. Придется нам ради этого совершить путешествие еще и в Кандахар, но это не так уж трудно. Приняв сие решение, наши дамы тут же берутся за дело и проводят в хлопотах всю ночь.

Наступил рассвет. Первые лучи солнца заскользили по лицу спящего Халилбада, он проснулся, и сразу же в памяти его всплывает отвратительная сцена с мерзкой старухой. От этого воспоминания кровь бросается ему в голову и тошнота подступает к горлу. Но тут ему приходит на ум, что он совершил убийство, у него нет никаких сомнений в том, что старуха разбилась насмерть; и если ему и невозможно избежать чувства невольного раскаяния за этот недостойный его поступок, необходимо, по крайней мере, скорее

уничтожить его следы, дабы столь позорно окончившееся любовное приключение не стало достоянием молвы. Весь дрожа, он подходит к окошку, через которое давеча выбросил старуху вон, и смотрит вниз. Можете судить о его изумлении, когда вместо трупа, который он ожидал там увидеть, глазам его предстает раскинувшийся меж ветвей грушевого дерева роскошный шатер из белого бархата. Страусовые перья украшают его верхушку, тяжелые золотые кисти свисают на перевитых золотыми нитями крученых шелковых шнурах над его входом, нити из этого благородного металла сверкают на наружных стенах сего волшебного сооружения. Он устремляется в сад и, откинув занавеси шатра, внутреннее убранство которого оказывается еще великолепнее внешнего, видит перед собой спящую красавицу, прелестью своей превосходящую всех, кого доводилось ему доселе видеть. Не помня себя, бросается он к ногам дивного создания. И тут только вспоминает слова, сказанные ему старухой, когда она предостерегала его от неизбежного обмана чувств.

– О несчастнейший Халил! – восклицает он. – Тебе уготовано было счастье, а ты оказался недостойным его. Ты не сумел побороть минуты отвращения. Если и было оно нестерпимым, то ведь оно недолго бы длилось. Она оставила на ложе твои остатки тленной своей оболочки, дабы тут же возродиться богиней, а ты в слепоте своей, в безумии ярости выбросил в окно прекраснейшее из творений небес, коим тебе предстояло наслаждаться. Откройте глаза, оскорбленная мною красавица, – взывает он, обращаясь к спящей, – услышьте мои рыдания, внимайте отчаянной мольбе несчастного Халила, он кровью своей готов искупить нанесенное вам оскорбление.

На вопли Халилбада со всех концов сада начинают сбегаться работавшие в разных его концах садовники. Они не могут уразуметь, для какой цели и каким образом удалось их властителю в течение одной ночи воздвигнуть такой роскошный шатер, почему испускает он столь горестные стенания и откуда взялась прекрасная дама, к которой обращает он свои пени. Но ничто не может сравниться с тем изумлением, в котором пребывает только что проснувшаяся Конкрелада, ибо это ее обнесли феи роскошным шатром и наделили самым ослепительно-прекрасным обличьем, когда-либо выходящим из сокровищницы богини Красоты и из вод источника молодости.

В изумлении разглядывала старуха свои руки, ощупывала груди, по коим спускались белокурые кудри, блеском своим соперничавшие с блеском алмазов. Обозревая себя таким образом, она вдруг замечает висящее на ее поясе зеркальце в оправе из сапфировых камней, смотрит в него и видит в нем дивную красавицу. Она хочет обернуться, думая позади себя увидеть ту, кого отражает зеркало, но вдруг замечает, что прекрасная незнакомка в точности повторяет те самые движения ртом и глазами, которые делает она сама. Потеряв от неожиданности всякое соображение, став настолько же глупой, насколько она стала красивой, Конкрелада не в состоянии еще обратить себе на пользу мольбы и клятвы, кои изливала у ног ее Халилбад.

Меж тем дворец наполнился толпой подданных, прослышавших о свершившемся чуде. Паж успел рассказать всем, кто только соглашался его слушать, удивительную историю о двух старухах, из коих одна, отвратительная до тошноты, проникла во дворец и проснулась утром прекраснее самой богини любви в белом бархатном шатре, расшитом золотом.

Мофетуза всю ночь пробродила вокруг дворца, со страхом ожидая, что подругу ее еще до зари вытолкнут оттуда взащей, и готовая в случае неприятности сразу же пуститься наутек.

– Ишь ты, – говорила себе цыганка, – коли дьявол сумел обделать все это для Конкрелады, почему бы ему не потрудиться и для меня? Чем я хуже ее? Конечно, у меня никогда и в мыслях не было стать приличной дамой, но зачем же отказываться от того, что само в руки плывет? Посмотрим, хватит ли у нее смекалки воспользоваться этим и не позабудет ли она про ларчик, занявшись прикрасами да нарядами.

Бормоча все это себе под нос, она подходит к дворцовому саду.

Конкрелада тем временем, хотя по-прежнему ровно ничего не понимает в своем чудесном превращении, понемногу начинает осваиваться и, решив наконец извлечь в этих обстоятельствах пользу для себя, протягивает руку Халилбаду, который умоляюще предлагает ей свою, дабы вести ее в трапезную, где уже накрыты праздничные столы, и оттуда им предстоит проследовать в тронный зал. Каждое ее движение исполнено теперь грации, которой она никогда прежде за собой не замечала, почти все кругом, в том числе и она сама, кажется ей странным и чуждым, и тут она вдруг замечает Мофетузу, которая изо всех сил расталкивает толпу, показывая знаками, что должна поговорить с ней. Паж тоже заметил старуху и громко закричал:

– Посторонитесь, дайте пройти, дорогу, дайте дорогу! Смотрите, это они – вот одна, а вон там другая! – Тут все посторонились, уступая ей дорогу, но не ради послушания, а из чувства почтения, которое иной раз действует вернее, чем приказ. А в то утро и королевский двор, и весь город взирал на

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
эти грязные отрепья более почтительно, чем если бы то была королевская мантия. Заметив пробирающуюся к ней Мофетузу, Конкрелада невольно остановилась. Ей сразу же пришла в голову одна мысль. Дело в том, что Мофетуза – может быть, без всяких на то оснований – слыла колдуньей. Конкрелада никогда не отваживалась спросить об этом подругу прямо, боясь вызвать ее гнев, а тем самым стать жертвой каких-либо злых чар. А что, если это Мофетуза, вдруг раздобывшись, сотворила с ней чудо? Если так, опасно, пожалуй, избегать ее, лучше уж объясниться начистоту. Надо посмотреть что и как, ну, а ежели окажется, что Мофетуза здесь ни при чем и, значит, она у нее не в долгу, всегда найдется способ отделаться от нее. Придя к такому решению, омоложенная старуха оставляет короля и, взяв за руку старую цыганку, говорит ему:
– Государь, мне надобно ненадолго вернуться в шатер, чтобы сказать своей подруге два слова наедине.
– И подруга ваша, и вы сами, сударыня, полноправные хозяйки в моем дворце, – молвит в ответ Халилбад; говоря так, он схватывает обвисший клочок рубища, в которое была одета Мофетуза, прижимается к нему губами и удаляется.
– Да неужто это в самом деле ты? – вскричала Мофетуза, как только они остались одни. – До чего же ты стала красивая!
– Да ладно тебе, – ответила та, – разве не ты этого захотела? А ну-ка скажи!
– Что мне тебе сказать! Раз уж сам дьявол захотел, с чего бы мне быть против? Скажи-ка мне лучше, как все это получилось?
– Как получилось? – отвечала хитроумная Конкрелада. – Ты, выходит, и знать ничего не знала? А я полагала, что одна-то часть моего приключения тебе известна. Ну ладно, расскажу.
Вошла я, значит, к государю, вначале он был полон страсти, и все сошло как нельзя лучше. Потом я стала впотьмах шарить по подушке, чтобы взять ларчик, да и убраться восвояси: береженого бог бережет – долго там гостить я не собиралась. А он и схватил меня за руку, да как вдруг осерчает. Я напугалась, а ты ведь знаешь, стоит мне напугаться, как со мной сразу же случается конфуз. Государь тут выскочил из постели, поднял светильник, который был у него запрятан под каким-то большим горшком, и увидел меня в таком зазорном виде; он пришел в бешенство, схватил меня и, словно мячик, выбросил в окошко. На свое счастье, я упала в сад, на большую кучу навоза, приготовленного для грядок. Была я почти голая, ночью холодно – я и залезла в навоз по самое горло, да еще сверху прикрылась толстым слоем, и начала кликать Балабакра.
– Это что еще за Балабакр такой? – спросила Мофетуза.
– А это, – ответила Конкрелада, – один добрый колдунчик, которого моя мать советовала вызывать, если мне солоно придется. Ну вот, кличу я, значит, Балабакра. Тот является и спрашивает: «Чего ты хочешь?» А я в ответ: «Красоты, молодости, богатства». – «Только и всего? – говорит он. – Черт побери, ведь все это в конце концов превращается в то самое, в чем ты сейчас сидишь. Но так и быть, ты их получишь. Только сиди тихонько в своем навозе, не высовывайся. Ты у меня там прорастешь, зазеленеешь, расцветешь, что твой розовый куст». – «Ладно, посижу, это проще простого», – ответила я, сжалась в комочек и постаралась поглубже погрузиться в навозную жижу. А Балабакр ходил вокруг меня и что-то приговаривал на своей тарабарщине. «Терпенье, терпенье! – кричал он мне иногда. – То, что смердит, Счастье сулит».
А чтобы наградить меня за мое долготерпение, он возводил этот вот красивый шатер, и это еще самое малое его благодеяние. Время от времени он приходил поглядеть, насколько я еще помолодела, и всякий раз наваливал на меня сверху новый слой навоза, но тем, кто спит с государем, в голову лезет всякая блажь. Вот и мне вдруг страсть как захотелось запаха цветов и благовонных зелий, который я вдыхала ночью. И стало мне невтерпеж, я возьми и выскочи из навоза. Прибегает Балабакр вне себя от гнева. «Дура ты, дура! – кричит мне. – Ты же могла досидеть там до двенадцатилетней. А теперь из-за своего нетерпения у тебя пропало целых шесть лет. Уж лучше бы ты у меня там задохнулась. Постарайся теперь хоть выгадать на остальном. До чего вы, женщины, нетерпеливые!» И он берет меня за руку и приводит к оттоманке, той самой, на которой мы сейчас сидим. «Засни, засни, голубка, – говорит он мне, – спи, покуда не проснулся еще твой суженый...»
– Постой, так тебе, выходит, только восемнадцать лет? – сказала Мофетуза. – А куда же подевались остальные шестьдесят?
– А их Балабакр забрал себе, – ответила Конкрелада, – он продаст их тем, кто торопится жить.
– Как же, найдет он дурака покупать подобный товар, – сказала Мофетуза. –

Но ведь это просто чудо, то, что ты рассказала. И для этого ничего не потребовалось, кроме навоза? А ведь в нашем подворье есть прекрасная навозная куча.

– Увы, – сказала Конкрелада, – надо было мне оказаться выброшенной из окошка, чтобы уразуметь великое значение навоза. Наши глаза и носы, дорогая моя, в сущности, вводят нас в заблуждение. Да, не будь навоза, земля давно стала бы бесплодной старухой, какой еще вчера была я. Но каждый, что ни день, наваливает на нее все новые и новые кучи, и в этом-то, поверь мне, и кроется тайна бесконечного обновления листьев, цветов и плодов. Так что ступай-ка ты, любезная моя Мофетуза, ступай на наше подворье и залезай поглубже в навозную жижу, только помни – вытащить оттуда сможет тебя один только Балабакр.

– Но, – отвечала Мофетуза, – я же не знаю этого твоего Балабакра!

– Вот тебе мой волос, – сказала Конкрелада, – сплети себе из него ожерелье. Волосы я получила от него, так что стоит только его позвать, он уже будет тут как тут. Когда от запаха навоза все помутится у тебя в голове или ты почувствуешь, что тебя сейчас вырвет, ты крикни погромче: «Ба-ла-бакр!» Повторяй это три раза через равные промежутки времени. Если он не появится, ты подожди четверть часа и снова зови; и так три раза. Тут уж явится непременно. А как явится, так сразу спросит: «Чего ты хочешь?» Ты отвечай ему, как я: «Молодости, красоты, богатства». На это он тебе скажет: «А мне что за это будет?» Тут ты скорей сорви с мизинца своей правой ноги кусочек ногтя и дай ему. Он в восторге будет от этого подарка и не медля возьмется за дело. Только не давай ему разгуляться, а не то он превратит тебя в младенца и станет носить на руках. Смотри веди себя разумно, постарайся выпрыгнуть этак тринадцатилетней или четырнадцатилетней. Тогда я возьму тебя в племянницы и выдам замуж за татарского хана. Но торопись, нынче меня коронуют, и я завтра же хочу представить ко двору мою племянницу Эльмазину. Надо, чтоб у этих людей времени не было разобратся в наших хитростях. Не будем же терять ни минуты. Так что торопись, дорогая моя Мофетуза, беги и смело погружайся в навозную жижу по самую макушку. Незачем откладывать на ночь то, что можно сделать еще днем.

Убежденная этими доводами, старуха бегом пускается к своему подворью.

– Беги себе, беги, – бормотала Конкрелада, провожая ее глазами, – да знай я только, что ты такая дура, я бы не испугалась, а сделала вид, будто сроду тебя и не видела, и обошлась бы с тобой как ты того стоишь. Ну, да сделанного не воротить. Беги себе и вместе с собой утопи в навозной жиже ту правду, какую ты про меня знаешь, и тайну нашего с тобой былого союза. Спровадив Мофетузу, Конкрелада, почувствовав себя увереннее (теперь ей уже нечего было опасаться того, что та проболтается, будь то по неосторожности, по нескромности или из зависти), вышла из шатра, величественно подала руку Халилбад-хану, и они направились в пиршественный зал. Впереди них шли королевские музыканты, позади – многочисленная свита, что придавало сему шествию особую торжественность, которую временами нарушали лишь возгласы сбежавшейся толпы любопытных, коих с трудом удавалось сдерживать.

Пока торжественный кортеж медленно следует через дворы и дворцовые покои, уделим немного внимания старухе, которая в эти минуты спешит со всех ног к своему подворью, думая найти там источник молодости.

Нетерпеливое желание поскорее вступить в сношение с Балабакром придает ей крылья. Немало любопытного услышал бы тот, кто бы вздумал незаметно пойти за ней; она говорит сама с собой громко, странными, отрывистыми фразами: «Уж эта мне Конкрелада... хитра как бес... весь род у нее таков... колдуньи... Столько лет прожить рядом, ни словом ведь не обмолвилась, а тут вдруг на тебе – Балабакр... А не навоняй она, так и осталась бы старухой! Подумать только, откуда счастье привалило – ее выбрасывают в окошко, она падает в навоз, и вот вдруг – Балабакр! Балабакр! Не забыть бы это имя! Балабакр, душечка, добрый мой колдунчик, только ты не испугай меня! Ты дашь мне красоту, молодость, богатство, а если тебе нужны огрызки ногтей, получишь их столько, сколько душевны твоей будет угодно, я ведь отродясь их не обрезала. А коли тебе надобны мои годы, бери их хоть все, сбывай кому хочешь, обратно не возьму, даже минуты одной не возьму. Вылезу, как из чрева матери... Ну давай, Мофетуза, поторапливайся, это же просто чудо что такое – увидеть себя молоденькой да красивой. Скорей же, скорей, в навозную кучу, к Балабакру!..»

Тем временем королевское шествие достигло наконец пиршественного зала, где накрыты уже были столы. Конкрелада и король приготовились взойти на предназначенное для них возвышение под роскошным балдахином, но тут дворцовые слуги объявили о прибытии неожиданных гостей, а Халилбад спешит им навстречу.

Появляются три дамы, с покрытыми лицами... Две из них, в великолепных

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
нарядом, ведут за руку третью; та одета более скромно, вся в белом. Голову ее обвивает гирлянда цветов, ниспадавшая ей на плечи и грудь. Одна из дам держит за руку ребенка лет шести, с открытым личиком, прелестного, словно амур. Дворцовые пииты немедленно провозглашают, что это-де грации и бог любви, явившиеся украсить собой королевское празднество. Король ничуть не удивился их появлению, объясняя его на свой лад и видя в нем счастливое предзнаменование. Конкрелада же, сама не зная почему, посматривала на них косо.

Давайте же скорей садиться за стол, государь, я помираю с голоду. А эти дамы между тем поведают вам, что их сюда привело.

– Нет, сударыня, – отвечает Халилбад, – я выказал бы себя невежей перед вами и вашими сестрами-феями, прибывшими, как видно, на мое свадебное торжество, если бы не оказал им достойного их приема. И вкушать пищу они будут рядом с нами, под балдахином.

Сказав так, он приближается к вновь прибывшим и произносит им хвалебное слово, хоть и очень нескладное, но самое справедливое из всех, кои ему когда-либо в жизни случалось произносить, ибо никто не заслужил его до такой степени, как те, к кому было оно обращено.

– Государь, – молвила старшая из трех дам, – мы и в самом деле явились сюда, чтобы присутствовать на торжестве, которое доставит нам большое удовольствие, но не раньше, чем изменится его повод; когда позволено нам будет открыть вам, кто мы такие, вы поблагодарите нас за то, что мы вовремя явились.

– Но кто же может не позволить вам этого, сударыня? Разве не уверены вы заранее, что победите все сердца? Или сомневаетесь в том, что вам будут оказаны все те почести, коих вы достойны?

– Мы, государь, – отвечала дама, – не охотницы участвовать в игре с неравным партнером. Мы откроем вам, кто мы, но лишь после того, как присутствующая здесь особа, которая тщится выдать себя за ту, кем она не является, скинет свою маску. Ничего другого ей не остается.

Все присутствующие начали искать глазами упомянутую ею маску, но никто не увидел ее. Одна лишь Конкрелада, видимо, смутно что-то почувствовав, невольно сделала движение, словно намереваясь уйти.

– Не уходите же, сударыня, – сказала ей дама под покрывалом, только что державшая речь, – ваше присутствие здесь крайне необходимо; ведь никто не знает вас в этом дворце, где вы собрались играть главную роль. Откройте же нам, кто вы такая, без всяких уверток и уловок, а если в том, что произошло с вами, есть нечто вам непонятное, мы сможем вам это объяснить. Только не увливайтесь, говорите правду.

Изворотливость ума и даже хитрость не могут в сложных обстоятельствах заменить собой благоразумие, которое одно только способно подсказывать верные поступки. Природные свойства Конкрелады усугублялись еще ее образом жизни, безрассудство и неистовство составляли ее характер. И тут-то он вырвался наружу. Глаза ее засверкали, щеки побагровели, рот искривился, прекрасные ее кудри вдруг встали дыбом и зашевелились, напоминая шипящих змей на голове какой-нибудь фурии.

– Не знаю, – сказала она даме под покрывалом, – о какой маске вы здесь толкуете. Кроме вас самих, никого в масках здесь нет; и, поскольку я хозяйка здесь, приказываю вам немедленно убираться вон, не то я велю выставить вас силой.

– Не слишком ли самоуверенный тон для никем еще не признанной королевы? Не слишком ли грубые, неучтивые речи в устах особы, на вид столь молодой и прекрасной? – отозвалась дама под покрывалом. – Сядьте, – прибавила она, – сядьте, вы, королева на полчаса, увидим сейчас, кто вы такая.

При этих словах Конкрелада, словно вдруг оцепенев и повинувшись некоей невидимой силе, послушно опускается на скамью.

Дама под покрывалом вытаскивает из своего рукава палочку и, трижды ударив ею об пол, громко говорит:

Раз, два, три, раз, два, три,
поприбавьте прыти,
Самого злющего пред меня явите.

И в то же мгновение красно-белый узор, находившийся в самом центре турецкого ковра, которым был устлан пиршественный зал, с грохотом отскакивает, подобно опускной дверце люка, и из образовавшегося отверстия выходит отвратительный гном – маленький, рогатый, с гноющимися глазками, весь заросший волосами и совсем голый, с одной грязной тряпицей, препоясывающей его чресла.

– А, это ты, Рудугун? Откуда явился? Отвечай!

– Из озера, где все черно,
Где утру мраком быть дано.

– Где твой хозяин?

– Схватил хозяина недуг.

Сломал у туфли он каблук.

– Каким живешь ты ремеслом?

– Добра не зная, только злом,

И все пускаю я на слом.

– В таком случае, будешь сегодня служить мне! А ну-ка живее, раздень-ка да снова одень ему принцессу – и пусть отправляется спать в другое место!

Рудугун стаскивает с себя грязную тряпицу, расстилат ее на полу и опрометью бросается на окаменевшую Конкреладу:

– Слезай-ка, грушенька, с высот –

Другая там, в навозе, ждет.

В мгновение ока на глазах у всех он принимается одной рукой срывать, а другой кидать в кучу на тряпицу волосы, зубы, груди, бедра – все вперемешку. Кожа сдирается под его ногтями, как сдирается рыба кожа под ножом голландца, и тут же сворачивается в трубочку, словно ее поджаривают. Через несколько минут разоблаченная таким образом и вновь облаченная в старое тряпье Конкрелада являет собой зрелище столь же отталкивающее, сколь притягательным было то, что представляла она собой в шатре. И тогда невидимая сила, скрывавшая доселе ее члены, внезапно отпускает ее, и она, стремительно вскочив, бросается вон, стремглав проносится через покои и дворы, выбегает из дворца, сопровождаемая презрительными возгласами, и мчится по улицам; за ней с лаем несутся собаки, словно спущенные с цепи каким-нибудь злым духом. Вот какой кортеж провожает ее до самой навозной кучи, где почтенная ее подруга уже совсем готова испустить дух от невыносимого зловония.

Заслышав торопливый бег Конкрелады, Мофетуза, обманутая шумом, решает, что это наконец-то спешит ей на помощь долгожданный и столь долго призываемый ею колдун, и, высунув голову из-под нечистот, кричит:

– Скорей! Скорей сюда, Балабакр! Я задыхаюсь!

Оставим обеих старух объясняться друг с другом посреди навоза. Они здесь в родной стихии. Более привлекательные герои, нежели жалкие, лживые эти создания, призывают нас ко двору астраканского короля.

Взвалив себе на спину узел, Рудугун исчезает через то самое отверстие, откуда появился. Узор захлопывается, ковер принимает прежний свой вид, и уже невозможно обнаружить на нем ни единого шва. Тогда дама под покрывалом обращается к Халилбаду, который стоит словно вкопанный, пораженный до глубины души сценой, свидетелем которой пришлось ему стать.

– Теперь вы видите, государь, с какой омерзительной тварью чуть было не связали вы судьбу вашу. Однако не хочу скрывать от вас: не она виновата в этом последнем обмане чувств, жертвой коего вы едва не стали.

И тут она открывает ему тайну чудесного преображения, которое они затеяли, дабы показать ему, к чему может привести столь непомерная жажда чудес, и тем самым умерить приверженность его к оным.

– Ведь легко могло случиться, государь, – продолжала она, – что воспользоваться вашим повсеместно известным желанием жениться только на фее пришло бы в голову особе менее невежественной и куда более коварной, нежели Конкрелада, и ей удалось бы поймать вас в сети столь же притягательные, но более искусно сплетенные. Обезопасьте себя от подобной беды – женитесь. Этого требуют как собственные ваши интересы, так и интересы государства вашего: Но жениться надобно на равной; довольно стремиться к несбыточному. Я фея и только что доказала вам это. В том, что мы существуем, нет никаких сомнений. Но во всем том, что о нас пишут и говорят, нет ни слова правды, а потому вы не могли составить себе верное представление о нашей природе. Если бы даже – допустим невозможное – какая-нибудь из нас решилась отдать вам свою руку, что стали бы вы делать с супругой, которая могла бы быть ею лишь по видимости, чьи склонности ни в чем не совпадали бы с вашими, которая пренебрегла бы тем, что является самым прельстительным предметом ваших вожделений? К тому же, почитаю ее всемогущей, вы стали бы ожидать от нее действий, не предписанных законами, коим подвластно свершение чудес. Все между собою связано здесь незыблемым порядком, который постоянно поддерживается одолением видимых противоречий. Мы можем содействовать этому порядку, но не можем идти ему наперекор. И не судите о нашем всемогуществе по тем необычным событиям, свидетелем коих вы только что были. Волшебство – далеко еще не чудо. В чуде все истинно: истоки его не здесь. В волшебстве все лишь одна видимость. Старая Конкрелада вовсе не была превращена в молодую, роскошный шатер, в котором вы увидели эту мнимую красавицу, рассеялся как дым вместе со всеми средствами обольщения, кои были ей приданы извне. Все это было лишь иллюзией, и иллюзией, имеющей предел: она не могла длиться больше, чем длится сновидение, чей образ она и являет собой. Зодчий, возведший сие обманчивое здание, столь же малого стоит, как тот, который разрушил его. Можно было бы обойтись без этого пышного

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
представления – я могла развеять иллюзию, просто дунув на сей цветной туман, но я хотела дать вам понятие о тех, кто промышляет опасным искусством волшебства, дабы впредь вы остерегались их, и воочию показать вам, что может приключиться с тем, кто поддается их чарам. Словом, государь, никто ничего не построил и никто ничего не разрушил, мы просто напустили чары и на вас, и на ваших подданных. Обычно мы не обременяем себя делами столь низменного свойства. Более высокие цели, источник коих вы когда-нибудь узнаете, влекут нас к занятиям более высоким – мы помогаем, мы приносим утешение бедным смертным, коим сострадаем, независимо от их звания на земле. Мы очень жалеем их, ибо они достойны жалости. Мы горько оплакивали кончину вашей почтенной матушки. Упорство, с которым вы преследовали несбыточную свою мечту, ускорило сие горестное событие. О, если бы тогда вы протянули руку прелестной, добродетельнейшей принцессе кандахарской!

– Ах, сударыня, – вскричал Халилбад, обливаясь слезами, – сей горестный упрек пронзает мне сердце! Он напоминает мне о том, сколь жесток я был к своей матери и сколь несправедлив к наипрекраснейшей принцессе на свете.

– Хотели бы вы исправить сию несправедливость, государь?

– Хотел бы я? О, скорее отведите меня к ней, чтобы я мог пасть к ее ногам, и вы увидите, как безмерно буду я счастлив, если ваше всемогущество, моя любовь и сожаления помогут мне вымолить у нее прощение.

– Вам не придется далеко отправляться для этого, – молвила фея и вместе со своей сестрой откинула покрывало с лица юной принцессы кандахарской. Весь королевский двор был поражен при виде прелестей Беллазире. Выражение столь же пылкого, сколь и глубокого чувства, мягкости и простодушия придавало ее прелестному личику живость, яркость и выразительность, которые делали ее трогательной, отнюдь не умаляя при этом женской ее притягательности. Халилбад пал к ее ногам и поднялся с колен лишь для того, чтобы произнести ей обет верности и услышать от нее ответный обет. Исполненный благодарности к тем, кто явился орудием его счастья, он настойчиво просит их, сняв свои покрывала, хотя бы ему одному дать взглянуть на их черты.

– Напрасно вы просите об этом, – молвила ему Шеридана, – мы показались бы вам вовсе не столь прекрасными, какими мысленно видимся вам. Наша красота строга, она слишком схожа с истиной, проводниками коей мы иногда выступаем. Вы еще слишком молоды для того, чтобы мы могли явить вам наши лица. Но мы не зарекаемся, когда-нибудь вы их увидите.

Дабы вы не сомневались в наших намерениях относительно вас, мы оставляем здесь залог своего доверия к вам – это законный царь Грузии и Имерета, история его известна вашей супруге. Станьте для него образцом, пусть на вашем примере научится он достойно властвовать над себе подобными; и после того как вы явите нам сей маленький шедевр, мы откроем вам свои лица. Но, прежде чем вас покинуть, хочу открыть вам один секрет, дабы вы не огорчились, что не все еще постигли. Нет на свете ничего прекраснее красивой женщины, одушевленной благородной любовью. Мы оставляем вам это чудо, только оно должно занимать вас отныне.

Жан-Жак Руссо

[211]

Королева Причудница

[212]

Жил некогда король, который любил свой народ...

– Уж не сказка ли это? – перебил Яламира друид.

[213]

– Разумеется, сказка, – ответил Яламир. – Итак, жил некогда король, который любил свой народ, а благодарный народ боготворил своего монарха. Немало сил потратил король, чтобы подобрать министров, не уступавших ему в доброжелательности, но, убедившись, что из этого ничего не выйдет, сам принялся решать все дела, какие удавалось уберечь от служебного рвения сановников. Увлеченный странной идеей осчастливить своих подданных, он многое делал для них и столь неподобающим поведением совершенно уронил себя в глазах важных особ. Народ благословлял короля, а придворные считали его чудачком. Между тем у короля было немало достоинств – недаром его звали Феникс.

Да, это был замечательный король, но не такова была его супруга: горячая, легкомысленная, своенравная; взбалмошная, но с отзывчивым сердцем; вспыльчивая, но от природы добрая – вот в немногих словах портрет королевы. Звали ее Причудница; такое необычное имя она унаследовала от бабушек и прабабушек и носила его с честью. Эта столь достойная особа была и отрадой, и мученьем своего высокого супруга, к которому она питала искреннюю привязанность – быть может, за то, что могла помыкать им, как ей заблагорассудится. Но, несмотря на любовь и согласие, долгие годы не было у них столь желанных детей. Король был этим удручен, а королева рвала и метала, причем доставалось не одному только добрейшему монарху: весь свет винила она в своем бесплодии; не было придворного, которого она не

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
расспрашивала бы о верных средствах против своего недуга и не упрекала
потом за неудачу.

Разумеется, королева не оставила в покое и врачей; она, казалось, слушалась
их беспрекословно, но прописанные и тщательно приготовленные лекарства тут
же швыряла им в лицо. Потом наступила очередь дервишей: королева прибегала
и к молитвам, и к обетам, и в особенности к жертвованиям.

Горе служителям храмов, куда ее величество совершала паломничество! Ища
исцеления в святых местах, она переворачивала все вверх дном, опустошая
монастырские ризницы. Королева носила амулеты и надевала на себя
всевозможные монашеские уборы: белый шнур, кожаный пояс, клобук,
нараменник. Не было такого одеяния, которого она не удостоила бы своим
благочестивым рвением. Ее оживленное личико было прелестно в любом из этих
нарядов, и, прежде чем надеть новый, она заказывала свой портрет.
Наконец богоугодные занятия и лекарства сделали свое дело: небо и земля
вняли мольбам королевы. Когда все уже готовы были отчаяться – она
почувствовала себя беременной. Судите сами, как рады были король и весь
народ, а уж о королеве и говорить нечего: в порыве радости, как и во всех
своих чувствах, она не знала меры и, ликуя, ломала и разбивала все, что
попалось под руку; обнимала и целовала всех подряд: мужчин, женщин,
придворных, слуг. Она готова была задушить в своих объятиях любого
встречного. Нет большего счастья, твердила она, чем иметь ребенка, которого
можно наказывать розгой в минуту дурного настроения.

Каждому было лестно считать себя причастным к такому долгожданному
торжеству, как беременность королевы: врачи приписывали его снадобьям,
монахи – амулетам, народ – вознесенным молитвам, а король – своей любви:
каждый живо интересовался еще не родившимся ребенком, словно родным
детищем. Повсюду служили молебны о благополучном рождении наследного принца
– всем хотелось именно принца, желания народа, вельмож и самого короля в
этом совпадали. Одной королеве не нравилось, что ей словно навязывают, кого
произвести на свет; она намерена родить дочь, заявила она, и вся она
удивлена, как это люди смеют оспаривать ее несомненное право распоряжаться
тем, что принадлежит ей одной. Тщетно пробовал феникс образумить супругу;
она решительно попросила его не вмешиваться в чужие дела, заперлась в своей
опочивальне и надулась; это было любимое времяпровождение королевы,
к чему она предавалась не менее шести месяцев в году; я разумею не шесть
месяцев подряд – это был бы слишком большой отдых для ее мужа, а вразбивку,
чтоб вернее ему досадить. Король, конечно, понимал, что капризы матери не
влиять на пол младенца, но ему больно было видеть, как она перед всем
двором выставляет напоказ свои причуды. Он отдал бы все на свете, чтобы его
любовь к ней была утверждена и всеобщим к ней уважением. Но его безуспешное
старание было одной из тех глупостей, какие он обычно совершал в надежде
образумить супругу. В отчаянии он обратился к фее Благоразумнице, своему
другу и покровительнице королевства. Волшебница посоветовала избрать путь
кротости и просить у королевы прощения. «Все женские капризы, – объясняла
она, – преследуют одну цель: держать мужей в послушании и побить с них
спесь. Лучшее средство излечить вашу супругу от сумасбродства – это
сумасбродствовать вместе с ней; потакайте ее капризам – и всю ее блажь как
рукой снимет; она образумится лишь тогда, когда вас самого превратит в
безумца; добивайтесь своего лаской и уступайте ей в мелочах, чтобы настоять
на своем в самом важном...» Король, вняв советам феи, отправился к королеве,
отвел ее в сторону от свиты и тихо высказал свое глубокое огорчение тем,
что осмеливался вступать с ней в пререкания; затем он обещал, что впредь
будет осмотрительней и постарается заслужить прощение за резкости, которые,
возможно, позволил себе, невежливо споря с супругой.

Причудница, опасаясь, что кротость феникса только оттенит нелепость ее
поведения, поспешила ответить, что в этих извинениях, полных скрытой
иронии, она видит еще больше высокомерия, чем в недавних резкостях, но что,
разумеется, ошибки мужа не могут служить оправданием ошибкам жены и она,
как всегда, готова уступить.

– Мой супруг и повелитель, – заявила она во всеуслышание, – приказывает мне
родить мальчика: я знаю свой долг и не позволю себе ослушаться! Я понимаю,
что его величеством, когда он удостоивает меня лаской, движет любовь не
столько ко мне, сколько к народу, о чьем благе он печется ночью ничуть не
меньше, чем днем. Мой долг подражать столь благородной самоотверженности. Я
намерена просить диван об издании указа, устанавливающего количество и пол
детей, подобающих королевскому семейству, – назидательного указа, важного
для процветания государства; и каждая королева должна будет сообразоваться
с ним в своем поведении ночью.

Эта прекрасная речь была выслушана всей свитой с большим вниманием, но вы,
конечно, догадываетесь, что при этом раздалось немало приглушенных смешков.
– Увы! – с грустью молвил король и, пожимая плечами, вышел из зала, – как

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
видно, мужу безумицы суждено ходить в дураках!
фея Благоразумница, в характере которой забавно уживались благоразумие и женское лукавство, нашла эту маленькую распрю весьма потешной и решила довести шутку до конца. Сказав королю, что расположение светил, управляющих рождением принцев, предвещает мальчика, она тайком шепнула королеве, что та родит девочку.

Это обещание превратило безрассудную Причудницу в самую что ни на есть рассудительную женщину. Бесконечно ласковая и обходительная, она прилагала все усилия к тому, чтобы довести до отчаяния короля и весь двор. Она заказала нарядное детское приданое, притворяясь, будто готовит его для мальчика, но такая роскошь была бы смешной и для девочки: приходилось по нескольку раз перешивать все заново, но она не жалела хлопот; она велела ювелирам украсить драгоценными камнями великолепную орденскую повязку и потребовала, чтобы король немедленно подыскал воспитателя и наставника для юного принца.

Уверенная в том, что родится дочь, она говорила только о сыне и в приготовлениях не упустила ни одной мелочи, отвлекая внимание от самого важного. Она хохотала от души, представляя себе, какой глупый и растерянный вид будет у вельмож и советников, которым полагалось присутствовать у ее ложа во время родов.

– Я так и вижу, – говорила она волшебнице, – слева от меня наш достопочтенный канцлер сквозь большие очки рассматривает, кто родился – мальчик или девочка, а справа от меня его августейшее величество бормочет, потупив взор: «Я надеялся... Фея обещала мне... Господа, я тут ни при чем...» и тому подобные остроумные фразы, которые будут подхвачены придворными историографами и разнесены до самых далеких границ Индии...

С веселым лукавством рисовала она в своем воображении удивление и замешательство среди придворных при таком неожиданном исходе дела, волнение среди дам ее свиты, оспаривающих друг у друга права, когда наступит время распределить почетные обязанности, – словом, весь двор в смятении из-за детского чепчика.

По требованию королевы был установлен достохвальный обычай, согласно которому сановникам надлежало приветствовать новорожденного принца торжественной речью. Феникс хотел было возразить, что эта затея только уронит достоинство высших чиновников и выставит в смешном свете весь придворный этикет, что не пристало расточать высокопарные речи перед младенцем, не способным даже понять их, не то что ответить.

– Ну что ж! Тем лучше! – с живостью возразила королева. – Тем лучше для вашего сына! Он только выиграет, если со всеми глупостями, какие ему еще предстоит выслушать, будет покончено раньше, чем он сможет их уразуметь! Уж не считаете ли вы, что речи, от которых можно только потерять рассудок, лучше выслушивать в разумном возрасте? Умоляю вас, пусть ораторы разглагольствуют, сколько им угодно, пока ребенок ничего еще не понимает и еще не способен скучать; кому-кому, а уж вам хорошо известно, что редко удастся так дешево отделаться...

Пришлось королю согласиться, и вот, по особому указу его величества, сенаторы и академики принялись сочинять, перечеркивать, заучивать наизусть речь, листая своих Воморьеров и Демосфенов [214] и принаравливаясь к разумению младенцев.

Между тем наступили решающие минуты. Королевой при первых же родовых схватках овладело бурное и в подобных случаях довольно необычное ликование; она жаловалась так мило и плакала, так весело смеялась, словно рожать для нее было сущее удовольствие.

Тотчас во всем дворце поднялась невообразимая суматоха; одни побежали за королем, другие – за князьями, третьи – за министрами, некоторые поспешили в сенат; но большинство придворных – и эти особенно спешили – суетились ради самой суеты, подымая шум, подобно Диогену, гремящему пустой бочкой, а всего-то и было у них заботы, что напустить на себя озабоченный вид.

Созывая во дворец такое множество самых необходимых лиц, в спешке совсем забыли об одном человеке – о придворном акушере. И когда король, от волнения потеряв голову, пригласил к роженице простую повивальную бабку, его оплошность вызвала громкий смех придворных дам, и благодаря их веселью и хорошему расположению духа самой королевы это были самые веселые роды на свете.

Как ни старалась Причудница сохранить в тайне предсказание феи, но ее придворные дамы все-таки о нем проведали и тоже так ревностно оберегали тайну, что понадобилось не менее трех дней, прежде чем слух о ней распространился по всему городу; один лишь король все еще ничего не знал. Каждого поэтому крайне занимало готовящееся представление. Под предлогом заботы о благе государства всем насмешникам представлялся повод позабавиться над августейшим семейством; любопытные предвкушали

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
удовольствие наблюдать, как будет вести себя королевская чета и как
напроказившая волшебница выпутается из затруднительного положения.
– Так-то, сударь, – внезапно прервал свое повествование Яламир, –
согласитесь, что я, если захочу, могу помучить вас по всем правилам
искусства; вы отлично понимаете, что теперь самое время прибегнуть к
отступлениям, портретам, ко всяческим любопытным подробностям, которые
применяет изобретательный автор в самом интересном месте, дабы занять своих
читателей.

– Вот еще! – воскликнул друид. – Да неужели ты воображаешь, что найдется
глупец, который станет читать все эти штуки? У читателей, будь уверен, ума
хватает кое-что пропустить и, как это ни прискорбно для автора, перевернуть
несколько страниц, где тот щеголяет красноречием. А ты, видно, считаешь
себя умнее других и надеешься, что тебя никто не упрекнет в глупости, если
сам заявишь, что по доброй воле не прибеж к этим приемам. Однако твои
разглагольствования доказывают обратное, а я – увы! – лишен возможности
перевернуть страницы.

– Успокойтесь, – коротко ответил Яламир, – другие перевернут их за вас,
если все это будет когда-нибудь напечатано. Примите, однако, во внимание,
что в покоях королевы уже собрался весь двор и мне вряд ли когда-нибудь
представится другой столь благоприятный случай нарисовать портреты
множества именитых особ, а вам – познакомиться с ними.

– Не стоит труда! – с усмешкой молвил друид. – Я о них достаточно узнаю по
их поступкам! Если они нужны тебе для рассказа, пусть что-нибудь делают, а
нет – так оставь их в покое. Меня занимают поступки, а не портреты.

– Что ж, раз уж нельзя расцветить повествование рассуждениями, придется
попросту раскручивать его нить... Но ведь бесхитростный рассказ – прескучное
дело... Вы и не подозреваете, как много любопытного удалось бы вам узнать... Но
я отвлекся в сторону, на чем бишь мы остановились?

– На родах королевы! – нетерпеливо подсказал друид. – Они тебе даются так
трудно, что ты уже битый час держишь меня в напряженном ожидании.

[215]

– Ого! – воскликнул Яламир. – Вы, кажется, воображаете, что королевские
дети появляются на свет так же просто, как яйца у дроздов.

[216] Сейчас сами убедитесь, стоило ли нам пускаться в отступления... Итак,
королева, вволю поохав и посмеявшись, избавила окружающих от мук
любопытства и вывела фею из затруднения, родив в один день и девочку, и
мальчика, прекрасных, как луна и солнце, и как две капли воды похожих друг
на друга, так что в детстве, забавы ради, их даже одевали одинаково. В этот
столь желанный миг король, забыв о своем сане и отдавшись порыву
естественных чувств, позволил себе сумасбродную выходку, от которой в
другую минуту первый стал бы удерживать королеву. Радуюсь, что стал отцом,
он с резвостью ребенка выбежал на балкон и крикнул что было сил:

– Радуйтесь, друзья мои! У меня родился сын, у вас – отец, а у моей жены –
дочь!

Королева, виновница всего этого торжества, сперва и не заметила, какими
счастливыми оказались ее роды, а волшебница, зная ее капризный нрав, из
осторожности сначала ей сообщила о рождении дочери, которую она ждала. И
вот когда принесел младенца, королева поцеловала его хотя и нежно, но, к
удивлению окружающих, со слезами на глазах; ее веселость вдруг сменилась
грустью; как я уже упоминал, королева искренне любила своего супруга. Во
время родов она заметила его тревогу и сочувствие и была тронута; она стала
размышлять – поистине в самое подходящее время – о том, как жестоко с ее
стороны огорчать такого доброго мужа; при виде дочери ей стало жаль
обманутого в своих ожиданиях короля. Чисто женское чутье и волшебный дар
помогли фее Благоразумнице читать в человеческих сердцах, и она легко
поняла, что творилось с королевой; видя, что дальше скрывать правду
незачем, она распорядилась принести принца. Хитрая выдумка волшебницы
показалась королеве до того забавной, что она, едва придя в себя от
изумления, залилась безудержным смехом, а это было весьма опасно в ее
состоянии. Ей сделалось дурно. Ее с трудом привели в чувство, и, не
поручись волшебница за жизнь ее величества, горе и печаль тут же сменили бы
радость в сердце короля и на лицах придворных. Но самое любопытное
случилось дальше; королева, жалея мужа за перенесенные волнения, прониклась
более нежным чувством к принцу, чем к его сестре, а король, обожая супругу,
уже отдавал предпочтение дочери – ведь королева ждала именно ее; так эти
единственные в своем роде супруги выказывали нежность и приязнь друг к
другу. Вскоре их чувства перешли в явные пристрастия: королева занималась
только сыном, а король – дочерью.

Страх всего народа остаться без повелителя теперь рассеялся, и люди немало
смеялись над этим вдвойне неожиданным поворотом событий. Остряки, шутившие
над обещаниями волшебницы, попали впросак, но не сдавались, утверждая, что

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
они не согласны, будто фее удалось с честью выйти из трудного положения, и что ее пророчество всего лишь предвосхитило ход вещей. Некоторые дошли в своей беззастенчивости до того, что, ссылаясь на пристрастное отношение родителей к детям, утверждали, будто предсказание вовсе не сбылось, ибо роды подарили королеве сына, а королю – дочь.
Приготовления к торжественному обряду крестин были в полном разгаре, и человеческая спесь готовилась скромно покрасоваться перед алтарем богов...
– Что такое? – прервал Яламира друид. – Ты совсем сбил меня с толку.
Объясни мне, пожалуйста, где мы, собственно, находимся? Вначале ты водил королеву, жаждавшую стать матерью, среди амулетов и клубуков; затем внезапно перенес нас в Индию. Сейчас заговорил о крестинах – и вдруг алтарь богов! Ума не приложу, кому мы будем поклоняться во время обряда, который ты подготавливаешь: Юпитеру, пресвятой деве или Магомету?
Не скажу, чтобы меня, друида, сильно волновало, будут ли твои близнецы подвергнуты крещению или обрезанию; но не забудь соблюсти верность обычаев, не то я, чего доброго, приму епископа за муфтия [217] или Библию за Коран...

– Велика важность! Люди и помудрее тебя ошибаются! Бог покровительствует прелатам, которые обзавелись целыми сералами, а латынь молитвенника для них что арабские письма! Бог прощает почтенных ханжей, готовых по примеру пророка из Мекки учинить священную резню к вящей славе божией!

[218] Но не забывай, что мы находимся в сказочной стране, где никого не посылают в ад ради спасения его души, где вечные муки или отпущения грехов не зависят от того, совершен ли над человеком обряд обрезания или нет, в стране, где митры и зеленые тюрбаны равно венчают головы священнослужителей, означая для людей мудрых их сан, тогда как в глазах глупцов эти уборы всего-навсего простое украшение.
Мне хорошо известно, что, согласно закону, определяющему вероисповедание страны ее географическим положением, моим новорожденным надлежит стать мусульманами; но обряд обрезания совершается только над мальчиками – мне же нужно приобщить таинству обоих детей; так что извольте примириться с крещением.

– Поступай как хочешь, – ответил друид, – но честное слово жреца – хорош довод!

Королева, всегда готовая нарушить придворный этикет, на шестой день уже пожелала подняться с постели, а на седьмой вышла на прогулку, уверяя, что уже оправилась; к тому же она сама кормила детей грудью – отвратительный пример! – и придворные дамы красноречиво расписывали все его неприятные последствия. Но Причудница, которая боялась, что у нее может пропасть грудное молоко, отвечала дамам, что со временем все земные радости для нас исчезнут и грудь некормившей женщины после смерти теряет форму так же, как и грудь кормилицы; при этом королева добавила наставительным тоном, что в глазах супруга нет груди прекраснее, чем грудь матери, кормящей своих детей. Эта ссылка на вкусы мужей в таких сугубо дамских делах всем показалась смешной; мстя королеве за хорошенькое личико, дамы стали находить, что, хоть она и капризничает, как истинная королева, но, в сущности, так же нелепа, как ее супруг, прозванный в насмешку «буржуа из Вожирара» [219].

– Вижу, куда ты клонишь, – вставил друид, – ты хочешь навязать мне роль шаха Багана [220] и подбиваешь спросить, нет ли в Индии своего «Вожирара», столь же обязательного, как «Мадрид» в Булонском лесу, [221] Опера в Париже или философ при дворе; продолжай-ка лучше свою побасенку и не расставляй мне ловушек; я не женат и не султан и могу позволить себе роскошь не быть глупцом.

– Но вот, – продолжал Яламир, пропустив замечание мимо ушей, – приготовления закончились; наступил день, когда новорожденным предстояло приобщиться благодати.

Волшебница с раннего утра явилась во дворец и сказала августейшим супругам, что хочет поднести каждому из детей дар, достойный их высокого происхождения и ее могущества.

– Пока святая вода не оградила еще новорожденных от моих благотворных чар, я хочу украсить их своими дарами и дать им имена более действенные, чем в святцах, – имена, нераздельные с достоинствами, какими я их обоим наделю. Вам, конечно, лучше знать, каковы те достоинства, что вернее всего обеспечат счастье вашей семьи и народа, и право выбрать эти имена я предоставляю вам самим. Тем самым вы сразу достигнете того, что лишь изредка удается добиться двадцатилетним воспитанием, начатым с юного возраста, и чего уж никак не достигнешь в зрелые годы.

Тотчас же между супругами начались пререкания: королева хотела наделить детей характерами по своему вкусу; однако добрый король, сознавая всю важность выбора, не желал предоставить его капризу женщины, чьи причуды он

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
обожал, отнюдь не желая потакать им. Феникс хотел, чтобы его дети были рассудительными, а королева – чтобы они были красивыми: лишь бы дети блистали в шестилетнем возрасте, а в тридцатилетнем – пускай будут хоть глупцами. Как ни старалась волшебница примирить их величества, обсуждение перешло в ссору; не приходилось уже и думать о разумном выборе, а только о том, чтобы образумить супругов.

Наконец волшебница придумала, как уладить дело, никого не обижая: пусть король распорядится по своему усмотрению мальчиком, а королева – девочкой. Король согласился, ибо таким образом наследника престола спасали от нелепого каприза матери, а это и было самым важным; увидев детей на руках воспитательницы, король поспешно схватил принца, кинув при этом на его сестру взгляд, полный сострадания. Но Причудница, больше всего дававшая волю своим капризам именно тогда, когда это было совсем некстати, бросилась как безумная к принцессе и тоже взяла ее на руки.

– Все вы заодно, чтобы досадить мне, – заявила она, – но я сделаю так, что прихоть короля против воли его самого пойдет на пользу одному из его детей, – и вот вам мое пожелание: пусть девочка станет полной противоположностью принцу, каким бы характером его ни наградила король. Выбирайте же, – обратилась она к королю с победоносным видом, – вам угодно распорядиться, так вот определите сразу судьбу обоих детей!

Тщетно король, поставленный в затруднительное положение, и волшебница умоляли ее передумать – королева и слышать ничего не хотела. Благодаря ее счастливой выдумке, твердила она, принцесса будет украшена теми достоинствами, какими король не сумеет, конечно, наградить принца.

– Вот как! – воскликнул с досадой король. – Вы всегда питали отвращение к своей дочери, и вы это доказали в самый важный момент ее жизни; однако вам назло я сделаю ее совершенством, – добавил он, не в силах сдержать порыв гнева, – я прошу, чтобы мой мальчик стал вашим подобием!

– Тем хуже для него и для вас, – поспешно возразила королева, – а я отомщена – ваша дочь будет похожа на вас...

Едва лишь необдуманное слово было произнесено, король пришел в ужас и готов был вернуть сказанное любой ценой. Но дело было сделано, и дети на всю жизнь оказались наделены характерами по воле родителей: принц был наречен Капризом, а принцесса – Разумницей, необычным именем, которое она так прославилась, что впоследствии носить его не решилась ни одна женщина. Словом, будущий наследник престола был украшен всеми чарами хорошенькой женщины, а принцессе, его сестре, достались в удел все достоинства доброго короля и порядочного человека. Распределение нельзя сказать чтобы удачное, но – увы! – уже непоправимое! В довершение всего взаимная любовь супругов тут же вспыхнула с особой силой, как это всегда у них случалось, и всегда с опозданием, в самые решающие минуты их жизни. Они по-прежнему не могли поделить между детьми свое родительское чувство поровну, но каждый считал теперь, что ребенок, обещавший стать похожим на него, проиграл в сравнении с другим, и каждый был готов скорее жалеть этого ребенка, чем поздравлять.

Взяв дочь на руки, король нежно прижал ее к груди и произнес:
– Увы! Не помогла бы тебе даже красота твоей матери без ее умения блистать. Ты будешь слишком рассудительная и никому не вскружишь голову.

Причудница, не столь откровенная, по-видимому, не расположена была высказывать всю правду; мнением своим об умственных способностях будущего принца она ни с кем не поделилась. Но нетрудно было догадаться, что королева не слишком высоко ценит свой дар, – она выглядела такой печальной, лаская ребенка.

Король растерянно смотрел на нее и не смог удержаться от упрека.
– Я поступил опрометчиво, – признался он, – но только из-за вас; и вот по вашей вине эти дети, которые могли бы стать лучше нас, останутся нашим подобием.

– Зато они будут крепко друг друга любить, – с живостью проговорила королева, бросаясь ему на шею.

Феникс, тронутый искренностью ее порыва, утешился мыслью – как обычно в таких случаях, – что все еще поправимо при доброте и чувствительном сердце.

– О дальнейшем догадываюсь и могу закончить сказку, – прервал Яламира друид, – твой принц Каприз вскружит всем голову и так далеко зайдет, подражая матери, что станет для нее наказанием. Стремясь преобразовать свое государство, он его развалит, заботясь о благе подданных, он доведет их до отчаяния, а расплачиваться за свои промахи заставит других; непоследовательный и легкомысленный, он будет и жалеть о своих ошибках, и без конца повторять их; благоразумие никогда не будет им руководить, и все его благие намерения только умножат содеянное зло.

Природная доброта, чувствительность и великодушие – все его достоинства обратятся ему же во вред, а за его капризы, непростительные при таком высоком положении, народ его возненавидит, причем куда сильнее, чем злого,

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
но умного монарха. Напротив, твоя принцесса – новая героиня волшебной сказки – станет чудом благоразумия и скромности; поклонников у нее не будет, но перед нею преклонится народ и станет мечтать о том, чтобы власть перешла в ее руки. Безупречное поведение, всегда приятное для окружающих, выгодное ей самой, будет вредить только ее брату: люди станут противопоставлять все его недостатки ее достоинствам и в предубеждении против принца ему припишут любые недостатки лишь потому, что их нет у принцессы. Пойдут разговоры об изменении закона о престолонаследии, о том, что прялку следует предпочесть побрякушке шута и что разум выше прав рождения. Ученые умы примутся рассуждать о пагубных последствиях подобных новшеств, доказывая, что народу лучше повиноваться сумасбродам, оказавшимся по воле случая повелителями, нежели самому выбирать достойных правителей; что, хотя умалишенным и запрещено распоряжаться собственным имуществом, нет ничего зазорного в том, чтобы предоставить им во власть как достояние, так и самую жизнь народа; что безрассуднейший мужчина все же предпочтительнее самой разумной женщины и что если первенец мужского пола, будь он даже обезьяной или волком, то девочка, появившаяся на свет после него, будь она само совершенство или ангел, должна повиноваться его воле, – этого-де требует политическая мудрость; пойдут споры, возражения со стороны смутьянов, и тут тебе представится случай блеснуть своим софистическим красноречием. Я тебя знаю, ты рад позлословить по поводу всего, что происходит на белом свете, дать выход накопившейся желчи, и порочность людей, давая пищу для упреков, только тешит твое мрачное правдолюбие. – Ого! Отец друид! Как вы увлеклись! – изумленно воскликнул Яламир. – Что за поток красноречия! И где, черт возьми, научились вы произносить такие пышные тирады? В священном лесу вы никогда еще не проповедовали с таким блеском, хотя и там в ваших словах правды было ничуть не больше; если я не вмешаюсь, вы скорее превратите сказку в политический трактат, и, чего доброго, в кабинетах монархов когда-нибудь вместо Макиавелли [222] будут красоваться «Синяя Борода» или «Ослиная Шкура». Но не утруждайте себя, отгадывая конец сказки; за развязкой у меня дело не станет, и я вам сейчас ее придумаю – не такую, правда, ученую, как ваша, но не менее естественную и, уж во всяком случае, более неожиданную. Так вот, как уже упоминал, близнецы были поразительно похожи, да вдобавок и одинаково одеты. Король, полагая, что берет на руки сына, на самом деле взял дочь; а королева, введенная им в заблуждение, приняла за дочь сына; волшебница воспользовалась этой путаницей и наделила детей так, как подобало; и вот «Капризница» стало именем принцессы, а «Разум» – именем принца, ее брата. Словом, как ни чудила королева, все оказалось на месте. Наследовав престол по смерти отца, принц Разум творил добро без лишнего шума, больше заботясь о своем долге, чем о славе; он не воевал с соседями, не угнетал подданных и удостоился благословений народа, а не панегириков. Все, что задумал его отец, было осуществлено в правлении сына, и подданные, вторично обласканные судьбой, даже не заметили смены государя. Принцесса Капризница, погубив и лишив рассудка многих поклонников, нежных и любезных, вышла наконец замуж за соседнего короля. Она его предпочла другим за то, что у него были самые длинные усы и он лучше всех скакал на одной ножке. А Причудница умерла от несварения желудка, объевшись перед сном рагу из лапок куропатки, в то время как король одиноко томился в ее опочивальне, куда она после долгих капризов пригласила его провести с ней ночь.

Примечания

1

Их настойчиво напоминал, в частности, Андре Моруа, по праву считавший себя наследником классической культуры. Письмовники же (универсальные, деловые, любовные) продолжают издаваться до сих пор.

2

Как «простонародные... смехотворные басни, которыми старые люди занимают и забавляют детей» определяет сказки «Словарь Академии» (1694).

3

Литературные сказки разрабатывают 36 сюжетов из 115, встречающихся во французском фольклоре.

4

Спор о древних и новых. М., Искусство, 1985, с. 64.

5

Его судьба послужила источником повести Анатоля Франса «Харчевня королевы Гусиные Лапки» (1893).

6

Сходный прием был использован К.-М. Виландом в сказочном романе «Приключения донна Сильвио де Розальвы» (1764).

7

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
Наиболее эффектно это проделал Готье де Мондорж в «Новой брошюре» (1746), оборвав текст на полуслове, на 188-й странице. В послесловии он объяснил, что держал пари, что напишет книгу такого размера, и теперь, выиграв, прощается с читателем. В списке опечаток он предложил публике вычеркнуть из книги все замеченные глупости.

8

Под тем же названием выходили восьмитомники в 1731–1735 и 1754–1761 гг.

9

Жизнь и творчество Лафонтена (1621–1695) – парадоксальнейшее сочетание набожности и вольномыслия. В 20 лет он хотел принять постриг, был послушником в монастыре оракторианцев. Потом учился в Париже на адвоката, подружился с молодыми поэтами, называвшими себя рыцарями Круглого стола. Молодой провинциал искал покровительства у суперинтенданта финансов Фуке, посвятил ему свои поэмы «Адонис» (1658), «Сон в Во» (1658–1661) и один из немногих сохранил верность вельможе и после его ареста. В 1664–1672 годах Лафонтен был на службе у вдовствующей герцогини Орлеанской, затем стал завсегдатаем литературного салона госпожи де Ла Саблиер. В ноябре 1683 года поэт был избран во Французскую Академию, но король утвердил его только в мае 1684 года, после избрания Буало, его вечного врага. В споре о древних и новых дружеские пристрастия тянули Лафонтена на сторону Ш. Перро, а литературные заставляли защищать античных авторов.

Лафонтен писал комедии, трагедии, поэмы, эклоги, оды, баллады, послания, рондо, создал роман со стихотворными вставками «Любовь Психеи и Купидона» (1669), но славу принесли ему два жанра, о которых даже не упоминали нормативные поэтики XVII столетия; «Басни» (1669–1694; современники упрекали их именно за то, чем так восхищались потомки, – за стилистическое богатство, разнообразие творческих манер) и «Сказки и новеллы в стихах». Первые две новеллы были опубликованы в 1664 году, затем последовали сборники 1665, 1666 и 1671 годов. Но вот «Новые сказки» (1674) были запрещены к продаже начальником полиции. И именно в те годы, когда выходили вольные сказки, оскорбляющие нравственность цензуры, высмеивавшие распутных священнослужителей, Лафонтен пишет и переводит религиозные стихи и поэмы, дружит с янсенистами из Пор-Рояля. Последние пять сказок были напечатаны в 1685 году, а за два года до смерти, во время тяжелой болезни, Лафонтен исповедался публично, в присутствии делегации от Академии, и отрекся от своих творений.

На русский язык произведения Лафонтена переводились с середины XVIII века (М. В. Ломоносов, И. А. Крылов, И. И. Дмитриев, И. Ф. Богданович, И. И. Хемницер, А. Е. Измайлов, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков и др.).

10

Сказка впервые опубликована в сборнике «Сказки и новеллы в стихах» (1671). Сюжет ее заимствован из 43-й песни «Неистового Роланда» (1516–1532) Лодовико Ариосто. Итальянская литература (Ариосто, Тассо, Боккаччо, Макиавелли) – излюбленный источник тем для Лафонтена (да и многих других французских писателей). По словам поэта, для него важна в первую очередь не новизна сюжета (он довольно точно следует тексту Ариосто), правдивость или правдоподобие его, а изящная, непринужденная манера повествования. «Это всего лишь игра», – утверждал он. Анекдотический сюжет об уехавшем муже и неверной жене, достойный средневековых фавлю, соединяется с волшебным (№ 401В, 409А, по указателю Аарне-Томпсона; животное, сыплющее драгоценностями, фея-помощница появятся через 23 года в «Ослиной Шкуре» III. Перро).

11

Как в баснях, текст предваряет мораль, пусть и шутивная. У Ариосто вступление и заключение отсутствуют.

12

Венера, Фемиды. – Сказка построена на противопоставлении любви и закона, и исход борьбы, естественно, предрешен.

13

В «новеллах» Лафонтена чаще всего действуют одни и те же персонажи: старый муж-рогоносец, любовник, всегда добивающийся успеха, похотливый монах. Все его произведения для театра были малоудачны, подлинные комедии разыгрываются в его стихах, часто использующих, отметим, форму драматического диалога.

14

Мантуя стоит на реке Минчо.

15

Атис, Кадм. – В образе главного героя соединяются две мифологические традиции. Атис (правильнее: Аттис) – фригийский бог природы, умирающий и воскресающий, его культ проник из Греции в Рим, а затем в Галлию. По свидетельству Ф. Мориака, который посвятил ему поэму «Кровь Аттиса» (1940),

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
культ Аттиса и Кибелы, богини земли, сохранялся во французской деревне еще в начале XX века. Кадм – легендарный основатель Фив, убивший дракона, сам в конце жизни превратился в змея (среди его потомков – Эдип, Этеокл, Полиник и др.). Он также связан с культом земли, плодородия (как все змеи). Через несколько лет после выхода сказки Лафонтена оба этих персонажа стали героями лирических трагедий (опер) Ф. Кино на музыку Ж.-Б. Люлли: «Кадм и Гермiona» (1673), «Атис» (1676). У Ариосто героя зовут Адонис (финикийское божество природы, во многом сходное с Аттисом). Он потомок не самого Кадма, а людей, выросших из зубов убитого дракона.

16

Манто. – По преданию, Мантуя была основана Окном, сыном провидицы Манто, внуком фиванского прорицателя Тиресия, который жил от времени Кадма до падения города (в одном из вариантов мифа он, убив змею, стал женщиной). Таким образом, в сказке сюжет как бы вспоминает свои архаические истоки: Манто помогает своему земляку, потомку фиванских царей (у Ариосто прямо сказано, что они родственники). С Фивами связана и Аржи – Аргея, дочь царя Адраста (первоначально – божества подземного мира). Ее брак с сыном Эдипа Полиником послужил причиной похода Семерых против Фив.

17

Парка. – Парки (или Мойры) – три богини судьбы, которые прядут, тянут и обрезают нить человеческой жизни. Именно к ним и восходят этимологически феи: слово это, появившееся во французском языке в начале XII в., произошло от «fata» – богиня судьбы (народная латынь).

18

...раз в неделю... становясь змеей. – У Ариосто – на седьмой день недели. Этот мотив восходит к средневековым легендам о фее Мелюзине, которая заточила в гору своего отца и за этот грех каждую субботу должна была превращаться в змею. Роман «История Мелюзины» (XIV в.) создал Жан д'Аррас, а в 1698 г. одноименную сказочную повесть написал П.-Ф. Нодо. Позднее образ мужа-змея появляется в сказке д'Онуа «Зеленый Уж» (1697), невесты-змеи Серпантинны – в анонимной сказке «Маленькая зеленая лягушка» (1731) и «Золотом горшке» Гофмана (1814–1815).

Змея часто ассоциируется с библейским змеем-искусителем, почему далее и упоминается «Люциферова пещера».

19

Атис – в паломника... – Переодевание рыцаря (паладина) в паломника – традиционный романский мотив, дошедший до «Айвенго» Вальтера Скотта (1820). Рыцарь-пилигрим Робер действует в сказке Вольтера «Что нравится дамам» (1664). В галантной французской литературе XVII–XVIII вв., рисующей священников как распутников, сакральная тема почти автоматически влечет за собой любовную.

20

...с голосом Орфея. – Миф о великом фракийском певце во многих своих элементах (в том числе в культовых мистериях) совпадает с мифом об Аттисе.

21

В XVII–XVIII вв. светские люди (а особенно дамы) вставали весьма поздно – тем более с точки зрения крестьян, привыкших подчиняться световому дню, а не часам. Прием посетителей в постели или за утренним туалетом – обычное поведение для аристократа.

22

Подобная сцена вечернего соблазнения стала общим местом в культуре рококо, в том числе – в галантных сказочных повестях.

23

Волшебные замки в сказках обычно списаны с королевских, с Версаля или, как в оригинале, – с Лувра.

24

...зол на вид и хил. – У Ариосто и Лафонтена – «копия Эзопа». Смешивая итальянские и французские реалии (Мантуя – Лувр, дукаты – пистолы), напоминая о своем «учителе»-баснописце, Лафонтен усиливает атмосферу литературной игры.

25

Ганимед – подросток, любимец Зевса, взятый им на небо за необыкновенную красоту. Фавориты («миньоны») были у французского короля Генриха III.

26

Спор с читателем, обнажающий «литературность» произведения, «проигрывающий» различные варианты сюжета, – характерный прием легкой поэзии барокко, культуры рококо. Впоследствии его активно использовал А. С. Пушкин («Евгений Онегин», «Домик в Коломне»), применил в «Что делать?» Н. Г. Чернышевский.

27

Мари Катрин Лежюмель де Барневиль (ок. 1650–1705), происходившая из знатной

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
нормандской семьи, от отца-военного унаследовала страсть к путешествиям, от тетки – к сказкам, а от матери – к любовным приключениям. Уже в 16 лет родители были вынуждены подыскать ей мужа – 46-летнего судейского, Франсуа де Ла Мота, купившего баронство д'Онуа (его графский титул оспаривали, и потому одни исследователи называют Мари Катрин баронессой, другие – графиней). Несмотря на прелестных детей, брак не был удачным. Спустя три года Мари Катрин с помощью матери и двух их любовников обвинила мужа в государственной измене и оскорблении величества. Барона д'Онуа отправили в Бастилию, но мужчины, не выдержав допроса с пристрастием, сознались в оговоре и были казнены. Женщины чудом спаслись. Мать и дочь долго жили при английском и испанском дворах, пользуясь постоянным успехом у многочисленных поклонников. Д'Онуа сумела использовать свой незаурядный дар интриганки для выполнения тайных дипломатических поручений и получила негласное королевское прощение. Спустя 15 лет она вернулась на родину – уже после кончины спившегося вконец мужа. Ее литературный салон, завсегдатаями которого были принцесса Конти, графиня де Мюра, Леритье де Вилландон, славился своими сказками. В знак признания писательских заслуг д'Онуа избрали в падуанскую Академию Риковрати. Большой популярностью пользовались роман «История Иполита, графа Дугласа» (1690), многочисленные тома сказок. Но ее «Мемуары испанского двора» (1690), «Путешествие в Испанию» (1691), «Мемуары французского двора» (1692), «Мемуары английского двора» (1695), «Тайные мемуары принцев» (1696) – громоздкие компиляции с многочисленными ошибками – вызвали недоверие у читателей, заставили критиков сомневаться, была ли она вообще в Испании. В конце жизни литературные успехи вновь омрачило уголовное дело – ее подруга, жена советника Тике, отравила мужа, недовольного ее изменами. Правда, доказать причастность д'Онуа не удалось. В историю французской литературы Мари Катрин д'Онуа вошла как ведущая сказочница конца XVII века. К сожалению, она несколько потерялась в тени Шарля Перро. Если в XVII-XVIII веках она еще могла соперничать с ним в популярности, то в XIX-XX веках ее творения зачастую издавались только как дополнения к «Сказкам матушки Гусыни». В России первые переводы появились в 1779 году («Басня о Белой Кошке», «Сказочка о померанцевом дереве и пчеле»).

28

Сказка вошла в четвертый том «Волшебных сказок» д'Онуа, вышедший, в отличие от трех предыдущих, не в 1697, а в 1698 году. Несмотря на то, что отдельные мотивы ее часто встречаются в фольклоре (слишком разборчивая невеста, ребенок, обещанный чудовищу), и сюжет, и стилистика ее чисто литературные.

29

Традиционный сказочный мотив, имеющий реальную основу – сватовство по портрету, распространенное в средние века, сохранилось еще и в XVIII в.

30

Хотя Желтый Карлик изображен как дух дерева (дриада), и облик, и волшебные свойства его скорее характерны для гнома, правителя подземного царства (см. «Белую Кошку» д'Онуа, «Рике с хохолком» К. Бернар). Дерево в мифологии, как правило, выполняет функции медиатора между нижним и верхним миром. Потому так часто встречается в сказочной и фантастической литературе потайной ход внутри дерева (замена путешествия по ветвям), ведущий в иное пространство: от Л. Левек («Принц Невидимка», 1722) и К. Линто («Принц Искренний», 1735) вплоть до Ж. Рея («Сокровище замка Стритхем», 1932) и А. Линдгрэн («Пеппи длинныйчулок», 1945-1952).

31

Подобная двойственная ситуация (которая чуть позже повторится с принцессой) – отказ героя поверить в происходящие с ним волшебные события, восприятие их как сна, наваждения – принципиально невозможная для традиционной сказки, будет центральной для романтической фантастики.

32

Выбор принцессы получает двойную мотивировку: мифологическую (король подземных кладов – высокий двойник Желтого Карлика) и литературную (для этой эпохи представление о счастье неотделимо от идеи богатства).

33

Стихи в сказке переведены Н. Шаховской.

34

Алмазные туфельки Красавицы – еще один аргумент против попыток некоторых исследователей «расколдовать» башмачки Золушки, превратить их из хрустальных в меховые.

35

Тисифона – одна из трех Эриний, богинь мщения, обитательниц Аида (две другие, Алекто и Мегера, упоминаются ниже).

36

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
После разлуки влюбленных сюжет, как обычно в литературных (но не фольклорных!) сказках, удваивается: оба героя должны парировать посягательства на их добродетель. Эта схема, пришедшая из романов (она была воспринята барочным романом из греческого), станет ведущей для галантной сказочной повести 1730 – 1740-х гг. В литературной сказке возрождаются архаические представления о необходимости обрядов восстановления плодородия, эротических способностей мужчины и женщины, которые в древности осуществляла старуха (богиня подземного мира), ритуальной дефлорации.

37

Хороший пример «научной фантастики», сбывшейся после изобретения лазера (по легенде, которую Перро, ссылаясь на Декарта, опровергал в «Параллели между древними и новыми», еще Архимед спалил неприятельский флот с помощью зажигательных стекол). Далее появится и «лазерный» меч (алмазная шпага) – любимое оружие героев «Звездных войн».

38

Венецианские зеркала во весь рост, вошедшие в моду при кардинале Мазарини, считались большой роскошью (см. «Синюю Бороду» Ш. Перро).

39

Сирена. – Чтобы победить духов земли (Фею пустыни и Желтого Карлика), герой должен получить помощь духа воды.

40

Подобный конец, характерный для этиологических легенд («Метаморфоз» Овидия), достаточно обычен для д'Онуа – в голубя и голубку превращаются герои ее одноименной сказки. Возможна здесь и литературная реминисценция – так переплетались ветви на могиле Тристана и Изольды. В более поздних литературных сказках подобные «этиологии» почти всегда шуточные, пародийные.

41

Сказка впервые была опубликована во втором томе сборника д'Онуа «Новые сказки, или Модные феи» (1698). В ней использован фольклорный сюжет № 402 (подобная «чудесная супруга» в славянской традиции обычно «царевна-лягушка», во французской – «принцесса-мышка»). Кошка-помощница действует в «Приятных ночах» Страпаролы (ночь 2, сказка 1) – источнике сказки «Кот в сапогах» Ш. Перро.

42

Теорба– род лютни с более низким звучанием.

43

Разрисованные прозрачные стены с подсветкой – едва ли не первый проект создания мультипликации (сказочной, разумеется). Ниже перечисляются произведения самой д'Онуа («Померанцевое дерево и пчела», «Миляна и Персине», «Зеленый Уж», «Принц Непоседа»), Ш. Перро («Ослиная Шкура», «Спящая красавица»), Леритье де Вилландон («Приключения Вострушки, или Ловкая принцесса»). Этот прием локализации своих героев в сказочном мире станет почти обязательным в волшебных повестях XVIII в.

44

Стихи в сказке переведены Н. Шаховской.

45

В XVIII в. главным «специалистом по котам» был автор сказок и пьес, академик Ф.-А. Монкриф, написавший «Историю кошек» (1727; иллюстрации к ним создал граф де Келюс). Здесь и далее, перечисляя котов и крыс, д'Онуа использует персонажей средневековых сказаний, популярных лубочных картинок («Битва мышей и кошек»; «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле (1533–1552), басен Лафонтена (немного изменяя сюжеты и имена), «Кота в сапогах» Ш. Перро.

46

Архаическую мифологию и автор, и его герои воспринимают и оценивают в терминах мифологии христианской. Так, далее, непреодолимое желание королевы отведать яблок из чудесного сада, охраняемого драконом (змеем), изображается как проступок праматери Евы. Но надо учитывать, что кошка (кот) в большинстве мифологических традиций (вплоть до булгаковского кота Бегемота) предстает как воплощение эротического начала, как прислужник дьявола (ср. у д'Онуа «колдуны, превращенные в котов», «шабаш», «нечистая сила»).

47

Деревянного коня. –Летающий деревянный конь известен по сказкам «1001 ночи», позднее переведенным на французский А. Галланом.

48

Дон-Кихот. –Опять-таки, как в «Желтом Карлике», герой нарушает правила сказки, пытаясь не подчиниться ее законам, защищаясь литературными реминисценциями. О дальнейших использованиях в сказках XVIII в. образа Дон-Кихота см. вступит, статью.

49

...выпил вина и тотчас забыл... –Традиционный мифологический мотив – человек, вкусивший волшебный напиток (пищу мертвых), забывает о мире живых. И всегда в этой «Стране Блаженства» (как называлась самая первая сказка д'Онуа) время идет быстрее.

50

Рубака и Отшельник –персонажи басен Лафонтена «Война крыс и ласок», «Крыса, удалившаяся от света».

51

...нанести ей урон. –Описывая быт и нравы кошачьего царства, д'Онуа использует прием остранения современной действительности, столь характерный для эпохи Просвещения. А Белая Кошка действительно была мудрым политиком – ее рецепт сохранения врагов для поддержания духа народа потом использовался в «1984» Дж. Оруэла (1949), «Кроliках и удавах» Ф. Искандера (1987).

52

Второй ход сказки использует как фольклорные мотивы («обещанный ребенок»), так и литературные (сходный сюжет – в упоминавшейся выше сказке Леритье «Ловкая принцесса»).

53

Сказочные старухи (как баба-яга) обычно наделены сверхострым обонянием потому, что они... слепы.

54

Подзорная труба. –Характерное для литературных сказок сочетание новых реалий с волшебным миром.

55

Так же описывается и фея пустыни в «Желтом Карлике».

56

...небом, землей, огнем и водой... – то есть всеми четырьмя стихиями.

57

Пенелопа. – Спомощью литературных реминисценций (сказки XVII в., Сервантес, Гомер) произведение как бы указывает читателю контекст восприятия, свои жанровые истоки.

58

По литературным нормам XVII–XVIII вв. подобный тайный брак обязательно вел к беде.

59

Удвоение мотивов (2 нарушения повелений фей – матью и дочью, 2 заточения в башню, 2 вмешательства дракона) приводит к двойничеству героев – явлению, характерному для романтической фантастики (в подобных ситуациях оно, как правило, символизирует вечность любовного чувства).

60

У бедной провинциалки Катрин Бернар(1662–1712), племянницы Корнеля и кузины Фонтенеля (который, как поговаривали, был ее постоянным соавтором), был один путь преуспеть в жизни – литературная карьера. Она писала трагедии и комедии, выпустила цикл романов под общим названием «Горе от любви». Дважды она получала премии Французской Академии за поэтические произведения, падуанская Академия Риковрати избрала ее в число своих членов. В романе «Инесса Кордовская, испанская новелла» (1696) Бернар, рисуя нравы Испании XVI века, берет за образец Францию XVII века – супруга Филиппа II Елизавета Французская предлагает придворным дамам новое развлечение: сочинять по очереди галантные истории, где события будут неправдоподобны, зато чувства – естественны. Обе вставные сказки, «Принц Розовый куст» и «Рике с хохолком», варьируют тему основного повествования: неудачная любовь, вынужденный брак с нелюбимым человеком. Они как бы предсказывают дальнейшие трагические события.

Последующая литературная судьба Катрин Бернар сложилась неудачно. Ее психологические романы (по сути – перепевы ситуации «Принцессы Клевской» госпожи де Лафайет, 1678) были забыты. Вместо авторского варианта «Рике с хохолком» перепечатывалась его анонимная переработка «Кадур» (1718, 1731, 1785 – см. примечания к сказке «Маленькая зеленая лягушка»). «Рике с хохолком» Ш. Перро, вышедший годом позже романа «Инесса Кордовская», вытеснил сказку Бернар. Ни фольклорный, ни литературный источник сюжета не обнаружены; возможно, оба автора ориентировались на бытовавший в салонах устный рассказ. Но, как показала французская исследовательница Ж. Рош-Мазон, Перро использовал вариант Бернар. Придав литературному тексту фольклорный вид, он создал новую сюжетную модель, послужившую образцом для многочисленных подражаний – настолько удобна она была для дидактической просветительской прозы, оперировавшей четкими оппозициями. Традиционный внешний источник конфликта – борьба умных и красивых героев с глупыми и уродливыми соперниками – сменился внутренним: противопоставлением умного уродства и глупой красоты. Как правило, конфликт разрешался обретением

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
героями своего идеального «сказочного» вида (как у Перро, Келюса, Вольтера), реже – награждением каждого по заслугам («Тернинка» Гамильтона), но никогда – так новеллистически парадоксально, как у Бернар.

61

Сеньор из Гренады. – Сказку рассказывает испанка Леонора да Сильва.

62

Сущий уродец. – Главным источником сведений о гномах (и других стихийных духах) была книга Н. Монфокона де Виллара «Граф Габалис» (1670).

63

Рике с хохолком – имя героя, возможно, происходит от нормандского «riquet» – уродливый, горбатый. Другое объяснение – сокращение от имени Анрике.

64

Науку страсти – сама идея весьма характерна для галантной литературы – вспомним новеллу Лафонгена «Как умнеют девушки» (1674). Но особенность литературных сказок состоит в том, что любовь, как правило, борется с волшебством и чаще всего (но, увы, не в этот раз) побеждает.

65

Академик Шарль Перро (1628–1703), как и его братья (самый известный из них Клод Перро – архитектор, врач, математик, естествоиспытатель, член Академии наук), был разносторонне одаренным человеком. Он знал толк в юриспруденции, строительстве, денежных операциях. Он сделал карьеру, став доверенным лицом всесильного министра финансов Кольбера, но был отстранен от дел после его смерти. Первые литературные произведения – галантные и сатирические поэмы – большой славы автору не нискали. Но вот выход в свет в 1687 году поэмы «Век Людовика Великого» ознаменовал начало ожесточенной литературной борьбы сторонников древних и новых авторов. В поэме и в диалогах «Параллель между древними и новыми» (1688–1697) Перро в противовес Буало отстаивал необходимость и возможность прогресса в искусстве, защищал достоинства современных писателей в сравнении с античными. Логическим развитием этих идей стал большой труд «Знаменитые люди Франции нынешнего века» (1697–1700).

Но бессмертие академику принесли не поэмы и не ученые сочинения, а произведения, которых он, по правде говоря, немного стыдился, – волшебные сказки. Лишь первые три, написанные в стихах, он признал за свои. Четвертую Перро выпустил анонимно, а затем укрылся под именем сына, Перро д'Арманкура (1678–1700), который, возможно, и помогал отцу сочинять сказки, но сам литературным даром не обладал.

«Сказки матушки Гусыни» оказались в стороне от основной линии развития французской литературной сказки, которая вела к волшебным повестям и романам. Именно эта самобытность и предопределила их огромную популярность. Творения Перро оказались гораздо ближе к фольклорным образцам, чем их непосредственные литературные источники. «Золушка», «Кот в сапогах», «Красная Шапочка», «Мальчик с Пальчик» вновь превратились потом в народные сказки в странах Европы, Азии, Африки. Они стали восприниматься как архетипические, универсальные повествовательные модели. Не случайно именно на их материале французский фольклорист Пьер Сентив в 1923 году показал архаические корни волшебных сказок, впервые выдвинул гипотезу об их связи с обрядом инициации.

Но постоянные переиздания и переводы (а точнее – пересказы), сделавшие Перро классиком детской литературы, погубили взрослого писателя. Концовки сказок, да и сюжеты изменились, стихотворные морали исчезли. Пропал второй план – ироничная галантная игра, сочетающаяся с нагнетанием страха, жестокости; сказки обрели такой вид, как если бы их действительно написал подросток, сын Шарля Перро.

В России сказки Перро трижды издавались в XVIII веке – 1768, 1781, 1791. Велика была их сценическая популярность, если судить по книге «Волшебные сказки, или Приятное занятие от нечего делать. Сочинения Перольта, из которых взяты оперы и балеты, представляемые на Императорских театрах. Перевел с французского Московского Императорского Театра актер Баранов» (1825). «Кота в сапогах» перевел В. А. Жуковский. Но только после того как И. С. Тургенев пересказал произведения Перро в духе русских народных сказок (книга вышла в 1867 г. со знаменитыми иллюстрациями Густава Доре), они обрели в нашей стране широкого читателя. С тех пор вышли сотни изданий, десятки новых переводов, но первый филологически точный появился лишь в 1936 году.

66

Сказка впервые опубликована в 1694 году в одном сборнике вместе с «Терпением Гризельды» и «Смешными желаниями». Этот фольклорный сюжет (№ 510В; его варианты встречаются в Северной Африке и Индии) был настолько популярен во Франции, что «Ослиная Шкура» в XVI–XVII веках практически была синонимом слова сказка (впервые она упоминается в «Деревенских шуточных

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org беседах» Ноэля дю Файля, 1547). Среди литературных источников, которые мог знать Перро, средневековые романы «Прекрасная Елена Константинопольская» и «Персефоре», «Приятные ночи» Страпаролы (1,4), «Пентамерон» Базиле (11,6), «Новые забавы» Бонавентуры Деспьерье (СХХІХ). Анонимный прозаический пересказ сказки Перро впервые был опубликован в 1781 году. Целый ряд мотивов совпадает с «Золушкой», которая и оттеснила «Ослиную Шкуру» на второй план.

67

Греки-медики. –В оригинале имеются в виду дипломированные врачи, сдавшие экзамен по сочинениям грека Гиппократ. Они противопоставлены шарлатанам – знахарям, столь же популярным тогда при дворе, как ныне – экстрасенсы.

68

Того же цвета и Синяя птица у д'Онуа.

69

Родитель пышный фазтона –Гелиос, бог Солнца. С V в. до н. э. отождествляется с Аполлоном.

70

Столь скромное омовение вполне в духе времени. «Чистота белья, которое имеется у нас в изобилии, что избавляет нас от обязанности то и дело мыться, поистине невыносимой повинности, стоит всех бань на свете», – утверждал Перро в «Параллели между древними и новыми». В соответствии же с алхимической трактовкой сказки (ослиная шкура, рождающая золото) описание принцессы, измазанной сажей, терзаемой прислугой (адептами), раскрывает первую, Черную стадию Великого деяния.

71

Яблоко Париса.

72

Эта самая литературная и «взрослая» сказка Перро также написана на фольклорный сюжет (№ 312А). В ней соединились архаические мотивы брака-смерти, ритуального жертвоприношения, бретонская легенда о святой Трофимии и традиционные литературные ситуации (наказанное любопытство, нарушение запрета, ревность) и реальная история Жилья де Ре (1404–1440), прозванного в народе Синей Бородой, – маршала Франции, сподвижника Жанны д'Арк, казненного за занятия черной магией, насилия и убийства сотен детей. Как писал французский литературовед Э. Дешанель, «сказка Перро, которая начинается как комедия, а кончается как трагедия, заставляет вспомнить драмы Шекспира: кровь, что никак не может смыть с рук леди Макбет, развязку «Отелло»: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» К сюжету «Синей Бороды» много раз обращался маркиз де Сад (наиболее яркий пример – новелла «Факзеланж», 1799). Всего же эта сказка вызвала около полусотни переработок и подражаний (причем во многих Синяя Борода изображен как положительный герой): комедия Седена «Рауль Синяя Борода» на музыку Гретри (1789), комедия Л. Тика «Рыцарь Синяя Борода» (1797), опера-буфф Ж. Оффенбаха «Синяя Борода» (1866; либретто А. Мейяка и Л. Алеви), впоследствии превращенная М. Фокиным в комический балет, драма М. Метерлинка «Ариадна и Синяя Борода» (1902), положенная на музыку П. Дюкасом (1907), опера Б. Бартока «Замок Синей Бороды» (1911), рассказ А. П. Чехова «Мои жены (Письмо в редакцию – Рауля Синей Бороды)» (1885), сказка А. Франса «Семь жен Синей Бороды» (1909).

73

Описывая богатства Синей Бороды (а Жиль де Ре был несметно богат), Перро показывает и реалии конца XVII в. (мода на загородные домики, огромные зеркала, обстановка, напоминающая королевский дворец в Версале) и приметы «былых времен» – до того, как Людовик XIV издал законы против роскоши, дабы изыскать средства на военные расходы.

74

Рукописный сборник «Сказки матушки Гусыни» (куда вошли «Спящая красавица», «Красная Шапочка», «Синяя Борода», «Кот в сапогах», «Волшебницы»), посвященный племяннице Людовика XIV, был ей вручен от имени Перро д'Арманкура в 1695 году. Через два года он был опубликован парижским издателем Клодом Барбеном под названием «Истории, или Сказки былых времен» (были еще добавлены сказки «Золушка», «Рике с хохолком», «Мальчик с Пальчик»; название «Сказки матушки Гусыни» сохранилось на гравюре на фронтисписе книги), в том же 1697 году четырежды переиздан. Ш. Перро первый обработал этот фольклорный сюжет (№ 333). В народной традиции встречаются и другие варианты финала: охотники убивают волка, спасают бабушку и внучку (самый распространенный), или девочка убегает. Последующие переделки сказки весьма многочисленны (в первую очередь в детской литературе, начиная с братьев Grimm, пересказавших большую часть сюжетов, использованных Перро). Отметим небольшую пьеску Людвиг Тика «Жизнь и смерть Красной Шапочки», шутивно-эротическую трактовку сюжета современным бельгийским писателем Ж. Луме (сказка «Красная Шапочка»),

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
комедию Л. Петрушевской «Птица-чайник».

75

Род накидки, вышедшей уже из моды в конце XVII в. и ставшей головным убором простонародья.

76

Мадемуазель де Ла Форс (1646? – 1724) происходила из древнего и богатого дворянского рода. Но, младшая из четырех дочерей маркиза де Капельморона, она была бедна да к тому же и некрасива. Ей приходилось рассчитывать только на свой ум, обаяние, темперамент и неукротимую энергию. Приехав в Париж, она добилась места фрейлины, королевского пенсионера и пустилась во все тяжкие. Громкие светские скандалы раздражались один за другим. Среди ее многочисленных любовников были дофин, маркиз де Нель, актер Барон. Жизнь Ла Форс превратилась в авантурный роман. После многочисленных приключений (разлуки, заточения, переодевания, побеги) она сумела тайно обвенчаться в 1687 году с совсем юным Шарлем Бриу, наследником огромного состояния. Но его семья возбудила уголовный процесс и сумела через два года признать брак недействительным.

Ла Форс ничего не оставалось, как искать счастья в литературе. Она написала «Тайную историю Марии Бургундской» (1694), «Тайную историю любовных приключений Генриха IV» (1695), «Тайную историю Катрин де Бурбон, герцогини де Вар» (1703), исторический роман «Густав Ваза» (1698) и другие. Но за легкомысленные стихи, которые ей приписывались, Людовик XIV отправил ее в монастырь.

77

Сказка была опубликована в сборнике Ла Форс «Сказки сказок» (1697). Ее сюжет – уникальный пример непосредственной переработки рыцарского романа (а не довольно частого использования отдельных мотивов). В авторском предисловии говорится: «Волшебник» заимствован из старинной готической книги под названием «Персеваль». Мы исправили многие обстоятельства, несовместные с нашими нравами, кое-что добавили, некоторые имена изменили». Источник сказки – не сам роман Кретьена де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале» (ок. 1181–1191), оставшийся незавершенным, а его анонимное продолжение (XII в.). Изменения, внесенные Ла Форс, не столь уж значительны: писательница смягчает «неприличные» эпизоды и подправляет финал. Нет никакого иронического «остранения» событий (столь характерного, скажем, для Перро), в текст почти не проникают реалии XVII века (лишь однажды упоминаются комедии и оперы). Основу сюжета составляют древние архетипические мотивы: подмена мужа в первую брачную ночь, бой отца с сыном, испытание на отсечение головы, купание в молоке, дающее второе рождение.

78

Это имя встречается в романах Круглого стола, но в тексте, послужившем источником сказки, волшебник зовется Элиавресом. Добрый Король – это король Артур; король, муж Изены, – король Нанта.

79

В рыцарском романе волшебник в первую ночь заменяет королеву собакой, во вторую – свиньей, в третью – лошадью.

80

В эпизоде соединяются сказочные («Спящая красавица») и романские мотивы: сон дамы (зачастую притворный), провоцирующий кавалера, – «общее место» прозы XVII и, особенно, XVIII в.

81

Ла Форс включает в сказку подлинные старинные стихи.

82

Писатель и религиозный деятель, архиепископ Камбре Фенелон (1651–1715) главные свои произведения: роман «Приключения Телемака» (1693–1694; опубликован в 1699 без ведома автора), «Диалоги древних и новых мертвых» (опубликованы в 1712), «Басни» (опубликованы в 1718) – создал в 1690-е годы для своего воспитанника, герцога Бургундского, внука Людовика XIV. Малолетним принцам свои сочинения адресовали многие: так, Лафонтен посвятил первые шесть книг своих «Басен» (1668) дофину, сыну Людовика XIV, а последнюю, двенадцатую книгу (1694) – герцогу Бургундскому. Но только Фенелон, духовный пастырь, наставник по призванию, автор трактата «О воспитании девиц» (1687), сумел создать теоретическую и практическую программу воспитания просвещенного монарха. Он осуждал произвол королей и их фаворитов, призывал каждого, от правителя до последнего подданного, выполнять свой долг человека и христианина, проповедовал смирение, идеалы разумной «естественной» жизни. Но в 1699 году его религиозные сочинения были осуждены и запрещены Ватиканом, а Людовик XIV, усмотрев в «Приключениях Телемака» критику своего царствования, наложил арест на издание и сослал автора в Камбре. Последние надежды Фенелона рухнули в 1712

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
году после смерти его бывшего воспитанника – Людовик XIV пережил своего внука.

И хотя Фенелон был человеком старых, во многом консервативных взглядов, его книги оказали огромное влияние на европейское Просвещение, воспитали несколько поколений литераторов, педагогов, философов. Многие его идеи были развиты Ж.-Ж. Руссо, подхвачены деятелями Великой французской революции. «Басни» впервые были переведены на русский язык в 1768 году.

83

В своей антиутопии, убеждающей, что счастье – не в изобилии, а в умеренности, Фенелон полемически использует фольклорные описания Страны Лентяев, книгу Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Подобный способ «доказательства от противного», волшебного (зачастую гротескного) преувеличения, характерный для большинства фенелоновых «Басен», возьмут на вооружение его последователи, авторы дидактических трактатов и сказок Ф.-А. Монкриф и М. Лепренс де Бомон.

84

... – жители города по положению равны. – Но на самом деле это чисто аристократическая республика: на острове Утопия, описанном Томасом Мором, трудились рабы, у Фенелона их заменили эльфы.

85

Одно из ранних упоминаний телепатии – традиционного мотива современной научной фантастики и околонуучного фольклора.

86

В XVIII в. иезуит Л.-Б. Кагель (1688–1757) предложил проект создания цветного клавесина. Идея цветомузыки так понравилась Дидро, что он посвятил ей главу в сказочном романе «Нескромные сокровища» (1748), разрабатывал ее во многих философских сочинениях.

87

Описанная Фенелоном картина, восходящая к комедиям Аристофана «Лисистрата» (411 до н. э.), «Женщины в народном собрании» (392 до н. э.), возможно, высмеивает «феминизацию» французского общества XVII в. Подобные мотивы позднее возникают в философских комедиях Мариво («Остров Разума, или Маленькие человечки», 1727; «Новая колония, или Лига Женщин», 1729), сочувственно относившегося к идеям женской эмансипации, в сказках «Приключения Абдаллы» Ж.-П. Биньона (1712–1714), «Приключения Зелойды и Амазарифдира» Ф.-А. Монкрифа (1715).

88

Пети де Ла Круа (1653–1713) происходил из семьи потомственных востоковедов. С 1670 по 1680 год по поручению Кольбера он путешествовал по странам Востока, собрал большую коллекцию книг, рукописей и редких документов, обогативших королевскую библиотеку. В 1687 году он был назначен переводчиком в Морское министерство, с 1692 года начал преподавать арабский и читать лекции в коллеж де Франс с 1695 года стал королевским секретарем-переводчиком. Ездил с дипломатическими миссиями в Турцию, Марокко, другие африканские страны. Перевел на французский язык историю жизни Тамерлана, а на персидский – «Историю Людовика XIV в памятных медалях», подаренную шаху в 1708 году.

Ф. Пети де Ла Круа дружил со своим коллегой Антуаном Галланом, переводчиком «1001 ночи» (по некоторым сведениям, он перевел «Синдбада-морехода» еще до него, в 1701 г.). Под влиянием огромного успеха первых семи томов «1001 ночи» Пети де Ла Круа выпустил «Историю персидского султана и его визирей, турецкие сказки» (1707), а затем, совместно с А.-Р. Лесажем, – «1001 день» (5 томов, 1710–1712). По вине издателя, две сказки из этого сборника были включены в 8-й том «1001 ночи» (1709), чем Галлан был крайне недоволен. Большую часть сказок Пети де Ла Круа перевел со слов дервиша Мохлиса, подобно тому, как Галлан в те же годы, окончив перевод имевшейся у него рукописи XV века (на арабском «1001 ночь» была опубликована только в XIX в.), записывал далее рассказы маронита Ханны из Алеппо. Сборник «1001 день, персидские сказки» (куда вошла «История Малека и принцессы Ширин») впервые был переведен на русский язык М. И. Поповым в 1778–1779 году.

89

Сюжет послужил источником сказки Х.-К. Андерсена «Сундук-самолет».

90

Для французов XVII–XVIII вв., воспитанных на идеях Декарта (считавшего и весь мир, и живые существа сложно организованными машинами), характерен интерес к сложным механизмам. Наиболее ярко он проявился в работах знаменитого инженера Жака де Вокансона (1709–1782), создавшего не только новое поколение станков современного типа, но и автоматы, имитирующие людей («Флейтист», 1737; «Барабанщик», 1738) и птиц («Утка», 1738).

91

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
У Магомета (ок. 570–623), основателя ислама, было 15 жен. Архаический мотив о браке бога и смертной женщины (известный и в античности, и в христианстве) превращается в историю обманщика – как в «Декамероне» Боккаччо. Во французской литературе XVIII в. пользовался популярностью аналогичный сюжет о муже-сильфе (анонимная повесть 1714 г.; новеллы Кребийона, 1730; Мармонтеля, 1763, и др.).

92

Шотландский дворянин Антуан (Энтони) Гамильтон (1646–1720) родился в Ирландии. Детство он провел во Франции – его родители эмигрировали после казни Карла I. На родину он вернулся только в 1660 году, после коронации Карла II. После того как его сестра вышла замуж за шевалье де Граммона (по преданию, два брата Гамильтона настигли сбежавшего от невесты жениха уже на французской земле. «Сударь, вы ничего не забыли в Лондоне?» – вскричали они «Простите, господа, я забыл жениться на вашей сестре»), Антуан Гамильтон стал подолгу жить во Франции. Когда же король Иаков II лишился престола и был вынужден пересечь Ла-Манш, Гамильтон последовал за ним.

Все свои произведения, стихотворные и прозаические, он создал на французском языке, которым блестяще владел. Самое значительное из них – «Мемуары графа де Граммона» (1715) – авантюрный нравоописательный роман, написанный им по рассказам шурина. Волшебные сказочные повести он начал сочинять, скорее всего, в 1705 году, когда все придворные дамы наперебой восторгались сказками «1001 ночи», только что переведенными Галланом. Гамильтон побился об заклад, что напишет не хуже. Установка на пародийность придала волшебным событиям необходимую толику иронии, раскрепостила авторскую фантазию. Правда, писатель не всегда справлялся с условиями им самим созданного жанра: комедийно переусложнив композицию «Четырех Факарденов», он так и не смог закончить сказку.

93

Как и другие сказки Гамильтона («Барашек», «Четыре Факардена», «Зенеида»), она была впервые опубликована уже после его смерти, в 1730 году.

94

Галантные восточные сказки XVIII в. заимствовали у Гамильтона не только сам принцип пародийного оформления, взаимодействующего с основным текстом, но и его основных персонажей – глупого султана, любителя сказок, играющего роль «проницательного читателя», и мудрой султанши (Кребийон, «Софа», 1741; Дидро, «Нескромные сокровища» и «Белая птица», 1748, и др.).

95

Во вступлении к «1001 ночи» рассказывается, как султан, удостоверившись в неверности своей супруги, решил мстить всем женщинам – существам хитрым и лживым.

96

Сказка, написанная на спор, сама строится как пари, заключенное героями. Дуньязада ведет с султаном ту же игру, что автор – с читателями.

97

Нуину. – У Гамильтона герой зовется Тарар (производное от припева «тарарам-пам-пам», почему все и повторяют это слово). В опере «Тарар» (1784; поставлена в 1787, музыка Сальери) Бомарше сделал шуточный прием Гамильтона источником развития действия: каждое повторение имени героя кардинально меняет ситуацию (основной сюжет пьесы заимствован из персидской сказки «Садак и Каласрад»).

98

Стихи в сказке переведены Н. Шаховской.

99

Представление о том, что рабыни-черкешенки – самые красивые, распространенное в Европе в XVII–XVIII вв., сохранялось еще и в XIX в. (в романтических восточных поэмах) и даже в начале XX в. (в произведениях массовой литературы). Живым доказательством этого мнения была черкешенка Аиссе (1693–1733), купленная французским послом, графом Ферриолом, у турок. Ее ум и красота произвели сенсацию в парижских салонах. Знаменитые «Письма» мадемуазель Аиссе были опубликованы в 1787 г.

100

Ж.-Ф. Лагарп, строгий ценитель, восхищался тонкостью психологического анализа в сказке Гамильтона, считал эту любовную сцену едва ли не лучшей во французской литературе.

101

Подобная «стратегия» ляжет в основу «науки соблазнения», теории «момента», которой с успехом пользовались и петиметры Кребийона, и либертены Лакло.

102

Одно из условий литературной игры – нарушение собственных правил: Гамильтон «забывает», что это – рассказ Дуньязады султану.

103

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
Волшебство действует не только на героев, но и на слушателей, выходит за рамки сказки.

104

Пародия обычно помогает жанру осмыслить свои собственные правила. Рассуждения о поэтике сказки будут вводить в свои произведения и Кребийон, и Дидро, и Руссо.

105

Если исходить из логики сказки, то кажется странным, что со злой волшебницей можно так легко расправиться, но в XVII в. колдуний вовсю сжигали на кострах.

106

В сказочной повести «четыре факардена».

107

Луиза Кавелье, (1703–1743? 1745?) дочь прокурора руанского парламента, была замужем за гвардейцем Левеком. Она писала стихи и поэмы (галантные, бурлескные и религиозные), комедии («Счастливая любовь») и оперы («Юдифь»), повести и романы («Селени, аллегорическая история», 1732; «Лилия, или История Карфагена», 1736; «Наш век, или Мемуары графа де Соленвиля», 1736). «Роман, – утверждала она, – должен быть как прекрасный цветник, радующий взор своим разнообразием. В нем можно критиковать нравы, прославлять добродетель, говорить о любви, но о любви чистой и благородной. Диалоги должны быть живыми и не слишком долгими, стиль – соответствующим теме, и, главное, весь рассказ должен покоиться на добрых чувствах». Современному читателю это эстетическое кредо может показаться банальным, но для той эпохи, когда роман, уже ставший самым популярным жанром, по-прежнему критиковался всеми за вымышленность и неприличность событий, оно было достаточно смелым. Любимым романом Левек был «Дон-Кихот» Сервантеса – ему посвятила она «Критические заметки», написала поэму «Губернатор Санчо Панса» (1738).

108

Сказка была опубликована вместе с другой, «Принц Невидимка», в 1722 году. На русский язык переводилась только вторая – «Сказка Невидимый принц, или Волшебные приключения и хитрые обороты, производимые сим принцем посредством волшебного камня. Переведена с французского Александром Астафьевым» (1793).

109

Левек ориентируется на рассказы о подлинных путешествиях, и потому ее дикари так не похожи на литературных туземцев эпохи Просвещения, живущих мудрой «естественной» жизнью.

110

Описание, обряда, конечно же, не претендует на этнографическую точность, это сознательное нагромождение ужасов (которое позднее будет свойственно «готическому роману»), но сам принцип коронавания как ритуального кровавого жертвоприношения (смерть – необходимое условие воскресения) передан верно.

111

Помимо древних мифологических персонажей, убивающих взглядом (Горгона, Вий и др.), стихийных духов, упомянутых в «Графе Габалисе», у принца Аквамарина есть и более близкий литературный предшественник – принцесса Лучезара из «Тернинки» А. Гамильтона.

112

Левек строит повествование по образцу барочных романов, подражавших романам греческим: действие начинается с середины, а вставной рассказ возвращает к началу; временной отрезок в год механически заполняется пространственными перемещениями; ситуации меняются с помощью бурь, кораблекрушений, нападений пиратов и пр.

113

Этот мотив – столкновение с потусторонним миром – страшнее смерти – широко распространен в современной «черной» фантастике.

114

По сути, идеальный остров Белой Магии подчиняется тем же законам, что и его антипод, остров дикарей.

115

Пришедшие в храм Морфея видят вещие сны под воздействием опиума.

116

Левек старается использовать весь диапазон жанровых возможностей: авантурный любовный роман, волшебная сказка, утопическая, аллегорическая. В этом эпизоде, где фея предстает как богиня Венера, многие мотивы совпадают с аллегорической повестью Монтескье «Книдский храм» (1725).

117

Эта сказка, как и «Маленькая зеленая лягушка», была опубликована в анонимном «Новом сборнике волшебных сказок», вышедшем в Париже у Пьера Жана

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
Мариета в 1731 году. Старые библиографии утверждают, что впервые он был издан в 1718 году под названием «Новые волшебные сказки», но современные исследователи эту книгу не обнаружили. В сборнике указана дата выдачи «привилегии» на его опубликование – 31 июня (!) 1731 года, что несколько странно для переиздания. Возможным автором сказок (или, во всяком случае, некоторых из них) считают шевалье де Майи (ум. в 1724), крестника Людовика XIV и Анны Австрийской, боевого офицера, создателя многочисленных романов и трех сборников сказок. Так, в сказке «Попугаи» попадают фразы из его «Принцессы, увенчанной феями» (1697). Но весь сборник весьма разнороден и по стилю, и по жанру, и по источникам сюжетов. В нем три оригинальные литературные сказки: «Происхождение китайских болванчиков», «Летучий корабль», «Лощеный врач», четыре заимствованные: «Попугаи», «Альфинга, или Зеленая обезьяна» (переделка «Бездельушки» д'Онуа, 1697), «Кадур» (обработка в «восточном» стиле «Рике с хохолком» К. Бернар), «Цветущий терновник» (развитие сюжета «Феи-принцессы» Мюра, вошедшей в ее «Дневник») и три фольклорные: «Маленькая зеленая лягушка», «Принц Семицвет», «Алый, белый и черный». Они стилистически более шероховатые, простонародные, в них много традиционных мотивов и сюжетных ходов. Используя фольклорный сюжет № 425, анонимный автор «Принца Семицвета» придумывает пропавшему супругу уникальный облик – радугу. Обычно в фольклорных и литературных сказках он либо животное (лягушка, кошка, змея, птица, леопард, боров, обезьяна), либо чудовище («Красавица и Зверь»). Радуга, возникающая в сосуде с водой, напоминает кабалистические формы брака со стихийными духами – см. рассказ В. Ф. Одоевского «Сильфида» (1837).

118

Инверсия ситуации «Спящей красавицы».

119

«Маленькая зеленая лягушка» восходит к фольклорному сюжету № 550 («Поиск золотой птицы»).

120

Устойчивый мотив любви по портрету соединяется здесь с мотивом волшебного зеркала, действующего как современный телевизор. Подобные формы «электронного сватовства» начали использоваться и в наши дни.

121

Мотив золотой «жар-птицы» соединяется с мотивом «волшебного супруга» – «синей птицы», как в сказке д'Онуа (1697).

122

Франсуа-Мари Аруэ, писавший под псевдонимом Вольтер (1694–1778), стал символом эпохи Просвещения. Скромный буржуа, он был наперсником и советником королей. Французское правительство сажало его в Бастилию, отправляло в ссылку и поручало тайные дипломатические миссии. Философ-энциклопедист, историк, публицист, защитник невинно осужденных, властитель дум просвещенной Европы, он был авантюристом в душе, создал себе состояние финансовыми спекуляциями. Плодовитый писатель, он мечтал обрести бессмертие как эпический поэт («Генриада», 1723) или трагический («Эдип», 1718; «Заира», 1732; «Магомет», 1742, и др.) и считал бездельцами свои философские повести («Задиг», 1747; «Кандид», 1759, и др.), которые только и сохранились в памяти читателей. Его книги запрещались королевской и папской цензурой, приговаривались к сожжению и читались во всех европейских странах.

В России произведения Вольтера переводились с 1750-х годов.

123

Первое издание вышло без указания места и года и без ведома автора в конце 1763 года. В нем было немало ошибок, на которые Вольтер сетовал в письме (1.1.1764) к своему издателю Ги Дюшену, который вскоре опубликовал подлинный авторский текст. На титульном листе, правда, предусмотрительно значилось: «Везде, у французских книготорговцев, 1764». Читательский успех сказки был велик. Фавар и Вуазенон создали по ее мотивам 4-актную музыкальную комедию «Фея Уржела» (1765: композитор Дюни, балетмейстеры отец и сын Лаваль), впервые представленную придворной труппой перед их королевскими величествами 26 октября 1765 года. В 1906 году либретто балета-пантомимы «Что нравится дамам» опубликовал Луи-Анри Буралшион (под псевдонимом Л. Анри).

124

В отличие от современных французов (утром – первый завтрак, днем – второй, плотный завтрак, в 6–7 часов – обед и, редко, поздно вечером – ужин) французы XVIII века завтракали, обедали и ужинали приблизительно в то же время, что и мы. Первая традиция ориентирована на городского жителя, у которого фиксированный рабочий день, вторая – на крестьянина, занятого физическим трудом, подчиняющегося световому дню.

125

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
Подобный зачин, описывающий, как рассказывалась эта сказка, вводящий фигуру повествователя, довольно часто встречается в произведениях XVII–XVIII вв. Но Вольтер рисует скорее не светский салон, а сельские посиделки (в финале упоминается родовый замок).

126

Дагобер. – Дагобер I, король франков (629–639). В народных легендах рисуется как идеальный, мудрый правитель. Исторический Дагобер был не столь уж «добропорядочен» – так, он был троюбенцем.

127

Из святого Рима. – Оттуда возвращался и муж из сказки Лафонтена «Собачка, которая разбрасывала драгоценности». Издевательское соединение сакральной и любовной тем Вольтер подчеркивает вводом фигуры монаха, ворующего «испуганного буйством страсти» коня. Далее сходным образом описывается брачная ночь со старухой – «набожный», «благотворный полон рвенья», «призвавший Бога». В отличие от Лафонтена, Вольтер в эти годы последовательно осмеивает, разоблачает католическую религию, церковь.

128

Лютетия – древнее название Парижа, ставшего столицей при короле Хлодвиге (486).

129

Шарантон – предместье Парижа. Рядом – Венсенский лес.

130

Французские авторы трактатов о любви от трубадуров («Искусство пристойной любви» капеллана Андрея, 1180) до Стендаля («О любви», 1820), противопоставлявшие «высокую» страсть «низкой». не считали для дворянина зазорным насилловать крестьянок.

131

Берта – в средневековых сказаниях тип скромной, рассудительной королевы. Историческая Берта Большая Нога (ум. в 783) была супругой Пепина Короткого и матерью Карла Великого.

132

Вольтер пародирует куртуазные «суды любви», описанные в литературе XIII–XIV вв.

133

Поверье о танцах фей (эльфов, русалок) распространено по всей Европе.

134

Пленительнейших дев... старуха, скрюченная вдвое. – В литературных сказках страшная и прекрасная ипостаси фей чаще всего представлены двумя персонажами. Их объединение (как в сказках Вольтера и Казота) – явление достаточно редкое, нарушающее, пародирующее канон.

135

Прием сбывающегося богохульства или проклятия, встречающийся в фольклоре, широко использовался позднее в фантастической прозе романтиков.

136

Вольтер создает комедийный эффект, противопоставляя «Песне Песней» «Книгу Премудрости Соломона» и «Книгу притчей Соломоновых» («Что золотое кольцо у свињи, то женщина красивая и – безрассудная» – «Книга притчей», II, 22).

137

Рассказ Овидия об образцовых престарелых супругах использовал Лафонтен в стихотворной новелле «Филемон и Бавкида» (1685).

138

Пародийный ответ на призыв Ронсара («К Кассандре», 1553) сорвать цветок юности, не дожидаясь старости.

139

Хлодвиг – Хлодвиг I (ок. 466–521), король франков (481–521), под влиянием святого Ремигия (ок. 437 – ок. 530), епископа Реймского, принял католичество в 496 г. после победы над аллеманами. Как рассказывает, опираясь на народные легенды, Григорий Турский в «Истории франков» (579–592), Хлодвиг силой и хитростью погубил многих франкских королей (Зигиберта, Харариха, Рагнахара и др.) и присоединил их земли к своим.

140

Это требование, восходящее к Горацию, – неперемное правило классицистических поэтик.

141

В даре красноречия был главный секрет обаяния и самого Вольтера (правила «изысканной беседы» автор приводит чуть ниже). Подобный парадоксальный герой выведен в рассказе О. Генри «Среди текста» (1909).

142

Ванло – Ванлоо Карл (1705–1765) французский художник, придворный живописец Людовика XV.

143

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
Апеллес– древнегреческий художник (IV в. до н. э.), портретист, друг
Александра Македонского.

144

ЛемуанФрансуа (1688–1737) – французский художник и декоратор.

145

Пигаль– Пигаль Жан-Батист (1714–1785), французский скульптор, ученик
Лемуана.

146

Фидий– знаменитый афинский скульптор (ок. 490 – после 430 г. до н. э.).

147

Ургела –Уржела, добрая фея в народных преданиях, чье имя стало особенно
популярным после упоминавшейся выше музыкальной комедии Фавара. Она
появляется в балладах В. Гюго.

148

Сказка впервые была опубликована в составе сборника «Сказки Гийома Ваде»
(1764), куда вошли также рассказ «Жанно и Колен», семь стихотворных новелл
(в том числе – «Что нравится дамам») и несколько мелких произведений. В том
же году он был переиздан шесть раз. Псевдонимом «Гийом Ваде» Вольтер
подписывал некоторые памфлеты. Он воспользовался фамилией Жана Жозефа Ваде
(1720–1757), автора бурлескных поэм, комических опер и водевилей, грубых
«простонародных» рассказов (сб. «Шелушильницы», 1745, в соавторстве с
Келюсом; «Письма из лягушачьего болота», 1748), создавших традицию
повествования на арго.

149

См. примечания к «Тернинке» А. Гамильтона.

150

Зороастр (или Заратустра, Заратуштра) – пророк, реформатор древнеиранской
религии (VI в. до н. э.).

151

Парасанг –персидская мера длины, равная примерно 4,5 км.

152

Оракул ответил... –Обычное для литературных сказок парадоксальное
предсказание, под которое подгоняется волшебный сюжет.

153

Древнегреческий философ Платон (IV в. до н. э.) считал, что божественные
демоны надзирают дела человеческие; так же полагали Аристотель, Зенон,
Гермаклит. Представление о том, что за правым плечом стоит ангел-хранитель,
а за левым – чертик, сохранилось до наших дней (потому, рассыпав соль, мы
бросаем ее через левое плечо).

154

Та же развязка в сказке Вольтера «Кривой крючник» (1774, написана,
вероятно, в 1747). Волшебный мир для писателя – чистая условность,
литературная игра. Соотношение яви и снов подробно обсуждают и герои
«Нескромных сокровищ» Дидро.

155

Катрин Ваде –вымышленная издательница сборника «Сказки Гийома Ваде»,
поместившая в него творения двух своих братьев, Гийома и Антуана.
На русский язык сборник был впервые переведен Михаилом Поповым в 1771 г.
под названием «Вадины сказки».

156

Мадемуазель де Любер (ок. 1710 – ок. 1779), дочь председателя парламента,
по легенде отказалась выйти замуж, чтобы посвятить свою жизнь занятиям
изящной словесностью. Вольтер благосклонно отнесся к ее первым литературным
опытам, хвалил ее стихи, в частности «Послание о лени». Любер писала
повести («Галантная вечеринка», 1747; «Леонила», 1755), перевела с
испанского знаменитый рыцарский роман «Амадис Галльский» (1750) и его
продолжение «Подвиги Эспландиана» (1751). Наибольшую известность принесли
ей сказки: «Тесерион» (1737), «Принц Лед и принцесса Блестка» (1743),
«Принцесса Булавка» (1743), «Принцесса Роза и принц Селадон» (1743),
«Принцесса Лионетта и принц кукареку» (1743), «Принцесса Чувствительная и
принц Вихрь» (1743), «Беляночка» (1751). Сказочный жанр помогал
писательнице как нельзя лучше проявить свою богатую фантазию: изобретенные
ею чудеса настолько незаурядны, что становятся самодостаточными, подчиняют
себе действие. «Сколь комичным ни был бы сюжет, сколь экстравагантными –
чудеса, сказки приносят пользу тем, кого забавляют, – поскольку веселье –
благо, а скука – зло», – утверждала Любер в «Апологии волшебных сказок»
(предисловие ко второму, переработанному изданию «Тесериона» – «Сухой и
черный», 1743). На русский язык в 1780 году была переведена повесть «Мурат
и Туркия» (1752; приписывается также м-ль де Люссан).

157

Эта «история, переведенная с арабского господином Дегбакобубом» (как

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org значилось на титульном листе), впервые была опубликована в 1745 году (атрибуция сказки М.-Ж. Дюбокажу де Блевелю представляется сомнительной).

158

Не столь раблезиански огромный, но все же изрядно мешающий своему владельцу нос, на котором сидела целая стайка птичек, был у карлика Мигонне из «Белой Кошки» д'Онуа. Фаллическую символику носа позднее обыгрывали Л. Стерн и Н. В. Гоголь.

159

Современные медики разработали принцип проведения подобной операции.

160

Альманахи – дешевые календари для массового читателя, содержащие предсказания на будущий год, практические советы, наставления и пр., а с начала XVIII в. нередко объединявшие под своей обложкой сатирические произведения.

161

Матье Ленсберг – бельгийский математик и астролог (родился в конце XVI в.), знаменитый составитель календарей, соперник Мишеля Нострадамуса. Издаваемые в Льеже «Альманахи Матье Ленсберга» выходили с 1635 г. до середины XIX в.

162

«Маленькие подарочки» – ежегодник, выходивший с 1744 г.

163

«Советы дьявола» – наделавшее изрядного шума сочинение, опубликованное в 1737 г. Его автором считается аббат Пьер Кенель (1699–1774).

164

Последовательное обыгрывание фразеологизмов, предпринятое Любер, восходит к произведениям Рабле и Сервантеса (к пословицам Санчо Пансы – как указывает ниже сама писательница).

165

Пантагрюэлион – так Рабле называет коноплю («Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 3, гл. 49–52).

166

Из яйца вылупилась и Елена Прекрасная. Этот мотив нередко встречается и в других литературных сказках (у г-жи де Мюра, аббата Ж.-П. Биньона): тезис английского медика У. Гарвея, заложившего основы современной физиологии и эмбриологии, что все живые существа начинают свое развитие из яйца («Исследование о зарождении животных», 1651), в XVIII в. все еще вызывал споры во французском обществе, светские дамы обижались, что их уподобляют курам. В алхимии яйцо – символ атанара, химической печи, где изготавливается философский камень.

167

...всех тринадцати кантонов... – то есть Швейцарии.

168

Тот же прием использовал Э. Ионеско в «Лысой певичке» (1950; рассказ пожарника «Насморк»), пародируя, как и Любер, языковые стереотипы, которым подчиняется мышление людей.

169

Д. И. Фонвизин так описывал в 1778 г. «природный характер» французской нации: «Мыслят здесь мало, да и некогда, потому что говорят много и очень скоро. Обыкновенно отворяют рот, не зная еще, что сказать; а как затворить рот, не сказав ничего, было бы стыдно, то и говорят слова, которые машинально на язык попадают, не заботясь много, есть ли в них какой-нибудь смысл. Притом каждый имеет в запасе множество выученных наизусть фраз, правду сказать, весьма общих и ничего не значащих, которыми, однако, отделяется при всяком случае» («Записки первого путешествия»: «Письма из Франции»).

170

Принц Леденец проходит традиционный путь героя плутовского романа.

171

Азовское море.

172

Черное море.

173

В конце XVIII в. так же летал на утках барон Мюнхгаузен.

174

Сын шляпника, Дюкло (1704–1772) за свои научные и литературные труды был в 1755 году возведен во дворянство. Он был членом Академии Надписей (1738), непременным секретарем Французской Академии (1747), членом Берлинской академии (1752), придворным историографом. Он оставил исследования о друидах, о кельтском языке, о римском театре, ему приписывается авторство трактата о строительстве мостов и дорог. Он славился своей прямоотой и независимостью, не шел на сделки ради карьеры, энергично отстаивал права

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
литераторов. Научные занятия не мешали ему быть светским человеком: Дюкло пользовался репутацией «первого парижского остроумца», был всегда в салонах г-жи де Тансен и г-жи Жофрен, «Нескромной Академии» актрисы Кино, дружил с Келюсом и Кребийоном, участвовал вместе с ними в шуточных коллективных сборниках. Имели успех его романы «Исповедь графа де***» (1741) и «История госпожи де Люз, анекдот времен Генриха IV» (1741), книги афоризмов и моралистических наблюдений «Размышления о нравах нынешнего века» (1751) и «Заметки для истории нравов восемнадцатого столетия» (1751).
175

Сказка трижды была опубликована в 1744 году; послание к читателям было написано от лица Палисандра, в качестве места издания была указана страна Пустяковия. Поводом для ее создания послужило литературное пари, которое заключили в салоне Кино Келюс, Вуазенон и Дюкло. В 1741 году художник Франсуа Буше сделал иллюстрации для сказки «Фонияна, или Желтая инфанта», сочиненной шведским посланником графом Карлом Густавом Тессинем. Однако граф вскоре вынужден был уехать на родину (его назначили министром и воспитателем наследника престола), и художник показал гравюры своим приятелям по «Нескромной Академии». Келюс предложил литераторам сочинить новую сказку на уже готовые иллюстрации, где были изображены летающие руки, растущая на кусте голова, духи, вылетающие из ночного горшка, следящие за принцем и принцессой. Вариант Дюкло оказался лучшим и единственный был напечатан. Правда, годом раньше вышла в свет и сказка Тессина – естественно, с теми же гравюрами.
176

Гарпагона. – «Говорящее» имя феи образовано от Гарпагона, героя комедии Мольера «Скупой» (1668); в переводе с греческого оно означает «алчная». Кроме того, оно вызывает ассоциацию с хищными гарпиями.
177

На этом держится комедия Ж.-Б.-Л. Грессе «Злой» (1747), послужившая источником комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1822–1824).
178

Собирание их сделалось модным в конце XVII в. В приписываемой Майи сказке «Принц Перине» злой волшебник, превращавший людей в фарфоровую посуду, сам становится китайским «болванчиком».
179

Четыре брата Мартен, художники по лакам, работавшие в первой половине XVIII в., славились своим искусством.
180

Подобное «антивоспитание», портящее естественные склонности, хорошие природные качества, – характерный мотив романов того времени, а не сказок.
181

Авторы волшебных повестей отказываются от устойчивых мотивов сказок конца XVII в., делают их предметом литературной игры.
182

Подобные шуточные этиологии постоянно встречаются в литературных сказках.
183

Под именем феи Нинетты (как Кребийон в «Шумовке», 1734, под именем феи Мусташ) Дюкло изобразил Луизу де Бурбон, герцогиню дю Мэн (1676–1753), покровительницу литераторов (см. вступительную статью).
184

Рецепт все тот же, что и в «Рике с хохолком».
185

Дюкло обыгрывает название сказки Ж. Казота «1001 глупость» (1742). Для истории самосознания жанра крайне интересно это сближение сказок со «страшными» историями о призраках и привидениях, которые уже начали появляться в литературе XVII–XVIII вв., но получили широкое распространение начиная с «готического романа».
186

Как принято в галантных сказочных повестях, Дюкло высмеивает манеры, речи светских щеголей (петиметров) – именно ту социальную среду, которая и породила этот жанр.
187

В описании «естественного» поведения героев можно увидеть своеобразный «руссоизм до Руссо», но думается, что этот мотив восходит к роману Лонга «Дафнис и Хлоя» (II–III вв. до н. э.)
188

Дюша. – Хозяйка парижской модной лавки, расположенной неподалеку от Оперы.
189

Для демонстрации и распространения новых моделей в XVIII в. использовали кукол.
190

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
Дюкло превращает устойчивый мифологический мотив (см. сказку Ла Форс «Волшебник») в шутовское галантное испытание (как это сделал позже Дидро в «Нескромных сокровищах»).

191

Традиции аллегорического изображения волшебной страны соединяются с каламбурной «реализацией» фразеологизмов (в «Нескромных сокровищах» рисуется страна Гипотез, страна Литературы; люди сокращаются до одной-единственной части тела, выражающей их сущность).

192

...порхающие в воздухе руки – этот мотив встречался в «Белой Кошке» д'Онуа.

193

Как и другие авторы, Дюкло включает в сказку краткий конспект романа-списка любовных побед героя.

194

Противопоставление «аристократического» ума (остроумия) «буржуазному» здравому смыслу – общее место прозы рококо. «Чрез слово «разум», по большей части, понимают они одно качество, а именно остроту его, не требуя отнюдь, чтоб она управляема была здравым смыслом... Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни...» (Д. И. Фонвизин, «Записки первого путешествия», 1778).

195

Анн Клод Филипп де Тюбьер де Гримоар де Петель де Леви граф де Келюс (1692–1765) был воспитан матерью, известной светской красавицей, племянницей госпожи де Ментенон. Возможно, он помогал ей писать ее язвительные мемуары, которые в 1770 году опубликовал Вольтер. Юношей Келюс ушел на войну, стал отважным блестящим офицером. Он много путешествовал, объездил Италию, Испанию, Англию, Голландию, страны Востока. Археолог и искусствовед, он оставил множество трудов по истории живописи, был членом Академии Изящных Искусств (1731) и Академии Надписей (1742). Он и сам пробовал свои силы как художник, брал уроки у Ватто, иллюстрировал книги друзей. Энциклопедисты не любили его, считая (напрасно) дилетантом: он отвечал им взаимностью.

Светский человек, бонвиван, Келюс покровительствовал актрисе кино и ее «Нескромной Академии», участвовал во всех коллективных сборниках рассказов, выпускавшихся развеселыми сотрапезниками. Он сочинил немало шутовских стихов, грубоватых комедий, легкомысленных новелл и волшебных сказок, издал книгу рассказов в простонародной манере «История кучера Гийома» (1737), перевел роман каталанского писателя Д. Мартореля (XV в.) «История храброго рыцаря Тиранта Белого». Показательно, что творчество «сказочников», использовавших сюжеты рыцарских романов (Л. Оней, Ла Форс, Л. де Майи), переводивших их, подготовило тот интерес к древнему жанру, который возник в предромантической и романтической культуре.

Составляя свои сборники, Келюс контрастно объединял разножанровые произведения, использующие сквозную тему («Попурри», 1748), обыгрывающие все возможные значения вынесенного в заглавие слова («Плащи», 1746).

В XVIII веке в России переводились «Истории Вильгельма, извозчика парижского» (1785), «Новые восточные сказки» (1789), «Верный Колоандр» (1789).

196

Сказка впервые была опубликована в сборнике «Паршивый волк и юная Старуха, сочинение г-жи де В***» (1744) – неизвестный издатель, вероятно, решил использовать для привлечения публики популярность сказок госпожи де Вильнев, написавшей «Красавицу и Зверя» (1740). Келюс в ответ выпустил в том же году сборник «Пять сказок, три из которых изданы впервые, а две – в третий раз», где в предисловии защищал свои права на «бедного волка, которого решили у меня украсть».

197

Отражение споров, разгоревшихся в светском обществе в середине XVII в. (см. сказку Ж.-Ж. Руссо «Королева Причудница»).

198

Фея Бурьяница проповедует мальтузианство еще до рождения экономиста Т.-Р. Мальтуса (1766–1834).

199

В литературных сказках Россия появляется наравне с другими «экзотическими» восточными странами. Для французов XVII–XVIII вв. это край холода, вечного снега, где хозяйничают волки да медведи.

200

Сын провинциального секретаря суда, Жак Казот (1720–1792) в 20 лет приехал в столицу и поступил на службу в Морское министерство. Он приобрел знакомства в литературных кругах, начал писать стихи, шутовские сказочные повести в духе Кребийона («Кошачья лапа», 1741; «1001 глупость», 1742). В

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де ла Круа filosoff.org
1747 году он был направлен государственным контролером на остров Мартинику, где пробыл 14 лет, обзавелся семьей. Однажды он (как позднее Простодушный у Вольтера) сумел отразить попытку англичан напасть на эту французскую колонию. Сколотив состояние на чужбине, но подорвав здоровье, Казот возвратился на родину и вновь начал писать – быстро, легко. Либретто комической оперы «Сабо» (1768) он сочинил за одну ночь. Он выпустил рыцарскую поэму в прозе «Оливье» (1762), руссоистский роман «Лорд экспромтом» (1767), повести «Рахиль, или Прекрасная иудейка», «Потерянная и восстановленная честь» и главное свое произведение – роман «Влюбленный дьявол» (1772). В нем ярко проявилась склонность Казота к мистицизму, интерес к оккультным наукам (он был масоном, членом тайного общества мартинистов). Впервые сюжет о любви человека и потустороннего существа получил не галантную, не комическую, а трагическую, романтическую трактовку. В конце жизни, в 1788–1789 годах, Казот издал «Продолжение «1001 ночи» (4 тома) – часть сказок для него перевел священник Дени Шавис, часть он придумал сам (в том числе – «Историю мага Мограби», «страшный» рассказ о чародее, слуге дьявола). По легенде, писатель сам предсказал свою смерть – он был гильотинирован по приговору революционного трибунала.

В России произведения Казота переводились с 1780-х годов, но известность пришла к нему позже, уже в XIX веке.

201

Сказка впервые была опубликована в 1776 году в «Шутливых и нравоучительных произведениях Казота» (дата написания неизвестна). Раблезиански грубое высмеивание наивной веры в сказки, разоблачение чудес ведется не с рационалистических, а мистических позиций. Сами феи убеждают их незадачливого поклонника отказаться от мысли о браке с неземным созданием, возвращают его с помощью волшебства в мир реальности, к предначертанной ему судьбе.

202

Астракан. – Астрахань нередко появляется в волшебных сказках в ряду других «восточных» городов. Разумеется, география эта почти всегда условная.

203

Отсылка к сказке д'Онуа.

204

Манто – см. коммент. к сказке Лафонтена «Собачка, которая разбрасывала драгоценности».

205

Урганда – фея, покровительница странствующих рыцарей. Являлась в облике отвратительной старушонки.

206

Пендрагон – герой средневековых сказаний и рыцарских романов, в некоторых версиях – отец короля Артура.

207

Весь эпизод построен на манер истории о том, как Панург положил на обе лопатки англичанина, диспутировавшего знаками (Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. 2, гл. 19–20).

208

Сходную аргументацию использует и фея Уржела у Вольтера.

209

Джиннистан – страна джиннов в восточных сказках. Во французских литературных сказках – волшебный край, царство фей.

210

В восьмой новелле из сборника Франсуа де Россе «Трагические истории нашего времени» (1614) – вероятно, первой во французской литературе разработке сюжета о любовной связи с дьяволом в женском обличье – герой обнаруживает на месте красавицы разложившийся труп.

211

Писатель и философ Жан-Жак Руссо (1712–1778) был одним из вождей французского Просвещения. Выход в свет с небольшим перерывом самых знаменитых его произведений – романов «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), «Эмиль, или О воспитании» (1762), трактата «Об общественном договоре» (1762) – прославил его имя во всей Европе. Беспощадная в своей откровенности «Исповедь» (1766–1769) осветила тайники человеческой души. Как писал А. Моруа. «Руссо покорила Париж как просвещенный гражданин, друг добродетели, противник мнимых удовольствий, враг цивилизации. Но, порицая театр, Руссо в то же время поставил оперу при дворе; гордый республиканец, он получил от мадам де Помпадур пятьдесят луидоров; апостол освещенной браком любви вступил в связь с девицей, соблазнив ее совсем юной; и, наконец, будучи автором знаменитого трактата о воспитании, он поместил всех своих детей в приют для подкидышей или, во всяком случае, похвалялся этим».

Руссо Жан-Жак Франсуа Пети де Ла Круа filosoff.org
В России произведения Руссо переводились с 1760-х годов.

212

Сказка впервые была опубликована в 1758 году без ведома автора. Анонимный издатель снабдил ее подзаголовком «сказка какуакская» и разъяснил, что печатает ее для того, чтобы вывести на чистую воду какуаков-лжефилософов, пытающихся сбить человечество с пути истинного, похоронить законы, нравственность и религию. Столь страстное обличение просветительской философии (для которого, скажем прямо, сказка особых поводов не давала) увидело свет именно в тот период, когда отношения Руссо и энциклопедистов вконец испортились.

Написана «Королева Причудница» была в 1754 году, когда Дюкло ввел Руссо в салон актрисы Кино. Поводом для ее создания послужило пари – как некогда Гамильтон и Дюкло, Руссо решил спародировать жанр: обязался сочинить сказку «не слишком скучную и даже забавную, без интриги, без любви, без свадьбы и без непристойностей». Писатель заменил галантность иронической дидактикой (в те же годы появились многотомные сочинения Лепренс де Бомон, где сказки были перемешаны с наставлениями), но избранный им путь оказался тупиковым: сказка должна быть сюжетной.

213

Друид – жрец в древней Галлии; в повестях эпохи Просвещения под этим именем часто выводили католических священников.

214

Руссо иронически соединяет посредственного писателя Пьера д'Ортига де Воморьера (1610–1693), сочинителя различных руководств, с величайшим оратором древности Демосфеном (384–322 гг. до н. э.).

215

Само обсуждение способов заинтриговать читателя и отказ от них производят нужный эффект.

216

См. коммент. к сказке Любер «Принцесса Скорлупка».

217

Муфтий – богослов и правовед, представитель высшего духовенства у мусульман.

218

...к вящей славе божией – ключевая формула иезуитов, оправдывающая применение любых средств для достижения благой цели.

219

Вожиар – в XVIII в. предместье Парижа, ныне – в черте города.

220

Шах Баган – герой сказочного романа Кребийона «Софа» (1741), тип глупого султана, пытающегося комментировать повествование и вечно попадающего впросак. Его роль, против воли, друиду приходится играть.

221

...«Мадрид» в Булонском лесу – замок под Парижем (разрушен в 1792), построенный Франциском I в память о годах, проведенных в Мадриде в плену у испанского короля и германского императора Карла V (1525–1527).

222

Макиавелли – трактат Никколо Макиавелли «Государь» (1513) был настольной книгой политических деятелей XVI–XVIII вв., служил предметом постоянной полемики. Руссо и Дидро высоко ценили его, Вольтер критиковал, прусский король Фридрих II написал трактат «Анти-Макиавелли» (1741).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!